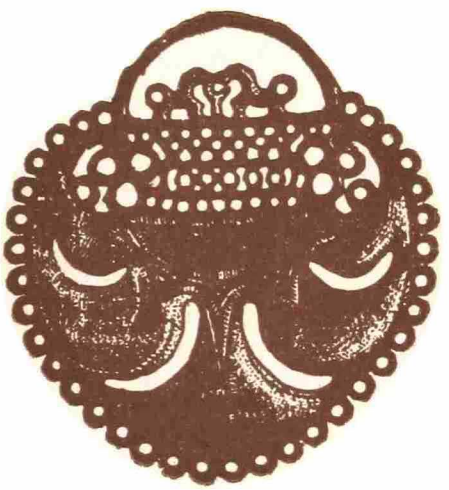
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1987 4

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в 1957 году

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)
И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора), **А. А. Формозов, В. П. Шилов**

СОДЕРЖАНИЕ

Массон В. М. (Ленинград). Достижения и перспективы советской археологической науки 5
Амирханов Х. А. (Москва). К характеристике ашеля Южной Аравии 11
Зиньковский К. В., Петренко В. Г. (Одесса). Погребения с охрой в усатовских могильниках 24
Смирнов К. А. (Москва). Геродот о населении Волго-Окского междуречья 40
Переводчикова Е. В. (Москва). Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья 44
Абрамова М. П. (Москва). Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху 59
Пугаченкова Г. А., Беляева Т. В. (Ташкент, Ленинград). К стратиграфии Кумышкент-тепе 74
Воронов А. А., Паромов Я. М. (Москва). Локализация средневекового города Темрюка 87
Гуркин С. В. (Ростов-на-Дону). Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону 100
Панова Т. Д. (Москва). Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля 110

Публикации

Грехова Л. В. (Москва). Кремневый комплекс стоянки Елисеевичи 123
Журавлев А. П. (Петрозаводск). Пегрема I 140
Черняков И. Т., Новицкий Е. Ю. (Одесса). Погребение раннежелезного века с деревянными конструкциями 151

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1987 г.

Шепко Л. Г. (Донецк). Позднесарматские курганы в Северном Приазовье . . 158
Обломский А. М., Смирнов А. С., Сорокин А. Н. (Москва). Материалы I тысячелетия н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.) 174
Каминский В. Н. (Краснодар). Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани 187
Перхавко В. Б. (Москва). Находки энколпионов на территории Югославии . . 206
Тункина И. В. (Ленинград). Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена 220

Заметки

Сорокин А. Н., Фролов А. С. (Москва). Мезолитическая стоянка Пёнёшки . . 228
Мыськов Е. П. (Волгоград). Новые полтавкинские памятники Нижнего Поволжья 234
Чеботаренко Г. Ф., Щербакова Т. А., Щукин М. Б. (Кишинев, Ленинград). Два предмета римской эпохи из Молдавии 242
Зубарь В. М., Кубышев А. И. (Киев). Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья 248
Гайдуков П. Г. (Москва). Новгородские пулы «князя великого» 253
Беспалый Е. И., Ларенок П. А. (Азов). Средневековое погребение в кургане у города Азова 260
Казакявичюс В. (Вильнюс). Находка двупластинчатой фибулы в Литве . . . 264
Макаров Н. А. (Москва). Меч из Кемского некрополя 266

Критика и библиография

Анисюткин Н. К. (Ленинград). *Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку, 1983 271
Андреева М. В. (Москва). *Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983 273
Сердитых З. В., Валиев А. (Москва). Ирригация и население Восточной Бактрии (обзор публикаций по итогам исследований 1974—1979 гг.) 283
Согомонов А. Ю. (Владимир). *Stuky R. A.* Ras Shamra-Leukos Limen: Die nachugaritische Siedlung von Ras Shamra. P., 1983 291
Березкин Ю. Е. (Ленинград). *Kutscher G.* Nordperuanische Gefässmalereien des Moche-Stils (MAVA. B. 18). München, 1983 295

Хроника

Выжарова Ж. Н. (София, НРБ). Славяне к югу от Дуная. Доклад на симпозиуме Комиссии историков СССР и НРБ 29 ноября 1983 г. 298
Козенкова В. И. (Москва). XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа 308
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1987 год 316

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1987 4

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Masson V. M. (Leningrad). Results and Prospects of Soviet Archaeology . . . 5
Amirkhanov Kh. A. (Moscow). The Acheulian of Southern Arabia 11
Zinkovsky K. V., Petrenko V. G. (Odessa). Burials with Traces of Ochre in Usatovo Burial Grounds 24
Smirnov K. A. (Moscow). Herodotus on the Population of the Volga-Oka Interfluve 40
Perevodchikova E. B. (Moscow). On the Local Features of the Scythian Animal Style in the Kuban Basin 44
Abramova M. P. (Moscow). Some Specific Features of the Culture of the Daghestan Population During the Albano-Sarmatian Period 59
Pugachenkova G. A., Belyaeva T. V. (Tashkent, Leningrad). Stratigraphy of Kumyshkent-Tepe 74
Voronov A. A., Paromov Y. M. (Moscow). On the Localisation of the Mediaeval Town of Temryuk 87
Gurkin S. V. (Rostov-on-Don). Cuman Sanctuaries with Wooden Idols in the Lower Don 100
Panova T. D. (Moscow). Mediaeval Burials in the Archangel Church in the Moscow Kremlin 110

Publications

Grekhova L. V. (Moscow). The Flint Complex of the Camp of Eliseyevichi . . . 123
Zhuravlev A. P. (Petrozavodsk). The Pegrema I Settlement 140
Chernyakov I. T., Novitsky E. Y. (Odessa). An Early Iron Age Burial with Wooden Structures 151
Shepko L. G. (Donetsk). The Late Sarmatian Mounds in the Northern Azov Area 158
Oblomsky A. M., Smirnov A. S., Sorokin A. N. (Moscow). Materials of the First Millennium A. D. from the Settlement of Shosseinoe (Belgorod Region) . . 174
Kaminsky V. N. (Krasnodar). An Alan-Bulgarian Burial Ground at the Starokorsunskaya Village in the Kuban Basin 187
Perkhavko V. B. (Moscow). Old Russian Encolpia in Yugoslavia 206
Tunkina I. V. (Leningrad). Notes by Archaeologists in the Album Belonging to P. I. Keppen 220

Notes

Sorokin A. N., Frolov A. S. (Moscow). The Mesolithic Camp Peneshki 228
Myskov E. P. (Volgograd). New Poltavkino Sites in the Lower Volga 234
Chebotarenko G. F., Shcherbakova T. A., Shchukin M. B. (Kishinev, Leningrad). Two Roman Objects from Moldavia 242
Zubar V. M., Kubyshev A. I. (Kiev). The Burial Complex of the Turn of the New Era from the Lower Dnieper Basin 248

Gaidukov P. G. (Moscow). Novgorodian Puls of the «Grand Prince» 253
Bespaly E. I., Larenok P. A. (Azov). A Mediaeval Burial in a Mound at Azov . . 260
Kazakyavičius V. (Vilnius). A Find of a Double-Blade Fubula in Lithuania . . . 264
Makarov N. A. (Moscow). A Sword from the Kem Necropolis 266

Book Reviews

Anisyutkin N. K. (Leningrad). *Jafarov A. K.* The Mousterian Culture of Azerbaijan (the Taglar Cave). Baku, 1983 271
Andreyeva M. V. (Moscow). *Kavtaradze G. L.* On the Chronology of the Georgian Eneolithic and Bronze Ages. Tbilisi, 1983 273
Serditykh Z. V., Valiev A. (Moscow). Irrigation and Population of the Eastern Bactria (Review of Summarising Publications of the 1974-1979 Studies) . . 283
Sogomonov A. Y. (Vladimir). *Stuky R. A.* Ras Shamra-Leukos Limen: Die nachugaritische Siedlung von Ras Shamra. Paris, 1983 291
Berezkin Y. E. (Leningrad). *Kutscher G.* Nordperuanische Gefässmalereien des Moche-Stils (MAVA.R.18). München, 1983 295

Chronicle

Vyzharova Z. N. (Sofia, Bulgaria). The Slaves to the South of the Danube. Paper Presented at the Symposium of the Commission of Historians of the USSR and PRB. November 29, 1983 298
Kozenkova V. I. (Moscow). The 14th Krupnov Readings on the North Caucasian Archaeology 308
Contents of Soviet Archaeology for 1987 316

1917 1987

В. М. МАССОН

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Пройдя долгий путь развития, советская археология приходит к славному юбилею страны Советов — 70-летию Октябрьской социалистической революции — с выдающимися достижениями, получившими заслуженное международное признание, с ясностью перспектив, намеченных для всей страны XXVII съездом КПСС. Если до революции археология существовала в России на правах во многом вспомогательной дисциплины, то уже с первых лет Советской власти она обрела новые организационные формы и стала полноправной наукой [1, с. 577, 578]. Это был качественно новый рубеж в целом ряде аспектов.

Археология, как наука, изучающая отдаленное прошлое всего человечества и опирающаяся не на субъективные (по своей природе) нарративные источники, а на подлинные остатки древней жизни, была использована, как известно, классиками марксизма при построении новой философской системы.

Важность археологии, как неотъемлемой части исторической науки, подтверждена В. И. Лениным, подписавшим в самый разгар гражданской войны и борьбы с интервенцией в «незабываемый 1919 год» декрет о создании в РСФСР Академии истории материальной культуры (РАИМК), изучавшей археологию и историю техники[1].

Возникновение и формирование советской археологии означало прежде всего появление в мировой археологии принципиально нового направления, которое последовательно, в теоретических предпосылках и методических разработках, рассматривало археологию как неотъемлемую часть исторических наук, базирующихся на принципах марксистско-ленинской философии, на прочном фундаменте учения исторического материализма. Исходные теоретические позиции молодой советской археологии, энергично сформулированные археологами Москвы и Ленинграда в конце 20-х — начале 30-х годов, имеют непреходящее, принципиальное значение. Не случайно многие из них можно угадать 30 лет спустя под современной терминологией процедуры научных построений в так называемой новой археологии США, иногда даже объявлявшейся «революцией в археологии». Рассматривая археологию как историческую дисциплину, советские исследователи стремились изучать массовый материал, а не только предметы роскоши, исследовать функции вещей, а не только типологические ряды, ставили задачу комплексного, всестороннего изучения памятников уже на уровне полевых изысканий. Другим исходным, базовым положением был тезис о закономерном, поступательном характере исторического процесса, о причинной связи культуры с базисом, общественного строя с производительными силами. Это открывало широчайшие перспективы исторических реконструкций на материалах археологии, хотя порой эти реконструкции осуществлялись с излишней прямолинейностью, без учета сложной системы прямых и обратных связей. Наконец, признание производительных сил и производственных отношений как движущих сил исторического процесса нашло выражение в уделении особого внимания экономике и общественным отношениям древних обществ, в изучении истории техники, особенно орудий труда. В методическом отношении этот

[1] Декреты Советской власти. Т. V. М.: Политиздат, 1971. С. 448, 449.

тезис нашел воплощение в организации комплексных раскопок поселений как памятников, отражающих социальное состояние и хозяйственную систему оставивших их обществ.

Советские археологи расширили сферу археологического познания, выведя археологию далеко за пределы истории первобытного общества. Археологическое изучение античных и средневековых городов внесло много нового в историческую науку в целом.

Кардинальные изменения произошли и на организационном уровне. Наряду с качественными изменениями в центральных археологических учреждениях, где была создана специальная Государственная академия истории материальной культуры, в соответствии с целенаправленной политикой коммунистической партии происходило активное развитие археологической науки на местах, головные учреждения готовили кадры квалифицированных археологов для союзных республик. В результате в СССР сложилась разветвленная полицентрическая система археологических учреждений со своими инфраструктурными связями, традициями и региональными научными школами и с головным Институтом археологии АН СССР [2]. Сейчас во всех республиканских академиях наук существуют и активно работают, хотя и в разном организационном оформлении, местные археологические центры, важными очагами археологической деятельности стали многие университеты и научно-исследовательские институты. Подготовка и издание итоговых работ по археологии отдельных республик, выходящих иногда, как это имеет место в Украинской ССР, вторым изданием,— наглядное свидетельство их успешной работы.

Специфическую черту советской археологии составили археологические работы на новостройках. Правовой основой их проведения является положение об исключительной государственной собственности на землю и соответствующие меры по охране и эффективному использованию земли и ее недр. В отношении памятников прошлого культуры эту функцию осуществляет археология как составная часть науки социалистического государства. Принятый в 1976 г. закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [2] обеспечил широкое развитие соответствующей экспедиционной деятельности. Концентрация исследований в зонах крупных новостроек позволяет резко увеличить информационный банк, способствующий развитию фундаментальных разработок по истории и культуре. В результате в цикле фундаментальные исследования→прикладные исследования→практика происходит возвратное движение, отражая одну из особенностей современной науки, для которой производство является широчайшей экспериментальной базой. С выходом на практику культурного строительства связаны многочисленные мероприятия, направленные на охрану и пропаганду археологических памятников как составной части культурного наследия, в частности создание многочисленных историко-архитектурных и археологических заповедников.

В результате целой серии подобных целенаправленных действий в геометрической прогрессии возрос огромный фонд археологических материалов как бесценного источника исторической информации. Это увеличение было не только количественным, но и качественным, чему во многом способствовало все расширяющееся применение методов естественных и технических наук. Открытия советских исследователей в немалой степени способствовали превращению археологии XX в. в подлинно мировую археологию, изучающую все без исключения уголки земного шара. Эти достижения находят достойное отражение в издаваемой в настоящее время Институтом археологии АН СССР 20-томной «Археологии СССР» как итогового обобщающего труда, образующего добротную источниковедческую базу изучения древней и средневековой истории всех народов многонационального Советского Союза.

«Археология СССР» — профессиональное, научное издание, суммирующее огромный материал, накопленный в музеях нашей страны за

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. Ст. 628.

XIX и XX вв. Приведенный в строгую единую систему, этот материал может дать основу для большого количества сквозных, хронологически широких тем, как, например: «История земледелия», «История городов», «История военной техники», «История первобытных верований» и т. п. Исторические итоговые разделы каждого тома могут послужить основой для написания древнейшей истории всех народов Советского Союза, что особенно важно для так называемых бесписьменных народов, получивших письменность лишь после Октября.

Четкая методологическая ориентированность, огромные практические успехи в открытии, описании и интерпретации древних культур и цивилизаций обеспечили советской археологии высокий международный престиж. Разработки советских археологов оказали прямо или косвенно заметное воздействие на мировую археологию. Это хорошо видно на примере одного из крупнейших археологов XX в. Гордона Чайлда. Можно без преувеличения сказать, что именно труды Г. Чайлда в первую очередь способствовали распространению в мировой археологии сознательного или стихийного материалистического понимания истории, обращению особого внимания к древним экономическим системам. Характерно всемерное признание метода трасологического анализа древних орудий труда, разработанного С. А. Семеновым, книга которого к настоящему времени выдержала девять изданий в переводах на различные европейские и неевропейские языки. Весьма показательно, что в 1979 г. в США был опубликован сборник исследований по трасологическому анализу каменных индустрий, на титульном листе которого значится: «Посвящается Карлу Марксу, пионеру в науке и технологии, Сергею Семенову, пионеру трасологического анализа, Франсуа Борду и Дону Краптри, пионерам анализа технологии каменных индустрий». Следует подчеркнуть, что именно такое концепциональное воздействие, конкретное, на живых примерах, а не в виде установочных фраз и лозунгов, является особенно результативным и долговечным.

В послевоенные годы советская археология все более тесным и непосредственным образом включается в практическое изучение древностей за пределами нашей страны. Так, советские экспедиции, работы советских археологов в Монголии, Ираке, Болгарии, Венгрии, Кубе и Йемене в немалой степени способствовали изучению прошлого этих стран, продвинули анализ общих закономерностей культурно-исторического развития. Действующие в последнее десятилетие двусторонние программы сотрудничества с археологами капиталистических и развивающихся стран — США, Франции, Индии, Финляндии — позволили наладить практические деловые контакты в сфере международного научного сотрудничества, способствовали успешной совместной разработке ряда важных проблем древней истории. Развитие результативного, творческого международного научного сотрудничества имеет и большое общественно-политическое значение. Как отмечает профессор К. К. Ламберг-Карловски, глава американской делегации на II советско-американском симпозиуме, состоявшемся в 1983 г. в Самарканде: «Мы много узнали друг о друге, что неизмеримо дополнило наше взаимное понимание тех процессов, которые характеризовали развитие древневосточного общества... Это поездка способствовала не только важному научному обмену. Она позволит служить основанием для объединения и стремления наших народов к дружбе и миру во всем мире» [3, с. 4].

Вместе с тем, подводя итоги огромной проделанной работы и радуясь заслуженным успехам, следует отчетливо осознавать и оценивать не только эти достижения, но и недостатки и сложности, возникающие при движении по магистральному пути развития советской науки. Именно такой подход отвечает духу перестройки, которую переживает наша страна, целям и задачам, поставленным XXVII съездом КПСС. Как отмечает М. С. Горбачев, эпоха научно-технической революции связана для общества социализма «с совершенствованием общественных отношений, перестройкой мышления, утверждением динамизма как образа жизни, нормы бытия» [4, с. 10]. Накопились немалые трудности, связанные с необходи-

мостью дальнейшего совершенствования во всех сферах от методики полевых работ до охраны памятников культуры и их адекватного использования в практике культурного строительства. Определенные негативные явления возникли и в самой археологической науке, где они в первую очередь связаны с идущим семимильными шагами процессом дифференциации знаний. Естественный и объективный сам по себе, этот процесс, если он должным образом не координируется, ведет к ослаблению теоретических разработок, к изоляции от мировых стандартов, к простому накоплению материалов. Задача Академии наук СССР как штаба науки, ее головного института, республиканских академий наук должным образом направлять и совершенствовать развитие археологической науки.

Первый и важнейший аспект здесь — это развитие методологических и теоретических разработок, поскольку именно с дифференциацией знаний возрастает интегрирующая функция исторического материализма. Существенно и то обстоятельство, что в археологии происходит своего рода смещение сферы идеологической конфронтации из области упрощенно расистских или националистических построений в область теории и методологии, где археологи США и Западной Европы базируются в значительной мере на неопозитивистских и постпозитивистских философских концепциях. Правда, значительная группа археологов США в последнее десятилетие уделяет большое внимание формулировкам общих социокультурных концепций. Но они скорее накладываются на материал, что прямо из него вытекают, что лишь в незначительной мере камуфлируется использованием, иногда несколько поспешным, счетно-вычислительной техники. Во французской школе группа ученых возлагает надежды на уточненную разработку понятийной сетки археологии, на упорядочение соотношений между основными категориями понятийного аппарата, в основном на основе логистического структурализма. Прямолинейные нападки на марксизм все чаще заменяются признанием его положений как одного из возможных объяснений в плюралистическом подходе. В этих условиях стратегия теоретических усилий советских археологов должна быть ориентирована на творческое соединение достижений творчески разрабатываемой марксистско-ленинской философии и современных процедур научного анализа как прикладного метода в научном познании. Поэтому первостепенное значение имеет использование методологических принципов исторического и диалектического материализма, адекватное употребление категориального аппарата. Особенно важна высокая культура методологического исследования, не имеющая ничего общего ни с повторением замшелой обоймы повторяющихся цитат, ни с терминотворчеством, модным на которое с использованием русской транскрипции англоязычных терминов порой подменяет подлинно научный анализ. Недостатком некоторых теоретических работ является их предельно абстрактный характер, оторванный от реалий археологической науки.

Главной формой контрпропаганды и борьбы с буржуазно-клерикальной фальсификацией должна быть не столько критика концепции в общей форме, сколько анализ их источниковедческой базы и противопоставление им марксистско-ленинских конструкций, основанных на безупречном источниковедческом изучении.

Как организационные формы, обеспечивающие успех перестройки, особенно важны кооперация и координация, позволяющие сконцентрировать усилия на узловых проблемах фундаментальных разработок.

Координация в области археологии не должна ограничиваться только взаимной информацией ученых о проделанной работе. Необходимо в масштабе всей страны координировать научные силы, распределить научную тематику, создавать единый план полевых и исторических исследований.

Очень важным разделом научно-организационных дел является установление постоянных контактов с учеными смежных гуманитарных специальностей: историками, этнографами, лингвистами и др. Плодотворной формой являются дискуссии по широким, многогранным проблемам.

Наш журнал должен шире освещать дискуссии, ведущиеся в разных центрах страны и организовывать их.

Весьма ответственным направлением является совершенствование методики полевых исследований, фиксации и полноценной документации раскопочных работ. Институт археологии АН СССР в последние годы предпринял ряд усилий по улучшению качества полевых работ, разработаны новые инструкции и положения, где определены многие вопросы, в частности возможности и условия использования землеройной техники. В триединой цепи научного исследования опыт (эксперимент) — описание — объяснение полевой работы археологов составляют исходный фактический фундамент эксперимента, с которого начинается все исследование в целом. При этом в отличие от историков, исследующих нарративные источники, археолог в процессе раскопок фактически разрушает объект исследования, нарушает связи между предметами. При недостаточной тщательности методики и документации в руках исследователя остается сам предмет как таковой, который без труда мог быть добыт любым колхозником или бульдозеристом.

Необходимо вновь вернуться к вопросам научно-технического прогресса в археологии. Успехи 50-х годов, когда были созданы специальные лаборатории в Москве и Ленинграде, а затем и в ряде других центров, уже не могут нас удовлетворить. По существу в широкую практику вошли лишь количественный анализ металлических предметов и определение возраста органических образцов методом радиоуглеродного датирования, который также может быть усовершенствован. Из многих поисковых разработок по использованию новых методов в археологии необходимо выбрать перспективные направления и внедрить их в практику, обеспечив соответствующей современной аппаратурой. Пока же, например, ограничено использование даже такого сравнительно простого приема, как флотация культурного слоя, что ведет к потере существенной информации по древней флоре, а частично и фауне.

Наконец, в наши дни резко возрастает мировоззренческая, политико-воспитательная функция общественных наук. Использование в этой области шаблонных трафаретов, унылых описаний наделало немало вреда. Как раз археология располагает огромными возможностями показа реального процесса исторического развития на конкретных, вещественных материалах, убедительно отражающих и экономическую доминанту, и классовую дифференциацию, и формационные изменения. Исторические знания играют огромную роль в воспитании высокой культуры, в овладении культурным наследием как неотъемлемой части культурного развития вообще. Памятники культуры должны шире использоваться для формирования художественно-эстетических взглядов, для развития чувства патриотизма, для воспитания интернационального подхода к пониманию процесса мировой истории как сложного потока взаимодействия и взаимовлияния культур разных народов. Это тем более существенно, что в трактовке культурного наследия, в том числе и археологических памятников, имеют место передержки, потенциально несущие возможности возникновения конфликтных ситуаций. Последовательное использование теоретических позиций исторического материализма, концепций о этносоциальных организмах как явлениях, претерпевающих качественные временные, в первую очередь формационные изменения, ленинского учения о двух культурах в народной культуре являются надежным заслоном против возможных перекосов и искажений. Наоборот, слабость методологических разработок может привести, а кое-где уже привела к идеологическим ошибкам и упущениям. Как отмечал М. С. Горбачев, необходимы «особая чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальной политики, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей, и в то же время — принципиальная борьба против проявлений национальной ограниченности и кичливости, против национализма и шовинизма, в какие бы одежды они ни рядились» [4, с. 54]. Перестройка должна коснуться и нашего журнала «Советская археология». Необходимы не только отдельные статьи, но и широкие годичные —

двухгодичные обзоры типа «Новое в теоретических разработках советских археологов»; подобные обзоры нужны и для рассмотрения зарубежной археологии. Наряду с публикацией «подарков судьбы» — интересных находок, журнал должен информировать о новых исторических осмыслениях, гипотезах, о «подарках мысли».

Высокие традиции советской археологической науки, накопленный ею опыт, надежный кадровый потенциал являются залогом успешного развития задач, стоящих перед советскими обществоведами и перед археологами в частности. Достижения, с которыми советская археология приходит к 70-летию Великого Октября,— прочный фундамент дальнейшего прогрессивного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Археология // Октябрь и научный прогресс. Кн. 2-я М., 1967.
2. Институту археологии 60 лет // КСИА. 1980. Вып. 163.
3. *Ламберг-Карловски К. К.* Введение // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.
4. *Горбачев М. С.* Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986.

Х. А. АМИРХАНОВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АШЕЛЯ ЮЖНОЙ АРАВИИ

До недавнего времени данные о культуре ашельской эпохи Южной Аравии были весьма скудными. Первые и, пожалуй, единственные достоверные местонахождения с разрушенными культурными слоями были обнаружены в 1960-х годах исследователем древностей Южной Аравии Б. Доу у подножия горы Джебель-Тала [1], примерно в 20 км к северо-западу от г. Лахдж на территории Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ). В это же время единичные предположительно ашельские бифасы были найдены и в Вади Хадрамаут — одной из восточных провинций НДРЙ экспедицией американских ученых под руководством Г. Ван Бика [2]. Недостаточность материала не позволяла тогда дать общую характеристику выявленной культуры в целом. Материалы Джебель-Тала были датированы обобщенно средним ашелем [3] и приводились как пример раннего расселения человека из Восточной Африки на Азиатский континент. Насчет же находок из второго района указывалось, что «заселенность Хадрамаута в ашеле была очень редкой, если она вообще имела место» [2, с. 530].

Указанные материалы на протяжении последующих двух десятилетий так и не пополнились новыми и продолжали оставаться попутным результатом исследований памятников эпохи южноаравийской цивилизации. Такими же по характеру были и ограниченные сборы материала у горы Джебель-Тала, проведенные в 1972 г. С. С. Ширинским [4].

Специальные работы по изучению каменного века Южной Аравии были начаты археологическим отрядом организованной в 1983 г. Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР. В том же году к целенаправленным поискам палеолитических памятников приступила и французская археологическая экспедиция, проводившая многолетние раскопки Шабвы — столицы древнего царства Хадрамаут. Ею выявлена небольшая группа разновозрастных местонахождений с разрушенными культурными слоями. С их материалами мы имели возможность ознакомиться в ходе осуществлявшейся нами организации отдела первобытной археологии Национального археологического музея в г. Адене. Небольшие коллекции с единичными бифасами автор работ М.-Л. Инизан считает возможным относить предположительно к нижнему палеолиту[1]. Характер обнаруженных нами многочисленных местонахождений подтверждает правильность такой оценки.

Благодаря исследованиям Советско-Йеменской комплексной экспедиции в течение 3 лет (1983—1985) выявлено на территории НДРЙ 40 памятников каменного века, содержащих 63 разновременных комплекса и коллекции. Подавляющее большинство их расположено в Западном Хадрамауте (рис. 1, 2), и лишь три местонахождения (все ашельские) — за несколько сот километров отсюда, у горы Джебель-Тала (провинция Лахдж). Среди хадрамаутских памятников имеются стратифицированные, в том числе и многослойные стоянки, две из которых являются обрушившимися пещерами, а третья — скальным навесом. Хронологические рамки всех указанных памятников вместе чрезвычайно обширны. Они охватывают практически все эпохи каменного века. Пять из них, в том числе 3 многослойные стратифицированные стоянки, содержащие вместе 18 ком-

[1] Личное сообщение М.-Л. Инизан со ссылкой на готовящуюся к публикации работу.

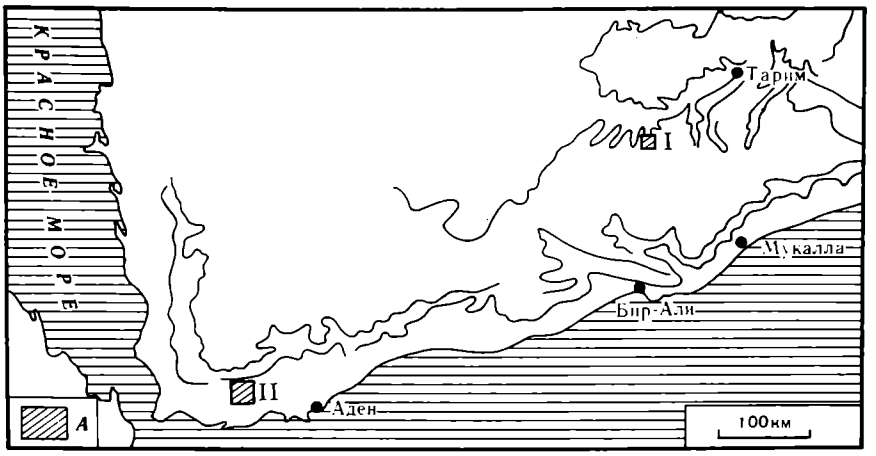


Рис. 1. Южная Аравия. *A* – районы исследований; *I* – Вади Дауан; *II* – Джебель-Тала

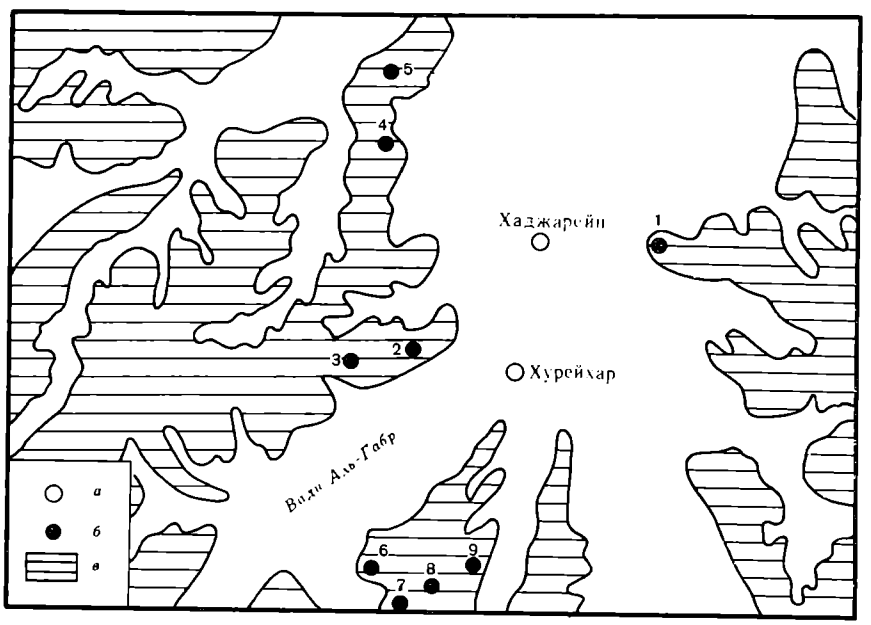


Рис. 2. Карта-схема расположения ашельских местонахождений района Вади Дауан. *а* – населенные пункты; *б* – местонахождения ашельских материалов; *в* – плато

плексов, определяются предварительно как доашельские, 12 местонахождений характеризуют обобщенно раннюю и позднюю стадии ашеля, 10 коллекций относятся к среднему, 19 – к позднему палеолиту и 2 – к неолиту.

Коллекции большинства этих памятников находятся еще на стадии первоначальной научной обработки. Что же касается ашельских местонахождений, то они подробно изучены нами. Обширная публикация материалов готовится к печати. В настоящей работе мы хотели рассмотреть результаты технико-типологического исследования инвентарей и попытаться определить основные характеристики ашеля Южной Аравии с той степенью полноты и точности, которая возможна для современного состояния источников.

Обобщение рассматриваемых материалов предполагает освещение технико-типологических показателей индустрий, определение функционального типа памятников, картографирование местонахождений и установление общих и особенных моментов эволюции материальной культуры. Решение этих вопросов служит разработке исторического аспекта –

выяснению времени заселения человеком Южной Аравии, степени освоения данной территории в ашельскую эпоху и соотношения рассматриваемой культуры с синхронными культурами смежных территорий. Наряду с вопросами, которые могут уже сейчас быть предметом рассмотрения, имеются и такие, постановка которых еще не обеспечена состоянием источников. К последним относятся, например, проблемы абсолютной хронологии ашеля и реконструкции природного окружения ашельских обитателей Южной Аравии. Как и во многих других регионах, освещение этих вопросов возможно пока только на основании аналогий, типологических параллелей и косвенных данных. Обоснованности выводов, вытекающих из типологических сопоставлений, способствует здесь то, что территория Аравийского полуострова расположена между Ближним Востоком и Восточной Африкой, т. е. регионами, для которых выработаны достаточно определенные хронологические шкалы, подкрепляемые разносторонними данными.

При изучении стратифицированных и особенно многослойных памятников исследователи принимают трехчленную (ранний, средний, поздний) или четырехчленную (ранний, средний, развитый, финальный) систему разделения ашеля. Для материалов, происходящих из местонахождений с разрушенными культурными слоями, осуществлять такое дробное членение всегда затруднительно. Не являются исключением в этом смысле и коллекции ашельских памятников Южной Аравии. На данном этапе исследования нам представляется возможным разделение их по технико-типологическим критериям на раннеашельские и позднеашельские. При этом предполагается, что материалы, определяемые как раннеашельские, могут относиться к той или иной стадии первой половины ашеля, а местонахождения, выделяемые как позднеашельские, таким же образом связаны с одним или различными этапами второй половины эпохи ашеля. Такой подход к хронологическому разграничению памятников отвечает как характеру имеющихся источников, так и возможностям типологического метода датирования. С этой точки зрения один из исследованных памятников — Джоль-Урум I — определяется как раннеашельский, а остальные 11 местонахождений, объединяемых нами как позднеашельские, относятся скорее всего к различным этапам второй половины ашеля.

Рассматриваемые в данной работе ашельские местонахождения расположены двумя территориально изолированными группами, удаленными друг от друга примерно на 600 км. Одна из этих групп связана с Вади Дауан, другая — с местностью Джебель-Тала. Оба района необычайно насыщены памятниками. Причем в первой группе это относится не только к ашельским, но и к памятникам более поздних эпох палеолита. Имеются, однако, и существенные различия в топографии памятников, рельефе и геологическом строении самих сопоставляемых районов и в особенностях исходного сырья. Район Вади Дауан — это возвышающееся до 1200 м над уровнем моря плато, изрезанное глубокими долинами с многочисленными ответвлениями. Здесь ашельские местонахождения во всех известных нам случаях выявлены на поверхности самого плато. Причем они расположены всегда в урочищах, связанных с перевальными тропами, соединяющими плато с долинами. Поиски памятников в глубине плато оказались почти безрезультатными. Поэтому приуроченность местонахождений к кромкам плато в местах, где имеются перевальные пути в долину, можно считать не случайной. Из этого следует, что жизнеобеспечивающая (экономическая) территория коллективов ашельских обитателей Хадрамаута включала в себя как плато, так и долины. Но, судя по расположению памятников, в отдельные отрезки времени основное значение приобретали пространства плато.

Иные геоморфологические условия в районе расположения памятников Джебель-Тала. Местонахождения этой группы можно определить в рассматриваемом аспекте как долинные. Они лежат у подошвы горной гряды, на берегах сухих в настоящее время русел рек. С одной стороны памятники защищены горами почти с вертикальным обрывом, а с другой — перед ними открывается пространство, являющееся частью протя-

женной приморской равнины. До берега Аденского залива отсюда около 50 км по прямой.

Исследованные нами районы являются типичными для двух основных геоморфологических зон Южной Аравии. Одна из них характеризует предгорные районы, а вторая — широкие области изрезанных долинами плато. Эти районы, особенно район Вади Дауан, подвергались более или менее сплошному обследованию. Поэтому их можно считать показательными для представляемых ими геоморфологических областей в целом. Исходя из этого и учитывая насыщенность памятниками затронутых археологическими разведками территорий, можно сделать вывод о довольно интенсивном заселении человеком Южной Аравии в ашельскую эпоху. Сказанное нужно считать справедливым и для некоторых других районов Аравийского полуострова, например западных и центральных областей Саудовской Аравии [5, с. 9—42; 6; 7; 8, с. 9—36; 9].

Одним из главных показателей, позволяющих судить о ведущих чертах производственной и бытовой деятельности первобытных людей, являются функциональные различия между оставшимися от этой деятельности памятниками. С этой точки зрения ашельские местонахождения рассматриваемой территории можно разделить на две группы: стоянки-мастерские и пункты кратковременного пребывания отдельных охотников или их групп. То, что наши материалы происходят с памятников с разрушенными культурными слоями и получены зачастую разведочными сборами, делает это разделение затруднительным и в достаточной мере условным. Тем не менее его нельзя считать и произвольным, поскольку все анализируемые памятники имеют единые условия сохранности. Обобщая эту картину, можно указать, что из 12 местонахождений 9 отнесены нами к типу стоянок-мастерских, 2 (Арна III и IV) — к пунктам кратковременного посещения; инвентарь одного памятника трудноопределим (Аль-Хатма I). То, что подавляющее большинство местонахождений представляют собой тип стоянки-мастерской, не покажется удивительным, если учесть, что в Южной Аравии почти повсеместно распространены разнообразные по составу и форме залегания выходы исходного для изготовления каменных орудий сырья. Мелкозернистые известняки, кремень, окремнелый известняк, кварцит, базальт — далеко не полный, но достаточно характерный перечень пригодных для использования местных пород. Широкое распространение их на пространствах, которые для ашельских людей были наиболее подходящими для обитания, и приводило к тому, что стоянки людей оказывались вблизи выходов сырья.

Рассмотрение вопроса об исходном сырье имеет большое значение и с точки зрения отражения его особенностей на технико-типологических характеристиках индустрий. При этом должны приниматься во внимание запасы сырья, характер залегания, форма и размеры отдельностей, а также его физические свойства. Решающих различий по этим показателям между памятниками двух исследованных районов, так же как и между отдельными инвентарями внутри каждого из районов, нет. Сырье везде представлено в изобилии; как правило, оно рассеяно по поверхности и легко доступно, форма и размеры фракций — от размеров щебня до глыб и крупных обломков (максимально крупные размеры имеют обычно отдельности окремнелого известняка). Что касается физических свойств пород, то они в рамках сравниваемых памятников не обнаруживают резкого контраста. Из отмеченного отсутствия в инвентарях рассматриваемых памятников решающих типологических отличий, связанных с особенностями исходного сырья, конечно, не следует, что характер первичного материала не оказывал никакого воздействия на технологию изготовления орудий и некоторые стороны типологического облика индустрий. Воздействие это ощущается на характере раскалывания, формах ядрищ и степени их утилизации, в подборе обломков наиболее подходящих для определенной категории вещей. Такой подбор позволял достигать экономной в смысле затрачиваемых на это усилий обработки изделия.

Нуклеусы ашельских памятников Южной Аравии в своем подавляющем большинстве имеют одноплощадочную форму, одну плоскость раска-

лывания и подпараллельные негативы снятий. Ударная площадка у этих ядрищ плоская, прямая или слегка скошенная к тыльной стороне. Получена она, как правило, одним-двумя широкими сколами. Можно предположить, что формированию такого устойчивого типа нуклеуса способствовало использование в качестве заготовок кубовидных или подпрямоугольных обломков первичного материала. Раскалывание таких заготовок по принципу одноплощадочных ядрищ начиналось иногда даже без предварительной подготовки естественного обломка. Поскольку такое расщепление дает преимущественно удлиненные сколы, то не случайно во всех коллекциях имеются выразительные группы пластинчатых заготовок, которые вполне подходят под определение леваллуазских в широком смысле этого понятия. Сам же принцип одноплощадочного одностороннего раскалывания становится стойкой традицией. Именно как традиция и уже независимо от формы первичного сырья он продолжает существовать в Южной Аравии практически до конца палеолита. Правда, с течением времени он модифицируется и сосуществует с некоторыми другими способами первичного расщепления.

Выразительный пример независимости типологии инвентарей от характера исходного сырья демонстрируют ашельские индустрии подножия горы Джебель-Тала. В этой местности обильно представлено сырье в виде базальтовых и известняковых валунов и галек. Этот тип первичного материала использовался обитателями стоянок наравне с другим, залегающим также на поверхности, но с различными полигональными поверхностями обломков. Но несмотря на эти различия, мы не можем заметить избирательного отношения к тому или другому виду отдельностей сырья при изготовлении тех или иных форм изделий. Бесспорно, что изготовить нуклеус или особенно бифас из валуна значительно труднее, чем из плоского обломка. Тем более показательно, что здесь указанные изделия, так же как и другие, изготавливались в равной мере из обеих разновидностей сырья. В данном случае мы рассматриваем вопрос о независимости типологии инвентарей от характера сырья по одному, но наиболее важному, на наш взгляд, признаку — форме отдельностей исходного сырья. Что же касается различий по физическим характеристикам, то здесь указанная зависимость просто не ощущается.

В связи с материалами местонахождений Джебель-Тала важно отметить отсутствие в них «галечных орудий», т. е. чопперов, при том что, как уже указывалось, галечное сырье имеется в изобилии. Этот факт, по нашему мнению, является веским свидетельством в пользу достаточной хронологической определенности позиции «галечных орудий» в каменном веке данной территории. В материалах некоторых ашельских памятников Хадрамаута отмечается наличие чопперов. Однако и там они количественно и типологически выражены не настолько, чтобы считаться в качестве изделий, определяющих культурный облик местного ашеля. Представляется возможным предположение о том, что по мере развития ашеля, и особенно к поздней его стадии, традиция «галечных орудий» постепенно изживает себя. Иначе трудно объяснить полное отсутствие указанных изделий в позднеашельских местонахождениях Джебель-Тала, тогда как возможности для изготовления чопперов с точки зрения наличного исходного сырья здесь имелись.

Выше мы коснулись уже проблемы общей типологической характеристики ашеля Южной Аравии. Разумеется, многие частные стороны этой проблемы пока не могут быть освещены с достаточной полнотой и те обобщенные заключения, которые для нынешнего уровня исследований возможны, будут приложимы главным образом к развитому и позднему ашелю. Отнесение этих определений к ранним стадиям ашеля возможно, если допустить наличие определенной логики в развитии местного ашеля. Основания для того, чтобы видеть культурно-хронологическую преемственность материальной культуры данной территории в рассматриваемую эпоху, имеются. О возможности этого говорит наличие в Аравии памятников среднего [10] и раннего ашеля, а также предположительно доашельского времени.

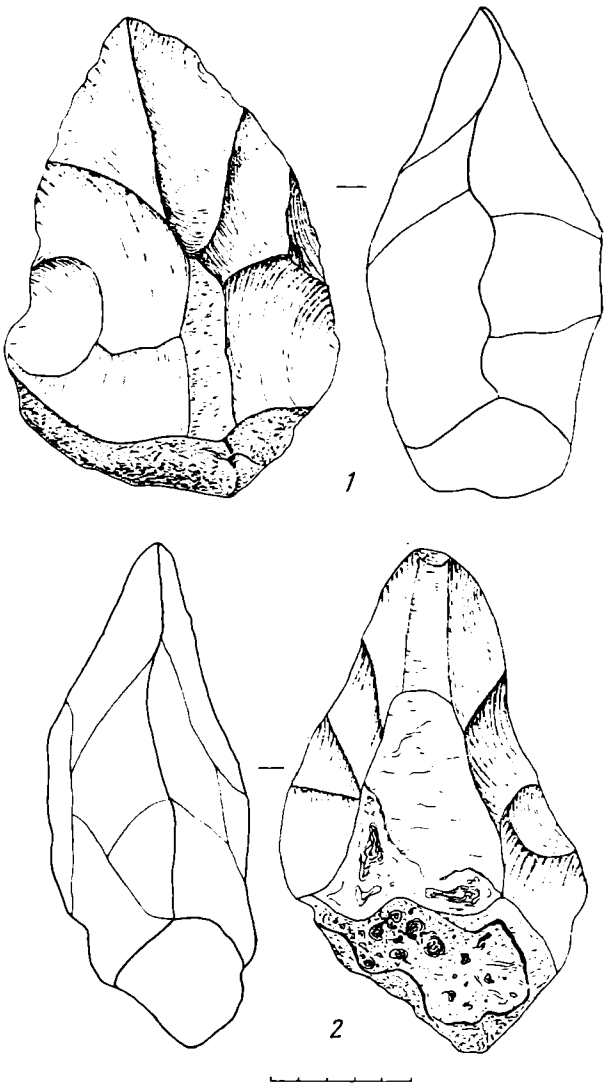


Рис. 3. Местонахождение Джоль-Урум I, рубила

Общими технико-типологическими признаками, характеризующими ашель Южной Аравии в целом, являются следующие: обилие разнообразных форм рубил, сочетание последних с незначительным количеством чопперов, базирование техники первичного расщепления на одноплощадочном нуклеусе подпараллельного скалывания, выраженность пластинчатой формы заготовки при господстве крупных отщепов, отсутствие кливеров и их разновидностей — колунов. Более частные признаки основываются на морфологии категорий изделий, главным образом рубил. Эти же показатели более низкого ранга позволяют проследить особенности раннего и позднего этапов ашельской эпохи. Основываясь на рассмотрении конкретных материалов, можно сказать, что ранние этапы ашеля Южной Аравии характеризуются одноплощадочными нуклеусами подпараллельного скалывания, рубилами миндалевидными (рис. 3, *1*), типа фикрон (рис. 3, *2*) и с частичной двусторонней обработкой, крупными, массивными отщеповыми заготовками. Рубила здесь крупные, массивные, двояковыпуклые в сечении, достаточно симметричные, всегда с утолщенным необработанным основанием. Возможно, набор категорий орудий раннего ашеля был шире, чем тот, который здесь перечислен. Но судить об этом более определенно сейчас мы еще не можем.

Значительно разнообразнее становятся формы рубил на позднем этапе ашеля. Большинство орудий этой группы приходится тут на удлиненно-овальные (рис. 4, *3*) и овальные (рис. 5, *2*). Достаточно регулярно

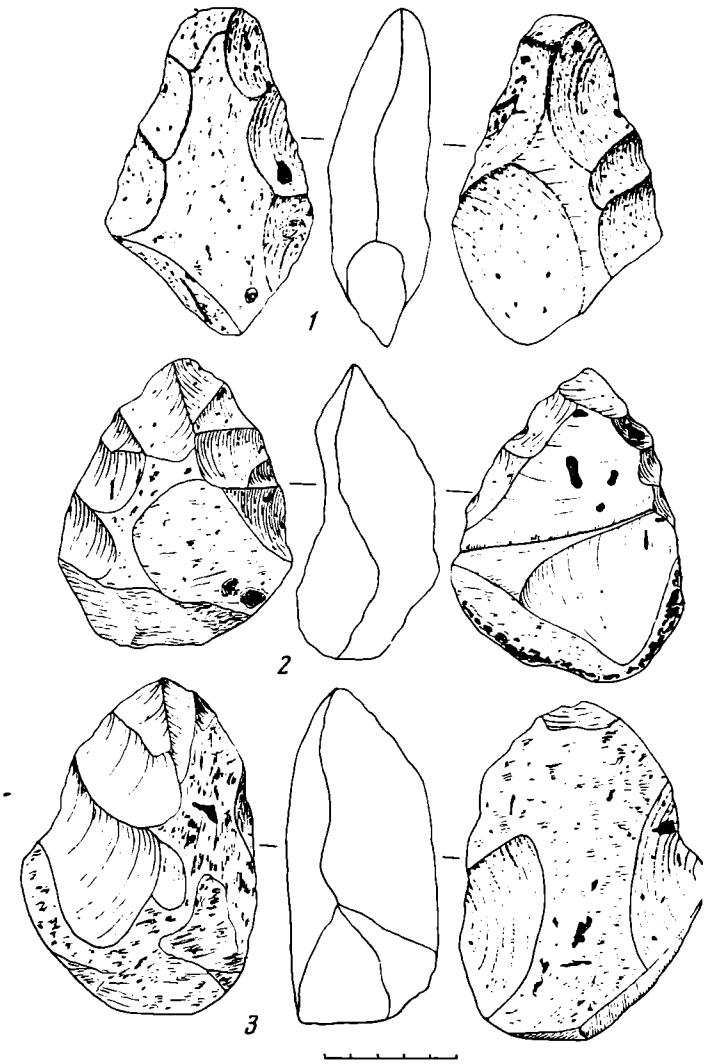


Рис. 4. Местонахождение Аль-Габр VIII, рубила

встречаются рубила копьевидные (рис. 6, *2*), низкие треугольные (рис. 7, *1, 2*), треугольно-удлиненные, низкие с выделенным концом (рис. 6, *1*; 8, *1, 2*). Имеются также редкие и единичные экземпляры подсердцевидных (рис. 4, *2*), односторонних и частичных бифасов. Чаще всего они изготавливаются на обломках, но немало и таких, для которых подбирались плоские плитчатые заготовки. В зависимости от этого рубила отличаются по интенсивности обработки. В первом случае оббивка почти всегда двусторонняя сплошная (рис. 7, *3*), во втором — чаще всего краевая (рис. 9, *1, 2*), оформляющая лишь контуры изделия. Большая часть бифасов имеет обработку и на нижних основаниях (пятках) изделий. Если рассматривать рубила с точки зрения оформления конца, то можно отметить количественное господство остроконечных форм. Наряду с ними достаточно хорошо представлены экземпляры с закругленным, узким поперечным (рис. 4, *1*) и выделенным концами (рис. 8, *1, 2*; 9, *2*). Края бифасов чаще всего выпуклые и слабовыпуклые. Выразительные вогнутые края имеют рубила низкие, с выделенным концом (рис. 6, *1*; 8, *1, 2*). Обработка краев у этих разновидностей бифасов ограничивалась верхней частью и была подчинена целиком оформлению узкого вытянутого конца — жала, выделявшегося широкими симметричными двусторонними выемками. В единичных случаях встречаются бифасы с прямыми краями. По форме сечения рубила делятся на две разновеликие группы. Первая, господствующая, с двояковыпуклым сечением изделий и вторая, менее значительная, с орудиями плосковыпуклых форм. Размеры бифасов

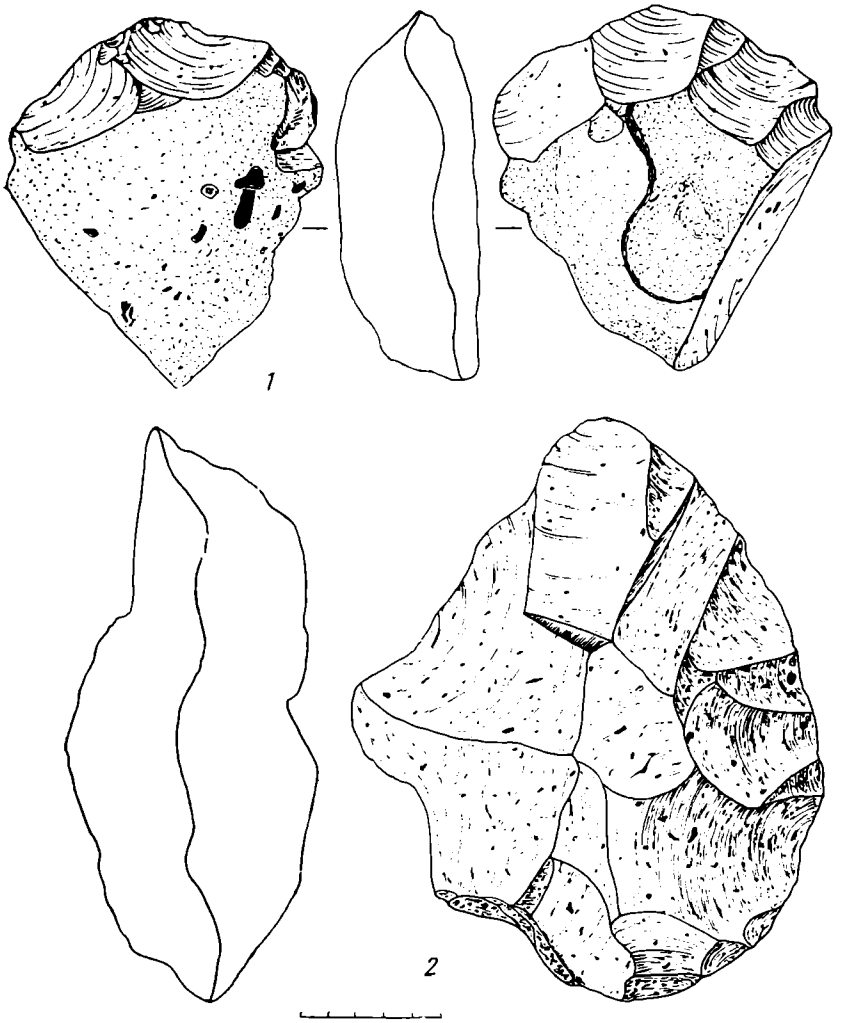


Рис. 5. Местонахождения Арна IV и Арна I. *1* – чоппер; *2* – рубило

сов чаще всего средние и крупные. Жесткой зависимости между формой рубила и его размерами не наблюдается, за исключением, может быть, копьевидных разновидностей, которые в рассмотренных коллекциях всегда крупные.

Коллекции памятников позднего ашеля Южной Аравии кроме бифасов включают в себя орудия на отщепах, например скребла. К сожалению, трудно дать исчерпывающую характеристику этих изделий из-за ограниченности состава коллекций. По имеющимся материалам складывается такое впечатление, что для описываемых местонахождений типичны скребла поперечные с дугообразным или слегка выпуклым лезвием на массивной отщеповой заготовке. Единичны разновидности скребел зубчатых (тоже поперечных), продольных простых и поперечных с черешком.

Первичное раскалывание здесь по-прежнему основывается на нуклеусах одноплощадочных подпараллельного скалывания. Это, пожалуй, наиболее яркий признак, объединяющий ашельские памятники Южной Аравии независимо от их хронологической и территориальной позиции. Сам прием одноплощадочного скалывания свойствен, как уже отмечалось выше, и для последующих эпох палеолита данной территории. Вместе с тем при рассмотрении ашельских материалов он выступает достаточно диагностичным признаком, позволяющим различать индустрии леваллуазского (в широком смысле) и нелеваллуазского характера. Типично леваллуазских, «черепаховидных» ядрищ в рассматриваемых коллекциях нет совсем, тем не менее для всех местонахождений характерна наряду

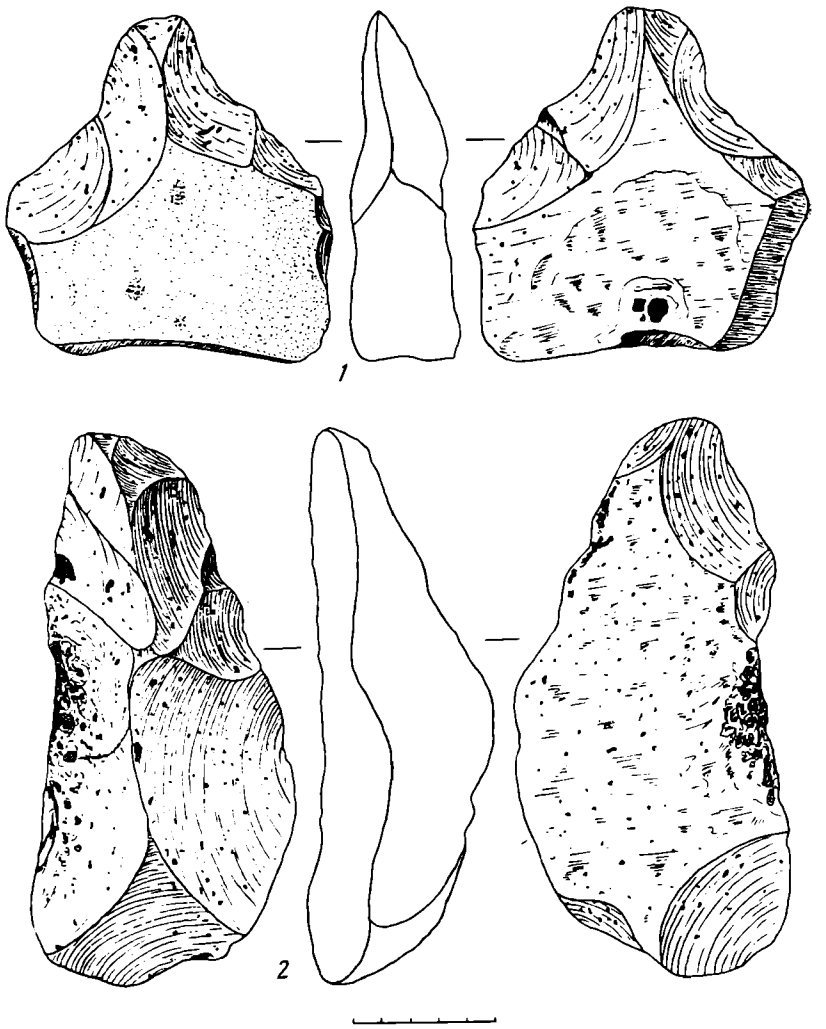


Рис. 6. Местонахождение Аль-Габр VIII, рубила

с другими пластинчатая заготовка, получение которой в полной мере удовлетворялось использованием одноплощадочного нуклеуса.

Говоря о технике обработки, необходимо отметить и достаточно широкое внедрение приема крупноретушной отделки, которая фиксируется на скреблах и на участках дополнительной подправки бифасов.

Выше мы говорили о сходстве и различии памятников в хронологическом срезе. Рассмотрим этот вопрос в территориальном плане. Состояние имеющихся источников позволяет сделать это пока только применительно к материалам позднего ашеля. При этом один из районов — Джебель-Тала представляет западную часть территории Южной Аравии, а Вади Дауан — восточную. Элементы, которые сближают памятники этих областей, выше уже указаны, их достаточно для заключения о единстве общих характеристик рассмотренных индустрий. Если же говорить о различиях, то они проявляются на более низком уровне, а именно в типологических особенностях отдельных категорий изделий — в данном случае рубил. Так, в памятниках восточного района имеются практически все формы бифасов, представленные в западном, и помимо них некоторые другие, которые там не встречаются. К последним относятся рубила низкие треугольные (рис. 7, *1, 2*) (Арна I, Арна III), низкие с выделенным концом (рис. 6, *1*; 8, *1, 2*) (Джоль-Хамид I, Аль-Габр VIII) и редкие экземпляры со слегка вогнутыми краями (рис. 9, *2*; 10, *2*) (Аль-Габр VIII, Аль-Габр VII). Неполнота материалов не позволяет считать выявленную картину различий всесторонней. Но представляется, что и имеющихся данных достаточно для допущения наличия в ашель-

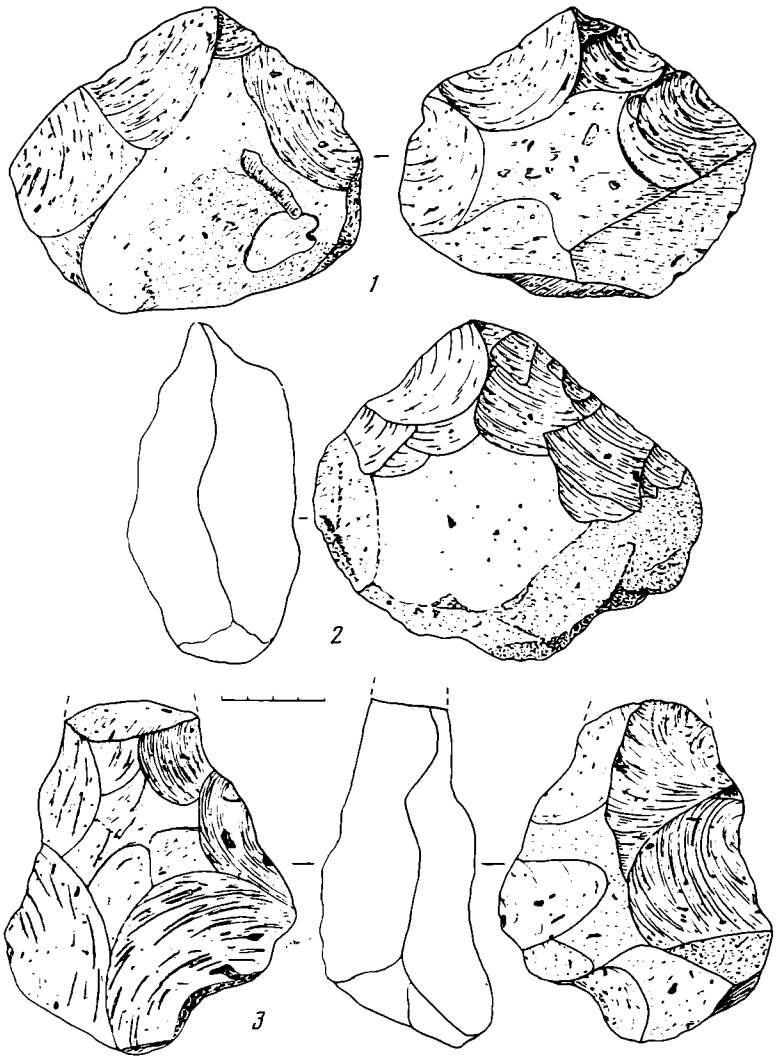


Рис. 7. Местонахождения Арна I и Арна III, рубила

ской культуре рассматриваемых регионов, отдаленных друг от друга приблизительно на 600 км, некоторых локальных различий.

С вопросом о технико-типологических особенностях ашельских памятников связана проблема соотнесения культуры данной эпохи с синхронными индустриями смежных территорий. Выше уже отмечалось, что наиболее общие характеристики ашеля Южной Аравии сводятся к обилию рубил, сочетанию их с орудиями на отщепах и незначительным количеством чопперов, абсолютному господству техники одноплощадного нуклеуса подпараллельного скалывания леваллуазского (в широком смысле) характера и отсутствию колунов. Последний из указанных признаков достаточно однозначно говорит о неафриканском в целом облике южноаравийского ашеля. Отсутствие колунов и леваллуазский (в широком смысле) характер раскалывания — признаки, не характерные для ашеля подавляющей части территории Африки [11, с. 48]. Исключение составляет территория оазиса Харга, расположенного в Ливийской пустыне к западу от Нила [12]. В ашельских стоянках этого района также не встречаются колуны; техника раскалывания при этом основывается на одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусах. По указанным особенностям культура обоих районов — долины Харга и Южной Аравии — ближе к ашелю Ближнего Востока, нежели Африки. Южноаравийские памятники находят наиболее выраженное сходство с памятниками убейдийско-латамнской традиции, составляющими отдельный, по терминологии И. И. Коробкова, «индустриальный ствол» [13, с. 156] в ашеле Ближне-

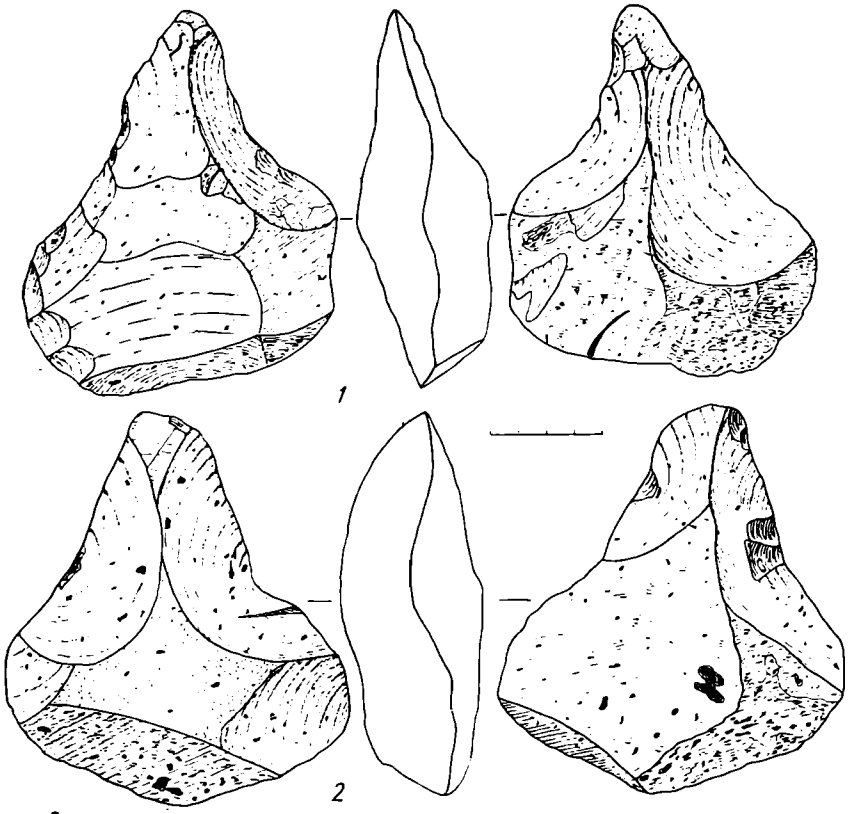


Рис. 8. Местонахождение Джоль-Хамид I, рубила

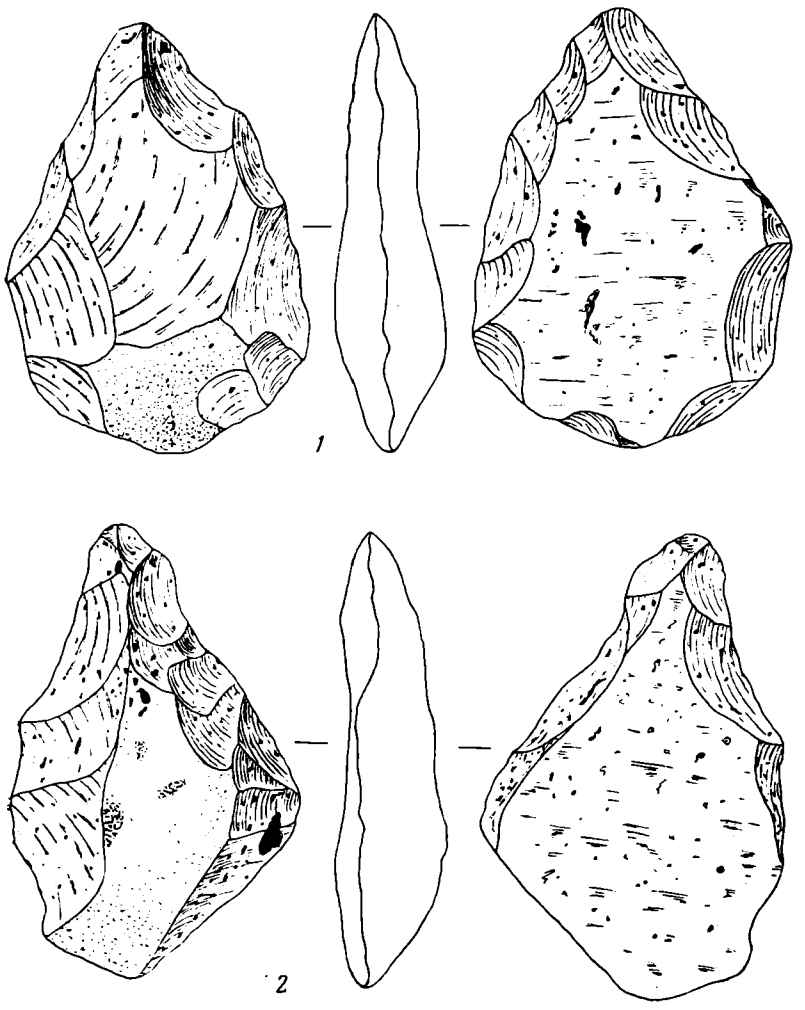


Рис. 9. Местонахождение Аль-Габр VII, рубила

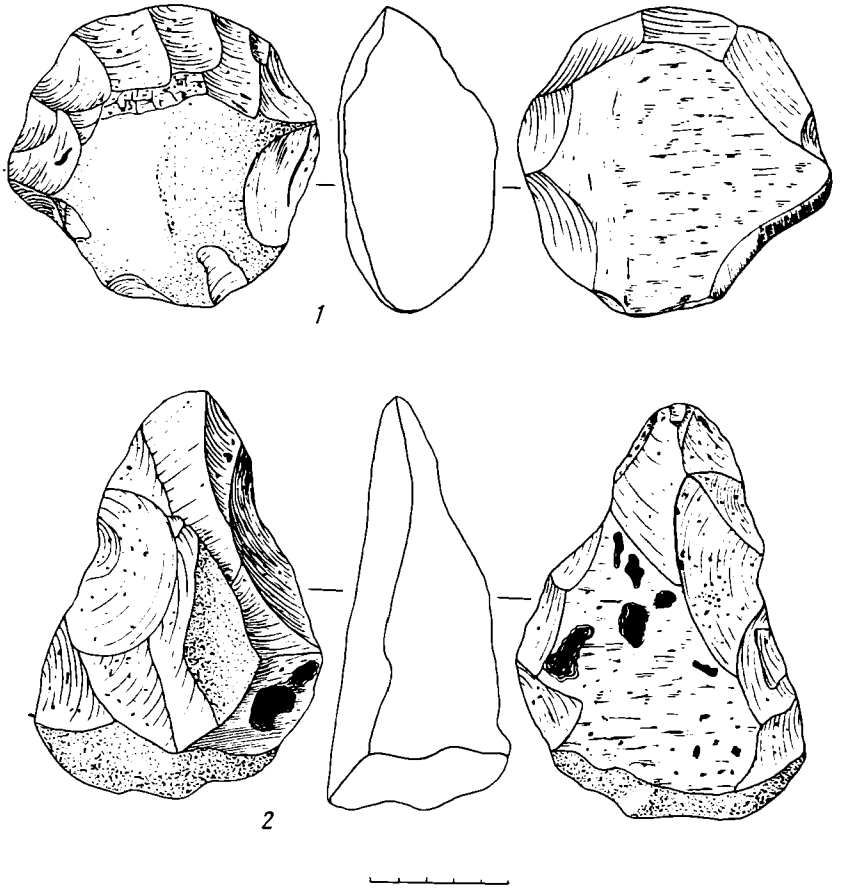


Рис. 10. Местонахождение Аль-Габр VIII. *1* — чоппер; *2* — рубило

го Востока. Такие показатели, как многочисленность бифасов, наличие разновидностей рубил «с рыльцем», раннее возникновение зачатков леваллуазской техники, хорошо выраженная пластинчатость заготовок и отсутствие кливеров, дают возможность конкретизировать устанавливаемое сходство преимущественно с индустриями ашеля прибрежных районов Палестины, а именно с материалами выделенных И. И. Коробковым эвронского и особенно ливанского вариантов убейдийско-латамнской традиции. Разумеется, здесь есть и различия. Они касаются прежде всего отсутствия в южноаравийских памятниках широко встречающихся на Ближнем Востоке топоров-кирок. Не наблюдается, естественно, полного сходства и в формах бифасов. Но характерно, что морфологически сопоставима такая группа, как рубила «с рыльцем», т. е. форма, наиболее показательная для ашеля убейдийско-латамнской традиции и сохраняющаяся в рамках этой линии развития с модификациями до поздних стадий местного ашеля. Очень показательно, что южноаравийские ашельские комплексы находят сходство с культурным вариантом Ближнего Востока, истоки которого восходят к местным доашельским индустриям Убейдии. Отличия между ашельской культурой Южной Аравии и культурными вариантами Ближнего Востока, появляющимися в среднем ашеле («ашель с кливерами») и связанными с Африканским континентом, выражены настолько же, насколько между последними и комплексами убейдийско-латамнской традиции.

Из устанавливаемого сходства между ашелем Южной Аравии с местным по генезису ашелем Ближнего Востока следует, что пути и общие тенденции развития культуры рассматриваемой эпохи в этих двух регионах были едиными или во всяком случае достаточно близкими. Отличия же между ашелем Африки и Юго-Западной Азии являются, по-видимому, указанием на независимый генезис данной культуры в обоих регионах, а следовательно, и свидетельством существования на Ближнем

Востоке и Аравийском полуострове пласта доашельских памятников. В свете новых разработок и исследований [14] последний вывод в отношении Ближнего Востока уже обретает необходимую доказательность. Проводимые в настоящее время раскопки позволяют надеяться на получение данных для решения этой проблемы и для Южной Аравии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Doe B.* Southern Arabia. L., 1971.
2. *Van Beek Gus W., Cole Clen H., Jamme Albert W. F.* An Archaeological Reconnaissance in Hadhramaut, South Arabia. A Preliminary Report. Wash., 1964.
3. Report on an Acheulean Hand-axe from Jabal Tala, South Arabia // Antiquites. Report for the year 1964–65 and Bulletin № 7. Aden, September, 1965.
4. *Ширинский С. С.* Отчет ученого секретаря Института археологии АН СССР об археологических исследованиях на территории НДРЙ в 1972 г. Аден, 1975 (на араб. яз.).
5. *Zarins J, Ibrahim M, Potts D. Edens C.* Preliminary Report on the Surwey of the Central Province // Atlal. 1979. V. 3.
6. *Zarins J., Whalen N., Ibrahim M., Morad A., Khan M.* Preliminary Report on the Central and Southwestern Provinces Survey, 1979 // Atlal. 1980. V. 4.
7. *Zarins J., Murad A., Al-Yish K.* The Second Preliminary Report on the Southwestern Province // Atlal. 1981. V. 5.
8. *Zarins J., Rahbini A., Kamal M.* Preliminary Report on the Archaeological Survey of the Riyadh Area // Atlal. 1982. V. 6. p. 1.
9. *Murad A. S.* Prehistory in the Arabian Peninsula // Paléorient. 1980. V. 6.
10. *Вахида Г.* Ашель Саудовской Аравии: Раскопки, ведущиеся на двух стоянках в центральной провинции // XI конгресс ИНКВА. Тезисы докладов. Т. I. М., 1982.
11. *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки. Л.: Наука, 1977.
12. *Caton-Thompson G.* The Kharga Oasis in Prehistory. L. 1952.
13. *Коробков И. И.* Палеолит Ближнего Востока. Л.: Наука, 1978.
14. *Jaeger J. J.* Le gisement d'Ubeidiya, importance et age // Paléorient. 1983. V. 9/1.

Kh. A. Amirkhanov

THE ACHEULIAN OF SOUTHERN ARABIA

Summary

In 1983–1985 the archaeological section of the Soviet-Yemeni Complex Expedition discovered and studied 40 Palaeolithic sites, including three multilayer cave camps in the People's Democratic Republic of Yemen. Twelve of them, with the damaged cultural layers, were dated to the Acheulian period. The author summarises typological studies of the identified Acheulian industries and establishes, on this basis, the closeness between the Acheulian of Southern Arabia and the synchronous culture of the Near East (particularly the coastal Levantine sites).

К. В. ЗИНЬКОВСКИЙ, В. Г. ПЕТРЕНКО

ПОГРЕБЕНИЯ С ОХРОЙ В УСАТОВСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

По мнению ряда исследователей, охра не характерна для усатовских захоронений [1, с. 47, 51; 2, с. 105]. Однако объективные оценки [3, с. 63; 4, с. 8—11] свидетельствуют о том, что суммарный процент усатовских погребений с охрой получается незначительным главным образом из-за низких показателей крупнейших могильников — Усатово [5, с. 90, 136] и Маяки [6, с. 83]; в большинстве остальных некрополей охру содержит свыше 50% захоронений. Считается, что умерших посыпали растертой в порошок краской [3, с. 61], следы которой прослеживаются на черепах и конечностях, на погребальных сосудах и антропоморфных статуэтках [1, с. 42]. Собранные при раскопках могильников Усатово и Маяки антропологические и археологические коллекции позволяют существенно пересмотреть прежние выводы о применении охры.

Целенаправленное исследование материала для всесторонней характеристики усатовских погребений с охрой до настоящего времени не осуществлялось. Своевременно лабораторному изучению были подвергнуты лишь антропологические находки из раскопанных в 1926—1940 гг. курганов Усатово [7], благодаря чему данные по охре в этих погребениях, отраженные в многочисленных документах архива Одесского археологического музея АН УССР и частично в публикациях [5], наиболее достоверны. Особенно важно, что руководитель раскопок Е. Ф. Лагодовская фиксировала не только наличие охры в захоронении, но и расположение следов краски на скелете. Исключительный интерес представляет мужской череп (кург. I-9) [8], у которого полоской красной краски окрашены надбровья и надпереносье, овальными пятнами — темя, лоб и правый висок (рис. 1, 7). Е. Ф. Лагодовская отметила также окраску лобной кости скелета 2 в погр. 2[а] кург. II-3 и др.

Нами совместно со специалистами судебно-медицинской экспертизы [1] впервые полностью обработаны антропологические материалы последующих раскопок Усатово, опубликованные частично [9], а также могильника Маяки. Охра обнаружена на костных останках из 44 захоронений Усатово (бескурганный могильник: погр. 1/2, 2/2, 4/2 — 10/2, 12/2, 3/3, 1/4 — 3/4, 3/5 [2]; кург. I-12, погр. 1 и 2; кург. I-13 погр. 1; кург. II-5, погр. 1 и 2; кург. II-6, погр. 2 и 4; кург. II-7, погр. 1; кург. II-9, погр. 1—3) и Маяки («грунтовой могильник» [3]: погр. 2, 3, 5, 6, 13, 14,

---

[1] Благодарим сотрудника Одесского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Ю. В. Загоруйко за физико-техническое исследование повреждений и деформации на черепах из могильников Усатово и Маяки.

[2] В нумерации бескурганных погребений Усатово, расположенных в могильнике группами, первая цифра соответствует номеру погребения, вторая — номеру группы, по Э. Ф. Патоковой [5].

[3] На участке могильника, вскрытом до уровня материка строителями без надзора археологов, Э. Ф. Патокова различает курганные и бескурганные погребения [6, с. 79]. Отдельные могилы и компактные, с характерной курганной планировкой группы захоронений (по две — четыре могилы в каждой группе) отнесены к бескурганным только на том основании, что они не окружены ровиками. Надлежит учитывать, что в районе будущих строительных работ мы наблюдали не менее 12—15 сильно распаханных курганов, часть которых уцелела до настоящего времени. Курганный тип могильника подтверждается и тем обстоятельством, что позднейшие погребения некрополя (позднебронзовые, сарматские) впущены в группы усатовских захоронений, перерезают их, т. е. явно устроены в готовых насыпях. Существование в Маяках усатовских курганов без ровиков подтверждено исследованиями на других участках могильника, например, кург. 3.

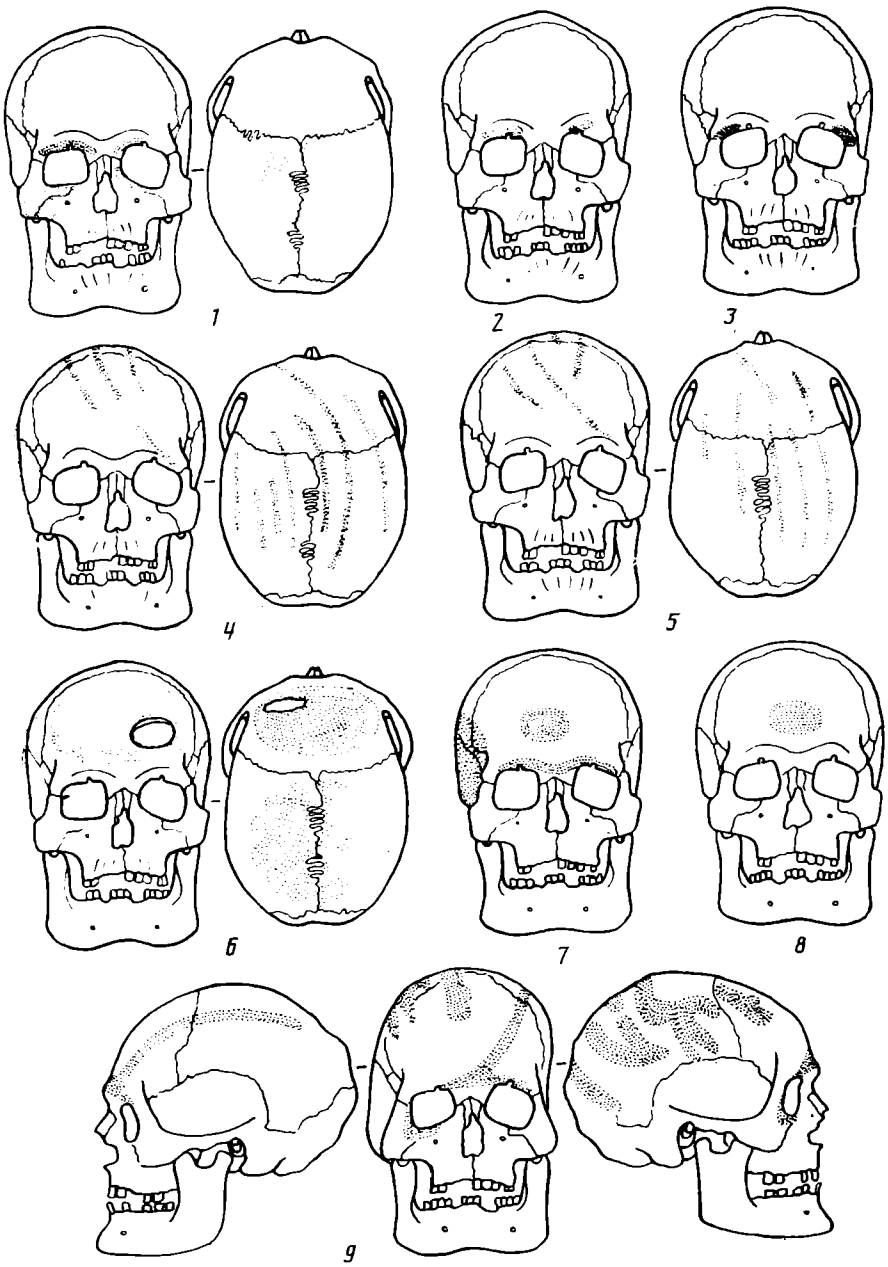


Рис. 1. Следы раскраски охрой на мужских черепах из могильников Усатово (*1—8*) и Маяки (*9*)

16; кург. 1, погр. 9; кург. 3, погр. 1, 2, 4, 7, 9, 11, 12; кург. 4, погр. 1; кург. 5, погр. 1 и 5). Кроме того, пятна охры выявлены нами на отдельных сосудах и статуэтках из этих и некоторых других погребений, а также культовых ям. В большинстве комплексов охра не была зарегистрирована в полевых условиях, что отчасти объясняется объективными причинами: загрязненностью костных останков, неяркой расцветкой красок и пр. С учетом новых данных количество комплексов с охрой в Усатово и Маяках отражено в табл. 1.

Помимо охры на костях скелетов (кроме захоронений II курганного могильника в Усатово и погр. 5 — скелет 1 из могильника Маяки), в том числе и на черепах погребенных, обнаружены следы темно-коричневого органического тлена. Во всех случаях совпадения пятен охры и следов тлена, последние перекрывают краску.

Кости окрашены тончайшими поверхностными слоями охры красновато-бурого и темно-бурого цвета, реже — фиолетового, малинового, красного, оранжевого или желтого оттенка. В захоронениях Усатово сле-

ды краски прослеживаются на черепах и различных костях посткраниального скелета. В Маяках охра имеется на черепах всех мужских захоронений (рис. 2); в детских погребениях окрашены черепа, а в одном случае (кург. 4, погр. 1) — весь скелет. В захоронениях женщин этого могильника охра прослеживается на черепах или на костях посткраниального скелета. На 19 черепах из могильников Маяки и Усатово краска распределяется в виде четкого, различным образом локализованного рисунка; на 7 черепах рисунок сочетается с пятнами охры. На остальных окрашенных черепах и всех без исключения посткраниальных скелетах следы охры бессистемные. Приводим характеристику черепов со специфической раскраской.

Таблица 1

Погребения и культовые ямы с охрой в могильниках Усатого и Маяки

Могильник	Количество погребений		Количество культовых ям	
	всего	с охрой	всего	с охрой
Усатово, I курганный	34	11	20	3
Усатово, II курганный	17	10	10	3
Усатово, бескурганный *	29	18	19	2
Маяки	29	20	1	

* Существованию I грунтового могильника, якобы открытого в 1936 г. [10, с. 257—259], противоречит топосъемка Усатово начала 20-х годов (архив ОГАМ АН УССР, инв. № 59140), на которой месту грунтового могильника соответствует небольшая курганная насыпь, впоследствии, очевидно, спланированная. Неудивительно, почему поиски новых захоронений не дали положительных результатов [11]. Материалы раскопок (два погребения и культовая яма) учтены в табл. 1 в числе комплексов I курганного могильника.

Усатово, бескурганный могильник.

1. Погребение 2/2. На фрагментах мозгового отдела черепа взрослого мужчины прослеживаются полосы и пятна красновато-бурой краски.

2. Погребение 4/2. В центре лобной кости черепа пожилой женщины возраста около 60 лет имеется пятно охры бурого цвета в виде правильного треугольника. На правом виске — полоса бурой краски (рис. 3, *1*).

3. Погребение 7/2. На фрагментах свода черепа пожилого мужчины прослеживаются полосы и пятна темно-бурой охры.

4. Погребение 8/2. Темя черепа мужчины старческого возраста (около 70 лет) равномерно покрыто красителем фиолетового цвета. Полосы бурой охры имеются на надбровных дугах, под левой глазницей, на правой скуловой дуге (рис. 1, *1*).

5. Погребение 9/2. На фрагментах свода черепа мужчины старческого возраста прослеживается несколько пятен и параллельных полос бурой охры, пересекающих черепной свод поперечно. Обнаружено два повреждения от ударов, вызвавших у пострадавшего воспалительный процесс и деформацию внутренней поверхности кости [9, с. 36].

6. Погребение 10/2. На черепе мужчины старческого возраста полосы красновато-бурой охры покрывают надбровные дуги. Несколько пятен краски малинового цвета имеется на темени (рис. 1, *2*).

7. Погребение 3/3. На своде мужского черепа (возраст около 80 лет) отмечена сплошная окраска теменной части. Имеется три дырчатые повреждения, от которых отходят радиальные переломы. Многочисленные переломы произошли не менее чем от трех сильных ударов. Один из них нанесен по правому теменному бугру округлым в сечении предметом (диаметр 2—3 см), возможно, клевцом. Второй удар пришелся по левой теменной части головы, очевидно, топором-молотом в сечении прямоугольным со скругленными углами, размером 4,7×4,1 см. Третий удар, вызвавший сквозной пролом лобной кости диаметром 2,4 см, нанесен так же, как и первый, клевцом. Все удары были смертельными и наносились

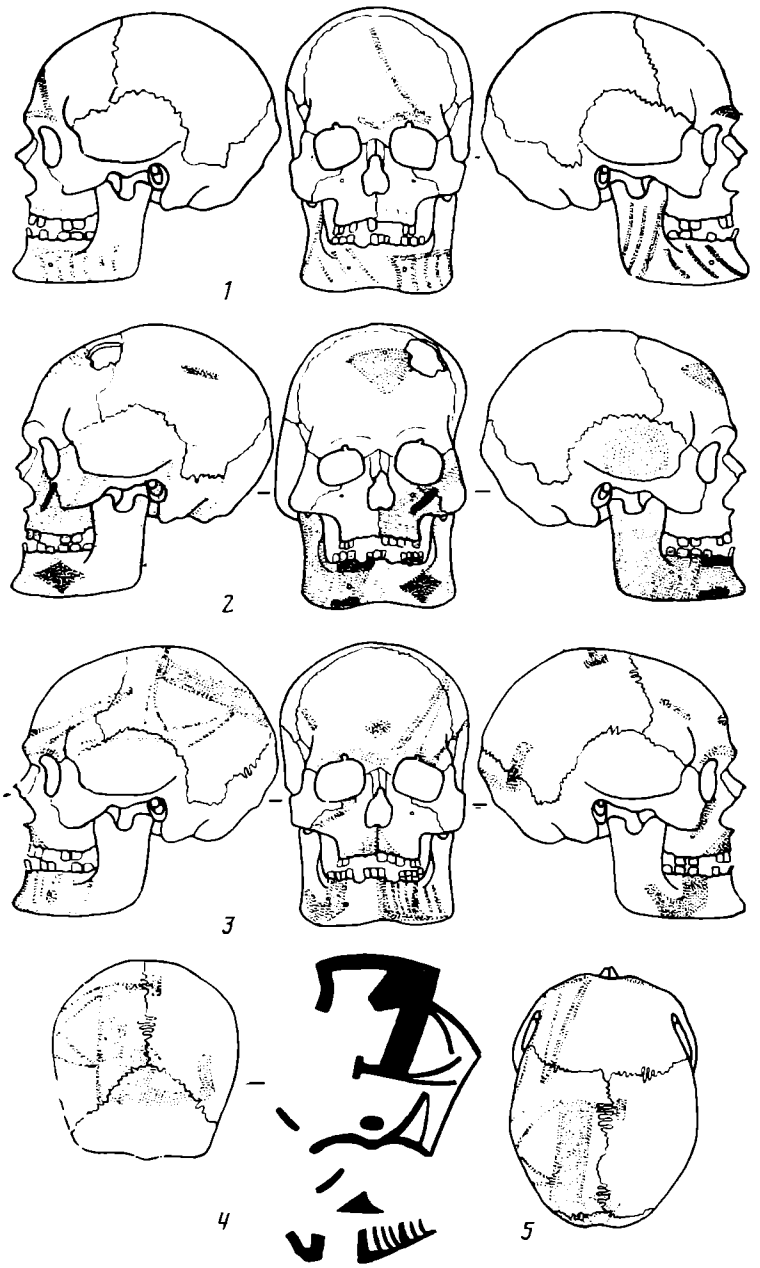


Рис. 2. Маяки. Следы раскраски охрой на черепах мужчин

фактически одновременно в такой последовательности: первый и третий, а затем второй — обрушенный на голову уже повергнутого противника.

8. Погребение 3/5. На надбровных дугах черепа мужчины старческого возраста прослеживаются полосы охры желтоватого оттенка (рис. 1, *3*).

Усатово, I курганный могильник.

1. Курган I—12, погр. 2, скелет 1. На правой теменной кости черепа мужчины средних лет прослеживаются пятна и полосы бурой краски, радиально расходящиеся сверху вниз от темени.

Усатово, II курганный могильник [12].

1. Курган II-5, погр. 2, скелет 1. На своде черепа мужчины 40—45 лет имеется серия параллельных полосок темно-бурой краски (рис. 1, *5*). На левой теменной кости — прямоугольная вмятина (4,2×2,4 см) — след зажившего перелома от удара, нанесенного вероятнее всего, лезвийной частью топора-молота. Наблюдается прижизненная утрата передних коренных зубов; верхние правые резцы выбиты ударом орудия круглого сечения диаметром 1—2 см.

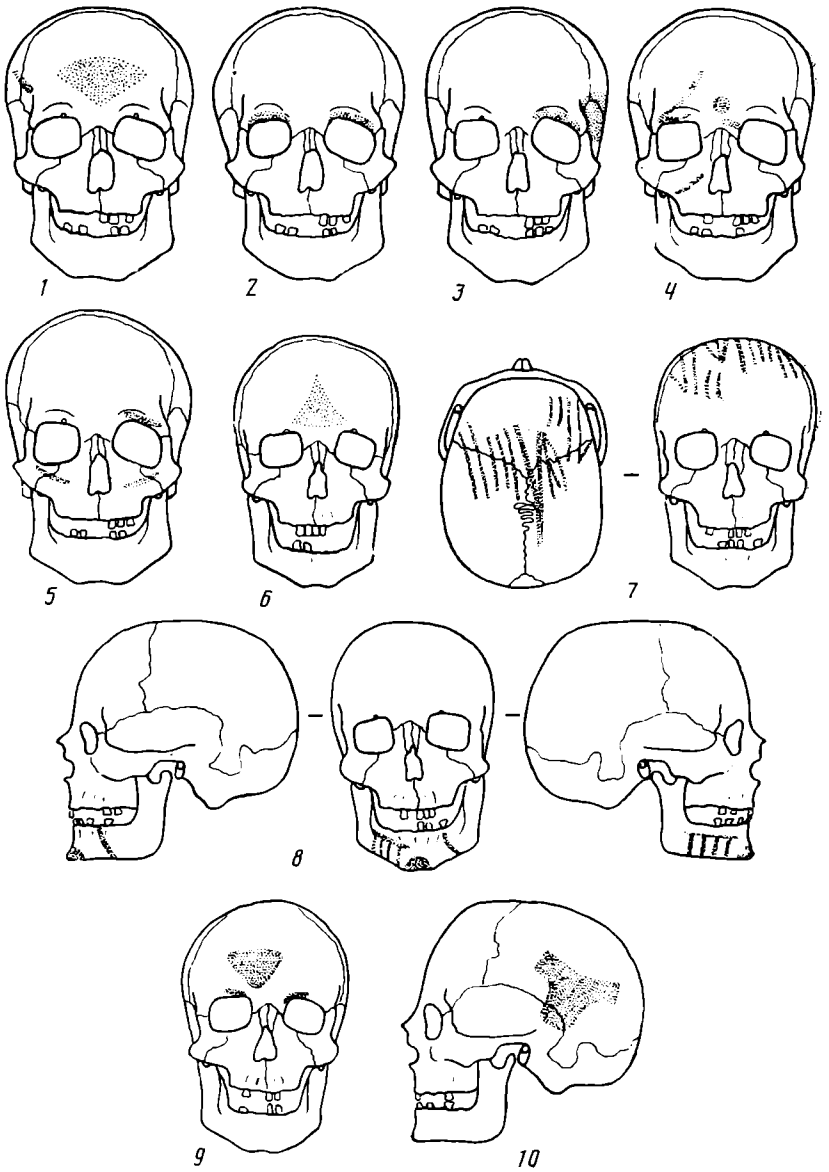


Рис. 3. Следы раскраски охрой на женских (*1–5*) и детских (*6–10*) черепах. *1–3, 6* — Усатово; *4, 5, 9, 10* — Маяки

2. Курган II-5, погр. 2, скелет 2. На своде черепа молодого мужчины наблюдается сходная с вышеописанным погребением система полосок темно-бурой охры. На лицевых костях и нижней челюсти — следы черной краски (рис. 1, *4*). На затылочной кости, за правым сосцевидным отростком — сквозной пролом от удара прямоугольным с закругленными углами орудием, вероятнее всего, обушковой частью топора-молота шириной до 4 см.

3. Курган II-7, погр. 1. Надбровные дуги черепа женщины старческого возраста покрыты краской темно-желтого оттенка (рис. 3, *2*).

4. Курган II-9, погр. 1. На лобной кости черепа ребенка прослеживается треугольное пятно красной охры (рис. 3, *6*).

5. Курган II-9, погр. 2. Темя и лобная кость черепа мужчины средних лет равномерно окрашены красной охрой (рис. 1, *6*). В левой части лобной кости имеется овальное отверстие (3,4×2,7 см), от которого отходят радиальные трещины. Дырчатый перелом произошел в результате сильного удара, нанесенного тупым орудием, вероятнее всего, топором-молотом с овальным сечением, соответствующим отверстию.

6. Курган II-9, погр. 3. Череп принадлежал женщине старческого возраста. На левом надбровье имеется полоса, а на левом виске — пятно красной охры (рис. 3, *3*).

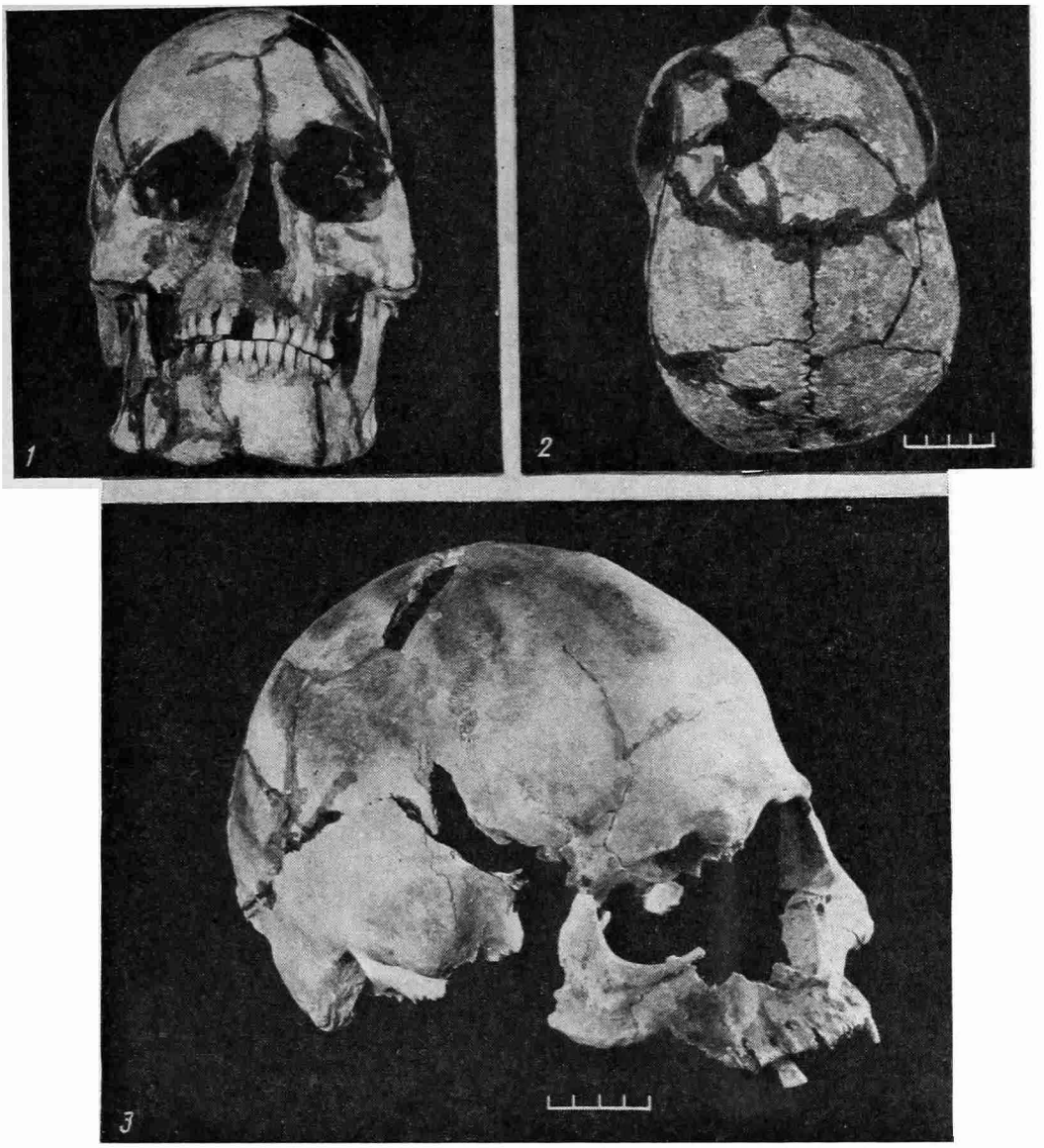


Рис. 4. Маяки. Мужские черепа со следами боевых травм и раскраски охрой. *1*, *2* – погр. 5, скелет *2*; *3* – погр. 9, кург. 1

Могильник Маяки.

1. Курган 1, погр. 9. На правой стороне мозгового отдела черепа мужчины средних лет имеется серия полос темно-фиолетовой краски. Аналогичная полоса, пересекая от затылка левую часть свода, опускается на надбровья и под правую глазницу (рис. 1, *9*; рис. 4, *3*). Левая сторона мозгового отдела черепа деформирована (плагиоцефалия), правая часть лицевого скелета значительно меньше левой. Деформация образовалась путем систематического укладывания субъекта в младенческом возрасте на левый бок. Есть основания считать трещины на левой теменной кости черепа следами ударов, нанесенных субъекту и ставших причиной смерти.

2. Курган 3, погр. 2. На своде черепа ребенка (мальчик?) возрастом около 5 лет прослеживается 15 полосок темно-бурой охры (рис. 3, *7*).

3. Курган 3, погр. 7. Череп принадлежал женщине средних лет. Полосы бурой охры прослеживаются на правой верхнечелюстной кости, надпереносье, правом надбровье и на лбу. В центре лба имеется круглое пятно краски (рис. 3, *4*).

4. Курган 3, погр. 12. Левое надбровье черепа пожилого мужчины окрашено полосой охры бурого цвета, которая соединяется с полоской

краски, пересекающей лоб снизу вверх и справа налево. Полосы краски имеются на нижней челюсти (рис. 2, *1*).

5. Курган 4, погр. 1. На черепе ребенка возрастом около 10 лет красновато-бурой охрой окрашены надбровья (полосы) и лобная кость (треугольник) (рис. 3, *9*).

6. Курган 5, погр. 5. На левой теменной кости черепа ребенка возрастом 8—10 лет имеется четкое Т-образное пятно темно-бурой краски (рис. 3, *10*).

7. Погребение 3. На лобной кости черепа молодого мужчины имеется овальное пятно красной охры (рис. 1, *8*).

8. Погребение 5, скелет 2. Нижняя челюсть, левая верхнечелюстная кость, левая скуловая дуга и левая часть мозгового отдела черепа мужчины средних лет равномерно окрашены красной охрой, поверх которой прослеживается несколько пятен красителя темно-красного цвета. Такого же цвета полоса краски имеется на левой теменной кости. На левом виске полукруглое пятно оранжевой краски. Такого же цвета пятно, но треугольной формы, расположено на лобной кости (рис. 2, *2*). Справа оно повреждено отверстием, появившимся в результате проникающего ранения головы (рис. 4, *1, 2*). Удар был нанесен с большой силой и оттяжкой так, что слом в нижней части отверстия неровный, оскольчатый. Кроме того, на черепе есть следы не менее шести ударов, вызвавших радиальные растрескивания кости от мест приложения силы. Очевидно, эти удары наносились обушковой частью топоров-молотов. Каждый из переломов достаточен для наступления смерти. Следы этих ударов располагались на теменных и затылочных костях. На черепе наблюдается деформация, происхождение и характер которой аналогичны вышеописанному погр. 9 из кург. 1.

9. Погребение 13. На черепе мужчины средних лет темно-бурая охра прослеживается в виде композиции полос, треугольника и точки на темени, лбу, надбровьях, верхней и нижней челюсти (рис. 2, *3*).

10. Погребение 14. Под глазницами и на левом надбровье черепа пожилой женщины имеются полоски красновато-бурой охры (рис. 3, *5*).

11. Погребение 16. Бурая охра покрывает нижнюю челюсть черепа ребенка: на подбородочном выступе округлое пятно, на правой ветви нижней челюсти пять полос краски, на левой ветви одна полоса (рис. 3, *8*).

Аналогичные системы следов охры на черепах открыты во многих инокультурных погребениях. Ограничимся наиболее яркими примерами. Окраску в виде четкого прямоугольника на лобной и лицевой части черепа древнеямного захоронения в кургане у с. Попильная в Побужье В. И. Никитин считает следами татуировки или тотемного знака, нарисованного на лице умершего [13, с. 62]. Сложную схему окраски черепа полосами охры И. Эчеди зарегистрировал в погребении ямной культуры на территории Венгрии [14, рис. 25]. Ю. А. Шилов обнаружил следы охры на надбровных дугах и подбородочных выступах черепов из погребений старосельского типа в Нижнем Поднепровье [15, рис. 2, *10*, *38*]. Разрисовка охрой человеческих черепов и погребальных масок практиковалась носителями катакомбных культур Украины [16, с. 81, 88], в докерамическом неолите Иерихона [17, рис. 20—22]. Имеются сведения о полосах краски на черепах афанасьевского могильника у р. Черновая; схемы полос сходны с орнаментацией на личинах каменных изваяний этой культуры [18, с. 35].

Э. Б. Вадецкая объясняет следы охры на афанасьевских черепах отложением на кости раскраски умерших и упоминает о многочисленных этнографических примерах разрисовки тела охрой. Это так называемая ритуальная косметика, вероятно широко распространенная уже на ранних этапах верхнего палеолита [19, с. 7]. Во всяком случае такого рода обряды определенно реконструируются по материалам более поздних археологических памятников — от неолита до раннего железного века включительно. Так, окраска шеи и лба умерших синей или зеленой краской наряду с посыпкой покойников киноварью практиковалась, по дан-

ным Дж. Мелларта [20, с. 87], в погребальном ритуале неолитических обитателей Чатал-Хююка; следы погребальных косметических церемоний с применением охры прослежены в скифских погребениях [21, с. 180] и т. д. Пятна охры на усатовских черепах находят аналогии и среди трипольских антропоморфных статуэток, росписи голов которых исследователи интерпретируют как изображения татуировок [22, табл. 15].

Существенно, что в захоронениях могильников Усатово и Маяки на скелетах, под костями и в непосредственной близости от них скопления порошка красок не обнаружены. Это, во-первых, исключает предположение о появлении краски на костных останках в результате последовательного контакта истлевающих мягких тканей трупа, а затем костей с охрой, рассыпанной на дне могилы. Во-вторых, с учетом охарактеризованной выше специфики следов охры на костях, перекрытых органическим тленом (остатки одежды или савана), нет оснований говорить и о посыпке погребенных краской. Очевидно, тела умерших к моменту захоронения были не посыпаны, а окрашены охрой.

Регулярный или бессистемный вид пятен охры на костях, на наш взгляд, обусловлен прежде всего локализацией красителей на теле умершего. Невозможно отложение на кости реального рисунка красками на участках тела, где объем мягких тканей значителен. Это наглядно подтверждается хаотичностью пятен охры на посткраниальных скелетах, что, однако, не мешает установить места окраски. Так, в погр. 2 (скелет 2) кург. I-12 из Усатово охрой покрыты ключицы, эпифизы плечевых костей, верхние эпифизы предплечий; надо полагать, у погребенного были окрашены плечи и локти. Чертеж, составленный Е. Ф. Лагодовской [8], позволяет судить о раскраске погребенного из кург. I-9, а именно локтя левой руки, нижней части живота, бедер и голеней, ступней ног.

В отличие от посткраниального скелета на черепах возможно равномерное отложение красителей. От условий разложения трупа, видимо, зависит, насколько четко следы охры на черепах отражают первоначальный рисунок раскраски, переходящий на кость хаотичными или регулярными (полосы, треугольники, точки и пр.) пятнами, сочетаниями тех и других. Наиболее полное сохранение раскраски возможно в условиях так называемого сухого гниения трупа, свойственного умершим от истощения или в результате большой потери крови [23, с. 202—206]. В этой связи уместно вспомнить о тех смертельных ранениях, которые впервые обнаружены на черепах погребенных. Характер и количество зафиксированных ранений головы в схватках позволяет предполагать многочисленные (до 80%) поражения всего тела, вызывавшие сильное кровотечение. Кроме того, режим сухого гниения мог обеспечиваться особенностями захоронения трупа, а именно герметичной забутовкой могил. Заполнение с прожилками солей селитры в могильных ямах, по твердости превышающее материковую почву, позволяет предполагать использование влажного, тщательно утрамбованного в могиле грунта — землебита с органическими примесями (солома?). Землебитная забутовка прослежена нами в подавляющем большинстве погребений Маякского могильника, II курганного могильника Усатово. Из этих некрополей происходит основная масса черепов, на которых наблюдаются сложные системы окраски. Изредка забутовка ям встречалась в I курганном и в грунтовом могильниках Усатово, но преобладала здесь, судя по дневникам и отчетам авторов раскопок, засыпка могил рыхлым грунтом и перекрытие их плитами. Черепа из таких захоронений имеют характерную гладкую поверхность желтоватого оттенка, следы охры, как правило, хаотичны; зачастую охра вообще отсутствует, что свидетельствует о существовании определенных разновидностей ритуала. Поверхность черепов из захоронений с забутовкой погребальных камер кальцинированная, шероховатая. Это характерно для черепов с раскраской, более или менее точному отложению которой на кость, вероятно, способствовала землебитная забутовка, фиксировавшая кожный покров головы, лица погребенного.

Переходу окраски на кости, в частности, в захоронениях без забутовки, могло способствовать тугое обертывание (свивание) тел умерших ор-

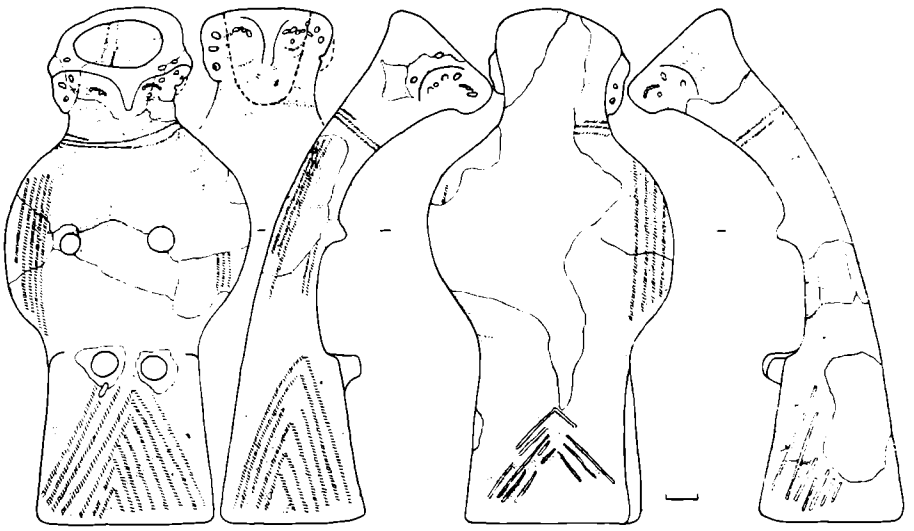


Рис. 5. Маяки. Глиняная статуэтка с росписью охрой

ганическими материалами, остатки которых в виде тлена прослеживаются на костях скелетов. О тугом обертывании трупов свидетельствует стиснутость костей грудной клетки, сильная скорченность в ряде погребений могильников Усатово и Маяки. Эта деталь ритуала отражена в погребальной пластике, изображающей антропоморфных существ в характерной для усатовских погребений скорченной позе [5, с. 153], особенно четко — на статуэтке из погр. 12 в Маяках (рис. 5). Фигурка высотой 16 см изготовлена из обожженной светло-коричневой глины с блестками, ангобирована. Орнамент — шнуровые оттиски, углубленные линии, наколы. Плечи фигурки и наколы, изображающие правый глаз, прокрашены красной охрой. Поверх орнамента и охры статуэтка расписана полосками темно-бурой краски, напоминающими схему сплошного пеленания тела.

Наблюдаются определенные различия в раскраске мужских и женских черепов (рис. 1—3). На женских черепах раскраска проще, ограничивается лицевым отделом, лбом и висками. Очевидно, красители наносились на брови, виски, щеки. В ряде случаев на лбу было нарисовано округлое или треугольное пятно. Только на черепах мужчин, а также детей. определяемых по признакам характерных для мужских погребений как захоронения мальчиков, пятна, в том числе замысловатые композиции полосок охры, встречаются на теменных и затылочных костях наряду с лицевыми, лобными и височными костями черепа. Это дает основание предполагать нанесение красителей по обритой коже головы. На некоторых мужских черепах схема полосок охры не исключает предположения о прокраске проборов прически, косичек или прядей волос, бород и усов. Точно установить время нанесения раскраски не представляется возможным. Прижизненная раскраска или ее посмертная копия представлена, вероятно, в захоронениях мужчин, где смертельными травмами головы поврежден рисунок росписи, фрагменты которой в виде пятен прослеживаются на осколках костей, проникших в момент ранения в полость черепной коробки. Эти осколки обнаружены внутри черепов при расчистке их монолитов.

Среди окрашенных охрой вещей погребенных особенно интересны глиняные антропоморфные статуэтки, аналогичные обнаруженным на поселениях Усатово и Маяки. Все изделия стилистически родственны, подразделяются на четыре типа. У статуэтки (первый тип) из погр. 12 в Маяках охрой окрашена голова, туловище и врезные линии на постаменте, чередующиеся с линиями, заполненными белой пастой, «ожерелье» (рис. 6, *1*). Роспись головы фигурки напоминает следы охры на некоторых усатовских черепах. Второй тип статуэток, ранее известный по двум фигуркам из Красногорки [1, с. 107], представлен находкой в парном детском погр. 2 кург. 3 в Маяках (рис. 6, *2*). На статуэтке имеются полосы темно-бурой и пятно красной краски. К особому, третьему

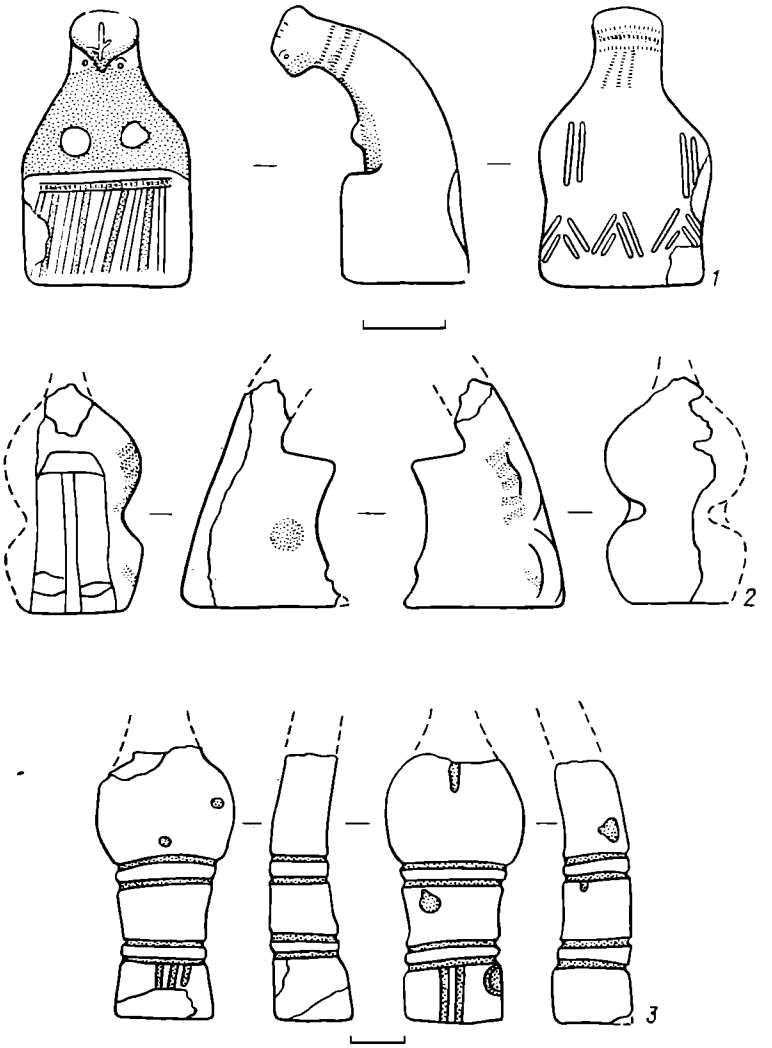


Рис. 6. Окрашенные глиняные статуэтки из могильников Маяки (*1*, *2*) и Усатово (*3*)

типу статуэток принадлежит фигурка «в свивальнике» (рис. 5). Статуэтки четвертого типа имеют прямой или слегка изогнутый профиль, грибовидную головку (она аналогична фигуркам первого типа), столбчатое основание. На экземпляре из бескурганного могильника Усатово (рис. 6, *3*) красной охрой инкрустированы отпечатки злаков и линии орнамента.

Рассмотрим подробнее обрядовые особенности погребений с охрой в Маяках. Могильник [6, 24] состоит из 25—30 курганных насыпей. За исключением кург. 1, все насыпи невелики, высота их 0,1—0,4 м. Половозрастной состав захоронений аналогичен могильнику Выхватинцы [25, с. 12]. Существенной особенностью обоих памятников является значительное количество погребений детей (более 50%), не превышающее, впрочем, гипотетическую норму детской смертности для того времени [25, с. 12—16]. Для планировки могильника Маяки характерно размещение погребений компактными группами; индивидуальные комплексы единичны (погр. 16; кург. 1, погр. 9). Половозрастной состав групп разнообразен: только детские погребения (кург. 5, например); ребенок и взрослый мужчина; женщина и мужчина (погр. 10 и погр. 13); мужчины, женщины, дети разного возраста (к примеру, кург. 3, где центральным было детское погр. 2).

Курган 1 — единственный индивидуальный мужской погребальный комплекс — сооружен в центре могильника, его насыпь окружал несоразмерно огромный ров [24, рис. 1]. Очевидно, этому кургану придавалось особое значение. Деформированная голова погребенного в этом кургане человека, погибшего в боевой схватке, была покрыта густой и сложной

раскраской, остатки которой сохранились на черепе (рис. 1, *9*; 4, *3*). Аналогичный комплекс признаков (деформация, ранения, раскраска) прослежен и на черепе мужчины из погр. 5 (рис. 2, *2*). Не менее сложной была раскраска головы пожилого мужчины из погр. 12 кург 3 (рис. 2, *3*). Схемы следов охры на других мужских черепах проще. Среди мужских погребений два (погр. 3 и 13) имели в инвентаре бронзовые кинжалы, что специфично для небольшой категории усатовских захоронений мужчин, сосуды. Один умерший (кург. 3, погр. 11) был погребен без инвентаря. Остальные могилы мужчин содержали только сосуды. Наличие охры во всех мужских захоронениях при неравноценности их погребального инвентаря, вероятно, свидетельствует о том, что охра как деталь ритуала непосредственно не связана с прижизненным имущественным положением покойного. Не исключено, однако, что с градациями имущественного и социального статуса мужчин соотносилась степень сложности раскраски. Такие факты известны, к примеру, у причерноморских «варваров» античного времени. Гай Юлий Солин сообщает, что «с гелонами граничат агафирсы, разрисованные синей краской и с выкрашенными в синий цвет волосами, притом не без различия: чем кто знатнее, тем гуще он красится, так что менее густая краска служит знаком низкого происхождения» [26, с. 242].

Женские погребения в Маяках имущественно однородны; в инвентаре керамика, изредка еще и роговые мотыги. Охрой окрашены останки женщин в редких для могильника обрядовых комплексах. Это погр. 14 — центральное в группе могил, парные погребения женщин и мужчины (погр. 5), женщины и ребенка (кург. 3, погр. 1 и 9), тройное ярусное захоронение окрашенной охрой женщины и двоих детей (кург. 3, погр. 7).

Среди детских захоронений охру содержат в основном погребения с редким для могильника инвентарем. Это изделия из бронзы: кинжал, пластина треугольной формы (амулет — ?), шилья, а также предметы культа (антропоморфные статуэтки), украшения. Кроме того, охрой сопровождались два детских захоронения с рядовым инвентарем (сосуды), но своеобразные по обряду. Это уникальный для усатовских могильников комплекс погр. 6, где череп или голова ребенка была погребена в отдельной яме, заполненной землей, камнями, костями домашнего быка и лошади, а также погр. 16 — единственный индивидуальный детский погребальный комплекс.

Исключительно важен тот факт, что инвентарь детских погребений, определенным образом соотносящийся с охрой, в имущественном отношении неоднороден. Это свидетельство того, что имущественная сторона ритуала захоронения умершего ребенка определялась соответствующим положением в обществе его родителей, а возможно, и социальной группы, к которой принадлежал покойный. В этой связи первостепенное значение приобретают находки в детских захоронениях оружия, а также предметов культа, которые встречаются и в мужских могилах [5, с. 128]. Немногочисленные усатовские погребения мужчин с кинжалами, характеризующиеся сложными и наиболее трудоемкими погребальными церемониями, специфической охровой раскраской, исследователи убедительно интерпретируют как захоронения глав семей, глав патриархального рода, племенных вождей ([1, с. 129; 2, с. 153; 4] и др.). Кинжалы в таких захоронениях выступают атрибутами власти, симптоматична принадлежность их к категории оружия. Находка кинжала в погребении ребенка, сложная раскраска мальчиков и взрослых мужчин в некоторых погребениях позволяет предполагать наследственный характер власти в усатовском обществе. Это вполне соответствует той картине имущественного и социального неравенства, которую демонстрирует археологический комплекс крупнейшего центра населения — Усатово [5].

В составе Усатовского комплекса: поселение, один бескурганный и три курганных могильника (рис. 7, *1, 2*) [4]. Материалы новых полевых иссле-

[4] Реконструкция планировки Усатово выполнена на основании топографических съемок, описаний комплекса и фотодокументов, хранящихся в архиве Одесского археологического музея АН УССР (№ 540–578, 59130–59300).

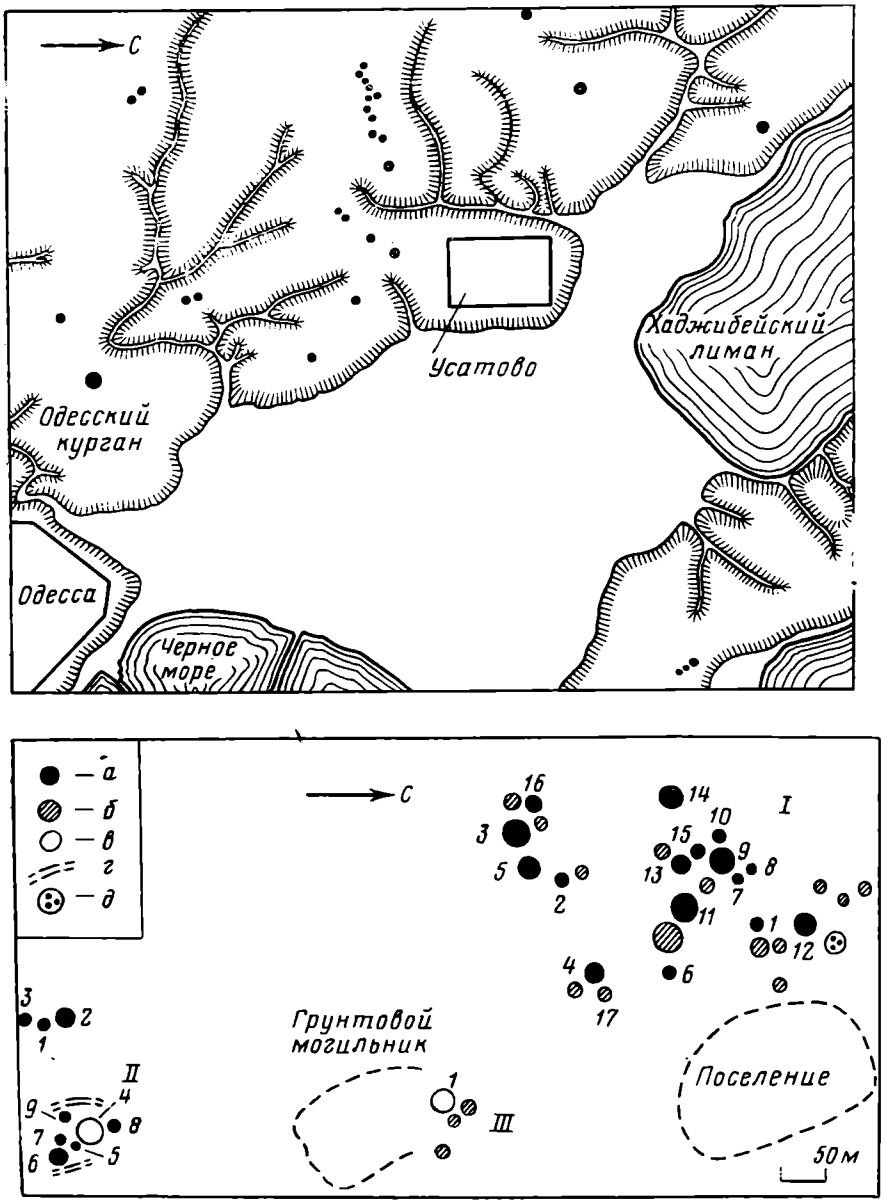


Рис. 7. Комплекс археологических памятников в с. Усатово. *1* – расположение комплекса и ближайшие курганные могильники (по топосъемке Ф. Дитерихса, 1892 г. Архив ОАМ, ф–ф, № 39/17); *2* – планировка Усатовского комплекса; *а* – исследованные курганы; *б* – разрушенные курганы; *в* – неисследованные курганы; *г* – ров; *д* – ««культовое место» (по Е. Ф. Лагодовской); *I–III* – курганные могильники

дований [12] подтверждают параллельное функционирование некрополей, имущественно-социальное различие погребенных [1, 4]. Существенно, что курганы в могильниках расположены тесными группами по 3–12 насыпей. Причем один – три кургана в каждой группе резко выделяются среди окружающих насыпей своими крупными размерами. Эти курганы-доминанты сооружены над захоронениями с наиболее богатыми и разнообразными наборами заупокойного инвентаря, включающими изделия из мышьяковистой бронзы, в том числе импортное оружие (рис. 8, *2, 8*). Неравноценное распределение инвентаря наблюдается не только между захоронениями крупных и небольших курганов, но и среди погребений последних. Это позволяет предполагать сложную иерархию погребенных, соотнесенную с их имущественным и социальным статусом. Вероятно, курганные группы, а также группы бескурганных комплексов принадлежали отдельным социальным единицам и более крупным их объединениям, соответствующим концентрации захоронений отдельными некрополями.

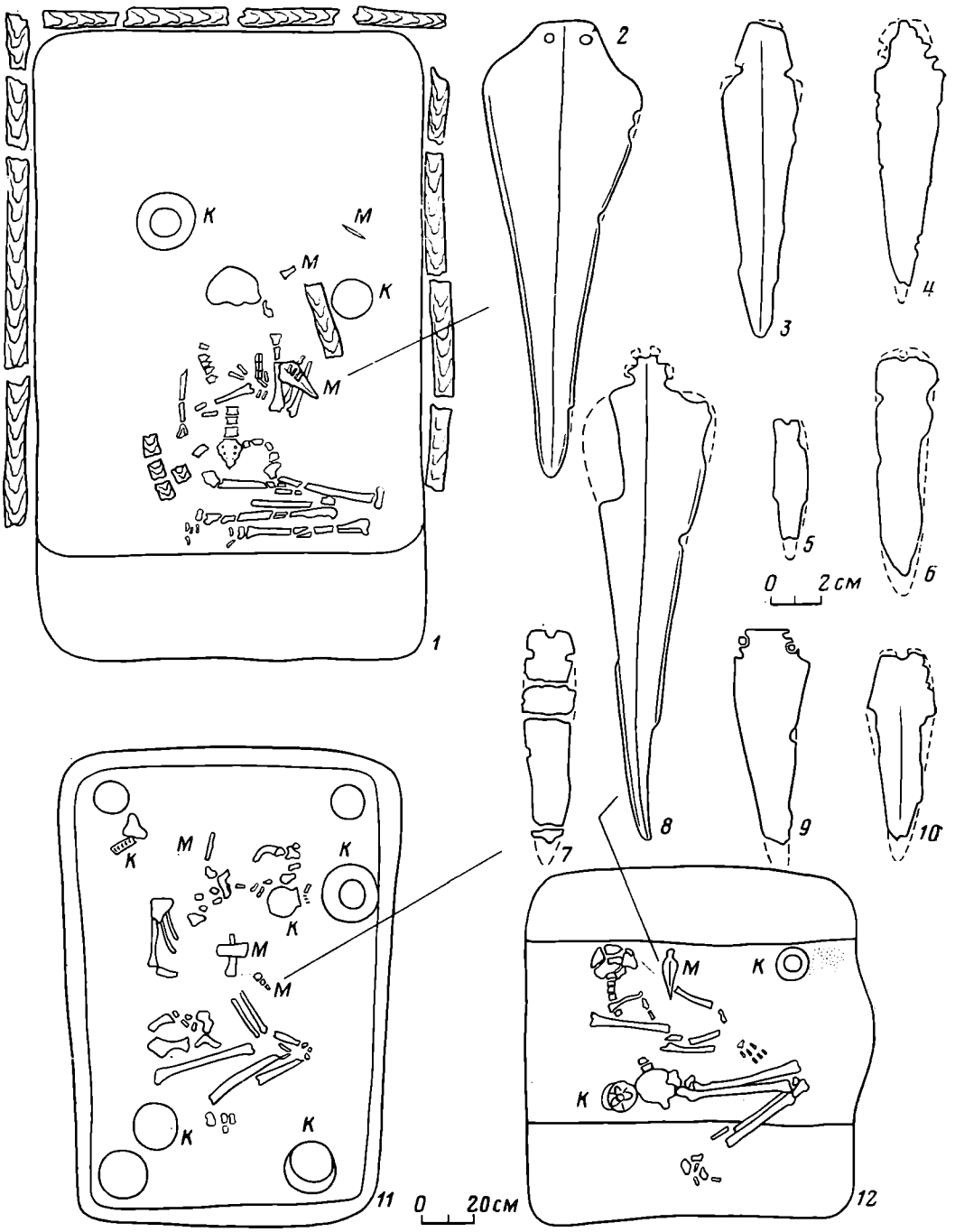


Рис. 8. Усатово. Бронзовые клинки кинжалов, планы мужских захоронений с оружием. *1*, *2* – кург. I-3, погр. *1*; *3* – кург. I-9; *4* – кург. I-6; *6* – кург. I-14; *7*, *11* – кург. I-12, погр. 1; *8*, *12* – кург. I-1, погр. 1; *9* – кург. I-4; *5*, *10* – находки на поселении; *К* – керамика; *М* – изделия из бронзы; *О* – пятно охры

Следует отметить одну особенность обряда погребений с кинжалами. Строго говоря, в захоронениях найдены не кинжалы, а лишь клинки; рукояти не обнаружены. Разумеется, последние могли быть деревянными и в некоторых случаях просто не сохраниться. Нужно, однако, учитывать вполне удовлетворительную сохранность всевозможных деревянных конструкций в погребениях с кинжалами в Усатово. У некоторых клинков отсутствуют необходимые для крепления рукояти штифты. Не свидетельство ли это того, что в захоронении иногда помещали отсоединенные от рукояток клинки? Действительно, именно клинок сжимали пальцы левой руки покойника, погребенного в кург. I-3 (рис. 8, *1*, *2*). В кург. I-9 клинок без штифтов и рукояти находился вне могилы —

в специальной яме. Клинок кинжала погр. 1 кург. I-4 найден на краю могильной ямы, а клинок погребения в кург. I-6 — в забутовке погребальной камеры. Наконец, ряд клинков из захоронений относится к вотивным предметам [1, с. 74]. Можно предположить, что указанные особенности размещения клинков в захоронениях, миниатюрные размеры некоторых изделий объясняются верой усатовцев в необходимость «обезвредить» покойника, лишить его возможности воспользоваться оружием по назначению. Если это справедливо, то вполне понятной становится редкая встречаемость предметов вооружения в усатовских погребениях, что не согласуется с большим количеством травм на останках умерших (рис. 8).

Своеобразен половозрастной состав захоронений Усатово. Количество детских погребений незначительно. Могильниками взрослых мужчин и женщин, несомненно, являлись курганы. Здесь в 51 погребении найдены останки 7 детей. Из них двое были погребены в могилах взрослых субъектов, в двух случаях отмечены захоронения черепов. Несколько больше детских погребений в бескурганном могильнике (12 из 36 погребенных). где преобладают умершие пожилого и старческого возраста и мужских погребений больше, чем женских.

Особенность Усатово — многочисленные ямы (так называемые культовые или кенотафы), не содержащие останки умерших. В культовых ямах обнаружено большинство антропоморфных статуэток, аналогичных фигуркам из могильника Маяки. Статуэтки найдены также в трех детских и одном мужском погребении грунтового могильника Усатово. Правомерно сопоставить следующие факты по могильникам Усатово и Маяки: 1) значительное количество культовых ям (Усатово) — культовые ямы единичны (Маяки); 2) незначительное количество детских погребений (Усатово) — высокий процент детских могил (Маяки); 3) антропоморфные фигурки найдены преимущественно в культовых ямах (Усатово) — фигурки найдены исключительно в детских погребениях (Маяки). Отсюда следует вывод о том, что в большинстве своем культовые ямы являлись символическими захоронениями детей, которые, очевидно, были погребены в особых местах или иным способом, чем взрослые.

Перечисленные выше данные представляются нам основополагающими для будущих детальных социологических интерпретаций комплекса Усатово, не последнее значение для которых имеет и характеристика погребений с охрой.

Охра найдена в центральных могилах крупных и небольших курганов, а также в могилах и культовых ямах, размещенных в юго-западных секторах этих насыпей. Примечательно, что погребения и культовые ямы юго-западного сектора содержат наибольшее число сосудов среди комплексов данного кургана, антропоморфные статуэтки, украшения.

В бескурганном могильнике охра имеется во всех мужских погребениях. Исключением является погр. 11/2, прочие детали обряда которого также не свойственны основной массе усатовских захоронений — отсутствует инвентарь и могильная яма. Женские и детские захоронения охра сопровождает только в комплексах ярусного типа, а кроме того, охру содержат детские погребения с антропоморфными статуэтками.

Таким образом, можно констатировать сходную с Маяками закономерность употребления охры в Усатово, а именно: охра имеется в комплексах с представительным в имущественном отношении инвентарем, сопровождает погребения с предметами культа и другими специфическими особенностями погребального ритуала, большинство мужских погребений.

Среди окрашенных погребений могильников Усатово и Маяки особого внимания заслуживают захоронения мужчин, на черепах которых обнаружены следы смертельных ранений, нанесенных, судя по всему, боевым оружием: топорами-молотами и клевцами. Множественность и профессионализм ударов и то, что они были произведены разными орудиями, которыми пользовались нападавшие, позволяет предположить, что погребенные погибли в ходе групповых боевых схваток. По следам примененного оружия его можно отнести к тому, которое характерно для сопредельных степных культур эпохи бронзы. Показательно, что следы военного трав-

матизма отмечены в могильниках этих культур [27, с. 78]. То обстоятельство, что травмы, как правило, соотносятся с раскраской погребенных и особым их положением по другим атрибутам захоронений, позволяет предполагать, что погребенные были воинами и военачальниками. Это соответствует предыдущим наблюдениям о военном травматизме (например, погребение из Незвиско [28]) у трипольцев, наличии у них разнообразного оружия, развитой оборонительной техники, зафиксированной в инженерно-строительных сооружениях на поселениях разных периодов развития Триполья [29, с. 187, 206, 222]. Оборонительные функции, несомненно, имели усатовские поселения [30], а кроме того, роль военно-стратегических сооружений при необходимости могли выполнять расположенные вблизи поселений курганные постройки. Так, в Маяках система курганов закрывает доступ на мыс, где располагался населенный пункт. Аналогична и планировка Усатово (рис. 7), где группа курганных сооружений была даже защищена рвом, обнаруженным в 1984 г. [12].

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. 1. Среди усатовских погребений имеются захоронения мужчин с боевыми травмами, раскраской и оружием, а также детей и женщин, которые можно отнести в особую социальную группу, выделяющуюся в могильниках сложностью погребального ритуала, относительным богатством заупокойного инвентаря. Следует предполагать со всей очевидностью существование в усатовском обществе значительной военной прослойки.

2. Можно утверждать, что взаимоотношения усатовцев с инокультурными племенами сопровождались военными столкновениями. Это соответствует предшествующей исторической обстановке, в которой развивалась трипольская культура.

3. Наличие в усатовском обществе военной прослойки, поселенческих и погребальных комплексов, приспособленных к нуждам обороны, далеко зашедшая имущественная и социальная дифференциация, военные конфликты подтверждают мнение исследователей о том, что усатовцы по уровню социального развития находились на ступени, близкой к строю военной демократии [2, с. 154].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1974.
2. *Дергачев В. А.* Памятники позднего Триполья. Кишинев: Штиинца, 1980.
3. *Авилова Л. И.* К изучению позднетрипольского погребального обряда // СА. 1978. № 3.
4. *Авилова Л. И.* Погребальный обряд земледельческих культур энеолита Юго-Восточной Европы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: 07.00.06. М., 1984.
5. *Патокова Э. Ф.* Усатовское поселение и могильники. Киев: Наук. думка, 1979.
6. *Патокова Э. Ф.* Новый могильник усатовского типа у с. Маяки // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев: Наук. думка, 1980.
7. *Третьяков Д. К.* Костяні останки людин з усатовських могил // Архив Одесского археологического музея АН УССР. Инв. № 59359.
8. *Лагодовская Е. Ф.* Дневник раскопок кургана I-9. // Архив Одесского археологического музея АН СССР. Инв. № 59138.
9. *Зиньковский К. В.* Антропологическая характеристика материалов из второго грунтового могильника у с. Усатово // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев: Наук. думка, 1984.
10. *Селинов В. И., Лагодовская Е. Ф.* Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. // СА. 1940. Т. V.
11. *Лагодовська Е. Ф.* Усатівська експедиція 1946 р. // АП. 1949. Т. II.
12. *Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г., Ванчугов В. П.* Отчет о работе новостроечной экспедиции «Южная» в 1984 г. // Архив Одесского археологического музея АН УССР. Инв. № 89300.
13. *Никитин В. И.* Погребения эпохи бронзы в кургане у с. Попильная // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
14. *Ecsedi I.* The People of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungari. Budapest, 1979.
15. *Шилов Ю. А.* Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1982.

16. *Ковалева И. Ф.* Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1983.
17. *Kenyon K. M.* Digging up Jericho. N. Y., 1957.
18. *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967.
19. *Иванов Вяч. Вс.* История славянских и балканских металлов. М.: Наука, 1983.
20. *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1983.
21. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1984.
22. *Погожева А. П.* Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука, 1983.
23. *Смольянинов В. М., Татиев К. И., Червяков В. Ф.* Судебная медицина. М., 1963.
24. *Зиньковский К. В., Патокова Э. Ф.* Исследование Маякского могильника в 1974 г. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978.
25. *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975.
26. *Латышев В. В.* Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 3.
27. *Круц С. И.* Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья. Киев: Наук. думка, 1984.
28. *Герасимов М. М.* Внешний облик человека из Незвиско // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960.
29. Энеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
30. *Болтенко М. Ф.* Итоги исследования Усатово // Архив Одесского археологического музея АН УССР. Инв. № 878.

K. V. Zinkovsky, V. G. Petrenko

BURIALS WITH TRACES OF OCHRE IN USATOVO BURIAL GROUNDS

Summary

Leaning on the material from the Usatovo and Mayaki burial grounds (Tripolye culture, Usatovo variant), the authors identify, for the first time, a large group of burials with traces of ochre on the faces and heads of the buried (Plate 1) and wounds inflicted in military clashes (Fig. 1, 4). The traces of ochre were evident on anthropomorphic figurines as well (Fig. 5, 6). The burials are marked by involved burial rites.

The authors have come to the following conclusions: (1) the Usatovo population had military conflicts with their neighbours; (2) the presence of special military detachments in the Usatovo society and of defended settlements and burial complexes (Usatovo, Mayaki) (Fig. 7). The evident property and social differentiation and military conflicts testify that the Usatovo population lived at a stage close to the military democracy.

К. А. СМИРНОВ

ГЕРОДОТ О НАСЕЛЕНИИ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Материальная культура населения лесной полосы Восточной Европы середины I тыс. до н. э. хорошо известна по археологическим данным. Но письменные источники об этих племенах ничего не сообщают. Исключением является «История» Геродота. Излагая в четвертой книге своего труда сведения о Скифии, Геродот пишет о народах, живших в лесах и занимавшихся охотой. Среди них упомянуты йирки и фиссагеты. Анализируя данные Геродота и сопоставляя упомянутые им народы с конкретными археологическими культурами, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что йирков Геродота следует отождествлять с дьяковской культурой, а фиссагетов — с городецкой:

«Где-то поблизости от фиссагетов, тоже в лесах, находились лесные охотники йирки. По всей вероятности, это племена соседней дьяковской культуры, тоже финно-угры по этнической принадлежности» [1, с. 192].

По сравнению с другими племенами лесной полосы Геродот сообщил об йирках довольно много. Он подробно описал их способ охоты: «Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому йирки. Они также живут охотой, занимаясь ею следующим образом: охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем, чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним» [2, с. 109].

Конечно, трудно привести неопровержимые доказательства в пользу того, что с йирками Геродота следует связывать дьяковскую археологическую культуру. Однако ряд данных позволяет предположить, что способ охоты, описанный Геродотом, мог иметь место у населения Волго-Окского междуречья в середине I тыс. до н. э. Одно из основных возражений против отождествления йирков с племенами дьяковской культуры может быть основано на предположении, что характер растительности на рассматриваемой территории в I тыс. до н. э. был такой же, как в XVIII—XX вв., т. е. бóльшую часть территории покрывали густые леса с хорошо развитым подлеском и с большим количеством ели. Преследовать зверя на коне по такому лесу, конечно, трудно даже при наличии собаки. Однако материал, накопленный в процессе археологических исследований, заставляет иначе представить себе флору лесной зоны Восточной Европы в I тыс. до н. э. (рис. 1).

В ряде случаев угли, найденные при раскопках, позволили определить, какое дерево использовали обитатели городищ при постройке укреплений и жилищ. При исследовании Старшего Каширского городища было установлено, что при сооружении укреплений применяли дубовые бревна [3, с. 8]. При раскопках расположенного рядом и относящегося к тому же времени Мутенковского городища было взято 10 образцов. По определению Г. Н. Лисицыной (Кабинет палеоэтноботаники ИА АН СССР), пять образцов составлял ясень, три — тополь, один — вяз, один — липа. Хвойных пород не было вообще. При постройке древнейших укреплений Троицкого городища был использован дуб [4, с. 138]. Возвели эти укрепления в IV—III вв. до н. э. [5, с. 14, 15].

Большая серия образцов была получена О. Н. Бадером при раскопках Пекуновского городища на верхней Волге. Выявлены сосна, ель и лиственные породы [6, с. 114].

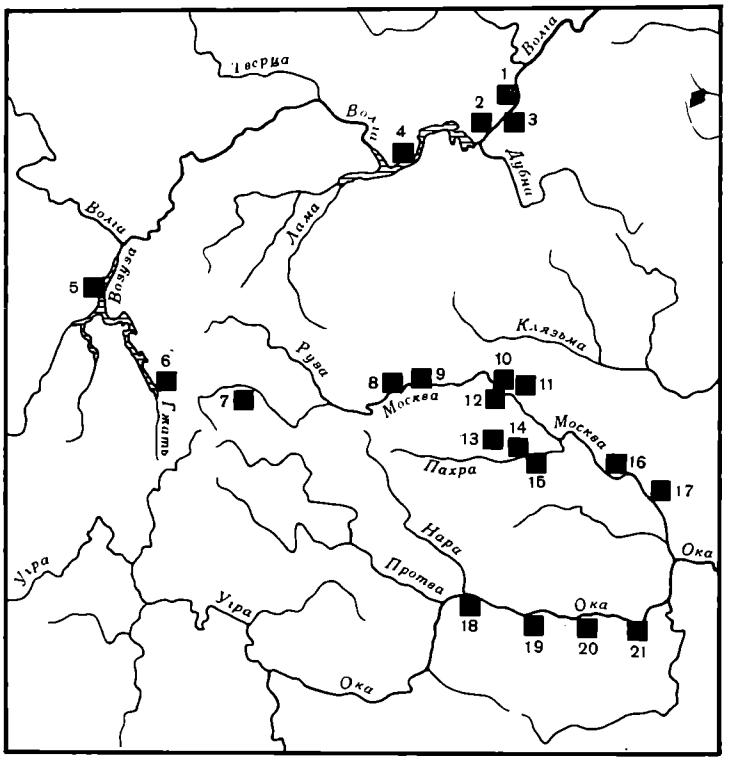


Рис. 1. Дьяковские городища Волго-Окского междуречья. *1* — «Графская Гора»; *2* — Пекуновское; *3* — «Дьяков лоб»; *4* — Корчевское; *5* — Лесничино; *6* — Савики; *7* — Троицкое; *8* — Успенское; *9* — у Саввино-Сторожевского монастыря; *10* — Дьяково; *11* — Сетуньское; *12* — Мамоново; *13* — Борисоглебское; *14* — Щербинское; *15* — Кузнечики; *16* — Круглица; *17* — Боршевское; *18* — Подмоклово; *19* — Мутенковское; *20* — Старшее Каширское; *21* — Кропотовское. Места находок образцов дерева (*1—3, 5—7, 19, 20*), псалиев (*1, 4, 20*), костяных наконечников стрел (*1, 2, 5, 8—14, 16, 18—21*), скифских вещей и подражаний им (*1, 11, 14—17, 19, 20*)

На городище «Графская Гора», находящемся на верхней Волге, из пяти образцов два составлял ясень, два — липа, один — вяз[1]. На расположенном рядом городище «Дьяков лоб» были найдены дуб и клен.

Большая серия образцов получена при исследовании городища у д. Лесничино на р. Вазуза. При раскопках вала найдены вяз, дуб, тополь, липа, береза, при исследовании постройки обнаружены ясень и сосна. На расположенном в бассейне той же реки городище Савики найдены тополь и ель. Все упомянутые памятники относятся к I тыс. до н. э., ко времени от второй четверти до рубежа нашей эры, и только городище Савики должно быть датировано второй четвертью I тыс. н. э.

Как видно из приведенных данных, для I тыс. до н. э. преобладают лиственные породы и среди них в большом количестве встречаются дуб, клен, ясень, вяз. Хвойные породы — ель, сосна — найдены только на трех памятниках, один из них относится к более позднему времени.

При постройке укреплений городищ Старшего Каширского и Троицкого было использовано большое количество дубовых бревен, что было возможно только в том случае, если рядом находились дубравы. Как известно, дубрава имеет небольшой подлесок, деревья стоят одно от другого на довольно большом расстоянии. Охота на коне в условиях дубравы возможна.

В период VI — первой половины V в. до н. э., который описал Геродот, лошадь занимала в стадах обитателей Волго-Окского междуречья одно из первых мест [7, с. 40], была уже освоена верховая езда. Об этом свидетельствуют находки роговых и костяных псалиев архаичного типа на городищах Старшее Каширское [3, с. 27], «Графская Гора»

[1] Здесь и далее определение древесных пород Г. Н. Лисицыной.

[8, с. 182] и Корчевское [9, с. 136]. Аналогичные псалии, найденные в степи и лесостепи, К. Ф. Смирнов считал наиболее примитивным видом конского снаряжения [10, с. 46]. По его мнению, они применялись не с металлическими, а с мягкими, изготовленными из сухожилий удилами. Таким образом, отсутствие металлических удил в ранних слоях городищ не может служить доводом в пользу мнения, что в VI—V вв. до н. э. жители рассматриваемого района не знали верховой езды.

Несомненно, основным способом охоты было поражение добычи стрелой. Костяные наконечники стрел найдены на городищах в большом количестве. Особый интерес в данном случае представляют наконечники, типы которых возникли во II тыс. до н. э. и дожили до середины — третьей четверти I тыс. до н. э. К их числу относятся довольно многочисленные наконечники — овальные с ромбическим сечением и одношипные. Наконечники первого типа найдены на городищах: Щербинское, Старшее Каширское, Борисоглебское, Круглица, Сетуньское, Пекуновское, Дьяково, Мамоново [11, с. 30], Мутенковское [12, с. 74]. Одношипные наконечники выявлены на городищах: Щербинское, Старшее Каширское, Борисоглебское, Подмоклово, Круглица, Боровский курган, «Графская Гора», Мамоново, у Калязина, Кропотовское, Успенское, у Саввино-Сторожевского монастыря, Лесничино [11, с. 31], Мутенковское [12, с. 74].

Контакты жителей Волго-Окского междуречья с южными соседями подтверждается рядом находок. В. А. Городцов первым обратил внимание на южные вещи и местные подражания им. Для рассматриваемого времени им были выделены костяные наконечники стрел, являющиеся подражанием бронзовым скифским оригиналам — однокрылым и шпорцовым, которые он датировал VII—V вв. до н. э. [3, с. 23—25]. Шпорцовые стрелы найдены на двух городищах — Старшем Каширском и Сетуньском [11, с. 32]. Однокрылые наконечники стрел выявлены на городищах: Старшее Каширское, Кузнечики, Щербинское, «Графская Гора», Круглица [11, с. 31], Мутенковское [13, с. 225].

По-видимому, под влиянием бронзовых скифских образцов был изготовлен костяной трехгранный наконечник с шипами при переходе от пера к черешку, найденный на Троицком городище. В скифских памятниках бронзовые наконечники аналогичной формы датируются в пределах VII—III вв. до н. э. [14, табл. 8, 9]. Из украшений надо отметить найденную на Старшем Каширском городище бронзовую булавку с биконической головкой. Ближайшее место находки таких булавок — Сатинское городище в Тульской обл., где они были в комплексе с другими скифскими предметами и датировались VI — первой половиной V в. до н. э. [15, с. 124, 125]. Интересны находки серег скифского типа на городищах Щербинском и Боршевском. Они имеют умбоновидный конический щиток, к которому с обратной стороны припаян стержень для петли. В скифских памятниках такие украшения датируются VI, VI—V вв. до н. э. [16, с. 15]. По-видимому, жители степей и лесной полосы в середине I тыс. до н. э. уже имели экономические связи. По мнению В. А. Городцова, от скифов были заимствованы формы ножей, наконечников стрел, конского снаряжения. В обмен на получаемые товары жители лесов отдавали ценные меха [3, с. 40].

Собака, судя по костям, найденным при исследовании городищ Старшего Каширского [3, с. 38], Пекуновского, Мамонова, Круглицы, была широко распространена и использовалась при охоте [7, с. 74, 75]. Остеологические находки свидетельствуют, что охота, как мясная, так и пушная, играла большую роль в экономике населения Волго-Окского междуречья [7, с. 65]. Среди вероятных объектов охоты надо назвать лося, северного оленя, косулю, кабана, медведя, лисицу [7, с. 74].

Таким образом, материал, полученный при исследовании дьяковских городищ, в полной мере сопоставляется с описанием Геродота. Нет необходимости говорить, что культура жителей этого района была неизмеримо богаче, чем она описана в «Истории». По-видимому, Геродот описал способ охоты, который поразил его. Но все элементы материальной куль-

туры и природная среда, упомянутые или подразумеваемые в описании Геродота, были прослежены при раскопках городищ. Если сопоставление иирков с дьяковской культурой правильно, то, вероятно, Геродот имел в виду ее южную часть, представленную памятниками, расположенными на средней Оке и нижней Москве-реке, которая в середине I тыс. до н. э. по ряду признаков, и прежде всего по особенностям керамического комплекса, значительно отличалась от памятников, расположенных на верхней Волге [17, с. 407].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
2. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в Истории Геродота. М.: Наука, 1982.
3. *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 85.
4. *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. 1970. № 156.
5. *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище // МИА. 1970. № 156.
6. *Бадер О. Н.* Древние городища на Верхней Волге // МИА. 1950. № 13.
7. *Цалкин В. И.* К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. 1962. № 107.
8. *Смирнов К. А.* Роговой псалий с городища «Графская гора» // СА. 1972. № 2.
9. *Смирнов К. А.* Находки с Корчевского городища из раскопок Ю. Г. Гендуне // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
10. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1.
11. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
12. *Смирнов К. А.* Раскопки Мутенковского городища // КСИА. 1980. Вып. 162.
13. *Смирнов К. А.* Костяные наконечники с Мутенковского городища // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
14. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
15. *Изюмова С. А.* О бронзовом производстве Сатинского городища // СА. 1967. № 1.
16. *Петренко В. Г.* Украшения скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. 1978. Вып. Д4-5.
17. *Смирнов К. А.* О двух районах появления сетчатой керамики // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. P. VIII. Turku, 1981.

K. A. Smirnov

HERODOTUS ON THE POPULATION OF THE VOLGA – OKA INTERFLUVE

Summary

History by Herodotus is the only written source on the population of the forest zone of Eastern Europe in the first millennium B. C. He describes the *iirki* among others. Through a comparison of what Herodotus writes about this people and archaeological data Boris Rybakov came to the conclusion that the «*iirki*» should be identified with the Dyakovo population. Herodotus describes the hunting methods in detail. It is practically impossible, however, to cite indisputable evidence that the *iirki* created the Dyakovo culture. On the other hand, the hunting methods might well be employed by the population of the Volga – Oka interfluve in the first millennium B. C.: all the elements of the material culture and the environment mentioned or implied by Herodotus have been found when digging the Dyakovo fortified settlements (bones of wild animals, arrowheads, and fishing rods). If we are right in our conjectures, Herodotus described the settlements along the middle reaches of Oka and the lower Moskva rivers.

Е. В. ПЕРЕВОДЧИКОВА

ЛОКАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ПРИКУБАНЬЯ

Одним из общепризнанно важных и интенсивно разрабатываемых направлений в скифской археологии является изучение локальных вариантов скифского звериного стиля. В науке давно уже сложилось представление о том, что единый звериный стиль, существовавший на ранней стадии скифской культуры, распался впоследствии на отдельные локальные варианты. Начало этого процесса относят к V в. до н. э., когда на территории распространения скифской культуры уже прослеживаются различия в искусстве отдельных регионов: Среднего и Нижнего Приднепровья, Поволжья и Приуралья, разных областей азиатской территории степей и лесостепей. Один из локальных вариантов звериного стиля формируется в Прикубанье — местности, весьма своеобразной по своему географическому положению: это одна из южных областей степи, находящаяся в непосредственной близости к предгорьям Кавказа, и в то же время она имеет выход к Черному морю. При этом Прикубанье остается частью степной полосы Евразии и не может рассматриваться в отрыве от других ее областей. Такое расположение не могло не сказаться на направлениях культурных связей данного региона и придало его культуре и искусству значительное своеобразие.

На особенности произведений скифского звериного стиля Прикубанья обратил внимание еще М. И. Ростовцев, отметивший для этой территории «наиболее пышный во всей эволюции юга России[1] расцвет местного орнаментального, преимущественно звериного стиля», проявившийся в неизвестной ранее ажурности вещей, сочетании зооморфной и растительной орнаментации [1, с. 327], распространении стилизации оленьих рогов в виде пальметок и геральдических композиций [2, с. 201]. Он же отмечал, что в V—IV вв. до н. э. звериный стиль встречался в основном на предметах конского убора. По мнению исследователя, указанные черты являются традиционными для скифского искусства, развившимися в возможном контакте с искусством стран Передней Азии (как изначальном, так и продолжающемся) [2, с. 201].

Те же черты — ажурность, появление элементов растительного орнамента — выделяет и А. К. Коровина, изучавшая материал Семибратних курганов. Однако исследовательница находит им объяснение в греческом влиянии, которое не наложило отпечатка лишь на «отдельные детали» изображений. По ее мнению, именно влияние греческого искусства сформировало данный локальный вариант скифского звериного стиля. Интерпретируя характерные черты звериного стиля Прикубанья, А. К. Коровина предпочитает говорить о той же тенденции к стилизации, что и в других регионах, отмечая, в частности, сходство конского убора прикубанских памятников с нижнеднепровским и признавая сугубо местными лишь «отдельные детали» [3, с. 183—185].

На некоторых специфических чертах звериного стиля Прикубанья останавливался и А. И. Шкурко, по справедливому мнению которого, таковыми являются фигурки оленей с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, отмечавшиеся и другими учеными ажурность и элементы

[1] Под «югом России» понимается преимущественно Северное Причерноморье, так как во времена М. И. Ростовцева из зооморфного искусства азиатских степей были известны лишь отдельные коллекции недокументированного материала. Это обстоятельство и определило круг материала для сравнения.

растительного орнамента, а также фигурки зверей с перевернутым туловищем [4]. Однако, поскольку вещи из Прикубанья не были предметом специального рассмотрения исследователя, говорит он о них лишь вскользь.

В целом же можно заметить, что при всем различии задач, стоявших перед упомянутыми исследователями, никто из них не рассматривал звериный стиль Прикубанья на фоне достаточно широкой территории. Во времена М. И. Ростовцева для этого еще не хватало данных, а последующие исследователи не ставили перед собой такой задачи и ограничивались лишь сравнением с искусством близлежащих областей. Поэтому трудно судить, относительно чего определялась локальность тех или иных черт искусства Прикубанья. В наше время, когда уже сформулировано представление о культурах скифского облика всей степи Евразии [5], встает необходимость рассмотреть звериный стиль Прикубанья на этом широком фоне.

Невозможно судить с уверенностью о характерных чертах искусства какого-либо региона, не изучив предварительно весь имеющийся материал. Поэтому в настоящей статье излагаются выводы, сделанные на основе анализа всех выявленных на 1980 г. произведений звериного стиля Прикубанья[2]. Находки хранятся в Государственном Эрмитаже, Государственном Историческом музее и музеях Краснодара и Майкопа[3]. Материал обработан методом корреляции приемов изображения и вида изображенного животного [6; 7, табл. 1—7]. Метод позволил определить основные принципы организации произведений звериного стиля и отметить отличительные черты прикубанского материала.

Данные корреляционных таблиц дают возможность выделить три модификации изобразительной системы звериного стиля в Прикубанье: 1) ранние произведения скифского искусства, характеризующиеся теми же признаками, что и звериный стиль других областей Северного Причерноморья в раннее время; 2) материал из памятников круга Семибратних курганов V в. до н. э.; 3) предметы звериного стиля из курганов у ст. Елизаветинская и подобные им вещи IV в. до н. э. Соотношение видов изображенных животных принципиально не меняется. В раннее время известно 10 изображений хищников[4], 9 — оленя, 4 — барана, 3 — козла, 2 — лошади, 2 — быка, 2 — молодых оленя (?), 13 — птиц. В памятниках V в. до н. э. изображений хищников 13, оленя — 13, лошади — 2, кабана — 2, птиц — 15. В IV в. до н. э., когда преобладают изображения частей животных, хищник изображен 74 раза, олень — 61, баран — 3, козел, бык и кабан — по 1 разу, птица — 161 раз [7, табл. 1—7].

Признаки произведений звериного стиля в результате проведенной корреляции разделились на связанные и не связанные с сюжетом изображения (или значимые для определения сюжета и «изобразительные инварианты»[5]). Это разделение оказалось универсальным для всех отмечен-

---

[2] Новые находки в Прикубанье, сделанные экспедицией ГМИНВ, не вносят принципиальных изменений в построенную ранее картину.

[3] Автор выражает глубокую признательность всем сотрудникам упомянутых музеев, оказавшим помощь в сборе материала, и особенно благодарен Л. К. Галаниной, Н. Л. Грач и Л. А. Булава, любезно предоставившим возможность поместить в статье изображения неопубликованных вещей, хранящихся в фондах Эрмитажа и Краснодарского музея.

[4] При подсчете учитываются только вещи из комплексов и те, которые можно датировать по стилю. Изображения с нечеткой датировкой опущены. За единицу принимается не каждое из ныне существующих изображений, а представитель каждой серии одинаковых, происходящих из одного комплекса, или же единичное изображение. В противном случае цифры отражали бы скорее сохранность комплексов (несколько одинаковых бляшек от одного уздечного набора не более представительны, чем одна сохранившаяся бляшка), нежели действительное распространение изображений в древности. Количество одинаковых изображений обозначено буквами при номерах в каталоге [7]. Изображения частей животных и зооморфные превращения учитываются.

[5] Термин предложен Я. А. Шером [8. с. 41].

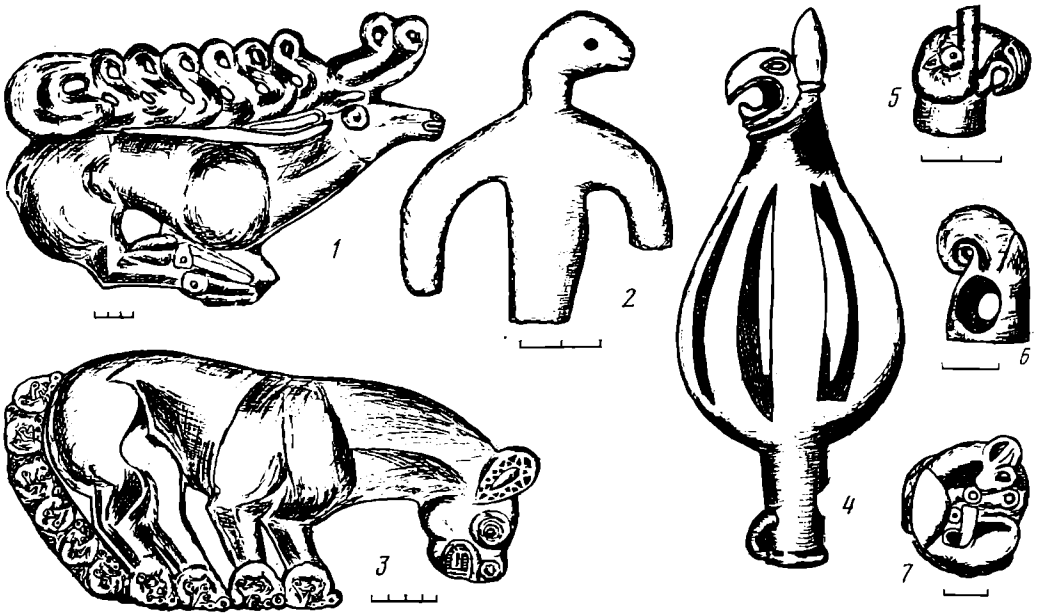


Рис. 1. Изображения животных в раннем зверином стиле Прикубанья. *1* — олень, ст. Костромская [48, с. 13, рис. 46]; *2* — птица с распростертыми крыльями, р. Карасун [49, с. 68, рис. 29, *1*]; *3* — хищник, Келермес, кург. 1 [50, табл. 12]; *4* — навершие с головой грифона, Келермес, кург. 3 [2, табл. X, *В*; *5* — голова грифо-барана, кург. 2 [51, с. 94, рис. 159]; *6* — голова хищной птицы, Келермес, кург. 2 [31, с. 14, рис. 13]; *7* — хищник, Келермес, кург 2 [31, табл. 35]; *1*, *3* — нащитная бляха; *2*, *7* — ручка зеркала; *5* — пронизь; *6* — уздечная пронизь

ных разновидностей, поэтому при описании и анализе их особенностей оно будет соблюдаться.

Инвариантами оказались моделировка поверхности тела животных, манера изображения глаза, лопатки и бедра. Поза, оформление ноздрей и пасти, ушей и концов ног животных всегда значимы для определения сюжета изображения. В рассматриваемых разновидностях звериного стиля Прикубанья значения этих признаков различны.

Для ранней группы памятников (рис. 1) характерны определенные черты, несвойственные изображениям, происходящим из других групп. Так, моделировка поверхности, оставаясь безразличной к сюжету изображения, чаще всего носит характер сходящихся под углом плоскостей, иногда в смягченном варианте. Глаз, также незначимый признак, в этой группе изображений круглый, в разной степени преувеличенный (исключения единичны). Лопатка у всех животных выделена достаточно четко рельефом, иногда она может быть с выемкой. На бедре, тоже всегда выделяемом, как правило, имеется выемка. Набор поз животных, различающихся в соответствии с их видами, тоже ограничен. Так, хищники могут быть показаны свернувшимися в кольцо (причем настолько плотно, что не для всех деталей изображения находится место и они обычно перекрывают друг друга) или же на согнутых под тупым углом ногах. Подогнутая передняя нога копытных всегда входит концом в изгиб задней ноги, голова обычно смотрит вперед. Уши хищников, как правило, показаны кружками, лишь у Келермесской пантеры ухо каплевидное. Длинные уши оленей всегда прямые и вытянуты назад. Пасть хищников подана в виде кружков или же раскрытая — полуовалом. В изображении пасти оленей преобладают петлеобразные линии. Концы ног хищников изображены в виде кружков, могут быть усилены дополнительными изображениями свернувшихся хищников. Рога оленей показаны в виде стержня с отходящими от него отростками S-видной или кольцевидной формы.

Помимо реальных зверей в раннее время изображаются грифо-бараны (рис. 1, *5*) и орлиноголовые грифоны раннегреческого типа (рис. 1, *4*).

Рис. 2. Изображения животных V в. до н. э. *1* – протома и коготь грифона, Тузлинский некрополь [52, № 228] [6], *2* – голова оленя, Малые Семибратние курганы [50, табл. 6Д]; *3* – хищник, Семибратние, кург. 4 [31, с. 34, рис. 60]; *4* – олень, Шунтук [53, рис. на с. 32]; *5* – хищник, Семибратние, кург. 4 [30, рис. на с. 13]; *6* – голова хищной птицы, Семибратние, кург. 2 [29, рис. на с. 126]; *7* – сцена терзания, Семибратние, кург. 4 [30, табл. II, *6*]; *1*, *3* – псалий; *2*, *4*–*6* – уздечная бляха; *7* – обкладка ритона

Памятники круга Семибратних курганов (рис. 2) отличаются следующими значениями основных признаков. Поверхность тела всех животных, независимо от видов, подана в низком рельефе, расчлененном на плоскости лишь при изображении отдельных деталей. Поверхность может также заполняться мелкими рельефными полосками полукруглого или треугольного сечения. Глаз, как правило, удлиненный, зачастую подведен с двух сторон, может помещаться в соответствующей формы углубление (в этом случае показан круглый зрачок). Круглый глаз встречается только на изображениях птиц. Лопатка и бедро животных, всегда выделенные, могут быть отмечены рельефом или же обведены по контуру узкой полоской. Позы, различные для разных видов животных, также вполне специфичны. Наряду с общей для всех рассматриваемых групп позой свернувшегося хищника часты позы, характерные только для этой группы (хищники с перевернутым туловищем), и позы, отличающие эту группу от ранней (хищники на согнутых под прямым углом ногах). Копыта подогнутых ног оленей всегда соприкасаются, головы этих животных всегда повернуты назад. Уши хищников могут быть сердцевидной или же треугольной формы. Уши оленей, чаще каплевидные, нежели ромбовидные, в любом случае прямые, направлены не горизонтально, а под углом назад и вверх по отношению к голове. Только у этой группы встречается изображение шерсти на ушах оленей. Пасть хищников, всегда раскрытая, показана полуовалом, внутри которого видны зубы. Ноздри и пасть копытных отмечены обычно одной или двумя черточками. На концах лап хищников изображаются когти, сами окончания лап несильно увеличены. Рога оленей поданы в виде двух симметрично расходящихся из одной

[6] Приношу глубокую благодарность Н. Л. Грач, любезно указавшей мне эту работу.

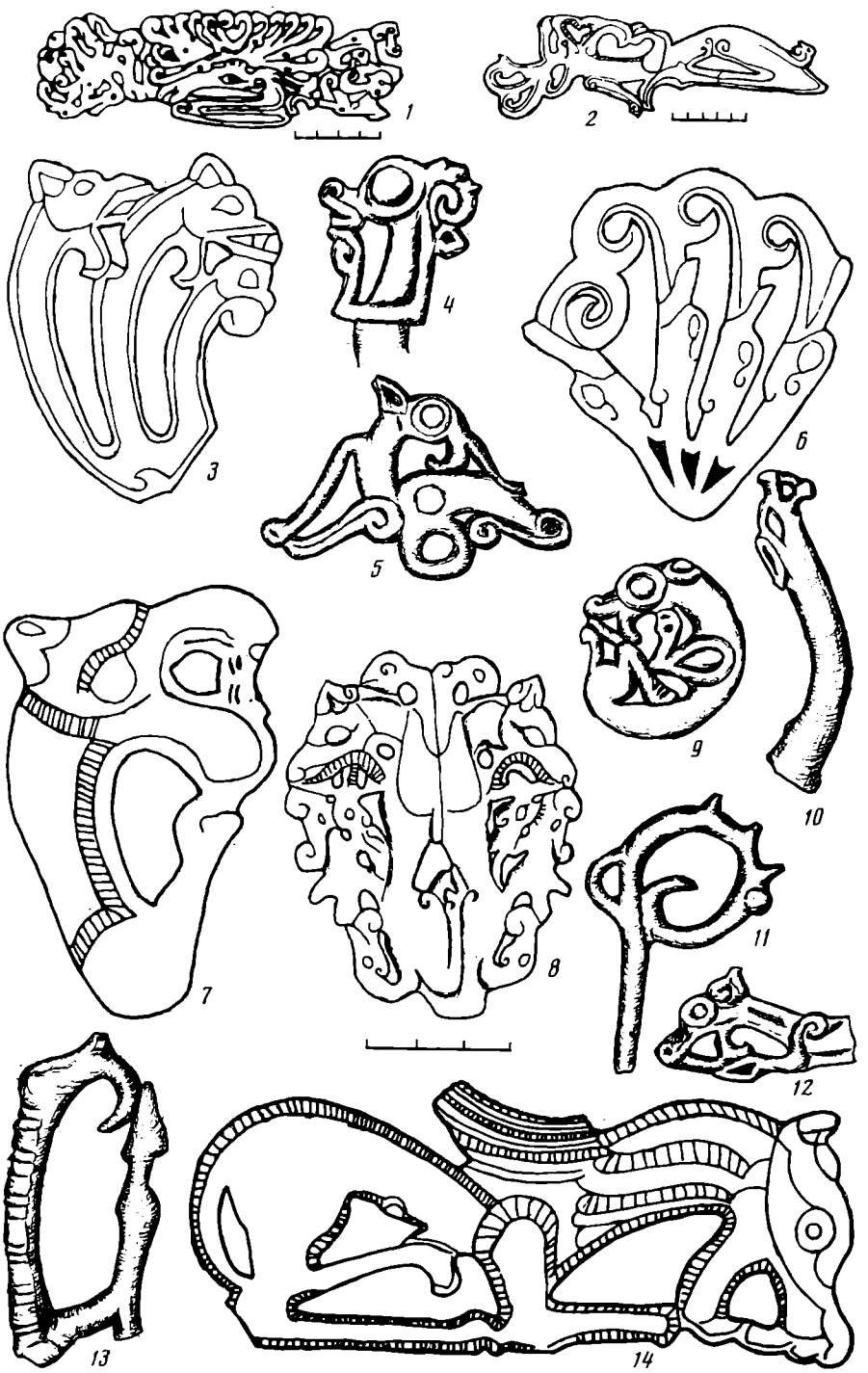


Рис. 3. Изображения животных IV в. до н. э. *1* – протома оленя [54, с. 129, рис. 186]; *2* – крылатый оленерогий зверь, ст. Елизаветинская [2, с. 194, рис. XXII, *Н*]; *3* – головы хищников и птицы на рогах оленя [55, рис. 3, *6*]; *4* – протома львиноголового трифона ахеменидского типа, ст. Елизаветинская, ГЭ, Ку 1917, 1/128; *5* – голова синкретического существа, ст. Воронежская, кург. 19 [56, с. 74, рис. 141]; *6* – рога оленя, Семибратние, кург. 3 [3, с. 183, рис. 8, *2*]; 7 – протома хищника [55, рис. 2, *8*]; 8 – композиция из двух сцен терзания, ст. Елизаветинская [9, табл. XI, *8*]; *9* – хищник, ст. Елизаветинская [55, рис. 2, *2*]; *10* – голова хищника, ст. Воронежская, кург. 19 [56, с. 74, рис. 151]; *11* – голова орлиноголового грифона, ст. Воронежская, кург. 19 [56, с. 74, рис. 150]; *12* – протома хищника, ст. Елизаветинская, ГЭ, Ку 1917, 1/247, 238; *13* – протома хищника, ст. Елизаветинская, ГЭ, Ку 1914, 1/72; *14* – крылатый зверь; Краснодарский музей; *1*, *2*, *9* – уздечная бляха; *3*, *4*, *6–8*, *12*, *13* – псалии; *5* – уздечная привеска, *10* – деталь узды, *11* – налобник

точки пучков ветвей, образующих рисунок типа пальметки, что в целом, учитывая позу животного (ноги подогнуты, голова повернута назад), создает симметричную композицию.

Среди немногочисленных изображений синкретических существ интересны протомы грифонов раннегреческого типа, но трактованные поновому — в том же стиле, что и изображения реальных животных той же группы (рис. 2, *1*). В этой группе изображений впервые появляются сцены терзания (рис. 2, *7*).

Иными особенностями отличаются произведения искусства из памятников IV в. до н. э. (рис. 3). Поверхность тела всех животных может быть подана в низком рельефе, иногда с выделением отдельных деталей рельефными полосками (такие полоски могут выделять детали и на плоской поверхности), распространена также «цилиндрическая» моделировка (например, рис. 3, *10, 11, 13*). Чаще всего встречаются изображения животных на плоских пластинах. Глаз, различной формы без всякой связи с видом животного, может быть подведен с одного или двух углов. Специфическим является круглый глаз с подведенными углами (каким-либо одним — внешним или внутренним — или обоими). У всех животных лопатка и бедро если выделены, то слабо, без выемки. Иногда на этих частях тела может помещаться спираль или птичья голова. О позах животных в этой группе судить труднее, так как здесь чаще встречаются изображения протом или голов, чем целых фигур (одна из отличительных черт этой группы памятников). Позы, как всегда, различные для разных видов животных, также отличают изображения данной разновидности от остальных. Поза свернувшегося хищника утрачивает былую компактность: не только находится место для всех деталей изображения, но и остается пустое пространство, зачастую оформленное в виде прорезей. У хищников на согнутых под прямым углом ногах голова, как правило, повернута назад (голова с прижатой к ней передней лапой встречается только на протомах, поэтому неизвестно, в какой позе представлены эти животные). Немногочисленные целые фигуры оленей с подогнутыми ногами показаны с повернутой назад головой и соприкасающимися копытами. Пасть хищников, чаще всего раскрытая, изображается в виде «лотоса» (если пасть закрыта, показывается лишь один завиток — верхний или нижний) или же имеет треугольные очертания. Как правило, изображаются клыки (поперечной перекладиной или же загнутыми внутрь), иногда и все зубы. У копытных ноздри и пасть отмечены одной или двумя черточками, иногда не показаны вовсе. Уши хищников маленькие, треугольной или сердцевидной формы, в некоторых случаях показаны завитками (кружками не обозначены ни разу). Уши оленей, как всегда, длинные, не прямые, как ранее, а изогнуты и поднимаются вверх. Окончания лап хищников, массивные, с отмеченными когтями, никогда не показываются кружками. Копыта акцентированы довольно слабо. Рога оленей сильно разветвленные, сложного рисунка, всегда асимметричной композиции.

Из синкретических существ изображаются львиноголовые грифоны ахеменидского типа (рис. 3, *4*), оленерогие звери (рис. 3, *2*), крылатые звери (рис. 3, *14*). Есть также сильно стилизованные изображения грифонов греческого типа IV в. до н. э. (рис. 3, *11*). Встречаются сцены терзания и антитетические композиции. На рис. 3, *8* антитетическая композиция составлена из сцен терзания.

Выделенные модификации изобразительной системы представляют необходимый материал для рассуждений о локальности тех или иных черт звериного стиля Прикубанья, поскольку отличающие их признаки в разной степени являются общими для тех или иных территорий распространения скифского звериного стиля и в различной же мере — отличительными чертами прикубанского его варианта.

Что касается ранней группы произведений звериного стиля, то ее отличают в основном те же признаки, что и скифское искусство других областей степной Евразии [9, с. 28, 29]. Признаки же, отделяющие европейские образцы звериного стиля от азиатских, как известно, не нару-

шают существовавшей в то время общности. Они немногочисленны и давно выделены в литературе. К ним относятся, например, различия в моделировке тел животных, более мягкой на востоке [10, с. 26], различия поз оленей [11, с. 168, 169] и свернувшихся хищников [12, с. 32]. К выделенным признакам можно добавить, что хищники азиатских степей могут изображаться и с согнутыми под прямым, а не тупым углом ногами, как, например, в кург. 27 [13, с. 204, рис. 7, *2*] и 28 Уйгарака [14, с. 141, табл. X, *10—12*]. В этой ситуации произведения звериного стиля Прикубанья, безусловно, относятся к европейской провинции скифского звериного стиля.

Впрочем, несомненно входя в одну общность с произведениями искусства Северного Причерноморья, прикубанская группа звериного стиля выделяется из нее тем, что именно здесь найдены памятники эпохи сложения скифской изобразительной традиции. Это прежде всего Келермесская секира [15]. Знаменитая Келермесская пантера (рис. 1, *3*), один из эталонных памятников скифского искусства, также несет на себе следы восточного происхождения звериного стиля: инкрустация глаза цветным камнем, дробная разделка уха и изображение пасти с зубами и языком, а также не строго профильное изображение фигуры с показом четырех ног [16, с. 70]. Тот факт, что эти вещи найдены вместе с произведениями сложившегося звериного стиля, не только свидетельствует о быстроте процесса сложения скифского искусства, но и позволяет говорить об определенной локальной специфике Прикубанья и в это время.

По сравнению с ранней разновидностью звериного стиля Прикубанья две другие достаточно своеобразны, причем некоторые черты, отличающие памятники V и IV вв. до н. э., являются общими для этих двух групп. Это позы хищников (перевернутое туловище и согнутые под прямым углом ноги), а также манера изображения уха (сердцевидное), ноздрей и пасти («лотосовидная» и производные от нее формы), выделение лопатки и бедра линией особой конфигурации. Указанные признаки, объединяющие памятники V и IV вв. до н. э., отличают их не только от ранних изображений, но и от изобразительных памятников этого времени других районов Северного Причерноморья — обстоятельство, которое, казалось бы, дает основания считать эти черты локальными. Однако, являясь редкими, нехарактерными для восточноевропейских вариантов скифского звериного стиля, они в то же время встречаются в изобразительных памятниках значительной территории Евразии к востоку от Прикубанья: в Приуралье, Поволжье, Алтае, Казахстане, Туве, Средней Азии и Иране. Так, схожая манера выделения лопатки у животных разных видов характерна для вещей из Амударьинского клада (рис. 4, *5*) [17, № 10, 116], Сибирской коллекции Петра I (рис. 4, *10*) [18, табл. XVI, XXII, *12*], Пазырыкских курганов (рис. 4, *4*) [19, табл. CXVII, с. 277, рис. 16], кургана Иссык в Казахстане (рис. 4, *3*), Персепольских рельефов (рис. 4, *6*, *7*) и некоторых других памятников ахеменидского круга (рис. 4, *1*). Этот изобразительный элемент здесь так же безразличен к сюжету изображения, как и в зверином стиле Прикубанья. В искусстве Древнего Востока, откуда происходит этот прием стилизации, он применялся таким же образом [15, с. 145].

В этом же круге памятников встречаются и значимые по отношению к сюжету изображения признаки, отличающие звериный стиль Прикубанья V—IV вв. до н. э. Такими признаками представляются согнутые под прямым углом ноги хищников, известные в памятниках Поволжья (рис. 4, *11*) [20, с. 55, рис. 18], Алтая [21, с. 118, табл. XIX, *3, 5* с. 81, рис. 27], Тувы [22, с. 72, рис. 57, *1*], Амударьинского клада [17, № 116] (изображений копытных в этой позе не встречено). То же можно сказать и о таких признаках, как «лотосовидная» пасть и сердцевидное ухо хищников, также известных по произведениям искусства Ирана [23, рис. на с. 50], Казахстана (рис. 4, *3, 8*), Поволжья (рис. 4, *2*) [24, рис. 78, *7*], Приуралья [25, табл. 23, *5*], из Сибирской коллекции Петра I (рис. 4, *10*). Исключение среди значимых признаков составляет поза животных с перевернутым туловищем. Отличающая в Прикубанье изображения

Рис. 4. Примеры сходства предметов звериного стиля Прикубанья V—IV вв. до н. э. с вещами из других областей. *1* — Эребуни [46, рис. на с. 76]; *2* — Бережновка (Поволжье) [24, с. 370, рис. 78, *5*]; *3* — Иссык [27, с. 86, рис. 3]; *4* — Пазырык, кург. 2 [19, с. 129, рис. 75]; *5* — Амударьинский клад [17, № 10]; *6*, *7* — Персепольские рельефы [57, рис. 67]; *8* — Иссык [27, с. 107, рис. 26]; *9* — Алтай, коллекция Фролова [19, табл. XXX, *2*]; *10* — Сибирская коллекция Петра I [18, табл. XVI]; *11* — Абрамовка (Поволжье) [20, с. 35, рис. 18]

хищных зверей, она в рассматриваемом широком ареале свойственна и изображениям животных других видов [18, табл. VIII, *7*, 8; 19 табл. XII, *2*; 26, с. 190; 27, рис. 6, 25; 28, рис. 40]. Поэтому сходство по данному признаку в отличие от предыдущих не носит системного характера, хотя само по себе оно тоже достаточно важно.

Приведенные немногочисленные примеры не претендуют на полноту отражения сходства изобразительной системы звериного стиля Прикубанья с искусством более широкой территории; они призваны лишь проиллюстрировать его существование. Заслуживает внимания и тот факт, что положение признаков в системе изображения в основном не противоречит законам построения изобразительной системы, выявленной на образцах из Прикубанья. При этом, как отмечалось выше, каждая из модификаций данной системы отличается своей спецификой.

В материале V в. до н. э., происходящем из Семибратних курганов и похожих памятников, прежде всего бросается в глаза отказ от условной моделировки тела в пользу более натуралистической. Этот признак, а также новую манеру изображения глаза справедливо объясняют греческим влиянием [4, с. 36]. Но влияние греческого искусства на скифский звериный стиль нельзя считать односторонним: среди золотых бляшек из Семибратних курганов, чисто греческих по манере исполнения [29, табл. II, *9*, *13*; табл. III, *8*, *14*, *15*, *17—29*; 30, табл. I, *1*; 31, с. 38, рис. 70], встречаются изображения оленей [29, табл. III, *17*] и козлов [29, табл. III, *19*] с подогнутыми ногами. При этом если у оленей показаны все четыре ноги и фигурка в целом может быть понята просто как изображение лежащего оленя, то строго профильное изображение козла с вытянутой вперед головой и подогнутыми ногами, копыта которых ле-

жат друг на друге, не оставляет сомнений в том, что перед нами пример влияния скифского звериного стиля на греческое искусство, лишний раз демонстрирующий взаимодействие греческого искусства и искусства местных племен,— явления, давно отмеченного в литературе [32]. В данном же случае следует обратить внимание на то, что, несмотря на значительное влияние античного искусства, сама изобразительная система сохраняется и в рассмотренном ее варианте действуют те же закономерности, что и в остальных.

В отличие от изображений этой группы вещи IV в. до н. э. не имеют указанных признаков греческого влияния. Их характеризует, напротив, утрирование основных деталей изображения до такой степени, что оно превращается в схему, соединяющую набор признаков, необходимых для распознавания вида животного. Такая ситуация обычна для поздних произведений звериного стиля, она в достаточной мере отражает тенденцию к схематизации изображений, которая считается присущей скифскому звериному стилю. То же можно сказать и о редуцированных изображениях, столь частых в искусстве Прикубанья IV в. до н. э. [9, с. 28, 29]. Специфически же прикубанскими при этом представляются моделировка фигур («цилиндрическая» и плоские вещи с гравировкой) и весьма своеобразные головы оленей с сильно разветвленными рогами сложного рисунка. Последняя особенность отмечается А. К. Коровиной и трактуется как пример античного влияния на поздний звериный стиль Прикубанья, которое будто бы и определило в конечном итоге его специфику [3, с. 184]. Признавая ажурность и сложность рисунка общими признаками пальметки и поздних изображений, заметим, что сходства этого недостаточно для подобного утверждения. Одной из отличительных черт поздних ажурных композиций является асимметрия их рисунка, в то время как пальметка — фигура непременно симметричная. В то же время идея симметрии скорее всего воспринималась звериным стилем и не нарушала его основ. Об этом говорит прежде всего существование в зверином стиле Прикубанья других регионов антитетических композиций. В материале Семибратних курганов есть фигурки оленей симметричной композиции (рис. 2, *4*) [30, с. 136]. Расположение рогов, коленей, крупа и лопатки симметрично относительно некой условной линии, определяемой положением глаза и стыка копыт животного. Эти изображения отличаются признаками греческого влияния в той же мере, в какой и прочий материал Семибратних курганов, и именно в них прослеживается основной принцип организации пальметки, чего нельзя сказать о плоских гравированных изображениях асимметричной композиции. Возвращаясь к последним, заметим, что отсутствие симметрии, принципиально воспринимаемой звериным стилем, ставит под сомнение роль греческой пальметки в образовании таких композиций. Следует также вспомнить, что сам принцип усиления, увеличения рогов оленя является собственно скифским и всегда использовался в зверином стиле. То же можно сказать и о тенденции скифского искусства к схематизации изображений, в русле которой находятся рассматриваемые композиции.

Что касается цилиндрической моделировки тел животных, а также обилия плоских гравированных изображений, то само сочетание таких признаков в этой группе памятников наводит на мысли об их происхождении: именно таким образом моделировались изображения животных в искусстве кобанской культуры. Эти приемы стилизации глубоко традиционны для кобанского искусства и встречаются не только на предметах древнейшего периода этой культуры, но и на вещах из таких памятников, как Казбекский клад (рис. 5, *1*, *7*) [33, с. 144, рис. 124, табл. LXX, *1*, LXIX, *1*, LXXI, *3*, с. 149, рис. 130; 34, с. 125, рис. 22], Камунта (рис. 5, *2*) [33, с. 303, рис. 236, табл. CXVIII, *25*], Фаскау (рис. 5, *3*), Рутха (рис. 5, *5*) [33, с. 248, рис. 202, табл. CV, *8—17*], погребения в колодцах Кобани (рис. 5, *6*), Архон [33, табл. CXXXI, *3*] — памятников, принадлежность которых к позднему периоду существования кобанской культуры давно доказана [35, с. 191 сл.]. Бляхи типа Исти-Су с гравированными изображениями животных (рис. 5, *4*) [36, с. 70—

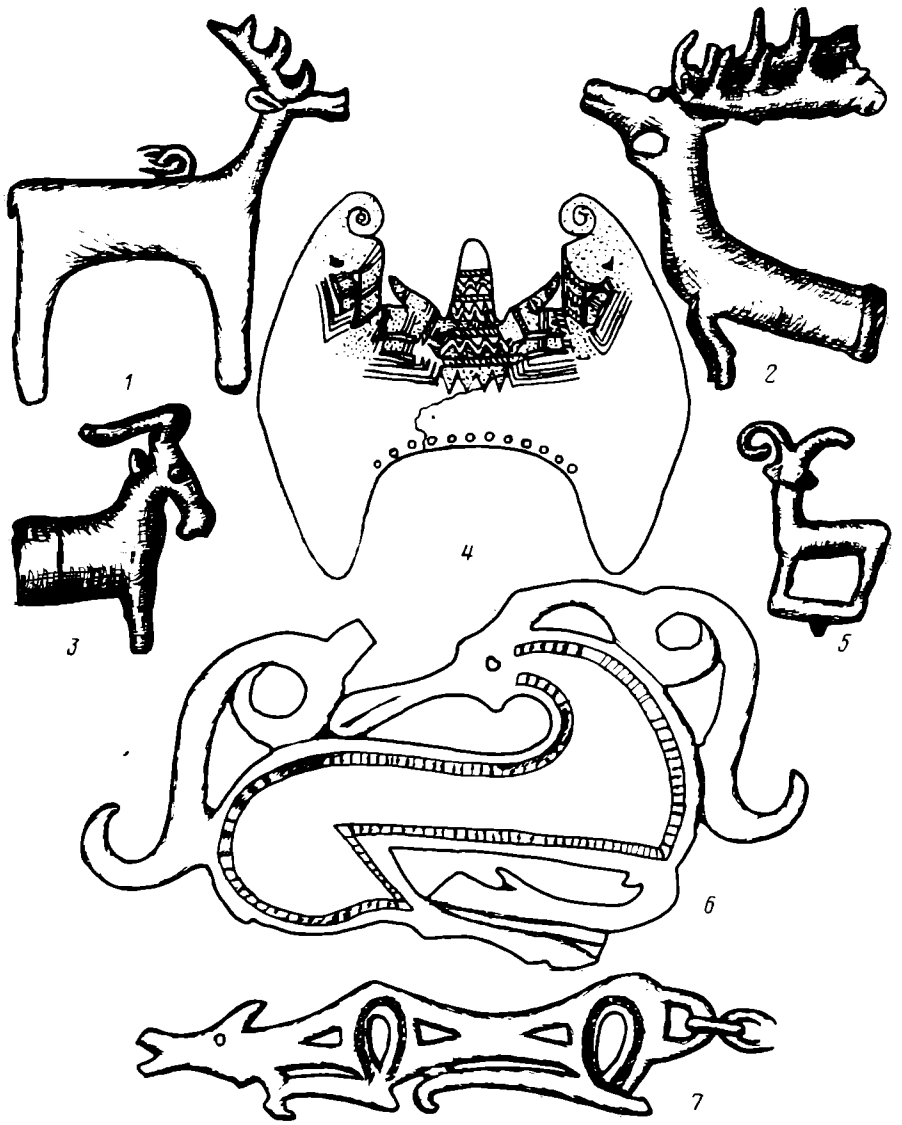


Рис. 5. Сходные приемы стилизации в искусстве поздней кобанской культуры. *1* – Казбекский клад [33, табл. LXIX, *2*]; *2* – Камунта [33, табл. CXVIII, *26*]; *3* – Фаскау [33, табл. CXVIII, *2*]; *4* – крепость Воздвиженская [58, с. 57, № 25]; *5* – Рухта [33, табл. CV, *16*]; *6* – Кобань, колодцы [33, табл. XLIII, *4*; *7* – Казбекский клад [33, с. 148, рис. 129]

75, рис. 31–37] также доживают до интересующего нас времени [36, с. 100, 101].

Отмеченные черты сходства позднего звериного стиля Прикубанья с вещами кобанской культуры можно объяснить влиянием этой соседней культуры на рассматриваемую группу памятников, которое во многом определило ее специфику. Следует отметить, что влияние кобанского искусства не нарушило основ изобразительной системы скифского звериного стиля, поскольку и в это время он продолжает развиваться по своим внутренним законам. Кобанское влияние, сказавшееся в моделировке тела животных, не изменило самого принципа их изображения (усиление важных признаков, определяющих вид изображенного животного), который в искусстве кобанской культуры отсутствует. Тот факт, что кобанское влияние, придав определенную специфику этому варианту звериного стиля, не изменило системы изображения, свидетельствует об устойчивости изобразительной традиции и в это время.

Итак, взгляд на структуру формальных признаков звериного стиля Прикубанья с намерением определить степень их локальности позволяет сказать следующее. В раннее время признаки звериного стиля Прику-

банья совпадают с признаками, характеризующими скифский звериный стиль западных ареалов, и ненамного отличаются от тех, которые свойственны искусству восточных областей. Наличие же в материале Келермесских курганов произведений эпохи сложения скифского звериного стиля объясняется географическим положением Прикубанья, его близостью к областям Закавказья и Ирана, где были найдены вещи похожего облика («смешанный стиль» Саккызского клада имеет много общего со стилем изображений на Келермесской секире).

Специфические черты звериного стиля круга Семибратних курганов, как было уже замечено, по отдельности и даже в некоторых сочетаниях (форма уха — изображение глаза — лопатка — ноздри, пасть — позы) находят себе параллели на столь широкой территории, что о локальности их как таковых едва ли стоит вести речь. В таком случае, видимо, более целесообразно обратить внимание на сочетание черт различного происхождения, весьма устойчивое в данной разновидности звериного стиля Прикубанья, и проверить, насколько оно индивидуально. Речь идет о сочетании признаков искусства азиатской степи с чертами античного искусства. Такое совмещение разнородных признаков, действительно, встречается нечасто. Достаточно сказать, что оно нехарактерно ни для одного из упомянутых выше регионов евразийской степи, его можно встретить лишь южнее и западнее. Именно таким сочетанием признаков отличается придворное искусство Ахеменидского Ирана, а также греко-персидский стиль, сложившийся в западных провинциях державы Ахеменидов. Эти же черты отличают и искусство Фракии того времени, что дает некоторым исследователям основания предполагать фракийское влияние на звериный стиль Прикубанья [7]. Не следует, однако, забывать, что искусство Фракии в то время находилось под сильным воздействием искусства Ахеменидов [38, с. 391—396], имевшим в свою очередь подосновой более ранние связи фракийской культуры с иранской [39, с. 41]. При учете данного обстоятельства влияние фракийского искусства на звериный стиль может быть доказано лишь наличием у фракийских и скифских изображений животных таких общих признаков, которых бы при этом не было в искусстве Ахеменидского Ирана, однако пока такие признаки найти трудно. Поэтому представляется более вероятным объяснение существующего сходства общим греко-персидским влиянием на оба региона. Что же касается Прикубанья, то наличие в материале Семибратних курганов предметов греко-персидского импорта [8] говорит в пользу предположения о том, что в материале данных памятников наблюдается скорее не скрещение двух влияний, а воздействие уже готового стиля. Нетрудно заметить, что греко-персидское влияние не было воспринято как чуждое скифскому искусству. Об этом свидетельствует не только сохранение системы как таковой, хотя это, безусловно, самый важный признак, но и то, что привнесенные черты получили новое развитие на местной почве. Так, сцены терзания, появившиеся впервые на упомянутых обкладках ритонов, воспроизводятся на подобных же обкладках уже в местном стиле (рис. 2, 7); появляются и редуцированные изображения этой сцены (например, [30, рис. на с. 14]).

При таком взгляде на предметы круга курганов у ст. Елизаветинская можно заметить, что они прежде всего в такой же мере вписываются в общую картину звериного стиля азиатских степей (по тем же признакам,

[7] Так, Л. Огненова-Маринова видит сходство с фракийскими вещами в изображении на известной обкладке ритона из Семибратних курганов [30, табл. II, *6*]. Это сходство, состоящее в выделении незаполненной поверхности лопатки на общем сетчатом фоне туловища зверя, исследовательница объясняет особенностями техники «сфирелатон», в которой выполнено изображение львицы из Башовой Могилы — предполагаемый прототип изображения на ритоне [37, с. 127—137]. Однако сама же Л. Огненова-Маринова далее говорит о том, что этот способ выделения лопатки обычен для искусства всего Средиземноморья и Передней Азии во II—I тыс. до н. э. [37, с. 132, 133]. Поэтому сходство скифского и фракийского изображений, как, впрочем, и в большинстве случаев, объясняется всего лишь принадлежностью к одной общности и едва ли позволяет делать какие-либо другие выводы.

[8] Например, известный ритон с протомой крылатого козла [30, табл. I, *5*], а также обкладки ритонов со сценами терзания [29, табл. IV, *4*; 30, табл. II, *3*].

что и рассмотренные произведения V в. до н. э.) и при этом в той же степени из нее выделяются. Отличает их соединение общих степных признаков с элементами, заимствованными из искусства кобанской культуры, которое следует считать локальным в полном смысле этого слова, так как в кобанском искусстве оно отсутствует. В других областях распространения скифского звериного стиля оно также не находит себе аналогий.

Таким образом, попытка определения локальности тех или иных признаков звериного стиля Прикубанья привела к следующим наблюдениям. Отдельные формальные признаки изображений локализуются на достаточно широкой территории в каждом случае, поэтому нет никаких оснований считать какие-либо из них специфическими для Прикубанья. Определять собственно прикубанские черты можно, лишь оперируя сочетанием формальных признаков изображений, занимающих свое место в изобразительной системе звериного стиля. Эта система достаточно универсальна для всей степи Евразии и в Прикубанье отличается лишь конкретным сочетанием формальных признаков, а не законами построения. В этом свете для памятников круга ст. Елизаветинская можно считать локальным сочетание признаков кобанского искусства (моделировка изображений) с признаками, распространенными в евразийской степи восточнее Прикубанья, а также с весьма высокой степенью стилизации изображений.

В отличие от нигде более не встречающихся вещей IV в. до н. э. произведения искусства круга Семибратних курганов специфичны лишь в определенной мере. Если рассматривать их на фоне искусства Северного Причерноморья, можно прийти к выводу об их исключительности. При рассмотрении же на более широком фоне эта исключительность пропадает и сменяется сходством (по отдельным группам признаков — тем же, что и ранее рассмотренная группа материала) с искусством обширных областей степной Евразии к востоку от Прикубанья. Сочетание же их с признаками античного искусства, которые в отличие от упомянутой группы признаков были популярны в это время в Северном Причерноморье, характерно для греко-персидского искусства и встречается также в сферах его влияния. Таким образом, эта модификация скифского звериного стиля Прикубанья менее локальна, нежели ранее рассмотренная.

Все сделанные наблюдения касаются отличительных признаков отдельных модификаций изобразительной системы звериного стиля, которая (что заслуживает не меньшего внимания) сохраняется как таковая на всем протяжении его существования. Все отмеченные влияния, придавая определенную специфику этим поздним модификациям, не нарушают законов построения изобразительной системы. Это обстоятельство подводит нас к вопросу, стоявшему перед исследователями звериного стиля на всем протяжении его изучения,— вопросу о роли влияний в истории скифского искусства.

В свете сделанных наблюдений звериный стиль Прикубанья, в котором в позднее время скрестились влияния соседних с ним изобразительных традиций, предстает как явление достаточно сильное и самостоятельное, как ни парадоксально это сочетается с представлением о заимствованном происхождении наиболее отличительных, индивидуальных черт в изученной группе памятников. Именно устойчивость изобразительной традиции, сила ее внутренних законов сделали возможным такой подбор элементов из искусства окружающих народов, который предполагает не только заимствование, но и расстановку заимствованных элементов по тем местам, которые предназначены для них системой скифского звериного стиля. Впрочем, представление о предопределенности влияний, своего рода «заказе», который предъявляет та или иная культура к инокультурному окружению, не является сколько-нибудь новым и применимо к разным периодам истории. Интереснее в данном случае другой вопрос: что нужно для того, чтобы начался тот самый процесс взаимовлияний, который приводит к обоюдному обогащению взаимодействующих традиций, если до этого те же традиции сосуществовали рядом, практически не соприкасаясь?

Культура скифского облика в Прикубанье благодаря географическому положению региона с самого начала своего существования находилась в близком соседстве с теми культурами, которые в дальнейшем придали ей такое своеобразие, однако на ее ранней стадии влияние иных изобразительных традиций было практически неощутимо. Навершия с головами грифонов раннегреческого типа из Келермеса (рис. 1, *4*) — пожалуй, единственный пример соприкосновения двух традиций изображения [40, с. 65]. Примеры контактов с искусством Кобани также единичны. Это фигурки оленей на навершиях из ст. Махошевская [41, с. 66, фиг. 2а], явно кобанские по стилю [42, с. 32], и головы непонятных существ на навершиях из Келермеса [43, с. 34, рис. 1, *9*], в трактовке которых можно предположить кобанское влияние.

Ситуация, сложившаяся в V в. до н. э. в Прикубанье, думается, может быть рассмотрена на более широком фоне изобразительного искусства евразийской степи. Те формальные признаки, которые, как отмечалось выше, придают сходство изображениям из Прикубанья с вещами из восточных областей, являются в то же время признаками искусства Ахеменидского Ирана — государства молодого, сильного и в то время достаточно влиятельного. Однако, как известно, искусство империи Ахеменидов отнюдь не отличалось единством, настолько даже, что стал возможен вопрос о его существовании как таковом; поставивший этот вопрос П. Амандри отвечает на него положительно, однако он же выделяет в этом искусстве придворное направление и целую серию провинциальных, сходство между которыми было весьма слабым [44, с. 233—237]. Сложившаяся в результате ситуация выглядит довольно странно: вокруг «ядра» (искусство державы Ахеменидов), весьма аморфного и разнородного, группируется чрезвычайно монолитная «периферия», занимающая огромную территорию — практически весь восток евразийской степи. На «периферийной» территории искусство характеризуется достаточно четкими отличительными признаками, существующими в единой изобразительной системе, чего нельзя сказать об искусстве «центра», в котором скорее всего можно выделить несколько систем [9]. Одной из этих периферийных областей является интересующее нас Прикубанье. Объяснение данной ситуации следует искать в формальных признаках очерченной общности памятников.

Признаки, вдруг появившиеся одновременно на столь широкой территории, на самом деле не являются принципиально новыми для скифского звериного стиля: именно они отличали скифское искусство на стадии его сложения (изображения на Келермесской секире и на вещах из Саккызского клада отличаются теми же самыми признаками, заимствованными вновь складывающейся изобразительной традицией из искусства Переднего Востока [15]). Искусство Персидской империи, развившееся на той же базе, в течение всего своего существования сохраняло признаки искусства, лежавшего в его основе [46]. Возможно, именно расцвет и широкое распространение персидского искусства послужили тем импульсом, который заставил изобразительную традицию звериного стиля вспомнить, что лежит в недрах ее памяти, и привел в результате к установлению такого поразительного единообразия заимствованных черт в памятниках искусства всей евразийской степи. Впрочем, на этой новой стадии единство стиля значительно слабее, чем в ранний период существования скифского звериного стиля. Изобразительная система к тому времени уже настолько устоялась в своих принципах, что могла себе позволить новый отбор признаков из соседних изобразительных традиций, что было невозможно ранее, в эпоху консолидации [10]. В сложившейся

[9] Предположение о нескольких изобразительных системах пока не выходит за рамки гипотезы, хотя оно явно перекликается с мнением ряда исследователей о многообразии искусства Персидской империи [45, с. 39].

[10] В литературе существует представление о чередовании подобного рода эпох в истории культуры. Так, Ю. М. Лотман говорит о периодах стабилизации и дестабилизации, первый из которых характеризуется активным диалогом между существующими в культуре подструктурами, а второй — резкой активизацией одной стороны и торможением других [47, с. 29, 30].

ситуации и формируются локальные варианты скифского звериного стиля, один из которых складывается в Прикубанье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
2. *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
3. *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.
4. *Шкурко А. И.* Звериный стиль в искусстве и культуре Лесостепной Скифии: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: МГУ, 1975.
5. *Яценко И. В., Раевский Д. С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы (обзорная статья) // НАА. 1980. № 5.
6. *Переводчикова Е. В.* Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1980.
7. *Переводчикова Е. В.* Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Дис. ... ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: МГУ, 1980.
8. *Шер Я. А.* Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М.: Наука, 1977.
9. *Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929.
10. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
11. *Членова Н. Л.* Скифский олень // МИА. 1962. № 115.
12. *Шкурко А. И.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1.
13. *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // МИА. 1971. № 177.
14. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1973.
15. *Переводчикова Е. В.* Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1979.
16. *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2.
17. *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-Work. L., 1926.
18. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. Д3-9.
19. *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
20. *Grakov B.* Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural // ESA. 1928. T. III.
21. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979.
22. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в). М.: Изд-во МГУ, 1979.
23. *Луконин В. Г.* Археологические памятники Ирана второго-первого тысячелетия до н. э. и новые поступления в отдел Востока // СГЭ. 1977. Вып. XLII.
24. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 1964.
25. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д1-9.
26. *Hančar F.* The Eurasian Animal Style and the Altai Complex // Artibus Asiae. 1950. V. XIII. № 3.
27. *Акишев А. К.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство. 1978.
28. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
29. ОАК за 1876 г. СПб., 1879.
30. ОАК за 1877 г. СПб., 1880.
31. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага – Ленинград: Артия – Сов. художник, 1966.
32. *Онайко Н. А.* О воздействии греческого искусства на меото-скифский звериный стиль // СА. 1976. № 4.
33. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Т. VIII.
34. *Tallgren A. M.* Caucasian Monuments. The Kasbek treasure // ESA. 1930. T. V.
35. *Алексеева Е. П.* Позднe-кобанская культура Центрального Кавказа // Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. 1949. Вып. 13.
36. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. 1950. Т. XIV.
37. *Огненова-Маринова Л.* Влияние техники выполнения при оформлении стиля и мотивов в торевтике фракийцев и скифов // Studia Thracica. 1. Фракo-скифские культурные связи. София, 1975.
38. *Venedicov I.* L'art Thrace et l'art Achémenide // Actes de Premier congrès international des etudes Balkaniques et Sud-Est Europeens. II. Sofia, 1970.
39. *Венедиков И.* Предахеменидски Иран и Тракия // ИАИ. 1969. Кн. XXXI.
40. *Погребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. XXII.
41. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. Т. III. СПб., 1901.
42. *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4.
43. *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники // Археологія. 1963. Т. XIII.

44. *Amandry P.* L'art Achémenide // Melanges offerts à K. Michałowsky. Warszawa, 1966.
45. *Никулина Н. М.* О взаимосвязях древнегреческого и древневосточного искусства // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978.
46. *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977.
47. *Лотман Ю. М.* Асимметрия и диалог // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1983. Вып. 635. Труды по знаковым системам, № 16.
48. ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
49. *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепровское Левобережье. М.: Наука, 1981.
50. *Borovka G.* Scythian Art. L., 1928.
51. ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
52. *Пиотровский Б. Б., Галанина Л. К., Грач Н. Л.* Сукитай кокин бидзюцу. Ленинград – Токио, 1981 (на яп. яз.).
53. *Иессен А. А.* Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской // СГЭ. 1955. Вып. VIII.
54. ОАК за 1906 г. СПб., 1909.
55. *Переводчикова Е. В.* Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та, 1984.
56. ОАК за 1903 г. СПб., 1906.
57. *Godar A.* Umetnost Irana. Beograd. 1965.
58. *Ханыков Н. В., Савельев П. С.* Древности, найденные на Кавказе // ЗРАО. 1857. Т. IX.

E. V. Perevodchikova

ON THE LOCAL FEATURES OF THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE IN THE KUBAN BASIN

Summary

The author discusses the most typical features of the animal style in the Kuban basin in the context of the art of the Eurasian steppes. The has identified certain modifications of the style represented by (1) the earliest artistic works of the Scythian animal style; (2) objects of the 5th century B. C. similar to those found in the Seven Brothers barrows; (3) objects of the 4th century B. C. similar to those found in the mounds at the Elizavetinskaya village.

The comparison between the animal style of the Kuban area and the art of Eurasia has revealed the fact that the earliest sites (Fig. 1) are stylistically close to the synchronous artistic objects from the Northern Pontic area. Artistic objects of the 5th century B. C. (Fig. 2) and the 4th century B. C. (Fig. 3) have parallels in the art of the Asian part of the steppes (Fig. 4). Some Greek features can be discerned on the 5th-century objects: this combination is typical of the Graeco-Persian style as well. (The latter is, probably, responsible for the Greek features.) The objects of the 4th century B. C. are similar to the artistic objects of the Koban culture (Fig. 5). This group is marked by the combination of the Koban culture features and the steppe Asian traits. This variant of the animal style exhibits combinations of various features.

The stability of the artistic tradition is borne out by the ability of the artistic system to borrow and organically incorporate alien elements. This situation would have been impossible during the period when the animal style consolidated. Such borrowing had been possible in the period when the style was emerging, and in the 5th century B. C. when local variants were forming.

М. П. АБРАМОВА

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В АЛБАНО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

Племена, обитавшие на территории Северного Кавказа в сарматскую эпоху (III в. до н. э. — III в. н. э.), характеризуются неравномерностью своего развития, что объясняется не только влиянием природных условий разных зон, но в первую очередь степенью отдаленности разных районов от существовавших в то время крупных культурных центров — боспорских городов на западе и закавказских государств, в частности Кавказской Албании, на востоке. Для племен центральных районов Северного Кавказа характерны более замедленные темпы развития по сравнению со своими западными и восточными соседями — племенами Прикубанья и Дагестана: у них не было укрепленных городищ и, судя по материалам могильников, отсутствовала резкая имущественная дифференциация. Иная картина наблюдается в это время в Дагестане, где культура местных племен отличалась своеобразием, что объясняется рядом причин.

Территория Дагестана делится на три ландшафтные зоны: равнинную, предгорную и горную. Равнинная зона занимает северную часть Дагестана (Терско-Кумское и Терско-Сулакское междуречья), проходит узкой полосой на юг по побережью Каспийского моря (Приморский Дагестан) и переходит в предгорья, примыкающие к высоким хребтам, которые с севера и востока закрывают внутреннюю, горную часть Дагестана.

Исследование памятников Дагестана позволяет выявить некоторые локальные различия в культуре племен, живших в северных равнинных районах Дагестана, и населения предгорной и горной зоны на рубеже нашей эры.

Эта эпоха применительно к территории Дагестана получила наименование албано-сарматской, что объясняется сильным влиянием на развитие культуры дагестанских племен культуры Кавказской Албании — государства, сложившегося в Восточном Закавказье в последних веках до нашей эры. Вопрос о северной границе Кавказской Албании спорен. В 1930-х годах выдвигалось мнение, основанное на анализе письменных источников, что в состав Кавказской Албании входил весь Дагестан, включая его северные районы [1, с. 129 сл.]. Однако и на сегодняшний день оно остается гипотетичным, тогда как говорить о вхождении в состав Кавказской Албании территории Южного Дагестана можно более определенно. Что касается влияния албанской культуры, то оно хорошо прослеживается в культуре древних племен не только Южного, но и Северного Дагестана и даже на соседних территориях за его пределами. О характере этих влияний будет сказано ниже.

С другой стороны, на рубеже нашей эры наблюдаются тесные контакты дагестанских племен с сарматскими кочевниками Прикаспия, чье влияние особенно хорошо прослеживается в Северном Дагестане, преимущественно в равнинной его части и в меньшей степени в предгорьях и горах. Однако в целом влияние Кавказской Албании было значительно сильнее, чем влияние сарматских племен, что закономерно. Наличие двух встречных культурных потоков — албанского с юга и сарматского с севера — и позволило определить данный период в истории дагестанских племен как албано-сарматский.

Систематические раскопки памятников этого времени начались в Дагестане около 40 лет назад, когда были открыты и исследованы могиль-

ники сарматского времени у селений Тарки (Приморский Дагестан) и Карабудахкент (предгорная зона) [2, с. 208—225; 3, с. 226—272]. Почти одновременно, в 1951 г., М. И. Пикуль во время разведочных работ в северных равнинных районах Дагестана открыла первое поселение сарматской эпохи у с. Новая Надежда (Терско-Сулакское междуречье). Его керамика была близка керамике Таркинского и Карабудахкентских могильников. В течение 50-х годов экспедиция М. И. Пикуль обнаружила еще ряд погребальных комплексов сарматского времени на могильниках Хабадинский, Новолакский, Количевский, Ленинкентский, Бавтугайский и др. и выявила слои этой эпохи на поселениях Новолакское, Бавтугай, Аркас. Материалы исследований были опубликованы М. И. Пикуль в монографии, где дано подробное обоснование их хронологии, значительное место уделено влиянию сарматов на культуру местных племен Дагестана [4, с. 114—172].

С начала 60-х годов археологические исследования в Дагестане получили широкое развитие. Среди открытых памятников к албано-сарматскому времени относятся могильники Шаракунский (раскопки М. И. Пикуль), Урцекский и Цыйшинский (раскопки В. Г. Котовича), Сумбатлинский (раскопки О. М. Давудова) и др. Большое внимание стало уделяться и раскопкам бытовых памятников. Работами многочисленных экспедиций, проведены под руководством В. Г. Котовича, О. М. Давудова, М. Г. Гаджиева и А. И. Абакарова, М. Г. Магомедова и А. В Гадло, были открыты и исследованы многочисленные поселения и городища (Урцеки, Таргу, Нижнечуглинское, Охлинское, Андрейаульское, Казар-Кала и др.), содержавшие наряду с другими слои албано-сарматского времени. Мощные слои этого же времени впервые были обнаружены экспедицией А. А. Кудрявцева и в Дербентской крепости.

Анализ выявленных материалов позволил дагестанским археологам поставить и решить ряд вопросов политического, социально-экономического и этнического характера.

В археологическом отношении менее всего изученными оказались северные низменные районы Дагестана, в первую очередь территория Терско-Кумского междуречья. Проводимые здесь работы носили главным образом разведочный характер. В 1946—1955 гг. экспедиция Е. И. Крупнова, а в 70-х годах экспедиция Чечено-Ингушского государственного университета под руководством В. В. Виноградова выявили находки сарматского времени, иллюстрирующие повсеместное пребывание здесь сарматов вплоть до первых веков нашей эры [5, с. 45—55].

В целом, несмотря на то что можно говорить о совершенно недостаточной изученности исследуемого периода на территории Дагестана, имеющиеся материалы позволяют дать общую характеристику культуры древнего населения Дагестана в албано-сарматский период.

Прежде всего необходимо отметить высокий уровень развития культуры населения Дагестана в албано-сарматское время, по крайней мере по сравнению с культурой населения центральных районов Северного Кавказа. Это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, близостью высокоразвитых центров Закавказья, и в первую очередь образованием Албанского государства, охватившего и южные районы Дагестана; во-вторых, выгодным географическим положением, наличием удобного пути, проходившего по побережью Каспийского моря и соединявшего территорию Северного Кавказа с Закавказьем. Этим путем, несомненно, пользовались издревле, однако период последних веков до нашей эры характеризуется оживлением международной торговли в странах Закавказья. В торговлю был втянут и Дагестан, на территории которого проходил один из оживленных торговых путей того времени. Об этом свидетельствует, в частности, высказывание Страбона, который писал, что сарматское племя аорсы, владевшее бо́льшей частью побережья Каспийского моря, вело «караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев» (Страбон. География, XI, 5, 8).

Как показывают исследования дагестанских археологов, развитие тор-

говли вызвало бурный рост городов в закавказских государствах, в том числе в Кавказской Албании, а также на территории Дагестана. В предгорной зоне вдоль торгового пути располагалась система крупных городищ. На всех из них зафиксированы слои албано-сарматского времени (Дербент, Таргу, Урцекское, Таркинское, Бавтугайское, Андрейаульское).

Уже при первых планомерных раскопках Урцекского городища в 1960—1964 гг. была отмечена его многослойность. В дальнейшем оказалось, что эта черта является характерной для подавляющего числа городищ Дагестана, которых в настоящее время известно не менее 100. Для всех них характерна многослойная стратиграфия: они имеют слои албано-сарматского и раннесредневекового времени, а в ряде случаев — эпохи раннего железа, ранней бронзы и энеолита [6, с. 80]. Все открытые городища находятся главным образом в предгорной, а также в горной зоне.

Крупные городища, расположенные на трассе прикаспийского пути, имели укрепления в виде каменных оборонительных стен еще в скифскую эпоху (Дербент, Урцеки, Таргу). В албанское время эти поселения были также укреплены. Многослойность подавляющего большинства городищ не позволяет отметить все особенности, характерные для городищ албано-сарматского периода, поскольку его слои были нарушены поздними перекопами. Сведения о городищах албанского времени довольно фрагментарны и общи, однако наличие каменных оборонительных стен четко фиксируется. Исследователи отмечают высокий уровень фортификации этих городищ, использование всех особенностей естественного расчлененного рельефа, в дополнение к которым в наиболее доступных местах возводились оборонительные стены [7, с. 70]. Стены складывались из известняковых плит или блоков на глиняном растворе. Их толщина от 1 до 1,5 м [8, с. 7]. Оборонительная стена Урцекского городища в албано-сарматское время была сделана в основном из массивных рваных блоков путем сплошной кладки их на всю ширину без применения скрепляющих растворов.

Тот факт, что слои албанского времени на городищах были нарушены более поздними напластованиями, затрудняет характеристику жилищ этого периода. Тем не менее можно утверждать, что для городищ Южного Дагестана была характерна каменная архитектура. Так, при раскопках слоев этого времени в Дербенте были открыты помещения, сложенные из бутового камня на глиняном растворе, либо из хорошо отесанного, а иногда и орнаментированного камня, что свидетельствует о высоком уровне строительного дела у населения Дербента. В жилищах устраивались глинобитные полы, очаги были углублены в пол, иногда с обкладкой из камня [9, с. 94].

В цитадели городища Таргу, расположенного в средней части Приморского Дагестана, в слоях первых веков нашей эры обнаружены монументальные постройки, сложенные из тщательно отесанного камня на глиняном растворе, с толщиной стен до 0,9—1 м. Особый интерес вызывает каменная постройка, также датируемая первыми веками нашей эры. Она напоминает открытый с одной стороны портик с двумя рядами колонн, от которых сохранились каннелированные известняковые базы. Это здание, являвшееся, по-видимому, частью дворцовой или храмовой постройки,— первое свидетельство существования дворцовой архитектуры албано-сарматского периода не только в Дагестане, но и на Северном Кавказе [7, с. 77—79].

Помимо крупных городищ в Дагестане в албанское время возникает целый ряд сравнительно малых, но тоже хорошо укрепленных поселений, составляющих основную массу рядовых памятников [6, с. 89]. В предгорьях и горах они имеют те же особенности устройства, что и большие городища: использованы сложный рельеф местности и естественные укрепления, обнесены оборонительными стенами.

Открытие укрепленных поселений городского типа в горных районах Дагестана относится к 1970-м годам и является итогом планомерного

исследования памятников горных районов экспедицией М. Г. Гаджиева и А. И. Абакарова на территории Левашинского плато. Здесь было обнаружено и частично обследовано более 15 раннесредневековых городищ, на некоторых из них имеются слои албанского времени, что позволяет относить возникновение укрепленных поселений в горах к этой эпохе [10, с. 108, 109, 128]. Все городища имели однотипное устройство. Они располагались на естественно укрепленных местах — холмах или мысах — и состояли из укрепленной части, обнесенной стенами или валами и рвами, и примыкавшей к ней неукрепленной части. Такие поселения группировались обычно вокруг крупного города, составляя вместе с ним единую территориально-политическую группу, локализованную в замкнутом районе — речной долине, плато, горном ущелье. Исследованные городища Левашинского плато и составляют такую замкнутую группу. Подобный тип расселения наиболее характерен для эпохи раннего средневековья, однако сложение этой системы относится, как полагают, к албанскому времени [6, с. 91, 92; 10, с. 128—132].

Слои албано-сарматского периода имеются на многих раннесредневековых поселениях и городищах Северного Дагестана, в частности на территории Терско-Сулакского междуречья. Среди этих памятников выделяются крупные городища (Бавтугайское, Андрейаульское, Казаркалинское), расположенные в районах, прилегающих к границе предгорий с равнинной частью.

Среди памятников в низменной части Северного Дагестана выделяется по своим размерам Некрасовское городище, находящееся на берегу старицы Терека. Кроме того, имеется группа небольших поселений, расположенных в Терско-Сулакском междуречье (Новая Надежда, Бораул, Герменчик, Тенг-Кала и др.). Городища равнинной части устраивались на возвышенных берегах рек или невысоких холмах. Их характерной особенностью является наличие земляных укреплений в виде валов и рвов, однако они были возведены в III—IV вв. н. э. и позже [11, с. 159—164]. В сарматскую эпоху поселения Северного Дагестана, так же как и поселения Центрального Предкавказья, не имели, как правило, искусственных укреплений, что подтверждается раскопками городища Казар-Кала, где в раннем периоде (рубеж нашей эры — III—IV вв. н. э.) фортификационные сооружения отсутствовали [12, с. 142]. В раннем слое этого памятника найдены остатки жилищ с турлучными стенами и глинобитными полами. На примыкавшем к городищу селище в синхронных слоях выявлены остатки легких, возможно, округлых хижин с земляными полами, подмазанными глиной, и с округлыми или овальными очагами-ямками в центре [12, с. 143].

На поселениях, расположенных в междуречье низовьев Терека и Сулака, также обнаружены остатки жилищ первых веков нашей эры. В них найдены фрагменты глиняной обмазки со следами прутьев и камыша и остатки глинобитных полов [13, с. 182]. Существует мнение о том, что эти поселения оставлены одним из сарматских племен, входившим в состав аорского племенного союза и передвинувшимся сюда с Нижней Волги [13, с. 182]. Однако более прав, по-видимому, К. Ф. Смирнов, который допускал, что районы Северного Дагестана входили в территорию распространения аорского племенного союза, и считал, что «в южных районах аорского союза, т. е. в прикаспийских землях Северного Кавказа, жили, вероятно, смешанные племена, состоявшие из древних аборигенов и северных пришельцев» [14, с. 105, 106].

Основанием для выделения слоев албано-сарматского времени на городищах и поселениях служит керамический материал, своеобразие которого в Дагестане определяется преобладанием ангобированной керамики, не характерной для других районов Северного Кавказа этого времени. Наличие здесь такой керамики объясняется влиянием Закавказья, в первую очередь керамических традиций Кавказской Албании. Ангобированная керамика к началу нашей эры известна по всему Восточному Закавказью. Эта керамика, столь типичная для древней Албании (Ялойлу-Тапа, Мингечаур), встречается в Дагестане не только

в равнинной зоне, но и в городах. На севере она доходит до территории Терско-Сулакского междуречья (поселение Новая Надежда) [14, с. 167].

Ангобированная керамика начинает широко распространяться в памятниках Дагестана в первых веках нашей эры. В раннеалбанский период (III—I вв. до н. э.) она исключение. В это время преобладает сероглиняная, буроглиняная и розовоглиняная посуда с нелощеной поверхностью. В первых веках нашей эры ангобированная керамика занимает ведущее место: сероглиняные и розовоглиняные сосуды покрывались густым красным ангобом, а затем лощились. Белоангобированная керамика встречается в слоях этого времени значительно реже [15, с. 142—144].

Сильное влияние Закавказья на культуру дагестанских племен в первых веках нашей эры сказывалось в распространении и специфичных форм ангобированной керамики, что особенно хорошо прослеживается на материалах могильников.

Могильники албано-сарматского времени на территории Дагестана исследованы крайне неравномерно, несмотря на то что к настоящему времени здесь открыто более 200 погребальных комплексов. Большая их часть (около 140) происходит из Таркинского и Карабудахкентских могильников, расположенных в приморской и предгорной зоне. Около 20 погребений открыто в Шаракунском могильнике (предгорная зона Южного Дагестана) и более 20 — в Хабадинском и Сумбатлинском могильниках (горные районы Южного Дагестана). Весь остальной материал — это единичные комплексы, исследованные на различных могильниках, расположенных в разных районах Дагестана, что затрудняет сравнительную характеристику погребального обряда древних племен этих районов. Однако анализ материалов позволяет говорить о том, что почти вся территория Дагестана, за исключением его северных равнинных районов, была охвачена в албано-сарматское время единой культурой, локальные особенности которой пока установить трудно. Отметим основные характерные для этой культуры черты.

Могильники албано-сарматского времени устраивались на холмах или на покатых склонах речных террас. Для них характерно наличие (часто в пределах одного могильника) разных типов погребальных сооружений — грунтовых ям, каменных гробниц, каменных ящиков и склепов, причем грунтовые ямы значительно преобладали. Это можно объяснить влиянием предшествующих традиций, так как грунтовые могилы были наиболее распространенной формой погребального сооружения Дагестана в скифское время [16, с. 52].

Для раннего периода (III—I вв. до н. э.) имеется недостаточное количество погребений, что не позволяет дать подробную характеристику материалов этого времени. Известны лишь Хабадинский могильник в горной зоне и могильники Шаракунский и у с. Мамраш в предгорье. В них отмечено преобладание грунтовых и каменных гробниц.

Грунтовые могилы часто делались с применением камня, которым частично обкладывались стены могил, иногда оформлялось изголовье в виде перекрытия из каменных плит, положенных на две параллельно стоящие плиты; камнем (грудой валунов или одним массивным камнем) отмечались эти могилы и на поверхности [17, с. 147].

Каменные гробницы были сложены из мелких камней или вертикально стоявших плит; каменные плиты перекрывали могилы, иногда устилали их дно.

В Хабадинском могильнике погребения содержали индивидуальные, реже парные захоронения, для которых характерно скорченное положение на спине, с ориентировкой на северо-запад, реже на запад. Погребения детей имели вытянутое положение на спине с той же ориентировкой. Руки костяков прижаты к груди, изредка кисть одной руки лежит на костях таза или у лица. Найдены единичные захоронения в сидячем положении. Среди особенностей погребального обряда можно отметить обычай посыпки погребенных углем, наличие остатков погре-

бальных костров в могиле и вне ее и изредка кусков мела. Рядом с могилами иногда имелись каменные выкладки из плит, на которых обычно находили только отдельные части человеческого скелета, чаще конечности, и множество предметов. Иногда набор вещей (мужское вооружение с переломанным мечом и поясным набором) клали на плиту в изголовье [17, с. 147]. Для этого периода характерно почти полное отсутствие жертвенной пищи в могилах горных районов, лишь в одном погребении Хабадинского могильника были найдены кости свиньи.

Инвентарь погребений маловыразителен: появляются новые типы сосудов (для Хабадинского могильника это сероглиняные кувшины с грушевидным туловом и носиком-сливом), которые сосуществовали с прежними формами кувшинов, имевших более короткое горло и шаровидное тулово [4, с. 122]. Для погребений характерно незначительное количество украшений и предметов вооружения: единичные наконечники стрел, копий, длинные, без навершия и перекрестия мечи, наиболее типичные для комплексов первых веков нашей эры.

Период I—III вв. н. э. представлен значительным количеством памятников, расположенных как в горной (Сумбатлинский, Хабадинский, Гапшиминский могильники), так и в приморской зоне Дагестана и прилегающих районах предгорий. Это широкоизвестные Таркинский и Карабудахкентские могильники, а также отдельные погребения Большого Буйнакского кургана, Урцекского, Количевского, Ленинкентского, Мамайкутанского и других могильников.

Для данного периода характерны те же типы погребальных сооружений — грунтовые ямы, каменные гробницы и ящики, каменные склепы — при значительном преобладании первых. Могилы, как правило, содержали индивидуальные, реже парные захоронения. Встречающиеся в этот период склепы воздвигались из камней и плит и были перекрыты плитами. Склеп Сумбатлинского могильника был ориентирован с востока на запад. В нем найдены кости не менее пяти человеческих скелетов. Лаз находился в западной стене, выходившей на склон [18, с. 110—112, 126].

Таким образом, склепы, в отличие от других типов погребальных сооружений, служили для коллективных захоронений и использовались как семейные гробницы, являясь погребальными сооружениями социальной верхушки общества.

Для характеристики культуры I—III вв. н. э. наибольшую важность представляют материалы Таркинского (27 погребений) и Карабудахкентских 1, 3, 4 могильников (103 погребения).

Все эти могильники имеют много общего как в деталях погребального обряда, так и особенно в характере инвентаря. Однако имеется и целый ряд отличий, вызванных их разным географическим положением. Таркинский могильник расположен в более северных и более низменных приморских районах, тогда как Карабудахкентские могильники являются характерными памятниками предгорной зоны. Этим, по-видимому, объясняются имеющиеся различия в устройстве их могил.

Ведущим типом погребальных сооружений были обычные грунтовые ямы. В Таркинском могильнике лишь незначительная их часть была сделана с использованием камня (5 могил из 36), кроме того, одно детское погребение было совершено в каменном ящике [2, с. 222—225; 3, с. 257, 258].

В Карабудахкентском могильнике 1 I—II вв. н. э. бóльшая часть погребений рассматривается автором раскопок К. Ф. Смирновым как грунтовые могилы, среди которых он различает грунтовые ямы без каменной обкладки и грунтовые ямы с частичной обкладкой стенок могил камнем. Над многими грунтовыми могилами имелись каменные выкладки, которые, очевидно, служили внешними отметками погребений, так как встречались непосредственно под дерновым слоем. На этом могильнике камень использовался и для сооружения оградок. К. Ф. Смирнов выделяет две богатые могилы — 38 и 58 с каменными оградками [19, с. 206], которые, по-видимому, можно отнести к разряду каменных гроб-

ниц. Кроме того, одно погребение (№ 57) было совершено в каменном ящике, от которого сохранилась только одна плита, составлявшая продольную стену.

В Карабудахкентском могильнике 3 открыто 13 погребений, из них 9 грунтовых ям без каменной обкладки и четыре каменные гробницы, сделанные из массивных каменных плит, поставленных на ребро и перекрытых такими же плитами [19, с. 217]. В Карабудахкентском могильнике 4 открыто пять каменных ящиков (исследован один), одна грунтовая могила и один каменный склеп [20, с. 100, 101].

Таким образом, Карабудахкентские могильники по сравнению с Таркинским характеризуются более пестрым погребальным обрядом. Такую же пеструю картину показывают данные и других могильников этого времени. В них выявлены грунтовые ямы (Ленинкентский, Мамайкутанский и Урцекский могильники), каменные гробницы (Ленинкентский, Урцекский могильники, Большой Буйнакский курган), каменные ящики (Количевский могильник).

Могильники I—III вв. н. э. характеризуются разнообразием не только типов погребальных сооружений, но и других особенностей погребального обряда. Господствующим положением костяка в это время являлось вытянутое на спине, в единичных случаях на боку, причем нередки случаи размещения одной или обеих кистей рук на тазовых костях. Ориентировка вытянутых костяков различная, однако преобладала восточная и юго-восточная [3, с. 259; 19, с. 204].

Гораздо реже в могильниках встречаются скорченные костяки. Значительная их группа (14 погребений) найдена на Карабудахкентском могильнике 1, где они характерны для грунтовых могил. Преобладающим является положение на левом боку, реже на правом и на спине. Эта группа погребений имеет довольно устойчивую ориентировку — на восток, иногда с отклонениями к северу и к югу; бо́льшая часть погребений не имела инвентаря [19, с. 203, 204].

Обряд скорченных погребений можно рассматривать как пережиток более древних традиций, так же как и ряд других типов захоронений, хорошо известных в могильниках первых веков нашей эры: погребенные в сидячем положении, вторичные захоронения и захоронения отдельных черепов.

Группа сидячих погребений немногочисленна: четыре погребения в Таркинском могильнике, не более пяти в Карабудахкентском, четыре в Ленинкентском могильнике. К. Ф. Смирнов отмечал, что эти погребения встречаются вместе со вторичными и мало отличаются от них. Обряд вторичных погребений являлся в Дагестане древним местным обычаем. Для него характерно перенесение в могилу костей покойников после истления их праха. Кости неполного человеческого скелета складывали в кучу, сверху обычно помещали череп, рядом размещали инвентарь погребенного. Вторичные погребения занимали господствующее место в Карабудахкентском могильнике 1 [19, с. 195].

Разновидностью вторичных погребений являются захоронения отдельных черепов. В Карабудахкентском могильнике 1 один человеческий череп лежал в миске перед лицом погребенной женщины, два человеческих черепа находились в ногах другого женского костяка. Отдельные черепа лежали рядом с могилами у их каменных стен. Исследователи (М. И. Пикуль, Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов) считают возможным рассматривать эту черту обряда как наличие жертвоприношений черепов врагов или социально зависимых людей [19, с. 201, 202].

Среди других особенностей погребального обряда необходимо отметить наличие в отдельных могилах тлена от подстилки или от покрытия на костях человека. В ряде погребений найдены кусочки угля или остатки угольной прослойки, изредка в могилах встречался мел и охра. Обычай положения в могилы напутственной пищи не был широко распространен у населения Дагестана в первых веках нашей эры. Кости мелких животных, в двух случаях овцы, обнаружены в четырех из 37 погребений Таркинского могильника: в трех случаях они находились в

мисках. Единичны случаи нахождения костей животных в Карабудахкентском могильнике 1. В одном из погребений этого могильника найдены кости барана с черепом. В Карабудахкентском могильнике 3 кости барана найдены в четырех из 13 открытых могил. В трех случаях они были положены в миски.

Наблюдаемая в могильниках Дагестана первых веков нашей эры пестрота погребального обряда, проявлявшаяся в первую очередь в разнообразии погребальных сооружений, не была отражением пестрого этнического состава населения, оставившего эти памятники, а являлась следствием устойчивости древних традиций, так как все рассмотренные типы погребальных сооружений были известны на территории Дагестана в более ранние эпохи.

При исследовании Карабудахкентского могильника 3 К. Ф. Смирнов отметил, что различия между грунтовыми могилами и каменными гробницами этого могильника являются социальными: в гробницах были погребены более богатые семьи [19, с. 217]. На Карабудахкентском могильнике 1 К. Ф. Смирнов выделил девять территориальных групп погребений и предположил семейно-родственный характер этих групп. Две такие группы помимо человеческих захоронений включали и погребения коней. Одна из них состояла из большой каменной гробницы, являвшейся, по мнению К. Ф. Смирнова, могилой наиболее богатой, большой патриархальной семьи. Эта гробница, содержавшая не менее 39 человеческих скелетов, сопровождалась захоронениями коней и их черепов в особых могилах; к стенам этой гробницы примыкали вторичные захоронения и захоронение отдельного человеческого черепа. У одной из конских могил имелась каменная вымостка овальной формы, служившая, вероятно, местом для жертвоприношений [19, с. 207].

В целом материалы Карабудахкентского могильника 1 говорят о процессе имущественной и социальной дифференциации среди древнего населения Дагестана в первых веках нашей эры. Об этом свидетельствуют не только различные типы погребальных сооружений, но и состав инвентаря: каменные гробницы и склепы содержали более разнообразный и выразительный материал по сравнению с грунтовыми могилами, погребенные в которых нередко были без сопровождавшего инвентаря.

Среди инвентаря рассматриваемых погребений наибольшее распространение получили украшения и керамика. Что касается предметов вооружения, в частности мечей и кинжалов, то они встречаются в единичных экземплярах и форма их не восстанавливается. В горных районах Дагестана мечи и кинжалы в это время были распространены значительно шире: в девяти погребениях первых веков нашей эры Сумбатлинского могильника найдено восемь мечей: шесть без навершия и перекрестия и два с кольцевым навершием и прямым перекрестием [18, с. 115]. В одном из погребений Таркинского могильника обнаружен железный нож (или короткий однолезвийный кинжал, длина его 24 см) с серповидно изогнутым лезвием и кольцевым навершием. В погребении II—III вв. н. э. того же могильника найден наконечник копья.

Наконечники стрел в погребениях предгорной и приморской зоны встречались чаще, чем в горах, однако общее количество их остается незначительным. Так, в Карабудахкентском могильнике 1 костяные трехгранные и четырехгранные наконечники стрел выявлены лишь в одной гробнице. В Таркинском могильнике стрелы найдены в пяти погребениях I—II вв. Причем здесь обнаружены не только костяные, более архаичные, но и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел. Последние преобладали. Во II—III вв. н. э. железные черешковые наконечники известны и в Карабудахкентском могильнике 3, где они продолжали сосуществовать с костяными прежних форм, иногда в пределах одной могилы. Общее количество стрел в погребении остается здесь прежним, до 10 экз., тогда как в Таркинском (более северном) могильнике при одном погребенном II—III вв. н. э. в колчане было свыше двух десятков железных трехлопастных наконечников стрел.

Украшения и предметы одежды благодаря процессу сарматизации, охватившему в первые века нашей эры территорию всего Северного Кавказа, представлены в большинстве своем теми типами, которые были характерны в это время и для других районов Северного Кавказа и прилегающих областей. Это — пряжки, преимущественно железные, круглорамчатые или овально-рамчатые бесщитковые, реже бронзовые с прямоугольным щитом; фибулы общеевропейских типов; браслеты с несомкнутыми обрубленными или с перевязанными концами; спиральные височные привески в 1,5 оборота из бронзы, реже серебра или золота; булавки с загнутым в петлю верхним концом или конической головкой; многочисленные бусы, использовавшиеся в ожерельях и для обшивки краев одежды; зеркала-подвески с боковой или центральной петлей и т. д. Следует отметить также группу изделий, отличающихся своеобразием и являющихся местными по происхождению. В первую очередь это группа бронзовых пряжек — круглые плоские пластинчатые, плоские фигурные в виде розеток, пряжки-сюльгамы с железным язычком, пряжки из массивного прута с несомкнутыми зооморфными концами. Сюда же можно отнести привески в виде кольца с длинными отогнутыми концами, ложкообразные булавки, браслеты с утолщенными концами, некоторые типы фибул и т. д.

Большим своеобразием отличается керамика рассматриваемых памятников. Вся она сделана от руки, но имеет тщательную формовку. Сосуды лепились из темно-серой, светло-коричневой или красной хорошо отмученной глины, содержавшей примеси шамота, песка и белых известковых частиц. Поверхность большей части сосудов покрыта лощением. Лишь единичные из них I — начала II в. н. э. имели на поверхности следы ангоба. Во II—III вв. н. э. красноангобированная керамика распространилась довольно широко.

Своеобразие этой керамики объясняется не столько влиянием местных традиций более древнего времени, что характерно для каждого из районов Северного Кавказа, сколько близостью высокоразвитых керамических центров Кавказской Албании, оказавших значительное влияние на керамическую продукцию дагестанских племен. Уже первые исследователи отмечали эту близость, подчеркивая тот факт, что данная керамика не импортная, а местного производства, сделана в подражание закавказским образцам [2, с. 223; 3, с. 268].

Закавказским влиянием можно объяснить появление здесь кувшинов с носиком-сливом, с трубчатой ручкой, с зооморфными ручками, часто в виде фигуры лошади, двуручных кувшинообразных сосудов (рис. 1, *1, 2, 6—9, 14—17*). К этой же группе относится ритуальная посуда в виде плоских чаш с округлым дном и широким отогнутым венчиком, а также чаш на высоких поддонах (рис. 1, *10—13*). Все они покрыты резным орнаментом в виде глубоких борозд, расположенных на тулове и внутренней поверхности венчика. Некоторые из чаш по форме и по наличию круглого углубления в шаровидном дне напоминают закавказские металлические сосуды и сделаны в подражание им [2, с. 223].

Среди керамики разных районов выделяются группы сосудов, которые по своей форме восходят к местным образцам более раннего времени. В горах это сосуды баночных форм, иногда имевшие ручки-выступы, и миниатюрные мисочки. По форме они генетически связаны с изделиями эпохи бронзы [18, с. 114]. Сосуды местных форм найдены и в Карабудахкентском могильнике 1 [19, с. 209].

Имеется группа сосудов, включающая некоторые типы мисок, кружек (рис. 1, *3—5*) и одноручных кувшинов, распространение которых в Дагестане принято связывать с влиянием сарматской культуры [2, с. 222, 223; 3, с. 263]. Однако скорее всего это показатель связей древнего населения Дагестана с племенами других районов Северного Кавказа, поскольку такая керамика обычна для памятников первых веков нашей эры, в первую очередь для широкой территории Северного Кавказа, а уже затем сарматских племен Предкавказья. Тем не менее в целом нельзя отрицать значительного влияния процесса сарматизации,

Рис. 1. Керамика приморской и предгорной зоны Южного Дагестана. *1, 2, 4—6, 8, 10, 11* — Карабудахкентский могильник 1; *3, 7, 9, 12—14* — Таркинский могильник; *15* — Капчугай; *16, 17* – Урцеки

который и привел в первых веках нашей эры к распространению в разных районах Северного Кавказа сходного облика материальной культуры. Поэтому общий вывод авторов раскопок Таркинского и Карабудахкентских могильников о том, что эти могильники оставлены местной группой населения, подвергшейся значительной сарматизации (это прослеживается, по их мнению, в распространении вытянутых костяков, наличии в погребениях разбитых зеркал, кусков мела и т. д. [2, с. 224, 225; 3, с. 171, 172; 19, с. 209, 210]), остается справедливым.

Особую группу составляют памятники равнинных районов Северного Дагестана. Как уже отмечалось, эти районы исследованы довольно плохо. Здесь известно всего несколько памятников, содержавших единичные комплексы только первых веков нашей эры; погребения III—I вв. до н. э. пока неизвестны. Однако несмотря на малочисленность этих комплексов (погребения у Бавтугая, Верхнего Чирюрта, Андрейаула), локальные особенности погребального обряда выделяются довольно четко. Во-первых, все найденные здесь погребения совершены в обычных грунтовых ямах, не содержавших никаких каменных конструкций [1]. Костяки лежат в вытянутом положении на спине, имея различную ориентировку головой на юг, юго-запад — запад, северо-запад. Характерные для других районов Дагестана погребальные сооружения в виде каменных ящиков, гробниц и склепов здесь отсутствуют, так же как и скорченные, сидячие, вторичные погребения и захоронения отдельных черепов. Таким образом, все те черты, которые являются характерной особенностью дагестанских памятников и выделяют их из памятников других районов Северного Кавказа, абсолютно не присущи памятникам сарматского времени северных равнинных районов Дагестана.

Доступность этой зоны для постоянного проникновения северных кочевых племен препятствовала формированию или сохранению здесь каких-либо своеобразных черт культуры. Культура обитавших на этой территории племен была менее специфична. Она содержала ряд черт, характерных для культуры племен, живших в равнинной и предгорной зоне более восточных районов Северного Кавказа: господство погребений в грунтовых ямах, вытянутое положение костяков, большая общность в инвентаре — наличие зеркал, фибул, пряжек, украшений и т. д.

Среди этих памятников наибольший интерес вызывает Андрейаульский могильник, расположенный рядом с одноименным городищем, достигавшим огромных размеров, имевшим мощную систему оборонительных сооружений [22, с. 122, 123] и являвшимся важным экономическим и торгово-ремесленным центром Северо-Восточного Дагестана в раннесредневековую эпоху. Возникновение городища относится к первым векам нашей эры, что подтверждается, в частности, наличием однотипной керамики в его ранних слоях и в открытых на могильнике погребениях первых веков нашей эры [23, с. 123—141].

Интересной особенностью могильника являются его значительные размеры и наличие грунтовых и подкурганных захоронений. Курганы имели высоту от 1,5—2 до 5 м при диаметре от 20—25 до 50—60 м.

Грунтовой могильник содержал простые грунтовые ямы, без каких-либо конструкций, с индивидуальными захоронениями в сопровождении рядового инвентаря I—III вв. н. э. (керамика, зеркала, булавки, височные кольца, бусы, пряслица) и грунтовые ямы с деревянными конструкциями в виде рамы из стоявших на продольном ребре досок либо

---

[1] Открытие экспедицией М. Г. Магомедова Андрейаульского могильника 2, содержащего каменные гробницы, казалось бы противоречит этой характеристике. Однако необходимо учитывать тот факт, что само Андрейаульское городище расположено на границе рассматриваемых территорий — предгорий и равнин. Принадлежавшие ему грунтовый и курганный могильники примыкают к нему непосредственно с севера и северо-запада, тогда как могильник 2 находится в 5 км к югу от городища [21, с. 219], т. е. в начале предгорий. Нет уверенности в том, что население, оставившее этот могильник, обитало на Андрейаульском городище, хотя, судя по находкам, оно, несомненно, находилось в сфере влияния этого крупного центра.

бревен, содержавшие разграбленные и, по-видимому, более богатые погребения.

Подкурганное погребение было совершено в большой могильной яме прямоугольной формы, ориентированной по линии С — Ю и имевшей плохо выраженный дромос в виде покатой ступени, начинавшейся на уровне древнего горизонта. На дне могилы прослежено шесть ям от столбов, поддерживавших деревянное перекрытие. Погребение было ограблено. В могиле найдены фрагменты сосудов, однотипные с сосудами грунтового могильника, миниатюрная золотая бляшка, обломки железной кольчуги (вернее, комбинированного доспеха, так как здесь найдены и кольца, и фрагменты пластин). Судя по керамике, захоронение синхронно погребениям грунтового могильника. Оно, несомненно, принадлежало представителю местной знати, может быть, военному вождю, если судить по наличию остатков кольчуги, известной в это время в богатых подкурганных захоронениях Прикубанья.

Таким образом, отмеченные различия в погребальном обряде объясняются не этническими, а социальными причинами, что в свою очередь свидетельствует о далеко зашедшем процессе социального расслоения у населения Северного Дагестана в первых веках нашей эры.

На Северном Кавказе в первых веках нашей эры могильники, дающие сочетание грунтовых погребений рядового населения и курганов знати, известны только на территории Прикубанья, большей частью на правом берегу Кубани. Население центральных районов Северного Кавказа в этом отношении было более отсталым, менее подвергнутым процессу имущественной дифференциации. Подкурганные погребения знати в сочетании с грунтовыми могильниками появляются здесь, по имеющимся на сегодняшний день данным, лишь в V в. н. э. (могильник у с. Брут в Северной Осетии). По-видимому, выгодное географическое положение на трассе торгового пути, благоприятные климатические условия Северного Дагестана способствовали подъему экономики, ускорению процесса имущественной и социальной дифференциации и привели к возникновению в таких районах крупных экономических и политических центров. М. Г. Магомедов отмечал значение Андрейаульского городища как важного центра Терско-Сулакского междуречья в раннесредневековый период [23, с. 125], хотя, по-видимому, городище играло значительную роль уже в первых веках нашей эры. Подтверждает это тот факт, что нижние слои городища содержат в большом количестве ту керамику, которая была характерна и для могильника этого городища, так же как и для памятников довольно широкой территории, включая сарматское Поволжье. Вся керамика, из которой наиболее характерные образцы относятся к столовой посуде, отличается тщательностью выделки. Она сделана из тонко отмученного теста с примесью мелкотолченого кварца, шамота, реже ракушки и мелкозернистого песка. Для нижнего слоя характерны различные миски (реберчатые, рифленые с загнутым краем и чашеобразные), богато орнаментированные кувшины с раздутым туловом и кувшины с воронкообразным горлом, а также горшки. Сосуды, помимо «пышного» орнамента, украшались пересекающимися лощеными полосками (24, с. 127).

Своеобразие этих сосудов, особенно кувшинов с округлым туловом и высоким горлом и рельефным орнаментом, чаще всего в виде вертикальных валиков с насечками либо волнистых рельефных линий, а также украшенных насечками ручек (рис. 2, *7—12*), первые образцы которых были найдены в сарматских погребениях Поволжья, породило мнение о сарматском происхождении сосудов такого типа. Раскопки Андрейаульского городища, нижние слои которого дали большое количество такой керамики, доказали местное, дагестанское производство этих сосудов, в своеобразии форм и орнамента которых, несомненно, отражается влияние высокоразвитых керамических традиций Кавказской Албании. Раскопками Андрейаульского городища засвидетельствовано местное производство не только отмеченных выше кувшинов с «пышным» орнаментом, но и многих других сероглиняных лощеных сосудов,

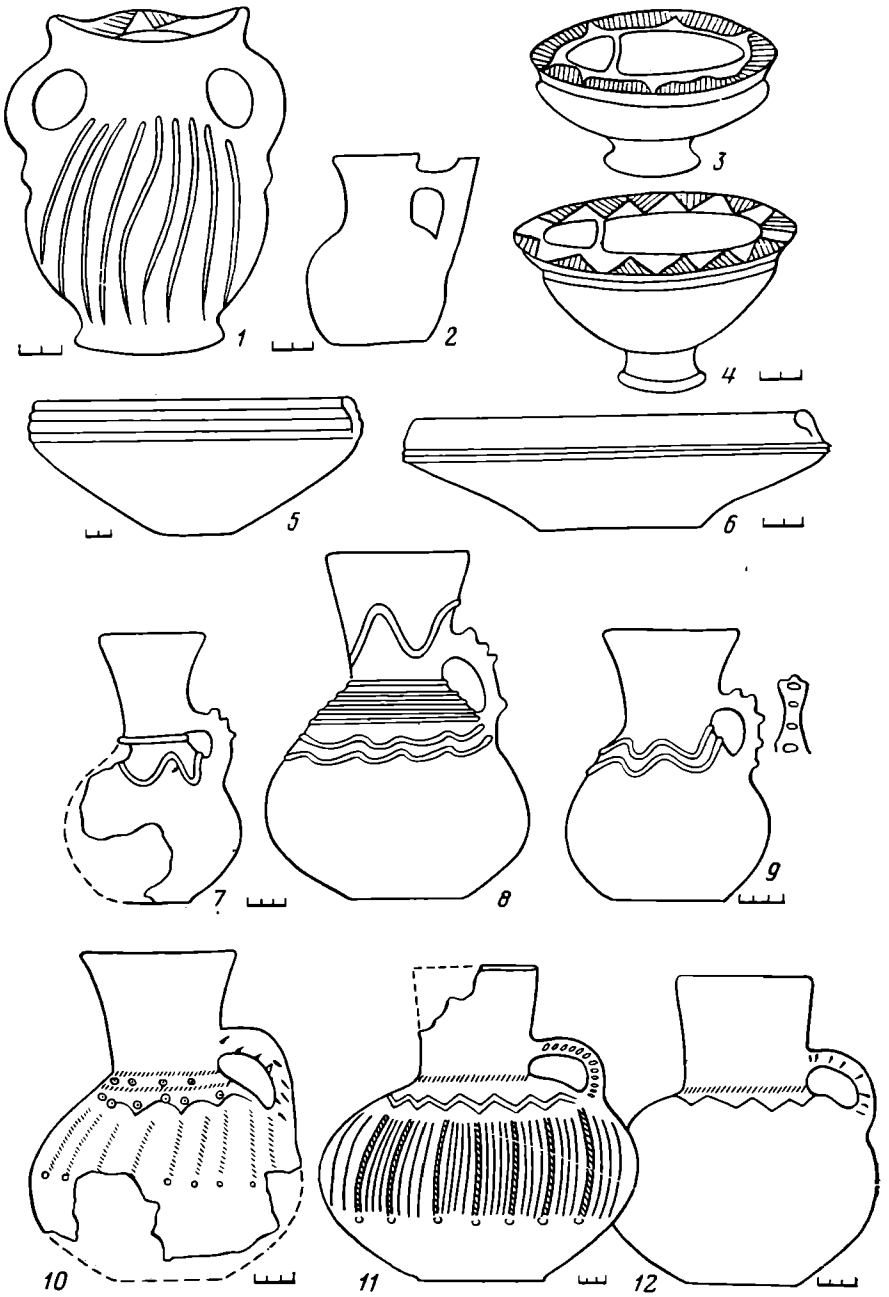


Рис. 2. Керамика Северного Дагестана. *1—10, 12* — Андрейаульский могильник; *11* – Андрейаульское городище

известных ранее по материалам дагестанских могильников первых веков нашей эры: мисок различных форм (рис. 2, *5, 6*), кувшинов с орнаментированными ручками и т. д. [24, с. 105—134].

Эти сосуды, в частности миски с желобчатым краем, были распространены на широкой территории Северного Кавказа, включая не только Дагестан, но и Центральный и Северо-Западный Кавказ, причем в каждом из районов они были, очевидно, местного производства. Что касается своеобразных кувшинов с «пышным» орнаментом (рис. 2, *7—12*), то основная масса этих находок сосредоточена на сегодняшний день в северных районах Дагестана, а именно в Андрейаульском городище и могильнике, что и позволяет с уверенностью связывать их происхождение и производство именно с этим районом. На других территориях они встречаются в единичных экземплярах, причем не только в отдаленном сарматском Поволжье, но и в близко расположенных могильниках Дагестана: один из подобных кувшинов найден в раннем погребении Боль-

шого Буйнакского кургана и один — в Таркинском могильнике (при разнообразии в этих могильниках сосудов других форм).

По-видимому, в первых веках нашей эры на территории Дагестана существовало несколько керамических центров, один из которых, расположенный на Андрейаульском городище, имел местное локальное значение, являясь, очевидно, ведущим центром для населения северных равнинных районов Дагестана. У населения Южного Дагестана были, по-видимому, свои центры, производившие керамику, отличную от керамики Северного Дагестана (ср. рис. 1 и 2).

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют говорить о наличии на территории Дагестана в албано-сарматское время двух групп памятников, соответствующих, по-видимому, двум археологическим культурам. В первую группу входили памятники горного, предгорного и приморского Дагестана. Их характерными особенностями являются: наличие городищ с каменными укреплениями, это прежде всего городища Приморского Дагестана, расположенные на трассе торгового пути и, очевидно, входившие в состав Кавказской Албании; пестрота погребального обряда, проявлявшаяся в наличии разных типов погребальных сооружений (грунтовых ям, каменных ящиков, гробниц и склепов) и способов захоронений (вытянутое, скорченное, сидячее положение, вторичные погребения и захоронения отдельных черепов), что можно объяснить влиянием древних местных традиций; имущественная дифференциация общества нашла отражение в многообразии типов погребальных сооружений; своеобразие керамического материала, испытавшего значительное влияние закавказских культурных традиций,— преобладание красноглиняных сосудов. Накопление и обработка новых материалов позволит в дальнейшем выделить внутри этой культуры локальные группы.

Вторая группа охватывает памятники северных равнинных районов Терско-Сулакского междуречья. Их характеризует: господство неукрепленных поселений; единство погребального обряда — грунтовые ямы с вытянутым положением костяков; значительная имущественная дифференциация, проявлявшаяся в сочетании грунтовых и курганных могильников; своеобразный набор сероглиняной керамики, состоявший из кувшинов специфичных форм, возникших под влиянием керамических традиций Кавказской Албании, и сосудов иных видов (рис. 2, *1—6*), распространенных и в других районах Северного Кавказа, в первую очередь в прилегающих районах Чечено-Ингушетии.

Своеобразие двух групп памятников объясняется, по-видимому, и некоторыми различиями в этническом составе населения, оставившего их. В сложении культуры северных равнинных районов Дагестана значительную роль играли сарматские племена. Влияние сарматской культуры в Дагестане, как и в других районах Северного Кавказа, особенно хорошо прослеживается в первых веках нашей эры. В это время начинается господство вытянутого положения костяков в могилах, а также получает распространение инвентарь, характерный для памятников широкой территории Юго-Восточной Европы (фибулы, пряжки, зеркала, бусы и т. д.), что можно связывать с усилением процесса сарматизации проживавшего в разных районах местного населения. Этот процесс охватил население не только северных равнинных, но и предгорных и горных районов Дагестана, так же как и центральных районов Северного Кавказа. Этот процесс способствовал распространению в разных районах Северного Кавказа близких черт материальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юшков С. В.* О границах древней Албании // Исторические записки АН СССР. 1937, Т. 1.
2. *Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. 1951. № 23.
3. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.// МИА. 1951. № 23.
4. *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала. 1967.

5. *Виноградов В. Б., Петренко В. А., Мялковский В. А.* К этнической истории северо-западного Прикаспия в I тыс. до н. э.— XVIII в. н. э.// Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
6. *Котович В. Г.* О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
7. *Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М.* Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
8. *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Махачкала, 1970.
9. *Кудрявцев А. А.* Древние поселения на дербентском холме // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
10. *Абакаров А. И., Гаджиев М. Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
11. *Гмыря Л. Б.* Некоторые сведения о гуннах в Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
12. *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
13. *Федоров Г. С., Федоров Я. А.* Прикаспийский Дагестан в первые века н. э.// Уч. зап. Даг. фил. АН СССР. 1969. Т. 19.
14. *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.
15. *Кудрявцев А. А.* Первые исследования досасанидского Дербента // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
16. *Давудов О. М.* Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
17. *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник //МАД. 1961. Т. II.
18. *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
19. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. 1961. Т. II.
20. *Федоров Г. С.* Случайные археологические находки из Карабудахкента // МАД. 1973. Т. III.
21. *Магомедов М. Г.* Исследования Андрейаульского могильника № 2 // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985.
22. *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
23. *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
24. *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.

M. P. Abramova

SOME SPECIFIC FEATURES OF THE CULTURE OF THE DAGHESTAN POPULATION DURING THE ALBANO-SARMATIAN PERIOD

Summary

Two groups of sites of the Albano-Sarmatian period (the 3rd century B. C.-the 3rd century A. D.) can be identified in Daghestan. The first group embraces the sites in the mountains, the piedmont areas and in the coastal regions of southern Daghestan. This group is marked by: (1) settlements with stone fortifications, the largest of them being situated along the sea coast and the trade routes, and formed part of the Caucasian Albania; (2) a reat variety of burial rites (pits, stone boxes, tombs and vaults, extended and contracted burials, secondary burials and burials of detached skulls) explained by the local influences; (3) specific pottery exhibiting certain Transcaucasian influences (Fig. 1). The second group of sites is found on the territory of the northern plains (the Terek-Sulak interfluve). It is characterised by (1) unfortified settlements; (2) the uniform burial rite (extended burials in pits); (3) considerable property differentiation seen in the coexistence of the pit and mound burials; and (4) a highly specific pottery set (Fig. 2, *7–12*).

Certain ethnic variety of the population (in the Northern areas the Sarmatian component played a considerable role) accounts for the specific features of the two groups.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, Т. В. БЕЛЯЕВА

К СТРАТИГРАФИИ КУМЫШКЕНТ-ТЕПЕ

Античная керамика Средней Азии хорошо изучена для Бактрии, Маргианы, Хорезма, в меньшей степени для Согдианы. В самаркандской зоне Согда керамика середины I тыс. до н. э.— середины I тыс. н. э. в основном известна по Афрасиабу — городищу древнего Самарканда [1—8]. Но изучение стратиграфии нижних слоев здесь крайне затруднено, поскольку они перекрыты многометровыми средневековыми напластованиями вплоть до начала XIII в. и находятся в переотложенном состоянии. Все это поставило задачу найти памятник, целиком или преимущественно относящийся к эпохе согдийской античности. Им оказался Кумышкент-тепе, в 19 км к западу от Самарканда, близ кишлака Кумышкент (рис. 1). Это возвышенный подпрямоугольный холм столового типа, размерами 120×75 м у подошвы и 80×40 м — верхней площадки. Его высота 15—18 м, но, как показали раскопки, культурные слои уходят вглубь на 4—5 м от современной поверхности. Рядом — остатки всхолмлений былого поселения (рис. 2).

Тепе, отмеченное в свое время еще В. Л. Вяткиным [9, с. 58], обратило на себя наше внимание при рекогносцировках Узбекистанской искусствоведческой экспедиции 1961 г., так как в его срезах и у подошвы в изобилии находились черепки древней керамики, а на одном участке обнаружилась кладка высокой стены из крупного квадратного сырца и пахсы [10, с. 57]. В 1962, 1963, 1971, 1972 гг. на восточном склоне тепе были осуществлены стратиграфические разрезы, один из которых (№ 1) был доведен до современной дневной поверхности [11, с. 49, 50], другой (№ 2) глубоким стратиграфическим шурфом — до материка. В верхнем горизонте был осуществлен также раскоп на площади 340 м². Раскопки велись поярусно (через 50 см), с привязкой к реперу, выбранному на самой высокой точке тепе [1].

Археологические разрезы выявили шесть культурных горизонтов (Кмш I—VI), включающих по два-три хронологических этапа. Приведем описание разреза 2, давшего наиболее четкую картину залегания наслоений, общая высота которых относительно репера составляет 22,5 м. Описание культурных горизонтов начнем с самого нижнего (рис. 3).

Горизонт Кмш I (XLV—XXXV ярусы). Первоначальный культурный слой покоится на лёссовом материке и насчитывает три строительных этапа. Вначале (Кмш Iа) возводится пахсовая стена, сложенная из жирной серой тоюнной (иловой) глины, чередующейся с желтой лёссовой глиной. Такое сочетание строители провели преднамеренно, так как тоюн, имеющий способность дольше, чем лёсс, оставаться в сыром состоянии, обеспечивал вязкость структуры. В замесе пахсы нет примесей, но поверх этой кладки отмечена тонкая прослойка с углем и костями. Эта линза отделяет нижний 1,5-метровый пахсовый слой от вышележащей кладки слоя Кмш Iб, где также идет сочетание метровых пластов пахсы из тоюнной и лёссовой глины. Различие в том, что здесь замес пахсы содержит небольшой процент керамических фрагментов, т. е. глину на строительство брали из культурного слоя.

На гребне этой пахсовой стены следует кладка этапа Кмш Iв высотою 1,3 м, из сырцовых кирпичей форматом 50×39—40×13 см. Как и

[1] В 1961 и 1962 гг. работы велись под общим руководством Г. А. Пугаченковой, при участии молодых археологов-лаборантов Д. Н. Сидоровой и Э. В. Ртвеладзе, а в 1971 и 1972 гг.— Т. В. Беляевой.

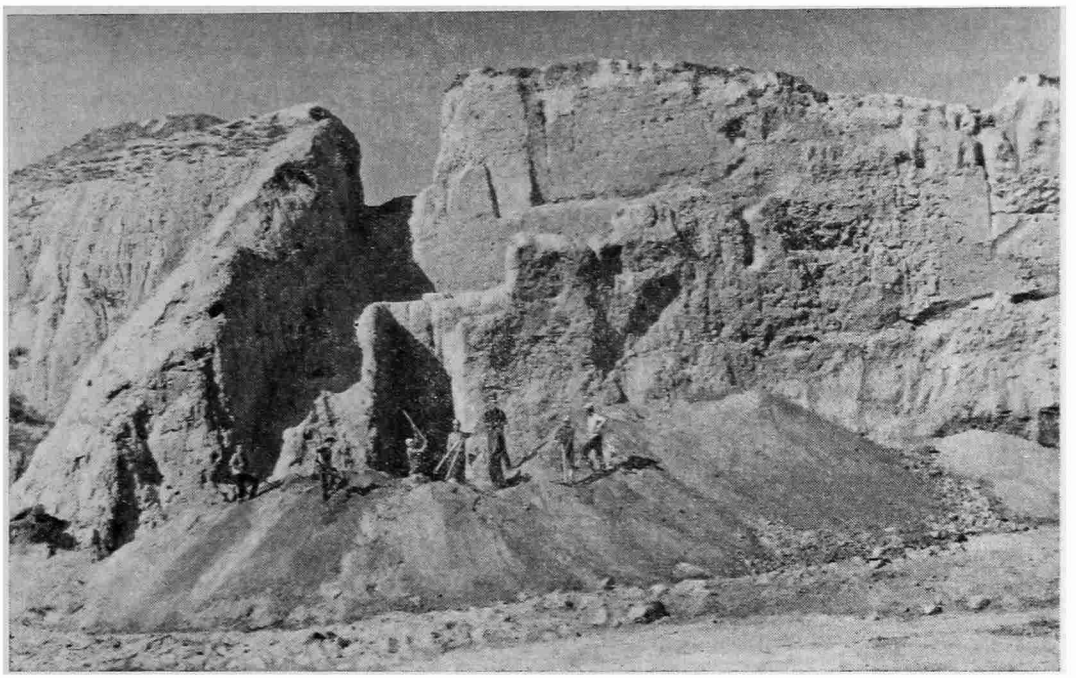


Рис. 1. Кумышкент-тепе. Разрез 2

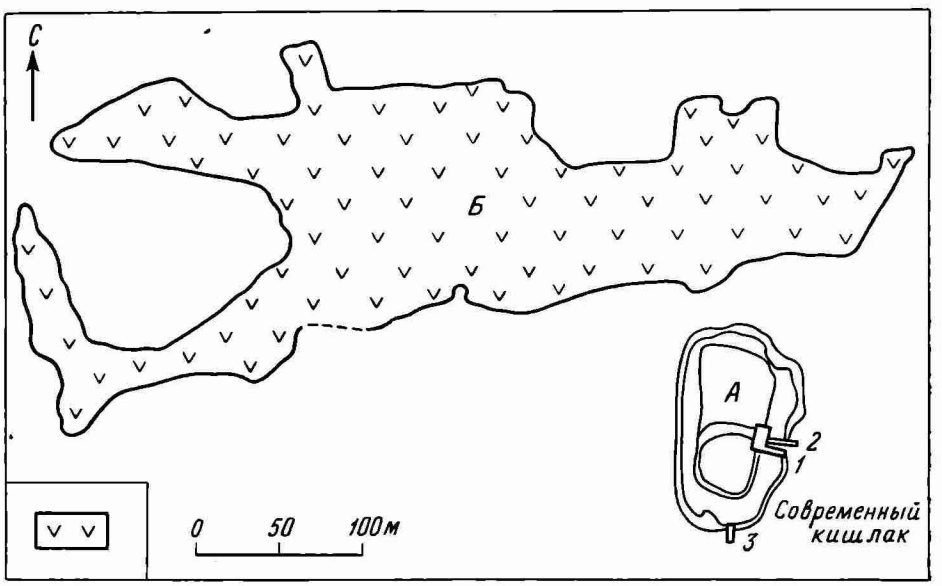


Рис. 2. Кумышкент-тепе (*А*) и остатки поселения (*Б*). – *1—3* — разрезы; V – территория распространения керамики

пахса, сырец изготовлен из двух видов глин и уложен на толстых промазках по два ряда сырца из тоюнных и по два ряда лёссовых глин. Выше — 0,5-метровые слои пахсы общей мощностью из 1,5 м. По-видимому, это уже платформа для возведения новых строений. Описанные кладки в разрезе вглубь выявлены до 8 м, но грань не обнаружена: это мощная стена внешнего ограждения, а может быть, платформа крепостной стены. Высота первого культурного горизонта Кмш I 5,5—6 м.

Керамика, извлеченная в уровнях Кмш Iб (рис. 4), включает столовые сосуды, изготовленные на станке, и лепные кухонные. В составе первых — чашечки сфероидной формы с чуть утолщенной и загнутой внутрь закраиной, фрагмент стенки от цилиндроконической кринки, узкогорлые и широкогорлые кувшины с небольшим плечиком, переходящим к невысокой горловине со слегка оттянутым округлым венчиком. Тулово кувшинов, судя по фрагментам, яйцевидное, дно плоское. Сюда же отно-

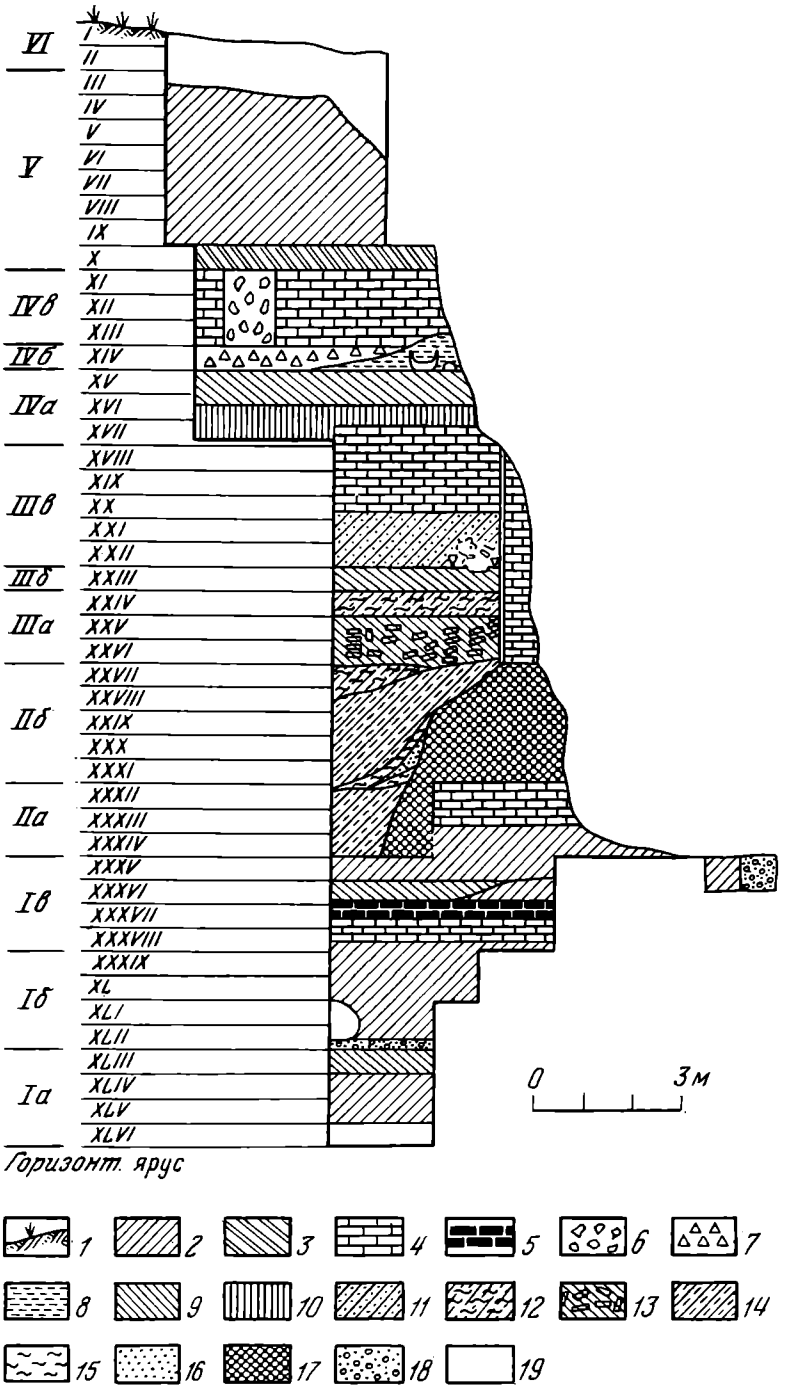


Рис. 3. Кумышкент-тепе. Разрез 2. *1* — дерн; *2* — пахсовая стена; *3* — утрамбованная земля; *4* — кирпичная кладка; *5* — кирпичная кладка из тоюнной глины; *6* — завал комковатый; *7* — слой с обилием керамики; *8* — натечный слой; *9* — забутовка; *10* — слой с керамикой; *11* — рыхлое сероватое заполнение помещений; *12* — плотный слой с керамикой; *13* — завал из кусков кирпича; *14* — заплыв пахсовых стен; *15* – оплыв и скопление керамики у степы; *16* – зольник; *17* — желтоватая пахса с включением мелкого галечника; 18 — галька и песок; 19 — материковый лёсс

сятся кухонные котлы, близ края которых прикреплены две шишковидные ручки. Тулово расширенное, переходящее в дно. Горла хумов оформлены манжетовидным венчиком. Черепок у всех сосудов плотный, хорошо пропеченный, ангоб в основном беловатый, или же его нет. В тесте котлов большая примесь отощителей.

Характер теста, обжига, общая фактура черепка, ангоб находят широкий круг аналогий в среднеазиатской керамике VI—IV вв. до н. э.

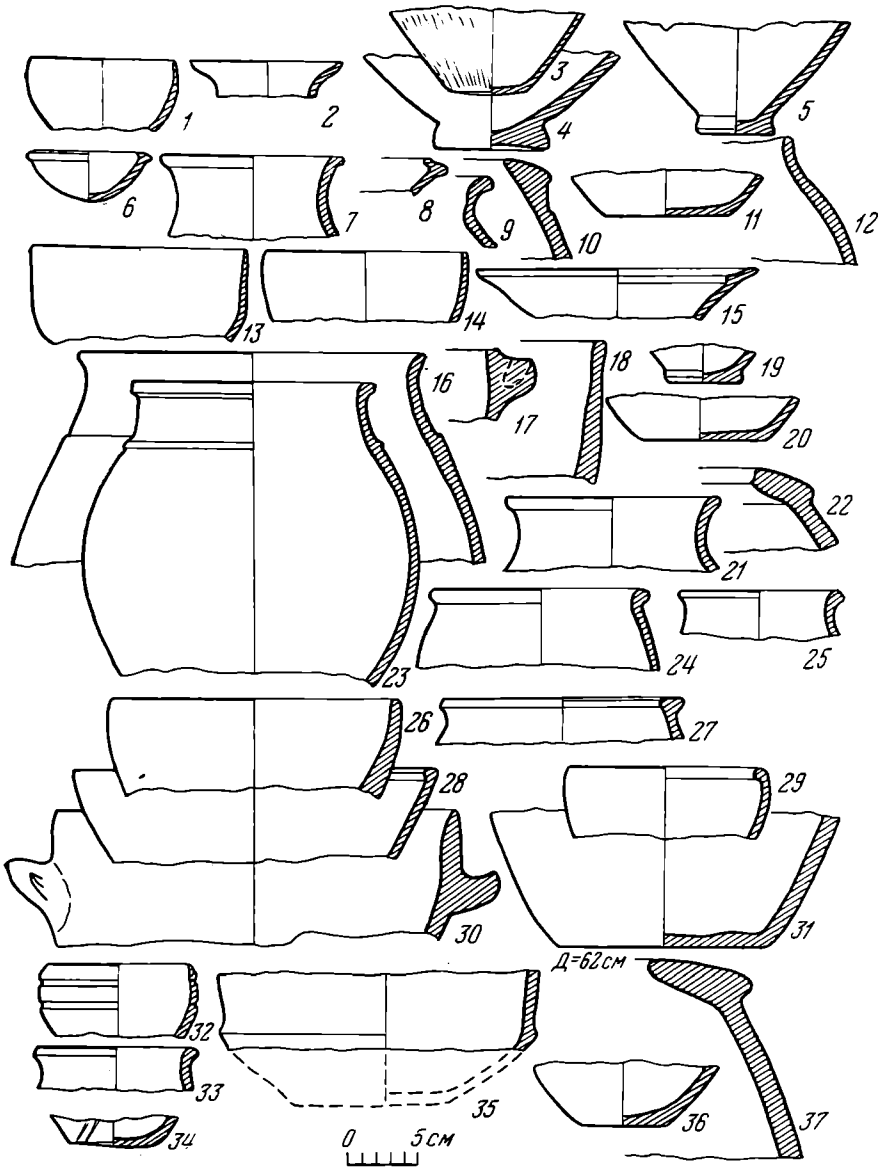


Рис. 4. Комплекс керамики горизонта Кмш I

Отметим также, что для этой эпохи не менее характерен и прямоугольный формат сырцового кирпича. Что касается керамического комплекса Кмш I, то он восходит к поздней фазе данного периода. Столь характерный цилиндроконический тип сосудов с подкосом у дна представлен единичным экземпляром, прочие донца подкоса не имеют. Формы чаш и кувшинов уже близки к античным. На некоторых фрагментах нанесен присущий последним красный ангоб, на одном — с полосчатым лощением, а на фрагменте горшка — мутноватый черный ангоб. Комплекс этой керамики стоит на рубеже двух историко-культурных эпох, и датировка его, таким образом, может быть не ранее IV в. до н. э.

Горизонт Кмш II (*XXXIV—XXVII ярусы*) насчитывает два этапа. На этапе Кмш IIа на выровненном и наполовину подрубленном гребне кладок первого горизонта возводится новая стена. Она сложена из квадратного, изготовленного из желтого лёсса сырцового кирпича 45×45×10—11 см, уложенного на тоюнный раствор (швы 6—8 см). Высота кладки 1,2, толщина 3,5 м.

В Бактрии, Парфиене, Маргиане, Хорезме на памятниках античного времени отмечен переход от прямоугольного кирпича к квадратному. Между тем в Ташкентско-Ферганском регионе по-прежнему применяется прямоугольный сырец. В Согдиане же в этот период сосуществует кир-

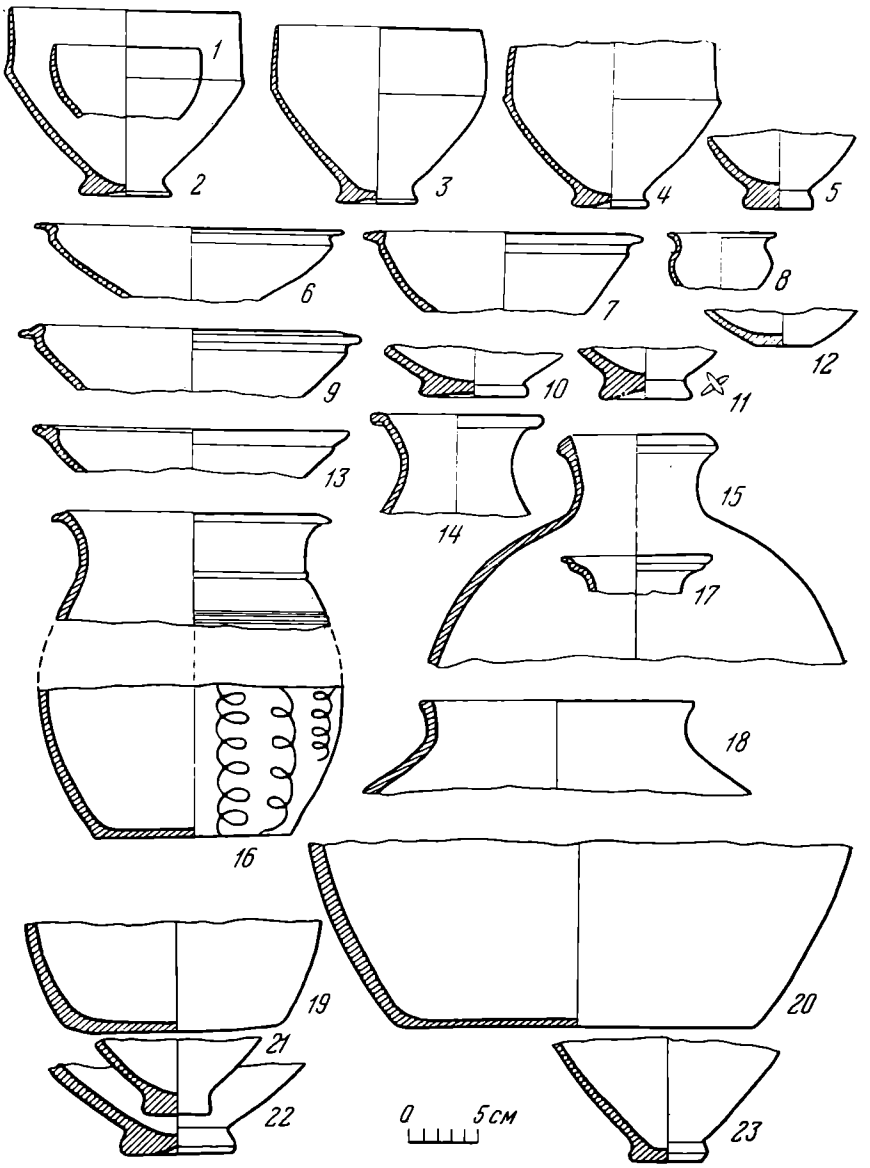


Рис. 5. Комплекс керамики горизонта Кмш II

пич как прямоугольный (Баш-тепе, Китаб, Ер-Курган) [12, с. 177, 182, 184; 13, с. 62; 14, с. 62, 64; 15, с. 51—59], так и квадратный (Афрасиаб, Кеш, Ер-Курган и др.) [6, с. 24 сл.; 13, с. 63]. Единого стандарта квадратного сырца не существовало, но выявлена тенденция на протяжении III в. до н. э.— IV в. н. э. к постепенному уменьшению его в стороне. В Северной Бактрии самый крупный формат такого сырца — 45 см (и даже до 48 см) — отмечен в нижних слоях укреплений Дальверзин-тепе [16, с. 18, 227], сырец до 45 см в стороне — в нижнем стратиграфическом горизонте Хан-Газы [17, с. 69].

На этапе Кмш IIб кирпичную стену подравнивают сверху и берут в пахсовый футляр, сохранившийся на высоту до 3,5 м и до 5 м в толщину. Однако внешняя грань обрушена, и, следовательно, стена была еще толще. Пахса и сырец изготовлены из желтого лёсса с добавлением гравия. Около стены изнутри накопился культурный слой до 1,5 м. В нем и в оплыве пахсы отмечены фрагменты керамики.

В комплексе Кмш II ярко представлена столовая посуда: бокалы, тарелки, чашки, миски, кувшины средних размеров, кринки. Весь набор изготовлен из хорошо отмученной глины, черепок плотный, коричневатого или красноватого цвета и звонкий от качественного обжига. Большинство сосудов обработано густым ангобным покрытием, которое от сильной

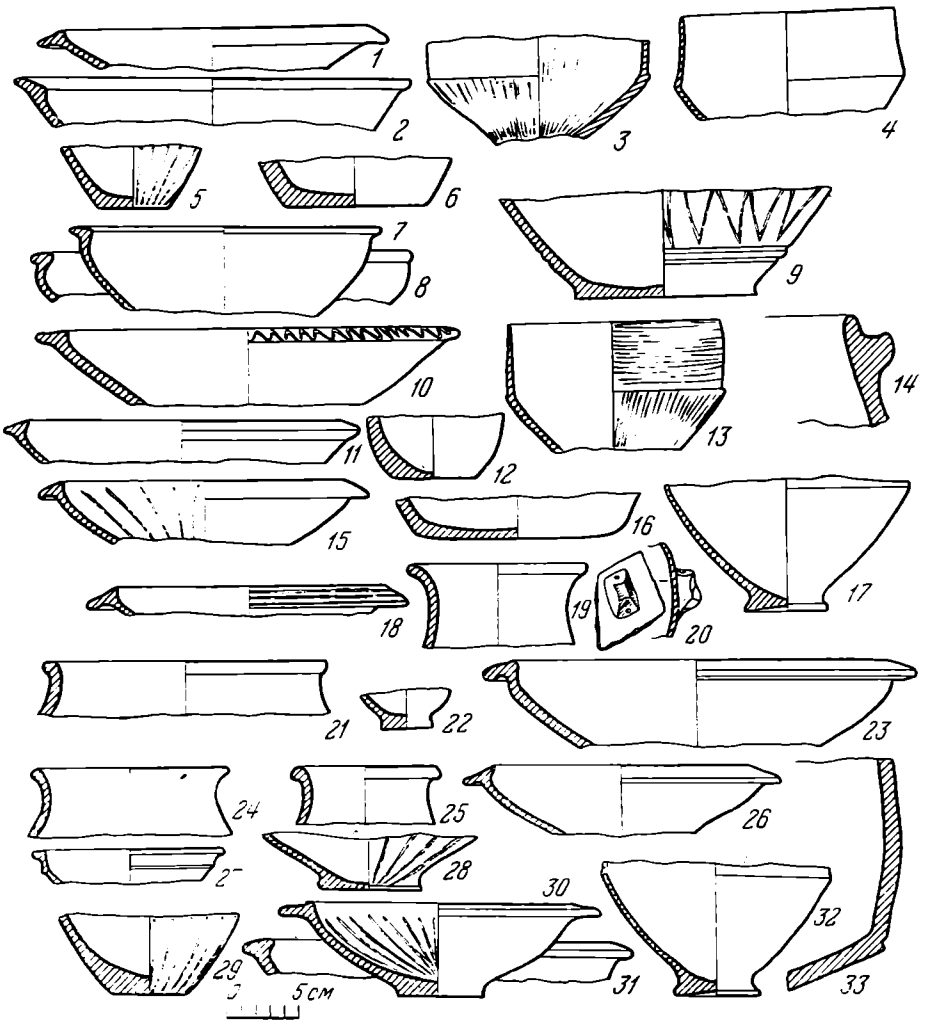


Рис. 6. Комплекс керамики горизонта Кмш II

температуры в печах и окислительной среды приобрело окраску от красно-коричневого до темно-коричневого тона. На кувшинах — покрытие светлым ангобом; у них неширокое горло, яйцевидное тулово, иногда имеется ручка ленточного типа. Кубки—с цилиндроконическим резервуаром на слегка выступающем плоском или чуть выемчатом поддоне, диаметр их по венчику немного превышает высоту. Тарелки (скорее отлогие фиалы) — на маленьком, плоском дне или слегка выступающем поддоне, с отлого-коническим резервуаром, который заканчивается выделенным, немного оттянутым бортиком Т-образного профиля. Небольшие горшки кринкообразной формы имеют широкое и невысокое горло с оттянутым краем, высота немного превышает диаметр тулова, дно плоское, широкое На одном экземпляре по красно-коричневому ангобу темной ангобной линей нанесен узор вертикально идущих спиралей (рис. 5, *16*).

Комплекс Кмш II еще сочетает посуду, изготовленную по старой технологии и по уже внедренной новой, когда в ангобный раствор добавляют железистые окислы. Формы сосудов претерпевают заметную эволюцию.

Сходный по формам и технологической обработке материал представлен в керамической колонке Афрасиаба II, где его датируют IV—III вв. до н. э., и в переходной к Афрасиабу III, относимому уже к рубежу II—I вв. до н. э. [7, с. 50, 51, рис. 57; 8, с. 77 рис. 2—5]. Смена моделирования столовой посуды в Согде происходит на протяжении III в. до н.э. Как считает основой исследователь Афрасиаба Г. В. Шишкина, технологические нововведения и изменения форм были связаны

здесь с прямым эллинистическим влиянием после походов в Согд Александра Македонского и привозом сюда эллинистической керамики [8, с. 50]. Однако появление в Согде греческой керамики пока нигде не подкреплено археологическими находками. С нашей точки зрения, новая типология и технология сосудов появляются в Согдиане не под прямым эллинистическим влиянием, а опосредованно, под воздействием бактрийского гончарства III—II вв. до н. э., в пору вхождения Согда во владения греко-бактрийских басилевсов и установления тесных контактов с областями Северной Бактрии. Потому-то многие формы комплекса Кмш II (равно как и Афрасиаба II): цилиндроконические кубки, кувшины, фиалы, тарелки,— находят прямые аналогии в керамике Ай-ханум [18, рис. 15—17, 21—24, 27—29, 39, 40, с. 127—133, 136—141; 19, рис. 12, 13] и в нижних слоях Дальверзин-тепе [16, рис. 6, 11, 42, 100].

Исходя из приведенных выше аналогий и новых явлений как в технологии гончарного производства и типологии сосудов, так и в строительной технике, датировка горизонта Кмш II определяется III—II вв. до н. э.

Горизонт Кмш III (*XXVII—XVIII ярусы*) насчитывает три этапа. Кмш IIIа: на гребне пахсовой стены предыдущего периода, отступая от ее внутренней грани на 2 м, возведена стена из сырцового кирпича размером 38×38×14—15 см, обмазанная с внутренней стороны глиной. Ее толщина 3 м (внешняя грань разрушена). В высоту она сохранилась на 5 м. К стене примыкает попавшее в разрез помещение, уровень пола которого находится в конце XXVI яруса. Покрывающий его культурный слой содержит угли, золу, фрагменты керамики.

Этап Кмш IIIа отмечен завалом помещения, разрушенным кирпичом, и обмазкой нового пола в пределах XXIV яруса. Культурный слой мощностью 0,5 м, накопившийся на этом полу, содержал большое количество керамики.

На этапе Кмш IIIб помещение перекрывается 0,5-метровой пахсовой платформой и на ней строят новые помещения, примыкающие к прежней внешней стене. Поперечные стены толщиной 1,2 м выведены из пахсы, а продольные толщиной 2 м — из сырцового кирпича прежнего размера — 38×38×14 см. Они сохранились на высоту до 1,2 м. В углу помещения около внешней стены сделан очаг, обложенный кусками толстостенной керамики и обмазанный глиной. В дальнейшем (Кмш IIIв) помещение заполняют разрушенные кирпичи и глина, а затем оно забутовывается пахсой с галечником, образующими платформу для новых построек.

Комплекс керамики этапа Кмш IIIб — в основном сервиз столовой посуды: кубки, тарелки, миски, узкогорлые кувшины и широкогорлые кринки. Все они изготовлены на гончарном круге. Черепок плотный, красноватого или светло-коричневого тона, ангоб ярко-красный и красно-коричневый. Ангобирование посуды разнообразное: на одном — покрытие густым слоем путем обмакивания в раствор, на других хорошо видно растирание ангобной жидкости кистью. Тонкостенные формы со сложным профилем венчика или поддона обрабатывались на станке явно с двойной обточкой. Почти все изделия лощились металлическим, каменным или костяным лощилом. Металлическое лощение оставляло темно-серую полоску, а костяное — полоску, заметную только по блеску. Лощение получалось в виде полос — вертикальное и горизонтальное. Нередко их сочетание. Например, верх кубка залощен по горизонтали, низ — лучеобразно по вертикали. При сплошном лощении применялось каменное лощило, благодаря ему сосуд становился гладким и блестящим.

Данный керамический комплекс близок к предыдущему — аналогичны профили кубков, чаш, мисок. Однако они более тонкостенные и разнообразные по размерам. Кувшины чаще с одной ручкой, прикрепленной у горловины и опущенной на плечо. Близость форм к керамике горизонта Кмш II, но при явно уже широко внедренной новой технологии обработки, позволяет отнести этот комплекс к I в. до н. э.— I в. н. э.

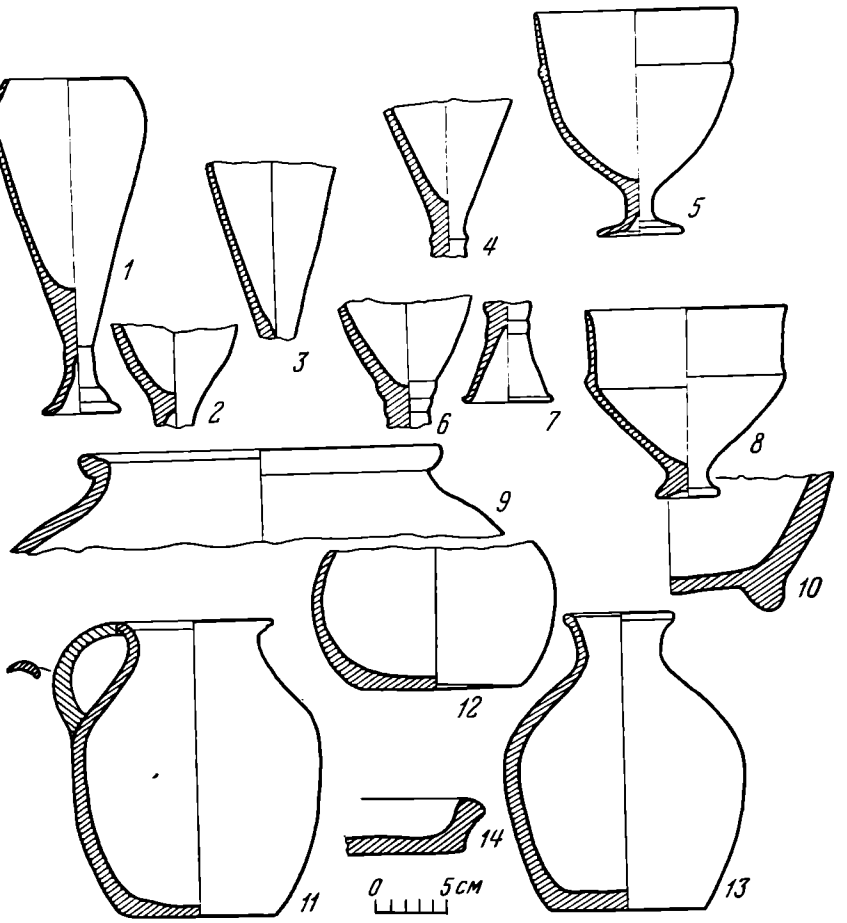


Рис. 7. Комплекс керамики горизонта Кмш IIIв

Керамика из слоя Кмш IIIв уже иная (рис. 7). Около очага в помещении лежали на полу два бокала, кубок, кувшин с ручкой и кувшин без ручки, верхняя часть хума. Здесь наблюдаются новые формы: колоколообразный бокал на тонкой, вытянутой ножке, полой изнутри, с широким кольцом у основания; кубок цилиндрический с выгибом вовнутрь у края; ножка не сохранилась, но по другим фрагментам видно, что ножки таких кубков вытачивались высоким коническим раструбом; соотношение диаметра к высоте 3 : 1. Кувшин с одной ручкой, узким горлом и широким плоским дном. Имеется также ряд фрагментов, варьирующих описанные формы. Все сосуды обработаны красно-коричневым, а иногда и черным ангобом и слегка залощены.

Обращают на себя внимание высокие колоколовидные бокалы на неустойчивой высокой ножке. Такие формы бокалов с Афраспаба датируют широко — I—III вв. [1, с. 86, рис. 3, 4]. В нашем комплексе данный вид не выходит за пределы II в. н. э., поскольку, как будет показано, вышележащий слой имеет дату III—IV вв.[2]

Таким образом, 5-метровый горизонт Кмш III слагался длительное время в пределах около рубежа н. э.— II в. н. э.

Горизонт Кмш IV (XVII—XI ярусы) насчитывает три этапа. На 0,5-метровой глинобитной платформе, перекрывшей остатки стен и культурные слои горизонта Кмш III, выводится внешняя стена из сырцовых кирпичей размером 35×35×10 см и пахсовых блоков 50 см в высоту, чередующихся с шестью рядами сырца (Кмш IVа). Уровень пола новых помещений приходится на конец XV яруса; 0,5-метровый слой над ним (Кмш IVб) насыщен фрагментами керамики, представленной в основном

[2] У нас вызывает глубокое сомнение отнесение Г. В. Шишкиной бокалов подобного типа к IV—III вв. до н. э. на Афрасиабе. Это могли быть экземпляры, попавшие в глубоко опущенную мусорную яму, или бадраб.

хозяйственной посудой и, в меньшем составе, столовой. Фрагменты хумов с невысокой шейкой и овальным венчиком, верх хумчи с высоким горлом и оттянутым овальным венчиком, все они покрыты снаружи светло-розовым ангобом. К столовой посуде относятся тарелки и бокалы — те же, что и в предшествующих горизонтах; видимо, это — забутовка глиной и битой посудой из более древних культурных слоев. На новом этапе обживания Кмш IVб уровень пола лежит в XIV ярусе. На нем в углу помещения сложен из кирпичей очаг диаметром 80 и высотой 30 см, обмазанный глиной. Рядом располагался тандыр с сильно прокаленной толстой обмазкой, на дне которого скопился слой золы. На небольшом возвышении вдоль северной стены помещения стояли глиняные подставки для вертела — округлой формы, сдавленные и раздвоенные на два отростка сверху.

На этапе Кмш IVв помещение перестраивается. Его перегораживают стеной, разделяя на два, с проемом шириной 1 м. Эта стена уже выведена рядами сырцового кирпича 47×29×8–10 см, перемежающимися с ленточной пахсой толщиной 8–9 см. Пахса — из сырой жирной глины, а кирпичи формованы из желтого лёсса. На этом этапе помещения обживались длительное время. Затем наступило их запустение, на полу начала скапливаться зола, достигая у южной стены до 1,2 м, перекрыв и пол, и очаги. Всюду зафиксированы надувные слои, затеки, заполнения из разрушенных кирпичей.

Комплекс фрагментов керамики из зольника и заполнения помещений обильный и разнообразный (рис. 8–10). В основном составе это столовая посуда. Бокалы — двух видов: приземистые цилиндрические (почти чаши) и колоколовидные. Ножки первых — на кольцевом поддоне, иногда сплошного сечения, ножки вторых высокие, тонкие, с полым коническим раструбом. Миски овальные, с двумя бороздками у края.

Период Кмш IV охватывает длительный промежуток времени — в пределах II–IV вв. Если возведение над платформой первоначальных строений из квадратного сырца, перемежающегося с ленточной пахсой, восходит еще ко II–III вв., то на следующем этапе уже применен сырец прямоугольного формата, который в период раннего средневековья окончательно вытесняет в Согде квадратные формы. Подобный переход от квадратного к прямоугольному формату отмечен и в Бактрии, например в постройках городских ворот Дильберджина и на городище Жига-тепе, где датируется обилием монет кушано-сасанидского чекана III–IV вв. [20, с. 97; 21, с. 72].

Комплекс керамики из слоя Кмш IV находит аналогии с афраспабской керамикой II–III вв. [6, с. 68 сл., рис. 14, 15]. Глиняные же очажные подставки описанного типа характерны для каунчинской культуры периода Каунчи III, датируемого IV — первой половиной VI в. [22, с. 77, рис. 8], хотя появление их, на наш взгляд, старше этой даты. По сумме данных концом III–IV в. датируется время длительного обживания Кумышкент-тепе (горизонт Кмш IV), после чего наступает этап его продолжительного запустения.

Горизонт Кмш V (*X–III ярусы*) включает два этапа. Новое здание этапа Кмш Va основано на глинобитной платформе толщиной 50 см, перекрывшей остатки и заполнение построек нижележащего горизонта. Стены толщиной 1,75 м сохранились на 1,5 м по высоте. Вскрыта часть самого здания на площади 340 м² — анфилада четырех помещений на восточной стороне и часть помещения на южной, между ними — угол внутреннего дворика. Перекрытия были балочными, о чем говорят находки балок. Фрагмент одной из них — с резьбой в виде рельефных ромбиков. Стены оштукатурены хорошо отмученной глиной и местами были покрыты росписью. Из-за фрагментарности характер рисунка неясен, но различаются розовые, голубые, желтые, ярко-красные и черные тона.

На этапе Кмш Vб здание подверглось перестройке: повышен пол, утолщены пахсовыми блоками стены, толщина которых уже достигает 3 м при 3,5 м сохранившейся высоты. Пахсовые блоки 90×90 см разде-

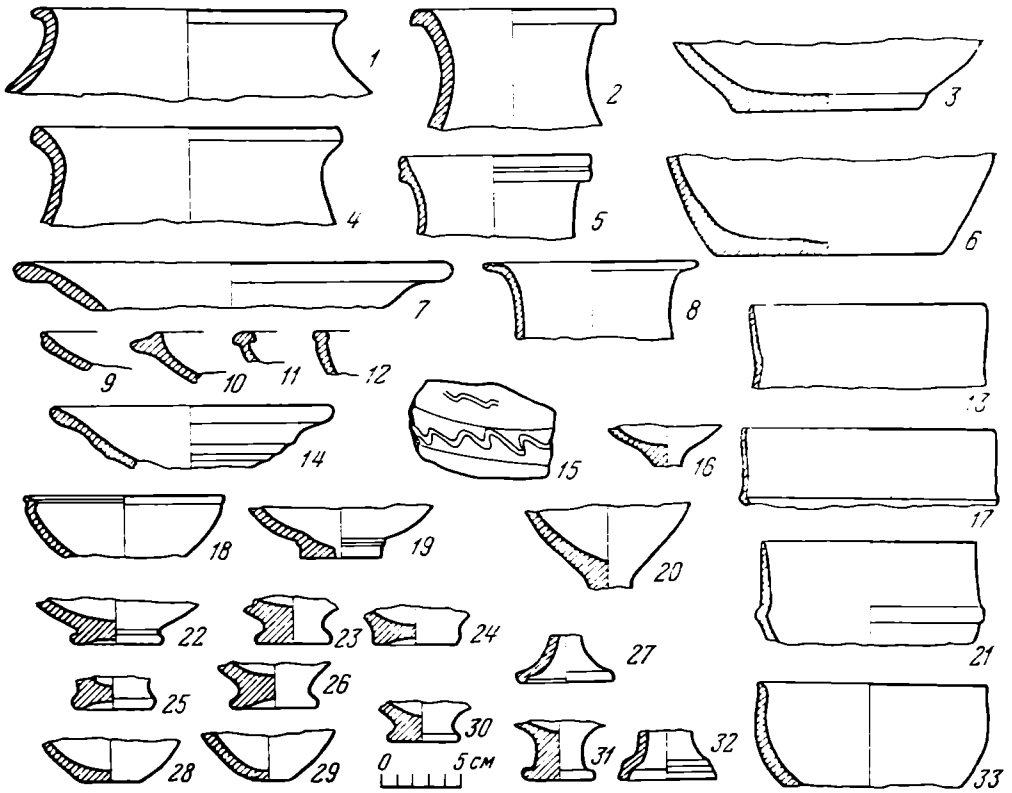


Рис. 8. Комплекс керамики горизонта Кмш IV

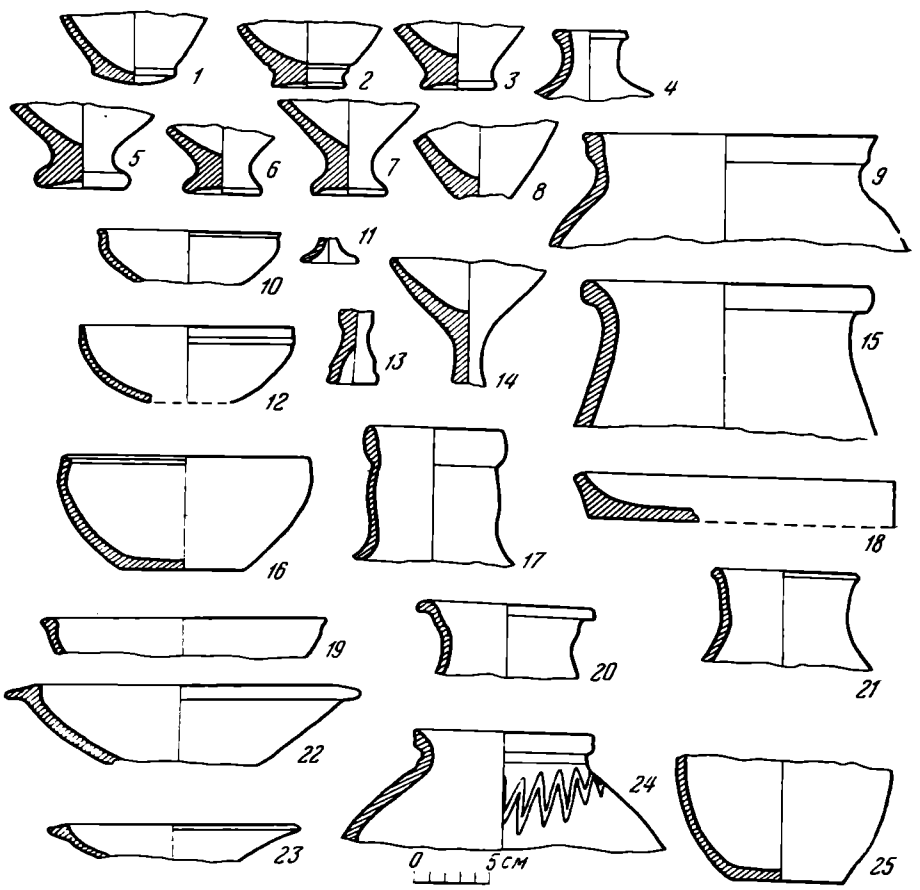


Рис. 9. Комплекс керамики горизонта Кмш IV

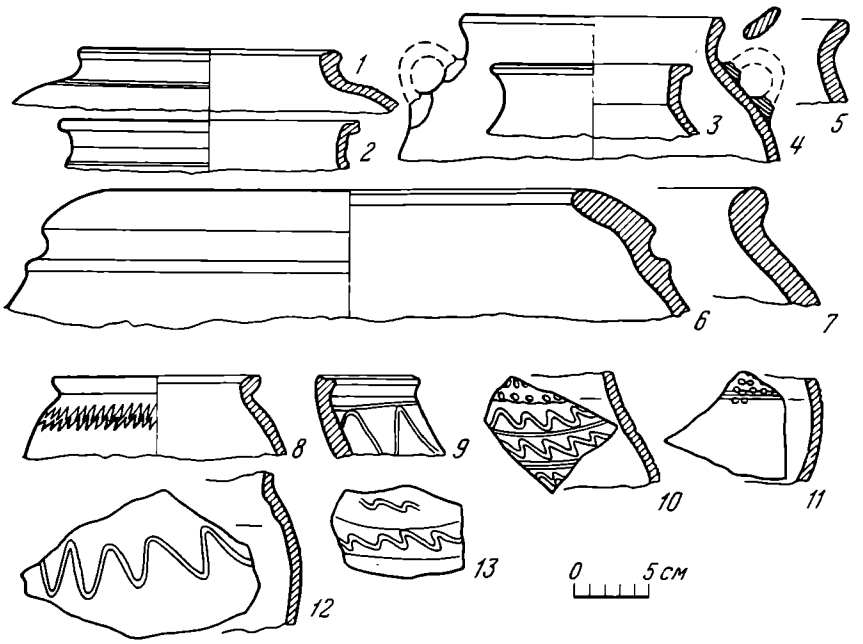


Рис. 10. Комплекс керамики горизонта Кмш IV

лены специальными нарезными швами и выведены в два ряда, над которыми следует кирпичная кладка в три—пять рядов сырца размером 50×25×8 см, причем наверху выложены тычком начальные ряды несохранившихся сводчатых перекрытий. При перестройке первоначальные проходы между помещениями были облицованы тем же кирпичом, поставленным на ребро. В помещении 2 на восточной стене сделана прямоугольная ниша, в которой отчетливо видны следы огня. В помещении 3 у южной стены устроен очаг, рядом лежали две чашки и кувшин. Разного рода хозяйственные остатки отмечены во дворе, заполнение которого на последнем этапе существования шло медленно, натеками и надувной землей. Вдоль северной грани здесь скопление круглых и продолговатых галек (диаметром в среднем 10—18 см), может быть, предназначенных для обороны. В восточной части двора, около стены, устроен очаг подковообразной формы.

В комплексе керамики периода Кмш V встречаются фрагменты, явно перемещенные из нижележащих слоев, откуда, может быть, брали землю, но в основном она здесь существенно отлична от предыдущей как по формам, так и по обработке (рис. 11). В составе ее горшки, кувшины, миски, тагора (лохани). Черепок желтоватый или розоватый, довольно рыхлый, ангобирование поверхности частичное — в основном верхней части или просто сбрызгиванием ангобной краской. На крупных сосудах нередка вверху обмазка красноватым или черным ангобом, сбегающим потеками вниз. Горшки больших и средних размеров имеют отогнутый наружу венчик над одутловатым туловом, иногда у венчика устроен небольшой носик-слив, с противоположной стороны которого имеется ручка. На двух экземплярах корень ручки или носика украшен пальметкой. Кувшины — разных размеров, крупные, обычно с одной ручкой, идущей от горловины к плечу, малые кувшины — с ручкой или без нее, иногда под венчиком имеется слив. Своеобразен кувшинчик с горлом наподобие четырех смыкающихся сливов. Миски крупные и небольшие, сферодные, на поддоне. Хозяйственная посуда с большими добавлениями шамота, особенно у котлов, имеющих по-прежнему округлую форму.

Описанные сосуды находят близкие аналогии в керамике VI — начала VIII в. из Пенджикента и Самарканда с его округой [6, с. 84, рис. 19; 23, с. 133 сл., рис. 2, 7; 24, с. 124, рис. 21, 23, 30; 25, с. 265 сл., рис. 1, 5—11, 17, 20; 26, с. 227 сл., рис. 21—24; 27, с. 296а, рис. 8—10], этим периодом можно датировать и комплекс

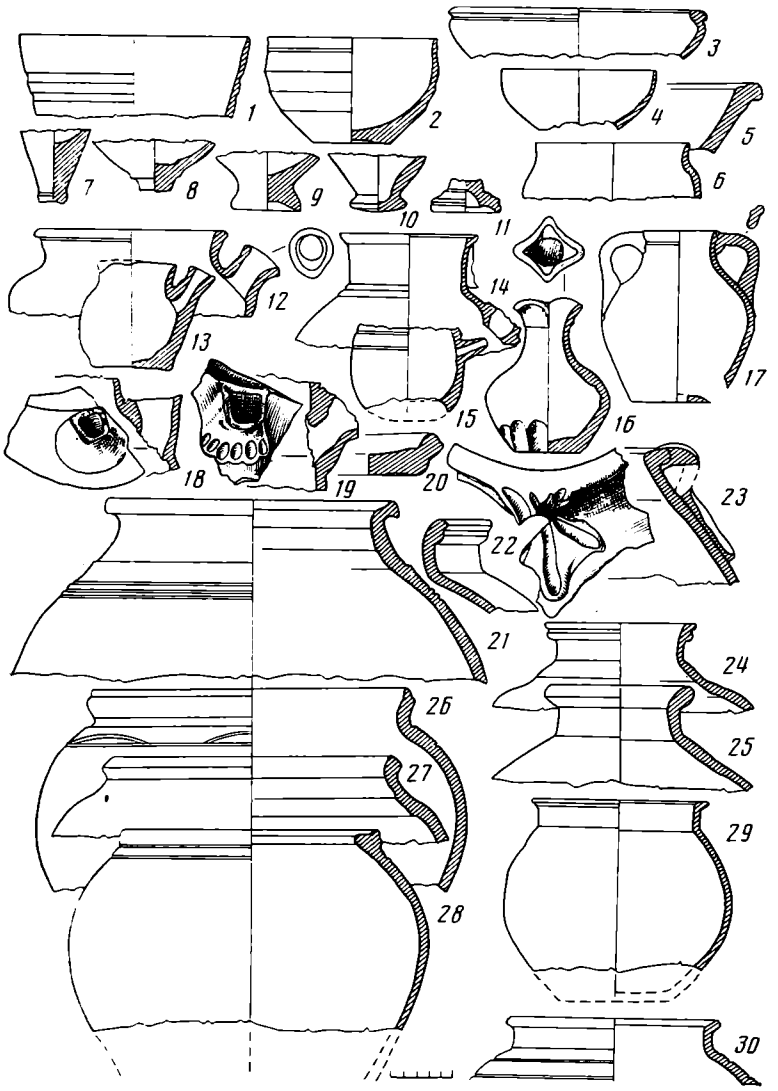


Рис. 11. Комплекс керамики горизонта Кмш V

Кмш V, хотя в нем есть и локальные отличия в профилировке в деталях. Данную датировку подтверждает также согдийская монета, найденная на верхнем полу одного из помещений. По определению Э. В. Ртвеладзе, это — дирхем VII — начала VIII в. Монета указывает на последнюю дату обжигания здания.

Горизонт Кмш VI. Позднейший период Кмш VI охватывает верхний слой 1—1,5 м и включает грубоватую глазурованную и безглазурную керамику XIX в. Он, очевидно, связан с разрастанием в эту пору кишлака Кумышкент.

Изучение стратиграфии Кумышкент-тепе во многом восполняет и уточняет хронологическую колонку древней керамики самаркандского Согда. Она охватывает широкий диапазон — с IV в. до н. э. до VI—VII вв. н. э., причем в слоях Кшм II—IV дает ведущие типы посудных форм времени ранней, развитой и поздней античности и их эволюции.

Что касается назначения Кумышкент-тепе, то до производства широких послойных раскопок по выявленным хронологическим горизонтам вопрос этот остается открытым. Несомненно одно: здесь располагались строения монументальной архитектуры на протяжении свыше тысячелетия. В этой связи возникает одно предположение. Абу Райхан Бируни (XI в), повествуя о древних домусульманских годовых празднествах у согдийцев, сообщает, что в третий день месяца Маж-х-ида они отмечают «праздник Киш-мин, когда происходят торжища в деревне „Камажикет“» [28, с. 254]. Обращает на себя внимание сходство названий Камажикет

и Кумышкент. Многовековое же существование столь монументального архитектурного комплекса близ небольшого селения, остатки которого фиксируются у его подножья, может быть объяснено тем, что это был чтимый культовый комплекс с главным храмом и обширным храмовым хозяйством. К нему приходили на поклонение в день праздника Кишман. Рядом устраивали торжище, куда стекалось население самаркандского Согда, а может быть, и из других областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кабанов С. К.* Ареал и эволюция двух древних керамических форм // СА. 1964. № 3.
2. *Немцов И. Б.* К стратиграфии южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
3. *Филанович М. И.* К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. Ташкент, 1969. Вып. I.
4. *Шишкина Г. В.* Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент, 1969. Вып. I.
5. *Шишкина Г. В.* О местонахождении Мараканды // СА. 1969. № 1.
6. *Кабанов С. К.* Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
7. *Шишкин Г. А.* Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
8. *Шишкина Г. В.* Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.
9. *Вяткин В. Л.* Материалы к исторической топографии Самаркандского вилаета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Самарканд, 1902.
10. *Пугаченкова Г. А.* К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года // ОНУз. 1963. № 4.
11. *Пугаченкова Г. А.* К разведке античных памятников Согдианы // ОНУз. 1965. № 7.
12. *Жуков В. Л.* Материалы к изучению Баш-тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса // Тр. ИИА АН УзССР. 1956. Вып. VIII.
13. *Крашенинникова Н. И.* Разрез крепостной стены древнего Кеша // ОНУз. 1968. № 8.
14. *Сулейманов Р. Х., Турябеков М.* Этапы развития фортификационной системы Еркургана // ИМКУз. 1978. Вып. 14.
15. *Турабеков М.* Цитадель Еркургана // ИМКУз. 1982. Вып. 17.
16. *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др.* Дальверзинтепе, кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
17. *Мандельштам А. М.* Хан-Газа // Археологические работы в Таджикистане. Вып. VII. Душанбе, 1961.
18. Fouilles d'Ai Khanoum // Mémoires de la Délegation Française archéologique en Afghanistan. 1973. T. XXI.
19. *Gardin J. C., Lyonnet B.* La prospection archéologique de la Bactriane Orientale (1978—1980); premiers résultats // Mesopotamia. 1978—1979. XIII/XIV.
20. *Пугаченкова Г. А.* Раскопки южных городских ворот Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 3. М.: Наука, 1984.
21. *Пугаченкова Г. А.* Жига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. 2. М.: Наука, 1979.
22. *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.
23. *Бентович И. Б.* Керамика Пенджикента // МИА. 1951. № 37.
24. *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенжикента (1951—1953 гг.) // МИА. 1958. № 66.
25. *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.) // МИА. 1964. № 124.
26. *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1966—1967 гг.// МИА. 1964. № 124.
27. *Шишкина Г. В.* Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУз. 1961. Вып. 2.
28. *Бируни Абурейхан.* Памятники минувших дней // Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.

G. A. Pugachenkova, T. V. Belyaeva

STRATIGRAPHY OF KUMYSHKENT-TEPE

Summary

The authors publish materials from Kumyshkent-tepe in Sogdiana. They investigated the settlement stratigraphically and obtained a considerable amount of pottery of the 4th century B. C.-6th-7th centuries A. D.

А. А. ВОРОНОВ, Я. М. ПАРОМОВ

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ТЕМРЮКА

Локализация средневекового Темрюка имеет существенное значение для изучения истории Таманского полуострова в целом. Во-первых, Темрюк был одним из двух городов полуострова в XVI—XVIII вв.; по размерам занимаемой территории, количеству населения и хозяйственному значению он тогда уступал соседней Тамани, но для обороны островов дельты Кубани, являлся, по-видимому, таким же важным стратегическим пунктом. Во-вторых, ученые-путешественники и историки прошлых веков могли наблюдать гораздо больше остатков древности, чем мы сейчас; анализируя письменные источники в поисках древних поселений применительно к современной им конкретной географии региона, они часто давали привязку упоминаемых античными и средневековыми авторами населенных пунктов к городу Темрюку (прежде всего это касается Тирамбы, Тмутаракани, России и некоторых других). При этом иногда добавлялись уточнения типа «Старый Темрюк», «Новый Темрюк», без дальнейшей топографической привязки, так как тогда она была очевидна. Отсутствие точной локализации средневекового Темрюка в работах XVI—XIX вв. порождает существенные недоразумения в современных историко-географических исследованиях.

К настоящему времени сложилось представление о существовании на Тамани трех городов с названием Темрюк. К «Старому Темрюку» и «Новому Темрюку» добавился «новейший» — современный районный центр Краснодарского края. Результаты локализации двух первых не очень оптимистичны. Так, Г. С. Гужин в специальной работе, посвященной истории Темрюка, приходит к следующему выводу: «Сохранившиеся сведения о городах-предшественниках Темрюка отрывочны, иногда не согласуются с историческими событиями, поэтому трудно установить не только характер этих поселений, их степень участия и вклад в политическую и экономическую жизнь своего времени, но даже их имена, точное расположение по отношению к современной территории, занятой современным городом. Отрывочность сведений не позволяет установить преемственность между ними и взаимосвязь с окружающей территорией». В качестве гипотезы Г. С. Гужин высказывает мысль, что «оба „города" располагались несколько в стороне от основной части современного Темрюка: один в зоне порта, другой — где-то у подножия Темрюкской горы, которая оставалась незаселенной по крайней мере до конца XIX — начала XX в.» [1, с. 8].

В книге К. В. Зверева подразумевается, что «старый» Темрюк располагался на месте современного города, а в «нескольких километрах северо-западнее князь (имеется в виду Темрюк Айдарович — старший князь всей Кабарды в середине XVI в.— *Авторы*) построил каменную крепость с двумя батареями, назвав ее Новым Темрюком» [2, с. 13].

В данной статье ставится частная задача — установить точное местоположение города Темрюка XVI—XVIII вв.— периода позднего средневековья, когда на Тамани существовал город, носивший это имя. Что касается его вероятных предшественников, то это самостоятельная и весьма сложная проблема.

Нами привлечены только надежные и достоверные источники, часть которых по ряду причин осталась неизвестна авторам предшествующих работ по истории Темрюка; предполагается также уточненное прочтение некоторых хорошо известных документов. В связи с этим легенды о Тем-

рюке XIII в., пересказанные исследователями прошлого века, не подтверждаемые надежными документами, здесь не рассматриваются [3, с. 25; 4, с. 212], равно как и проблема существования на месте Темрюка генуэзской Копы [2, с. 13] и татарского Тумнева [1, с. 4; 2, с. 13]. Область Кремук, упоминаемую в «Путешествии в Тану» Иосафата Барбаро (XV в.) [5, с. 153], пожалуй, только А. А. Бертье-Делагард отождествляет с Темрюком [6, с. 152, прим. 29]. Современные исследователи склонны помещать ее в Адыгее (например, Е. Ч. Скржинская [5, с. 176, прим. 91]).

Первое достоверное упоминание города Темрюка в письменных источниках относится к XVI в. В летописи под 7065 г. (1556—1557 гг.— *Авторы*) приводится сообщение русского посла в Крыму Федора Загряжского, что «черкесы пятигорские взяли два города, Темрюк да Тамань, а приходил черкесский Таздруй-князь да Сибок-князь с братьями, которые были у царя и великого князя на Москве» [7, с. 276, 277; 8, с. 135]. Дальнейшие свидетельства о Темрюке весьма многочисленны: документы Войска Донского с 1623 г. [9, с. 313], свидетельства Э. Дортелли д'Аскоди 1624—1634 гг. [10, с. 100—126] и де Лукки 1625 г. [11, с. 489] и др. Город в них только упоминается.

В XVIII в. возникает версия о двух Темрюках, старом и новом. Впервые ее высказал, видимо, полковник Черноморского казачьего войска (бывшего Запорожского) армии премьер-майор Мокий Семенович Гулик. Он был отправлен на Кубань весной 1792 г. в качестве представителя коша для обозрения земель, предназначенных войску для заселения. К сожалению, публикацию основной ведомости с описанием кубанских земель, представленной кошу М. С. Гуликом 8 июля 1792 г., нам обнаружить не удалось. Ее нет в известном собрании документов Кубанского войска И. И. Дмитренко [12]. Однако ссылки на нее у разных исследователей настолько однозначны, что нет оснований сомневаться в смысле интересующей нас части ее содержания. Так, Ф. А. Щербина, справедливо считая, что «ведомость Гулика в сущности представляет собою первую попытку статистического описания края», отмечает: «В окрестностях нынешнего Темрюка Гулик упоминает о расположенном вблизи песчаного ерика пустом городе Старом Темрюке, с земляной крепостью, а в пяти верстах от него на косе, о каменной пустой крепости, называемой Новый Темрюк, и о двух земляных батареях около него» [13, с. 508].

В сборнике И. И. Дмитренко опубликован ряд документов, относящихся к поездке М. С. Гулика. Среди них рапорт от 1 мая 1792 г., который позволяет установить примерный маршрут его отряда, а следовательно, и порядок посещения им отдельных населенных пунктов, что не удается точно выяснить из итоговой ведомости, составленной уже после выполнения всего вояжа: «Я со старшинами и казаками, определенными в мою команду, нахожусь близ редута, состоящего при реке Куркой, отколь сейчас отправляюсь к Копылу и Ачуеву (редут Куркой — в районе современной станицы Курчанской, Копыл — в районе города Славянска-на-Кубани.— *Авторы*). В пути медленность последовала 1-е, за некоторою в Керчи на южную косу переправою, а 2-е, от Старого Темрюка до редута Куркой такие болота, камыши, что с великою трудностью через оные мог переправиться, так что провиянт и все перемочил, да и далее таковые же места, а доброго степу мало» [12, № 660]. Не останавливаясь на подробностях маршрута М. С. Гулика по Таманскому полуострову, отметим, что, обогнув Ахтанизовский лиман с запада, казаки проехали по пересыпской стрелке и попали в Старый Темрюк, с земляной крепостью, а затем, через пять верст,— в Новый, с каменной крепостью и двумя земляными батареями.

Теперь полезно вернуться на 15 лет назад, ко времени завоевания Темрюка русскими войсками в 1777 г., когда в описаниях и рапортах фигурировал только один Темрюк. Очень ценное свидетельство того времени приводит Г. С. Гужин [1, с. 9], ссылаясь на работу Н. П. Руткевича [14, с. 7]: «Некоторое представление о внешнем облике Старого Темрюка

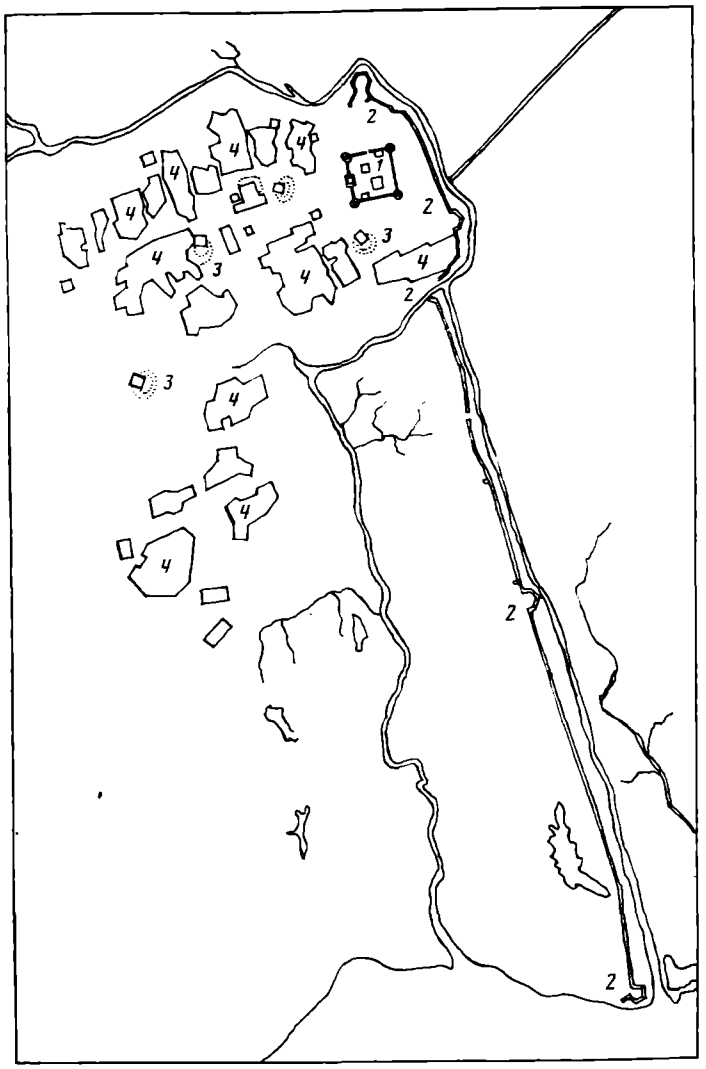


Рис. 1. «План старого города завоеванного Темрюка» И. Ф. Бринка. 1776 г. *1* — крепость; *2* — линия земляных и каменных укреплений; *3* — мечети и кладбища; *4* — жилые кварталы

дает описание его плана, составленное И. Ф. Бринком в 1777 году: это был „замок с башнями и двумя пороховыми погребами, кругом обнесенный каменной стеной; часть линии из камня, часть из дерева, в иных местах почти сравнявшаяся с болотом; на линии обозначены две батареи; в татарском владении небольшой широкий водяной ров, который проведен в лиман, четыре татарские мечети и около каждой из них по кладбищу и строения"». Здесь очевидно несоответствие с ведомостью М. С. Гулика, который называл каменную крепость с двумя батареями как раз Новым Темрюком, а в Старом видел только земляные укрепления. Это интерпретация 1923 г.

Известно, что бригадир русской армии Иван Федорович Бринк, действуя совместно с отрядами дружественного тогда России Шагин Гирея, провозглашенного незадолго до этого крымским ханом, в январе 1777 г. занял Темрюк. Кроме описания города, приводимого Н. П. Руткевичем, он оставил ряд карт военных действий, хранящихся сейчас в ЦГВИА СССР. Именно эти карты позволяют однозначно установить расположение города Темрюка и его значение для оборонительной системы Таманского полуострова.

Прежде всего отметим, что одна из этих карт — план города (рис. 1) — приведена в книге Ф. А. Щербины [13] и полностью соответствует описанию, на которое ссылается Н. П. Руткевич [15]. Город рас-

полагался в излучине протока Кубани, вытекающего из Ахтанизовского лимана, на расстоянии примерно 300 саженей от последнего. Самая восточная часть излучины нешироким рвом соединялась с лиманом. С восточной же стороны, следуя форме рва, а далее — форме излучины, территорию города ограждали частично земляные, частично каменные укрепления с батареями, две из которых защищали непосредственно форштадт, а две другие располагались на линии от города до лимана. В центре излучины размещалась небольшая каменная крепость, имеющая в плане форму квадрата со стороной примерно двадцать саженей в осях стен (порядка 43 м). По углам показаны круглые башни, с запада — солидные двойные ворота, с севера — небольшой вход. В крепости располагались два пороховых погреба и другие строения. К западу и к югу от крепости находились жилые кварталы города с четырьмя мечетями, при которых показаны кладбища, и татарские лавки. Общая площадь города невелика и занимает пространство протяженностью примерно 200×200 саженей (420×420 м, или около 18 га).

Но эта карта, как и две другие неопубликованные из ЦГВИА [16, 17], на которых добавлены предполагавшиеся новые укрепления, еще не дают возможности точно локализовать город из-за значительных изменений в топографии района, вызванных известным непостоянством русел Кубани.

Кроме этих карт в ЦГВИА сохранился еще «План города Темрюка сочинен в приход российских войск под командой господина и кавалера Ивана Федоровича Брынка января 30 дня 1777 года» [18] (рис. 2). В сущности это не план города (город показан очень схематично), а ситуационный план окрестностей Темрюка, включающий значительную часть Ахтанизовского лимана с противоположными берегами, на котором присутствует собственно город Темрюк с крепостью у русла лимана, а также, что особенно важно, две возвышенности к востоку и к западу от него, примерно на одинаковом расстоянии — в 3000—4000 шагов (масштаб карты указан в шагах). При сравнении с современными картами этого района восточная возвышенность однозначно отождествляется с холмом, на котором расположен современный Темрюк, западная — с холмами Голубицкой станицы. Особо отметим, что на этой карте 1777 г. на западной возвышенности в «Изъяснении» указано, что это «гора, где прежде был город», и «бывшие при оном линии». Современное русло Кубани у подножия Темрюкской горы отсутствует, так как оно было прорыто только в 1818 г. Для общей пространственной ориентации важно, что на карте показаны, хотя и без названий, возвышенности у Дубового рынка и Рахмановского мыса (гора Бориса и Глеба), а также Некрасовские хутора и мельницы примерно там же, где они показаны у К. К. Гёрца [19, карта 2].

Еще одна карта из ЦГВИА имеет непосредственное отношение к затронутой проблеме. Это «План части Фанагорийского уезда» [20], где показаны только поселения турецко-татарского периода на Таманском полуострове, существовавшие во время занятия его русскими войсками. На этой карте представлен только один Темрюк — тот самый, который указан на ситуационной карте И. Ф. Бринка.

Отсюда следует очевидный вывод, что ко времени занятия Таманского полуострова русскими войсками на нем существовал только один город с названием Темрюк. Приведенные карты позволяют однозначно установить его локализацию — примерно посередине между современным Темрюком и Голубицкой станицей, на месте крепости Адасс, у К. К. Гёрца.

Существование одного Темрюка в это время подтверждается и описанием Таманского полуострова А. В. Суворовым. Назначенный командующим Кубанским корпусом, он прибыл на Кубань в Копыльский ретраншемент 5 января 1778 г. и вскоре отправился в десятидневную поездку по Таманскому полуострову по маршруту Копыл — Темрюк — Тамань — устье Кубани — далее берегом до Копыла. В рапорте П. А. Румянцеву от 28 января 1778 г. А. В. Суворов сообщает: «Проезд в Темрюк неподалеку его (где по прежним картам назначиваем был залив) ныне

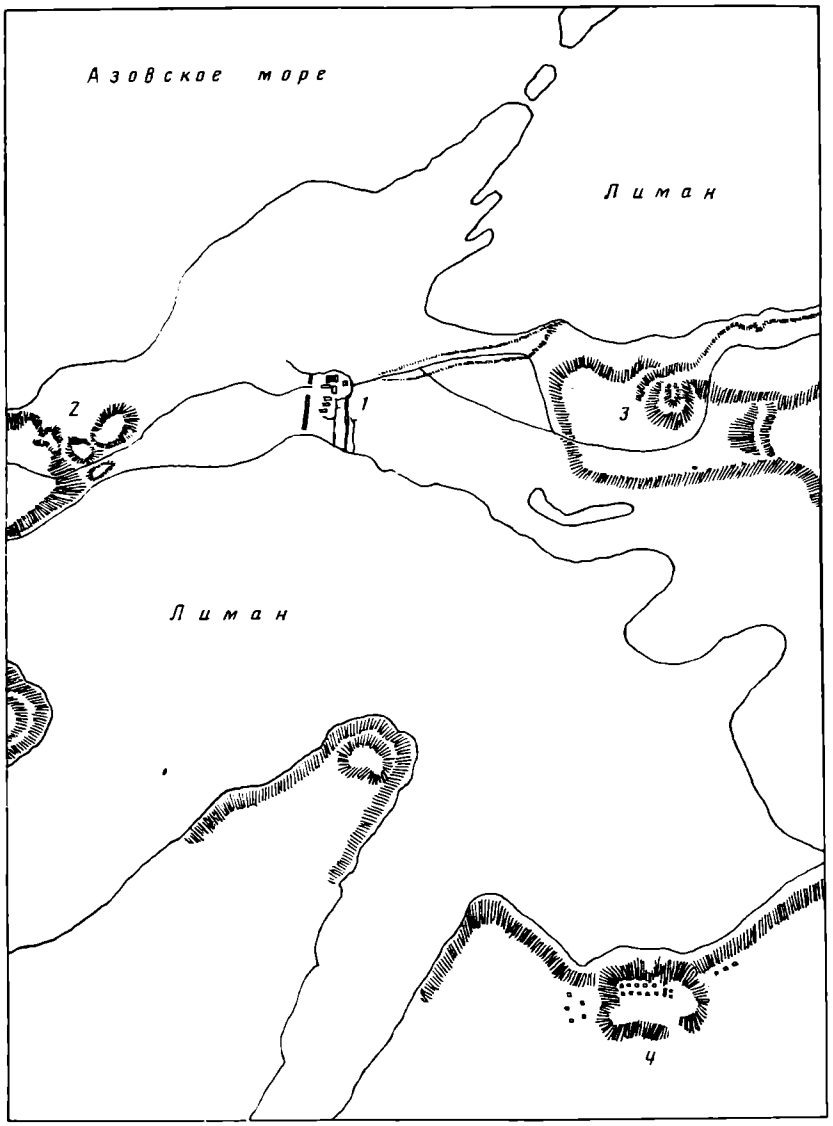


Рис. 2. «План города Темрюка» И. Ф. Бринка. 1777 г. *1* — город Темрюк; *2* — гора, где прежде был город; *3* — гора к востоку от города; *4* — хутора и мельницы Некрасовских казаков

есть свободный и на возах, но только по пересказаниям бывших здесь, також и жителей здешних, весною оной наполняется водою глубины с полтора аршина, и по насыпанной песком дороге должно водою проезжать около четыреста сажен. Потом, выехав на стрелку пред самою стеною, другой пролив сажен на двадцать ширины, бывает глубиною от трех до пяти четвертей аршина, а по сторонам сей дороги места болотные и камышеватые» [21, с. 20]. Этот документ издавался неоднократно. В отрывках он приведен Ф. А. Щербиной [13, с. 373], целиком — в сборнике Н. Ф. Дубровина [22, с. 137]. В связи с этим неясно, почему А. В. Фадеев утверждает, что точный маршрут А. В. Суворова по Таманскому полуострову неизвестен [23, с. 5].

Описание А. В. Суворова хорошо согласуется с картой И. Ф. Бринка [18], где показан и глубоко вдававшийся в сушу залив с юга от Темрюкской горы и пролив перед стенами средневекового Темрюка. Подтверждает оно и описание М. С. Гулика, который в отличие от зимней поездки А. В. Суворова ехал весной, в полную воду, и переправлялся через эти препятствия с затруднениями [14, с. 7].

У нас имеется еще один очень важный источник, не привлекавшийся для решения данной проблемы, видимо, потому, что его публикация на русском языке впервые появилась только в 1979 г. Это знаменитая

«Книга путешествия» турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби. Описание Темрюка здесь настолько тщательное и подробное, что имеет смысл привести сведения, касающиеся планировки города и крепости, а также численности населения и гарнизона.

«Описание земли бербере, или прибежища безопасности — Темрюк-кермана. В 921 (1515—16) году (крепость) заложил Селим-шах I. Закончена она была при Сулейман-шахе. Она является воеводством в Кафинском эйялете и местопребыванием кадия... При крепости есть диздар (комендант крепости) и двести человек гарнизона... немного в стороне на воротах есть тарих:

Властитель Сулейман дал повеленье,
Чтоб возвели в Темрюке укрепленья.
Шел девять сотен двадцать пятый год —
Ту крепость завершить пришел черед.

Восточнее, на маленьких воротах, на мраморе четким почерком (написан) следующий тарих: Повелел благоустроить султан Мурад сын Селим-хана II, выполнил диздар Хаджи-Али-ага в 983 (1575—1576) году.

И это такие маленькие ворота, что арба в них не проедет. Но другие ворота, обращенные на запад, большие. Это двойные, крепкие и прочные железные ворота. Между этими двойными воротами есть тарих об основателе (крепости) Селим-шахе... Мечеть Селим-хана I, находящаяся перед воротами, без минарета и крыта черепицей. Четырехугольная, труднодоступная крепость стоит на песчаном грунте и обнесена гладкой кирпичной стеной. Длина (ее стен) четыреста небольших шагов. На каждом углу крепости стоят башни с деревянными куполами, но рвов вокруг нет, так как (место) низкое и песчаное. Если выкопать (канаву) на вершок, выступит вода, но (эта канава) не может служить рвом. Всего внутри (крепости) расположено сто благоустроенных домов, крытых землей. Со стороны кыблы (течет) река Кубань. С восточной стороны есть большое озеро, наполняемое (водой) из реки Кубани, мелкое, но пресное. Прежде стамбульские суда приставали к крепости Темрюк, пристань была большая...

Перед воротами этой крепости (расположена) большая площадь, на которой с четырех сторон (находятся) в общей сложности шестьдесят лавок, один кан и одна темная баня... В предместье (крепости имеется) пять михрабов, которые, кроме мечети Эмир-бея, Махмуд-бея и Новой мечети, не являются соборными мечетями... Все дома этого предместья сверху донизу обмазаны глиной. Всего здесь семьсот домов; большинство из них выстроены из камыша и разного (подручного) материала, все стены оплетены тростником» [24, с. 46, 47].

Очевидно, что это описание, сделанное в апреле 1666 г., вплоть до малозначащих деталей совпадает с описанием и планом Темрюка И. Ф. Бринка и относится к одному и тому же городу. Не останавливаясь на деталях микрорельефа, отметим только указание на длину стен крепости по периметру — четыреста небольших шагов. Если принять размер одного «небольшого шага» в 45—50 см, то сторона квадрата крепости составит 45—50 м. При этом следует учесть, что измерение крепости шагами возможно было лишь снаружи (внутри мешали строения, примыкавшие к стенам), с обходом выступающих за линию стен башен и ворот, и на некотором расстоянии от самих стен, по дорожке. Тогда некоторые расхождения в размерах с планом И. Ф. Бринка становятся объяснимыми.

Попутно отметим, что город в районе Темрюкской крепости мог возникнуть значительно раньше строительства самой крепости, но это замечание никоим образом не отражается на локализации средневекового Темрюка.

Только теперь, располагая сведениями о точном местоположении средневекового Темрюка и о том, что на Таманском полуострове существовал лишь один город с таким названием в эту эпоху, можно возвра-

титься к описаниям этих земель, выполненным уже после присоединения их к России. Иначе трудно понять, что имелось в виду при описании окрестностей Старого, Нового и новейшего Темрюков. Отметим также, что соотнесение карты и описания И. Ф. Бринка с книгой Эвлии Челеби позволяет правильно читать последнюю.

К 1794 г. относится посещение Таманского полуострова акад. П. С. Палласом. По официальной версии он переправился из Крыма, из Ени-кале, непосредственно в Тамань, а затем, посетив пикет у Бугаза, направился в Темрюк по древней и кратчайшей дороге — через Шумукайские холмы в Пересыпь [25, с. 61]. Но ни до одного из Темрюков П. С. Паллас, судя по тексту, не доехал: «Вскоре затем, около находящейся здесь почтовой станции, достигаешь до так называемой Пересыпи, или до песочной возвышенности, имеющей вид насыпанного из песку вала; в начале своем, она имеет в высоту более $1^1/_2$ сажен и представляется длинным четырехугольником». Следует заметить, что почтовая станция Пересыпь находилась не там, где располагается современный одноименный поселок, а в районе Голубицкого маяка. Это видно еще на карте К. К. Гёрца [19]. Эта Пересыпь П. С. Палласа «занимает самую узкую часть косы между Азовским морем и Темрюкским лиманом и скрепляет ее. Эта песчаная возвышенность, края которой со стороны моря скреплены произрастающими на песке растениями, у средины своей понижается, потом опять возвышается у Старого Темрюка, стоявшего в 6-ти верстах от нынешнего, на отдельном холме, который, как говорят, был укреплен жителями острова посредством валов с тою целью, чтобы защитить себя от донских казаков, которые через проток Темрюкского лимана (так П. С. Паллас называет здесь Ахтанизовский лиман.— *Авторы*) переплывали сюда к ним. Так как теперь, при морском ветре, Темрюкский лиман был недоступен и так как это место не представляло ничего особенно замечательного, то я повернул свой путь назад... По собранным мною сведениям, нынешний Темрюк (быть может, Pagus Cimbricus Страбона) есть жалкое, окруженное камышовыми болотами место, лежащее на небольшой возвышенности, в 60 верстах от Тамани. В нескольких верстах от него, также посреди камышовых болот, по дороге в Курки, находится заброшенное ныне, но еще турками поддерживаемое укрепление, построенное из дикого камня, с крепкими стенами» [25, с. 78].

Таким образом, с легкой руки казачьего полковника М. С. Гулика, не имевшего других целей, кроме поиска и описания удобных для заселения земель, название «Старый Темрюк» было введено в научный оборот авторитетом акад. П. С. Палласа. Между тем, очевидно, что под «Старым Темрюком» П. С. Паллас имеет в виду возвышенность Голубицкой станицы, а так как на месте современного Темрюка в его время вообще ничего еще не было, то «Новый Темрюк» — это не что иное, как тот же самый Адасс К. К. Гёрца, или средневековый Темрюк.

То, что название «Старый Темрюк» бытовало среди местных жителей по крайней мере со времени М. С. Гулика, видно из документов черноморских казаков, где имеется ряд предписаний полковнику Кордовскому и его донесений кошу о занятии им поста при Старом Темрюке [12, с. 535, № 764, 553, № 794]. Фигурирует в казачьих документах и Новый Темрюк [12, 652, № 893].

Кроме опубликованной П. С. Палласом в книге версии его путешествия существует еще один документ, из которого можно заключить, что он все же проехал дальше Пересыпской станции. Это изданные Н. Мурзакевичем «Разные замечания, касательные до острова Тамана», представленные П. С. Палласом 24 августа 1785 г. в походную канцелярию Г. А. Потемкина. О Темрюке П. С. Паллас пишет: «Город Темрюк лежит посреди болот и камышей, кои оттуда до самого Ачуева простираются, на небольшой площадке земли, и судя по малой его обширности и по малому пространству земли вкруг его находящейся, на коей нет никаких признаков от древних развалин, нельзя полагать, чтоб тут стоял пред сим древний „Тмутараканъ“».

Здесь еще можно допустить, что эта характеристика могла быть получена из расспросов местных жителей. Но следующее за ней описание скорее основано на личном наблюдении: «Остатки от бывшего в 6 верстах от Темрюка города „Берземена" или „Бахберземина", который по описаниям построен черкесами для воспрещения донским казакам входить в Темрюкскую протоку реки Кубани, состоят из земляного вала вокруг крепости и форштата обведенного и множества кучей земли. Местоположение ж онаго городка было весьма приятное, ибо он состоял вдоль отлогости высокого холма, со всех сторон водою окруженного» [26, с. 234].

У К. К. Гёрца есть упоминание о поселении с похожим названием: «...на северном берегу острова, омываемого Азовским морем, в пяти верстах от вышеозначенной станции (Пересыпной.— *Авторы*) и в восьми от Темрюка, где ныне расположено несколько рыбацких хижин, известных под именем Темрюцкий отселок, Темрюцкие хутора, Старый Темрюк, Островитянские хутора, Бермезань, находятся несомненные следы древнего и весьма значительного поселения» [19, с. 117].

Здесь речь идет о районе современной Голубицкой станицы. А так как, по справедливому замечанию А. К. Коровиной, «мы до сих пор... еще не знаем названия огромного городища, находящегося на территории станицы Голубицкой» [27, с. 126], кажется полезным рассмотреть возможность существования здесь в средние века поселения, называвшегося Берземен, Бахберземин или Бермезань, и выяснить происхождение этого названия. П. С. Паллас, по-видимому, узнал его наименование от местных жителей, и потому здесь вполне возможны искажения. Похожие названия встречаются в русских документах времени присоединения Крыма. Так, в письме Ширинского бея и Абдувели-аги А. А. Прозоровскому (приложение к рапорту А. А. Прозоровского П. А. Румянцеву) от 12 февраля 1777 г. сообщается, что союзник русских войск Шагин Гирей «прибыл в Темрюкскую крепость и, перешел чрез урочище Бербер-Земин, расположился» [22, с. 345, № 147]. Это же событие отражено в письме указанных лиц самому Шагин Гирею: «о переходе... чрез Темрюкскую крепость и о расположении по сю сторону оной в урочище Берберзимин» [22, с. 391, № 153]. Войска И. Ф. Бринка и Шагин Гирея шли к Темрюку из Ейского укрепления через Копыл, т. е. с востока, откуда понятно, что урочище это располагалось западнее Темрюкской крепости. Еще более точное указание на местонахождение этого урочища содержится в рапорте И. Ф. Бринка А. А. Прозоровскому от 8 апреля 1777 г. Взяв Темрюк, И. Ф. Бринк и Шагин Гирей заняли Тамань, а затем, так как «в здешнем крае обстоит желаемая тишина и в народе спокойствие, и я потому вчерашний день дошел к урочищу Бербельзели, от Темрюка в 4 верстах отстоящему...» [22, с. 556]. Сомнений не вызывает, что это урочище идентично городу Берземен или Бахберземин П. С. Палласа и местности Бермезань К. К. Герца и соответствует району современной Голубицкой станицы и Старому Темрюку М. С. Гулика и его последователей.

Самое же важное для нас в этих письмах — это новая и наиболее старинная транскрипция названия местности, исходящая к тому же от аборигенов, а следовательно, наиболее надежная — Бербер-Земин или Берберзимин. Именно этот вариант названия получает объяснение у любознательного Эвлии Челеби. Вот что он сообщает непосредственно после описания Темрюка: «Затем на следующий день в течение получаса я, ничтожный, шел с земли этого острова Темрюка без садов и виноградников на север.

Разрушенная крепость на населенной земле Бербере — столица упорного Салсала.

На берегу Азовского моря была неприступная крепость на песках. Здесь против Салсала сражались несколько тысяч удостоившихся счастья (стать шехидами). Ныне тут около сорока — пятидесяти священных могил шехидов с надгробными памятниками. Но крепость разрушил Тимурленк. Остатки сооружений видны и сейчас. Действительно, это была крепость на земле Бербере. Если бы мы приступили к описанию (ее) —

а это невозможно выразить словами и описать пером, то это была бы очень длинная речь. Пусть наше намерение будет отложено» [24, с. 48]. К сожалению, Эвлия Челеби не осуществил этого намерения, по крайней мере в изданных на русском языке отрывках. В пересказе легенды о переселении арабов-курейшитов на Кавказ Эвлия Челеби сообщает, что сыновья одного из них — Джебль аль-Хеме, которых звали Лазка, Миграл, Абаза, Садашан, Шегаке, Бербере, Мамелюке, Бузудук, расселились на обширном пространстве Кавказа. «Бербере сделал местом своего жительства остров Тамань, почему последний и называют землей Бербере» [24, с. 58]. В примечании А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова к этому изданию сообщается, что «Салсал, по словам Эвлии Челеби,— великан-богатырь, „заблудший король", живший во времена последних представителей персидской династии Сасанидов (226—651 гг.)...» [24, с. 225, прим. 14]. Для нас здесь важно, что город на этом месте существовал издавна, что он был столицей, а затем его разрушил Тимур, который, разгромив в апреле 1395 г. на Тереке войска Тохтамыша и преследуя его, захватил множество городов Северного Причерноморья и Поволжья. Таким образом, поселение на месте современной станицы Голубицкой, носившее в средневековье имя Бербер-Земин или Берберзимин, было разрушено еще в конце XIV в. и его развалины М. С. Гулик и называет Старым Темрюком.

Английский путешественник Э. Д. Кларк, побывавший в Темрюке в июле 1800 г., был в числе первых посетителей, оставивших довольно подробное описание этого района; путаница в названиях, начатая М. С. Гуликом и продолженная П. С. Палласом, здесь усиливается. Так, Э. Д. Кларк сообщает, что станция Темрюк, лежащая у подножия небольшого холма, состоит из единственной хижины для содержания почтовых лошадей [28, с. 65, 66]. Это первое упоминание в литературе о новейшем Темрюке, и оно соответствует действительности. Далее Э. Д. Кларк приводит цитату из книги П. С. Палласа, где описано извержение грязевого вулкана в море в 1799 г. у Старого Темрюка, т. е. у современной Голубицкой, в результате чего образовался остров, вскоре разрушенный морем. Но затем Э. Д. Кларк приводит описание Темрюка Ламотре, посетившего город в декабре 1711 г., в эпоху его расцвета, который сообщал, что это «важное место для торговли шкурами, икрой, сладостями, черкесскими рабами и лошадьми» [28, с. 67]. Ламотре, естественно, мог видеть только один город Темрюк, существовавший в его время,— тот самый, который был на месте Адасса К. К. Герца. Но Э. Д. Кларк не учел этого обстоятельства, и потому его дальнейшие рассуждения о местоположении Патрея, мыса Ахиллеса, Киммерия, Керберия, Кимбрика, Апатура, Фанагории и Тмутаракани, так или иначе привязываемые к Темрюку, нуждаются в существенной дешифровке. Затем Э. Д. Кларк описал остатки настоящего средневекового Темрюка, не приводя его названия, впрочем, как «руины значительной крепости, похожей на римские замки... Крепость представляет собой квадратное здание, имеющее башню на каждом углу и почти целиком сохранившееся. Трудно себе представить, для каких целей она была сооружена среди болот, не имея возможности защищать какую-либо точку острова» [28, с. 69]. Это очень важное для нас замечание, к которому мы вернемся позже. Отметим также, что размеры крепости Э. Д. Кларк не приводит.

Район современной станицы Голубицкой Э. Д. Кларк описывает следующим образом: «На расстоянии двух верст от крепости мы увидели древние руины с многочисленными античными и турецкими гробницами. Среди них можно узнать антики, идентичные описанным Ламотре в его путешествии» [28, с. 69].

П. И. Сумароков, проехавший в новейший Темрюк через Старотитаровскую станицу в 1803 г., отмечает в нем уже 17 хижин и совершенно верно указывает, что «верстах в 3 от него стоят развалины настоящего Темрюка, существовавшего в отдаленной древности, где турки содержали всегда гарнизон. Тут видна опустелая крепостца, имеющая сажен по 40 в каждом боке, разрушенные башни и признаки жилищ» [29, с. 159].

О Голубицкой он сообщает: «верстах в 10 от Темрюка находится преобширный и возвышенный окоп, по-видимому, оставшийся от последних Российских ополчений» [29, с. 159].

Г. Гераков, следовавший из Пятигорска в Крым в августе 1820 г. в одно время с А. С. Пушкиным и семьей генерала Н. Н. Раевского, отмечает, что «Темрюк станица заключает в себе 90 домов или мазанок, однако есть и хорошие домики, церковь одна каменная изрядной архитектуры; большого богатства внутри нет, но везде хорошо и чисто» [30, с. 111]. Сведений о развалинах Старого Темрюка и о городище в районе Голубицкой он не сообщает.

Наконец, Дюбуа де Монпэре, посетивший район Темрюка в 1832 г., отмечает, что во время его путешествия в Темрюке было «примерно 80 домов и одна очень хорошая церковь, построенная из камня, взятого из древней крепости Адасс, находящейся в 3 верстах от Темрюка к северо-западу» [31, с. 26]. Собственно о крепости Адасс, не называя ее Темрюком, Ф. Дюбуа де Монпэре, ссылаясь на Ламотре, сообщает, что «это была крепость янычар, которые обитали в местности, называемой Адасс (остров)» [31, с. 28]. Русские же дали ей название Каменная Батарея. Дюбуа обнаружил ее остатки, хотя на поверхности уже почти не оставалось следов. Он пишет, что «крепость построена из кирпича и камня на извести и образует правильный квадрат со стороной 120 футов. Порт находился с северной стороны» [31, с. 28]. Далее следует очень важное замечание: «Крепость окружена второй земляной стеной неправильной формы с башнями, которая следовала форме острова» [31, с. 28]. Как известно, это замечание вызвало возражение К. К. Гёрца, который обратил внимание на расхождение с описанием этой крепости Э. Д. Кларком и предпочел мнение последнего, так как тот видел крепость почти в совершенной целости [19, с. 119]. Однако если сравнить текст Дюбуа с описанием Темрюка И. Ф. Бринка и его картой, где эта вторая стена неправильной формы с редутами реально присутствует, можно только подчеркнуть наблюдательность французского путешественника.

Описание Дюбуа Голубицкого холма, где он видел Тирамбу Страбона, детально разобрано К. К. Гёрцем и не требует комментариев. Сомнение вызывает только сообщение, что относительно новая крепость здесь, называемая Суворовским редутом, действительно построена русскими войсками и тем более А. В. Суворовым. В документах А. В. Суворова сведений о строительстве этой крепости не обнаружено. Нет их и в других материалах времени присоединения Таманского полуострова к России, кроме рапортов казачьих старшин. Так, полковник Савва Белый сообщал 10 ноября 1792 г. кошевому атаману З. Чепеге, что «с полковником Кордовским прибыло 600 человек, которые заняли свой пост при Старом Темрюке, где уже, как и на Тамани, для зимовки курени выстроены» [12, с. 535, № 764]. Но прямоугольных крепостей казаки не строили. Кстати, еще К. К. Гёрца удивляло, «что на юго-восточном углу Суворовского редута находится курган» [19, с. 117].

Из описаний района Темрюка нового времени некоторые малоизвестные сведения приводит К. Т. Живило: «Отмечу местность между Темрюком и Голубицким хутором под названием „орудие“ и в самом хуторе — городище. На месте, где было недавно „орудие“, давшее название развалинам, в 1800 г. еще стояла квадратной фигуры турецкая крепость „Адис“, каждая сторона которой равнялась 120 футам. Здания разобраны на постройку Николаевской церкви и домов в г. Темрюке. В июле 1908 г. казак Ефрем Коваленко выпахал мраморный памятник в местности „орудие“ с надписью: год показан по магометанскому исчислению 1144, т. е. памятник поставлен 182 г. тому назад (т. е. в 1726 г.— *Авторы*). Городище хутора Голубицкого видело людей каменного века, венецианцев, греков и турок, которые устроили здесь первоклассную крепость с валом до Азовского моря и искусственной гаванью с юга городища со стороны Ахтанизовского лимана» [32, с. 480].

Таким образом, мы приходим к выводу, что с XVI по XVIII в. существовал только один город, носивший название Темрюк, который рас-

полагался на месте крепости Адасс (по К. К. Гёрцу), в местности «орудие» (по К. Т. Живило) и там, где находился собственно Темрюк (по Эвлии Челеби, А. В. Суворову и И. Ф. Бринку). Средневековое поселение, носившее имя Бербер-Земин или Берберзимин по татарским источникам, Берземен или Бахберземин — по П. С. Палласу, Бермезань — по К. К. Гёрцу, Старый Темрюк — по М. С. Гулику и его последователям, находилось на месте современной станицы Голубицкой. Современный город Темрюк возник у почтовой станции, учрежденной после присоединения Таманского полуострова к России, но заселялся крайне медленно до середины прошлого века. В районе Темрюкского порта, по историческим источникам, в средневековье никаких поселений не отмечено, как это предполагает Г. С. Гужин. Кабардинский князь Темрюк Айдарович к городу Темрюку никакого отношения не имел, что допускается до сих пор в различных легендах об основании города. Документы отмечают, что он действовал в районе города Терки на Восточном Кавказе [33].

Сведения авторов привлеченных источников неплохо согласуются между собой. Трудно только объяснить вдвое преувеличенный размер стороны стены крепости Темрюка у П. И. Сумарокова. Размеры, указанные остальными авторами, а также размеры крепости на планах находятся в пределах 37—45 м. Расхождения могли быть вызваны как субъективностью глазомерной съемки, так и разностью используемых мер.

Теперь попытаемся понять причины возникновения средневекового Темрюка и постройки крепости именно на этом месте. Дело в том, что город и крепость располагались в низменной местности, посреди болот и камышей и, как особо подчеркивал Э. Д. Кларк, не могли защищать какие-либо важные стратегические пункты. Вряд ли случайно и то обстоятельство, что уже в 1792 г. казаки полковника Кордовского заняли пост при Старом Темрюке, т. е. на Голубицкой возвышенности — месте, несомненно, более привлекательном со всех точек зрения, в том числе и стратегической обороны, а новейший Темрюк возник на другой возвышенности, юго-восточнее остатков средневекового города. Действительно, оба эти холма представляли гораздо более удобные места для поселения; для строительства города в низине между ними нужны были особые причины. Кроме того, гораздо более древнее поселение, восходящее еще к античному времени, находилось именно на Голубицком холме, имеющем непосредственный выход к морю.

Возможно, объяснение заключается в изменении русел Кубани, происходившем неоднократно в исторически обозримое время. Судя по упоминавшемуся «Плану части Фанагорийского уезда» [20] и карте укреплений по Кубанской линии 1811 г. [34], кроме основного русла Кубани, шедшего через Кизилташский или Кубанский лиман в Черное море, в XVIII — начале XIX в. существовало еще одно, а именно то самое, начало которого показано на планах Темрюка И. Ф. Бринка; оно проходило у самых стен средневекового города. Современных же русел у Темрюкской горы и восточнее Пересыпи тогда не было. Ф. Дюбуа де Монпэре сообщает предание, согласно которому «корабли, прибывающие из Черного моря, приставали сначала к Бугазу у Кизилташского лимана, затем поднимались по Кубани и по высохшему теперь руслу у Переволочной батарейки попадали в Ахтанизовский лиман или проникали в Азовское море через канал у Темрюка» [31, с. 27]. Таким образом, Таманский полуостров в средневековую эпоху был островом, внутрь которого по воде можно было проникать как со стороны Азовского, так и Черного морей. Поэтому Темрюкская крепость обороняла один из двух важнейших стратегических пунктов острова — вход в глубь его территории. Со стороны Черного моря эту функцию выполняла крепость у Бугаза.

Значение Таманской крепости в оборонительном отношении было совершенно иное. Она действовала совместно с Керченской, а затем, с 1703 г., и с Еникольской крепостями, защищая вход в Керченский пролив в целом.

Насколько реальна была угроза нападения казачьих отрядов на полуостров в отместку за татарские набеги, сообщает неоднократно еще Эвлия Челеби [24]. Сводка походов донских казаков на татарско-турецкие поселения Азовского и Черного морей на протяжении XVII в. по казачьим документам выполнена Ю. П. Тушиным [35]. Им зафиксировано около 15 походов казаков только непосредственно на территорию Таманского полуострова, в результате которых не раз срывались набеги татар на русские земли.

В конце XVII в. русло Кубани у средневекового Темрюка стало засоряться. Новые поселения возникали на возвышенных местах. Оборонительные линии русских войск были передвинуты на кубанский берег, и крепость Темрюк утратила стратегическое значение. С развитием новейшего Темрюка укрепления средневекового города были разобраны на строительные материалы. В 1818 г. с целью опреснения Ахтанизовского лимана казаки прорыли новое русло у подножия Темрюкской горы, в результате чего со временем все воды Кубани повернули на север и река стала впадать в Азовское море. Рукава, впадавшие в Кизилташский лиман, пересохли, а коса у Бугаза закрыла пролив. Сейчас на месте средневекового Темрюка практически не осталось видимых следов поселения.

В 1982 г. разведочный отряд Таманско-Фанагорийской экспедиции ИА АН СССР обследовал район средневекового Темрюка [36]. Городище расположено в 1—3 м над уровнем воды, на плоской равнине, частично заболоченной, частично засоленной, ограниченной с севера Азовским морем, с юга — Ахтанизовским лиманом. Площадь памятника около 100 га, размеры 1850×900 м. Городище вытянуто в широтном направлении. Микрорельеф почти всей территории памятника свидетельствует о плотной застройке городского типа. В нем заметны отдельные пологие возвышения (0,2—0,5 м), соответствующие крепости, жилым кварталам, мечетям и лавкам, обозначенным на планах И. Ф. Бринка. Культурный слой состоит из серовато-коричневатого суглинка мощностью более 1 м, насыщенного фрагментами разновременной керамики. На основании подъемного керамического материала можно сделать вывод, что поселение в этом месте существовало в XII—XVIII вв. Городище частично распахано. Через северную часть поселения проходит асфальтированная трасса Темрюк — Порт Кавказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гужин Г. С.* Город Темрюк. (Историко-географический очерк) // Географические проблемы населения и хозяйства Северо-Западного Кавказа. Города Краснодарского края. Науч. тр. Кубан. ун-та. Вып. 194. Краснодар, 1974.
2. *Зверев К. В.* Темрюк. Краснодар, 1976.
3. *Арканников Ф.* Город Темрюк // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 4. Тифлис, 1884.
4. *Апостолов Л. Я.* Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис, 1887.
5. Барбаро и Контарини о России. Л.: Наука, 1971.
6. *Бертье-Делагард А.* Описание Черного моря и Татарии Э. Дортелли д'Асколи // ЗООИД. 1902. Т. 24.
7. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т. 13.
8. Мазуринский летописец // ПСРЛ. 1968. Т. 31.
9. *Короленко П. П.* Записки о черкесах. Кубанский сборник. Т. 14, Екатеринодар, 1908.
10. *Брун Ф. К.* Черноморье. Одесса, 1880.
11. *Юрченко П.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. (1625) // ЗООИД, 1879. Т. 11.
12. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. III. СПб., 1896.
13. *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910.
14. *Рутковичъ Н. П. (Н. Украинец).* Темрюк и его прошлое. Исторические очерки с 1237 по 1923 гг. Издание Темрюкского городского исполнительного комитета. Кубанская область. Вып. 1, 1923.
15. ЦГВИА. Ф. 349, оп. 39, № 966.
16. ЦГВИА. ВУА. Ф. 418, д. 469.

17. ЦГВИА. ВУА. № 22651.
18. ЦГВИА. ВУА. Ф. 418, д. 761.
19. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898.
20. ЦГВИА. Ф. 349, оп. 40, № 4380.
21. *Суворов А. В.* Документы. Т. II. М., 1951.
22. *Дубровин Н. Ф.* Присоединение Крыма к России. Т. II. СПб., 1885.
23. *Фадеев А. В.* Суворов на Дону и в Приазовье. Ростов-на-Дону, 1950.
24. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.
25. *Паллас П. С.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. 13.
26. ЗООИД. 1877. Т. 10.
27. *Коровина А. К.* Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3.
28. *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. T. 2. L., 1817.
29. *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи. Ч. II. СПб., 1805.
30. *Гераков Г.* Путевые записки по многим российским губерниям 1820. Т. 2. Петроград, 1828.
31. *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour de Caucase. T. V. P., 1840.
32. *Живило К. Т.* Экспедиция на Таманский полуостров (июнь 1908). Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринодар, 1908.
33. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889.
34. ЦГВИА. Ф. 349, оп. 39, № 177.
35. *Тушин Ю. П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. М.: Наука, 1978.
36. *Паромов Я. М., Воронов А. А., Николаенко Т. Д., Усачева О. Н.* Отчет о работе по теме «Разработка проектов охранных зон памятников археологии Таманского полуострова». 1982, Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8603.

A. A. Voronov, Y. M. Paromov

ON THE LOCALISATION OF THE MEDIAEVAL TOWN OF TEMRYUK

Summary

The authors came to the conclusion that between the 16th and 18th century there was only one city of that name. According to K. Gerts, it was situated on the place of the fortress Adass; according to E. Chelebi, A. Suvorov and I. Brink on the place of the town Temryuk proper. A settlement with the pottery dated between the 12th and 18th centuries was discovered on the place of the town.

С. В. ГУРКИН

ПОЛОВЕЦКИЕ СВЯТИЛИЩА С ДЕРЕВЯННЫМИ ИЗВАЯНИЯМИ НА НИЖНЕМ ДОНУ

До настоящего времени в археологической литературе почти не рассматривался вопрос о половецких деревянных изваяниях, в то время как изучению каменных статуй посвящено много работ [1—6]. Первые сообщения о находках деревянных изваяний относятся к началу XX в. О них писали И. М. Сулин [7, с. 8—10] и В. А. Городцов [8, с. 250, 251]. В 1950—1980-х годах в связи с возросшим объемом археологических исследований находки деревянных статуй участились [1]. Все они концентрируются в нижнем течении Дона, на левобережье (рис. 1), там, где Г. А. Федоров-Давыдов отметил почти полное отсутствие половецких каменных изваяний [4, с. 188].

Многие деревянные статуи из-за плохой сохранности материала и постоянной распашки курганов безвозвратно утрачены. Зарегистрированные комплексы можно разделить на группы по степени сохранности к моменту раскопок: а) сохранились и статуи и святилища (могильники: Холодный I, кург. 2; Сагванский I, кург. 7; Тузлуковский, кург. 7); б) сохранились святилища с обломками изваяний (могильники: Холодный I, кург. 3; Новый, кург. 67 и 119; Тузлуковский, кург. 27; Колдыри, кург. 11 и 25; Первомайский, кург. 4; Новоалександровка, кург. 18); в) сохранились лишь статуи (курган у балки Средняя Аюла и случайная находка у д. Жуковка) [2].

В Ростовском областном музее краеведения имеются две деревянные статуи, обнаруженные у д. Жуковка Дубовского р-на Ростовской обл. Обстоятельства их находки установить не удалось. Полное описание деревянных изваяний (рис. 2, *1*, *2*) сделано в работах С. А. Плетневой [2, с. 98] и Г. А. Федорова-Давыдова [4, с. 166].

В процессе доследования разрушенных строителями кург. 2 и 3 эпохи бронзы могильника Холодный I, расположенного на территории Большовского рисового совхоза Цимлянского р-на Ростовской обл. [7], В. В. Чалым и П. С. Косовым обнаружены два святилища с деревянными изваяниями [12, с. 119; 13, с. 27—32].

В кург. 2 статуя находилась в круглой в плане яме диаметром 1,7 м. Яма расположена в северном секторе кургана и имеет глубину 0,7 м от уровня материка (рис. 2, *3*) [3]. Стенки ямы отвесные. Дно понижается к центру. На дне ямы имеется углубление для основания статуи (рис. 2, *4*). В юго-западном секторе ямы обнаружены два лошадиных черепа без нижних челюстей. В западном секторе ямы найдены фрагменты третьего лошадиного черепа [13, с. 27—32].

Изваяние, изображающее сидящего человека, обращено к востоку. Голова статуи утрачена. Оставшаяся часть, по сведениям В. В. Чалого, име-

---

[1] Автор выражает искреннюю признательность В. В. Чалому, Е. П. Беспалому, А. А. Горбенко, И. С. Каменецкому, Л. М. Казаковой, Л. С. Ильюкову за возможность использовать новые материалы.

[2] В. П. Шиловым и К. С. Лагоцким на территории Октябрьского р-на Волгоградской обл. в могильниках Новоаксайский (кург. 12 и 23) и Дорофеевский (кург. 11) исследованы три святилища с деревянными изваяниями [9, с. 8, 9; 10, с. 25; 11, с. 157, 158]. Их публикацию В. П. Шилов намерен дать отдельно.

[3] Приблизительные размеры кург. 2 можно выяснить по оставшемуся нетронутым ровику. Насыпь кургана полностью уничтожена строителями. По-видимому, ровик не имеет отношения к святилищу.

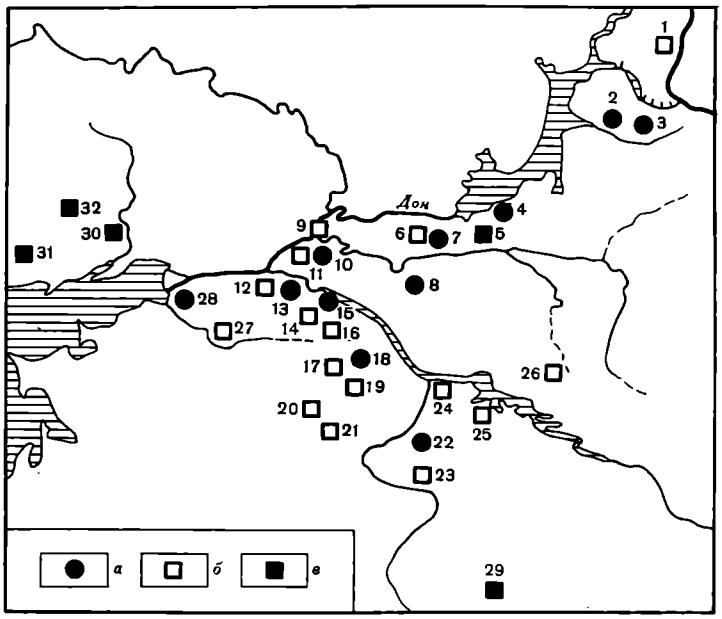


Рис. 1. Территория распространения деревянных и каменных статуй на левобережье Дона. *а* — деревянные статуи; *б* — каменные статуи; *в* — каменные статуи, установленные по обряду деревянных изваяний. *1* – г. Волгоград, на отмели р. Царицы [2, с. 109, № 1276]; *2* — Новоаксайский могильник, кург. 12 и 23; *3* — Дорофеевский могильник, кург. 11; *4* — д. Жуковка; *5* — могильник Потайной II, кург. 5; 6 — могильник Холодный I (сообщение Л. С. Ильюкова); *7* — могильник Холодный I, кург. 2 и 3; *8* — могильник Новый, кург. 67 и 119; *9* — г. Семикаракоры [2, с. 16, рис. 3, *76*]; *10* — могильник Сагванский I, кург. 7; *11* — могильник Балабинский I; *12* — станица Манычская (сообщение Е. И. Беспалого); *13* — Тузлуковский могильник, кург. 7 и 25; *14* – могильник Колдыри, кург. 3; *15* – могильник Колдыри, кург. 11 и 25; *16* – могильник Веселый II, кург. 1; *17* – курган в уроч. Большой Бурунчун [7, с. 7, 8]; *18* – курган у балки Средняя Аюла; *19* – зимовник генерала Кульгачева [22, с. 7]; *20* – с. Средний Егорлык [2, с. 101, № 1063]; *21* – станица Каменнобродская [2, с. 101, № 1064]; *22* – Первомайский могильник, кург. 4; *23* – с. Красногвардейское [2, с. 102, № 1089]; *24* – г. Сальск (Музей революционной, боевой и трудовой славы ДК железнодорожников, сообщение Е. Е. Непомнящей); *25* – курган на берегу Восточного Маныча, раскопан П. В. Синицыным [2, с. 99]; *26* – центральная усадьба совхоза № 7 [2, с. 99, № 933а]; *27* – с. Самарское Азовского р-на (сообщение В. Я. Кияшко); *28* – могильник Новоалександровка I, кург. 18; *29* – кург. 2 у с. Бешпагир; *30* – с. Екатериновка [2, с. 100]; *31* – курган у хут. Марченки [8, с. 253–256]; *32* – с. Петровское Старобешевского р-на Донецкой обл., кург. 2, раскопки О. Я. Приваловой и А. П. Привалова (сообщение М. Л. Швецова)

ла высоту 1,5—1,6 м вместе с основанием. Грудь и руки, держащие у живота ритуальный сосуд, сохранились неполностью. Спина плоская, в талии округляется и плавно переходит в основание статуи (рис. 3, *1*).

В кург. 3 обнаружена яма с остатками деревянной скульптуры[4]. В южной части яма разрушена погребением более позднего времени (рис. 2, *5*). Видимо, яма имела прямоугольную в плане форму с сильно закругленными углами и длинной осью была ориентирована по линии ЮЮЗ — ССВ (1×0,6 м). В юго-западной части ямы зафиксированы остатки деревянной скульптуры высотой 0,6, шириной 0,36 м. Судя по полевой зарисовке В. В. Чалого, сохранилась лишь нижняя часть сидящей статуи [13, с. 32]. Ноги статуи в коленях отделены от доски основания (рис. 2, *6*).

Во время раскопок кург. 67 и 119 эпохи бронзы у хут. Новый Мартыновского р-на Ростовской обл. Л. С. Ильюковым обнаружены два святилища с остатками оснований деревянных изваяний[5].

---

[4] Ни размеров кург. 3, ни сектора, в котором находилось святилище, установить невозможно, так как насыпь кургана полностью уничтожена строителями, после чего через курган прошла траншея.

[5] Материалы раскопок хранятся в археологической лаборатории Ростовского гос. университета.

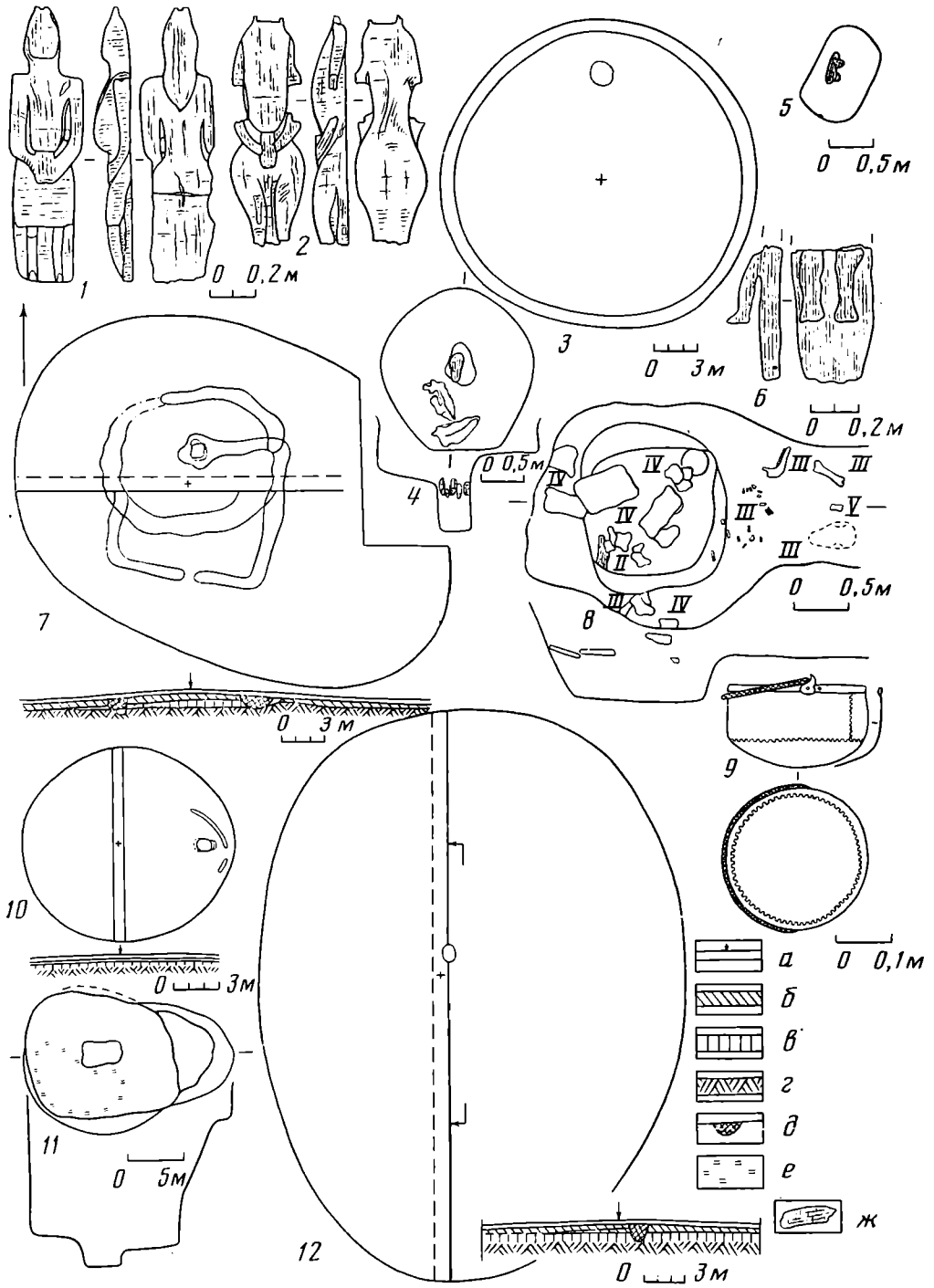


Рис. 2. Конструкция святилищ с деревянными изваяниями. *1, 2* — деревянные изваяния из д. Жуковка; *3* — план кург. 2 могильника Холодный I; *4* — план и разрез святилища в кург. 2; *5* — план святилища в кург. 3 могильника Холодный I; *6* — нижняя часть деревянного изваяния из кург. 3 (с полевой зарисовки В. В. Чалого); *7* — план и разрез кург. 67 могильника Новый; *8* — план и разрез святилища в насыпи кург. 67 (*I* — бронзовый котел, *II* — основание деревянной статуи, *III* — кости лошади, *IV* — камни, *V* — бронзовая пластина); *9* — бронзовый котел из кург. 67; *10* — план и разрез кург. 119 могильника Новый; *11* — план и разрез святилища в насыпи кург. 119; *12* — план и разрез кург. 7 могильника Сагванский I; *а* — гумус; *б* — насыпь кургана; *в* — древний горизонт; г — материк; д — заполнение ровика; *е* — меловая подсыпка; *ж* — дерево

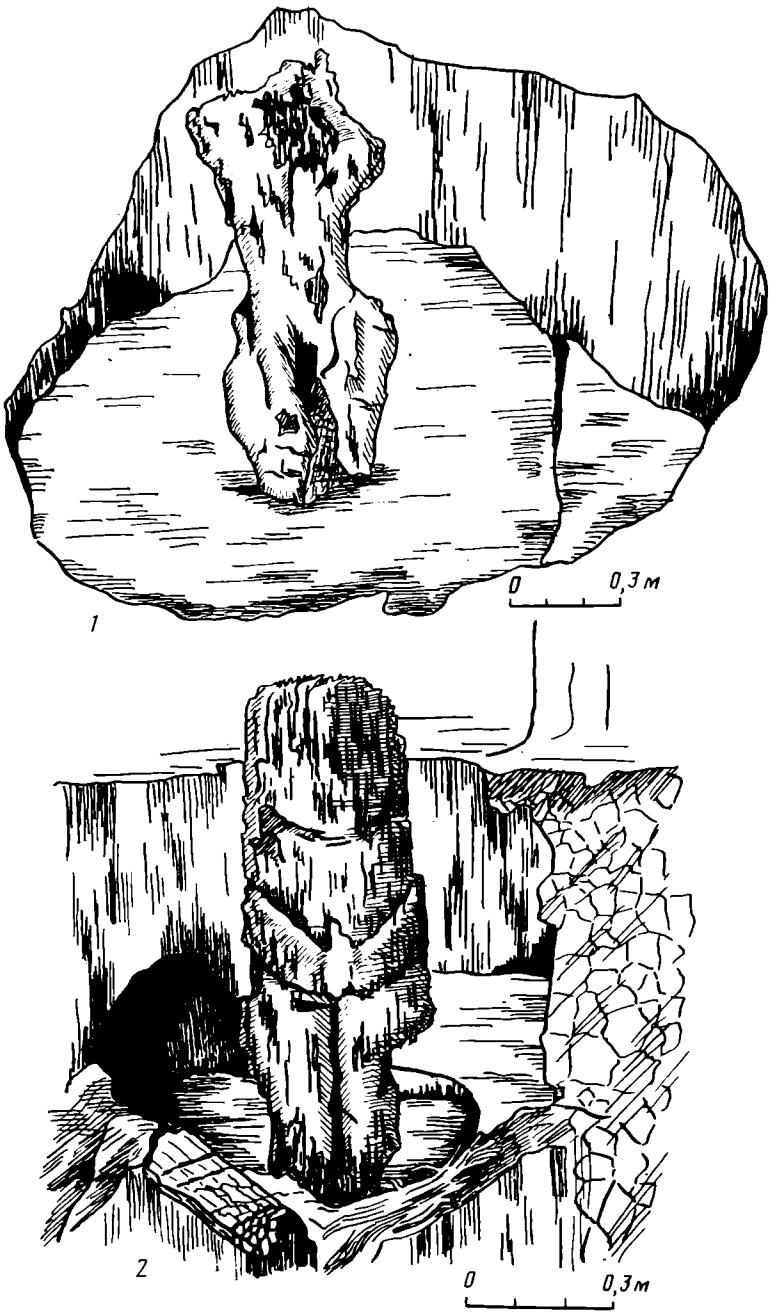


Рис. 3. Святилища с деревянными изваяниями. *1* — могильник Холодный I, кург. 2 (рисунок с полевой фотографии В. В. Чалого); *2* — могильник Сагванский I, кург. 7 (рисунок с полевой фотографии И. С. Каменецкого)

Первое святилище находилось в центральной части кург. 67. Остатки основания статуи помещались в овальной в плане яме, ориентированной длинной осью по линии С — Ю (2.04×1.68 м). Яма с остатками изваяния прорезала заполнение более раннего ровика квадратной в плане формы (рис. 2, *7*). Стенки ямы сужаются ко дну (рис. 2, *8*). Глубина ямы 1,93 м. В юго-западном углу ямы обнаружено небольшое углубление для основания скульптуры. В северо-восточном углу лежал перевернутый вверх дном бронзовый котел (рис. 2, *9*). Он относится к третьему типу котлов, по классификации М. Л. Швецова, и датируется XII—XIII вв. [14, с. 197—200].

Над остатками основания деревянной статуи в заполнении ямы обнаружен каменный заклад. У южного и восточного края ямы в заполнении ровика квадратной в плане формы зафиксированы череп и кости лошади,

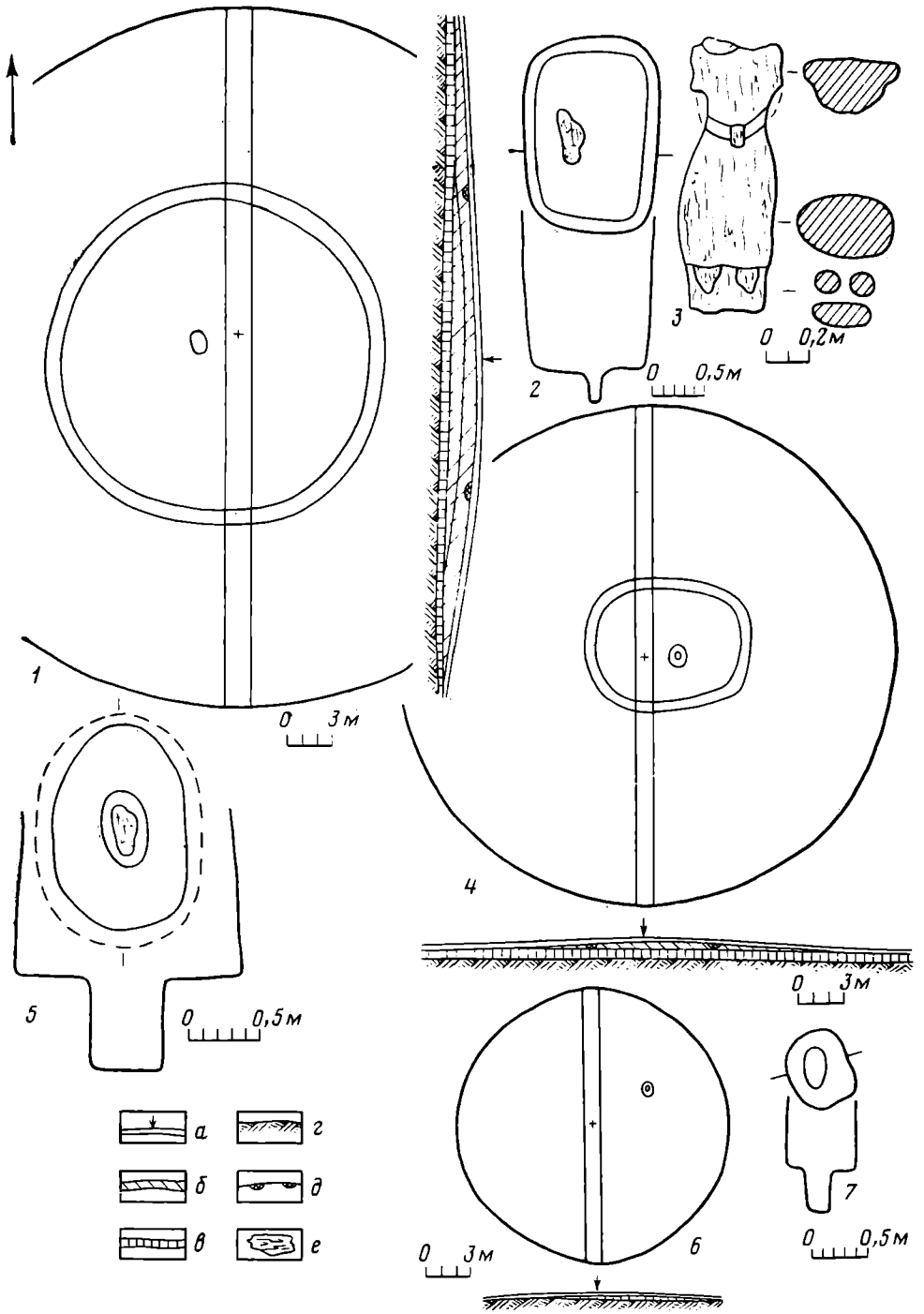


Рис. 4. Конструкции святилищ с деревянными изваяниями. *1* — план и разрез кург. 7 Тузлуковского могильника; *2* — план и разрез святилища в насыпи кург. 7; *3* — деревянное изваяние из кург. 7 (с полевой зарисовки Е. И. Беспалого); *4* — план и разрез кург. 27 Тузлуковского могильника; *5* — план и разрез святилища в насыпи кург. 27; *6* — план и разрез кург. 11 могильника Колдыри; *7* — план и разрез святилища в насыпи кург. 11; *а* — пахотный слой; *б* — насыпь кургана; *в* — древний горизонт; *г* — материк; *д* — заполнение ровика; *е* — дерево

лежащие в беспорядке, и бронзовая пластина прямоугольной в плане формы. Вокруг ямы с изваянием сооружен кольцевой ровик диаметром 10,5 м.

В кург. 119 святилище располагалось в восточном секторе (рис. 2, *10*) в овальной в плане яме, ориентированной длинной осью по линии З—В (1,90×1,15 м). Стенки ямы сужаются ко дну. У восточного края ямы прослежена ступенька. Глубина ямы 2,1 м, в ее центральной части вы-

рыто прямоугольное в плане углубление для основания скульптуры. В юго-западном углу прослежена меловая подсыпка. От деревянного изваяния сохранилось лишь основание. Вокруг ямы частично прослежен кольцевой ровик диаметром 6 м (рис. 2, *11*).

В процессе раскопок кург. 7 эпохи бронзы могильника Сагванский I (Семикаракорский р-н Ростовской обл.) И. С. Каменецким и В. Я. Зельдиной выявлено святилище с деревянным изваянием. Святилище находилось в центральной части кургана (рис. 2, *12*). Судя по сохранившимся в бровке стенкам, яма была овальной в плане формы и по оси С — Ю имела длину 1 м. Ее глубина 1,5 м. Стенки ямы сужались ко дну и были обложены деревянными плашками.

Деревянное изваяние, изображающее сидящего человека, было установлено в яме вертикально, лицом к востоку (рис. 3, *2*). Голова и плечи скульптуры утрачены. Руки у выпуклого живота держат ритуальный сосуд. Дерево (сосна) очень плохой сохранности [15, с. 126] [6].

Около хут. Тузлуков Багаевского р-на Ростовской обл. Е. И. Беспалым исследованы два святилища половецкого времени с деревянными изваяниями, которые располагались в центральных частях кург. 7 и 27 эпохи бронзы [16, с. 31, 32, 131].

В кург. 7 (рис. 4, *1*) изваяние, изготовленное из цельного ствола дерева, было установлено вертикально, лицевой частью к востоку — северо-востоку, в прямоугольной в плане яме с закругленными углами (1,6×1,1 м). Яма длинной осью ориентирована по линии С — Ю. Стенки ямы слегка сужаются ко дну. Глубина ямы 2,6 м (рис. 4, *2*). На дне ямы имеется овальное в плане углубление для основания статуи. В заполнении ямы встречались отдельные кости коровы и барана, а также три костяка зайцев [7].

Голова и плечи изваяния утрачены. Судя по полевой зарисовке Е. И. Беспалого, сохранившаяся часть имела высоту 1 м (рис. 4, *3*). Правая грудь и руки, держащие у живота сосуд, сохранились неполностью. Кисти рук не моделированы. Тыльная часть статуи, плоская на уровне спины, в талии округляется и на нижнем срезе четко проработанного кафтана переходит в основание. Под нижним срезом кафтана прослежены остатки орнаментированной ткани.

Вокруг ямы с изваянием сооружен кольцевой ровик диаметром 22 м, в северо-западном секторе которого встречались обломки костей животных и фрагменты гончарной керамики.

В кург. 27 (рис. 4, *4*) деревянная статуя была установлена лицевой частью к востоку — северо-востоку в овальной в плане яме (1,38× ×0,98 м). Яма длинной осью ориентирована по линии С — Ю. Глубина ямы 1,55 м. Стенки ее расширяются ко дну. На дне ямы вырыто овальное в плане углубление для основания статуи (рис. 4, *5*). Сохранившаяся нижняя часть изваяния вместе с основанием имела высоту 0,9 м. Вокруг ямы с остатками статуи прослежен ровик диаметром 11 м, в северо-восточном секторе которого встречены обломки костей животных.

Во время раскопок кург. 11 эпохи бронзы могильника Колдырп (Багаевский р-н Ростовской обл.) Е. И. Беспалым обнаружено святилище половецкого времени с остатками деревянного изваяния. Яма, в которой была установлена статуя, располагалась в северо-восточном секторе кургана (рис. 4, *6*) и имела овальную в плане форму. Яма длинной осью ориентирована по линии ССЗ — ЮЮВ (рис. 4, *7*). глубина ее 1,73 м. На дне имеется овальное в плане углубление (0,2×0,35×0,37 м) для основания статуи. Дерево очень плохой сохранности. От изваяния сохранились лишь основание и ступни ног. Статуя была обращена лицевой частью к востоку [17, с. 36; 18, с. 9].

В кург. 25 того же могильника выявлено еще одно святилище половецкого времени (рис. 5, *1*). Оно располагалось в юго-западном секторе кургана в прямоугольной в плане яме с сильно закругленными углами

[6] Определение породы дерева выполнено А. И. Семеновым.

[7] Остеологическое определение выполнено доцентом Ростовского гос. университета В. С. Байгушевой.

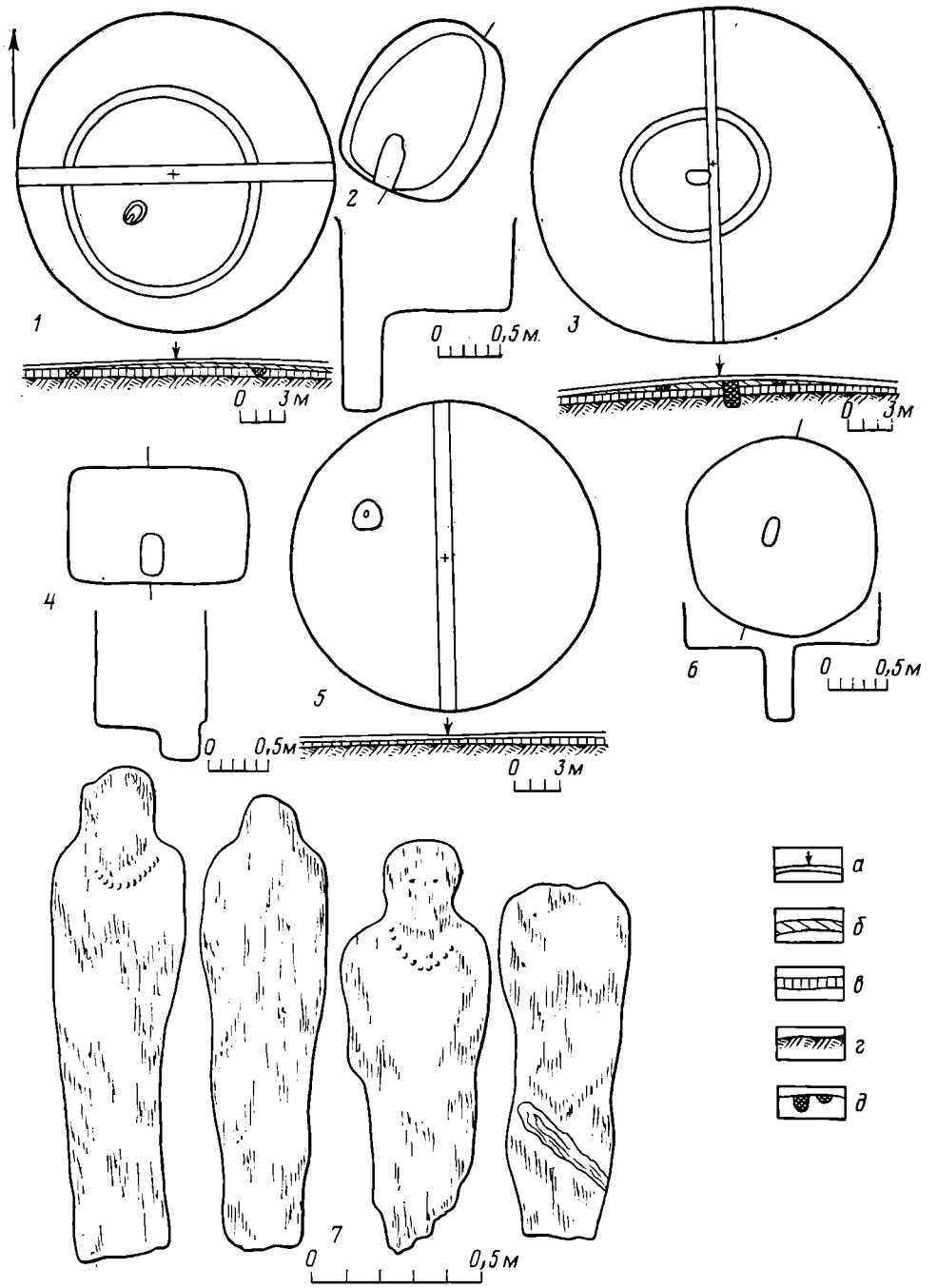


Рис. 5. Конструкции святилищ с деревянными изваяниями. *1* — план и разрез кург. 25 могильника Колдыри; *2* — план и разрез святилища в насыпи кург. 25; *3* — план и разрез кург. 4 Первомайского могильника; *4* — план и разрез святилища в насыпи кург. 4; *5* — план и разрез кург. 18 могильника Новоалександровка I; *6* — план и разрез святилища в насыпи кург. 18; *7* — деревянные изваяния из кургана у балки Средняя Аюла (с полевой зарисовки И. М. Сулина); *а* — пахотный слой; *б* — насыпь кургана; *в* — древний горизонт; *г* — материк; *д* — заполнение ровиков и ям

(1,2×1,5 м). Длинной осью яма ориентирована по линии СВ — ЮЗ. Стенки ямы ко дну сужаются. В юго-восточной части ямы на дне имеется овальное в плане углубление (0,25×0,55×0,6 м) для основания статуи. Вещей в яме нет (рис. 5, *2*). Вокруг ямы с изваянием сооружен кольцевой ровик диаметром 12 м.

В кургане у балки Средняя Аюла И. М. Сулиным раскопано святилище с четырьмя деревянными изваяниями [7, с. 8—10; 8, с. 250, 251]. Под насыпью оказалась яма, в которой были установлены лицом к востоку, в один ряд, плотно одна к другой четыре деревянные статуи. Перед

ними лежал скелет ребенка, вытянуто на спине, черепом к северу; руки сложены на груди. За изваяниями лежали черепа собаки и овцы. Сохранилась полевая зарисовка четырех статуй И. М. Сулиным (рис. 5, 7).

В процессе раскопок кург. 4 Первомайского могильника у с. Красная Поляна (Песчанокопский р-н Ростовской обл.) А. А. Горбенко и Н. М. Фомичевым обнаружено святилище с остатками деревянного изваяния [19, с. 47, 48]. Святилище располагалось в центральной части кургана эпохи бронзы (рис. 5, *3*). Деревянная статуя была установлена лицом к востоку в прямоугольной в плане яме с закругленными углами (1,6×1,1 м). Длинной осью яма ориентирована по линии В — З, ее глубина 2 м. Стенки ямы вертикальные. На дне имеется углубление для основания скульптуры (рис. 5, *4*). Прослеженная часть изваяния имела высоту 0,95 м. Дерево плохой сохранности, при прикосновении рассыпалось. Вокруг ямы сооружен кольцевой ровик диаметром 8 м.

В кург. 18 могильника Новоалександровка I (Азовский р-н Ростовской обл.) Е. И. Беспалым выявлено святилище половецкого времени с остатками деревянного изваяния. Святилище расположено в северо-западном секторе кургана (рис. 5, *5*) в круглой в плане яме (1,70×1,60 м). Стенки ямы отвесные (рис. 5, *6*). На дне имеется углубление (0,25×0,15× ×0,55 м) для основания статуи. Дерево очень плохой сохранности. Высота фрагмента деревянной статуи 1,5 м [8].

Итак, рассмотрев все известные находки деревянных изваяний, можно сказать, что они были установлены вертикально, лицом к востоку, в ямах прямоугольной и овальной в плане формы, впущенных в большинстве случаев в центральную или северо-восточную части насыпей курганов эпохи бронзы или раннего железного века. В ямах с деревянными статуями встречаются остатки жертвоприношений. Чаще всего это кости барана, лошади, коровы, собаки. Иногда вокруг ям прослежены кольцевые ровики со следами тризны. Характер размещения деревянных изваяний, скрытость их от всестороннего обзора наводит на мысль о кратковременном сроке их действия. Не вызывает сомнения, что деревянные изваяния, как и каменные, не были надмогильными памятниками. Они устанавливались в специально оборудованных святилищах-ямах в насыпях древних курганов, глубоко от дневной поверхности, что способствовало их сохранению.

Основываясь на известных находках святилищ с деревянными изваяниями, можно наметить приблизительные границы их распространения. Пока это левобережье Дона от р. Есауловский Аксай до Азовского моря, а также стéпи к югу от Маныча (рис. 1). Территория распространения деревянных изваяний тесно соприкасается с ареалом каменной скульптуры. Между ними нет и не может быть четкой границы [20, с. 121, 122; 21, с. 153; 22, с. 7]. Каменные и деревянные статуи выполнены в одном стиле и принадлежат одному этническому массиву. Пока между ними есть лишь одно существенное различие: все известные деревянные изваяния устанавливались в ямах и перекрывались насыпями курганов, а большинство ныне известных каменных статуй было установлено на вершинах курганов. В свое время В. А. Городцов обратил внимание на это различие, считая, что как те, так и другие статуи предназначались для одной цели — сопровождать покойника в их могильных жилищах и только ценностью материала статуй обусловливалось их положение в курганах: более ценные каменные ставились на показ, а менее ценные деревянные засыпались курганами [8, с. 251]. Однако В. А. Городцов, как нам кажется, неверно интерпретировал обряды, связанные с каменными и деревянными статуями. Деревянные изваяния были равнозначны каменным. Они, как и последние, являлись главной, неотъемлемой частью половецких святилищ. Им приносили жертвы, в том числе и человеческие [2, с. 72—76; 4, с. 192; 8, с. 250—256; 23, с. 126]. Подтверждением тезиса о равнозначности деревянной и каменной скульптуры служит каменное изваяние, обнаруженное В. П. Копыловым в кург. 5 Потайного

[8] Материалы хранятся в Азовском краеведческом музее.

II могильника (Цимлянский р-н Ростовской обл.). Женская статуя была установлена в овальной в плане яме вертикально, лицом к востоку и перекрыта насыпью кургана [24, с. 105]. Кроме того, в святилище с каменным изваянием, исследованном Т. В. Мпрошиной в кург. 2 у с. Бешпагир Грачевского р-на Ставропольского края, мужская статуя стояла в подтреугольной в плане яме вертикально и была перекрыта насыпью кургана [23, с. 126]. Тем же способом, по-видимому, были установлены каменная скульптура из слободы Екатериновка Матвеево-Курганского р-на Ростовской обл. [2, с. 100] и статуя, обнаруженная В. А. Городцовым [8, с. 253, 256] у хут. Марченки. Вполне вероятно, что такие же святилища с каменными изваяниями могут встретиться и в других районах половецких степей.

Таким образом, можно говорить о том, что половецкие святилища делятся на два типа: I — святилища, устроенные на поверхности курганов (к ним относится подавляющее большинство каменных статуй); II — святилища-ямы, оборудованные в насыпях древних курганов (сюда относятся все деревянные и пока небольшая группа каменных изваяний).

Наличие деревянной скульптуры не только у половцев, но и у древних тюрок предполагалось исследователями уже не раз [25, с. 82; 26, с. 114]. По этнографическим данным, у многих современных тюркоязычных народов, например у казахов, существовал обычаи заменять покойника на поминках деревянной куклой [27, с. 110; 28, с. 234]. Куклу в одеждах умершего сажали между гостями и угощали едой и питьем. Этот обычай, видимо, был характерен и для половцев. Заметим, что в двух случаях (кург. 12 Новоаксайского и кург. 7 Тузлуковского могильника[9]) на изваяниях зафиксированы остатки тканей [9, с. 8, 9; 16. с. 31, 32].

Особый интерес представляет вопрос: почему все ныне известные деревянные и некоторые каменные извания зарыты в насыпях курганов? Дать однозначный ответ пока не представляется возможным. По-видимому, здесь отразился заключительный акт поминального обряда половецкого времени, сходный с древнетюркскими [25, с. 77—81] и казахскими [28, с. 234] поминальными обычаями. И древние тюрки, и половцы считали изваяние временным вместилищем души умершего [2, с. 72—76; 25, с. 77—81; 26, с. 114]. Так как после поминок душа умершего уже навсегда покидала живущих на земле, то изваяние закапывали в курганах, отправляя это вместилище души умершего в потусторонний мир.

Существенный недостаток данной гипотезы заключается в том, что подавляющее большинство каменных изваяний было установлено на вершинах курганов и не подвергалось подобного рода действиям.

Можно предположить и другую причину. Деревянные и некоторые каменные статуи были изготовлены после монгольского нашествия. Монголы уничтожили всю половецкую знать и старались искоренить у половцев культ предков [2, с. 76]. Последние вынуждены были совершать свои обряды тайно. Тогда становится понятно, почему святилища скрывали, а большинство статуй изготавливалось из дерева. Правда, из-за плохой сохранности изваяний вряд ли можно разработать в настоящее время их детальную типологию и, следовательно, обоснованную хронологию. А без этого нельзя уверенно говорить о позднем происхождении половецкой деревянной скульптуры. Не исключено, что деревянные и каменные статуи были хронологически одновременны. В какой-то мере подтверждением этого является находка в святилище из кург. 67 могильника Новый бронзового котла, который датируется XII — началом XIII в. [14, с. 201].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
2. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.
3. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.

[9] Выражаю признательность В. П. Шилову за сообщение об этих находках.

4. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
5. *Швецов М. Л.* Половецкие святилища // СА. 1979. № 1.
6. *Гераськова Л. С.* Классификация скульптуры средневековых кочевников евразийских степей // Новые методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
7. *Сулин И. М.* Отчет по командировке в Черкасский и Сальский округ. Новочеркасск: Изд-во предварительного комитета по устройству XII АС, 1901.
8. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии // Тр. XIII АС. Т. I. М., 1907.
9. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6470.
10. *Шилов В. П., Лагоцкий К. С.* Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6295.
11. *Лагоцкий К. С., Шилов В. П.* Исследования Волго-Донской экспедиции // АО–1976. М., 1977.
12. *Гамаюнов А. К., Казакова Л. М., Копылов В. П., Науменко С. А., Прохорова Т. А., Савченко Е. И.* Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО – 1972. М., 1973.
13. *Казакова Л. М.* Отчет о раскопках курганов в Дубенцовском и Большовском рисовых совхозах Цимлянского района Ростовской области в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4980.
14. *Швецов М. Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2.
15. *Зельдина В. Я., Каменецкий И. С.* Сагванский I могильник // АО – 1978. М., 1979.
16. *Беспалый Е. И.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства орошаемого участка у хут. Тузлуков в совхозе «Орошаемый» Багаевского района Ростовской области в 1980 г. // Архив АКМ. КВФ, № 9935/1–2.
17. *Беспалый Е. И.* Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 г. // Архив АКМ. КВФ. № 10190.
18. *Беспалый Е. И.* Работы Приморского отряда № 1 // Исследования Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1983 г. (материалы к семинару). Азов, 1983.
19. *Горбенко А. А., Фомичев Н. М.* Отчет о раскопках курганов в Азовском и Песчанокопском районах Ростовской области в 1974 г. // Архив АКМ. КВФ, № 10190/15.
20. *Смирнов Ю. А., Узянов А. А.* Нижнесальские курганы // АО – 1976. М., 1977.
21. *Горбенко А. А., Фомичев Н. М., Максименко В. Е., Кореняко В. А.* Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 гг. // Архив АКМ. КВФ, № 9797/20.
22. Сведения о каменных бабах Донской области, Сальского округа, 1 участка Западной части Донского частного коннозаводства / ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 522.
23. *Мирошина Т. В.* Раскопки курганов у с. Бешпагир // АО – 1983. М., 1985.
24. *Копылов В. П.* Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО – 1980. М., 1981.
25. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
26. *Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю // СА. 1959. № 1.
27. *Левшин А.* Описание киргиз-каймацких или киргиз-казачьих орд и степей. Т. III. СПб., 1832.
28. *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3.

S. V. Gurkin

CUMAN SANCTUARIES WITH WOODEN IDOLS IN THE LOWER DON

Summary

New sites of Cuman sanctuaries with wooden idols came to light on the left bank of the Don River, between the Tsimlyanskoe reservoir and the Sea of Azov and in the steppes to the south of the Manych River. All the idols found so far were placed vertically in pits made in earlier mounds; they faced east. In some pits there were bones of sacrificial animals (horses, cows, rams and dogs) around the idols. The pits were encircled with shallow ditches and filled with earth upon completing rituals. There are no doubts about the ethnic affiliation of the idols: they are executed in the same style as the stone ones. The rituals are dated between the 12th and early 13th centuries. Several stone idols have been discovered in the sanctuaries with the same rite.

Т. Д. ПАНОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Архангельский собор Московского Кремля служил усыпальницей русских великих и удельных князей и царей начиная с середины XIV и до середины XVIII в. Литература по его истории огромна. Трудно даже перечислить все публикации общего характера, в которых храм-усыпальница получил свою характеристику. Из специальных работ отметим книгу А. Лебедева [1]. Однако ни в одном из изданий нет точных сведений о ритуале захоронения, числе погребенных в соборе и т. д. Это относится и к публикациям последнего времени, популяризирующим памятники Московского Кремля.

Между тем русский средневековый погребальный обряд на сегодняшний день изучен очень слабо. Сведений о нем в письменных источниках крайне мало. Во многом разработка проблем городского ритуала захоронения возможна ныне только на основе археологических исследований.

Специальные вскрытия древних погребальных комплексов в XIX — начале XX в. проводились очень редко. Подробные отчеты об этих работах составлялись далеко не всегда. Так, в 1864 г. в Архангельском соборе было вскрыто захоронение Дмитрия Донского, но описания исследования сделано не было. Поэтому единственным источником для изучения царского погребального обряда в настоящее время могут служить подробно зафиксированные материалы вскрытий погребений Ивана IV, его сыновей — царевича Ивана и царя Федора, а также князя М. В. Скопина-Шуйского, проведенных более 20 лет назад [2]. С тех пор были опубликованы только данные антропологических и спектральных исследований останков этих лиц [3—5]. Внимание ученых привлекло необычное положение правой руки Ивана IV [6]. Но целиком материалы вскрытий с описанием саркофагов, погребального инвентаря, особенностей ритуала в литературе не рассматривались. Необходимо ввести эти данные в научный оборот.

Мы не будем подробно останавливаться на истории некрополя Архангельского собора. Отметим только, что первые княжеские захоронения в Москве, по данным летописей, твердо связываются с церковью Михаила Архангела, построенной в Кремле в 1333 г. В храме этого времени в 1340 г. погребен его создатель — московский князь Иван Калита. В письменных источниках есть сведения о захоронениях в церкви Михаила Архангела и в более ранний период — в самом начале XIV в. Возможно, храм с таким названием существовал в это время. Именно в нем, как отмечают некоторые летописи, в 1303 г. был захоронен «князь великий Данило Александрович» [7, с. 174], гробница которого не сохранилась. Нет упоминаний о ней и в более поздних письменных источниках. При последней перестройке храма в 1505—1508 гг. летописи подробно фиксировали процесс выноса древних захоронений XIV—XV вв. из старого храма 1333 г., перемещение их на время в церковь Иоанна Лествичника, возвращение их во вновь отстроенную усыпальницу.

В настоящее время в Архангельском соборе Московского Кремля сохранилось 49 погребальных сооружений, в которых помещены останки 56 человек. В пяти случаях в одном саркофаге помещены по два человека, в одном случае — трое. Подробные сведения и точный список погребенных в храме-усыпальнице приведены в публикации Е. С. Сизова [8,

с. 86—97]. Формирование комплекса захоронений в Архангельском соборе Московского Кремля завершилось в 1774 г., когда сюда были перенесены из церкви Черниговских чудотворцев мощи князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, погибших в Золотой Орде в 1245 г.

Ныне в интерьере собора располагаются 44 надгробных памятника, накрытых медными застекленными чехлами. Нет никаких сооружений над захоронениями принявших православие казанских царевича Петра и царя Александра (XVI в.). Их могилы отмечены только памятными резными белокаменными досками с эпитафиями, которые вмонтированы в юго-западный и северо-западный столбы храма-усыпальницы. Два погребения располагаются в интерьере собора, в раках. Это захоронение царевича Дмитрия, сына Ивана IV, над которым у юго-восточного столба сооружена сень, и рака с останками Черниговских чудотворцев (в алтаре собора).

Несколько слов о расположении погребений в Архангельском соборе. Основная их часть находится возле южной и западной его стен, часть — возле северной стены, четыре погребения помещаются на солее около иконостаса, три — в дьяконнике собора и одно — в приделе Иоанна Предтечи. Не останавливаемся подробно на этом вопросе, так как он был рассмотрен в одной из публикаций Е. С. Сизова [9]. Напомним только что великокняжеские и царские захоронения находятся у южной стены храма, погребения удельных князей располагаются вдоль западной, возле северной помещены опальные князья. Особая усыпальница была создана Иваном IV в южном предалтарии собора. Иерархические принципы в устройстве столь престижного некрополя выдерживались на протяжении всей его истории.

Некоторые древние погребения со временем были утрачены, что связано, видимо, с перестройкой храма в начале XVI в. Как отмечалось выше, в Архангельском соборе нет погребений князя Даниила Александровича (1303 г.), а также князя Ивана Ивановича Малого (1364 г.), брата Дмитрия Донского [10, с. 3]. Утрачено еще одно захоронение — царевича Василия, сына Ивана IV, он умер в 1563 г. двухмесячным младенцем.

С 1582 г. по распоряжению Ивана IV был превращен в усыпальницу дьяконник Архангельского собора. В его юго-западной части ныне расположены вплотную друг к другу три погребения. В центре захоронен царевич Иван, умерший в 1582 г. в возрасте 27 лет. К югу от него, у стены, в 1584 г. был положен его отец — царь Иван IV. Третье захоронение принадлежит другому сыну Ивана Грозного — царю Федору Ивановичу, умершему в 1598 г. Работы по вскрытию и изучению этих захоронений проводились в 1963 г. совместно археологами и антропологами. Результаты исследований изложены в отчете, послужившем основой для нескольких специальных публикаций, посвященных в основном антропологическому и спектральному анализу останков погребенных [3—5]. Материалы этого отчета [2] использованы и в данной работе. Отметим, что одна из статей посвящена реконструкции погребальной одежды Ивана IV [11].

В процессе вскрытия надгробных сооружений выяснилось, что под медными кожухами начала XX в. находятся кирпичные надгробия XVII в., выложенные впритык друг к другу. В их торцовые стороны вмонтированы белокаменные блоки с памятными надписями (рис. 1). При разборке намогильных сооружений XVII в. были вскрыты первоначальные памятники XVI в., сделанные также из кирпича. Надгробия Ивана IV и его сыновей имели с торцов грубые механические нарушения в кладке, которые были нанесены грабителями в XIX в., пытавшимися проникнуть в захоронения. Намогильные сооружения, полые внутри, выложены в основном в один ряд кирпича.

При исследовании захоронений в дьяконнике под поздним полом и подсыпкой под него, на глубине 70 см был выявлен пол XVI в. из каменных плит. Крышки саркофагов располагались практически на уровне этого древнего мощения. Таковы общие данные о погребениях, выясненные

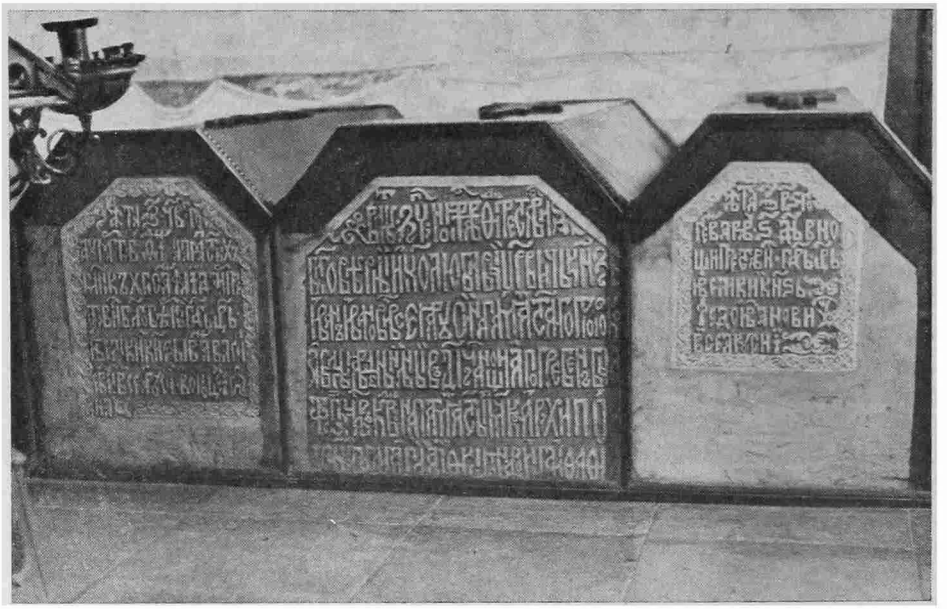


Рис. 1. Надгробные сооружения над погребениями Ивана IV и его сыновей в дьяконнике Архангельского собора

в ходе разборки надгробных памятников. В дальнейшем мы будем рассматривать каждое захоронение отдельно, в хронологическом порядке.

Первым, в ноябре 1582 г., в дьяконнике был погребен сын Ивана IV — царевич Иван. Всю торцовую сторону его надгробного памятника занимает белокаменная резная плита. Памятная надпись на ней выполнена невысоким рельефом по голубому фону и окружена простой каймой без орнамента: «В лето 7090 ноября в 19 день преставись благоверный и христолюбивый цесаревич князь Иван Иванович всея Русии, на память святаго пророка Авдея, в день недельный, в 14 час нощи, а погребен бысть того же месяца в 22 день, на память святых мученика Архипа, ученика Павла апостола и Филимона воина и Анфафия». На уровне пола XVI в. находилась белокаменная крышка саркофага, также украшенная надписью из семи строк, выполненной глубокой резьбой. Текст расположен в основном в верхней части плиты, ниже ее плечиков: «В лето 7090 ноября в 19 день преставился благоверный царевич князь Иван Иванович всея Руси на память святого пророка Авдея и святого мученика Варлаама в четвертом на десять часу ночи».

Саркофаг царевича Ивана представлял собой выполненный из монолита белого камня ящик трапециевидной формы, расширяющийся к головной части и завершающийся выступающим полукруглым оголовьем с четко обозначенными плечиками, одно из которых (левое) слегка опущено. Форму гроба полностью повторяла крышка, толщина которой колеблется от 0,15 до 0,19 м. С внутренней стороны в плите по всей ее площади сделано углубление. Длина саркофага 2 м. Ширина его ножной части 0,55, в головах возле плечиков 0,72 м. Толщина стенок составляла 0,04—0,08 м. Внутри гроба контуры его головной части более плавные, плечики округлы и не повторяют форму внешних (рис. 2, *2*). Останки царевича Ивана были завернуты в шелковое покрывало из камки и спеленуты тесьмой. На дне саркофага вплотную к его правой боковой стенке, вдоль правой плечевой кости погребенного лежал на боку стеклянный кубок на ножке, с крышкой (рис. 3). Кубок располагался крышкой в сторону ножного торца гроба.

Кости скелета царевича Ивана сохранились плохо, от черепа остались только часть нижней челюсти и волосы. Руки погребенного были сложены на животе. Отметим такую особенность в устройстве саркофага, как подголовье высотой в 0,09 м, самое высокое в исследованной группе захоронений.

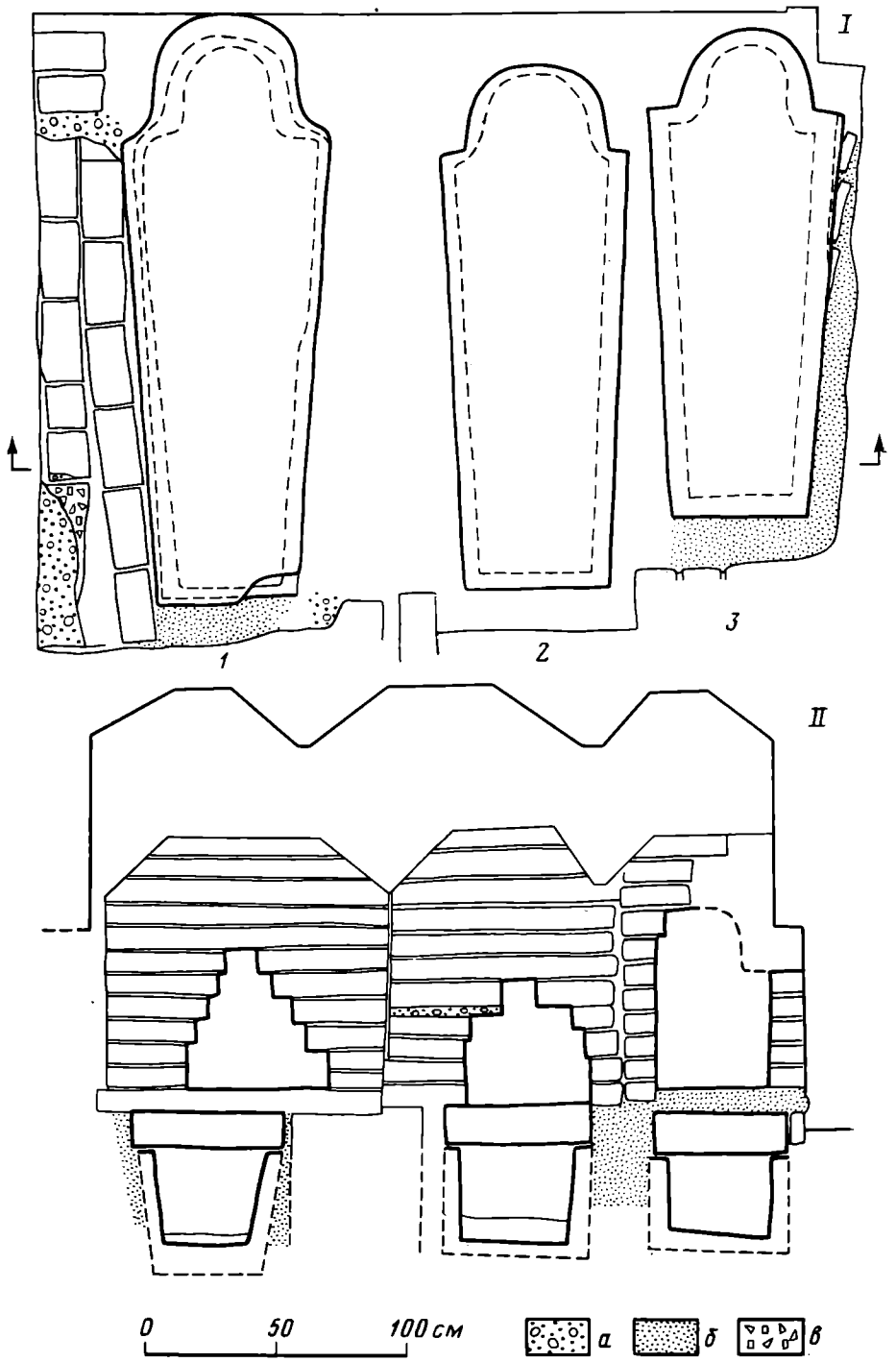


Рис. 2. План (*I*) и разрез (*II*) погребений Ивана IV (*1*) и его сыновей (*2, 3*). *а* — известь; *б* — песок; *в* — строительный мусор

Вторым в дьяконнике Архангельского собора был погребен царь Иван IV Васильевич, умерший 18 марта 1584 г. в возрасте 54 лет. На торцевой стороне надгробия также помещена памятная белокаменная плита, которая занимает только две трети его площади. Надпись выполнена невысоким рельефом по голубому фону и обрамлена в рамку из растительного орнамента в виде гирлянды. В конце надписи высечена розетка с четырьмя заостренными лепестками. Текст на плите гласит: «Лета 7092 марта в 18 день, на память святых мученик Хрисанфа и Дарп преставись благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси во иноцех Иона».

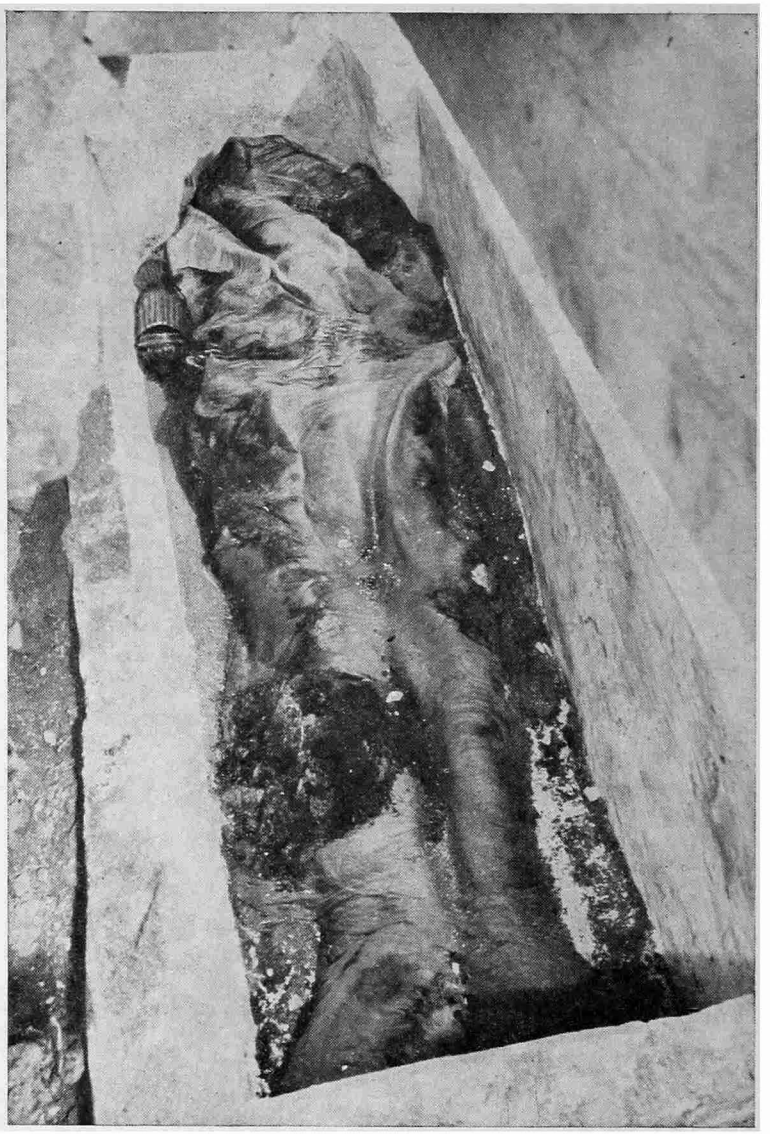


Рис. 3. Погребение царевича Ивана (1582 г.)

Плита, покрывающая саркофаг Ивана IV, была заложена кирпичом размером 0,30×0,13 (0,14)×0,08 м. Кладка бессистемная. Уровень ее почти совпадает с отметкой белокаменного пола XVI в. На крышке зафиксирован тонкий слой песка (0,05 м). Плита украшена эпитафией из восьми строк. Две верхние расположены выше плечиков. В тексте указано: «В лето 7092 марта в 18 день преставись благоверный и христолюбивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец во иноцех Иона а на память Кирила архиепископа Ерусалимского за полтора часа до вечера».

Саркофаг, в котором погребен Иван IV, также выполнен из монолита белого камня — известняка. Он имеет антропоидную форму со слабо выраженными плечиками (рис. 2, *1*). При вскрытии захоронения выяснилось, что крышка немного больше самого саркофага, длина которого 2,25 м. Ширина гроба в ножном торце 0,54, в плечиках 0,79, толщина плиты 0,14 м. Боковые стенки саркофага в его верхней части были значительно подтесаны изнутри, так как гроб, видимо, оказался несколько мал. Поэтому толщина его стенок колеблется от 0,02 до 0,08 м. Необходимо отметить, что внутренние контуры головной части выражены четче.

Иван IV был погребен в схиме. При изучении захоронения обнаружены завернутый в погребальный покров скелет в анатомическом порядке, остатки монашеской схимы с клобуком (подобно своему отцу

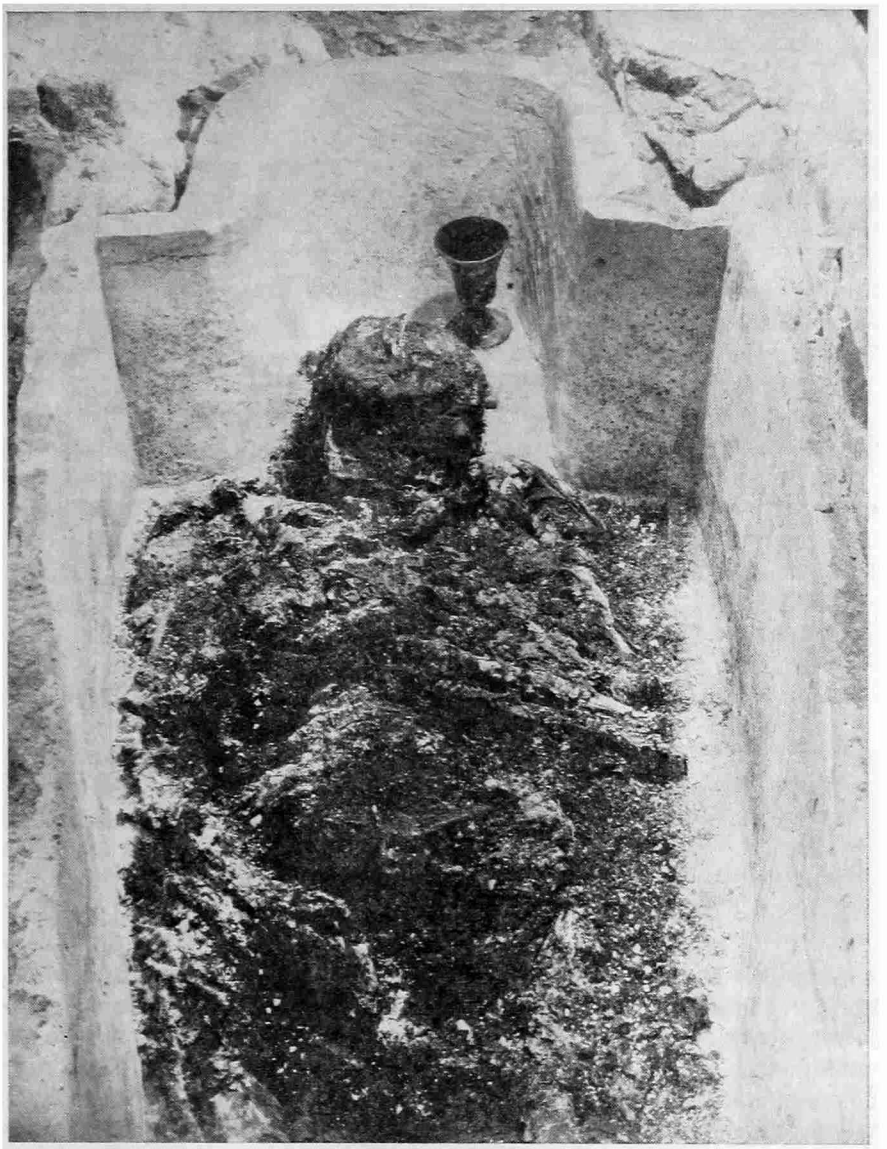


Рис. 4. Погребение царя Ивана IV (1584 г.)

Ивану IV перед смертью постригся в монахи). Судя по скелету, Иван IV обладал большой физической силой. Рост его был 1,78—1,79 м, вес 85—90 кг. Необычно было положение правой руки царя Ивана. Кости правого предплечья согнуты в области локтевого сустава так, что концевые фаланги кисти соприкасались с нижней челюстью. Левая рука лежала на животе. В изголовье, имевшем высоту 3—4 см, стоял стеклянный кубок синего цвета, украшенный росписью (рис. 4).

Череп Ивана IV, по заключению антропологов, имел некоторые черты средиземноморского типа (возможно, унаследованы от бабки Софьи Палеолог), но был ближе к динарскому типу, очень характерному для западных славян (среди предков его матери Елены Глинской были татары, литовцы и поляки).

Последним в дьяконнике Архангельского собора погребен царь Федор, умерший в 1598 г. в возрасте 41 года. Торцевая часть его надгробного памятника украшена небольшой белокаменной плитой с короткой надписью, обрамленной в рамку из растительного стилизованного орнамента в виде гирлянды: «Лета 7106 генваря в 6 день в нощи, преставись Государь царь Великий князь Федор Иванович всея Русии».

Саркофаг Федора аналогичен описанным выше по форме и технике исполнения. Он находился несколько ниже уровня древнего пола XVI в., под песчаной засыпкой толщиной 0,10 м. На его крышке выбита

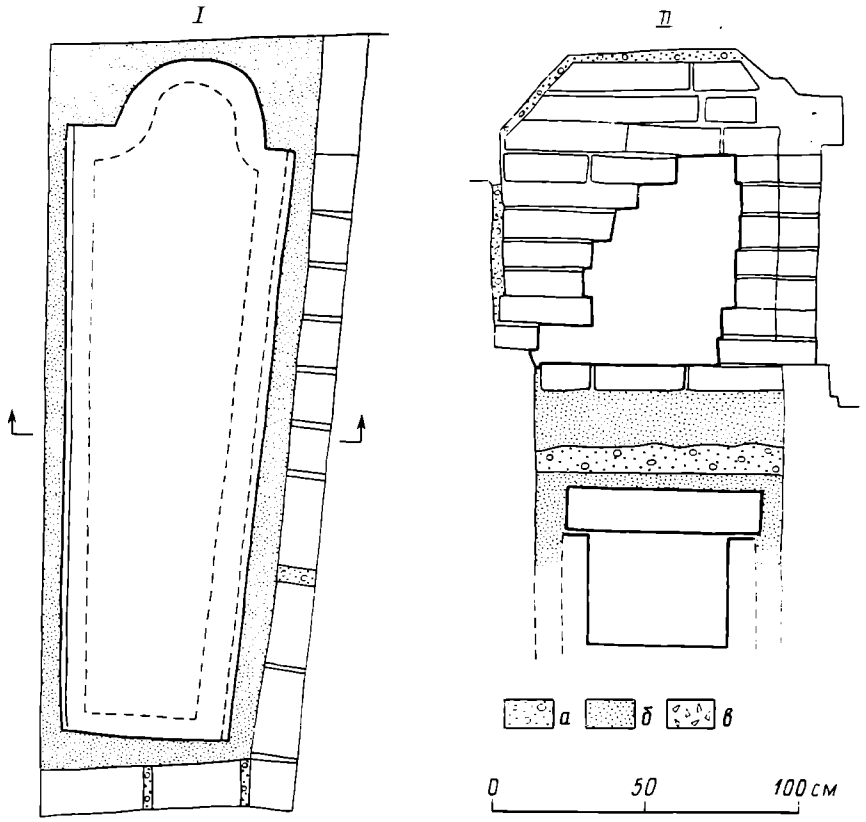


Рис. 5. План (*I*) и разрез (*II*) захоронения М. В. Скопина-Шуйского. *а* — известь; *б* — песок; *в* — строительный мусор

большая, в 10 строк надпись: «В лето 7106 генваря в 6 день на святое богоявление господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа с пятницы на субботу в девятый час нощи преставись благоверный и благочестивый христолюбивый государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси самодержец, а погребено тело его генваря в восьмой день». Первая строка текста расположена выше плечиков. Общая длина саркофага 1,86, ширина ножного торца 0,52, в головной части 0,75, толщина плиты 0,17 м (рис. 2, *3*). Стенки ровные, толщиной 0,08—0,09 м. Головная часть саркофага имеет полукруглый выступ и четкие плечики. Но внутренний контур изголовья оформлен неаккуратно. Плечики сделаны в виде ломаной линии и несимметричны. Останки царя Федора были завернуты в шелковое покрывало из камки и спеленуты тесьмой. Костяк его сохранился плохо. От черепа осталась лишь часть лицевого скелета и свода. Руки были сложены на животе. На дне саркофага в области левого коленного сустава лежал стеклянный сосуд.

В юго-западном углу придела Иоанна Предтечи было вскрыто захоронение князя М. В. Скопина-Шуйского, умершего в 1610 г. в возрасте 23 лет. При разборке кладки позднего надгробия удалось обнаружить фрагменты кирпичного памятника 1610 г. Его северную стену украшала большая белокаменная плита с памятной надписью. Верх этого надгробия покрывал слой известковой затирки с остатками фресковой росписи. Надпись несколько необычна для такого рода памятников: «Великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси племянник князь Михайло Васильевич Шуйский Скопин по государеву указу, а по своему храброму разуму божея помощию над враги польскими и литовскими людьми и рускими изменники, которые хотели разорить государство Московское и веру христианскую попрать явно показав преславную победу и приде к Москве божиим судом в болезни преставися лета 7118 апреля в 23 день на память великомученника Георгия последний час дни». Такова нестандартная по содержанию памятная запись на над-

гробии молодого князя М. В. Скопина-Шуйского, попавшего в этот престижный некрополь благодаря близкому родству с царем Василием Шуйским.

Белокаменная крышка погребения была обнаружена под слоем песчаной засыпки мощностью 0,33 м. Надпись в пять строк расположена на крышке саркофага ниже плечиков: «В лето 7118 апреля в 23 день понедельник к третьей недели по пасце преставись раб божий благоверный князь Михайло Васильевич Шуйский на память великомученика Георгия в последний час дни».

Саркофаг с выступающим округлым оголовьем и четкими плечиками аналогичен описанным выше. Крышка по своим размерам немного больше гроба. Общая длина сооружения 2,20, ширина в изголовье 0,75, в ногах — 0,55 м (рис. 5). Толщина плиты 0,14—0,15, стенок саркофага — от 0,08 до 0,11 м.

Останки князя Скопина-Шуйского были также завернуты в шелковое покрывало из камки, но перевязаны не тесьмой, а толстой веревкой. Череп его полностью разрушился, сохранилась только нижняя челюсть. Правая рука была согнута под острым углом так, что кисть находилась у правой ключицы. Левая рука располагалась на животе. Никаких вещей в погребении не было.

Отметим, что при раскопках в северо-западном углу дьяконника были обнаружены следы могильной ямы, в которой первоначально захоронили в 1605 г. царя Бориса Годунова.

В результате вскрытий средневековых захоронений в Архангельском соборе было выяснено, что все они совершены примерно по одной схеме. Саркофаги из белого камня помещены под полом, сверху их перекрывают кирпичные надгробные памятники. Белокаменные саркофаги изготовлены из монолита, так же как и крышки. Они отличаются большой простотой, покрывающие их плиты лишены каких-либо орнаментальных украшений и несут на себе только краткие эпитафии.

Во всех саркофагах отмечена такая деталь, как возвышение в изголовье — своего рода каменная подушка, послужившая, как считают специалисты, причиной быстрого разрушения почти всех черепов, в то время как остальные кости скелетов сохранились полностью. В одной из своих публикаций известный советский антрополог М. М. Герасимов подробно объясняет это явление: «Черепа разрушились, очевидно, от избытка влаги. В весеннее время вода скапливается в гробах, перекрывая все захоронение. В течение более сухого времени года эта вода, обогащенная растворившимися солями кальция, медленно испарялась. Черепа во всех захоронениях занимали самое высокое положение, вследствие этого при испарении влаги соли кальция концентрировались, а потом и кристаллизировались в костях черепа, механически разрывая структуру кости» [12, с. 139].

Такая особенность погребального ритуала, как каменные подушки, отмечена в захоронениях, выявленных во многих древнерусских городах. В качестве подушек, или подголовий, использовались плинфы, камни, куски известкового раствора и пр. Интересно, что валуны в изголовьях были отмечены в материалах самого раннего грунтового кладбища на территории Московского Кремля (в двух погребениях второй половины XII — начала XIII в.). Эта особенность обряда зафиксирована в одном из захоронений второй половины XIV в., обнаруженном в притворе церкви Спаса на Бору в Кремле, где в белокаменном саркофаге под голову погребенного были подложены два кирпича (?). Близки по назначению каменным подушкам специальные возвышения в изголовьях саркофагов, прослеженные в захоронениях XII—XIII вв. в Новгороде, Боголюбове, Суздале. Не останавливаясь на вопросе о назначении этих уступов или возвышений, подробно рассмотренном в публикации Н. А. Макарова [13], отметим их наличие в саркофагах некрополя Архангельского собора. Правда, в графических материалах вскрытий каменные подушки обозначены в захоронениях Ивана IV и царевича Ивана, но в публикациях антропологов отмечено их наличие и в двух других погребальных соору-

жениях. Они хорошо видны и на фотографиях. Однако в чертежах формы этих подголовий не показаны, нет их и на планах гробниц. Только в фотоматериалах отражено, например, углубление на внутренней стороне крышки саркофага царевича Ивана. К сожалению, этим не ограничивается список замечаний по выполненным в ходе исследований графическим материалам. Необходимо отметить, что найденные в церкви Спас на Бору саркофаги с выступающим оголовьем полукруглой формы представляют самый ранний тип белокаменного гроба, использовавшийся в некрополях средневековой Москвы. Впервые погребальные сооружения антропоидной формы найдены во Владимире и Суздале, где они датируются второй половиной XII в. Именно из этого региона они попадают в Москву, где становятся основными в усыпальницах правящего дома. Это хорошо прослеживается по материалам церкви Спаса на Бору (вторая половина XIV в.), некрополя великих княгинь и цариц в храме Вознесения (XV—XVII вв.) и по описанным выше захоронениям из Архангельского собора (конец XVI — начало XVII в.).

Интерес исследователей вызвало не совсем обычное положение согнутой к плечу правой руки Ивана IV [14, с. 185]. Почти аналогичная картина была зафиксирована в захоронении князя Скопина-Шуйского, что не позволяет уже объяснить это явление, например, случайным сползанием рук вправо [6, с. 295], тем более что в археологическом материале подобные факты отмечены неоднократно. Многочисленны случаи, когда одна, а иной раз и обе руки согнуты к плечам или подбородку, как, например, в грунтовом могильнике IX—X вв., найденном под фундаментом Десятинной церкви в Киеве. В двух случаях согнуты к подбородку обе руки, а в трех была согнута к плечу или подбородку только правая рука, а левая лежала на животе [15, с. 140, 142, 152, 154]. В некоторых курганных погребениях Московской обл. отмечены случаи, когда правая рука была согнута в локте кистью к подбородку, а левая — под прямым углом к плечу [16, с. 80—83]. Эти погребения датируются XI—XIII вв. Аналогичные случаи неканонического положения рук отмечены, например, в средневековых грунтовых некрополях Сербии XII—XIII вв. [17]. Такое положение рук можно было бы объяснить особенностями языческого погребального ритуала, однако и в городских христианских захоронениях эта деталь обряда фиксируется довольно часто. Так, в Борисоглебском соборе Новгорода было исследовано среди прочих погребение XII в. в гробу из каменных плит и дубовой, покрытой берестой колодой внутри. Правая рука костяка лежала кистью к подбородку, левая — на животе [18, с. 72]. Если и в этом захоронении можно отметить пережиточные черты, связывающие его с курганными (наличие колоды, обернутой берестой), то довольно трудно предположить отголоски каких-то языческих представлений при погребении лиц царской фамилии в конце XVI — начале XVII в. При вскрытии погребения первой жены царевича Ивана Евдокии Сабуровой (1620 г., Покровский монастырь г. Суздаля) также было отмечено, что лучевые кости образовывали единую линию с плечевыми, т. е. ее руки были полностью согнуты к плечам [19, с. 7]. Как видим, положение рук, зафиксированное при изучении захоронений Ивана IV и князя Скопина-Шуйского, встречается в археологическом материале довольно широко во времени и пространстве.

Эта особенность погребального обряда не отмечена в письменных материалах, указывающих только на крестообразное положение рук на груди. Последнее далеко не всегда подтверждается материалами вскрытий средневековых погребений. Не зафиксирована эта особенность и в изобразительных источниках. Например, в Лицевом летописном своде XVI в. целая серия миниатюр иллюстрирует обряд захоронения. Здесь также положение рук погребаемых разнообразно. Чаще всего руки сложены на животе (46 миниатюр), реже — скрещены на груди (12 миниатюр) или ниже пояса (6 миниатюр) и только дважды они показаны вытянутыми вдоль тела. Однако аналогии положению правой руки Ивана IV можно найти в позднем иконописном материале. В Архангельском музее изобразительных искусств хранятся иконы XVII—XVIII вв. с изображением

святого Прокопия Устьянского, лежащего в гробу. Его правая рука согнута в локте, пальцы возле подбородка, левая рука вытянута вдоль тела [20, с. 69, рис. 37]. Пока трудно объяснить, с чем был связан и насколько широко был распространен такой способ положения рук в средневековых захоронениях. Не исключена возможность, что это объясняется простым сползанием рук в результате разложения тела. Только дальнейшие исследования помогут дать ответ на вопрос, насколько необычно это явление, вызвавшее интерес ученых.

Вскрытие царских гробниц в Архангельском соборе дало дополнительный материал для изучения еще одной детали погребального обряда, отмеченной в некрополях на территории Москвы. В саркофагах Ивана IV, царевича Ивана и царя Федора находились ритуальные сосуды. Это уже не первая находка такого рода для московских кладбищ. Впервые ритуальные сосуды зафиксированы в двух уже упоминавшихся выше погребениях второй половины XIV в. из церкви Спаса на Бору. То были глиняные чашечки, покрытые поливой желтого и зеленого цвета. Подобный же сосуд обнаружили при вскрытии гробницы Дмитрия Донского в 1864 г. Несколько находок отмечено и в других некрополях на территории Кремля. Большая серия ритуальных сосудов найдена в захоронениях церкви Вознесения, служившей в XV—XVII вв. усыпальницей для великих княгинь и цариц.

В погребении царевича Ивана был обнаружен высокий кубок с крышкой, располагавшийся у правого плеча. Он сделан из бесцветного стекла, его высота с крышкой 30,8, диаметр тулова 7,5, подножки — 9 см. Тулово и крышка сосуда имеют рифленую поверхность. Ножка высотой 8 см сделана в форме балясины (рис. 6, *1*). Как показал анализ стекла [1], сосуд изготовлен в пражских мастерских и попал в Москву, видимо, с одним из посольств конца XVI в. Он является вариантом наиболее ранних для этого центра стеклоделия типов изделий [21, с. 46, рис. 6, тип Va]. Аналогии данной вещи есть среди муранских кубков XVI в. (Венеция). Это — сосуды в виде больших цилиндрических стаканов с крышками и на высоких ножках, называемые мощехранительницами или дарохранительницами [22, с. 83, 84, табл. 5].

В захоронении Ивана IV в изголовье стоял небольшой кубок синего прозрачного стекла с украшенной чешуйками нижней половиной тулова. Общая высота сосуда 13,5, тулова — 9 см. Диаметр горла составляет 8,5, тулова в нижней части — 4, подножки — 7,4 см. Сосуд расписан цветными эмалями и позолотой (рис. 6, *3*). Под венчиком проложена полоса мелких белых точек, ниже — широкая кайма позолоты. Тело кубка расписано эмалью красного, белого и желтого цветов. Роспись нанесена довольно небрежно или, скорее, неумело. Украшающие нижнюю половину тулова грани обведены кривыми полосками белой эмали, их выступающие части покрыты неровными пятнами желтой и красной эмали. Поле между позолотой и граненой частью тулова заполнено 10 гроздьями из трех ягод. Этот кубок также был изготовлен в пражских мастерских и является одним из вариантов самых ранних типов вырабатываемой на рубеже 70—80-х годов XVI в. в этом центре посуды [21, с. 46, рис. 6, тип 11д]. Именно этим объясняется столь небрежное исполнение росписи кубка. Уникальность найденного в захоронении Ивана IV изделия состоит в применении стекла редкого синего цвета, граненой техники украшения нижней части тулова и использовании позолоты в росписи.

Очень простой по форме сосуд находился в погребении царя Федора (лежал возле колена его левой ноги). Он имеет цилиндрическую форму и слегка сужается в средней части. Высота сосуда 9,5 см, диаметр горла 6,6, узкого места на тулове — 6, дна — 7,7 см. Стекло прозрачное, легкое, в нем много пузырьков воздуха. Дно сосуда вогнуто внутрь (рис. 6, *2*). Анализ состава стекла этого изделия также показал его западноевропейское происхождение.

---

[1] Глубоко признательна д-ру исторических наук Ю. Л. Щаповой за проведенные исследования.

Рис. 6. Сосуды из погребений царевича Ивана (*1*), царя Федора (*2*) и царя Ивана IV (*3*)

Наличие ритуальных сосудов можно было бы объяснить престижным характером захоронений великих князей, царей и членов их семьи. Но вещи аналогичного назначения встречены в рядовых и даже массовых погребениях. Коллекция сходных с кремлевскими поливных глиняных чашечек обнаружена, например, при исследовании кладбища церкви Жен Мироносиц в Зарядье [23, с. 138, 140—142, 147, 149], в нескольких погребениях XV—XVI вв. в Коломенском [24, с. 16]. Обычай этот тем более интересен, что он слабо прослеживается в период XIV—XVI вв. в некрополях других древнерусских городов. Даже захоронения членов царской фамилии в Суздальском Покровском монастыре не несут этой детали обряда.

Принято считать, что ритуальные сосуды использовались для елея, остатки которого после отпевания помещались в погребения. Это подтверждают, например, дошедшие до нас в рукописи XVI в. ответы митрополита Киприана игумену Афанасию (1390—1405 гг.). В них приводится подробное описание ритуала погребения священника, и в частности отмечается: «...и в гроб положив, таже вина мало с маслом древяным смесив, преливает священник крестообразно от головы первое, таже у ногу, потом же от десна, таже левую сторону; чашу же в ней масло с вином, повержет у ногу...» [25, стб. 245]. Таким образом, сосуды с остатками жидкости традиционно должны были находиться в ногах погребенных. Находки показывают, что это правило не соблюдалось, а сосуды располагались в самых разных частях саркофага. Нам известны находки глиняных горшков в погребениях начала XIII в. Юрьева монастыря в Новгороде [26, с. 207] и церкви Спаса на Ковалеве XIV в. [16, с. 24]. Несомненна их связь с тризной, так как во всех случаях в захоронении рядом с сосудом находились яичная скорлупа, рыбьи кости и чешуя. Широкое применение сосудов в ритуале погребения отмечается только в позднее время, в XVII—XIX вв.

Исследование четырех гробниц Архангельского собора Московского Кремля дало новые материалы для разработки слабо до сих пор изученного русского средневекового погребального обряда. На основе этих данных можно проследить определенные традиции как в использовании в Москве саркофагов, характерных для Владимиро-Суздальской земли, так

и в отдельных деталях, общих для многих погребальных комплексов центральной и северо-западной Руси. Белокаменные саркофаги с выступающим округлым оголовьем, впервые примененные в XII в. во Владимире и Суздале, были восприняты в Москве и долго оставались господствующими в некрополях княжеской и царской фамилии. Даже такая особенность в устройстве саркофагов, как высокое подголовье, столь характерная для ранних погребальных сооружений, сохраняется здесь до XVII в. Одна из интереснейших деталей — наличие ритуальных дорогостоящих сосудов в захоронениях Ивана IV и его сыновей. Эти находки свидетельствуют об устойчивой традиции использования ритуальных сосудов, прослеживаемой в Москве в погребальных комплексах XIV—XIX вв. В материалах других древнерусских городов данная деталь обряда захоронения столь четко не зафиксирована.

На основе материалов, полученных при изучении только четырех погребений Архангельского собора, трудно полностью восстановить все черты ритуала захоронения лиц, занимавших высшее положение в иерархии средневековой Руси. Развитие царского погребального обряда, его изменение с течением времени можно проследить лишь при широком исследовании всех захоронений уникального некрополя Архангельского собора Московского Кремля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедев А.* Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880.
2. *Петров Л. А., Гнедовский Б. В., Давид Л. А., Подьяпольский С. С., Маркелова В. Н., Шеляпина Н. С.* ЦНРМ. Отчет об археологических исследованиях в южном делении алтаря Архангельского собора и придела Иоанна Предтечи // Архив ГММК, № 130/323, 1963.
3. *Прозоровский В. И., Алисиевич В. И., Кантер Э. И., Рубцов А. П.* Исследование останков царя Ивана IV, его сыновей и князя Скопина-Шуйского // Судебно-медицинская экспертиза. 1969. Т. 12, № 1.
4. *Прозоровский В. И., Колосов В. И.* Некоторые данные исследования спектральным методом костной ткани царя Ивана IV, его сыновей и князя Скопина-Шуйского // Судебно-медицинская экспертиза. 1970. Т. 13, № 2.
5. *Векслер А. Г., Рабинович М. Г., Шеляпина Н. С.* М. М. Герасимов и история Москвы // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973.
6. *Кучкин В. А.* Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // СА. 1967. № 1.
7. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1885. Т. 10.
8. *Сизов Е. С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // МИ ГММК. 1976. Вып. II.
9. *Сизов Е. С.* Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // МИ ГММК. 1973. Вып. I.
10. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т. 11.
11. *Кошлякова Т. Н.* Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного // СА. 1976. № 2.
12. *Герасимов М. М.* Документальный портрет Ивана Грозного // КСИА. 1965. Вып. 100.
13. *Макаров Н. А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. 1981. № 2.
14. Архив ГММК. Ф. Оружейной палаты. 1966. Д. 9, прил. 2.
15. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
16. Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
17. *Marjanović-Vujović G.* Necropole medievale Vinča. Musee nationale de Belgrade. 1979.
18. *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. XI.
19. *Куглюковский П. И.* Отчет об археологических разведках, проведенных в г. Суздале в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-I, № 4899.
20. *Мильчик М. И., Ушаков Ю. С.* Деревянная архитектура русского севера. М., 1981.
21. *Hettes Karel.* Venetian trends in Bohemian glassmaking // J. Glass Studies. 1963. v. 5.
22. *Кубе А. Н.* Венецианское стекло. Пг.: Аквилон, 1923.
23. *Дубынин А. Ф.* Отчет о работе Московской археологической экспедиции за 1955 г. // Архив ИА АН СССР. Р-I, № 1110, т. I.
24. *Беляев Л. А.* Музей-усадьба Коломенское. Археологические исследования 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-I, № 7724.
25. РИБ. 1880. Т. 6.
26. *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. 1946. Т. VIII.

T. D. Panova

MEDIAEVAL BURIALS IN THE ARCHANGEL CHURCH IN THE MOSCOW KREMLIN

Summary

Between the 14th and 18th centuries the Archangel Church of the Moscow Kremlin served the burial place of the Grand and appanaged princes and tsars. In 1963 four burials – those of Ivan the Terrible, his sons Ivan and Fedor and Prince Mikhail Skopin-Shuisky – were opened. The burials were made according to a uniform scheme. The sarcophagi of white stone were found slightly lower the 16th-century floor level. There were brick tombstones above them, the faces of which hold carved slabs with memorial tablets. The monolythic sarcophagi were fixed with lids carrying carved epitaphs. Stone slabs in the sarcophagi served pillows for the buried. Ritual glass vessels of West European origin were found in the burials of Ivan the Terrible and his two sons. They contained what remained of the anointing oil used in the burial service. The detailed studied of the burials added new facts to the still inadequate knowledge of the Russian mediaeval burial rite.

Публикации

Л. В. ГРЕХОВА

КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ЕЛИСЕЕВИЧИ

За все годы раскопок, по архивным и литературным данным, в культурном слое стоянки Елисеевичи обнаружено 274 862 кремневых предмета. Коллекции хранятся в музеях Ленинграда, Минска, Москвы (табл. 1).

В монографии К. М. Поликарповича [1] имеются данные об общем количестве собранного кремня: в 1935 г.— 35 153 предмета, в 1936 г.— 10 912, в 1946 г.— 4590, в 1948 г.— около 50 000 предметов. Однако указанное в публикации количество кремня расходится с количеством предметов, зафиксированных в коллекционных описях музеев и описях, хранящихся в архивах. Неполнота архивных данных существенно осложняет работу. Из огромного количества кремневого материала стоянки Елисеевичи детально опубликована только коллекция 1936 г. Остальной материал остался неопубликованным.

Приступая к общей характеристике кремневого комплекса стоянки, мы встретим ряд трудностей: отсутствие полевых описей и самого материала 1946 г., резкое расхождение в количестве кремня по полевой и коллекционной описи раскопок 1948 г. (табл. 1). Базироваться только на музейных коллекциях (без архива) при анализе соотношений групп кремневой индустрии оказалось рискованно. Поэтому соотношение групп кремневой индустрии в общем комплексе рассматривается только по материалам Деснинской экспедиции ГИМ (табл. 1). Эти коллекции получены с обширной площади с четким культурным слоем и имеют полную документацию. Можно предполагать, что они достаточно объективно отражают соотношение классов кремневого комплекса всей стоянки, за исключением специализированных скоплений кремня. Что касается категорий и типов орудий Елисеевичей, то их характеристика дается на основе просмотренных коллекций со всей площади стоянки.

Кремень стоянки Елисеевичи всех лет раскопок отличается удивительной однородностью. Он происходит из одного местонахождения, расположенного вблизи стоянки. Сырье приносили на стоянку, и первичная обработка желваков происходила на самом поселении. Кремень меловой, желвачный с белой пачкающейся или серой плотной коркой, на тонких сколах черный, дымчато-прозрачный, коричневатый. По цвету кремень стоянки Елисеевичи делится на две группы: голубовато-серый патинированный и черный, дымчато-прозрачный без патины. Наблюдения в поле позволили сделать вывод, что эти различия цвета связаны с условиями залегания материала.

Кремень с патиной происходит из культурного слоя со всей площади стоянки. Из очажной массы или близко от очага кремень имеет слабую патину или почти ее не имеет, и, наконец, кремень, попавший в мерзлотную деформацию на большую глубину, совсем лишен патины [1]. Таким образом, различный по цвету и степени патинизации кремень стоянки Елисеевичи принадлежит одному комплексу, происходит из одного слоя, захоронен одновременно, но сохранялся в различных структурах грунта, которые по-разному влияли на изменение кристаллической решетки крем-

[1] Аналогичные наблюдения были сделаны автором при раскопках стоянок Тимоновки II и Елисеевичи II.

Таблица 1

Состояние документации на коллекцию кремня стоянки Елисеевичи

№ п. п.	Годы	Площадь, м²	Кол-во кремня		Место хранения	Примечания
			описи полевые	описи коллекционные		
1	1935	20		14 397	Ленинград, МАЭ, № 5298	
2	1936	61		11 763	Ленинград, МАЭ, № 5687	
3	1946	35				Документов и коллекции нет
4	1948	85	211 807	1879	Минск, музей, № 11603	Полевая опись № 394, в секторе археологии Ин-та истории АН БССР
5	1963	60		638	Минск, сектор	Полевой описи нет
6	1965	66	869	455	» »	Полевая опись № 337, в секторе археологии Ин-та истории АН БССР
7	1970	110	1577	1577	Москва, ГИМ, № 101959	Полевая опись, в отделе археологических памятников ГИМ
8	1972	98	2632	2632	Москва, ГИМ, № 102599	Там же
9	1974	85	2214	2214	Москва, ГИМ, № 103381	»
10	1976	22	3610	3610	Москва, ГИМ, № 104102	»
11	1978	48	870	870	Москва, ГИМ, № 104443	»

ня на его поверхности. Возможные местонахождения кремня, использованного населением стоянки, подробно рассмотрены уже К. М. Поликарповичем. Он указал на наиболее близкие выходы кремня в обнажениях у с. Хотылево, в 40 км к северу от Елисеевичей, и у с. Выгоничи. Но К. М. Поликарпович не исключал использование и более близкого к стоянке источника сырья. В настоящее время нами обнаружены небольшие желваки кремня с характерной серой и белой пачкающейся коркой непосредственно в Елисеевичах, в обнажении правого берега Судости. Такого же типа кремневые желваки были найдены нами в обнажениях левого берега Судости, у устья ручья Крупец, напротив д. Елисеевичи. Можно предположить, что эти близкие местонахождения кремня были известны и использовались древним населением. Они давали сырье худшего качества, но в большем количестве, а техника обработки кремня была развита настолько, что позволяла получать необходимые орудия из любого сырья.

По материалам ГИМ (10 630 предметов), основную массу расщепленного кремня составляют отщепы, осколки — 7798 экз. (73,36%). Желваки составляют 209 экз. (1,97%), собственно нуклеусы и их обломки — 200 экз. (1,87%). Вся группа грубо расщепленного кремня (желваки, нуклеусы, осколы площадок нуклеусов, краевые осколы) составляют 595 экз. (5,5%). Орудий и предметов с вторичной обработкой — 3,88% (табл. 2).

Подготовленный желвак без следов дальнейшего использования имеет форму полуцилиндра, так как он расколот поперек и вдоль оси. В центре желвака имеется полость или остатки ветвистой известковой конкреции. Использование такого желвака представляет определенные трудности и предполагает высокую технику обработки сырья, потому что толщина стенок цилиндра (полезное сырье) очень небольшая — 20—35 мм. Вероятно, характером желвака следует объяснить широкое использование для изготовления орудий первичных отщепов и пластин с желвачной коркой на одной из граней. Для скалывания пластин использовались внешняя

Таблица 2

Кремневая индустрия стоянки (по раскопкам ГИМ)

№ п. п.	Название	1970 г.		1972 г.		1974 г.		1976 г.		1978 г.		Всего	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1	Желваки	26	2,72	32	1,21	108	4,06	39	1,15	4	0,39	209	1,97
2	Нуклеусы и обломки	35	3,67	26	0,99	46	1,73	59	1,75	34	3,40	200	1,87
3	Краевые сколы нуклеусов	15	1,57	27	1,03	44	1,65	31	0,91	11	1,10	120	1,20
4	Сколы площадок	9	0,94	7	0,27	–	–	36	1,06	6	0,59	58	0,55
5	Отщепы, чешуйки	620	64,92	2175	82,60	1890	70,97	2371	70,18	742	74,13	7798	73,36
6	Пластины и обломки	215	22,51	287	10,90	389	14,61	623	18,47	88	8,79	1602	15,07
7	Микропластины	–	–	25	0,95	126	4,73	49	1,45	23	2,30	223	2,10
8	Орудия и вторично обработанные предметы	35	3,67	54	2,05	60	2,25	170	5,03	93	9,29	412	3,88
	Всего	955	100,00	2633	100,00	2663	100,00	3378	100,00	1001	99,99	10 630	100,00

Таблица 3

Кремневые орудия стоянки Елисеевичи I

№ п. п.	Название	Годы раскопок										Всего	
		1935	1936	1948	1963	1965	1970	1972	1974	1976	1978	кол-во	%
1	Резцы (обломки) *	585	377	741	13	26	9	14	18	53	35	1871	71,71
2	Пластины с притупленным краем	78	67	133	1	3	–	1	5	7	5	300	11,50
3	Скребки	18	38	20	1	2	3	4	1	1	1	89	3,41
4	Скребловидные формы	3	6	–	1	1	–	–	–	–	–	11	0,42
5	Косые острия	15	45	75	1	3	–	2	5	–	1	147	5,64
6	Предметы с резцовым сколом	–	–	71	4	1	4	2	5	22	4	113	4,34
7	Индивидуальные формы	2	5	22	3	–	1	3	5	2	3	46	1,77
8	Обломки орудий (ближе неопределимы)	3	15	1	–	–	–	–	2	7	4	32	1,21
	Всего	704	553	1063	24	36	17	26	41	92	53	2609	100,00

* Типологически определимые обломки резцов включены в категорию.

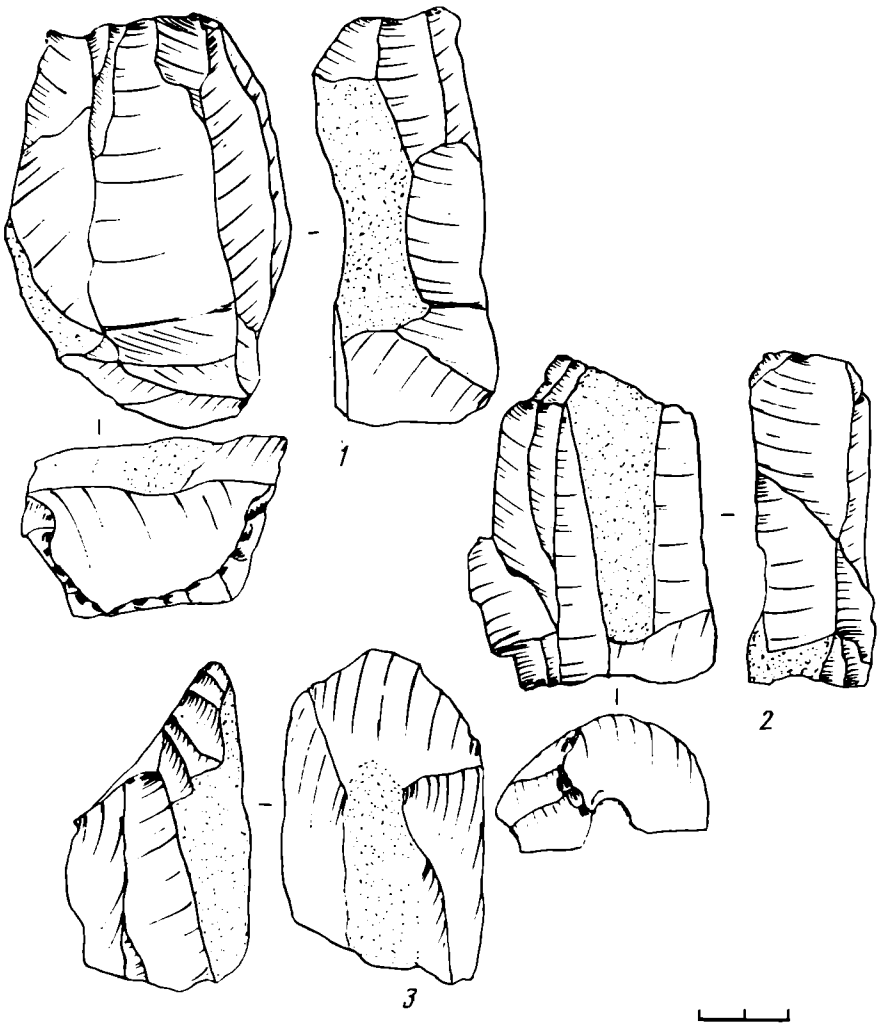


Рис. 1. Нуклеусы из коллекции Исторического музея

и внутренняя стороны полуцилиндра. Нуклеусы призматического типа скалывания — двуплощадочные, одноплощадочные, многоплощадочные (рис. 1). Преобладают площадки, скошенные по отношению к оси желвака, сформированные одним сколом. Прямых площадок меньше. Есть экземпляры, у которых площадки формировались несколькими сколами. Фронт скалывания пластин плоский или немного выпуклый, в единичных экземплярах отмечено максимальное использование желвака — полуконцентрическая плоскость скалывания и, как результат, плоский нуклеус. Как правило, желвак используется не полностью, у большинства нуклеусов сохраняются участки желвачной корки или на контрфронте, или на боковых плоскостях. Отмечаются также остатки корки и на фронтальной плоскости. В коллекции ГИМ количество одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов почти одинаково. Преобладают нуклеусы с одним фронтом скалывания.

Размеры нуклеусов от 32 до 66—75 мм, но имеются пластины и орудия на пластинах длиной 80—105 мм при ширине 20—30 мм. Это дает основания предполагать более крупные размеры нуклеусов. Один такой крупный нуклеус находится в коллекции 1936 г. Нуклеус двуплощадочный, высотой 195 мм, сохраняет значительные участки желвачной корки.

Средние размеры пластин 35—55 мм длины при ширине 8—12 мм. Крупные пластины, как уже говорилось, имеют размеры от 80 до 105 мм. Размеры микропластин от 16 до 35 мм длины при ширине 4—7 мм. Они правильной формы, с параллельными краями, без следов желвачной корки. Предметов с вторичной обработкой, включая орудия и их обломки,— 412 экз. (3,88%), собственно орудий — 229 экз. (2,15%).

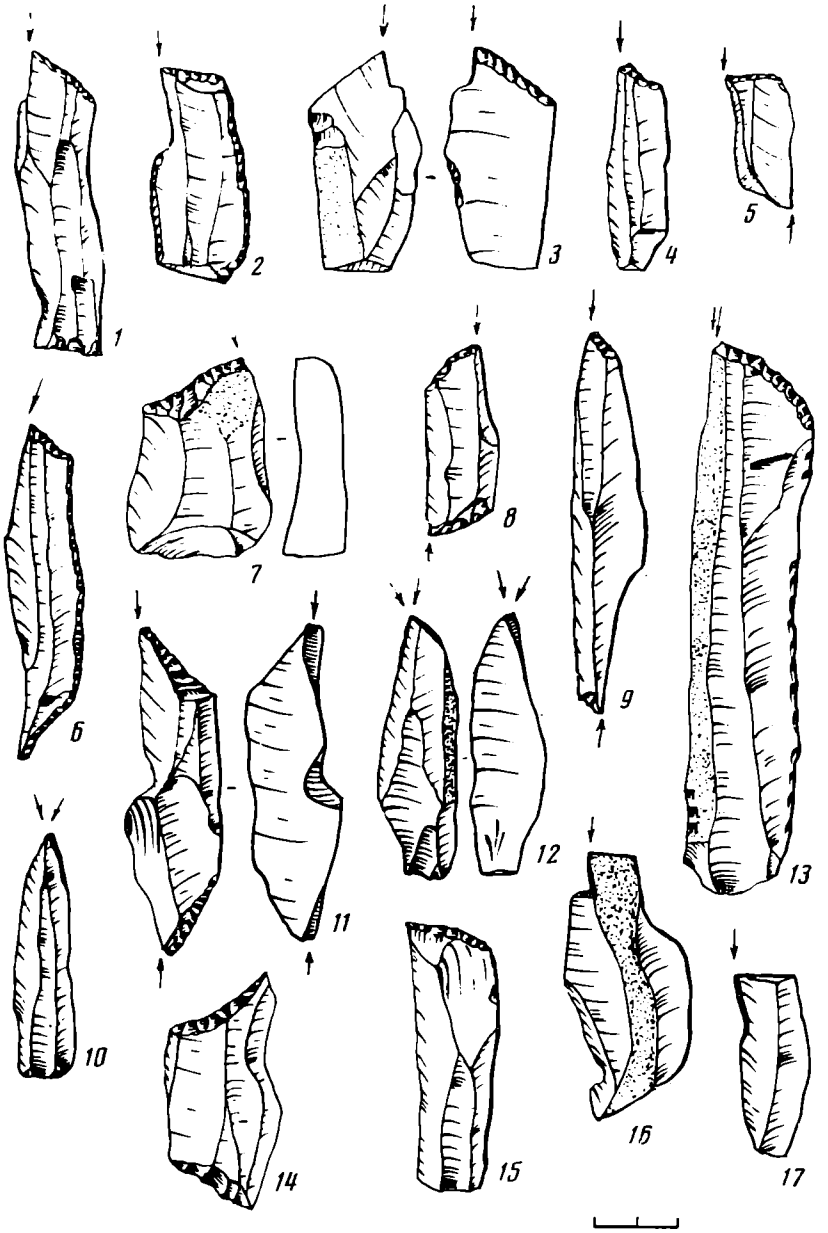


Рис. 2. Резцы и косые острия из раскопок разных лет. *1—3,11*— 1978 г.; *4, 5, 7, 8*—1972 г.; *6, 16, 17*—1974 г.; *9,15*—1948 г.; *10*— 1963 г.; *12, 13*—1970 г.; *14*—1965 г.

Общий процент предметов с вторичной обработкой и орудий для материалов всей стоянки вычислить невозможно из-за неполных архивных данных. Примером тому может явиться материал раскопок 1948 г. По коллекционной описи зафиксировано 1189 предметов, из них орудий и их обломков — 1063; по полевой описи — 211 807 предметов. В соответствии с этими цифрами общего количества кремня процент орудий и их обломков будет очень отличаться в первом и во втором случае. Учитывая возможность такой ошибки при использовании неполных данных (см. табл. 1), мы не дали общий процент орудий и обломков их для всей коллекции кремня. Однако средний процент орудий, по неполным данным, составляет 3,59%. Этот процент близок тому, что получен по материалам Деснинской экспедиции,— 3,88%. На этом основании можно считать, что 3,88% орудий отражает близкое к реальности соотношение групп кремневой индустрии стоянки Елисеевичи.

В просмотренной коллекции кремня стоянки Елисеевичи нами выделено 2609 орудий и их обломков (табл. 3). Резцы и их обломки

(1871 экз.— 71,71%) представляют основную ведущую группу орудий в кремневом комплексе (рис. 2). В большинстве экземпляров они сделаны на правильных ножевидных пластинах 50—65 мм длиной, 13—17 мм шириной. Есть более крупные и более мелкие размеры заготовок. Иногда использовалась укороченная пластина, реже массивный отщеп. При описании резцов мы следуем классификации, предложенной М. В. Воеводским для этой категории орудий [2]. Вслед за М. В. Воеводским мы выделяем четыре типа резцов: боковые (ретушные), угловые, на углу сломанной пластины, супоневского типа. Выделение типа основано на технике оформления конца пластины-плоскости, с которой делается резцовый скол, так как техника резцового скола у всех типов будет одинакова — скол под углом к плоскости удара. Этот угол варьирует от 90 до 30°. По технике оформления верхнего конца пластины выделяются боковые (ретушные), угловые и на углу сломанной пластины резца. У боковых резцов (прямо- или косоретушных) плоскость, с которой делается резцовый скол (конец пластины), оформлена ретушью, у угловых — сколом под углом к оси пластины и у резцов на углу сломанной пластины — сломом пластины, перпендикулярно оси пластины. Для памятников Деснинского бассейна, где преобладающим орудием являются резцы, эта классификация представляется наиболее удобной как при описании индустрии отдельной стоянки, так и при сопоставлении ее с другими памятниками. Все варианты выделенных типов характеризуют в основном специфические черты кремневого инвентаря каждого памятника, но не меняют сути технологии изготовления этого орудия. Мы целиком присоединяемся к мнению М. В. Воеводского о нецелесообразности выделения срединного типа резцов. Во-первых, как указывал М. В. Воеводский, четко срединных резцов, у которых режущая кромка расположена точно на оси пластины, в коллекциях очень мало, а во-вторых, нарушается сам принцип выделения типа. В трех типах в основу выделения положена техника оформления площадки резцового скола, а срединные резцы выделяются на основе положения режущей кромки. Срединные резцы могут быть и ретушными, если в результате многократных поправок режущей кромки она оказалась на продольной оси пластин. При описании резцов стоянки Елисеевичи К. М. Поликарпович четко выделил тип бокового ретушного резца. Что касается других типов, то он не делает точного их разграничения [1, с. 71—87]. В кремневой индустрии Елисеевичей преобладающим орудием являются резцы. Среди резцов этого комплекса нет форм с малым углом заострения (до 40°), небольшой процент составляют резцы с углом заострения от 40 до 50° и основную массу орудий представляют резцы, угол заострения которых от 60 до 80°. От угла заострения этого орудия как инструмента для работы по твердому материалу зависит прочность режущей кромки. Для кремневых резцов угол около 90° наиболее четко выражен в типе резца на углу сломанной пластины. Такой же угол мог быть достигнут усечением конца пластины ретушью — тип пряморетушного резца. По возможности использования оба типа резцов одинаковы, однако отражают различные технические традиции.

При работе резцов устанавливается определенное соотношение между инструментом и обрабатываемой поверхностью, которое выражено в определенной системе углов наклона резца к обрабатываемой плоскости [3]. При простейшем способе крепления орудия в рукоятке или его использования без рукоятки угол наклона мог регулироваться только изменением угла заострения самого орудия. Все способы обработки конца пластины ретушью или сколом при получении позднепалеолитического резца — это прежде всего поиски оптимального варианта формы угла заострения для орудия в разных производственных ситуациях и, как вторичное, техническая традиция, закрепленная общественной практикой.

В категории резцов стоянки Елисеевичи ведущим типом является боковой ретушный резец — 1177 экз. (62,82%). У резцов этого типа ретушь снимает конец пластины под углом 60—80° (рис. 2, *1—4*, *6*, *7*, *10*). Особенностью этого типа резца является то, что форма конца пластины и техника ретуши очень разнообразны. Большинство резцов сделано на

не ретушированных по краям пластинах. Ретушированные по краю пластины в качестве заготовок резцов единичны. Резцовый скол у орудий различной длины идет параллельно оси пластины, у большинства экземпляров — точно по краю, редко заходит на нижнюю поверхность. Правильному сколу могла бы способствовать притупляющая ретушь по краю, предназначенному для скола, но она очень редко отмечена на самих орудиях (40 экз.), а резцовые отщепки с ретушью представлены небольшим количеством (140 экз.). Размеры режущей кромки (от 1 до 5 мм) зависели, очевидно, от назначения орудия. У боковых ретушных резцов форма конца заготовки — скошенная, прямая, вогнутая — определяет необходимый размер угла заострения. В коллекции боковых ретушных резцов стоянки Елисеевичи нет экземпляров на пластинах, конец которых мог быть определен как аркообразный. Характер ретуши, формирующей конец пластины, изменчив: очень крутая, высокая, с крупными фасетками, с фасетками средней величины и очень мелкая с низкими фасетками. Интересной технической особенностью является расположение этой ретуши у некоторых экземпляров на нижней поверхности заготовки (рис. 2, *3*). Среди двойных резцов (100 экз.) также преобладает тип бокового ретушного резца (рис. 2, *8—10*), но есть комбинированные формы ретушного и углового резца (41 экз.). Угловые резцы (479 экз.— 25,60%) сделаны на заготовках различного размера и формы, но четко выделяется серия орудий на правильных ножевидных пластинах. Среди угловых резцов 11 экз. резцов срединных с углом заострения около 50°.

Резцы на углу сломанной пластины самого простого типа делались на пластинах, пластинчатых отщепах (174 экз.— 9,40%). В большинстве экземпляров резцы на углу сломанной пластины, так же как и угловые резцы, сделаны на заготовках без дополнительной подработки краев (рис. 2, *16*, *17*).

К категории резцов непосредственно нужно отнести предметы с резцовым сколом, некоторые из них могли являться бракованными резцами. Эта довольно большая серия состоит из 113 экз. (4,34%).

Косые острия в коллекции представлены 147 экз. (5,64%). Типы их разнообразны по форме усечения конца пластины (рис. 2, *14*, *15*). Если их рассматривать как самостоятельный тип орудий, то определенных серий они не образуют, имеют незначительный удельный вес в коллекции и нечеткую морфологическую форму. Если эти предметы считать заготовками боковых ретушных резцов, то их незначительное количество может показаться неправомерным в комплексе, где преобладающей формой орудия являются резцы.

Было проведено сравнение с коллекцией Тимоновки I, где количество орудий в 2,5 раза превышает количество орудий в Елисеевичах, но резцы являются также господствующей формой в кремневой индустрии. Оказалось, что и в комплексе Тимоновки I косые острия составляют только 4,73%. Возможно, в материалах стоянок, где проходил полный цикл обработки кремня и где преобладают резцы, такое соотношение косых острий и резцов не случайно: заготовки использовались сразу, не скапливались.

Второй по количеству группой орудий являются пластины с притупленным краем и их обломки — 300 экз. (11,50%). Пластины с притупленным краем в рассматриваемой коллекции — это определенная, морфологически выраженная категория, представляющая собой узкую, правильную, с параллельными краями пластину размером от 40 до 65 мм длины и 7—10 мм ширины (рис. 3, *1—12*, *20*). У некоторых одна грань спинки сохраняет желвачную корку (рис. 3, *6*, *7*, *20*). Пластина притуплена по одному краю; противоположный, как правило, без обработки, но со следами использования. Ретушь оформляет или весь край, или часть его. В целых формах концы пластин не обработаны. Среди этой категории орудий есть шесть обломков с противолежащей ретушью (рис. 3, *13*) и ретушью по двум краям (рис. 3, *12*). Почти у половины пластин с притупленным краем (110 экз.) ретушь расположена на нижней поверхности (рис. 3, *9—11*). Однако характер ретуши и ее угол не меняется, где бы

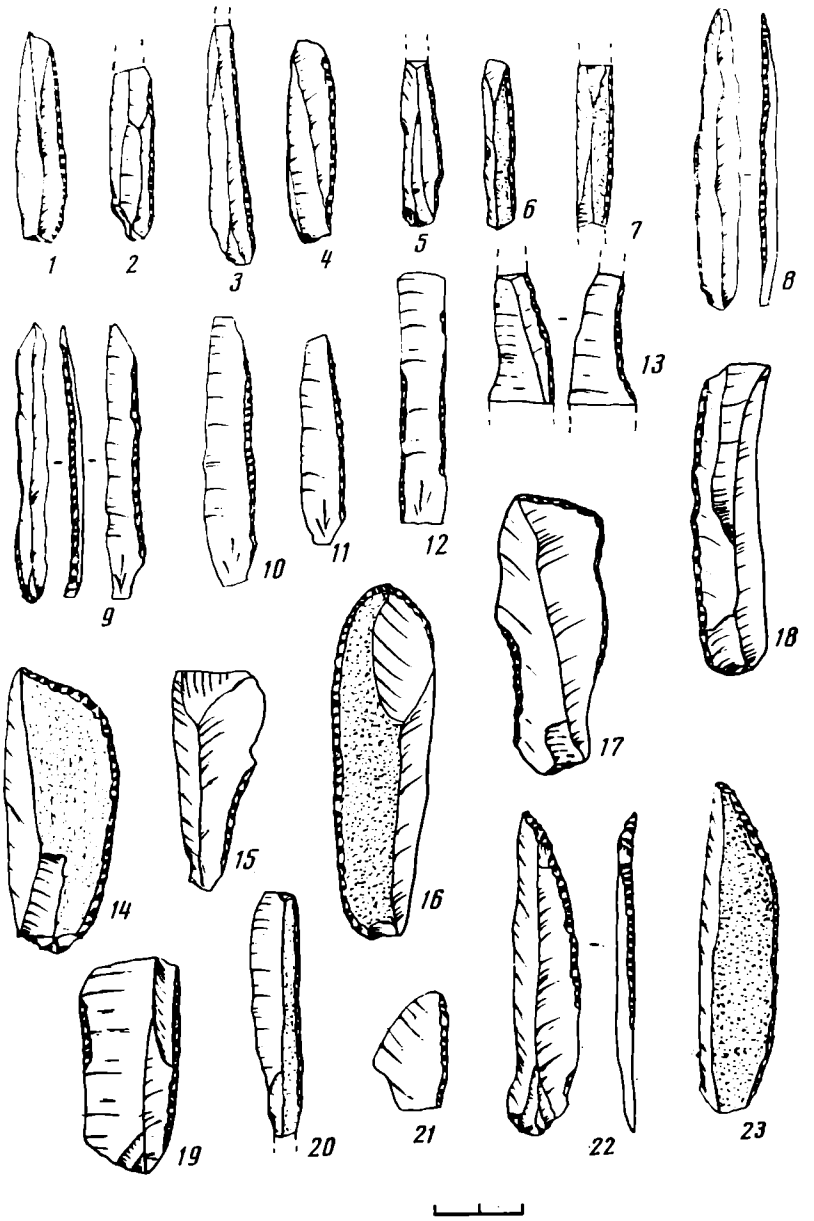


Рис. 3. Предметы с притупленным краем из раскопок разных лет.
1—3, 8, 9—11, 16—18, 23—1948 г.; *4—6, 12—15, 19*—1935 г.; *7*—1976 г.; *20* — 1972 г.; *21* — 1936 г.; *22* — 1974 г.

она ни располагалась: на верхней или нижней поверхности. Ретушь остается притупляющей с углом наклона около 90°, фасетки мелкие, снимают только кромку пластины.

Скребки в кремневой индустрии Елисеевичей представлены единицами — 89 экз. (3,41%). Они сделаны на пластинах, пластинчатых отщепах, обломках нуклеусов. Формы их индивидуальны, устойчивых серий не образуют и представлены очень различными типами как по форме рабочего края, так и по характеру ретуши (рис. 4). Большинство скребков сделано на неретушированных пластинах. Для оформления рабочего лезвия используется ретушь с широкими, крупными и мелкими фасетками. Угол наклона ретуши к нижней поверхности заготовки колеблется от 45 до 90°. Форма рабочей дуги скребков различна: широкая, узкая, сильно- или слабовыпуклая. На заготовках многих экземпляров сохраняются участки желвачной корки. Несмотря на большое разнообразие типов и размеров скребков, среди них нет двойных, а также округлых форм или орудий, приближающихся к округлым формам.

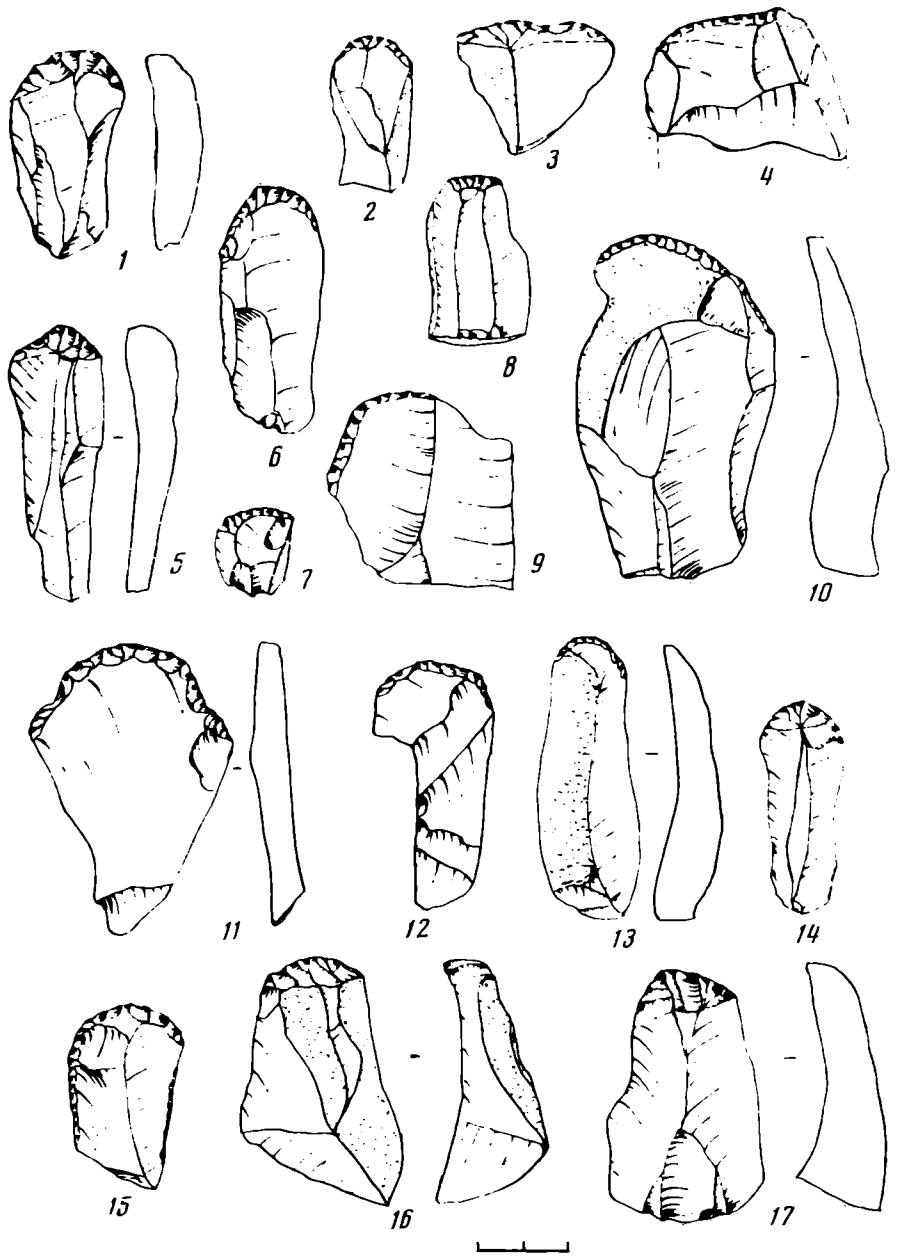


Рис. 4. Скребки из раскопок разных лет *1—3, 5*—1948 г.; *4, 10, 16*—1970 г.; *6—9*—1972 г.; *14, 15, 17*—1936 г.

В распределении трех основных категорий орудий по площади стоянки наблюдается определенная закономерность. Если резцы рассеяны по всей площади, то пластины с притупленным краем и скребки имеют определенные участки концентрации. Концентрация пластин с притупленным краем связана в основном с площадью крупного хозяйственно-производственного комплекса: на центральных участках его — 133 экз., в северо-восточной части — 50 экз., к северо-западу от центра комплекса — 67 экз. На остальной площади стоянки — пластины с притупленным краем единичны.

Скребки концентрируются в основном в южной части раскопа 1936 г., где на площади 12 м² найдено 38 экз. На площади хозяйственно-производственного комплекса (33 м²) их столько же: в центральной части (7 м²) — 20 экз., в восточной — 18 экз. На всей остальной площади поселения обнаружено всего 13 скребков.

Скребловидные формы, которых немного (11 экз.— 0,42%), так же индивидуальны (рис. 5, *4—9*). Имеется несколько экземпляров этого типа орудий на массивных первичных сколах. К скребловидным формам нуж-

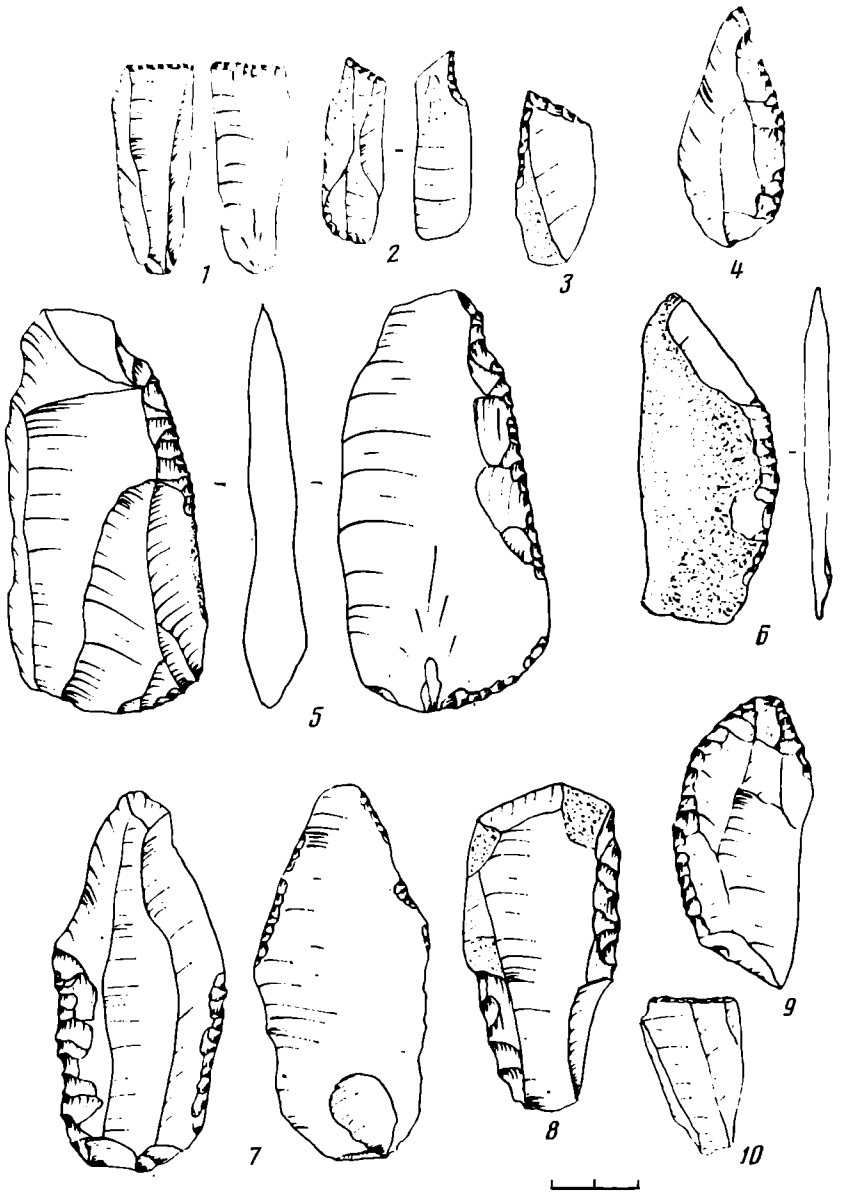


Рис. 5. Индивидуальные формы кремневых предметов из раскопок разных лет. *1—3, 10*—1963 г.; *4, 6, 7*—1972 г.; *5, 11*—1936 г.; *8,9*—1978 г.

но отнести орудие на массивном сколе (рис. 5, *5*). Верхняя поверхность патинирована сильно, имеет негативы крупных сколов. По правому краю со стороны спинки имеется значительный участок крупной регулярной ретуши. С нижней поверхности ретушью обработан противолежащий край. Ретушь приостряющая, крупные фасетки сочетаются с мелкой подправкой. Край неровный, имеет выщербины утилизации. Ударный бугорок выражен хорошо. Конец заготовки, около ударного бугорка, подработан мелкой притупляющей ретушью, которая расположена на нижней поверхности. Это орудие было найдено в 1976 г. в мешаной земле из раскопа 1936 г. Близкое по типу орудие имеется и в коллекции 1936 г. Необходимо отметить, что из 11 скребловидных форм 5 обнаружено в раскопе 1936 г., в его южной части.

Категория индивидуальных форм составляет только 46 предметов (1,77%), но очень разнообразна. Трудно выделить 3—5 близких по морфологии предметов, как правило, это 1—2 экз. (рис. 3, *14*, *16*, *23*; рис. 5, *1*, *3*, *10*; 6). К категории индивидуальных форм отнесены пластины с концевой ретушью и выемкой на конце; крупные, ретушированные по краям пластины, пластины крупные, с мелкой притупляющей ретушью

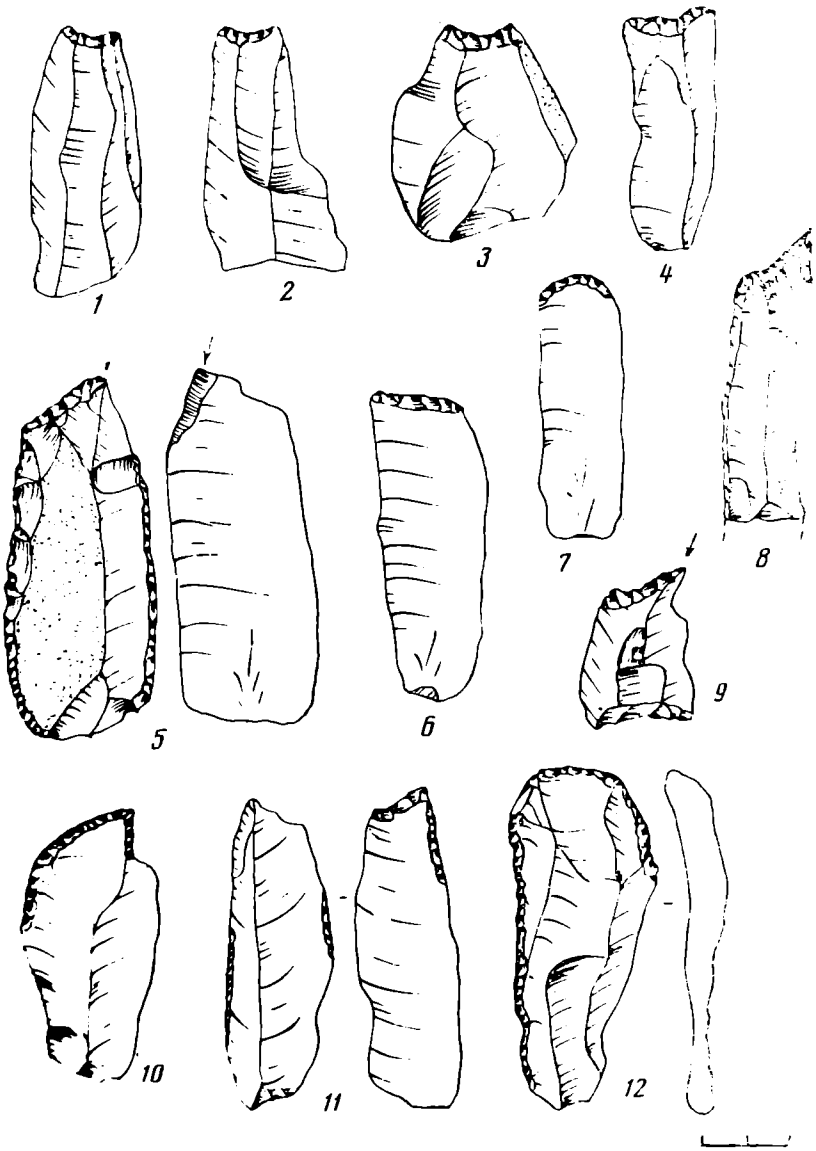


Рис. 6. Индивидуальные формы кремневых предметов из раскопок разных лет. *1, 3, 4, 6, 7*—1936 г.; *5*—1976 г.; *9,12*—1963 г.; *2, 8, 10*—1948 г.

по краю, экземпляры резцов на индивидуальных, нестандартных заготовках, клиновидные орудия, которые сделаны на сработанных нуклеусах или осколках нуклеусов. На рисунках изображены наиболее четкие морфологически формы этой категории.

Предметы с концевой ретушью составляют разнообразную группу. Это пластины и пластинчатые отщепы длиной 50—65 мм при ширине 20—25 мм, концы которых имеют различную форму и характер обработки. По форме концы могут иметь выемку, быть почти прямыми или слегка выпуклыми (рис. 6, *1—4*, *6*, *7*). Ретушь высокая, с крупными фасетками, расположена или на верхней, или на нижней поверхности заготовки.

Небольшое количество крупных пластин или крупных обломков пластин имеет обработку края крутой, но очень мелкой притупляющей ретушью (рис. 3, *14*, *16*, *18*; рис. 6, *12*). Размеры таких пластин 60—70 мм длины и 20—25 мм ширины. Некоторые экземпляры сохраняют участки желвачной корки. Единицами представлены крупные пластины и их обломки с мелкой притупляющей ретушью по краю. Как правило, подобные крупные пластины с мелкой притупляющей ретушью находились на площади хозяйственно-производственного комплекса там же, где и основная масса пластин с притупленным краем. Можно предположить, что эти

пластины использовались для обработки трубчатых костей в качестве пилок, тем более что на площади этого комплекса обнаружено большое количество костей песца с нарезками, сделанными не резцом. В единственном числе представлен боковой ретушный резец на пластинчатом отщепе темного кремня, размер заготовки 40×27 мм. Один конец заготовки обработан крутой ретушью с крупными фасетками, которая формирует выемку. С этой плоскости с правой стороны сделан широкий короткий резцовый скол. Противоположный конец заготовки обработан также крутой ретушью, которая образует выемку в центре (рис. 6, *9*). К единичным формам следует отнести орудие (вероятно, проколка) на массивной двугранной пластине дымчато-серого кремня. Одна грань имеет остатки желвачной корки. Размер заготовки 65×18×11 мм. Один конец пластины обломан. Другой скошен высокой крутой ретушью, которая формирует небольшую выемку и вытянутое жальце. По правому краю жальце оформлено притупляющей, но невысокой ретушью.

Еще К. М. Поликарпович отмечал отсутствие в коллекции 1936 г. четко выраженных проколок, проверток [1]. Просмотр всей коллекции подтвердил это мнение. В кремневом комплексе Елисеевичей нет выраженных серий этого типа орудий. Исключение — единичные экземпляры. Очевидно, этот тип кремневого орудия успешно заменялся костяными проколками, шильями, иглами.

К индивидуальным формам следует отнести острие на правильной патинированной пластине размером 70×15 мм (рис. 3, *22*). Мелкая притупляющая ретушь формирует скошенный конец пластины, плавно спускается по правому краю и захватывает $^2/_3$ заготовки. Характер фасеток ретуши меняется: скошенный конец пластины оформлен крутой ретушью с более крупными фасетками, край — мелкой крутой ретушью. У острия имеется крупная фасетка скола, более поздняя, но уже покрытая патиной. Острие единично, найдено среди скопления костей в круглой яме. Подобного типа орудие найдено в зольнике в 1948 г. (рис. 3, *23*). Но у этого острия одна грань сохраняет желвачную корку. Характер ретуши на конце и по краю — аналогичный описанному выше.

В коллекции имеется несколько (5 экз.) крупных отщепов и сработанных нуклеусов с вторичной подработкой одного конца, которые могут быть определены как долбящие, долотовидные формы: подработка ретушью образует массивный, но приостренный рабочий конец.

При ограниченности категорий и кажущемся однообразии форм кремневый комплекс Елисеевичей обладает определенным своеобразием. Характерной чертой этого комплекса является прежде всего сырье — желвак — полуцилиндр с очень ограниченной массой полезного сырья. Возможно, этим объясняется широкое использование первичных сколов с остатками желвачной корки для изготовления орудий даже таких, как пластины с притупленным краем.

Второй особенностью является сочетание категорий орудий в комплексе кремневой индустрии. Больше половины орудий составляют резцы (71,17%), на втором месте находятся пластины с притупленным краем (11,50%), скребки в незначительном количестве (3,41%), косые острия — заготовки резцов составляют значительную группу (5,64%) и выразительную группу представляют индивидуальные формы (1,77%).

Третьей особенностью является сочетание типов внутри категории. В категории резцов преобладают, но ненамного, боковые ретушные резцы, но и остальные типы представлены значительным количеством. Сам тип бокового ретушного резца неустойчив и может быть подразделен на очень большое количество подтипов. В категории пластин с притупленным краем почти у половины предметов притупляющая ретушь на нижней поверхности. Категория скребков представлена индивидуальными типами, не образующими серий. Особенно сложной является группа единичных форм. Это буквально индивидуальные формы, представленные в количестве двух, максимум трех близких по морфологии предметов.

Четвертой особенностью кремневого комплекса является характер вторичной обработки, характер ретуши. Здесь очень широко использует-

ся мелкая крутая ретушь как для получения пластин с притупленным краем, так и для усечения конца пластины в заготовках боковых ретушных резцов. Подобная невысокая крутая ретушь используется для получения рабочего лезвия скребка. Мелкая притупляющая ретушь наносится на края и довольно крупных по размеру пластин. Преимущественно она располагается на верхней поверхности пластины, но не редки экземпляры с притупляющей ретушью с нижней поверхности, при этом характер ретуши и высота фасеток не меняются.

Несмотря на применение техники дополнительной подработки нижней поверхности (особенно в группе индивидуальных форм), в кремневом комплексе Елисеевичей нет долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской концов. Среди пластин есть некоторое количество экземпляров, у которых на нижней поверхности прослеживается один негатив скола, снимающий ударный бугорок или часть его, при этом площадка скола в большинстве случаев сохраняется.

В целом своеобразие кремневого комплекса Елисеевичей заключается в том, что при высокой технике раскалывания кремня и изготовления орудий на первичных сколах в этом комплексе не прослеживается стандартизация заготовок, форм и типов орудий, слабо прослеживаются серии. Это разнообразие отделяет Елисеевичи от группы памятников тимоновско-юдиновского типа — Межирич, Добраничевки.

Памятник не имеет определенно выраженного типа орудий, характерного для него или для группы памятников, что дало бы основание определить его культурную принадлежность. Отдельно взятые типы, особенно резцов, или индивидуальные формы могут найти себе аналогии в большинстве стоянок позднего палеолита Русской равнины.

При определении по кремневому комплексу места стоянки Елисеевичи среди позднепалеолитических памятников прежде всего необходимо четко представить временные и территориальные границы, в пределах которых следует привлекать сравнительный материал.

Территориально стоянка Елисеевичи расположена в бассейне Десны и входит в систему Среднеднепровского бассейна. Естественно, определяя культурную принадлежность стоянки по кремневому комплексу, прежде всего следует сравнивать его с кремневым инвентарем памятников Десны.

Хронологические рамки также достаточно четкие. По геолого-геоморфологическим данным, стоянка относится к позднему этапу второй половины валдайской эпохи. Имеются абсолютные даты, полученные по зубу мамонта из культурного слоя: 17 340±170 (ЛУ-360) [4], 14 470±100 (ЛУ-128) [5]. К этому времени относится большая группа памятников Деснинского и Среднеднепровского бассейнов. Хронологически, как более ранняя, в эту группу не входит стоянка Хотылево II, имеющая абсолютную дату 24 960±400 (ИГАН-73) [4], и, по геологическим и археологическим данным, Пушкари I.

Сопоставление кремневого комплекса Елисеевичей проводится по основным признакам, определяющим производство и отражающим производственные традиции: 1) техника раскалывания, 2) техника вторичной обработки, 3) форма орудий, 4) структура кремневого инвентаря.

Надо сразу сказать, что кремневый комплекс Елисеевичей не имеет общих черт с кругом памятников костенковско-авдеевского типа, два из которых, Бердыж и Авдеево, расположены в Среднеднепровском бассейне [6, 7]. Во-первых, эти стоянки относятся к другой, более ранней хронологической группе, а во-вторых, в кремневом инвентаре Елисеевичей не обнаружено тех технических приемов обработки, при помощи которых создавались специфические формы орудий, характерные для памятников костенковско-авдеевского типа.

Характер сырья, использованного населением Елисеевичей, не является определяющим моментом в сравнительной характеристике этой стоянки, так как в памятниках, близко расположенных к источникам сырья, местные природные ресурсы будут преобладать. Несмотря на специфику сырья, в индустрии Елисеевичей господствует позднепалеоли-

тическая техника, основанная на призматических нуклеусах и крупных правильных ножевидных пластинах. Крупные размеры и правильная форма ножевидных пластин отличают кремневую индустрию Елисеевичей от памятников тимоновско-юдиновского типа, где отмечена более мелкая пластина или пластинчатый отщеп в заготовках орудий.

Преобладающей техникой вторичной обработки кремневой индустрии Елисеевичей является притупляющая ретушь, которая на многих предметах расположена на нижней поверхности по краю орудия. Реже использовалась приостряющая ретушь для частичной обработки края крупных ножевидных пластин. Несмотря на размещение ретуши как на верхней, так и на нижней поверхности края заготовки, в комплексе Елисеевичей не обнаружены предметы, обработанные солютрейской ретушью или с чешуйчатой подтеской концов. По этим признакам кремневый инвентарь стоянки не выделяется среди индустрий намеченной нами группы памятников Деснинского бассейна. Специфической чертой кремневого комплекса Елисеевичей является широкое использование мелкой притупляющей ретуши как техники обработки края заготовки не только пластин с притупленным краем, но и различных типов орудий. В большинстве памятников Деснинского бассейна, таких, как Тимоновские стоянки, Супонево, Юдиново, Бугорок, Чулатово II, Мезин, подобная ретушь отмечена на единичных экземплярах и не получает широкого развития, а преобладает высокая притупляющая ретушь с крупными фасетками, изменяющая форму края заготовки.

Для большинства памятников Деснинского бассейна второй половины валдайской эпохи характерна относительная бедность категорий и типов кремневой индустрии. Ведущей группой являются резцы, которые составляют более 50% всех орудий, четко выделяются скребки и пластины с притупленным краем. Острия, наиболее полно представленные в Мезинской стоянке, присутствуют также в индустрии большинства памятников Деснинского бассейна, в различных вариациях типов. При сравнении кремневого комплекса Елисеевичей с индустрией памятников тимоновско-юдиновского типа или Мезинской стоянки Елисеевичский комплекс оказывается еще более обедненным по категориям и типам орудий.

С другой стороны, в отличие от многих позднепалеолитических стоянок Десны (Мезин, Супонево, Чулатово II, Юдиново, Тимоновские стоянки), где угловые резцы грубы и сделаны в основном на массивных пластинах, пластинчатых отщепах, многие экземпляры этого типа резца в Елисеевичской стоянке сделаны на правильных крупных узких пластинах. Среди всех перечисленных выше стоянок только в Елисеевичах выделяется серия пластин с притупленным краем (около 40% в категории), у которых мелкая притупляющая ретушь расположена на нижней поверхности края орудия. При сравнении Елисеевичского комплекса с памятниками тимоновско-юдиновского типа мы не находим в елисеевичской индустрии форм, присутствующих в этих памятниках: резцов-скребков, пластин и пластинок с усеченным концом и притупленным краем, двойных скребков, острий с аркообразным концом. Кроме того, боковые ретушные резцы со спускающейся на край заготовки ретушью, широко представленные в тимоновско-юдиновских памятниках (Тимоновка II — 34,2%, Тимоновка I — 19,4%, Юдиново — 50%, Чулатово II — 20% к типу), в Елисеевичах единичны. Таким образом, в формах орудий при кажущемся однообразии типов различия кремневого комплекса Елисеевичи и памятников тимоновско-юдиновского типа выступают четко.

Территориально ближе всего к Елисеевичам расположена стоянка Супонево. К сожалению, до сих пор не определено место супоневского кремневого комплекса в системе палеолита Десны. Судя по коллекциям (МАЭ, № 5204, Музей антропологии МГУ, № 346), этот комплекс настолько специфичен по всем технологическим характеристикам, что сопоставление с ним кремневой индустрии других стоянок невозможно без детального анализа кремня самой Супоневской стоянки.

Если различия в кремневых комплексах Елисеевичей и Тимоновских стоянок прослеживаются довольно четко, определенно, то с материалами Мезинской стоянки дело обстоит сложнее. Как уже говорилось, Мезинский комплекс гораздо богаче по формам. Спецификой его является наличие крупных режущих острий на пластинах 8—10 см длины (9,4%), которые И. Г. Шовкопляс считает особой, мезинской формой кремневых орудий раннемадленской поры [8, с. 163. 164]. Хотя он высказывает предположение об использовании «режущих острий» в качестве заготовок боковых ретушных резцов, однако выделяет их в особый тип орудий. Группа режущих острий Мезина разнообразна и не представляет отдельную категорию орудий. Основу ее составляют, с нашей точки зрения, заготовки боковых ретушных резцов с различной формой конца пластины: скошенной, прямой, несколько вогнутой. Кроме того, она включает некоторое количество пластин с ретушью по всему периметру и пластин с концевой выемкой. Подобные предметы не являются специфической формой кремневой индустрии какой-либо одной стоянки, а обнаружены в различных количествах в комплексе каждой стоянки Деснинского бассейна. Об использовании «режущих острий» в качестве заготовок резцов свидетельствует, во-первых, наличие в коллекции большого числа ретушных резцов с различной формой площадки резцового скола, идентичной форме «режущих острий», а во-вторых, «двойных режущих острий» в небольшом количестве, что соответствует небольшому количеству (7,4%) двойных ретушных резцов в комплексе индустрии. Яркую и специфическую серию орудий составляют в Мезинском комплексе проколки (3,6%) на отщепах и обломанных пластинах с коротким, хорошо выраженным жальцем, выемчатые скребки, боковые ретушные резцы на отщепах. Сериями представлены двойные скребки и комбинированные орудия. Большой процент составляют ретушированные пластины (ретушь притупляющая, крупная) как в самостоятельных формах, так и в заготовках орудий.

Различия Елисеевичского комплекса и Мезинского выражены в отсутствии в Елисеевичах двойных скребков, комбинированных орудий, скребков-скоблей на мелких пластинах. Однако в группе индивидуальных форм Елисеевичского комплекса есть предметы (пластины с выемкой на конце, пластины с концевой ретушью, расположенной на нижней поверхности края заготовки), которые в Мезинском комплексе представлены небольшими сериями, но в публикации [8] отнесены к различным категориям: «выемчатые скребки», «режущие острия».

Рассматривая структуру кремневого инвентаря стоянки Елисеевичи в сравнении с кремневой индустрией других памятников Десны, мы обнаруживаем специфические черты этого комплекса также в соотношении основных групп орудий, в определении типов которых различные авторы более-менее едины: резцы, скребки, пластины с притупленным краем, косые острия, комбинированные формы.

Соотношение типов резцов в кремневых комплексах деснинских стоянок подчеркивает своеобразие Елисеевичей (табл. 4). Боковые ретушные резцы (62, 82%) здесь являются ведущим, но не резко выраженным типом, как в других стоянках Деснинского бассейна. В Елисеевичах сохраняется большой процент угловых резцов (25, 60%), часть которых сделана на правильных ножевидных пластинах. В группе скребков Елисеевичей отсутствуют двойные формы, которые в небольшом количестве обнаружены во всех базовых стоянках Десны. Однако в этом памятнике выделяется четкая серия пластин с притупленным краем, у которых ретушь расположена на нижней поверхности края пластины. Эта форма не характерна для других стоянок и является специфической чертой Елисеевичей.

По сочетанию признаков, характеризующих кремневый комплекс как производство,— техника раскалывания, техника вторичной обработки, формы орудий, структура кремневой индустрии — стоянка Елисеевичи принадлежит к кругу памятников Деснинского бассейна и входит в регион Среднего Днепра. Соотношение категорий в комплексе стоянки

Таблица 4

Соотношение типов резцов в Деснинских памятниках, % *

Орудия	Елисеевичи	Тимоновка II	Тимоновка I—к, I	Юдиново **	Чулатово II	Бугорок	Мезин
Всего резцов	1871	328	1231	238	372	112	2609
а) боковые ретушные	62,82	78,00	90,50	81,09	81,00	80,40	77,50
из них двойные	5,00	8,50	12,50	9,00	11,20	9,80	17,50
б) угловые	25,60	10,60	3,41	10,50	9,10	15,10	15,50
в) на углу пластины	9,40	9,40	2,19	5,00	9,40	4,50	7,00
г) прочие ***	2,18	2,00	3,90	3,41	0,50	–	–
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

* Процент дан по просмотренным коллекциям.
** Процент дан по кол. № 9800 Исторического музея БССР и может быть уточнен с накоплением материала.
*** Резцы трансверсальные, комбинированные, бракованные.

Елисеевичи специфично и, как показал сравнительный анализ, не характерно для других памятников этого региона. Не удается типологически проследить генетическую связь индустрии Елисеевичей с более ранними памятниками Деснинского бассейна. Об отсутствии связи с комплексами стоянок Бердыж и Авдеево уже упоминалось. Комплексы стоянок Пушкари I, Клюссы гораздо богаче по типам орудий, содержат специфические формы острий, которых нет в Елисеевичах. Однако использование узкой правильной пластины, не ретушированной в качестве заготовки, и серия угловых-срединных резцов на правильных пластинах могут явиться элементами связи Елисеевичей с комплексом Хотылево II. Южные памятники Среднеднепровского бассейна — Межирич, Добраничевка, Гонцы — имеют иную структуру кремневого комплекса, где резцы хотя и занимают первое место, но составляют менее 50% орудий [9; 10, с. 97—119]. Кроме того, эти памятники содержат серии двойных и округлых скребков, которые не характерны для Елисеевичей. В технике вторичной обработки в южных памятниках преобладает высокая притупляющая ретушь.

В целом кремневый комплекс стоянки Елисеевичи на основании перечисленных особенностей не имеет прямых аналогий среди памятников позднего палеолита Среднеднепровского бассейна позднего этапа второй половины валдайской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
2. *Воеводский М. В.* Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II) // Уч. зап. МГУ. 1952. Вып. 158.
3. *Славин Д. О.* Технология металлов и других материалов М.: Учпедгиз, 1960.
4. *Куренкова Е. И.* Радиоуглеродная хронология и палеогеография позднепалеолитических стоянок Верхнего Приднепровья: Автореф. дис. ...канд. географ. наук: 11.00.04 М., 1980.
5. *Калечиц Е. Г.* Палеогеография эпохи верхнего палеолита на территории Белоруссии и Брянской области: Автореф. дис. ...канд. географ. наук: 11.00.04. Минск, 1972.
6. *Будько В. Д., Сорокина Р. А.* Поздний палеолит северо-запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969.
7. *Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.
8. *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев: Наук. думка, 1965.
9. *Гладких М. И.* Поздний палеолит лесостепного Приднепровья: Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1973.
10. Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М.: Наука, 1981.

L. V. Grekhova

THE FLINT COMPLEX OF THE CAMP OF ELISEYEVICHI

Summary

Judging by archive and published data the cultural layer has yielded 274,862 flint objects so far (Plate 1). The correlation between the groups is limited to the collection of the State Museum of History – 10,630 objects (Plate 2). The description of the implements with secondary processing is based on the collection of 2,609 objects (Plate 3). Burins with troncature retouche (Fig. 2) predominated. Blades with blunted edges comprise the group second in the quantity of objects (Fig. 3, *1–12, 20*). Half of them are retouched along the lower edge. Grattoirs are few (Plate 3, Fig. 4) and do not form series. Individual forms comprise a group of their own (Plate 3; Figs. 3, *14, 16–23*; 6; 5, *1, 3, 10*). A combination of several features (flaking and secondary processing techniques, forms of implements and the structure of the implement set) relate the camp to the sites of the Desna basin, dated to the later stage of the second half of the Valdai era. The correlation between the type and categories of the flint industry at the Eliseyevichi camp is highly specific and is not typical for the other sites of the region (Plates 3, 4, 5). No genetic connection between the Eliseyevichi industry and the earlier sites of the Desna basin and with the sites in the forest-steppe belt of the Dnieper basin has been typologically revealed so far. On the whole, the flint complex of the Eliseyevichi camp has no direct analogies among the Late Palaeolithic sites in the middle reaches of the Dnieper dated to the later stage of the second half of the Valdai era.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ ПЕГРЕМА I

Одним из интереснейших памятников переходного периода от каменного века к металлу на Северо-Западе РСФСР является поселение Пегрема I, расположенное на западном берегу Уницкой губы Онежского озера в 1,5 км к северу от одноименного поселка и занимающее юго-восточную часть высокой песчаной террасы, примыкавшей в древности непосредственно к воде. Площадь его около 5000 м². Восточная часть памятника вследствие длительного подмыва берега водой подвергнута частичному разрушению, на дневной поверхности отчетливо прослеживались округлые впадины различных диаметров.

Стратиграфия: 1 — дерн толщиной 3—5 см, сверху перекрытой низким мхом и вереском; 2 — под ним — серый подзол толщиной 5—7 см; 3 — ниже желтый песок с красноватым оттенком (культурный слой) 35—40 см; 4 — подстилающий слой — светло-желтый песок [1].

Интересное сооружение раскопано во впадине диаметром 7 м со следующей стратиграфией: 1 — дерн толщиной 2—5 см; 2 — серый подзол 15—20 см; 3 — желтый песок с красным оттенком (культурный слой) 38—45 см; 4 — под ним линза гумусированного спекшегося песка подчетырехугольной формы площадью 25 см² (длина южной стороны 5,5, северной 4,5, западной 4,5, восточной 4 м, мощность линзы 10—28 см); 5 — подстилающий светло-желтый песок.

На поверхности линзы находилось множество предметов. В центре — печь, выложенная из кварцитовых плит. На дне печи находились зола и уголь. Несколько к северо-востоку от нее лежала гранитная плита. Около нее — круглые гальки, пластинки и кусочки меди, разложившиеся медные изделия, обломок глиняного тигелька. Вокруг печи собрано 1424 фрагмента керамики, 2 сланцевых тесла, 5 обломков рубящих орудий, 10 обломков кварцитовых шлифовальных плит. В 2,2 м к юго-западу от печи на небольшой площадке находилось 116 мелких отщепов сланца, 22 осколка кварца, 2 сланцевых тесла.

Печь состоит из четырех кварцитовых плит, поставленных на ребра в форме ящика, размерами 40×40 и высотой 25 см. Объем печи 0,023 м². Ее стенки имеют следующие размеры: юго-восточная — 26×17×7, юго-западная — 30×17×5, северо-западная — 29×20×7, северо-восточная — 32×15×5 см. На дне печи находилась плита размерами 22×14×4 см. Верхняя сторона ее имеет ровную поверхность, нижняя — овальную. Думается, что плита могла использоваться в качестве крышки печи. У северо-западного угла обнаружено 10 обожженных кусков кварцита от некогда вышедшей из строя стенки. К юго-восточному углу печи в спекшемся песке прослежен канал диаметром 12—17 и длиной 80 см. Вероятно, он использовался для подачи воздуха. Здесь же найдены спекшиеся кусочки глины, перемешанной с песком, очевидно, обмазкой. В 1,5 м к северо-востоку лежала гранитная плита (длина 17, ширина 13, толщина 3 см) с мелкими и глубокими выбоинами на одной стороне [2], остальные ее стороны никаких следов сработанности не имеют. На плите найдены 18 медных пластинок, 5 кусочков меди, 2 обломка кованых медных изделий. С другой стороны у плиты лежали 12

[1] Шурф 2×2 м, заложенный на глубину 3,5 м, выявил слоистый намывной песок. Во впадинах стратиграфия иная, о чем речь пойдет далее.

[2] В выбоинах сохранилась окись меди.

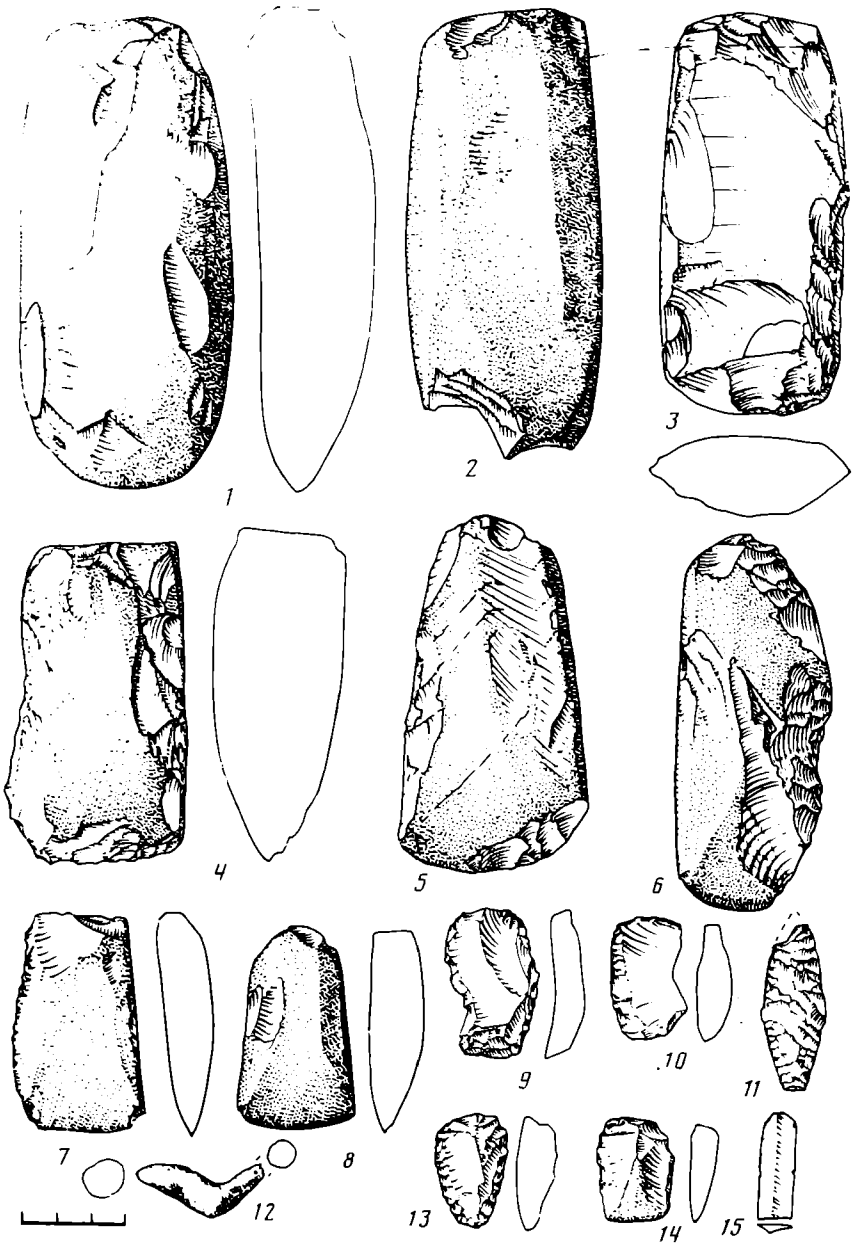


Рис. 1. Инвентарь поселения Пегрема I. *1–6* — топоры; *7*, *8*, *14* — стамески (сланец); *9*, *10*, *13* — ножи; *11* — наконечник стрелы (кремень); *12* — терракотовая статуэтка (глина); *15* — ножевидная пластина

круглых галек, у 4 сбиты грани. Характер сбитостей может свидетельствовать о том, что гальки использовались в качестве молотков при ковке меди. У печи найден обломок тигля с сильно ошлакованой поверхностью, 12 разложившихся медных предметов, восстановить которые не представлялось возможным. Сохранились еще 3 фрагмента керамики с капельками меди.

Таким образом, все находки, оставшиеся на полу сооружения,— печь, наковальня с молоточками, кованые медные изделия и их обломки, обломки тиглей с капельками меди — позволяют квалифицировать данное сооружение как мастерскую по обработке меди, где переплавка металла производилась в специальной печи в небольших глиняных сосудиках-тигельках.

Кроме обработки металла в юго-западном углу мастерской производилась обработка сланцевых и кварцевых орудий. Там найдены мелкие осколки и отщепы сланца и кварца, шлифовальные плиты и каменные орудия, из которых особого внимания заслуживают тесла (рис. 1).

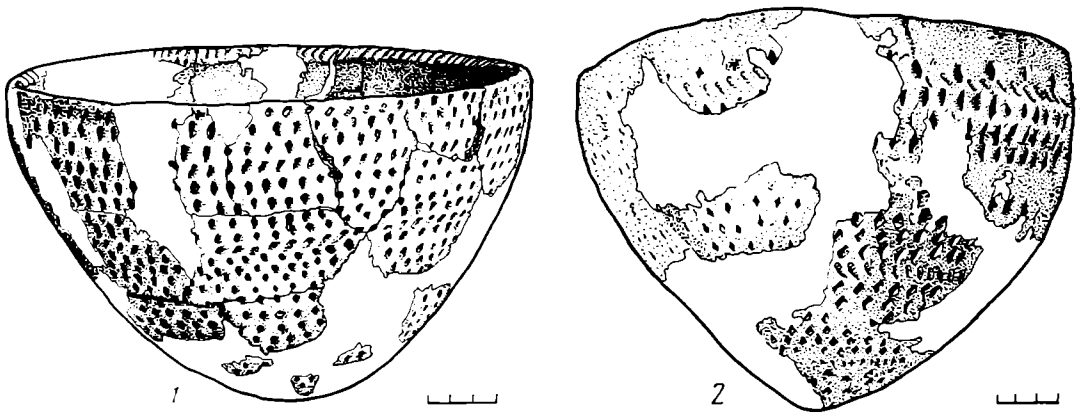


Рис. 2. Сосуды из поселения Пегрема I

Одно тесло имеет прямоугольную форму и сечение, поверхность отполирована до блеска, лезвие подвергнуто вторичной заточке, длина орудия 8, ширина 5, толщина 1,5 см. Второе тесло по форме близко к русско-карельскому. Оно также хорошо зашлифовано, лезвие подвергнуто вторичной заточке.

В мастерской найдено несколько сосудов хорошего обжига, толщина стенок 0,2—2 см, в глиняном тесте наблюдается примесь песка (рис. 2). Венчики загнуты внутрь, сверху орнаментированы вдавлениями гребенчатого штампа и ямками — округлыми и ромбовидными. Тулово также орнаментировано ромбическими и округлыми ямками и гребенчатым штампом. Днища сосудов округлые и острые. Некоторые горшки в древности подвергались ремонту: найдено 5 фрагментов керамики с остатками клея, 2 фрагмента склеены.

Особого внимания заслуживают обломки глиняного тигелька с капельками меди. Они свидетельствуют о том, что в поселке была известна технология плавки меди в тиглях. Отметим, что примитивная плавка меди и бронзы в сосудах из глины была широко распространена на территории лесной полосы европейской части СССР в эпоху раннего металла [1]. В Карелии этот способ был известен в энеолите. Следы обработки меди обнаружены и в жилищах поселения Пегрема I.

Жилище I раскопано в 4 м к северу от мастерской. На современной поверхности почвы здесь сохранилась западина диаметром 11 и глубиной 0,87 м. Сверху вниз в ней прослежены следующие напластования: 1 — дерн, серый подзол 3—5 см; 2 — желтый песок с красным оттенком (местами прерывистый) 6—10 см; 3 — линзы светло-серого песка 4—28 см и углистые линзы 2—5 см; 4 — желтый песок с красным оттенком 12—15 см; 5 — коричневый спекшийся песок 12—16 см (пол жилища с множеством находок); 6 — подстилающий светло-желтый песок.

Жилище ориентировано с запада на восток. Длина его 7, ширина 9 м. К восточной стенке сделана пристройка-тамбур длиной 3,5 и шириной 4,6 м. Выход из тамбура шириной 1,5 и длиной 1,9 м направлен к озеру. Основание слегка углублено в материк, пол ровный, углы выражены нечетко. Ближе к центру располагалось кострище размерами 0,6×0,7 м, мощность зольно-углистой прослойки 0,2 м. Около него лежали кремневый скребок, кварцевый резец, нуклеус, отбойник, шлифовальная плита и осколки сланца. Встречены остатки сосуда с ромбоямочным орнаментом, дендриты меди. Отдельные фрагменты керамики лежали на полу. У северной стенки найден развал сосуда, 3 медных пластинки, кусок кованой меди. У южной стены лежали 2 раздавленных сосуда.

За пределами жилища прослежено кострище размерами 0,7×0,7 м и толщиной углистой прослойки 0,4 м. Узкая зольная полоса от него распространялась в юго-восточном направлении. У северо-восточного угла жилища находилась хозяйственная яма конусообразной формы глу-

биной 0,6 и диаметром 0,55 м, заполненная темно-гумусированным песком. На дне ямы обнаружен уголь[3]. Рядом на площадке (размерами 2×2 м) собрано 349 мелких осколков и чешуек сланца[4].

Жилище 2 расположено в 7 м к югу от мастерской. Его основание (спекшийся темно-гумусированный песок) углублено в материк на 0,3 м. Сверху залегал желтый песок с красным оттенком (35—40 см), который перекрывался в свою очередь серым подзолом и дерном. Жилище имело длину и ширину 8 м. В его восточной стенке прослежен выход к озеру. Однако размеры коридора полностью выявить не удалось, так как северо-восточный угол и выход разрушены обрывом берега.

Все находки в жилище сосредоточены на полу, главным образом у стен: вдоль южной стенки располагались 6 развалов сосудов, у западной — 3, у северной — 6. В одном из сосудов найдены 2 кусочка самородной меди, подвергнутые воздействию огня, но не переплавленные[5]. У выхода лежали сланцевый топор, клевец и 3 обломка шлифовальных плит. В центре жилища находилась шлифовальная плита, перевернутая рабочей стороной книзу. Около нее найден кварцевый скребок, лощило, нуклеус, в северном углу лежали разбитый сосуд в красной охре и сланцевый топор. В юго-восточном углу располагалась яма с охрой размерами 0,4×0,3 и глубиной 0,15 м. В ней находился камень диаметром 0,2 м. С севера к яме примыкала небольшая зольно-углистая линза. В ней найдена змееобразная глиняная скульптурка (рис. 1, *12*).

За пределами жилища раскопано кострище размерами 0,3×0,25 м. Зольно-углистая линза опять-таки распространялась в юго-западном направлении[6]. В 7 м к юго-востоку от жилища раскопана хозяйственная яма конусообразной формы глубиной 1,5 м. Диаметр ее 0,8 м. Яма была заполнена темно-гумусированным песком. На дне обнаружен уголь[7]. В 3 м к юго-западу от жилища располагались две ямки: первая глубиной 0,5 и диаметром 0,25 м, вторая соответственно 0,5 и 0,3 м. Ямки заполнены темно-гумусированным песком, по-видимому, это ямки от столбов.

В 6 м к юго-востоку от жилища раскопан клад заготовок сланцевых орудий. Он обнаружен у самого обрыва берега в ямке диаметром 0,4 м, врезанной в материк на 0,15 м. Состоит из шести заготовок кирок, четырех заготовок топоров, двух заготовок тесел, шести заготовок других рубящих орудий. Находки плотно прижаты друг к другу, и это создает впечатление, будто они были во что-то завернуты.

Заготовки кирок различной величины. Среди них есть орудия, достигающие длины 40 см. Очертания их приблизительно соответствуют форме орудий: одна крупная заготовка в виде сегмента с четко оформленными рабочими концами, грани ее обработаны грубыми сколами. Три кирки имеют изогнутые формы, у одной хорошо намечены два рабочих конца, у двух других отчетливо выделяются обушковые части. Имеются заготовки двух прямых кирок. Их рабочие края слегка намечены двумя грубыми сколами.

Две заготовки топоров сделаны из широких и сравнительно тонких сланцевых плиток, которые обработаны с обеих сторон грубыми сколами, рабочие концы еще не оформлены. У двух других отчетливо выделяются обушковые части, боковые грани сформированы довольно хорошо, рабочие края их оформлены достаточно четко.

Заготовки тесел по своим очертаниям не одинаковы. Одна из них, размерами 18×7×3,5 см, имеет сегментовидное сечение и обработана с трех сторон грубыми сколами, четвертая сторона совершенно не под-

[3] Датируется по ^{14}C: 5145±110 (ТА-541), 4980±60 (ЛЕ-1028).

[4] Судя по всему, здесь частично производилась вторичная обработка сланцевых орудий.

[5] Находки самородной меди в глиняных сосудах известны в Карелии на стоянках Сандермоха I, Пегрема VII, Деревянное I.

[6] Эти факты могут свидетельствовать о том, что в то время в Карелии преобладали северо-восточные ветры.

[7] Датируется по ^{14}C 4780±50 (ТА-492).

вергнута первичной обработке. Рабочий край несколько уточнен за счет более мелких выбоин, а с внутренней стороны он четко направлен одним грубым сколом. Второе тесло значительно меньше по размерам (11×5,5×2 см). Плоская сторона его образована с помощью одного сильного удара, противоположная имеет несколько овальную форму. В тыльной части и на лезвии обработка произведена менее крупными сколами, так же обработаны боковые грани. Оба тесла совершенно не имеют следов сработанности.

Клад содержит шесть чрезвычайно аморфных заготовок рубящих орудий. Они представляют собой четырехугольные продолговатые куски сланца с грубой обивкой некоторых граней, рабочие края не оформлены. У двух заготовок слегка обозначены лезвия, поверхность одной обильно покрыта патиной: использовался, вероятно, блок породы, частично выходивший на поверхность.

Все предметы клада подвергнуты лишь первичной обработке. Не пройдены еще две стадии изготовления орудий: а) обивка более мелкими сколами, придающая заготовкам уже совершенно определенную форму и б) обивка и шлифовка. Клад позволяет судить о первоначальной стадии обработки сланцевых орудий, на чем мы остановимся ниже.

Жилище 3 (рис. 3) находится в 11 м к северу от жилища 1. На современной поверхности почвы сохранилась впадина диаметром 12 м. Пол (темно-гумусированный спекшийся песок) углублялся в материк до 0,5 м. Сверху он местами перекрывался желтым песком с красноватым оттенком (12—24 см), выше залегал светлый песок линзами (мощностью 4—20 см). Он в свою очередь перекрывался тонкими прерывистыми углистыми слоями. Еще выше наблюдалась прерывистая прослойка желто-красного песка (4—10 см), над ним подзол и дерн.

Постройка ориентирована с запада на восток, имела четырехугольную форму с закругленными углами. Пол ровный, углублен в материк так, что западная стенка, где проходил береговой вал (который удачно использовался при строительстве жилища), заходила в материк на 0,5 м. Восточная же стенка с выходом углублена всего лишь на 14 см. За счет этого пол жилища имел более или менее горизонтальную поверхность. Вся площадь сооружения составляла 96 м^2. В центре находилось кострище размерами 0,9×0,6 м и мощностью зольно-углистой прослойки 0,2 м[8]. Под ним располагалась ямка диаметром 0,3×0,4 м и глубиной 0,2 м. В ней лежал раздавленный сосуд. С юга от кострища обнаружена кучка мелких фрагментов керамики, а в 2 м к северо-востоку залегало еще одно скопление мелких битых черепков от одного сосуда (более 500 фрагм.) и дендриты меди. С северной стороны у кострища лежала шлифовальная плита, в 1 м от нее к северо-востоку распространялась углистая линза размерами 0,6×0,4 м. Другое углистое пятно (0,18×0,2×0,08 м) прослежено в 1,5 м к северо-западу от центрального кострища, рядом лежали остатки разбитых сосудов. В 0,8 м к юго-западу раскопана яма диаметром 0,5 и глубиной 0,3 м, заполненная прослойками темно-коричневого песка и светло-серой супеси: сверху прослойка, темно-коричневого песка толщиной 0,09 м, ниже слой светлого песка 0,04 м, под ним темно-коричневый песок 0,06 м, еще ниже светло-желтый песок 0,03 м, под ним темно-коричневый песок 0,08 м, подстилающий светло-желтый песок. Назначение ямы остается неопределенным. Находок в ней нет.

В северо-западной части жилища найдено 8 раздавленных сосудов, орнаментированных в основном ромбическими ямками. Встречаются округлые ямки в орнаменте. Один сосуд украшен сквозными круглыми ямками; его диаметр 0,8 м. На полу среди раздавленных сосудов найдены 6 обломков сланцевых рубящих орудий, 4 кусочка меди, осколки сланца. У северной стенки находились 4 раздавленных сосуда. Вдоль южной стены лежали 3 развала сосудов. Ближе к выходу раскопана яма, заполненная оцементированным темно-коричневым песком; диаметр

[8] Кострище датируется по ^{14}C 4200±50 (ТА-493).

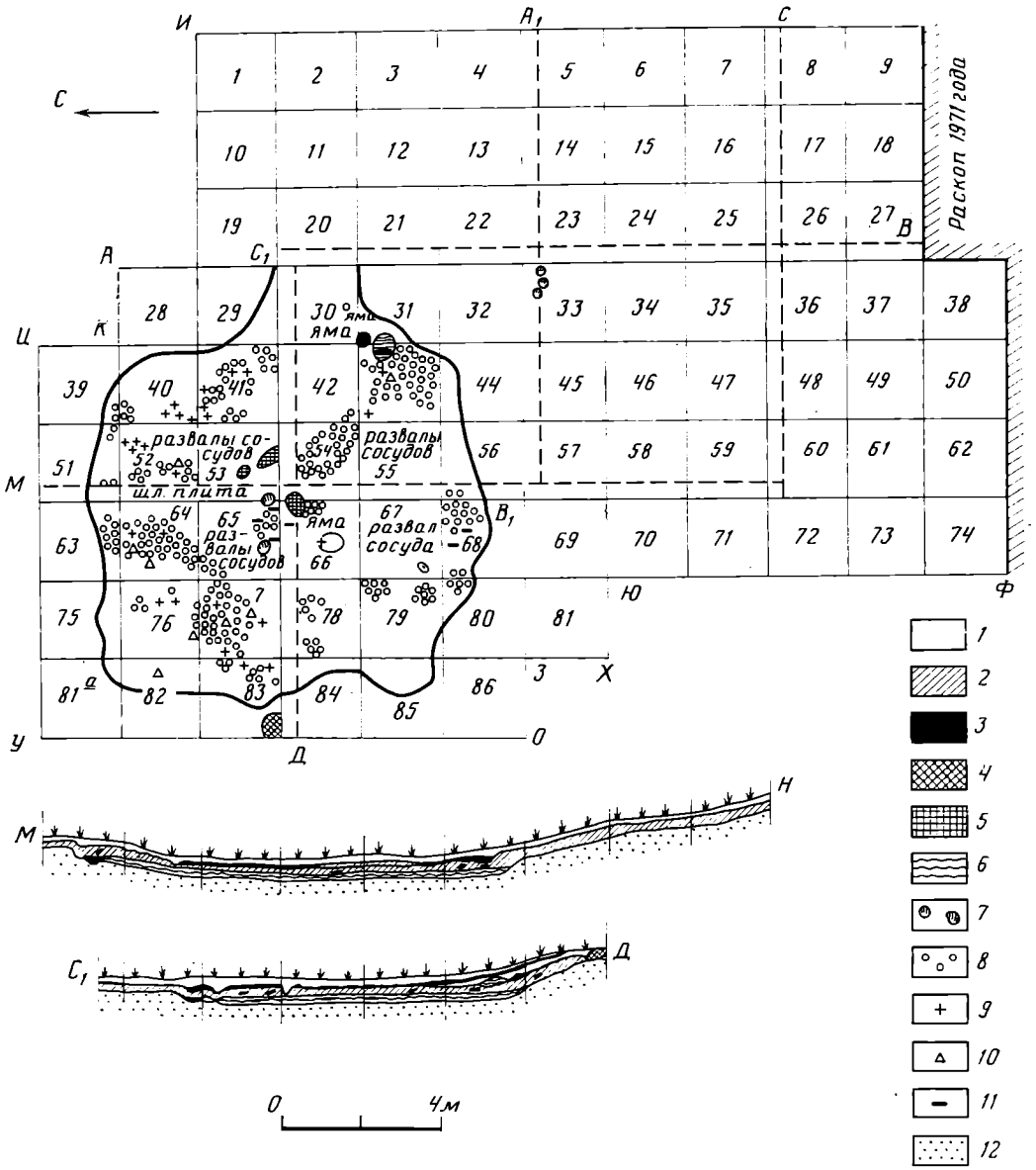


Рис. 3. Жилище 3. *1* — дерн; *2* — серый подзол; *3* — углистый слой; *4* — ярко-красный песок; *5* — кострище; *6* — темно-коричневый спекшийся песок; *7* — валуны; *8* — керамика; *9* — осколки, отщепы; *10* — каменные орудия; *11* — медные поделки; *12* — подстилающий светло-желтый песок

ее 0,5, глубина 0,6 м. В яме находилась ромбоямочная керамика. Сверху лежали 4 фрагмента асбестовой керамики коричневого цвета, хорошего обжига, тонкостенные, в глиняном тесте присутствует примесь асбестовых иголок и волокон, орнамент не сохранился.

Выход из жилища шириной 2 и длиной 1,5 м прослежен в восточной стенке. Около него лежали три валуна и рыболовный груз из сланцевой плиты с выбоинами на двух противоположных сторонах.

Как видно из описания, характерной особенностью поселения Пегрема I является то, что все или почти все находки сосредоточены в жилищах. В культурном слое за пределами жилищ на огромной площади найдены лишь одиночные предметы аналогичного облика. В связи с этим можно уверенно отнести материалы памятника к единому археологическому комплексу, который может служить надежным энеолитическим эталоном.

Рассмотрим подробнее археологический материал поселения. Как удалось установить, все металлические поделки, раскопанные на поселении Пегрема I, изготовлены из меди. В жилищах и мастерской найдены вет-

вистые дендриты меди (25 экз.). Они, по заключению геологов, относятся к гидротермальному типу — довольно редкому типу проявления самородной меди[9].

На поселении Пегрема I обнаружены в основном ветвистые дендриты весом от 10 до 200 г. Среди обработанных предметов превалируют пластинки (20 экз.). Они изготовлены из ветвей дендритов ковкой. Размеры небольшие: длина 2—4, ширина 1,5—2, толщина 0,1—0,2 см. Поверхность пластин сильно окислена, в ряде случаев медные предметы полностью разложились. Так, например, 12 предметов из мастерской восстановить не представлялось возможным. Кроме того, в процессе раскопок встречались ярко-зеленые пятна в мастерской и жилищах, также, видимо, образовавшиеся в результате разложившихся мелких медных поделок. Колечко изготовлено ковкой из ветви дендрита, диаметр его 0,7 см. 3 обломка проколок выполнены из ветвей дендрита. Размеры сохранившихся частей невелики: длина одного обломка 1,5, другого 2 см. Обработаны грубой ковкой. Встречен кусок кованой меди, представляющий собой аморфный дендрит размерами 8,5×4,2×2,1 см со следами грубой ковки.

Из предметов, связанных с обработкой металла, отметим кузнечный инструментарий мастерской, в частности наковальню, 12 молоточков-галек (диаметром 5—7 см, у 4 сбиты края), глиняный обломок тигелька с капельками меди и печь. На стоянке в двух случаях кусочки меди обнаружены в глиняных сосудах, часто дендриты меди встречались среди глиняных черепков в жилищах.

Найдено более 100 сосудов (4477 крупных и 3551 мелких фрагм.). Сосуды однотипны, за исключением 4 фрагментов асбестовой керамики. Они имеют хороший обжиг, тесто хорошо отмучено, содержит примесь песка, дресвы, гравия. Венчики прямые, слегка загнуты внутрь, срезы орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа, иногда ямками; толщина стенок 0,2—2 см. Тулово украшено ромбическими или ромбовидными ямками, иногда круглыми. В отдельных случаях зоны или ряды ямок разделены оттисками прямого, наклонного или зигзагообразного зубчатого штампа. Размеры сосудов варьируют. Встречены сосуды-бочки диаметром до 70 см и маленькие сосудики высотой 3—5 и диаметром 3—6 см, круглодонные или остродонные. Один сосуд чрезвычайно толстостенный, орнаментирован горизонтальными рядами крупных ромбических ямок, сверху покрашен охрой. Интересен сосуд со сквозными круглыми ямками, расположенными по всей поверхности в шахматном порядке. Он, очевидно, применялся в качестве дуршлага. Некоторые сосуды сохранили нагар пищи на стенках.

Изготовлены сосуды двумя способами: подлепом и стыковкой. Отдельные горшки были подвергнуты ремонту глиняными заплатами и клеем. Наиболее полное представление о керамике поселения дают реставрированные сосуды.

Сосуд 1. Диаметр по венчику 42, высота 25 см. Он светло-коричневого цвета с красными и светлыми пятнами, в тесте наблюдается примесь мелкого песка и крупной дресвы. Орнаментирован горизонтальными рядами оттисков круглых ямок, поставленных наклонно. Венчик слегка загнут внутрь, сверху орнаментирован глубокими нарезными линиями.

Сосуд 2. Диаметр 39, высота 29 см. Орнаментирован горизонтальными рядами круглых ямок. Венчик слегка загнут внутрь. Сверху украшен наклонными рядами оттисков гребенчатого штампа. Верхняя поверхность имеет светло-коричневый цвет. Примесью к глиняному тесту

---

[9] Классическим примером такого типа месторождений меди является крупное месторождение оз. Верхнего в штате Нигаи (США), где самородная медь ассоциирует с кальцитом, кварцем, цеолитом и другими минералами. Проявление этого типа самородной меди характерно и для Южной Карелии, где самородки встречаются в пределах Онежской структуры (синклинория) среди кварц-карбонатных жил. К этому типу относятся все находки самородной меди в р-не г. Кондопоги (карьер Береговое) и на Заонежском п-ове.

служат песок, дресва. Сосуд остродонный, на его поверхности сохранились остатки клея и кусочки нагара пищи.

Сосуд 3. Диаметр 34, высота 26 см. Круглодонный, орнаментированный горизонтальными рядами ромбических ямок, венчик загнут внутрь, сверху украшен нарезными линиями. Цвет светло-коричневый с красными и светлыми пятнами. В глиняном тесте присутствует примесь мелкого песка и дресвы.

Сосуд 4. Диаметр 6,5, высота 4,5 см. Остродонный, конусообразной формы. Орнаментирован четырьмя горизонтальными рядами четырехугольных ямок. Венчик прямой, не орнаментирован сверху. Сосуд имеет светло-коричневый цвет с красноватым отливом.

Сосуд 5. Диаметр 10, высота 8 см. Орнаментирован подчетырехугольными ямками по всей поверхности. Цвет коричневый, тесто содержит умеренную примесь мелкого песка.

Имеется сосуд-бочка диаметром 68, высотой 60 см. Толщина стенок 1,2 см. Круглодонный, цвет коричневый, обжиг средний. Примесью к глине служит мелкий песок, дресва. Венчик слегка загнут внутрь, по краям сделаны насечки, бережок украшен двумя рядами ромбических ямок. Под самым венчиком на внешней стороне сосуда проходят два пояска из ромбических ямок, остальная поверхность сосуда украшена крупными ромбовидными ямками, расположенными в шахматном порядке. Внутри сосуда сохранились жемчужины — выступы от ямок. На них имеются отпечатки пальцев.

Отметим сосуд диаметром 58 см коричневого цвета среднего обжига. Орнамент состоит из ромбических ямок, расположенных по всей поверхности параллельными рядами. Имеется серия аналогичных сосудов и более мелкие чашечки.

Получены интересные сведения о способах нанесения орнамента. В ряде случаев на реставрированных сосудах удается проследить технологию нанесения орнамента (рисунок наносился на сосуд, поставленный кверху дном).

Говоря о других глиняных изделиях поселения Пегрема I, упомянем змеевидную скульптурку из круглого валика толщиной 1 и длиной 4 см. Она имеет хороший обжиг, красноватый оттенок, в глиняном тесте содержится небольшое количество мелкого песка (рис. 1, *12*). Отметим также фрагмент эмбриоповидной скульптурки.

Каменный инвентарь (рис. 4) включает изделия из сланца, кварца, кремня, кварцита. В общей сложности на поселении найдено 201 орудие вместе с обломками. Изделия из кварца немногочисленны. Отметим пять резцов (рис. 4, *1—5*), скребок на отщепе подтреугольной формы (рис. 4, *6*), две ножевидные пластинки (рис. 4, *8, 9*) и желобчатое орудие (рис. 4, *7*). Кремневые орудия (рис. 1) представлены обломком ножа, двумя скребками, ножевидной пластинкой, наконечником стрелы. Отметим также ретушированную пластинку, похожую на фигурное изображение. Подобные изделия из кремня были широко распространены в энеолите [2].

Среди сланцевых орудий встречены массивные топоры с округленными лезвиями (рис. 1, *1—5*). Один топор изготовлен из слабого глинистого сланца. В коллекции имеются уплощенные прямоугольной формы топоры с вторичной заточкой лезвия и орудия, близкие русско-карельским. Встречены мелкие стамесочки из сланца (рис. 1, *7, 8, 14*). Наконец, отметим клевец ромбической формы с отверстием посредине. Его толщина 1, длина 17, ширина 9 см. Орудие имеет форму правильного ромба с длиной сторон 9,5 см. Все грани отполированы, края сильно залощены, два противоположных конца имеют сбитость, образовавшуюся, очевидно, вследствие работы орудием[10]. Посредине сделано отверстие, сужающееся к центру. Внешний диаметр отверстия 3, внутренний 1,9 см.

[10] Некоторые исследователи относят подобные орудия к боевым, однако следы сбитости и залощенность рабочих краев скорее всего свидетельствуют об их хозяйственном назначении, возможно, они применялись в качестве орудий охоты.

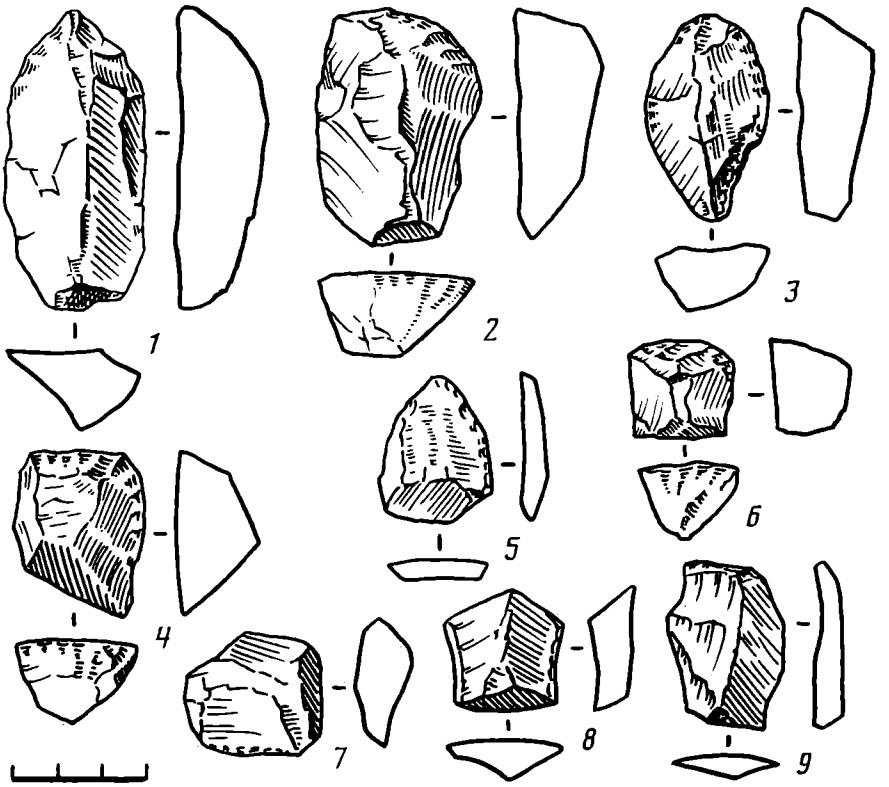


Рис. 4. Кварцевые изделия поселения Пегрема I (*1—5* — резцы; *6* — скребок; *7* — желобчатое долото; *8*, *9* — пластинки)

Для производства орудий использовались отбойники (3 экз.), шлифовальные камни (8 экз.), плиты (35 экз. вместе с обломками). Вес одной плиты свыше 100 кг, размеры ее 80×60 см. На одной стороне хорошо сохранились круговые полосы от вращательных движений затачиваемых на ней инструментов.

Коснемся в связи с этим вопроса о технике изготовления сланцевых орудий на поселении Пегрема I. Судя по заготовкам топоров в кладе, первая стадия заключалась в двухсторонней грубой обработке поверхности, а последующая — в тщательной отделке рабочего края (заострение, подтеска лезвия). Затем проводилась дополнительная подправка всей формы орудия за счет утоньшения боковых граней и обработки лезвия. Все заготовки не имеют следов употребления, первичное расщепление сланца шло вдоль длины орудия с поперечной подтеской боковых граней. Такая обработка, очевидно, была предварительным этапом подготовки подходящего куска сланца для изготовления крупного орудия.

Сравнивая технику изготовления сланцевых топоров [3] с техникой обработки кремневых орудий, нетрудно заметить, что при изготовлении последних в отличие от сланцевых продольного расщепления не наблюдается [4].

Все заготовки, находящиеся в кладе, по-видимому, были принесены в поселок после первичной обработки, проведенной, очевидно, на месте выработки сырья. Место последующей отделки заготовок, которая проводилась на стоянке, локализуется достаточно отчетливо: в юго-западном углу мастерской, где одновременно обрабатывали медь. Именно здесь проходила вторая стадия обработки, когда заготовке придавалась более определенная форма путем скалывания с нее грубых выступов, сохранившихся после первичной обработки, и отделывался край. Об этом, в частности, свидетельствует характер сосредоточенных здесь отбросов (отщепы вторичной обивки, обломки заготовок), а также отсутствие сырья. В результате следующей стадии с поверхности заготовки

снимались мелкие и мельчайшие выступы, оставшиеся после вторичной обработки. Заготовка приобретала, наконец, необходимую форму, после чего ее можно было шлифовать и полировать. Шлифовка орудий проводилась, очевидно, в жилищах и мастерской, где найдены шлифовальные плиты, их обломки, а также частично отшлифованный сланцевый топор и орудия с прекрасно отполированной поверхностью.

На поселении Пегрема I, как и на других энеолитических поселениях Карелии с чистыми комплексами ромбоямочной керамики, а также и на более ранних стоянках нам пока неизвестны случаи употребления нешлифованных сланцевых топоров (или хотя бы их лезвий). На поселениях найдены, кроме того, и другие сланцевые орудия (тесла, стамески), отполированные чаще всего по всей поверхности, реже с пришлифовкой края (лезвия). В кладе нет ни одной заготовки, на которой можно было бы обнаружить следы употребления. Наличие в жилищах шлифованных орудий и орудий с частичной пришлифовкой дает основание считать, что вещи клада являлись полуфабрикатами.

В связи с вопросом о месте первичного расщепления сланца интересен поселок Ламбасручей, расположенный на восточном берегу Уницкой губы Онежского озера в 6 км к юго-востоку от стоянки Пегрема I. Здесь имеются выходы на поверхность кварц-альбит-хлоритового сланца (Вегорукское месторождение). Особенно мощные пласты сланца в центре и у озера, где при обследовании обнаружены отброшенные заготовки, куски и грубо обитые со всех сторон рубящие орудия. На скале и внизу найдены крупные сланцевые отщепы, выявленные также в шурфах, заложенных вдоль берега под скалой[11]. Все свидетельствует о том, что здесь производилась добыча сырья и первичная обработка заготовок. В некоторых местах на скале сняты пласты сланца, однако каких-либо орудий, которыми проводилась разработка камня, не сохранилось. Возможно, для этого использовались каменные орудия и роговые мотыги. Такие случаи известны в литературе [5]. Петрографическое изучение сланцевых орудий из энеолитического поселения Пегрема I и сланцев из Вегорукского месторождения выявило идентичность материала [6].

Исходя из имеющихся фактов, можно считать, что древние жители Пегремы I добывали сланец в Вегорукском месторождении. Первичную обработку сырья они производили на месте его добычи. Пригодные куски сланца и грубо обитые заготовки перевозились в поселок. В ряде случаев полуфабрикаты зарывались в землю для сохранения необходимой влаги, откуда по мере надобности их доставали и подвергали дальнейшей обработке, чтобы получить готовые орудия[12].

Не вызывает сомнений тот факт, что обитатели поселения Пегрема I прекрасно знали свойства горных пород Заонежья (кварца, сланца, кварцита и др.), в совершенстве владели техникой изготовления каменных орудий. Однако незначительное количество этих орудий (201 экз. вместе с обломками) и вместе с тем запасы полуфабрикатов на поселении дают основание предполагать, что население поселка, видимо, проводило заготовку сырья не только для собственных нужд, но и на обмен. Показателен тот факт, что на поселении даже не зафиксирована первая стадия обработки сланцевых орудий, в результате которой получаются отходы в виде крупных отщепов. Обнаружены лишь мелкие осколки и чешуйки, оставшиеся от вторичной обивки.

Следовательно, сырье в виде полуфабрикатов поступало в поселок после предварительной грубой обработки, проведенной, очевидно, на месте выработки. В таком же виде полуфабрикаты, судя по всему, шли на обмен. Часть изготовленных орудий предназначалась для нужд оби-

[11] Отщепы, очевидно, падали со скалы в процессе первичной обработки полуфабрикатов.

[12] Кроме того, так могли хранить полуфабрикаты, которые предназначались для обмена. Даже при длительном хранении в песке сланцевые заготовки не теряли, видимо, своих хороших качеств. Об этом свидетельствует прекрасная сохранность материала, обнаруженного в процессе раскопок памятника.

тателей поселка, которые пользовались также металлом. Образцы металла, найденные в мастерской и жилищах, были подвергнуты спектральному, химическому и металлографическому анализам[13], для сравнения были привлечены также образцы самородной меди из карьера Береговое и других месторождений Карелии. В результате исследований было установлено, что изделия изготовлены способом холодной ковки из дендритов — кристаллических образований местной самородной меди [7].

Судя по находке тигелька с каплями меди, можно говорить о попытках плавить самородную медь, однако способ получения ее из руды еще не был освоен в Заонежье. Приведенные факты позволяют видеть здесь самую раннюю стадию металлообработки в Карелии.

Характер медных предметов, наличие собственной мастерской по обработке меди (где одновременно изготовлялись каменные орудия), отсутствие типов металлических вещей, идентичность металла находок на поселении и образцов местной самородной меди, наличие на поселении дендритов самородной меди, наконец, весьма благоприятные условия добычи самородной меди, залегающей в месторождениях Заонежья, как правило, в кварц-кальцитовых жилах, свидетельствует о самостоятельном зарождении здесь металлообработки [8].

Датирование памятника комплексными методами относит время существования поселения Пегрема I к третьему тысячелетию до нашей эры [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузьминых С. В.* Об ананьинской обработке бронзы // Из истории и культуры Волосовских и Ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1977.
2. *Третьяков В. П.* К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья // МИА. 1968. № 131.
3. *Гурина Н. Н.* Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.
4. *Крижевская Л. Я.* Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская на северо-востоке Башкирии // МИА. 1960. № 79.
5. *Черныш Е. К.* Трипольские мастерские по обработке кремня // КСИА. 1967. Вып. 11.
6. *Журавлев А. П., Горлов В. И.* Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы // СА. 1978. № 1.
7. *Врублевская Э. Л.* Металлографические обследования образцов с поселения Пегрема I // КСИА. 1979. Вып. 157.
8. *Журавлев А. П.* О древнейшем центре обработки меди в Карелии // КСИА. 1975. Вып. 142.
9. *Журавлев А. П., Лийва А. А.* О датировке археологических памятников Пегремы (Карелия) // Геохронология четвертичного периода. М., 1980.

A. P. Zhuravlev

THE PEGREMA I SETTLEMENT

Summary

Soviet archaeologists display a hightened interest in the culture of the lozenge-pit pottery tribes who lived over the vast areas in the basins of the Psel, Don, Dnieper, the Upper Volga, Oka and the lake country. Pegrema 1, found in the northerns part of Lake Onega, on the Unitsa inlet, is one of the most interesting sites of this culture. Zhuravlev investigated it and discovered a copper smelting shop, three dwellings, household constructions, hearths, a considerable number of artifacts, pottery, stone implements and copper objects among them. The author applied natural scientific methods borrowed from physics, chemistry and geology to study the material. The C14 date was obtained and made more precise through palaeogeographic reconstructions and the transgressive-regressive stages of the palaeopond. The Pegrema people were skilled in mining, they discovered the uses of the local native copper, mined chist in the nearby mines and bartered part of what they mined. The settlement functioned in the 3rd millennium B. C.

[13] Спектральные исследования образцов выполнены в лаборатории спектральных анализов Института геологии Карельского филиала АН СССР Васильевой Э. С., металлографические — в лаборатории рентгено-структурного анализа Петрозаводского государственного университета, химические — Укконен Н. В. (КФ АН СССР) и Богдановой-Березовской (ЛОИА).

И. Т. ЧЕРНЯКОВ, Е. Ю. НОВИЦКИЙ

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ДЕРЕВЯННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

Проблема изучения памятников раннежелезного века в советской археологии в последнее время приобрела особое значение в связи с исследованием глобальных вопросов смены бронзового века железным, утверждением кочевнического хозяйства в степях Евразии и решением конкретных этноисторических задач, связанных со сменой киммерийских племен скифскими, определением роли фракийского и иранского этносов в культурно-этнической истории Восточной Европы [1, с. 75—91; 2, с. 224—233; 3, с. 259—268]. В широком круге проблем, которыми занимаются исследователи, особым интересом пользуются вопросы изучения погребальных обрядов и сооружений, среди которых выступают и погребения с деревянными конструкциями [4, с. 83—97; 5, с. 50—52].

В 1978 г. при раскопках кургана 2 у с. Холмское Арцизского р-на Одесской обл. в междуречье Дуная и Днестра обнаружено впускное погребение раннежелезного века с двумя довольно сложными деревянными конструкциями. Полевые и лабораторные исследования любых древних деревянных предметов, а тем более конструкций требуют отдельной методики, специализации и предельного внимания исследователей. Остатки деревянных конструкций в указанном кургане дошли до нас в более или менее сохранившемся виде потому, что они были на дне довольно глубокой ямы, верхняя часть которой была заложена камнями. Кроме того, детали деревянных конструкций в древности были подвергнуты тщательной обработке, а обработанные поверхности дерева сохраняются лучше в результате сдавливания верхних волокон под воздействием инструментов.

Однако почти в любом случае деревянные предметы после их очистки от земли быстро высыхают, расслаиваются и разрушаются. Это мешает исследователям не только сохранять деревянные изделия, но даже и четко зафиксировать их форму и размеры. Поэтому при исследовании деревянных конструкций в кургане у с. Холмское была применена методика поэтапной постепенной консервации дерева в процессе расчистки. Она заключалась в следующем. Консервация проводилась с помощью полибутилметакрилатной смолы и ее растворителей из ацетона и ксилола [6, с. 90, 91]. После первичной грубой очистки земли с деревянных деталей на небольшом пространстве они пропитывались слабым раствором смолы, после высыхания которой остатки земли удалялись, а дерево насыщалось более концентрированным раствором смолы. Так постепенно небольшими участками расчищались, консервировались и фиксировались все детали деревянных конструкций. Благодаря этому удалось не только изучить общую форму деревянных конструкций, но и отдельных деталей, способы соединения их, а в конечном счете попытаться на основании полученных данных сделать и общую реконструкцию. Лучше сохранились части деревянной конструкции, лежавшие в горизонтальном положении, вертикальные части и деревянные детали, лежавшие выше дна ямы, сохранились хуже. Консервация вертикальных деталей конструкции представляет особые трудности. Несмотря на известные и разработанные методы консервации деревянных археологических объектов [7, с. 371—373; 8, с. 209—210; 9, с. 278—281; 10, с. 227—229], каждый новый памятник требует отдельного подхода и применения индивидуальных приемов консервации и технических средств.

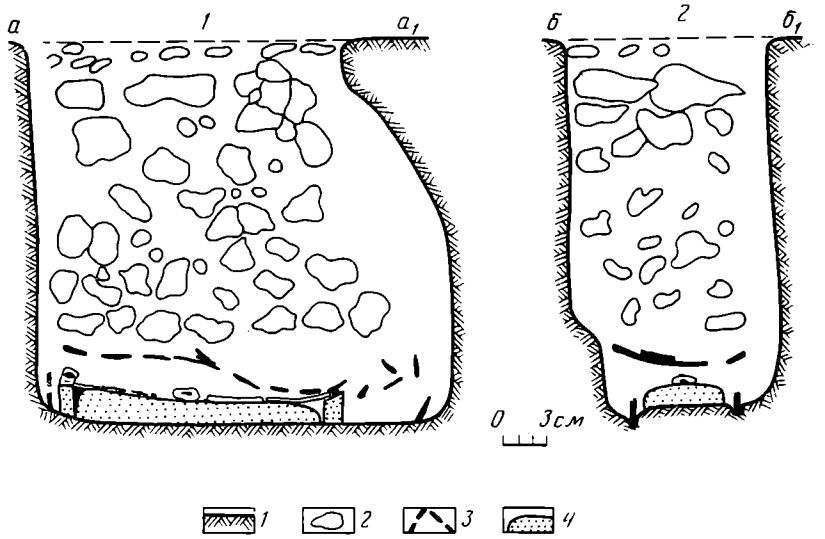


Рис. 1. Курган 2 у с. Холмское, погр. 3, разрезы. *1* — границы ямы; *2* — камни; *3* — деревянные конструкции; *4* — глиняные фигурные «подушки»

Погребение 3 раннежелезного века было впущено почти в центр трехметровой насыпи более древнего кургана 2. Каменный заклад толщиной до 2 м прослеживался с поверхности насыпи. Он состоял из крупных и мелких необработанных камней известняка. В верхней части заклада все камни лежали плоскими сторонами в горизонтальном положении. Нижняя часть заклада состояла из хаотично расположенных камней вперемешку с землей, лежащих длинной плоскостью перпендикулярно или под углом (рис. 1, *1, 2*). Расположение камней завала свидетельствует о провале более плотного каменного заклада внутрь ямы после осадки засыпки ямы в результате разрушения деревянных конструкций в нижней части погребальной камеры.

Погребальная яма удлиненно-овальной формы (рис. 2, *1*). Глубина ямы 2,6 м. Ее размеры в верхней части 1,5×1,0 м. На глубине 0,7 м длина ямы увеличивается с южной стороны, образуя своеобразный небольшой подбой. Размеры ямы у дна: длина 2,8, ширина 1,2 м. У западной стенки на глубине 1,8—2,2 м сделан небольшой косой уступ шириной 0,1 м.

Под каменным закладом на глубине немного более 2 м была расчищена первая верхняя деревянная конструкция, перекрывавшая костяк (рис. 2, *1*). В результате разрушения ножек конструкции она, вероятно, несколько сместилась от первоначального положения, сильно покоробилась и в значительной степени была разрушена обвалом каменного заклада в результате проседания грунта засыпки погребальной камеры. Наиболее хорошо сохранилась центральная часть конструкции и край, расположенный над головой погребенного. Однако сохранившиеся деревянные детали дают полную возможность для ее реконструкции. Основу прямоугольной деревянной конструкции составляет брус с прямоугольным сечением 7×9 см. Его длина около 180 см. По всей длине в брусе выдолблены прямоугольные отверстия, в которые пропущены планки (размеры сечения 3×5 см, длина 90 см) (рис. 2, *1, Б*). На расстоянии 15 см от краев планок в них также были выдолблены прямоугольные отверстия и через них пропущены две прямоугольные планки сечением 2,5×3 см (рис. 2, *1, В, Г*). Таким образом, получилась довольно жесткая удлиненно-прямоугольной формы деревянная конструкция, состоящая из центрального продольного бруса, двух параллельных планок и примерно 13—15 поперечных планок, соединенных между собой путем пропускания планок через отверстия деталей. При этом поперечные планки не составляли одной закрытой деревом плоскости, создавая решетчатую конструкцию. Лишь над головой погребенного поперечные планки снизу были пе-

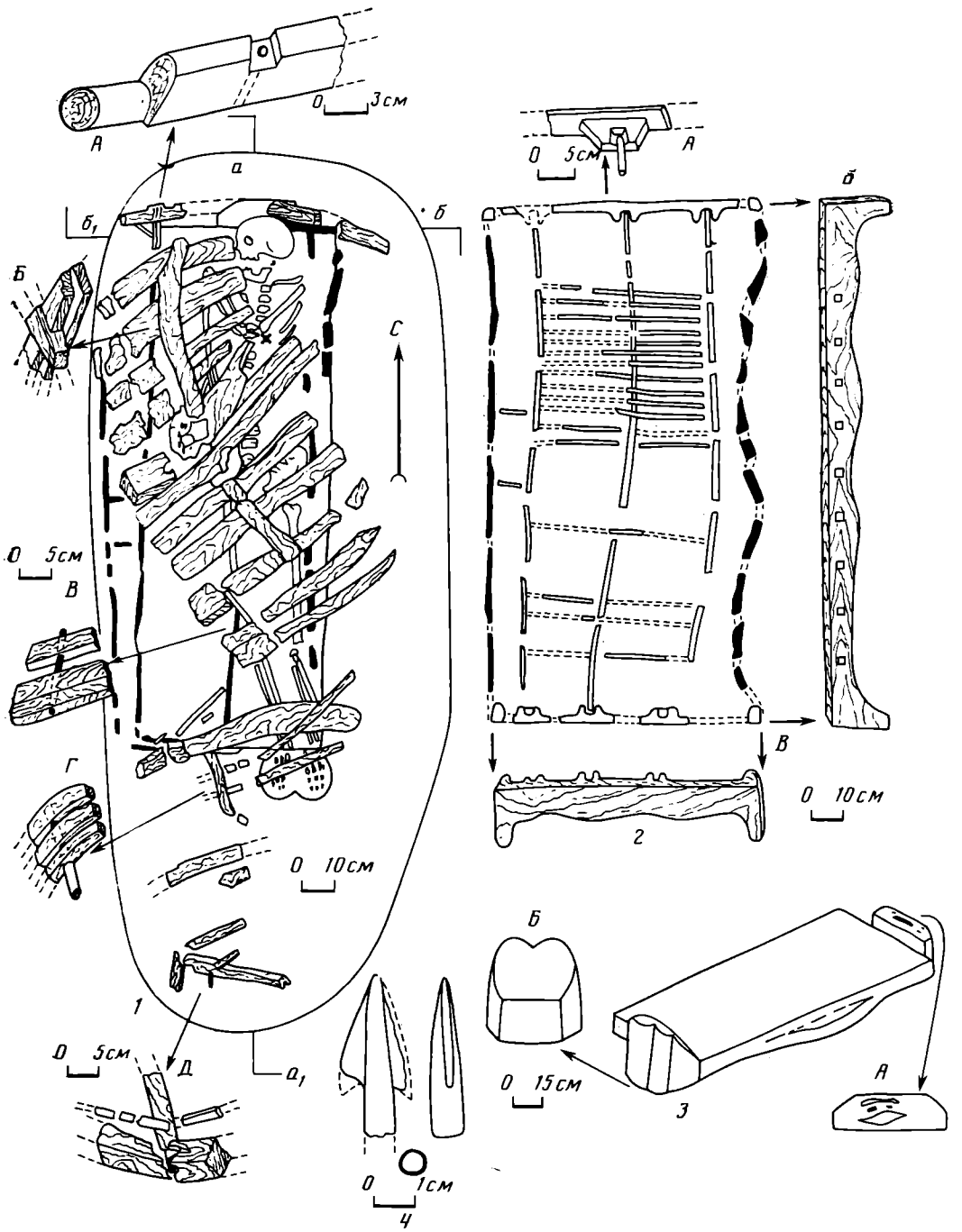


Рис. 2. Курган 2 у с. Холмское, погр. 3. *1* — план; *2* — детали деревянных конструкций, *3* — глиняная «подушка»; *4* — бронзовый наконечник стрелы (на плане отмечен крестиком)

рекрыты деревянными досками. Их крепление, к сожалению, не прослежено. Возможно, они были прикреплены с помощью деревянных шплинтов. В северной части у головы погребенного торцевая часть конструкции закреплена в бруске с помощью двух пазов, в которые входили концы двух боковых продольных планок, расположенных с двух сторон от центрального продольного бруса (рис. 2, *1*, *А*). Прямоугольный торцевой брус передней части конструкции имел сечение 6×4 см. Его концы на половину толщины закруглены и оформлены в виде рукояток длиной 7,5 см (рис. 2, *1*, *А*). Посредине прямоугольных выдолбленных пазов этого бруса высверлены отверстия для закрепления верхней части ножек конструкции с помощью шиповых соединений [11, с. 107]. Остатки одного из креплений ножек сохранились слева от головы погребенного (рис. 2, *1*). Сечение бруска ножки 5×5 см. В южной части погребальной камеры со-

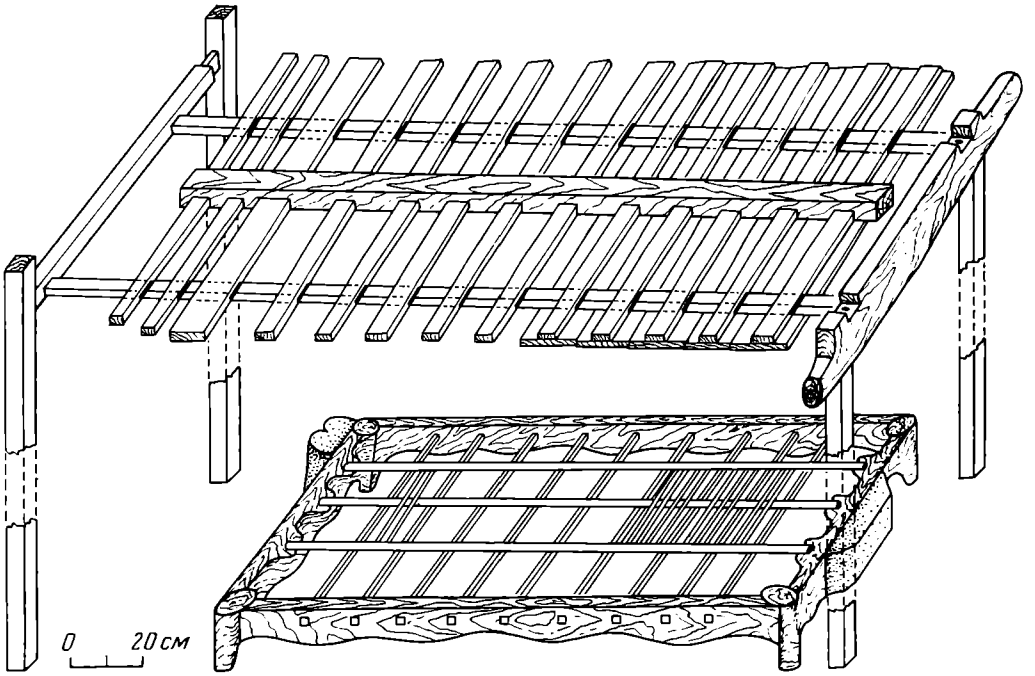


Рис. 3. Реконструкция деревянных носилок-навеса и ложа из погр. 3 кург. 2 у с. Холмское

хранилось крепление одной из ножек противоположной торцевой части деревянной конструкции. Оно состояло из двух аналогичных ножек, закрепленных на конце поперечной планки с помощью шипового соединения (рис. 2, *2*, *Д*). С помощью шиповых соединений в эту торцевую планку были закреплены две продольные планки по обе стороны от центрального бруса всей конструкции (рис. 3). Трудно восстановить действительную высоту верхней деревянной конструкции, стоявшей в погребении на четырех ножках. По всей видимости, вырезанная ступенька в западной длинной стенке и расположение остатков верхней деревянной конструкции немного ниже нее свидетельствуют о том, что сооружение ступеньки (расширение ямы) было сделано на уровне поверхности деревянной конструкции, перекрывавшей погребение. В таком случае высота ножек равнялась около 30—50 см.

Под завалом остатков первой деревянной конструкции находился скелет. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, лицом повернут к западу. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая положена на грудь, наискось, кистью к правой.

Погребенный был положен на вторую деревянную конструкцию, представляющую собой ложе размером 1,7×0,9 м. После снятия костей скелета была проведена расчистка, консервация и фиксация остатков деревянного ложа, которое сохранилось несколько лучше первой верхней деревянной конструкции. Следует отметить, что вся поверхность деревянных частей ложа была окрашена красной охрой. Ложе представляло собой прямоугольную деревянную раму из досок с решеткой из прутьев и планок (рис. 2, *2*). Рама изготовлена из досок, нижний край которых имеет фигурно вырезанную линию (рис. 2, *2*, *Б*, *В*). В продольных досках у верхнего края выдолблены квадратные отверстия в ряд, в которых крепились поперечные прутья решетки. На поперечных досках в каждой из них с внутренней стороны вырезаны или наклеены (не прослежено) по три специальных упора пирамидальной формы с квадратным гнездом для крепления трех продольных планок (рис. 2, *2*, *А*). Поперечные прутья располагались примерно в 10 см друг от друга, составляя решетку с продольными планками. У изголовья решетка из прутьев в средней части между двумя продольными планками была заложена более короткими часто расположенными прутиками. Ножки ложа закреплены по углам рамы

шпонками и, вероятно, клеем животного происхождения. Высота ножек 20, толщина 6 см. Ножки ложа у изголовья и изножья несколько отличны по сечению.

Деревянное ложе оказалось коротким для умершего, поэтому его голова и ступни положены на специальные фигурные подставки, изготовленные из сырой глины. Подголовник и подножье представляют часть глиняной «подушки», на которой покоилось ложе (рис. 2, *3*). В момент установки ложа глиняная «подушка» еще была сырой, в результате этого на ней образовалась вмятина от бортика ложа. Размеры глиняной подушки: длина 1,7, ширина 0,8, высота 0,1 м. Глиняный подголовник имеет форму призмы (рис. 2, *3*, *А*). Его размеры: высота 20, длина 37, ширина 12 см. Глиняная подставка в ногах погребенного оформлена в виде усеченной призмы, бабочковидной в плане (рис. 2, *3*, *Б*). Ее размеры: высота 15—30, ширина 27, толщина 16 см. Подножие, как и деревянное ложе, окрашено красной охрой. Подголовник расположен примерно посредине торцевой стороны деревянного ложа, а подножие — у одного из его углов. Скелет лежит поэтому несколько наискось по отношению к оси ложа с наклоном на правый бок (рис. 2, *1*). Подголовник и подножье немного выступают вверх над уровнем ложа.

На глиняном подголовнике найдено несколько фрагментов деревянной заполированной палочки, величина наибольшего из них равна 1×5× ×15 см. Там же расчищен отпечаток плоского деревянного предмета, заостренного с обеих концов. Его длина около 20 см. Возможно, указанные деревянные предметы связаны с прибором для добывания огня. При разборке костяка в районе грудной клетки обнаружен бронзовый литой двухлопастный наконечник стрелы с длинной втулкой и опущенными вниз жальцами пера (рис. 2, *4*).

Тщательная расчистка с последующей консервацией деревянных деталей и их фиксации на чертежах позволяет сделать реконструкцию двух деревянных сооружений (рис. 3 и 4). Первое из них представляет решетчатое прямоугольное перекрытие на ножках, установленных на дне могилы. Некоторые детали этого сооружения делают возможным восстановить некоторые дополнительные черты погребального обряда племен раннежелезного века. Наличие ручек, прочная конструкция, возможно, свидетельствуют о том, что оно использовалось в качестве специального деревянного постамента до совершения погребения и в качестве своеобразных носилок для переноски умершего в погребальной процессии к месту погребения в кургане. Мастерски изготовленное деревянное ложе и устройство глиняной «подушки» под ним, специального подголовника и подножья из глины являются пока уникальными для этой эпохи. Поражает точная и кропотливая обработка деревянных деталей, изготовление сложных конструкций, их соединений с применением всего арсенала технических приемов столярного мастерства, свидетельствующих о высокоразвитом процессе деревообработки у степных племен раннежелезного века Северного Причерноморья.

Широкое культурно-хронологическое исследование погребений раннежелезного века в степной зоне Северного Причерноморья началось сравнительно недавно. Этому в немалой степени способствовали активные охранные полевые исследования в зонах новостроек оросительных систем южной части нашей страны. Капитальная работа по учету всех погребений раннежелезного века предскифского периода проделана А. И. Тереножкиным, который разделил их на две хронологические ступени: черногоровскую (900—750 гг. до н. э.) и новочеркасскую (750—650 гг. до н. э.), выделив таким образом ранний этап железного века между самыми поздними памятниками белозерского типа эпохи поздней бронзы и собственно скифскими памятниками [12, с. 194]. По вытянутому обряду погребения с поворотом на бок холмское относится к новочеркасской ступени [12, с. 99]. Однако господствующей ориентировкой этих погребений является западная, северная зафиксирована в единичных случаях. Для погребений обеих ступеней характерны впускные глубокие ямы в более ранние курганы, их овальная форма и присутствие каменных закладок.

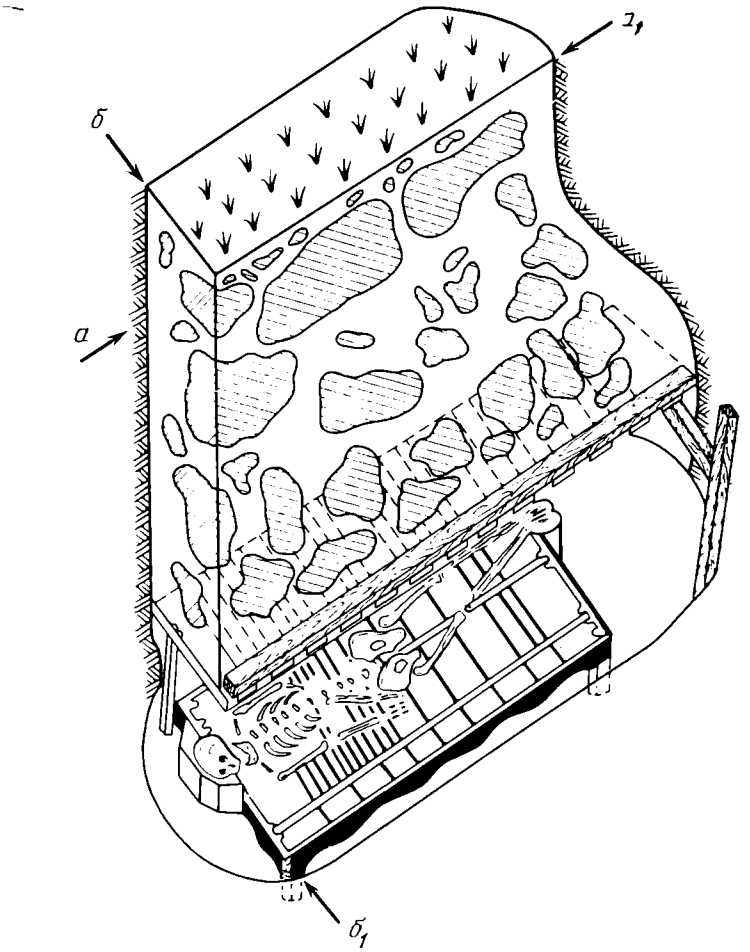


Рис. 4. Аксонометрия погр. 3 кург. 2 у с. Холмское

Наиболее существенным для нас является наличие деревянных конструкций в погребениях. Деревянные перекрытия в Северо-Западном Причерноморье известны в предшествующую эпоху поздней бронзы. Сложное деревянное перекрытие изучено в сабатиновском погребении у с. Борисовка [13, с. 55, рис. 41]. Значительное распространение различные деревянные конструкции получили на этой, как и других территориях Северного Причерноморья в погребениях белозерского типа [14, с. 9; 15, с. 26, рис. 2, 6]. Но самое широкое бытование деревянных конструкций на степях Северного Причерноморья отмечается в раннем железном веке. Среди них отмечены деревянные заслоны, деревянные перекрытия и бревенчатые накаты, срубы, склепы, обшивка стенок досками, столбы, настилы и др. [12, с. 25, 28, 29, 31, 34, 36, 37, 45, 58, 60, 61]. Особый интерес представляет сруб в погребении 5 у с. Балки, стенки которого были обмазаны глиной и раскрашены красной краской [12, с. 31]. В могиле 5 кургана 40 у с. Софиевка обнаружен саркофаг из досок, поверхность которых покрыта сложным резным орнаментом и раскрашена красной краской [12, с. 61].

Заслуживает внимания деревянная конструкция из погребения в кургане у с. Зольное [12, с. 44]. Здесь обнаружены столбики высотой 0,8 м. Поверх них находилось перекрытие из жердей, а на дне могилы под костями скелета прослежены поперечные брусы с прутьями. Все это напоминает деревянные конструкции из погребения в кургане у с. Холмское. Таким образом, некоторые детали, прослеженные нами, находят аналогии в других погребениях.

Обнаруженный в погребении бронзовый наконечник стрелы относится к довольно редкому для этой эпохи типу на территории Северного Причерноморья. Аналогичный наконечник был обнаружен в погребении у хут. Верхнеподпольный [12, с. 36, рис. 10, 12]. Близок к нему и нако-

нечник стрелы из хут. Колотаева [12, с. 50, рис. 20, *1*]. А. И. Тереножкин такую разновидность лавролистных двухлопастных наконечников стрел с приостренными лопастями (третий тип по классификации А. И. Тереножкина) относит к черногоровскому типу памятников [12, с. 133, 134]. Исходя из этого холмское погребение скорее всего можно относить к началу новочеркасской ступени по А. И. Тереножкину, т. е. к середине VIII в. до н. э. В. А. Ильинская связывает распространение близких по форме наконечников стрел новочеркасского типа в степях Украины и Северного Кавказа с появлением группы ранних кочевников VIII в. до н. э. [16, с. 26].

В целом материалы погребения раннего железного века у с. Холмское не только дополняют сведения о погребальном обряде и сооружениях, но дают ценнейшие сведения о характере деревянных конструкций, находки которых хотя и многочисленны, но сохранность их не дает возможности полной реконструкции. Деревянные реконструкции из холмского кургана являются пока первыми для раннего периода железного века в Северном Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 117.
2. *Мелюкова А. И.* Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н. э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М.: Наука, 1984.
3. *Членова Н. Л.* О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М.: Наука, 1984.
4. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
5. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
6. *Винокуров М. П., Герасимова Н. Г., Мельникова Е. А. и др.* Новые возможности полибутилметакрилата, как закрепляющего материала // СГЭ. 1975. Вып. 40.
7. *Вихров Ю. В., Казанская С. Ю.* Сохранение деревянных изделий из археологических раскопок // Тези пленарних і секційних доповідей (Результати польовых археологічних досліджень 1970–1971 рр. на территорії України). (АН УРСР. Інститут археології. 15-а наукова конференція, присвячена 50-річчю утворення СРСР). Одеса, 1972.
8. *Казанская С. Ю.* К вопросу сохранения и реставрации археологических деревянных находок // Материалы научно-технической конференции по итогам научных работ 1969 г. (Кр. сооб. Белорусск. технол. ин-та). Минск, 1970.
9. *Вихров В. Ю., Вихров Ю. В., Казанская С. Ю. и др.* Консервация деградированной древесины из археологических раскопок // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971.
10. *Зворыкин Н. П.* Вопросы консервации археологических деревянных конструкций на международном коллоквиуме в Людвигсбурге // Реставрация и исследования памятников культуры. 1975. Вып. 1.
11. *Громов Г. А., Солодовников Г. Н., Черепашенец Б. А.* Практикум по деревообработке. М.: Просвещение, 1977.
12. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
13. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // МАСП. 1970. Вып. 6.
14. *Ванчугов В. П., Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
15. *Тощев Г. Н.* Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
16. *Ильинская В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973. № 12.

I. T. Chernyakov, E. Y. Novitsky

AN EARLY IRON AGE BURIAL WITH WOODEN STRUCTURES

Summary

In 1978 an early Iron Age burial with wooden structures found at the Kholmskoe village (Artsiz District, Odessa Region) was investigated. The advanced methods of conservation helped preserve the exact location of fragments and reconstruct the wooden bed and the ceiling. The bed stood on a clay support, the head-rest and the feet-rest were clay as well. The burial rite, the wooden structures and a bronze two-blade hollow arrowhead date the burial to the mid-8th century B. C.

Л. Г. ШЕПКО

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ КУРГАНЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

На протяжении нескольких веков причерноморские и волго-донские степи занимали племена сарматов. Археологические раскопки выявляют ежегодно на этой территории все новые памятники сарматской культуры. В основном они локализуются в Прутско-Днестровском междуречье, нижнем течении Днепра, бассейне Орели и Самары, Подонье.

Северное Приазовье, которое входило в зону обитания сарматов и являлось промежуточным пунктом на пути их передвижения на запад, изучено недостаточно. Находок, принадлежащих сарматам, здесь известно немного. В связи с этим большой интерес представляют ряд курганов, раскопанных в 1980 г. экспедицией Донецкого госуниверситета на юге Донецкой области [1].

На возвышенности правого берега Кальчикского водохранилища к югу и западу от с. Шевченко Володарского р-на располагались три курганные группы. Одна из них насчитывала 21 насыпь и протянулась по гребню водораздела с запада на восток на расстояние 1,1 км (рис. 1, *1*). Были раскопаны 14 курганов этой группы. Из них три кургана сооружены в эпоху бронзы, три — в скифское время, шесть связаны с позднесарматскими захоронениями. В двух курганах погребений не оказалось. Насыпь одного из них была покрыта бессистемно лежащими в 1—3 слоя камнями. Центральная часть кургана нарушена в годы Великой Отечественной войны. Высота насыпи 0,25 м, ее диаметр 16 м. Под камнями встречены зуб лошади, незначительные обломки костей животных и мелкие сколы красноглиняной амфоры. Никаких признаков погребения не отмечено.

Другой курган также незначительно возвышался над поверхностью (высота 0,18 м, диаметр около 15 м). Под пахотным слоем находилась вымостка из камней, которые залегали практически на одном уровне, вероятно, на погребенной почве. Конструкция сооружения имела вид горизонтальной, округлой в плане площадки. Под камнями обнаружены мелкие, расслоившиеся обломки тонкостенного небольшого сосуда. Погребальных сооружений в этом «кургане» не выявлено.

Курган 4 (высота 0,99 м, диаметр 16 м) представлял собой каменную насыпь, основание которой находилось на уровне погребенной почвы. Центр ее слагали 4—6 слоев камней, к полам их количество уменьшалось до 2—3. Диаметр каменной конструкции 10,5 м, а толщина ее в центре 0,8—0,85 м (рис. 1, *2*). Среди камней встречались кости животных, на уровне погребенной почвы обнаружен развал красноглиняной амфоры (рис. 2, *3*).

Под каменной насыпью следы какого-либо сооружения не были прослежены. Погребение располагалось в 10,6 м к северо-западу от центра, т. е. за пределами кургана. На расстоянии 2,6 м от края западной полы на глубине 0,3—0,35 м от современной поверхности оно было отмечено цепочкой камней. Они протянулись на расстояние около 2 м с севера на юг. Под ними в материке прослежена яма прямоугольной формы с закругленными углами, вытянутая также по линии север — юг. Ее размеры 2×0,55 м. Ко дну длина увеличивалась до 2,3 м. Глубина ямы в материке 0,7—0,75 м. До дна она была забутована желтым материковым суглинком. Вдоль длинной западной стенки находился подбой удлиненно-

[1] Выражаю искреннюю благодарность руководителю экспедиции А. А. Моруженко и авторам раскопок Н. П. Зарайской, В. А. Посредникову и А. И. Привалову за разрешение опубликовать материалы раскопок.

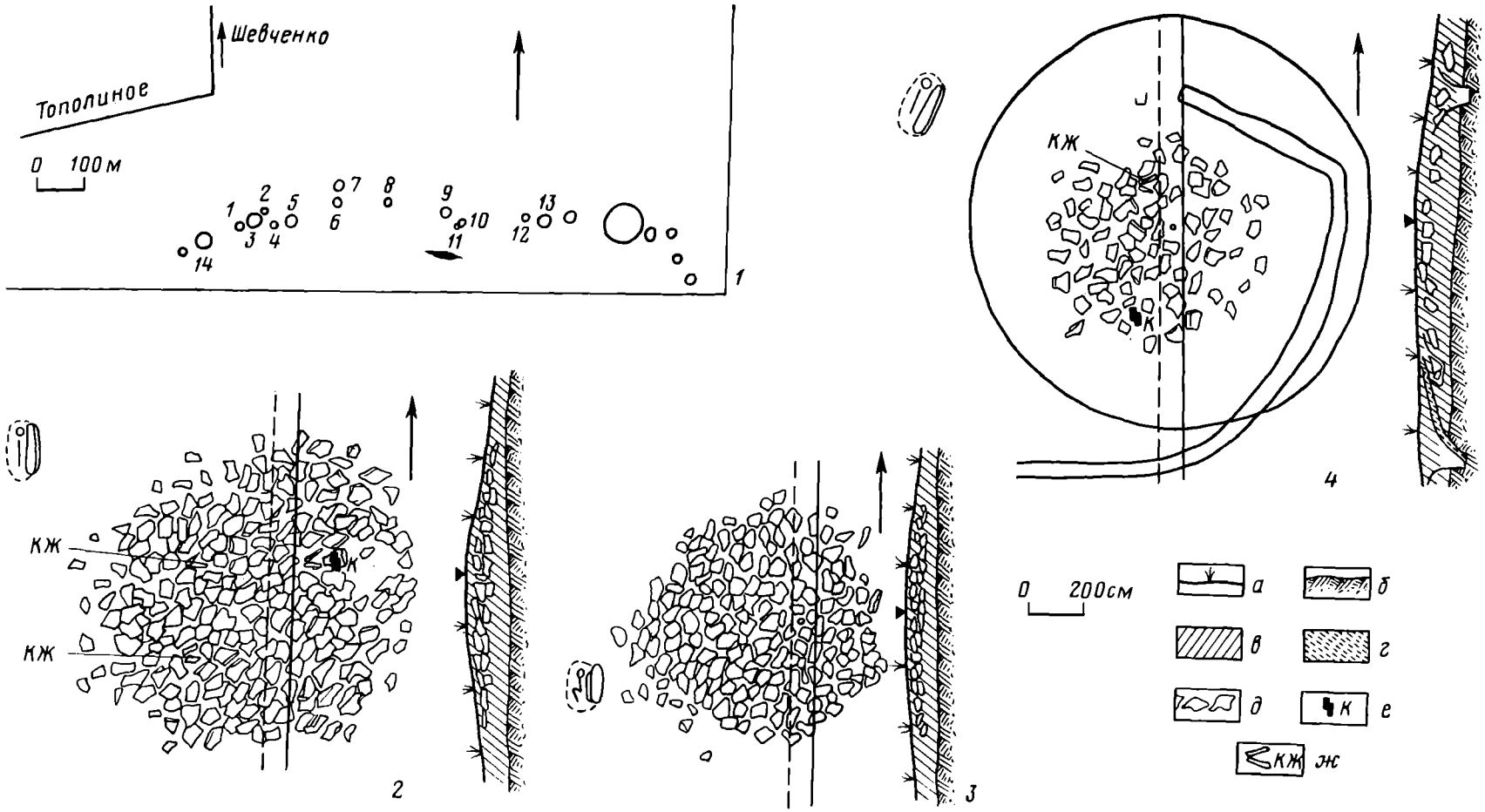


Рис. 1. *1* — карта-схема расположения курганов курганной группы I; 2 — кург. 4; *3* — кург. 6; *4* —кург. 9; *а* — пахотный слой; *б* — материк; *в* — насыпь; *г* — перемешанный грунт; *д* — камни; *е* — обломки керамики; *ж* — кости животных

овальной формы размерами 2,25×0,8 м, дно которого на 0,15 м ниже дна входной ямы. Высота свода подбоя достигала 0,38 м, устье имело вид прямоугольной щели 2,25×0,3 м, закрывавшейся деревянным закладом (рис. 2, *1*). В северной части входной ямы стоял сероглиняный кувшин с лощеной поверхностью, верхняя часть его ручки украшена круглым налепом (рис. 2, *2*). Рядом с сосудом лежала бронзовая лучковая фибула (рис. 2, *7*), в южной части входной ямы — две железные пряжки (рис. 2, *4*, *5*).

В подбое находился скелет взрослого мужчины, ориентированный головой на север. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, левая рука согнута в локте, кисть — на тазовых костях (рис. 2, *1*). В изголовье обнаружено бронзовое кольцо диаметром 3,5 м (рис. 2, *6*). У коленного сустава правой ноги — железный кинжал без перекрестия и металлического навершия (общая длина 28 см) и нож (длина 11,2 см) с остатками дерева на лезвии (рис. 2, *9*, *10*), рядом уздечный набор из двух бронзовых пряжек с обоймами и подвесками (рис. 2, *12—15*). Вдоль левой ноги располагались фрагменты округлой пряжки (рис. 2, *11*), под стопами — кольчатые железные удила (рис. 2, *8*). На дне подбоя под костями прослежены рыжеватые пятна, вероятно, от подстилки.

Курган 5 (высота 0,95 м, диаметр 20 м) располагался в 25 м к востоку от кургана 4. Он представлял собой небольшую земляную насыпь высотой до 0,6 м и диаметром до 8 м, которая была перекрыта уложенными в 2—3 слоя камнями. Диаметр каменной насыпи 13 м, толщина до 0,45 м. Среди камней в западной части кургана обнаружены кости животных и обломки амфорной керамики. В северо-западном и юго-восточном секторах насыпи наблюдались большие участки поверхности, свободные от камней. На расстоянии 5,2 м к востоку от центра обнаружены остатки трех каменных статуй XI—XII вв., тонкостенный бронзовый котел, возле которых найдены обломки костей лошади (рис. 3, *1*).

В центре насыпи с ее поверхности проходил грабительский ход, который до глубины 1,6 м был заполнен камнями вперемешку с землей. Дно лаза неровное, уступами понижавшееся к западу до глубины 2,9 м. У конца он сворачивал к северу, где стыковался с ямой погребения 1. В заполнении грабительского лаза обнаружены человеческие кости, стеклянные, янтарные, коралловые бусы различной формы, бронзовые подвески, осколки зеркала, обломки железного браслета, а также мелкие фрагменты изделий из бронзы и железа. Кроме этого, здесь найден клык кабана со следами обработки, обломки лепного и гончарного сосудов (рис. 4, *1—19*).

В кургане находилось одно погребение. Оно было зафиксировано в материке на глубине 1,9 м на расстоянии 1,15 м к северо-западу от центра и имело вид неправильного овала. Длина его составляла 1,8 м, ширина у северной стенки — 1,15 м, у южной — 0,8 м. На глубине 2,4 м с западной стороны ямы находилась разрушенная ступенька. В восточной части ямы располагался подбой, свод которого местами обрушился. Подбой овальной формы ориентирован с севера на юг с небольшим отклонением к западу. Его размеры 2×0,9 м. Дно располагалось на глубине 3,4 м. В северной стенке проходила большая кротовина, а в южной на высоте 0,5 м от дна находился лаз грабительского хода. На поверхности ступеньки и вдоль западной стенки подбоя на дне сохранились следы толстого слоя мела, в котором обнаружены остатки кожи и древесного тлена. В юго-западном углу подбоя минеральной краской оставлена тонкая красная полоса. Отдельные чешуйки краски встречались и в заполнении его.

Остатки скелета были сброшены в кучу вблизи лаза. В южной части ямы обнаружена основная часть сохранившихся вещей, повторявших состав найденных в грабительском ходе. Это голубой бисер и бусины: зеленые стеклянные, округлые одноцветные и полихромные пастовые, округлые и цилиндрические коралловые, биконические костяные, кубические деревянные, 14-гранные из египетского фаянса бирюзового цвета, округлые и плоские янтарные, а также крупная бронзовая с напаянными ши-

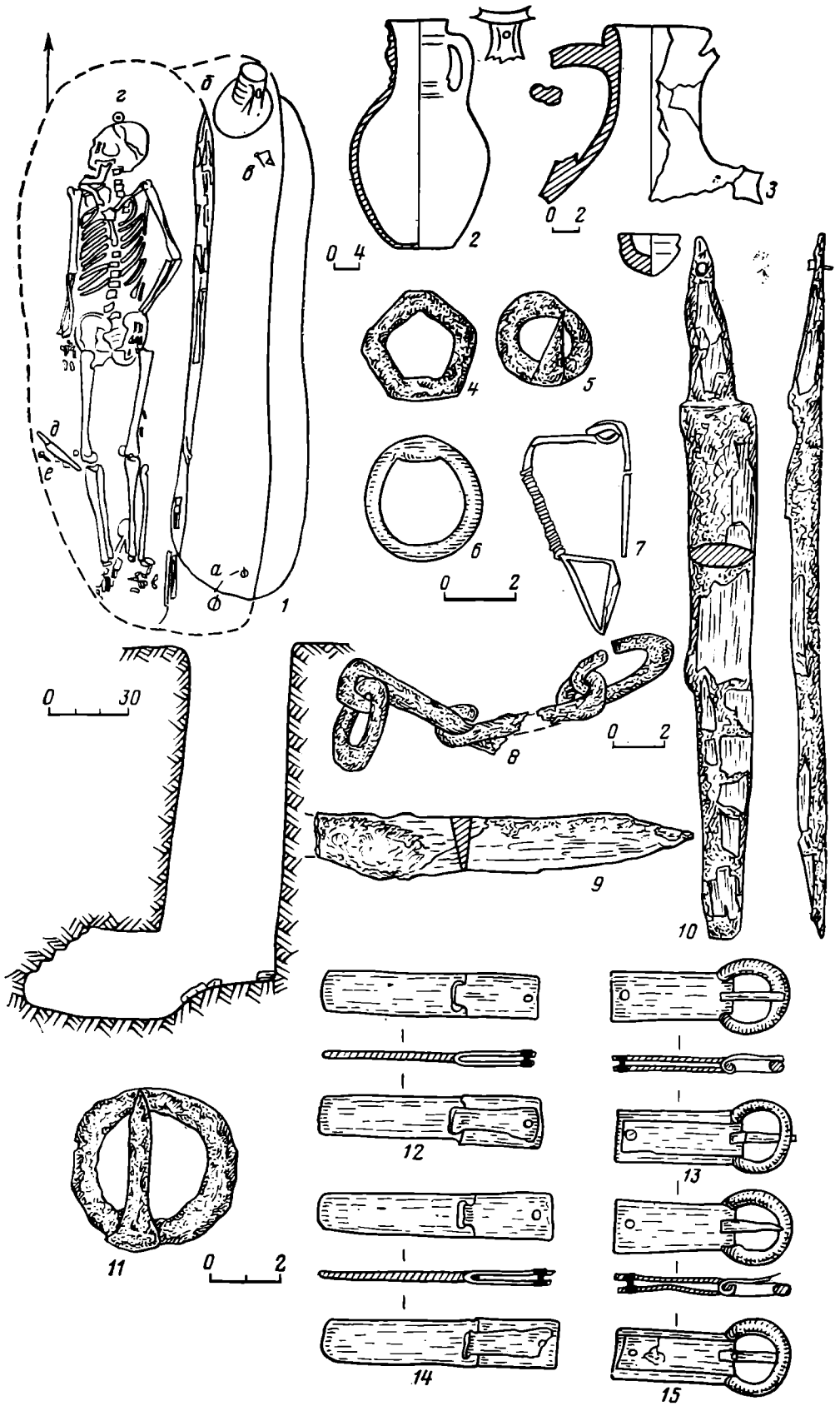


Рис. 2. Курган 4. *1* — план и разрез погребения (*а* — пряжки; *б* — сосуд; *в* — фибула; *г* — кольцо; *д* — кинжал; *е* — пряжка с обоймой); *2* — кувшин; *3* — фрагменты амфоры из насыпи; *4, 5, 11* — пряжки; *6* — кольцо; *7* — фибула; *8* — удила; *9* — нож; *10* — кинжал; *12–15* — пряжки с обоймами и подвесками; *2, 3* — глина; *4, 5, 8–11* — железо; *6, 7, 12–15* — бронза

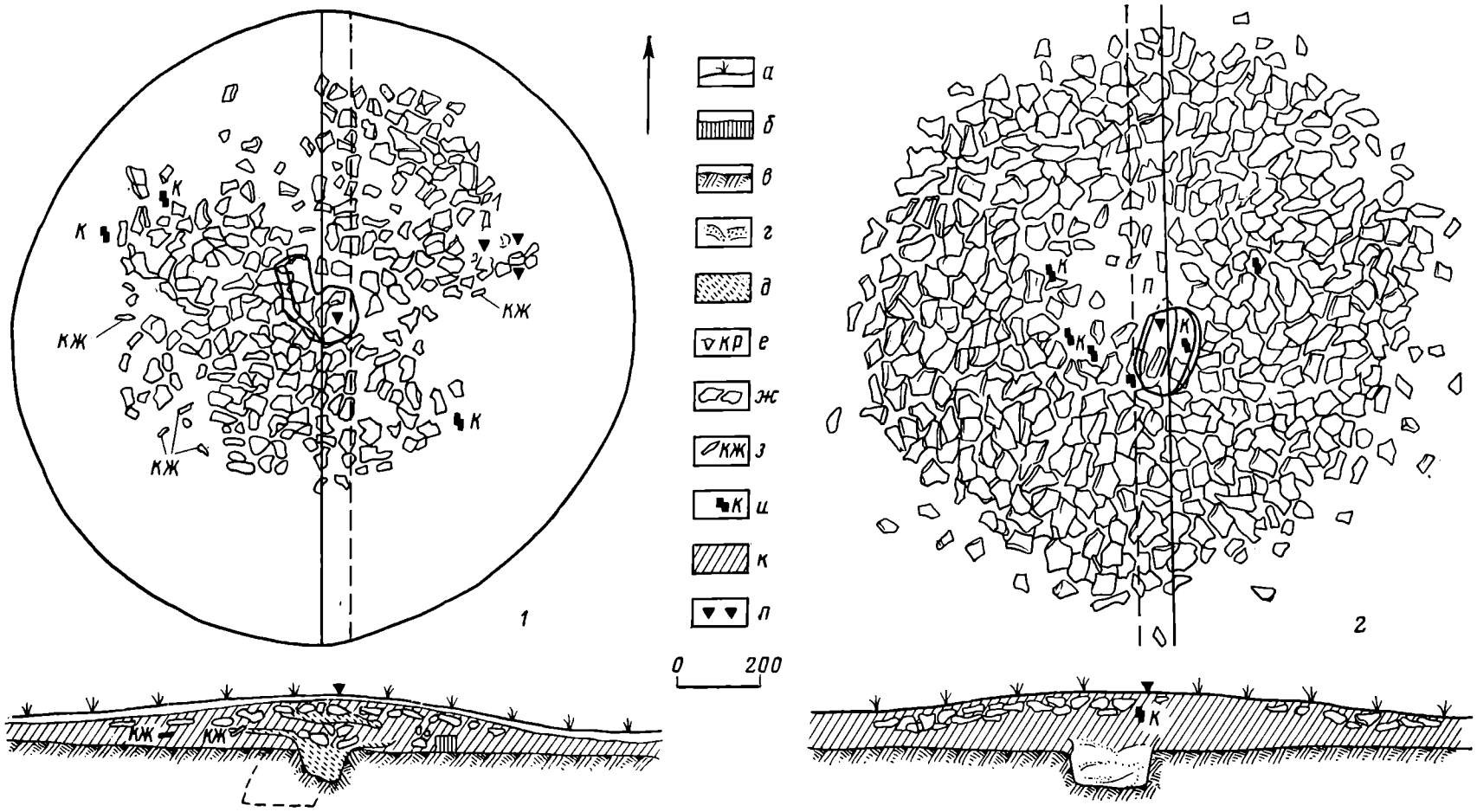


Рис. 3. Планы и профили курганов. *1* — кург. 5; *2* — кург. 7. *а* — пахотный слой; *б* — погребенная почва; *в* — материк; *г* — заполнение погребения; *д* — перемешанный грунт; *е* — кротовины; *ж* — камни; *з* — кости животных; *и* — обломки керамики; *к* — насыпь; *л* — остатки каменных стел и котла

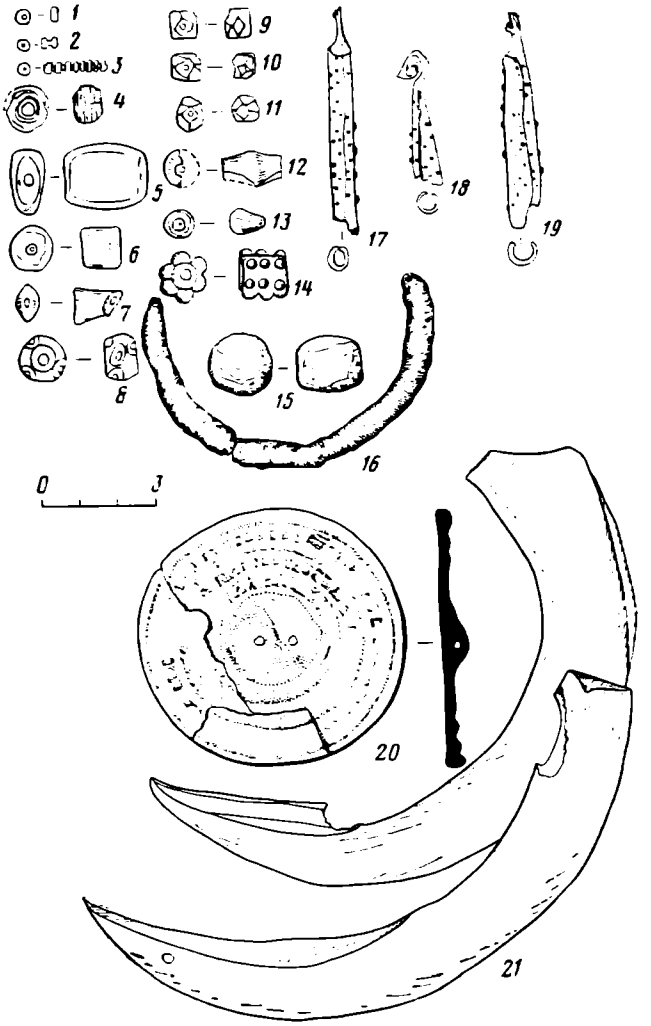


Рис. 4. Вещи из кургана 5. *1—15* бусы; *16* — браслет; *17—19* — подвески; *20* — зеркало; *21* — изделия из клыка кабана. *1—4, 8* — паста; *5* — янтарь; *6, 7* — коралл; *9—11* — египетский фаянс; *12* — кость; *13* — глина; *14* — бронза; *15* — алебастр; *16* — железо, *17—20* — бронза

шечками (рис. 4, *1—15*). Встречены фрагменты бронзовой подвески, осколки бронзового зеркала, обломок железного ножа, подвеска из зуба животного, второе изделие из клыка кабана (рис. 4, *21*). Под северной стенкой лежали бронзовое зеркало диаметром 7 см с центральной петлей (рис. 4, *20*), обломки речной раковины, фрагменты железных предметов.

Курган 6 (высота 0,53 м, диаметр 15,5 м) сооружен из гранитных глыб различной формы и величины. На вершине они залегали в три слоя мощностью до 0,8 м. к периферии количество слоев уменьшалось до одного. Диаметр каменного сооружения составлял 9,8—10,5 м. В 3 м от центра на глубине 0.35 м среди камней найден каменный пест. Непосредственно под курганом не было прослежено никаких признаков погребения (рис. 1, *3*).

Как и в кургане 4. погребение располагалось за пределами насыпи на расстоянии 8,8 м к западу от центра. т. е. в 1,5 м от западной полы. На поверхности, сверху, ничем не отмечено. Входная яма, вытянутая с севера на юг, имела форму, близкую к овальной. Ее размеры 1,61××0,72 м. До дна была забутована желтым материковым грунтом. Вдоль западной стенки располагался подбой размером 1,95×1 м. Дно его на 16 см ниже уровня входной ямы (рис. 5. *5*). На дне входа обнаружены фрагменты дерева, вероятно, от заклада. В подбое находился костяк

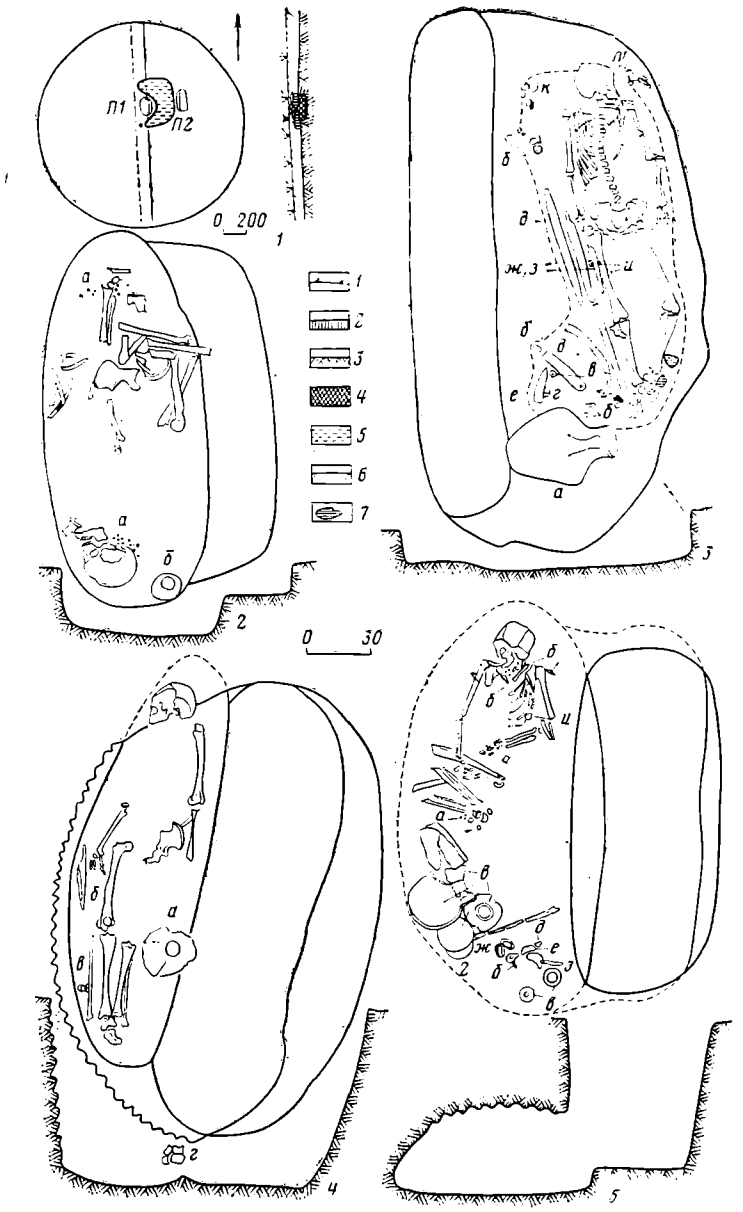


Рис. 5. *1* – кург. 8; *2* – кург. 8, погр. 1 (*а* – бусы; *б* – сосуд); *3* – кург. 8, погр. 2 (*а* — сосуд; *б* — пластины; *в* – колечки; *г* – пряжка; *д* – точильные бруски; *е* – рог; *ж*, *з* – меч, кинжал, нож; *и* – буспны; *к* – обломки керамики; *л* – удила). *4* – кург. 7 (*а* – сосуд; *б* — кинжал, нож; *в* – пряжки; *г* –обломки керамики); *5* – кург. 6 (*а* – бусы; *б* – фибулы; *в* – сосуды; *г* – котелок; *д* – прясло; *е* – раковины; *ж* — обоймы, обломки железа; *з* – нож; *и* – зеркало). *1* – пахотный слой; *2* – погребенная почва; *3* – материк; *4* – перекоп; *5* – материковый выкид; *6* – насыпь; *7* – куски дерева

взрослой женщины. Она лежала на спине с разворотом направо, с согнутыми вправо коленями. Правая рука — вдоль туловища, кисть — на бедренной кости левой ноги, левая рука согнута в локте, кисть — в области живота. Ориентировка — северная. У правого виска находилась серьга из серебряной витой проволоки (диаметр 1,6 см). Вторая, такая же, найдена у нижней челюсти (рис. 6, *13*, *14*). Возле шейных позвонков расчищено рассыпавшееся ожерелье из бисера, золоченых и цветных бусин бочонковидной, цилиндрической и шаровидной формы. У плечевых костей обеих рук лежали фибулы: одна серебряная, сильно профилированная с бусиной на головке и крючком для тетивы, вторая бронзовая лучковая, подвязанная (рис. 6, *15*, *18*). Третья фибула — бронзовая лучковая, подвязанная — обнаружена среди ребер (рис. 6, *19*). В нижней части грудной клетки найдено круглое бронзовое зеркало-подвеска с тамгообразным орнаментом (рис. 6, *16*). Диаметр его 4 см. У стоп и на ко-

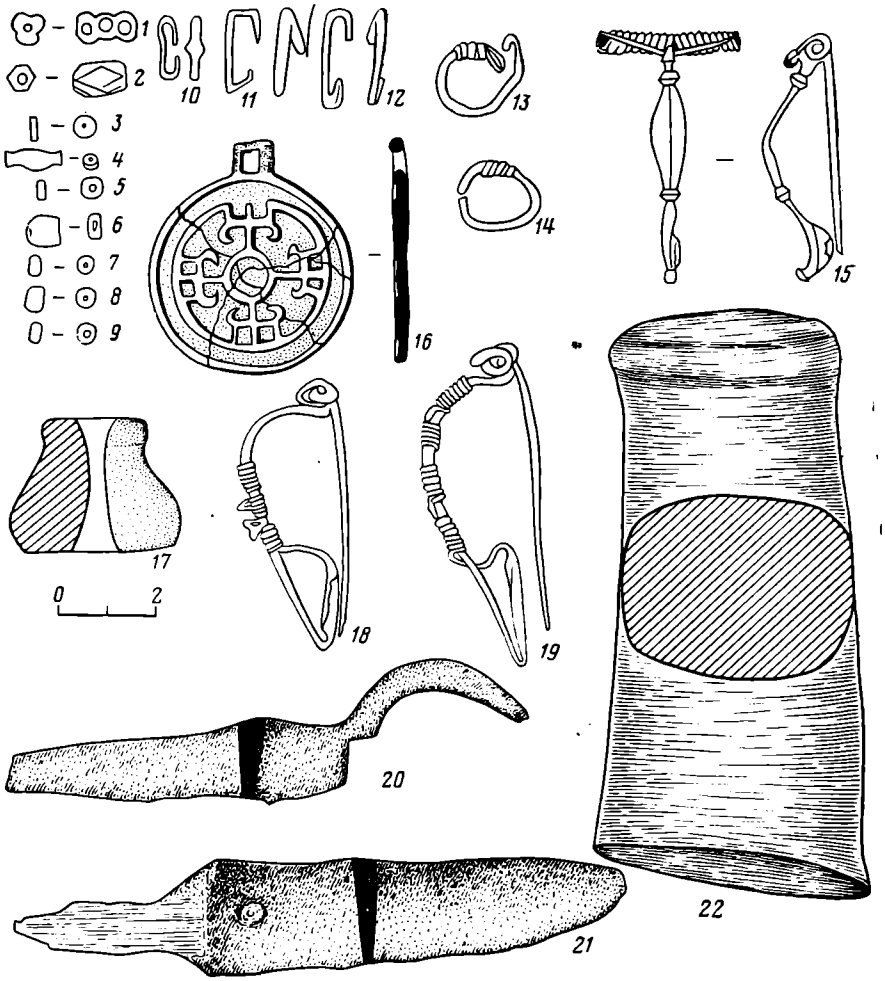


Рис. 6. Вещи из кургана 6. *1—9* — бусы; *10—12* — обоймы; *13*, *14* — серьги; *15*, *18*, *19* — фибулы; *16* — зеркало; *17* — прясло; *20* — обломки ножниц; *21* — нож; *22* пест. *1—9* — паста; *10—12*, *15*, *16*, *18*, *19* — бронза; *13*, *14* — серебро; *17* — глина; *20*, *21* — железо; *22* — базальт

стях голени собран бисер голубого и темно-синего цветов. В южной части погребения был положен набор кухонной посуды и предметов быта. В него входили гончарный кувшин со следами ремонта на горле, гончарная серолощеная миска с желобчатым краем (рис. 7, *6*, *13*). Рядом стоял бронзовый круглодонный котелок с длинной железной ручкой (длина ручки 43,5 см) (рис. 7, *5*). Здесь же найдены небольшой черноглиняный кувшинчик с зооморфной ручкой (рис. 7, 3), маленький сероглиняный кувшинчик (рис. 7, *2*), миниатюрная красноглиняная чашечка с грубыми потеками лака в верхней части (рис. 7, *1*), возле нее находились створки раковин, глиняное пряслице колоколовидной формы (рис. 6, *17*), железный черешковый нож длиной 12,5 см (рис. 6, *21*), обломок ножниц (рис. 6, *20*), фрагменты железной фибулы, медные обоймочки (рис. 6, *10—12*). На дне камеры прослежены пятна тлена, вероятно, от подстилки.

Курган 7 (высота 0,6 м, диаметр 15 м) находился в 15 м к северу от кургана 6. На вершине и в верхнем слое насыпи встречались обломки гранита. На глубине 0,9 м в 1,1—3,2 м к западу от центра обнаружены фрагменты гончарных сосудов из желтой, красной и серой глины. В 2,45 м юго-восточнее центра кургана на глубине 0,55 м найден погнутый клинок железного штыка (рис. 3, *2*). Единственное погребение находилось в центре кургана и прослеживалось с глубины 1 м. Погребальное сооружение, очевидно, представляло собой входную яму с расположенным в западной стенке подбоем, свод которого обрушился. Подбой сохранился частично у дна могилы. Он был ориентирован с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Размеры 1.98×0,62 м. Дно на 0,25 м ниже входа. Разме-

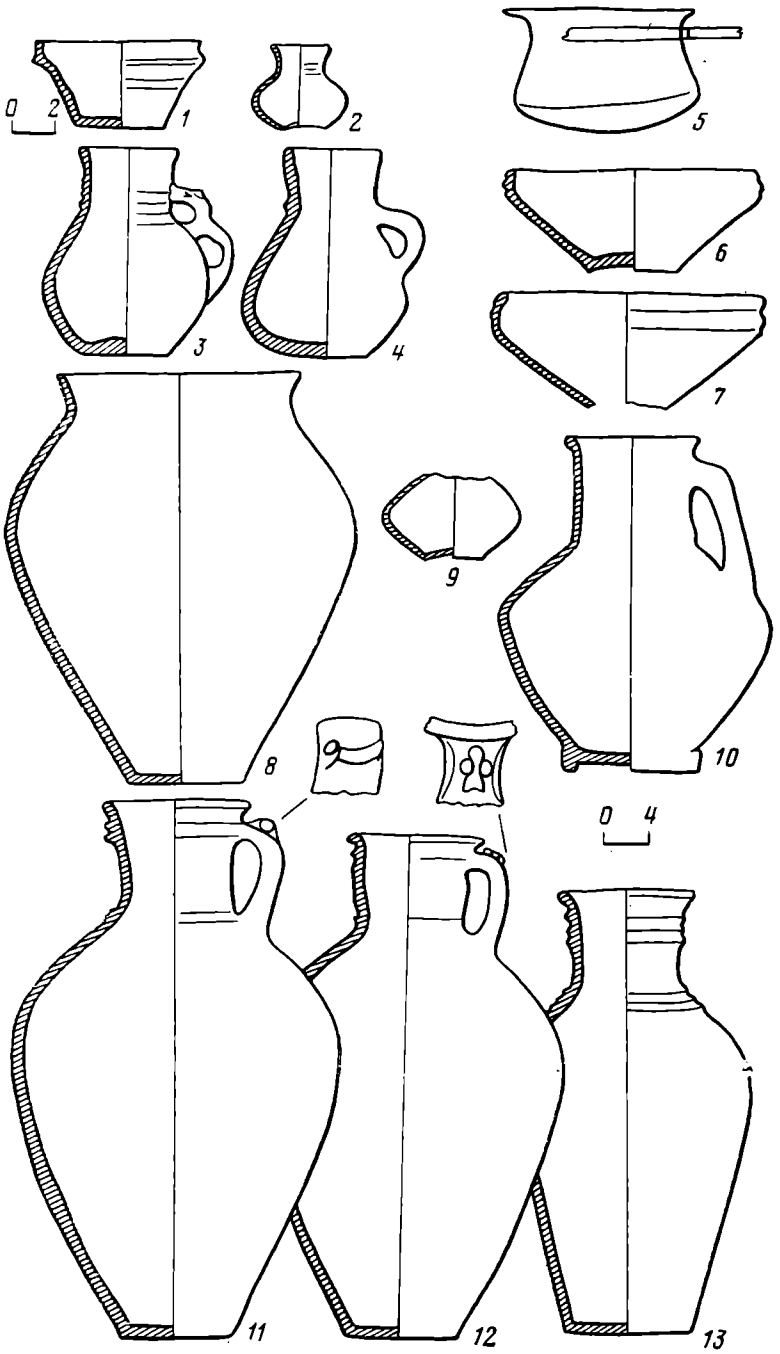


Рис. 7. Сосуды. *1–3*, *5*, *6*, *13* – кург. 6; *10* – кург. 7; *9* – кург. 8, погр. 1; *11* – кург. 8, погр. 2; *4*, *7*, *8*, *12* – кург. 9. *5* – бронза, остальное – глина

ры входной ямы по дну 2,15×0,53 м. Глубина от вершины кургана 2,35 м. В подбое вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека, ориентированного головой на северо-северо-восток (рис. 5, *4*). На дне входной ямы находился раздавленный землей красноглиняный кувшин (рис. 7, *10*), вдоль правой ноги — железный кинжал (длина 29 см), железный черешковый нож (длина 12 см) и железная пряжка (рис. 8, *2*, *3*, *5*).

Курган 8 (высота 0,4 м, диаметр 20 м) располагался в 100 м к востоку от курганов 6 и 7. Насыпь его состояла из однородного чернозема и сильно распахивалась. В кургане открыты два погребения (рис. 5, *1*). Одно из них находилось в центре. Над ним прослежен грабительский ход, в заполнении которого встречались кости человека и синий

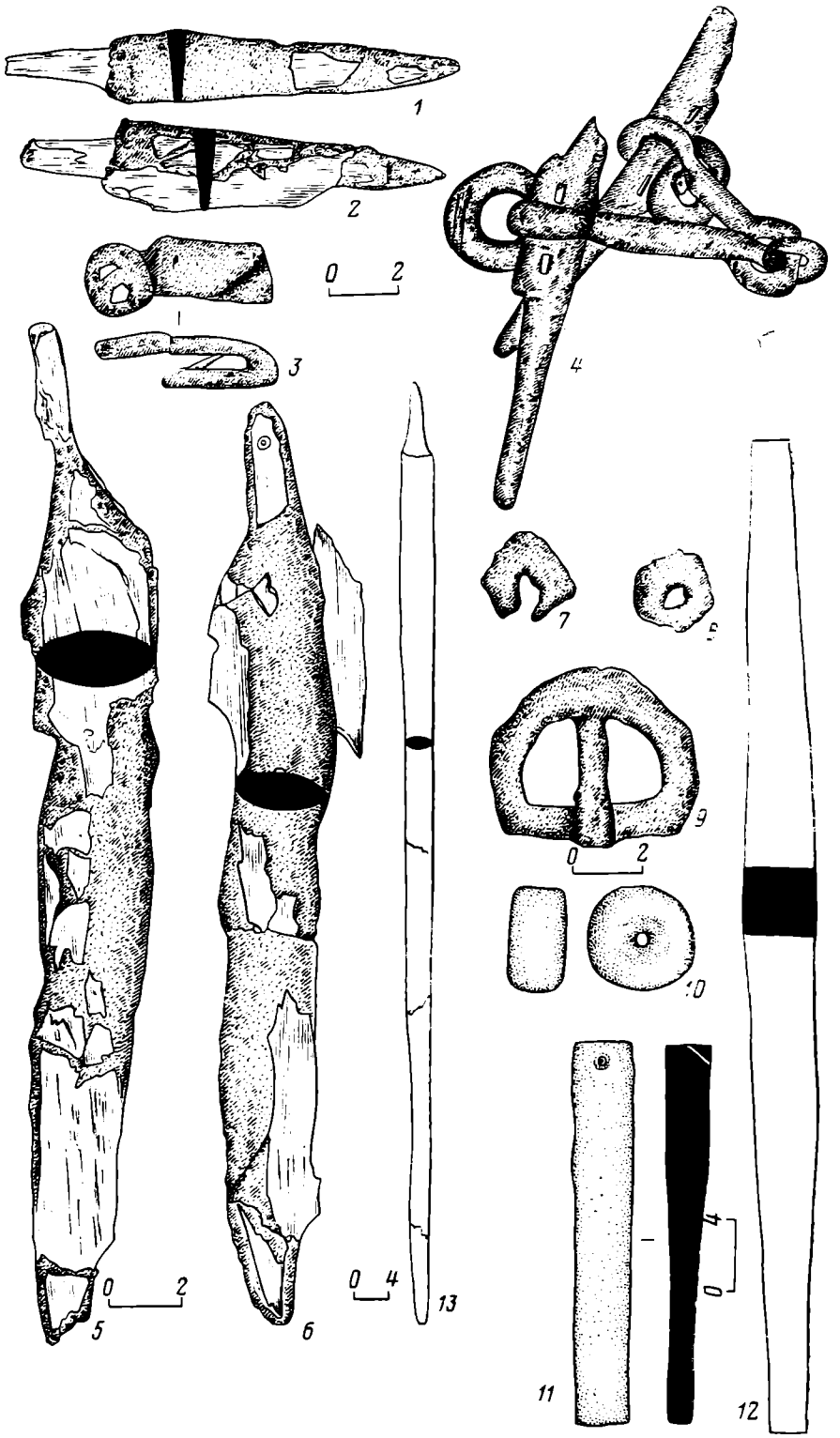


Рис. 8. Вещи из курганов. Кург. 7: *2* – нож; *3* – пряжка; *5* – кинжал; курган 8: *1* – нож; *4* – удила; *6* – кинжал; *7*, *8* – кольца; *9* – пряжка; *10* – бусина; *11*, *12* – точильные бруски; *13* – меч. *1–9*, *13* – железо; *10* – камень; *11*, *12* – песчаник

бисер. Погребальное сооружение — яма с подбоем — не было разрушено. Входная яма ориентирована по линии север — юг. Параллельно западной стенке протянулась камера удлиненно-овальной формы размером 1,8××0,75 м, свод ее частично был разрушен грабителями. Дно камеры на 18 см ниже дна входной ямы. Большая часть костей скелета отсутствовала. В анатомическом порядке сохранились лишь кости голени левой ноги и череп, что позволило констатировать южную ориентировку погре-

бенного (рис. 5, *2*). У затылочной части черепа обнаружен бисер синего, голубого, розового и зеленого цветов круглой, цилиндрической и биконической формы. У южной стенки подбоя стоял приземистый гончарный сосуд с выпуклыми боками, плоским дном и отбитым горлом (рис. 7, *9*). У стопы левой ноги встречено скопление темно-синего и желтого бисера цилиндрической и шарообразной формы.

Погребение 2 было совершено к востоку от первого, на расстоянии 3,6 м к северу от центра кургана на глубине 1.85 м (рис. 5, *3*). Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 2,4×0,4 м, ориентирована по линии север — юг. Дно ее постепенно понижалось к восточной стенке. Вдоль нее размещался овальный подбой, дно которого на 0.15 м ниже входа. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на север — северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, левая нога слегка согнута в колене. У восточной стенки подбоя находились железные удила с кольцами на концах и прямыми стержневидными псалиями (рис. 8, *4*). Справа от черепа обнаружены остатки деревянного предмета, форма которого не восстанавливается. Кисть правой руки умершего покоилась на рукояти кинжала, лежавшего на правой бедренной кости (рис. 8, *6*). Длина кинжала 24 см. На нем лежал железный нож длиной 13,2 см (рис. 8, *1*). Слева от него находилась крупная бусина округлой формы диаметром 3 см[2] (рис. 8, *10*). Справа от костяка располагался длинный железный меч (длина 93 см), рядом с ним — каменный точильный брусок длиной 56,9 см (рис. 8, *12*, *13*).

Ниже меча справа от костяка обнаружены ребро животного, несколько корродированных железных предметов, среди которых два колечка, вероятно, от узды (рис. 8, *7*, *8*). Там же находились каменный точильный брусок длиной 21,5 см с просверленным отверстием (рис. 8, *11*), железная пряжка сегментовидной формы (рис. 8, *9*), рог животного. У ног был положен большой чернолощеный гончарный кувшин с удлиненным туловом, выпуклыми боками, плавно переходящими к маленькому плоскому дну (рис. 7, *11*). Ручка его была украшена налепным валиком с оттянутыми краями и двумя круглыми налепами, придававшими ей зооморфный вид. Возле колен и стоп сохранились истлевшие фрагменты кожи. На дне подбоя под костями прослежен белый, а у рукояти меча зеленоватый тлен. В заполнении могилы найден обломок кремня.

Курган 9 (высота 0,5 м, диаметр 15 м) находился в 120 м к юго-восток-востоку от кургана 1. В центральной части встречались камни, располагавшиеся в виде панциря, диаметром 7,5 м. Восточная и южная полы кургана нарушены окопами периода Великой Отечественной войны. К югу от центра кургана в насыпи отмечены следы тризны: развал красноглиняной амфоры, расщепленные кости животных и фрагменты сероглиняной лощеной миски (рис. 7, *7*). Погребение находилось за пределами кургана на расстоянии 10 м к западу от центра (2,5 м от западного края насыпи, рис. 1, *4*). На глубине 0,2 м от уровня современного горизонта появилось пятно входной ямы в виде удлиненного прямоугольника с закругленными углами, длиной 1,93 м и шириной 0,48 м. Оно было ориентировано с северо-северо-востока на юго-юго-запад. До самого дна яма была забутована материковым выкидом. В западной стенке был сделан овальный в плане подбой размерами 2,28×0,78 м. Высота свода 0,42 м (рис. 9, *1*). У северной стенки входной ямы стоял сероглиняный гончарный кувшин с ручкой, на которой сделан налеп в виде «трефового» знака. На горле сохранились следы починки — ряд сквозных отверстий (рис. 7, *12*). Кроме сосуда во входной яме обнаружена бронзовая округлая пряжка диаметром 2,2 см с подвижным язычком (рис. 9, *3*), а у входа в подбой находился высокий лепной сосуд типа корчаги (рис. 7, *8*), внутри которого лежал железный крюк с шипом для крепления (рис. 9, *5*).

В подбое был похоронен мужчина в вытянутом положении на спине, головой на север — северо-восток (рис. 9, *1*). В изголовье стоял сероглиняный

---

[2] Бусина изготовлена из камня зеленоватого цвета — серпентинина (змеевика). Определение сделано в лаборатории кафедры геологии ДПИ.

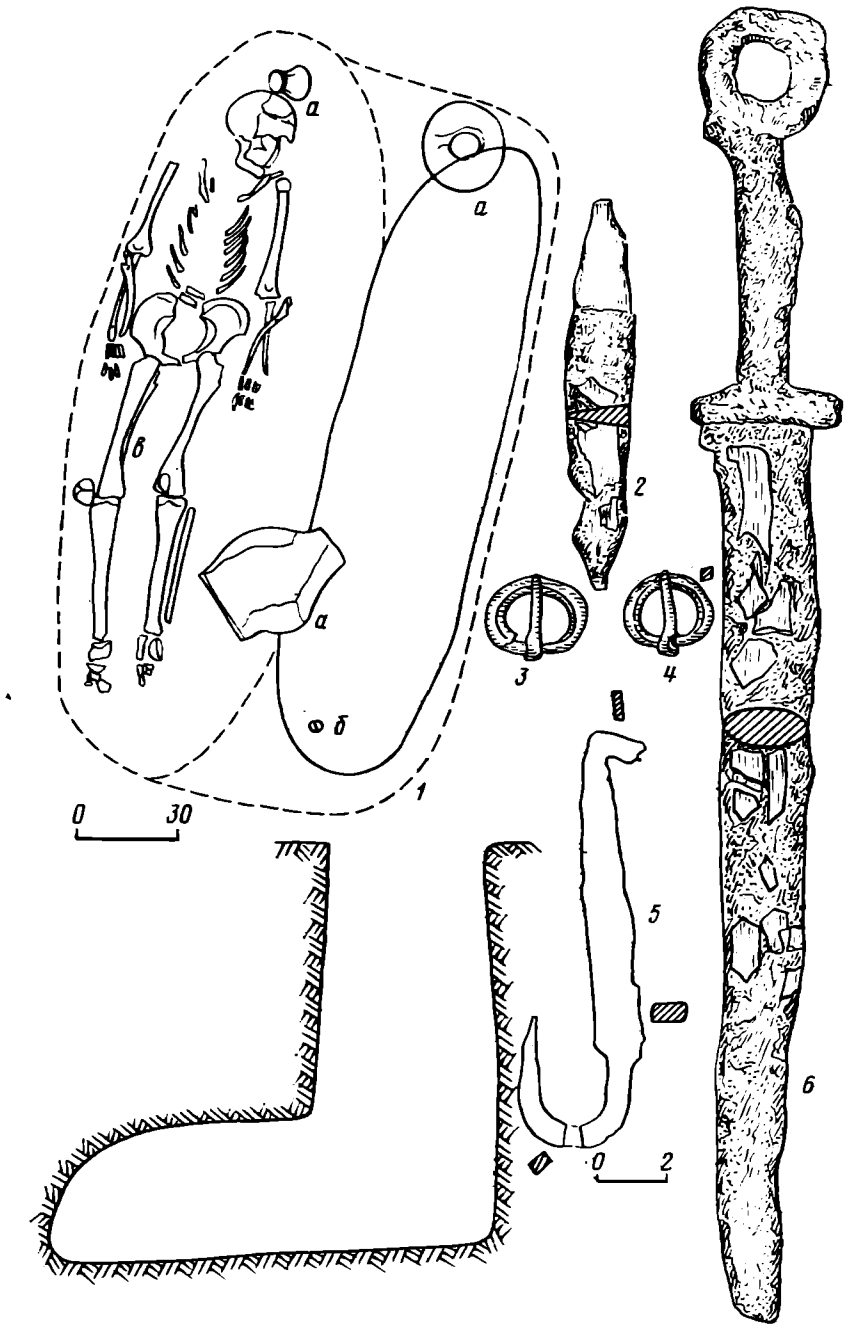


Рис. 9. Курган 9. *1* — план и разрез погребения (*а* — сосуды; *б* — пряжки; *в* — кинжал), *2* — нож; *3*, *4* — пряжки; *5* — крюк; *6* — кинжал; *2*, *5*, *6* — железо; *3*, *4* — бронза

няный гончарный кувшин с ручкой (рис. 7, *4*), под бедренной костью правой ноги найден железный кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестием (длина 38 см) и железный черешковый нож (длина 16 см) (рис. 9, *2*, *6*), бронзовая пряжка (рис. 9, *4*).

Обнаруженные семь погребений характеризуются общим погребальным обрядом. Почти все они были связаны с индивидуальными насыпями. При сооружении всех курганов, кроме 8, использовался камень: они были либо полностью сложены из обломков гранита (кург. 4 и 6), либо перекрыты сверху каменными обкладками (кург. 5, 7, 9). В трех курганах (4, 6, 9) прослежена интересная особенность — совершение захоронения за пределами насыпи. В них же среди камней обнаружены лишь обломки амфор и кости животных. Погребения находились на расстоянии 1—2,5 м от западного края кургана и были забутованы материковым грун-

том. Одно из них было отмечено сверху цепочкой камней. Причины такого явления определить трудно. В скифо-сарматских памятниках причерноморских и волго-донских степей аналогичные случаи пока неизвестны. Можно только отметить, что значительная часть средне- и позднесарматских погребений, известных в Поволжье, Подонье, на территории Украины и Молдавии, ограблена. Очевидно, грабители были знакомы с погребальным ритуалом. А сооружение небольших курганов над единственным захоронением, свойственное позднесарматскому этапу, облегчало их действия. В Шевченковских курганах центральные могилы курганов 5 и 8 оказались ограбленными, погребения же, совершенные вне насыпи, сохранились непотревоженными. Возможно, таким образом предпринимались специальные меры против ограбления.

Конструкции могил представляли собой ямы с подбоями. Вход имел вид удлиненно-прямоугольной ямы с закругленными углами, вытянутой с севера на юг с незначительными отклонениями. Подбой обычно располагался вдоль западной стенки и только в двух случаях (кург. 5 и 8, погр. 2) — вдоль восточной. Вход в камеру, вероятно, закрывался закладом, следы которого обнаружены в двух погребениях в виде древесного тлена и кусков дерева. Прослежено довольно устойчивое положение умерших. Они лежали вытянуто на спине, руки — вдоль туловища. У одного из них левая рука, согнутая в локте, находилась на тазовых костях. Шесть костяков были ориентированы на север и один на юг. В сарматских захоронениях Северного Причерноморья северная ориентировка появляется уже в I в. до н. э., а с первых веков н. э. она широко распространяется по всему миру евразийских кочевников [1, с. 25].

Отмечена интересная поза погребенных — положение, очень близкое к скорченному. Погребенная у кургана 6 лежала на спине с разворотом направо, ноги ее были согнуты в коленях и повернуты вправо, череп лежал правым виском вниз, лицевой частью на запад, кисть правой руки — на бедренной кости левой ноги. Единичные скорченные погребения были обнаружены в Бережновском могильнике [2, с. 57], среди погребений Быковских курганов [3, с. 259], в Усатовской курганной группе [4, с. 22] и Лебедевском позднесарматском могильнике [5, с. 80]. Это главным образом женские костяки в подбойных могилах. Скорченное положение умерших известно не только в памятниках Поволжья и Приуралья, но и в Поднепровье [6, с. 127] и Приазовье [7, с. 62]. У скифов, меотов подобное положение скелетов также встречается как исключение [8, с. 90; 9, с. 67]. К. Ф. Смирновым было высказано предположение, что это могут быть погребения жен, взятых из других родов, а возможно, и племен [3, с. 259]. Однако следует отметить, что в Лебедевском могильнике одно из погребений со скорченным костяком принадлежало мужчине [5, с. 80].

Инвентарь погребений довольно разнообразный и представлен различными категориями вещей. Обилием предметов выделялись захоронения курганов 6 и 8.

Во всех могилах обнаружена керамика. Только один горшок — лепной, остальные двенадцать изготовлены на гончарном круге. Отдельные формы подобной посуды были распространены в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. Горшки, аналогичные лепной корчаге из кургана 9 (рис. 7, *8*), встречены в Неаполе Скифском, на городищах Нижнего Днепра. Арсеньева Т. М. на основании анализа керамического материала некрополя и городища Танаиса выделяет подобные корчаги в отдельный тип и датирует III—IV вв. н. э. [10, с. 179, 180].

Довольно распространенную форму имеет красноглиняный кувшин из кургана 7. У него биконическое тулово на кольцевом поддоне, цилиндрическое горло. Ниже края венчика прикреплена ручка, спускающаяся на расширенную часть тулова (рис. 7, *10*). Кувшины такого и близких типов встречаются в памятниках Северного Причерноморья в начале н. э. [11, с. 234, 235].

Шесть различных сосудов находились в погребении кургана 6. Это три кувшина, миска, чашечка и котелок. Миска с рельефным бортиком

относится к группе сероглиняной лощеной посуды, известной по донским и кубанским комплексам I—II вв. н. э. [8, с. 64; 12, с. 50]. Фрагменты подобной миски найдены в насыпи кургана 9. Рядом с миской стоял лощеный кувшинчик с зооморфной ручкой. Его широкое прямое горло опоясано желобками. Ручка в условной манере изображает животное, скорее всего лошадь. Голова его упирается в горло сосуда, задние и передние ноги образуют перекладины ручки, два кусочка глины, прикрепленные в верхней части ручки, обозначают торчащие ушки (рис. 7, *3*). Сосуды с ручками в виде животных известны в материалах могильников и поселений Нижнего Дона, Кубани, Северного Кавказа, городах Боспора с рубежа н. э. [13, с. 405; 14, с. 173]. Сравнительно схематичная манера изображения животного сближает этот кувшин с сосудами I—II вв. н. э.

В этом же наборе находился сероглиняный горшочек с остроребер-ным туловом, плоским дном, слегка расширяющимся кверху горлом (рис. 7, *2*). Аналогичные сосуды встречаются в сарматских погребениях первых веков н. э. Поволжья, Подонья, Прикубанья, а также могилах Танаисского некрополя [8, с. 63].

Среди сосудов могильника выделяются четыре лощеных кувшина редкой формы (рис. 2, *2*; 7, *11—13*). Их отличает высокое качество изготовления и обработки поверхности, вытянутые пропорции тулова, раздутые в верхней части тулова бока, узкое невысокое горло, подчеркнутое горизонтальными желобками. Интересной деталью в оформлении их ручек являются налепы, выполненные в виде «трефового» знака, круга, валика с оттянутыми краями. Отдельные элементы — желобки, налепы на ручках — сближают эти кувшины с керамикой I в. до н. э. — II в. н. э. Усть-Лабинского могильника [15, с. 194; рис. 16, *7*], а также с сосудами Кобякова городища и некрополя [16].

В наборе посуды из кургана 6 находился небольшой бронзовый котелок с отогнутым наружу краем, расширяющимся книзу туловом, округлым дном, покрытым слоем нагара. На дне сохранились три небольшие заклепки. Под краем проходил железный обруч в виде ухвата, переходивший в длинную ручку, конец которой обломан (рис. 7, *5*). Котелок такого же типа с длинной ручкой, завершающейся кольцом, найден в Старицком могильнике. На основании золотых подвесок в виде Геракла весь комплекс датирован III в. н. э. В Поволжье подобные котлы происходят из погребений III—IV вв. [17, с. 162].

Оружие обнаружено в четырех погребениях. Оно представлено длинным мечом и тремя кинжалами без металлического навершия и перекрестия. Длина меча 93 см, кинжалов 28—42 см. Отдельные экземпляры мечей и кинжалов этого типа появляются в Поволжье в I в. до н. э.— I в. н. э., а со II в. становятся ведущими [18, с. 172].

Кинжал иного типа — с прямым перекрестием и кольцевым навершием — найден в кургане 9. Время наибольшего распространения таких кинжалов — II в. до н. э. — II в. н. э. [18, с. 9, 11]. Исследователями отмечалось, что определенный промежуток времени они сосуществовали с мечами и кинжалами без металлического навершия и перекрестия [18, с. 12]. Во всех погребениях оружие лежало вдоль правого бока умершего. Как правило, рядом с кинжалами находились железные ножи длиной от 10 до 16 см. Все они одного типа — с прямым лезвием и прямой спинкой. На мече, кинжалах в некоторых местах сохранились остатки деревянных ножен и обкладки рукояти. Погребения с оружием сопровождались бронзовыми и железными пряжками.

В двух могилах обнаружены кольчатые удила. В одних из них сохранились двухдырчатые стержневые псалии с прямоугольными отверстиями. Такие псалии встречаются в скифских и сарматских памятниках юга Восточной Европы с IV—III вв. до н. э. по первые века н. э. [19, с. 246].

В погребении 2 кургана 8 рядом с мечом и кинжалом лежали два каменных оселка. Точильные бруски и плитки являются обычной находкой в погребениях сарматской культуры на протяжении всего времени ее существования. Но обращает на себя внимание длина одного из них —

58 см, в то время как обычно их размеры не превышают 25 см. В качестве аналогии такому длинному оселку можно привести только одно упоминание о точильном камне необычной длины — 68 см — из Лебедевского могильника в Западном Казахстане [5, с. 82]. Изделия из кабаньих клыков, найденные в разграбленном кургане 5, были в некоторых местах обломаны. Их внешняя поверхность хорошо отполирована. На одном из них сохранилось отверстие. Клыки хищных животных в скифо-сарматское время использовались народами Евразии в качестве амулетов. Кабаньи клыки, украшенные резьбой, или их имитация из бронзы и камня прикреплялись к оружию и конской сбруе [20, с. 92].

Фибулы (5 экз.) представлены двумя типами — это лучковые подвязанные фибулы 4-го и 5-го вариантов I серии по классификации А. К. Амброза. Они были распространены во второй половине II в.— начале III в. [21, с. 49, 50]. Ко второму типу относится одна сильно профилированная фибула с бусиной на головке и крючком для тетивы, которая датируется II — первой половиной III в. [21, с. 40, 41]. Железная фибула была найдена в обломках. Вероятно, она относилась к лучковым, но сильная коррозия затрудняет ее более точную характеристику.

В двух курганах (5, 6) обнаружены разбитые бронзовые зеркала. Одно из них — небольшое по размеру, с боковым ушком для подвешивания и тамгообразным орнаментом на оборотной стороне — широко распространенного вида. Подобные зеркала датируются II—III вв. н. э. [22, с. 64]. Другое зеркало выполнено в виде плоского диска с центральной петелькой, небольшим бортиком по краю. Оборотная сторона орнаментирована пятью концентрическими окружностями, между которыми идут вертикальные лучи. Такой тип зеркал появляется во II в. в Поволжье, а в III—IV вв. проникает в Северное Причерноморье и Прикубанье [22, с. 67]. Еще одно зеркало найдено в обломках, на которых прослеживаются следы огня. Форма его не восстанавливается.

Довольно многочисленной находкой оказались бусы. Они присутствовали в четырех погребениях. Их материал, форма, величина отличаются большим разнообразием. Аналогичные типы бус широко известны в сарматских памятниках, некрополях античных городов на протяжении длительного времени [23, 24]. В Шевченковских погребениях они использовались для украшения одежды (бисер, мелкие пастовые бусины, рис. 6, *3—9*), а также входили в состав ожерелий (коралловые, янтарные, пастовые, рис. 4, *4—11*). На это указывает их местонахождение — на голенях, на шее, у стоп погребенных.

В кургане 6 обнаружены две круглопроволочные серебряные серьги с замком в виде крючка и петли (рис. 6, *13*). Аналогичные серьги открыты в погребениях II в. в Танаисе и довольно часто встречаются в захоронениях из некрополей у сел Новоотрадное, Золотое. Датируются началом нашей эры [25, с. 137; 26, с. 57].

Интересны фрагменты бронзовых предметов из разграбленного кургана 5. Условно их можно определить как подвески. Это узкие конусовидные трубочки из тонких пластин, покрытых мелкими выступами, сделанными точечными вдавлениями изнутри. Вверху они заканчивались скрученной в спираль узкой полоской (рис. 4, *17—19*).

Погребальный обряд и инвентарь семи рассмотренных курганов характерен для позднесарматской культуры. Все они укладываются в рамки II—III вв. Подробно разработанная классификация фибул и зеркал позволяет сузить хронологические границы погребений в курганах 4, 5 и 6 и ограничить их последним десятилетиями II — началом III в. н. э. Общность погребального обряда, сходные формы вещей, компактное расположение курганов дают возможность рассматривать все погребения как единый комплекс и датировать их второй половиной II — началом III в. н. э.

Обнаружение новых позднесарматских памятников в Северном Приазовье — явление закономерное. Прослеженное на материалах Танаиса усиление сарматских элементов в конце II в. связано с проникновением новой волны сарматов [27]. Вполне очевидно, что передвигавшиеся сар-

матские группы не только влились в состав населения Танаиса, но и расселились в близлежащих районах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области /// МИА. 1972. № 153.
2. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60.
3. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
4. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10.
5. *Мошкова М. Г.* Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170.
6. *Костенко В. И.* Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1979. Вып. 3.
7. *Савовський І. П.* Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. 1977. № 23.
8. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98.
9. *Ольховский В. С.* О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4.
10. *Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса // МИА. 1969. № 154.
11. *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Новофилипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. *Мошкова М. Г.* К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской керамики // КСИА. 1980. Вып. 162.
13. *Кастанаян Е. Г.* Художественные элементы в лепной керамике Боспора // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1955.
14. *Скалон К. М.* Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК. 1941. Т. 1.
15. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинская // МИА. 1951. № 23.
16. *Косяненко В. М.* Сарматские кувшины с зооморфными ручками с Кобякова городища и некрополя // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1963.
17. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
18. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
19. *Гущина И. И.* Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2.
20. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
21. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
22. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских зеркал // СА. 1963. № 4.
23. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
24. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
25. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса // М.: Наука, 1977.
26. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое // Киев: Наук. думка, 1983.
27. *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. на данных танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1.

L. G. Shepko

THE LATE SARMATIAN MOUNDS IN THE NORTHERN AZOV AREA

Summary

Though populating the northern Azov steppes for many centuries the Sarmatian tribes left few sites there. In 1980, in the south of the Donets region archaeologists studied a mound burial ground with six mounds containing seven Sarmatian burials.

All of them were made according to the common burial rite, stone was used to make the mounds. The burials were shaft and chamber tombs, chambers being usually made along the western wall. The dead were extended on their backs, and oriented to the north. There are two exceptions to this rule: a female contracted burial and a south-oriented burial. In three mounds there were burials outside the mound itself.

Grave goods included dishes (both ceramic and metal), arms, knives, whetstones, buckles, curb-bits, fibulae, mirrors, beads of all kinds and other decorations.

The combination of these objects and their analogies, and the uniformity of the burial rite date all the burials to the second half of the 2nd-early 3rd centuries A. D. They associate the burials with a new wave of Sarmatian infiltration into the Azov area.

А. М. ОБЛОМСКИЙ, А. С. СМИРНОВ, А. Н. СОРОКИН

МАТЕРИАЛЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. НА ПОСЕЛЕНИИ ШОССЕЙНОЕ (Белгородская обл.)

Поселение Шоссейное расположено в Шебекинском р-не Белгородской обл. в 1 км к югу от с. Приютовки, на мысу левобережной боровой террасы р. Северский Донец. Мыс, который образован впадением в пойму реки небольшого безымянного ручья, имеющего обширную долину, вытянут по оси запад — восток на 200 м, при ширине не более 180 м (рис. 1). Поверхность слабо задернована. Центр поселения уничтожен при сооружении асфальтированной дороги.

Памятник был раскопан в 1978—1979 гг. Деснинской экспедицией ИА АН СССР в связи с сооружением Белгородского водохранилища. Двумя раскопами на поселении вскрыто более 2000 м² (рис. 2). Установлено, что площадь мыса заселялась неоднократно: в эпоху неолита, поздней бронзы [1], а также в раннеримское время и раннее средневековье. Настоящая статья посвящена публикации материалов двух последних периодов.

Культурный слой поселения, перекрытый наносами толщиной от нескольких сантиметров до 1 м, состоит из двух напластований — светло-коричневого песка и залегающего ниже слоя темно-коричневого песка. Мощность каждого из горизонтов составляет около 0,3—0,4 м. Вся свита покоится на плотном белом, местами желтоватом материковом песке. Верхний горизонт культурного слоя содержит материалы I тыс. н. э. и отдельные находки эпохи бронзы, нижний — в основном позднесрубную керамику, а также отдельные скопления неолитических черепков и кремень. Более дробное стратиграфическое разделение культурного слоя невозможно из-за характера грунта и отсутствия каких-либо прослоек.

Комплексы верхнего горизонта культурного слоя распределяются по трем культурно-хронологическим периодам: позднезарубинецкий, киевский и раннесредневековый (конец VII—IX в.). К позднезарубинецкому этапу жизни поселения принадлежат жилище 1 и хозяйственная яма 21. К киевской культуре относятся материалы из жилища 11. Керамика, типологически близкая к так называемому позднему горизонту поселения Хитцы, происходит из жилищ 2, 3, 9, 10, хозяйственных ям 26, 34, 36, 37, 44, 57, раскопа 1, а также жилища 1 раскопа 2 (рис. 3—8) [1].

Жилище 1 раскопа 1 находится в северо-восточном углу раскопа. Оно углублено в грунт [2] на 0,5—0,57 м, имеет подпрямоугольную форму (3,6×5, 2×4, 4×5,6 м). Вдоль восточной стенки постройки на ее полу прослежены следы сгоревших плах (рис. 3, *1*). Каких-либо столбовых ям в жилище не обнаружено. В центре сооружения выявлены следы открытого очага в виде округлого углистого пятна размерами 0,9×1,2 м. В заполнении жилища обнаружены отдельные маловыразительные фрагменты лепных сосудов и два биконических пряслица (рис. 9, *1*). В северо-восточном углу постройки на ее полу найден развал биконического сосуда с защипами по краю венчика, восстановленного примерно на $^2/_3$ его профиля (рис. 4, *3*). Поверхность сосуда грубо заглажена, видны следы разглаживания пальцами. На полу у южной стены сооружения находился развал небольшой миски с прямым загнутым внутрь венчиком и слабо-

[1] Описание материала дается в его хронологической последовательности.

[2] Все глубины даются от уровня появления верхних контуров сооружения до его дна или пола.

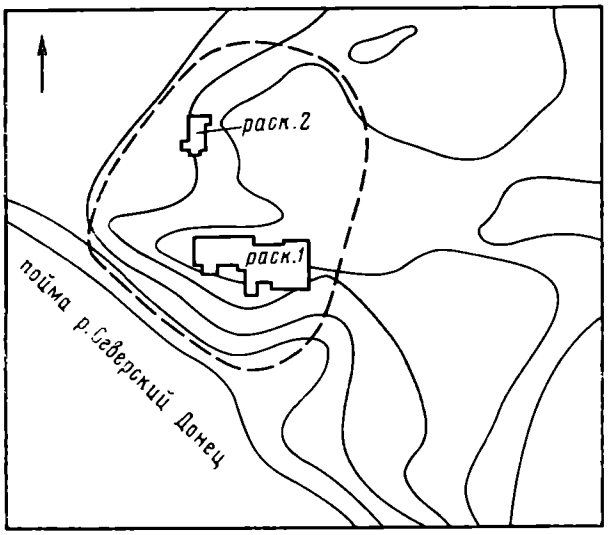


Рис. 1. План поселения Шоссейное

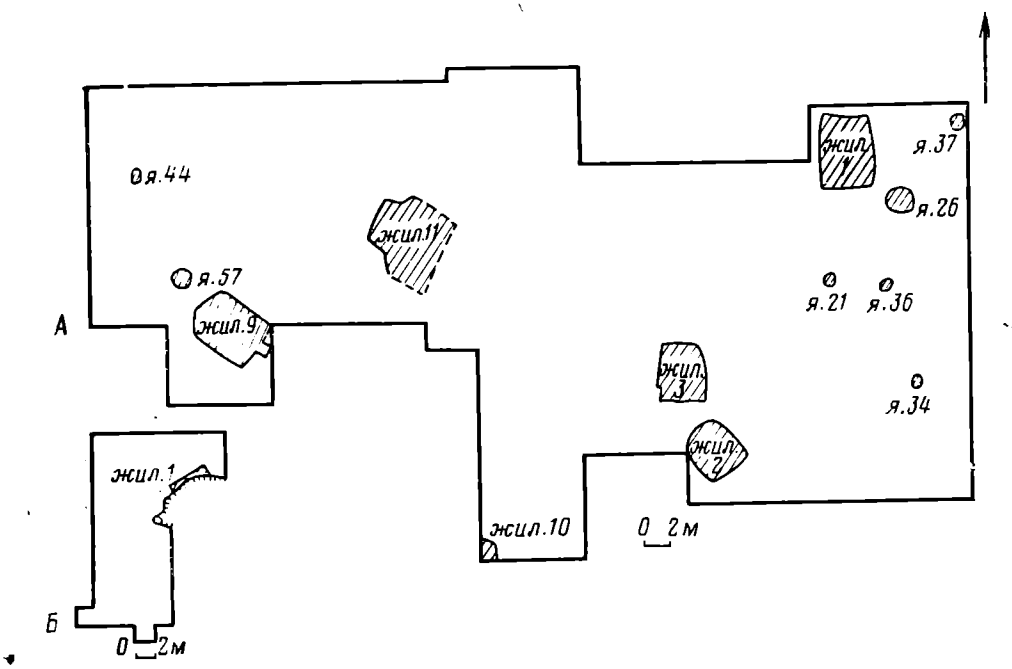


Рис. 2. Планы раскопов с объектами I тыс. н. э.

выраженным ребром (рис. 4, *2*). Поверхность миски чуть подложена.

Яма 21 находится в 6 м южнее жилища 1. Она круглая по форме (диаметр 82 см), глубина 15—16 см. В заполнении обнаружен развал биконического горшка (рис. 4, *1*), по форме, орнаментации и обработке поверхности аналогичного горшку из жилища 1.

Биконические горшки, близкие по форме сосудам из жилища 1 и ямы 21, хорошо известны на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья (Девич-гора, верхний слой [2, рис. 2, *12*, *18*]), Лютеж [3, рис. 9, *3*], Щучинка [4, рис. 6, *18*]. Орнаментация венчиков защипами является признаком, присущим зарубинецкой керамике поселений всех вариантов культуры. Миски, аналогичные найденной в жилище 1, встречаются значительно реже. Они известны на зарубинецких городищах Верхнего Поднепровья (Горошков, Чаплин[3]). В Чаплинском могильнике подобная миска обнаружена в погр. 25 вместе с фибулами вариантов П/Р и Ф

[3] Миски этого типа не опубликованы, однако они имеются в коллекции керамики с указанных городищ. Хранятся в фондах ГИМ и Речицкого краеведческого музея.

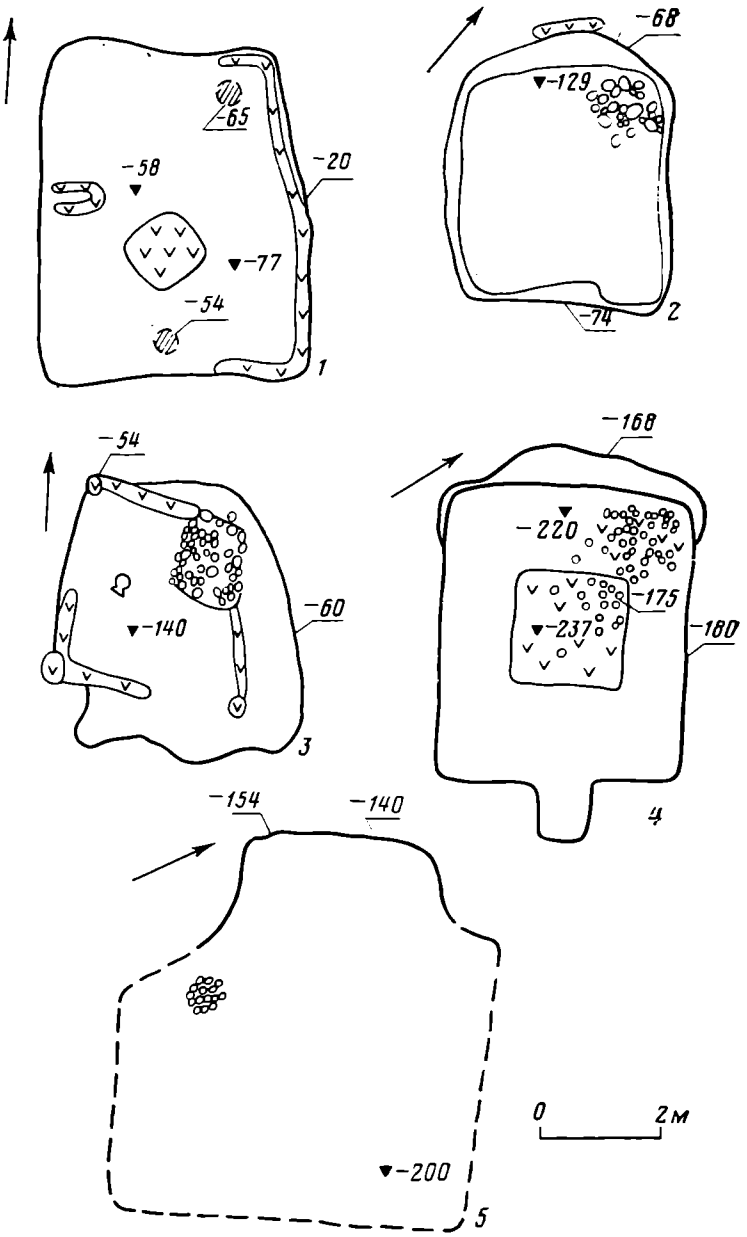


Рис. 3. Планы жилищ раскопа 1. *1* – жилище 1; *2* – жилище 2; *3* – жилище 3; *4* – жилище 9; *5* – жилище 11

[5, табл. VI, *10–12*], по модифицированной А. М. Обломским классификации Ю. В. Кухаренко. Поскольку фибулы варианта II/P датируются концом I в. до н. э.– I в. н. э., а фибулы варианта Ф – I в. н. э. [6, с. 118, табл. 3], то погребение можно отнести к I в. н. э.

Близкие по типу миски, с более отчетливо выраженным ребром, встречаются и на некоторых памятниках Подесенья, содержащих материалы III этапа почепской культуры (Посудичи [7, рис. 13, *18*], Колодезный бугор [7, рис. 16, *20*]), хронология которого обычно определяется в рамках I–II вв. н. э. [8, с. 63]. Судя по приведенным аналогиям для миски из жилища 1, позднезарубинецкие комплексы следует отнести к I–II вв. н. э.

С киевской культурой можно связывать материалы из жилища 11. К сожалению, его план и устройство до конца выяснить не удалось, поскольку оно «впущено» в жилище 7 эпохи бронзы. Заполнение жилища 11 чуть темнее грунта, которым засыпана более ранняя постройка. Четко прослежена северо-западная стена жилища, где оно разрушило остаток деревянных конструкций сооружения эпохи бронзы. Жилище представляет собой полуземлянку, углубленную 0,6–0,8 м. Размеры постройки –

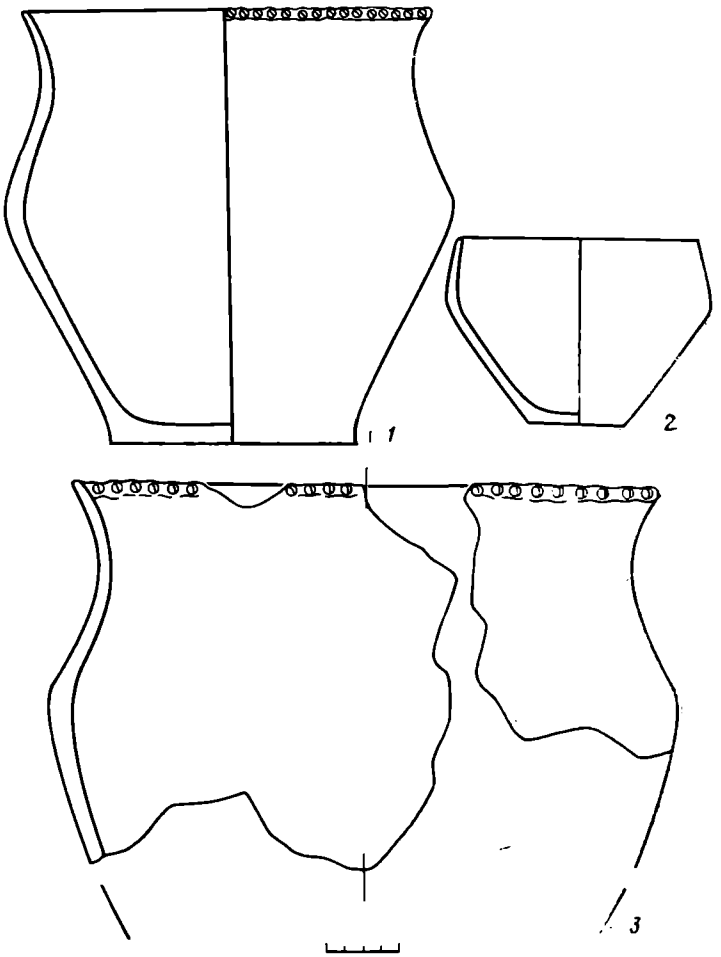


Рис. 4. Позднезарубинецкая керамика I—II вв. (раскоп 1).
1 – яма 21, заполнение; *2*, *3* – жилище 1, пол; *1*, *3* – нелощеные горшки; *2* – подлощенная миска

приблизительно 6×6 м. Отчетливых следов очага не обнаружено, однако в южной части пятна прослежено скопление глиняных блоков, хотя связь их с жилищем 11 проблематична (рис. 3, *5*).

Из заполнения жилища происходят обломки дисков со слабонамеченными бортиками. Фрагменты небольшого цилиндроконического сосуда со сглаженным ребром в средней части профиля, обломки верхней части сосуда с округлым бочком и слабоизогнутым венчиком (рис. 5, *1—13*), а также несколько слабоизогнутых венчиков и донец с отчетливо выраженными закраинами. В целом, керамический комплекс жилища 11 имеет прямые аналогии в памятниках киевской культуры Подесенья. Цилиндроконический сосуд относился к типу VII, по классификации Е. А. Горюнова [9, с. 19, рис. 3], а округло-бокий сосуд — к типу III [9, с. 19, рис. 3]. Сосуды, подобные округло-бокому из жилища 11, происходит с поселений Форостовичи [7, рис. 18, *2*], Киреевка [7, рис. 28, *2*], сосуд, близкий по форме к цилиндроконическому из жилища 11, обнаружен на селище Посудичи [7, рис. 13, *10*]. Диски со слабовыраженным бортиком также хорошо известны на памятниках киевской культуры (Ульяновка I [10, рис. 3, *8—10*], Посудичи [7, рис. 13, *12—16*], Колодезный бугор [7, рис. 16, *14—16*], Форостовичи [7, рис. 19, *8—12*] и др.). Судя по аналогиям, жилище 11 датируется III—V вв. (по дате киевской культуры [11, с. 101—103]). Вероятно, к этому же периоду или к чуть более позднему времени относится цилиндроконический горшок, происходящий из культурного слоя поселения (рис. 8, *12*).

В заполнении жилища 7 встречены отдельные находки и более позднего времени (типа позднего горизонта поселения Хитцы). К ним можно

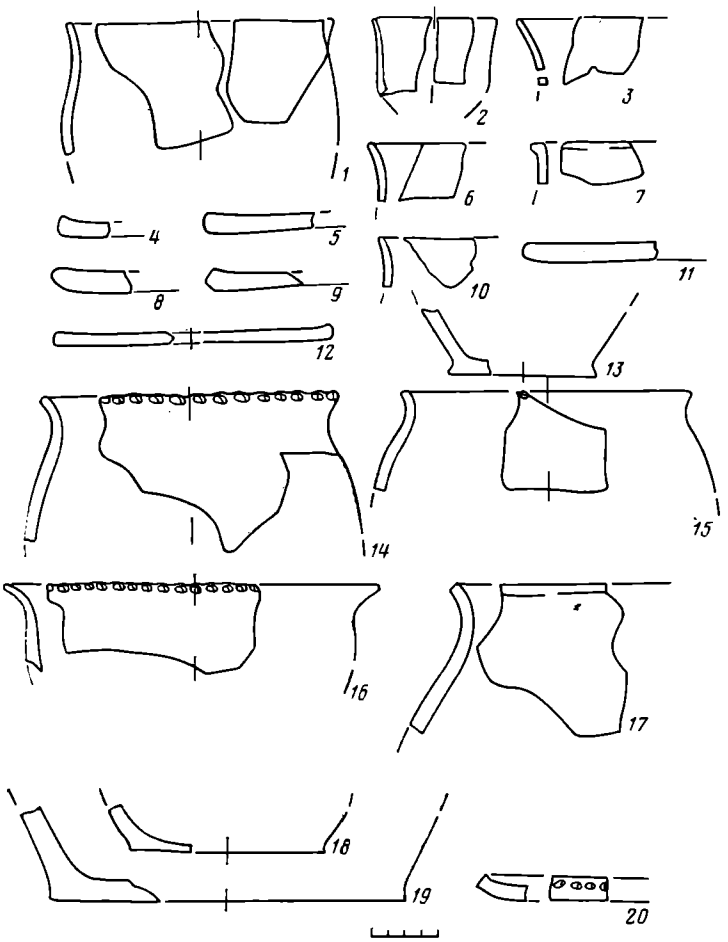


Рис. 5. Керамика киевской культуры III–V вв. и керамика раннего средневековья (раскоп 1) *1–13* – жилище 11, заполнение; *14–20* – жилище 2, развал печи

отнести фрагмент венчика с защипами по краю (что не характерно для киевской культуры), ручку красноглиняной амфоры и обломок стенки сероглиняного гончарного сосуда. Связь этих предметов с жилищем 11 проблематична. Они найдены рядом с жилищем, но не непосредственно в его заполнении (учитывая предполагаемые границы).

Наиболее многочисленными на поселении являются материалы типа позднего горизонта поселения Хитцы. Жилище 2, относящееся к этому периоду жизни поселения, расположено в южной части раскопа 1 и представляет собой подквадратную в плане полуземлянку (3,6×3,2×3,4× 3.2 м, глубина 55 – 61 см). Сверху по внешнему краю котлована вдоль северо-западной стены постройки обнаружены остатки сгоревшей плахи (рис. 3, *2*). В северном углу жилища, на его полу, найдено скопление обожженных камней размером 1.2×1.04 м, являющееся остатками очага или печи. Отсюда происходит набор керамики, который можно считать закрытым комплексом. Он представлен обломками сосудов с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, *14*, *15*), орнаментированных пальцевыми защипами по краю, обломком горшка с защипами по венчику, диаметр которого больше диаметра наибольшего расширения тулова (рис. 5, *16*), обломками днищ сосудов со слабовыраженной закраиной (рис. 5, *18*, *19*) и диска – сковородки с высоким, орнаментированным защипами бортиком (рис. 5, *20*). Подобная керамика происходит и из заполнения жилища (рис. 6, *1*, *2*). Хочется отметить находку обломка верхней части горшка с узким горлом и широким «раздутым» туловом (рис. 6, *1*). На полу постройки обнаружены два глиняных биконических пряслица (рис. 9, *2*), еще одно найдено в заполнении (рис. 9, *3*).

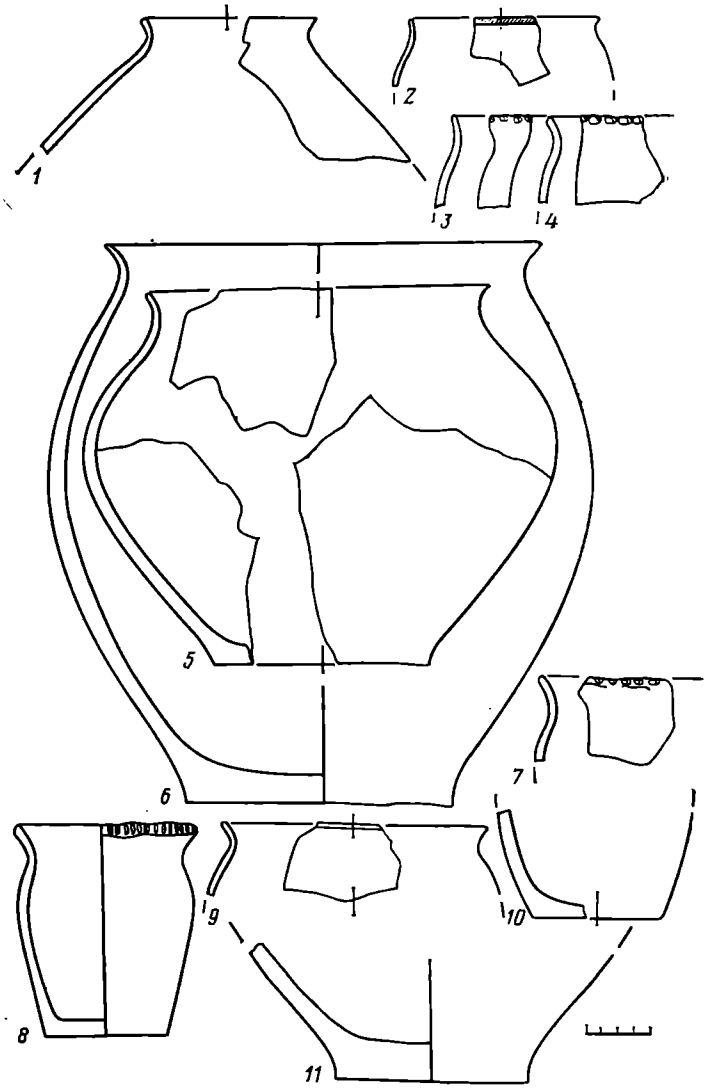


Рис. 6. Раннесредневековая керамика раскопа 1 *1—4* — жилище 2, заполнение; *6—11* — жилище 3, развал печи

Жилище 3 находится в центральной части раскопа 1 (рис. 2). Контуры жилища из-за того, что оно погибло от пожара, удалось проследить более-менее точно, хотя оно и перерезает постройку эпохи бронзы (жилище 4). Жилище 3 представляет собой полуземлянку, подпрямоугольную в плане, размерами 3×3,5 м. Верхний его контур в виде аморфного темного пятна с обильной примесью угля был прослежен на уровне 40 см от дневной поверхности. Котлован постройки углублен в грунт на 80—86 см. По периметру его на уровне пола прослежены остатки сгоревших плах (рис. 3, *3*). В северо-восточном углу котлована обнаружена хорошо сохранившаяся печь-каменка, прямоугольной формы, размерами 1×1,4 м. Песчаный материк, на котором стоит печь, в ее границах прокален. В развале печи найдено скопление фрагментов лепных сосудов, из которых удалось реконструировать полностью три горшка. Два из них — округло-бокие, с туловом, близким к шаровидному, венчики отогнуты наружу, изогнуты (рис. 6, *5, 6*). Третий (небольшой по размерам) — орнаментирован по венчику глубокими насечками. Плечики сосуда расположены в верхней трети высоты тулова (рис. 6, *8*). Кроме того, из печи происходит несколько обломков верхних частей подобных сосудов, иногда украшенных пальцевыми защипами по краю (рис. 6, *7, 9*), а также плоских днищ, как с закраиной, так и без нее. В развале печи обнаружен также фрагмент донца горшка с проделанным в нем до обжига отверстием. Вероятно, этот сосуд служил своеобразной «сырницей».

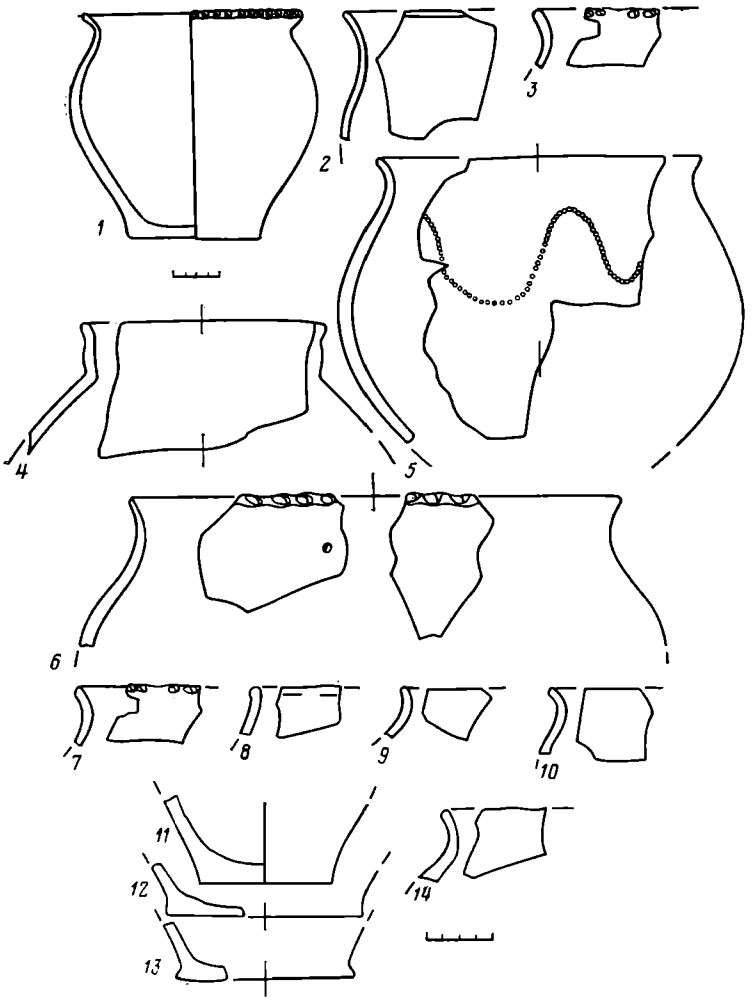
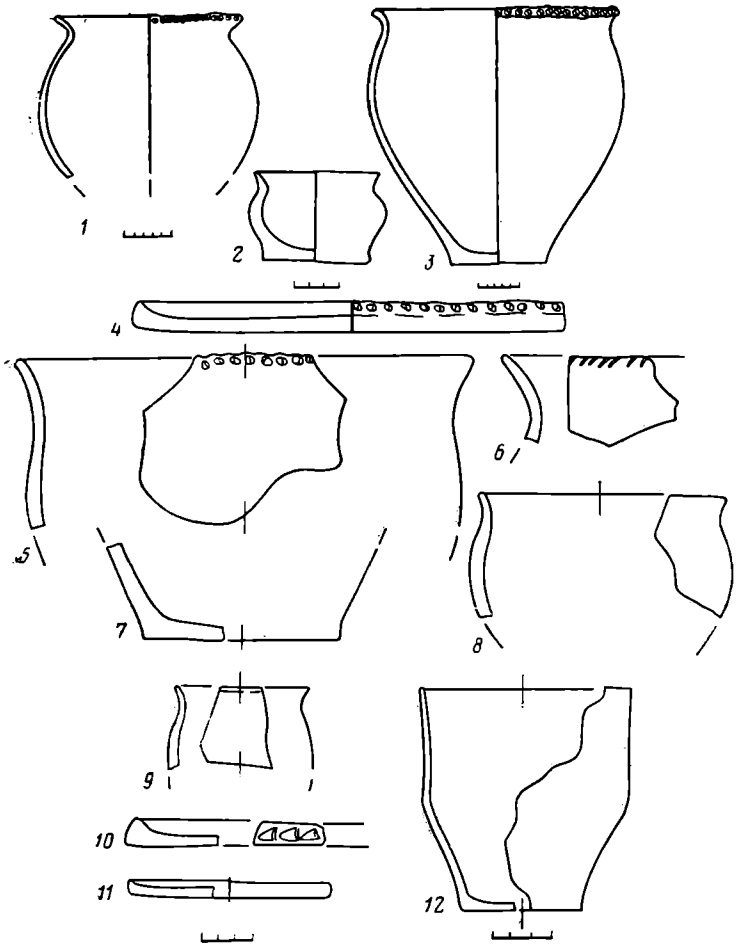


Рис. 7. Раннесредневековая керамика (раскоп 1) *1* – жилище 3, пол; *2, 3* – жилище 3, заполнение; *4, 5, 7–13* – жилище 9, заполнение; *6* – жилище 9, развал печи; *1–3, 5–13* – лепные сосуды и их фрагменты; *4* – фрагмент красноглиняного гончарного горшка

К закрытому комплексу жилища 3 должен относиться также еще один целый горшок, найденный в центре котлована постройки на полу около печи. Тулово горшка близко к шаровидному, венчик отогнут наружу, украшен пальцевыми защипами (рис. 7, *1*). Отдельные фрагменты подобных сосудов встречались и в заполнении жилища. Здесь же обнаружены обломки неопределимого железного предмета и биконическое пряслице. Еще одно пряслице (рис. 9, *4, 5*) найдено между камней развала печи.

Жилище 9, расположенное в юго-западной части раскопа 1, как и предыдущие, является полуземлянкой, прямоугольной формы, размерами 4,5×3,7×4,4×3,6 м. С юго-восточной стороны котлован имеет прямоугольный (0,9×0,7 м) выступ (место входа). Постройка углублена в материк на 0,45–0,5 м. Жилище 9 было брошено обитателями еще при жизни поселения, а впоследствии его котлован использовался для хозяйственных нужд. Об этом свидетельствует обширное углисто-золотистое пятно квадратной формы (1,7×1,7 м) с включениями камней, линза которого начиналась почти у самого верха полуземлянки и доходила до ее пола. В северном углу жилища на полу обнаружен развал печи в виде скопления обожженных камней и угольков. Сохранился лишь северный ее угол (рис. 3, *4*). Среди развала камней найдены фрагменты верхней части лепного сосуда с защипами по венчику. В одном из черепков заметно отверстие, проделанное после обжига сосуда (видимо, следы ремонта; рис. 7, *6*).

Керамика из жилища 9 немногочисленна, залегала в заполнении полуземлянки. Выделить закрытый комплекс постройки не удалось. Кроме



Фис. 8. Раннесредневековая керамика *1, 2* — раскоп 2; *3–12* — раскоп 1; *1, 2* — жилище 1, развал печи; *3, 4* — яма 37, заполнение; *5–7* — яма 36, заполнение; *8* — яма 26, заполнение; *9* — яма 44, заполнение; *10* — яма 34, заполнение; *11* — яма 57, заполнение: *12* — из культурного слоя

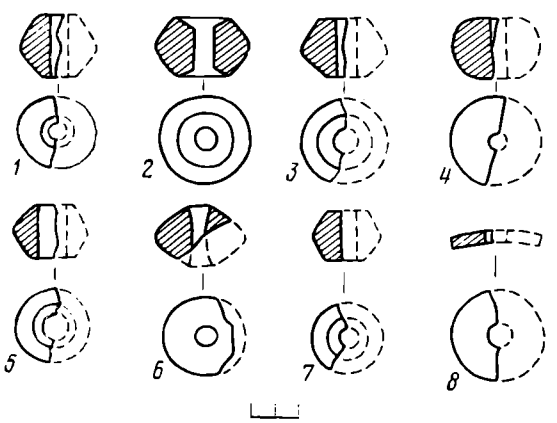


Рис. 9. Образцы пряслиц I тыс. н. э. (раскоп 1). *1* — жилище 1, пол; *2* — жилище 2, пол; *3* — жилище 2, заполнение; *4* — жилище 3, развал печи; *5* — жилище 3, заполнение; *6–8* — из культурного слоя; *5* — лепное лощеное пряслице; *1–4, 6–7* — лепные нелощеные пряслица; *8* — пряслице из стенки гончарного краснолощеного сосуда

упомянутых выше фрагментов горшка из развала печи в жилище 9 обнаружено несколько обломков венчиков лепных сосудов (рис. 7, *7–14*), донца с закраиной (рис. 7, *11–13*), фрагменты лепного округлобокого горшка с шаровидным туловом и изогнутым, отогнутым наружу венчиком. Сосуд реконструируемый на $^2/_3$ высоты, по тулову орнамен-

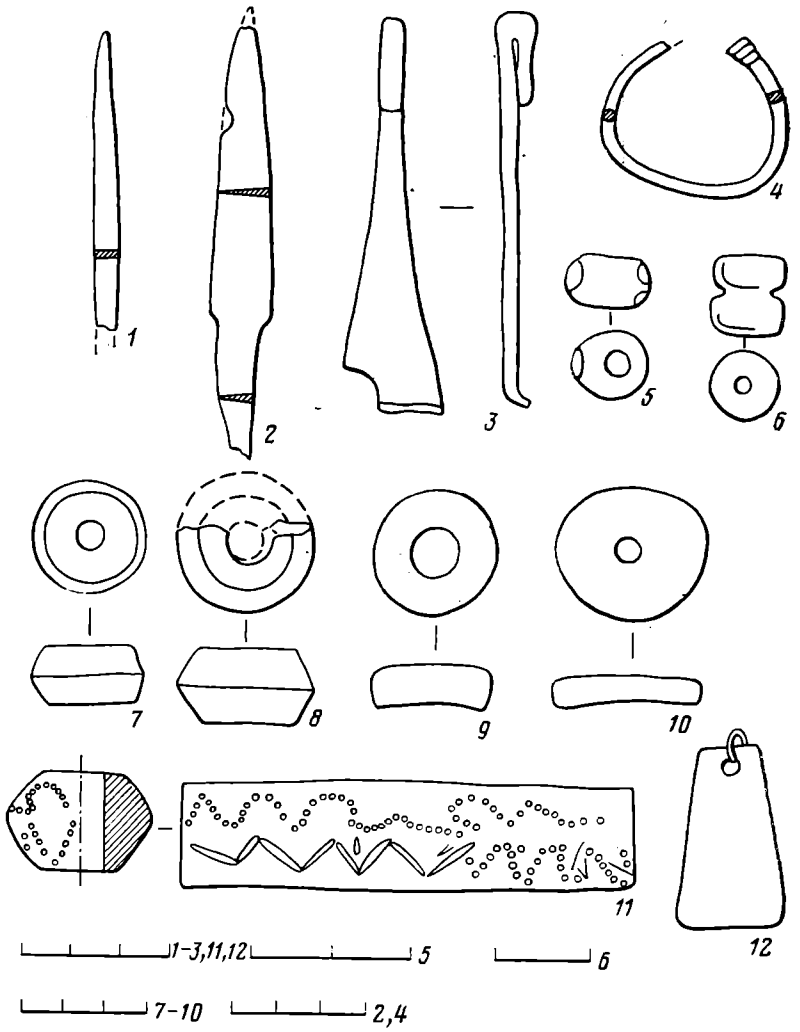


Рис. 10. Различные индивидуальные находки I тыс. н. э. (раскоп 1). *1* – железный пробойник; *2* – железный нож; *3* – обломок железного пинцета; *4* – бронзовый браслет; *5*, *6* – стеклянные бусы; *7*, *8*, *11* – глиняные лепные нелощеные пряслица; *9*, *10* – пряслица из обломков лепных сосудов (*1–6*, *9*, *11*, *12* – культурный слой; *7* – яма 55, заполнение; *8* – жилище 9, уровень пола, из ямы, перекрывающей центр постройки; *10* – яма 49, заполнение)

тирован волнистой линией, состоящей из серии точечных вдавлений. В заполнении жилища обнаружены три фрагмента гончарного красноглиняного горшка (возможно, салтовского круга) с прямым, слегка «волнистым» венчиком (рис. 7, *4*). На дне заполнения золистого пятна найдено глиняное биконическое пряслице (рис. 10, *8*).

Жилище 10 вошло в раскоп лишь своей северо-восточной частью, прослеженной на площади 1,2×1,6 м. Котлован в этом месте углублен в грунт на 53 см. На полу в скрытой части постройки обнаружен развал печи-каменки, среди камней которого найден крупный фрагмент бочка лепного сосуда с шаровидным туловом и обломок придонной части гончарного горшка оранжевого цвета, орнаментированного вертикальными пролощенными линиями, скорее всего принадлежащий сосуду круга салтовских или волынцевских древностей.

Жилище 1 раскопа 2 полностью разрушено карьером. Сохранилась лишь северная стена котлована длиной 3,6 м и часть печи-каменки. Глубина котлована постройки 0,8 м.

Из-за разрушений первоначальную форму и конструкцию печи установить не удается. Можно сказать лишь, что специально устроенный под отсутствует, огонь разводился прямо на песке.

В развале печи встречены многочисленные фрагменты от 12 лепных сосудов. Форму полностью или частично удалось восстановить только для двух — горшка и небольшой мисочки. Горшок имеет шаровидное тулово и отогнутый наружу, изогнутый, украшенный защипами венчик (рис. 8, *1*). Мисочка округло-бокая, груболепная, с наибольшим расширением в средней части тулова (рис. 8, *2*).

Кроме жилищ керамика типа позднего слоя Хитцы встречена и в некоторых хозяйственных ямах на раскопе 1. Яма 26 находится в 1,5 м к юго-востоку от жилища 1. Имеет круглую форму, диаметром 2 м, и глубину 77—80 см. В ее заполнении найдены фрагмент верхней части округло-бокого сосуда с изогнутым, отогнутым наружу венчиком (рис. 8, *8*), многочисленные невыразительные мелкие фрагменты лепных сосудов, железный предмет, глиняное пряслице.

Яма 34 расположена в 12 м юго-восточнее ямы 26. Она круглая, диаметром около 80 см и глубиной 54 см. В заполнении встречены немногочисленные фрагменты лепных сосудов, а также обломок диска-сковородки.

Яма 36, находящаяся в 5 м южнее ямы 26, округлая в плане. Ее диаметр 82—88, а глубина 44 см. В заполнении обнаружены маловыразительные обломки лепных сосудов и фрагменты верхней части большого горшка с защипами по краю (рис. 8, *5—7*).

Яма 37 находится в 6 м восточнее жилища 1 (рис. 2). Она также круглая в плане, имеет диаметр около 1—1,04 м и глубину 60 см. В заполнении встречались мелкие угольки, а также многочисленные фрагменты лепных сосудов. Полностью удалось реконструировать горшок с наибольшим расширением, расположенным в верхней половине высоты тулова. Плечики сосуда плавные, округлые, венчик изогнутый наружу, украшенный защипами по краю (рис. 8, *3*). В яме находилась также часть сковородки-диска с высоким бортиком и защипами по краю (рис. 8, *4*).

Яма 44 расположена в 10 м северо-западнее жилища 9 (рис. 2). Форма ее овальная, размер 1,04×0,56 м, глубина 35 см. В заполнении обнаружено несколько фрагментов лепных сосудов, в том числе обломок венчика небольшого неорнаментированного горшка (рис. 8, *9*), а также кремневый скребок.

Яма 57 находится в 2 м северо-западнее жилища 9. Имеет круглую форму, диаметр около 1,6 м и глубину 27—33 см. В ее северо-восточной части, в заполнении, прослежено скопление углей. Из заполнения происходит несколько невыразительных фрагментов керамики эпохи бронзы и обломок диска с высоким бортиком (рис. 8, *11*).

Как уже указывалось выше, керамический комплекс наиболее поздних жилищ и хозяйственных ям на поселении Шоссейное, по нашему мнению, необходимо хронологически и типологически связывать с поздним горизонтом поселения Хитцы на Полтавщине. Однако следует сделать некоторые оговорки. Поздний (III) горизонт Хитцы представлен материалом из трех жилищ (I, X и XII [9, с. 125]). Горизонт выделен Е. А. Горюновым на основании стратиграфических наблюдений: жилища III горизонта перекрывают полуземлянки II горизонта. Керамический комплекс двух из них значительно отличается от «поздней» керамики Шоссейного: из жилищ 1 и 10 происходят преимущественно сосуды с гладким венчиком. Имеются фрагменты биконических горшков, округло-бокие горшки не так сильно профилированы, как в Шоссейном (есть почти баночные формы). Некоторые сосуды украшены налепными валиками под венчиками, что ни разу не встречено в Шоссейном [9, рис. 37, *48*].

В целом, керамика из жилищ I и X стоит значительно ближе к комплексу пеньковской культуры, чем к материалам из Шоссейного. Наиболее близка к Шоссейному керамика из жилища XII поселения Хитцы. Хотя здесь так же, как и в остальных двух жилищах III горизонта, имеются слабопрофилированные биконические сосуды и сосуд

с валиками под венчиками [9, рис. 50, *1, 6, 7, 10, 12*], но в комплексе также присутствуют фрагменты горшков, украшенных пальцевыми защипами и насечками по краю венчика с округло-боким, видимо, шаровидным (судя по сохранившимся частям) туловом и изогнутым, отогнутым наружу венчиком, аналогичные поздним горшкам из Шоссейного [9, рис. 50, *4, 9, 13—15*]. В комплексе имеется и сковородка с высоким бортиком [9, рис. 50, *3*]. Можно высказать предположение, что особенности керамического комплекса из Шоссейного и памятников, подобных ему, позволят в дальнейшем подразделить верхний слой поселение Хитцы на две фазы: раннюю, с керамикой типа материалов из жилищ I и X, и более позднюю, керамика которой будет близка комплексу жилища XII. Прямое типологическое сходство керамика позднего горизонта Шоссейного имеет также с сосудами «второго комплекса керамики поселений Потясминья», выделенного О. М. Приходнюком и М. М. Казанским в 1978 г. [12, с. 45, 46] и названного впоследствии О. М. Приходнюком «сахновским этапом» средневековой культуры Среднего Поднепровья [13, с. 47, 48]. Для керамики «сахновского этапа» характерна орнаментация края венчиков защипами. Сосуды Шоссейного с шаровидным туловом и наибольшим расширением тулова в средней части его высоты имеют прямые аналогии на памятниках с «сахновскими» материалами (Луг I [12, рис. 2, *1, 3*; 13, рис. 29, *1, 3*; рис. 30, *1, 2*, рис. 32, *1, 4, 5, 8*]; Луг II [13, рис. 33, *2, 5*], Стецовка [13, рис. 34, *1, 2, 4*] и др.). Аналогии в «сахновском» керамическом комплексе находят также округло-бокие сосуды с наибольшим расширением тулова в верхней части тулова (Луг I [13, рис. 28, *6*], Сахновка, седловина между горами Девица и Дегтярная [13, рис. 35, *11, 14*]). Имеются на памятниках «сахновского» этапа и горшки, близкие по форме небольшому сосуду из печи жилища 3 поселение Шоссейное (рис. 6, *8*). Они обнаружены на поселении у с. Сахновки в седловине между горами Девицей и Дегтярной [13, рис. 35, *3, 4, 22*]. На том же памятнике встречен обломок горшка с орнаментацией, близкой к «накольчатому» орнаменту горшка из заполнения жилища 9 Шоссейного (рис. 7, *5*, ср. [13, рис. 35, *25*]). С «сахновским» этапом связаны и находки дисков-сковородок с высоким бортиком (например, [12, рис. 2, *6*]).

Дата наиболее позднего горизонта поселения Шоссейное определяется по перечисленным выше аналогиям с керамическими комплексами «сахновского этапа» и «позднего горизонта поселения Хитцы». В целом, поздний горизонт Шоссейного следует датировать второй половиной VII—IX в., так как «сахновский этап» относится к середине VII — середине VIII в. [12, с. 46, 27], а поздний слой поселения Хитцы — к VIII—IX вв. [9, с. 127]. Заметим, что приведенную дату позднего горизонта Шоссейного следует считать весьма условной, так как хронология и позднего горизонта поселения Хитцы и «сахновского этапа» пока далека от совершенства.

На поселении Шоссейное обнаружены также индивидуальные находки, которые можно отнести к I тыс. н. э. Основная масса их представлена глиняными пряслицами.

Большинство находок происходит из культурного слоя. Наиболее распространенными являются биконические пряслица (рис. 9, *1—3, 4—7*), встречено также несколько экземпляров, сделанных из черепков лепных сосудов (рис. 10, *9, 10*), а одно изготовлено из фрагмента стенки гончарного краснолощеного горшка (рис. 9, *8*). Из печи жилища 3 происходит единственное на поселении округлое «лепешкообразное» пряслице. Большинство пряслиц неорнаментировано. Лишь одно из них, обнаруженное в культурном слое поселения, украшено зигзагообразным орнаментом из врезанных линий и наколов. Единственное биконическое лощеное пряслице (рис. 9, *5*) найдено в заполнении жилища 3.

В культурном слое поселения обнаружен браслет, один конец которого обломан. Браслет округлый в сечении, сохранившийся конец рас-

ширен и украшен глубокими концентрическими насечками (рис. 10, *4*) [4].

Близкие по форме и орнаментации браслеты известны в раннесредневековых древностях Крыма и Северного Кавказа. Точные аналогии экземпляру из Шоссейного происходят из могильников Суук-Су, погр. 77 [14, табл. IX, *16*], Сахарная головка, склеп 27 [15, рис. 11, *5*], а также из некрополя Пантикапея [16, рис. 3, *j*] и Агойского могильника [17, рис. 22, *21*]. К сожалению, специальные разработки по хронологии браслетов с расширяющимися концами отсутствуют. По схеме периодизации могильника Суук-Су, предложенной А. К. Амброзом, погр. 77, где был найден браслет, аналогичный происходящему из Шоссейного, датируется рубежом VI—VII вв. или началом VII в. [18, с. 114, табл. II]. Однако не исключено, что подобные вещи могут появляться раньше и существовать позже даты погр. 77.

В культурном слое поселения обнаружена бронзовая неорнаментированная трапециевидная подвеска (рис. 10, *12*), железный нож с горбатой спинкой (рис. 10, *2*), обломок железного пробойника (рис. 10, *1*), несколько неопределенных обломков железных предметов и фрагмент железного неорнаментированного пинцета (рис. 10, *3*). Близкие по форме бронзовые и железные пинцеты изредка встречаются в древностях северо-запада России и Прибалтики в эпоху раннего средневековья [19, рис. 77, *5*]. Специальные работы по их хронологии отсутствуют. В. И. Кулаков, собравший сводку подобных пинцетов по Калининградской обл., относит их к VII в. [20, с. 209].

В слое обнаружены две стеклянные бусины. Первая (рис. 10, *5*) — округлая, глухого черного стекла с четырьмя зеленоватыми, почти бесцветными пятнышками — относится к типу «а», по классификации В. Б. Деопик, и датируется по могильникам Крыма и Северного Кавказа III—VII вв. н. э., однако основная масса их распространена в IV—V вв. н. э. [21, с. 56; 22, с. 222]. Вторая бусина (рис. 10, *6*) — двусоставная (из двух округлых бусин), прозрачная, темно-синяя. Бусы подобного цвета и формы имеют античное происхождение, относятся к типу 17 одноцветных бус, по Е. М. Алексеевой. Многосоставные бусы типа 17 датируются I—II вв. н. э. [23, с. 65]. Завершая описание индивидуальных находок верхнего слоя Шоссейного, отметим, что бусина типа 17, по Е. М. Алексеевой, относится, видимо, к позднезарубинецкому горизонту поселения, бусина типа «а», по В. Б. Деопик,— к «киевскому» периоду его существования. Что касается браслета и пинцета, то поскольку их хронология недостаточно разработана, не исключено, что они могут связываться с «сахновским» горизонтом, однако вполне вероятно, что на нераскопанном участке поселения могли находиться какие-либо объекты, заполняющие лакуну между киевским и сахновским периодами жизни Шоссейного: пеньковского или колочинского типов. Поселение Шоссейное является наиболее восточным памятником позднезарубинецкого периода и киевской культуры. Материалы Шоссейного тем самым уточняют восточную границу обеих культурно-хронологических групп памятников. Закрытые комплексы позднезарубинецкого времени и «сахновского этапа» существенно пополняют коллекцию материалов этих периодов, пока еще очень слабо изученных на Днепровском Левобережье.

---

[4] Спектральный анализ браслета проводился в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР. Были получены следующие данные:

Cu	Sn	Pb	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Au
Осн.	6,0	2,5	0,001	0,015	0,025	0,04	0,1	0,03	<0,001

Браслет отлит из оловянисто-свинцовой бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА. 1984. № 4.
2. *Кравченко Н. М.* Исследование славянских памятников на Ступне // Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979.
3. *Бидзилия В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. 1969. № 160.
4. *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. 1969. № 160.
5. *Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник // МИА. 1959. № 70.
6. *Обломский А. М.* О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № 1.
7. *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
8. *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. // СА. 1964. № 1.
9. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
10. *Терпиловский Р. В.* Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесенье // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
11. *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа близ Чернигова // Проблемы этногенеза славян. Киев: Наук. думка, 1978.
12. *Приходнюк О. М., Казанский М. М.* Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясмин // Археологія. 1978. № 27.
13. *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ: Наук. думка, 1980.
14. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. № 19.
15. *Веймарн Е. В.* Могильник біля висоти «Сахарна голівка» // АП. 1963. Т. XIII.
16. *Бич О. П.* Первые раскопки некрополя Пантикапея (дневник П. Дюбрюкса) // МИА. 1959. № 69.
17. *Миллер А. А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. 1909. № 33.
18. *Амброз А. К.* Проблема раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
19. *Станкевич Я. В.* К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. 1960. № 76.
20. *Кулаков В. И.* Древности пруссов VI—XIII вв.: Дис. ...канд. ист. наук. 07.00.06. М.: ИА АН СССР, 1981 // Архив ИА АН СССР. В-2. № 2304.
21. *Деопик В. Б.* Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. // СА. 1959. № 3.
22. *Деопик В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. / СА. 1961. № 3.
23. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. II // САИ. 1979. Вып. Г1-12.

A. M. Oblomsky, A. S. Smirnov, A. N. Sorokin

MATERIALS OF THE FIRST MILLENNIUM A. D. FROM THE SETTLEMENT OF SHOSSEINOE (BELGOROD REGION)

Summary

The materials obtained from the Shosseinoe settlement (in the upper reaches of the Seversky Donets River), dated to the first millennium A. D., came from three cultural-chronological horizons. The Late Zarubintsy pottery of the 1st and 2nd centuries. A. D. came from a semi-underground dwelling and a pit; the 3rd-4th century materials of the Kiev culture were found in what remained of a dwelling, while remnants of three semi-underground dwellings and six pits are dated to the early mediaeval horizon. The materials obtained from it are close to those of the so-called Sakhnovo stage of the mediaeval culture along the Dnieper or to the «antiquities typical of the later horizon of the Knitsa settlement» on the left bank of the Dnieper. They are dated to the late 7th-9th centuries. Since the finds consisted mainly of pottery and the settlement lacks any dating material the horizons are dated through analogies. The most interesting individual finds are: a bronze bracelet of the 6th-7th centuries, a fragment of an early mediaeval iron tweesers, a bronze trapeze pendant, two glass beads of the 1st-2nd and the 4th-5th centuries. Practically all individual finds came from the settlement's cultural layer.

В. Н. КАМИНСКИЙ

АЛАНО-БОЛГАРСКИЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ СТАНИЦЫ СТАРОКОРСУНСКОЙ НА КУБАНИ

Осенью 1980 г. 6-м отрядом Краснодарской археологической экспедиции проводились спасательные раскопки средневекового могильника, разрушаемого в результате строительных работ. Могильник расположен в глиняном карьере в полукилометре южнее МТФ-3 колхоза им. Ленина Динского р-на и в 3,5 км юго-западнее ст. Старокорсунской на северном берегу Краснодарского водохранилища (бывший правый берег р. Кубани).

Нами была исследована площадь в 2800 м², на которой обнаружено 64 погребения и 5 захоронений боевых лошадей. Однако, по свидетельству рабочих карьера, большая часть могильника была уничтожена.

Основная масса погребений (54) и захоронения лошадей относятся к раннесредневековому периоду, и только 10 погребений к XIII—XV вв. (в настоящей статье рассматриваться не будут) [1].

Погребения ранней группы залегали на глубине от 1,2 до 3,6 м. Из-за особенностей кубанского грунта контуры этих могильных сооружений прослежены в 0,1—0,3 м от дна.

Погребальные сооружения представлены катакомбами и могильными ямами. У части катакомб, где имелись ступеньки возле входного отверстия, дромос не прослежен, вследствие чего о конструкции погребальных сооружений мы располагаем неполными данными. Одна из катакомб являлась кенотафом [1, с. 15]. Камеры в плане подпрямоугольные, овальные, удлиненно-овальные и неправильных очертаний. В тех случаях, когда ее удавалось проследить, входная яма располагалась с западной или восточной стороны камеры и в плане была вытянутая или круглая [1, с. 11—20]. Дромос до 1,5 м длиной. Сечение дромоса прослежено только в катакомбе-кенотафе, где он был овальным [1, с. 15]. Входные отверстия, вероятно, закрывались досками, которые не сохранились. Своды в камерах обвалены. Судя по однородному с материком суглинку, часть камер, вероятно, после совершения захоронения специально забивалась грунтом (аналогичное явление наблюдается в погребениях на Дону [2, с. 69]). Некоторые катакомбы в древности были потревожены или полуразрушены в результате строительных работ, что значительно затрудняет изучение погребального обряда.

В погребальных сооружениях этого типа находилось от одного до двух костяков. Костяки лежали вытянуто на спине, головой на юго-восток, реже на юг, юго-запад. Руки располагались вдоль костяка, кисти рук иногда на костях таза. Пальцы некоторых погребенных (чаще всего большой и мизинец) поджаты. В четырех случаях ноги погребенных были перекрещены.

Другой тип погребальных сооружений — могильная яма, в плане удлиненно-трапециевидная, стенки вертикальные, дно плоское. Костяки лежали вытянуто на спине, ориентировка различная, но с преобладанием западной. Ноги и руки вытянуты.

---

[1] 13 погребений (№ 1—4, 7, 9, 10, 18, 19, 22, 32, 50, 55) первой хронологической группы нами опубликованы, и в связи с ограниченным объемом мы их здесь не рассматриваем, отсылая читателя к этой публикации [1].

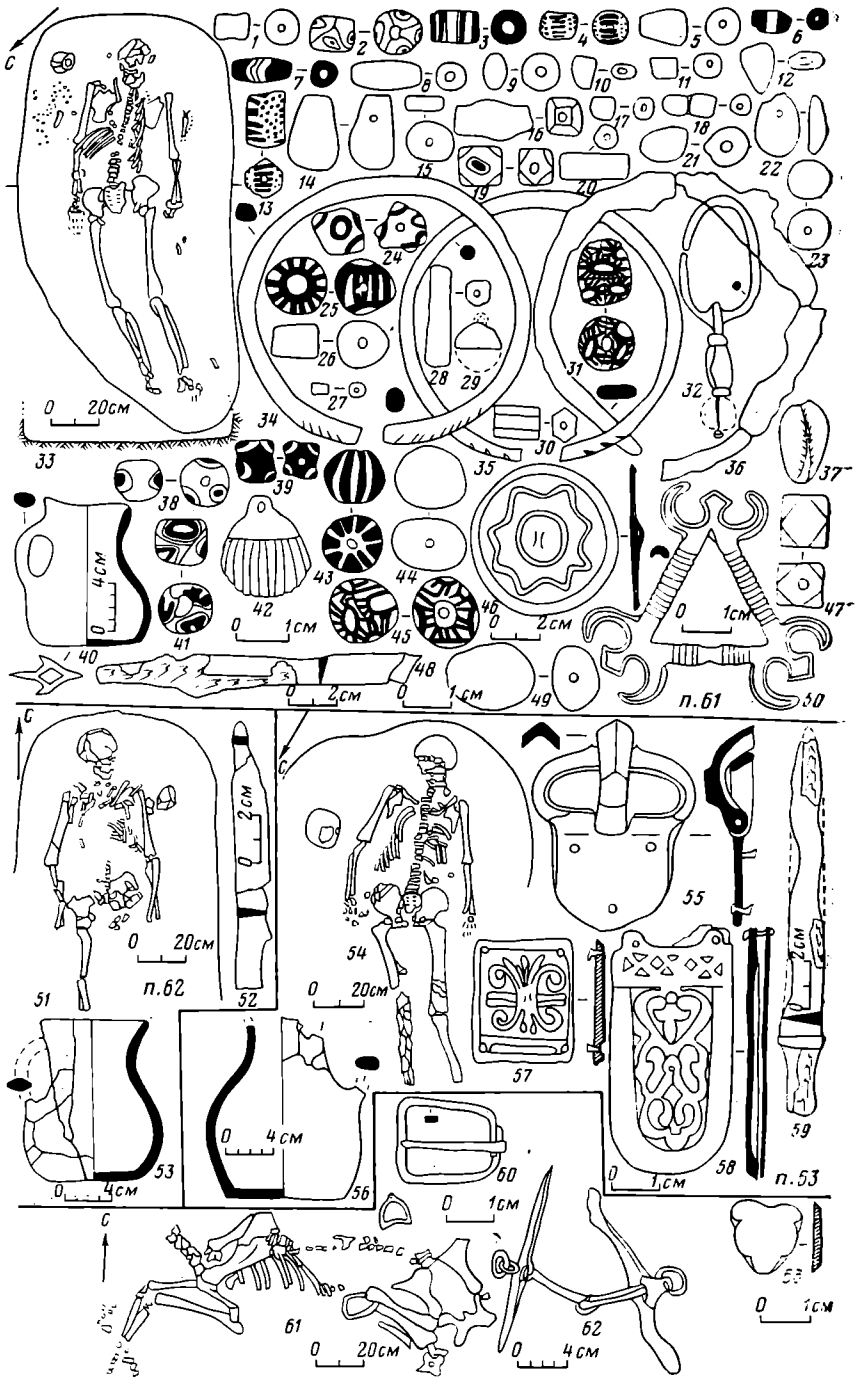


Рис. 1. *1–50* – погр. 61; *51–53* – погр. 62; *54–59* – погр. 63; *61, 62* — погр. лошади 3; *63* — погр. лошади 4; *33, 51, 54, 61* – планы погребений; *1–4, 6–10, 12, 13, 15, 17, 21, 24, 28, 30, 31, 38, 39, 41, 43, 45, 47, 49* – стекло; *5, 14, 16, 22, 23, 44* – сердолик; *11* – пскопаемый коралл; *29, 34, 35, 42, 46, 50, 55, 58, 63* — бронза; *32* — бронза, стекло; *36, 48, 52, 59, 62* – железо; *37* – раковина каури; *40, 53, 56* — глина; *57* – бронза, паста; *60* — серебро

В четырех случаях черепа из катакомб имели следы искусственной деформации. В заполнении обоих типов погребальных сооружений встречены угольки.

На могильнике раскопано пять захоронений боевых лошадей (рис. 1, *61*). Они совершены в грунтовых ямах. Лошади лежали на правом боку, головой на запад. Исключение составляет захоронение 1, где скелет лошади лежал на левом боку, головой на восток. Лошадей хоронили в полном снаряжении, о чем говорят находки стремян, удил, бляшек, бубенчиков и подвесок.

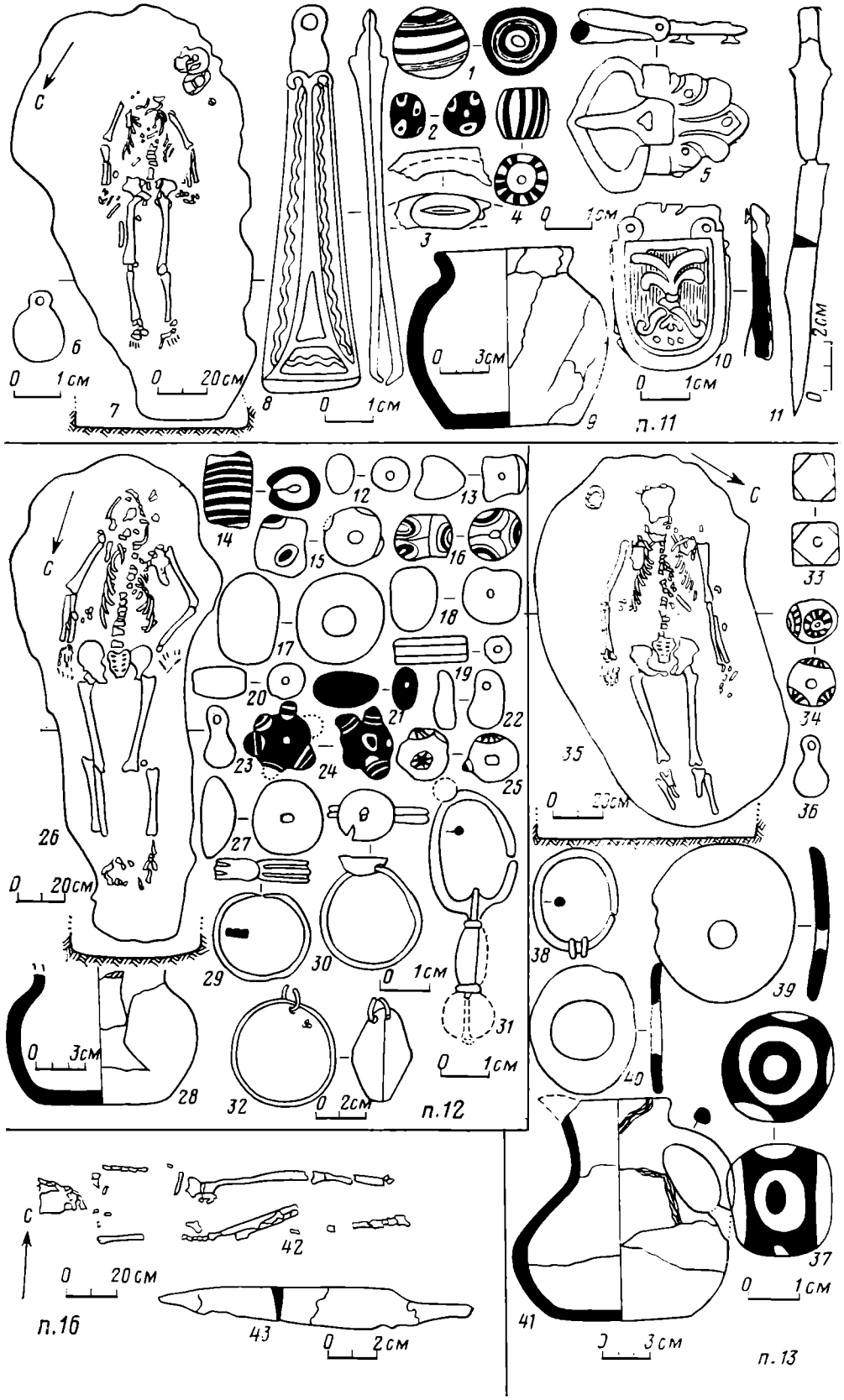


Рис. 2. *1—11* – погр. 11; *12—32* – погр. 12; *33—41* – погр. 13; *42*, *43* — погр. 16; *7*, *26*, *35*, *42* — планы погребений; *1*, *2*, *4*, *13—17*, *21*, *24*, *25*, *33*, *34*, *37* – стекло; *12* – альмандин; *18*, *20* — сердолик; *19* – лазурит; *22* — хрусталь; *3*, *5*, *30* – серебро; *6*, *8*, *10*, *23*, *29*, *32*, *36*, *38* – бронза; *9*, *14*, *28* — глина; *11*, *43* — железо; *31* – стекло, бронза; *39*, *40* — перламутр

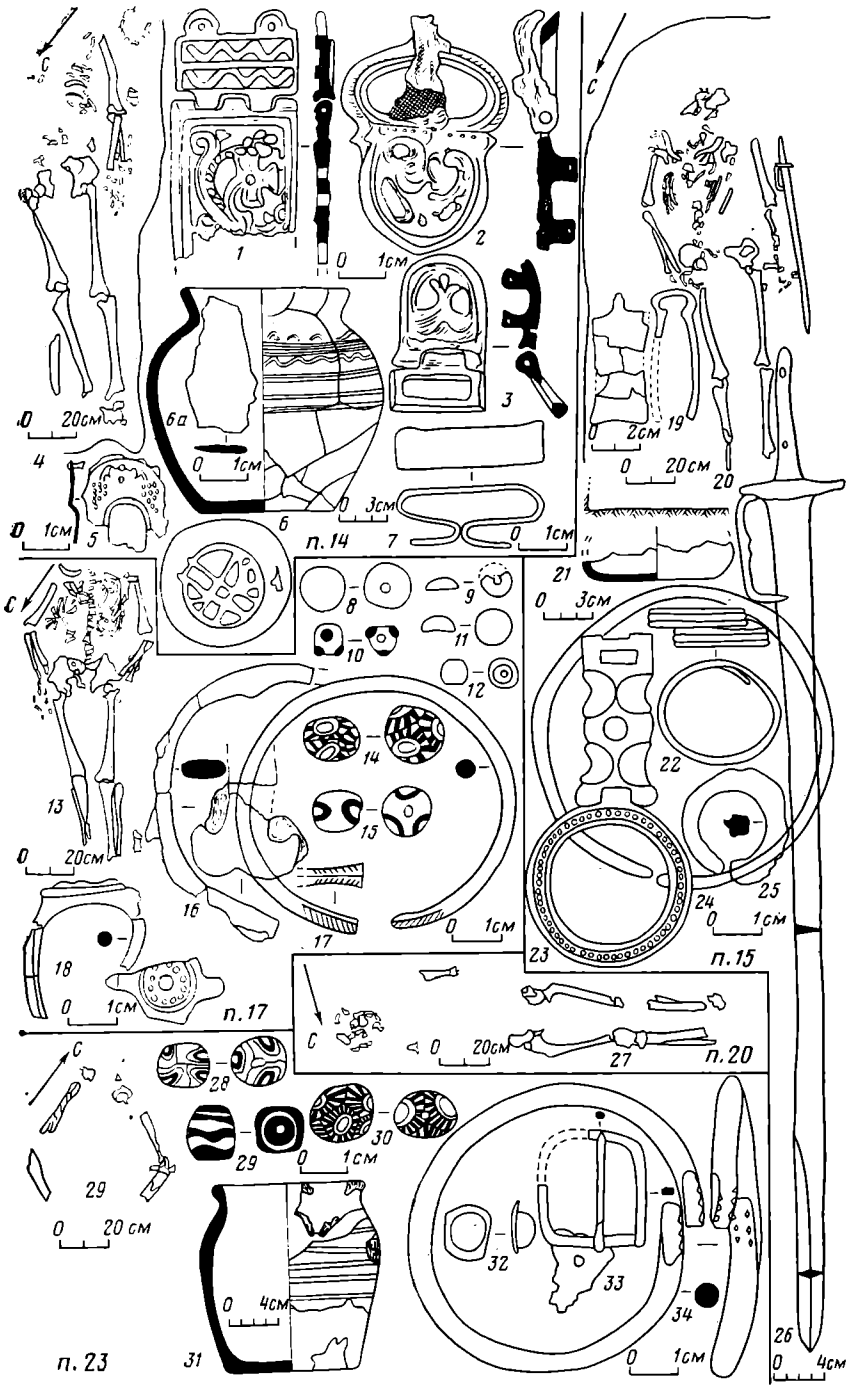


Рис. 3. *1—7* — погр. 14; *8—18* — погр. 17; *19—26* — погр. 15; *27* — погр. 20; *28—34* — погр. 23; *4, 13, 20, 27, 29* — планы погребений; *1—3, 5, 7, 17, 22, 24, 34* — бронза; *6, 21, 31* — глина; *8—12, 14, 15, 28—30* — стекло; *6а, 16, 19, 25, 26* — железо; *18, 33* — серебро; *32* — стекло, бронза

Погребенных сопровождал богатый и разнообразный инвентарь: сосуды, украшения, немногочисленные орудия труда и оружие.

В 38 погребениях встречены глиняные сосуды, стоявшие обычно справа или слева от черепа. Из 16 погребений, где посуда не встречена, четыре потревожены в древности и четыре частично разрушены строителями. Погребальная посуда представлена горшками, кубышками и кувшинами. Тесто хорошо отмученное, с небольшим содержанием песка или дресвы. В тесте горшка из погр. 23 была толченая ракушка. Горшки в основном гончарные с шарообразным или яйцевидным туловом (рис. 2, *9*; 3, *6*, *31*; 4, *35*, *48*; 5, *21*; 6, *28*, *86*; 7, *15*; 8, *45*). Венчик

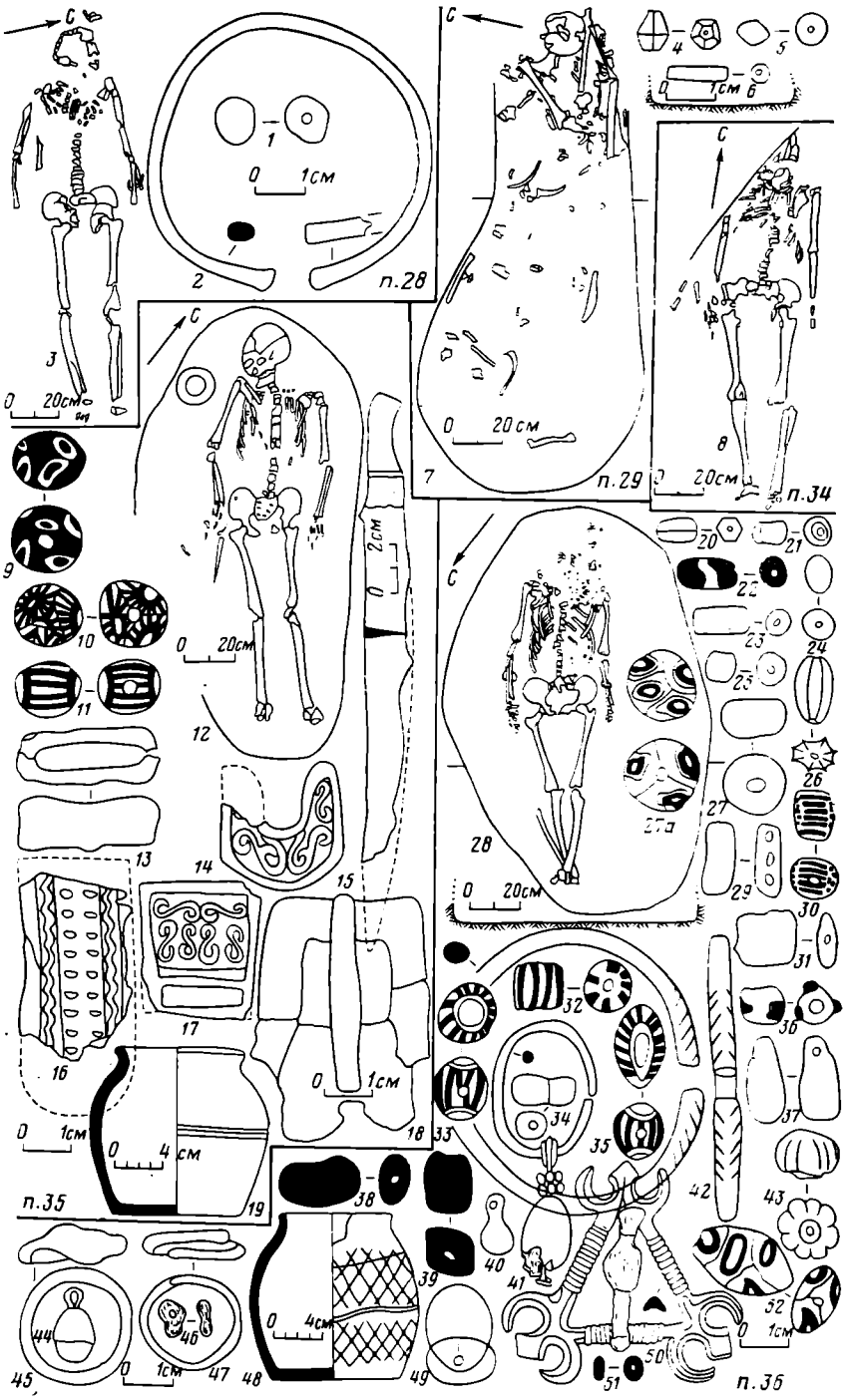


Рис. 4. *1–3* — погр. 28; *4–7* — погр. 29; *8* — погр. 34; *9–19* — погр. 35; *20—52* — погр. 36; *3, 7, 8, 12, 28* — планы погребений; *14, 24, 26, 31, 37* — сердолик; *2, 40, 42, 44, 45, 47* — бронза; *5, 9–11, 20–23, 25, 27а, 29, 32, 36, 38, 39, 41, 51, 52* — стекло; *6* — коралл; *13, 15, 18* — железо; *14, 16, 17, 41* — серебро; *46* — свинец (?); *49* — хрусталь; *51* — бронза, железо

сильно отогнут наружу. Тулово покрыто горизонтальным рифлением, волной или лощеными полосами. У горшка из погр. 3 на шейке два диаметрально расположенных отверстия для подвешивания.

Кувшины имеют шарообразное тулово с высокой шейкой и сливом (рис. 2, *41*; 5, *22, 28*; 7, *5*). Орнаментированы кувшины сетчатым лощением, горизонтальными желобками. В погр. 19 найден кувшин с зооморфной В-образной ручкой [1, рис. 6, *8*].

Самой многочисленной группой керамики являются небольшие кувшинчики (рис. 1, *40, 53*; 2, *28*; 5, *11, 30*; 6, *84*; 7, *56*; 8, *53, 60*;

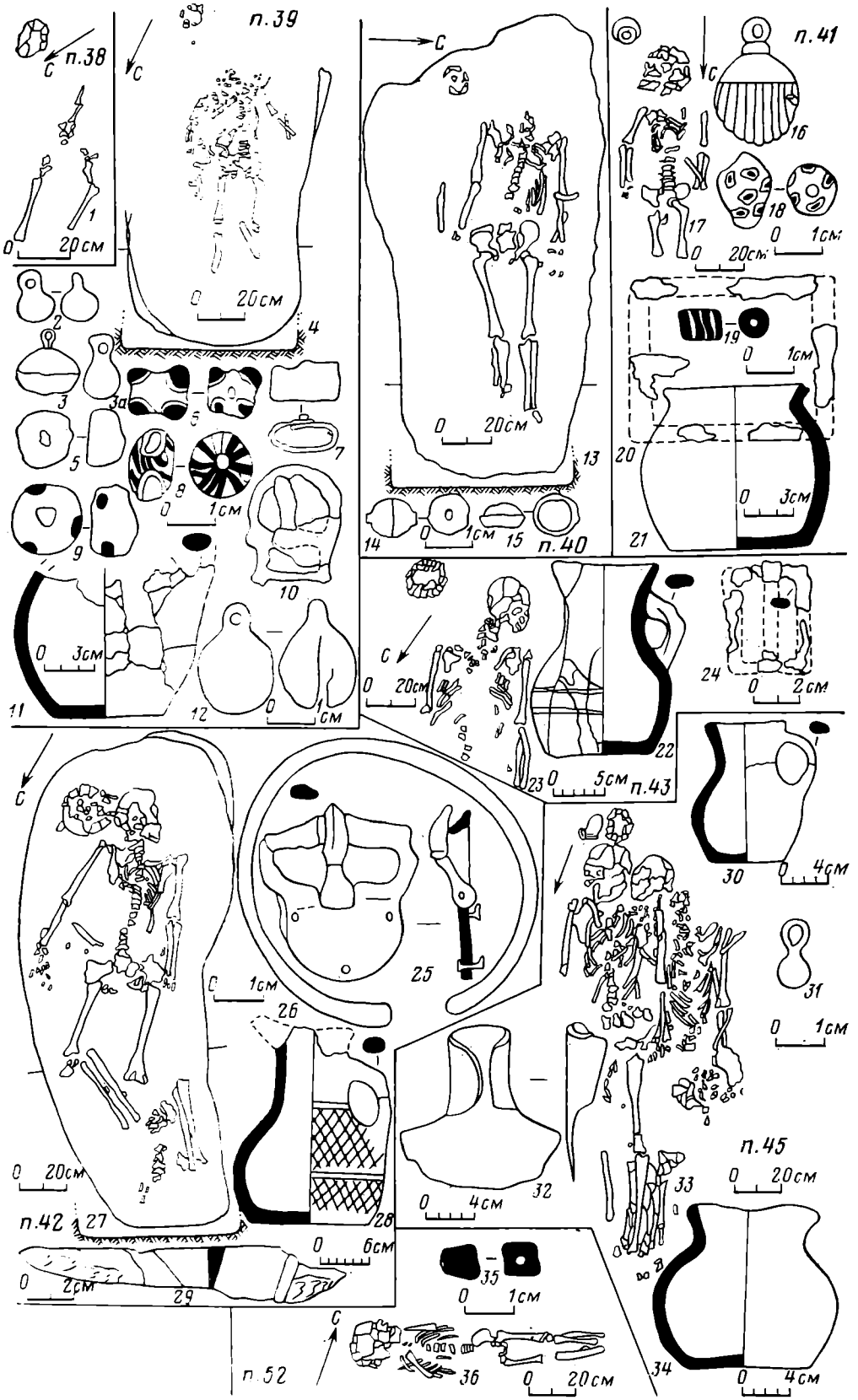


Рис. 5. *1* — погр. 38; *2–12* — погр. 39; *13–15* — погр. 40; *16—21* — погр. 41; *22–24* — погр. 43; *25—29* — погр. 42; *30—34* — погр. 45; *35, 36* — погр. 52; *1, 4, 13, 17, 23, 27, 33* — планы погребений: *2, 3, 7, 12, 16, 25, 26, 31* – бронза; *5* – сердолик; *6, 8, 9, 18, 19, 35* – стекло; *10* — бронза, железо; *11, 21, 22, 28, 30, 34* — глина; *14* — серебро; *15* -- стекло, бронза; *20, 24, 29, 32* — железо

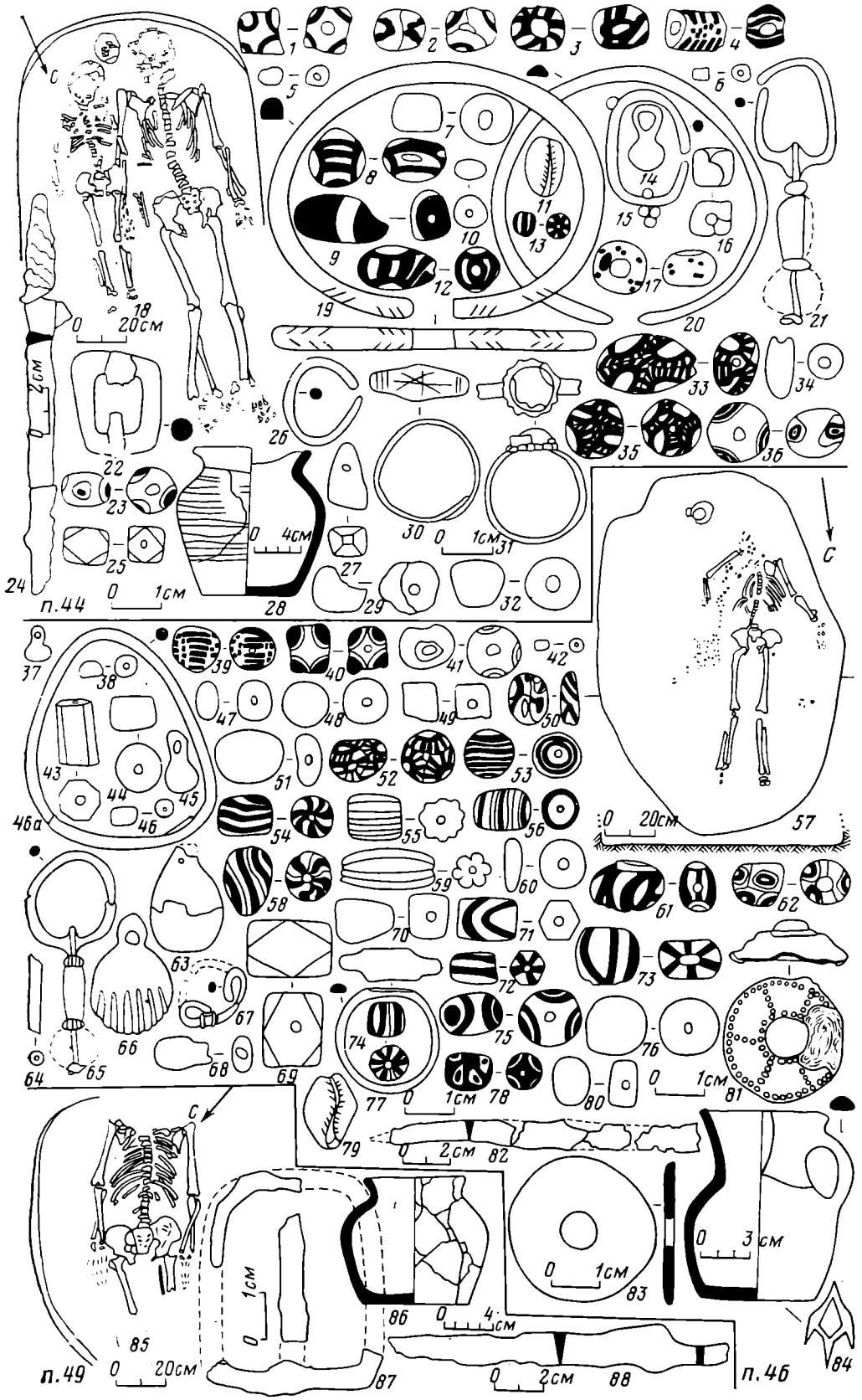


Рис. 6. *1–36* – погр. 44; *37–84* – погр. 46; *85–88* – погр. 49; *18, 57, 85* — планы погребений; *1–10, 12, 13, 16, 23, 25, 27, 29, 32–36, 38, 44, 46, 47, 49–56, 58–62, 64, 68, 70–76, 78, 80* – стекло; *11, 79* – раковины каури; *14, 15, 19, 26, 30, 37, 45, 46а, 63, 66, 67, 77* – бронза; *21, 31, 64* – стекло, бронза; *22, 24, 82, 87, 88* – железо; *28, 84, 86* – глина; *48* – сердолик; *69* – хрусталь; *81* – бронза, стекло, паста; *83* – перламутр

9, *12, 29, 44*; 10, *63*). Они имеют почти шаровидное тулово, горло раструбом и небольшую петлевидную ручку. Орнамент в виде желобков и зубчатого штампа. Один кувшинчик с тремя сосцевидными налепами (рис. 10, *63*). На трех кувшинчиках клейма в виде ромбического трезубца (рис. 1, *40*; 6, *84*).

Кубышки, по классификации С. А. Плетневой, относятся к типу «Б» [3, с. 118], имеют шаровидную, слегка приплюснутую форму (рис. 8, *19;* 10, *44*). Венчик сильно отогнут. Поверхность лощеная или покрыта сетчатым и полосатым орнаментом [1, рис. 1, *2, 3*; 6, *9*]. На шейках кубышек из погр. 1 [1, рис. 1, *2, 3*] было по два диаметрально расположенных отверстия. Кубышка из погр. 45 имела слив (рис. 5, *34*). На донце кубышки из погр. 50 было клеймо в виде двустороннего двузубца [1, рис. 6, *9*].

Орудия труда немногочисленны. В 19 погребениях найдены ножи, лежавшие в разных местах: у левой руки, справа или слева от таза, между берцовыми костями. Все ножи одного типа: однолезвийные, черешковые, иногда при переходе в черенок имеющие небольшие выступы (рис. 1, *48, 52, 59*; 2, *11, 43*; 4, *15*; 5, *29*; 6, *24, 82, 88;* 7, *1, 14, 24*; 8, *27, 42*; 9, *32, 41*). Отличаются ножи лишь размерами. В погр. 1, *50* вместе с ножами обнаружены бронзовые оковки и скобы от ножен [1, рис. 1, *5*; 7, *1*]. Ножны были деревянные, о чем свидетельствуют остатки дерева на лезвиях ножей и плохо сохранившиеся ножны из погр. 50 [1, рис. 6, *13*]. В погр. 45 слева под тазом лежала железная мотыга с полукруглой рабочей частью (рис. 5, *32*).

Оружие представлено саблей (рис. 3, *26*), кистенем (рис. 8, *35*) и боевым топориком (1, рис. 6, *15*). Сабля лежала слева от костяка (погр. 15, рис. 3, *20*), относится к так называемому хазарскому типу ранней формы. Клинок слабоизогнутый, однолезвийный, конец клинка обоюдоострый. Перекрестие прямое. Длина клинка 70 см, длина черешка рукояти 12,6 см. Возле перекрестия на спинке клинка сохранилась рамка от ножен и крепления портупеи и железная скоба от ножен (рис. 3, *19*). От портупеи осталась бронзовая псевдопряжка с круглой рамкой и вытянутым подвижным щитком (рис. 3, *23*).

Боевой топорик однолезвийный с высоким обушком [1, рис. 6, *15*]. Очень интересной деталью исследованной части могильника является полное отсутствие наконечников стрел в погребениях.

В большинстве погребений встречены те или иные украшения и детали костюма — украшения головных уборов, серьги, бусы, перстни, браслеты, детали поясных наборов, серебряные бляшки с обуви.

Украшения головных уборов найдены в девяти женских погребениях. Это серебряные и бронзовые бляшки разнообразной формы: круглые, восьмеркообразные, в виде десятилепестковой розетки со стеклянными вставками в центре и без них (рис. 6, *81*; 7, *9*; 8, *24—26*). Количество бляшек на венчике головного убора было разным — от 5 до 16. В центре венчика на лобной части черепа обычно находилась брошь или бляшка овальной и круглой формы со стеклянной вставкой и пунсонным орнаментом на поверхности (рис. 8, *24*). В погр. 3 и 50 в этом месте найдены броши с триквестером [1, рис. 4, *1*]. Серьги бронзовые, серебряные, реже золотые. Как правило, они встречены в женских погребениях попарно, но в погр. 44 и 50 их было по две пары, причем двух типов (рис. 6, *15, 21*).

В погр. 44 серьги литые в виде овального кольца с шарообразным выступом вверху сбоку и с мелкой трехбусинной пирамидкой внизу (рис. 6, *15*), в погр. 50 — в виде овального кольца с шариком внизу [1, рис. 7, *6*], в погр. 36 — овальное кольцо с грушевидной подвеской, отделенной от кольца двумя рядами зерни (рис. 4, *41*), в погр. 3, 5, 12, 44, 46, 50 — овальное кольцо с длинной подвеской, заканчивающейся серебряным шариком. Между шариком и кольцом металлическая трубка, стеклянная или каменная бусина (рис. 1, *32*; 2, *31*; 6, *21, 65*; 8, *14*; 9, *5*). В погр. 1 и 56 серьги из овального кольца с четырехчленной удлиненно-грушевидной подвижной подвеской (рис. 7, *57*).

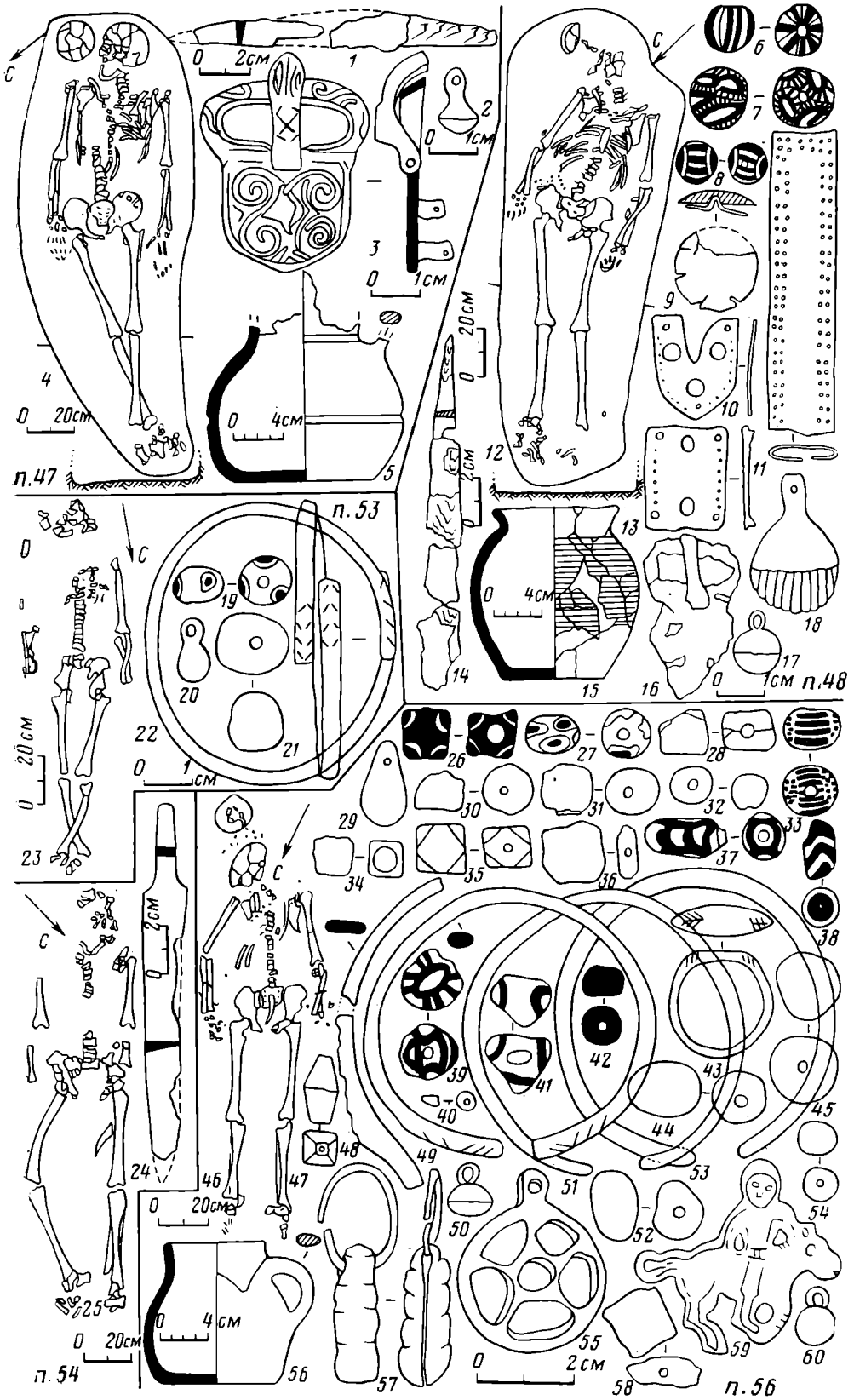


Рис. 7. *1–5* — погр. 47; *6–18* — погр. 48; *19–23* — погр. 53; *24, 25* — погр. 54; *26—50* — погр. 56; *4, 12, 23, 25, 46* — планы погребений; *1, 14, 24, 48* — железо; *2, 3, 10, 11, 13, 17, 18, 20, 22, 34, 43, 49—51, 53, 55, 59, 60* — бронза; *5, 15, 56* — глина; *6–8, 19, 26–28, 31–33, 35, 37–42, 52* — стекло; *9* — серебро, паста; *16* — бронза, свинец (?); *21, 36, 45, 47, 54, 58* — сердолик; *29* — хрусталь; *44* — халцедон; *57* — серебро

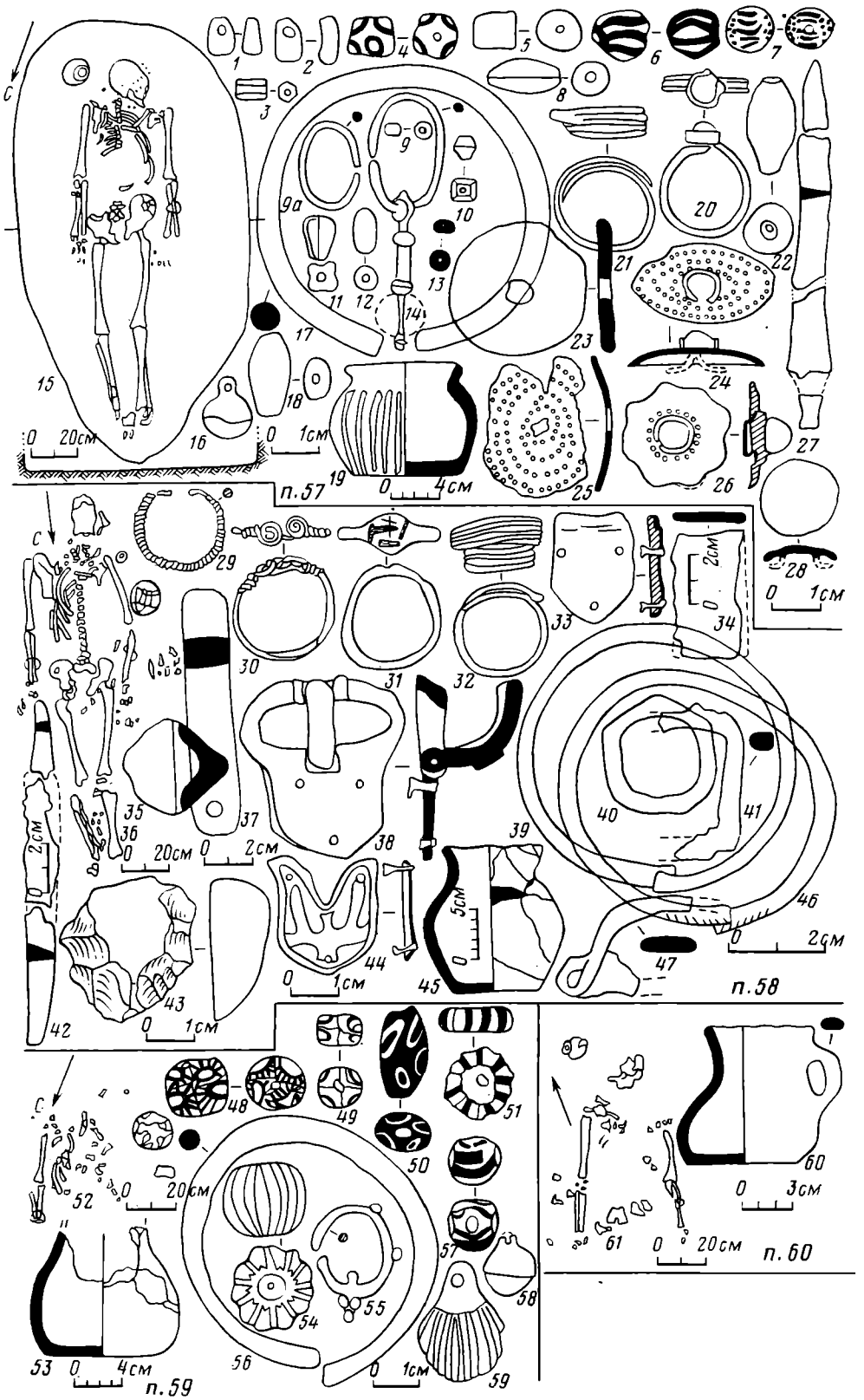


Рис. 8. *1–28* – погр. 57; *29–47* – погр. 58; *48–59* – погр. 59; *60, 61* – погр. 60; *15, 36, 52, 61* – планы погребений; *1–4, 6, 13, 18, 22, 48–52* – стекло; *5* – ископаемый коралл; *9а* – серебро; *16, 17, 21, 25, 28–33, 38, 39, 44, 46, 55, 56, 58, 59* – бронза; *14, 24* – бронза, стекло; *19, 45, 53, 60* – глина; *23* – перламутр; *26* – серебро, стекло; *27, 34, 35, 40–42, 47* – железо; *37, 43* – камень; *54* – хрусталь

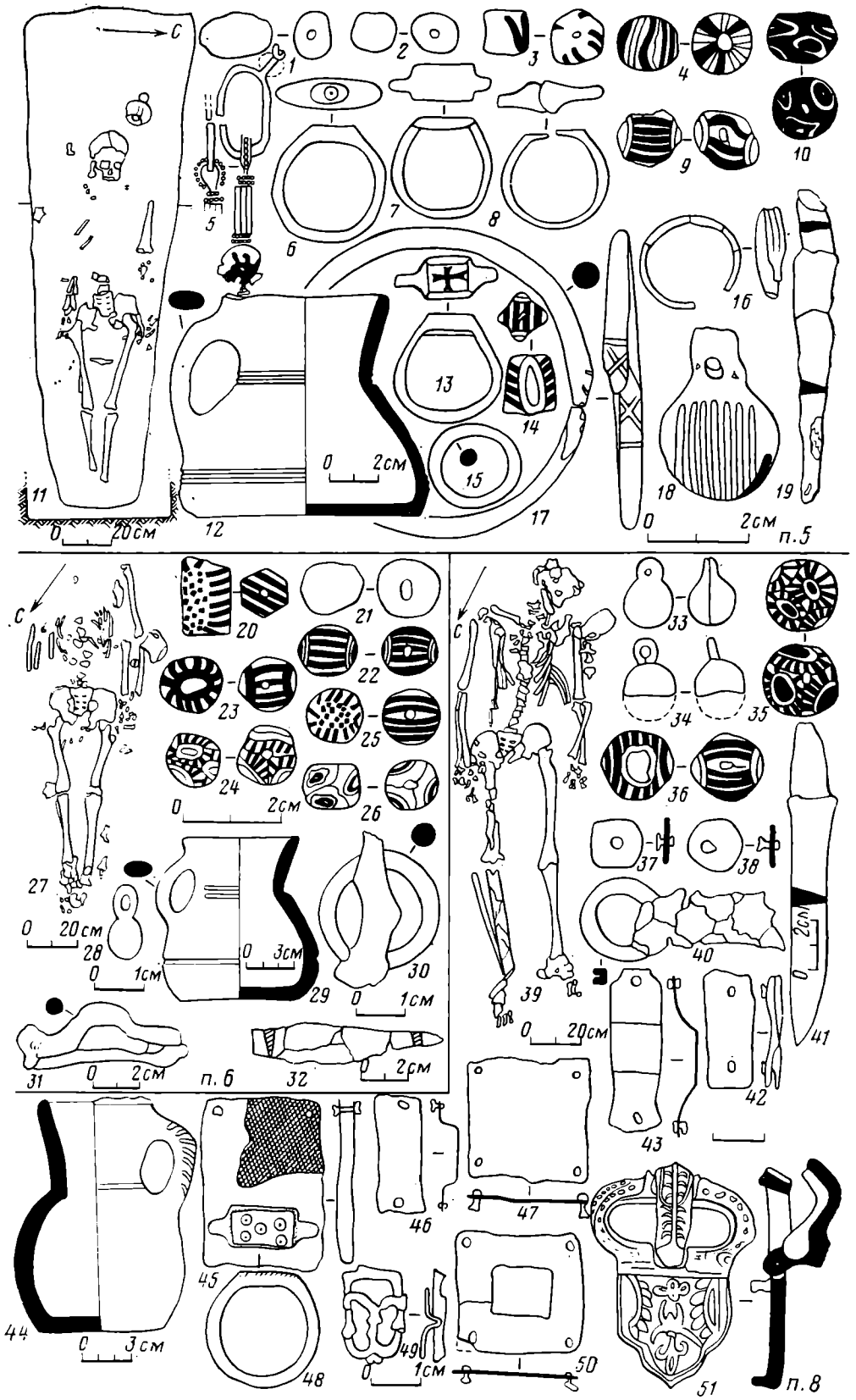


Рис. 9. *1–19* – погр. 5; *20–32* – погр. 6; *33–51* – погр. 8, *11*, *27*, *39* — планы погребений; *35*, *36* – стекло; *5* – золото, лазурит; *6–8*, *13*, *15*, *16–18*, *28*, *33*, *34*, *37*, *38*, *42*, *43*, *45–51* – бронза; *12*, *29*, *44* – глина; *19*, *31*, *32*, *41* – железо; *30*, *40* – бронза, железо

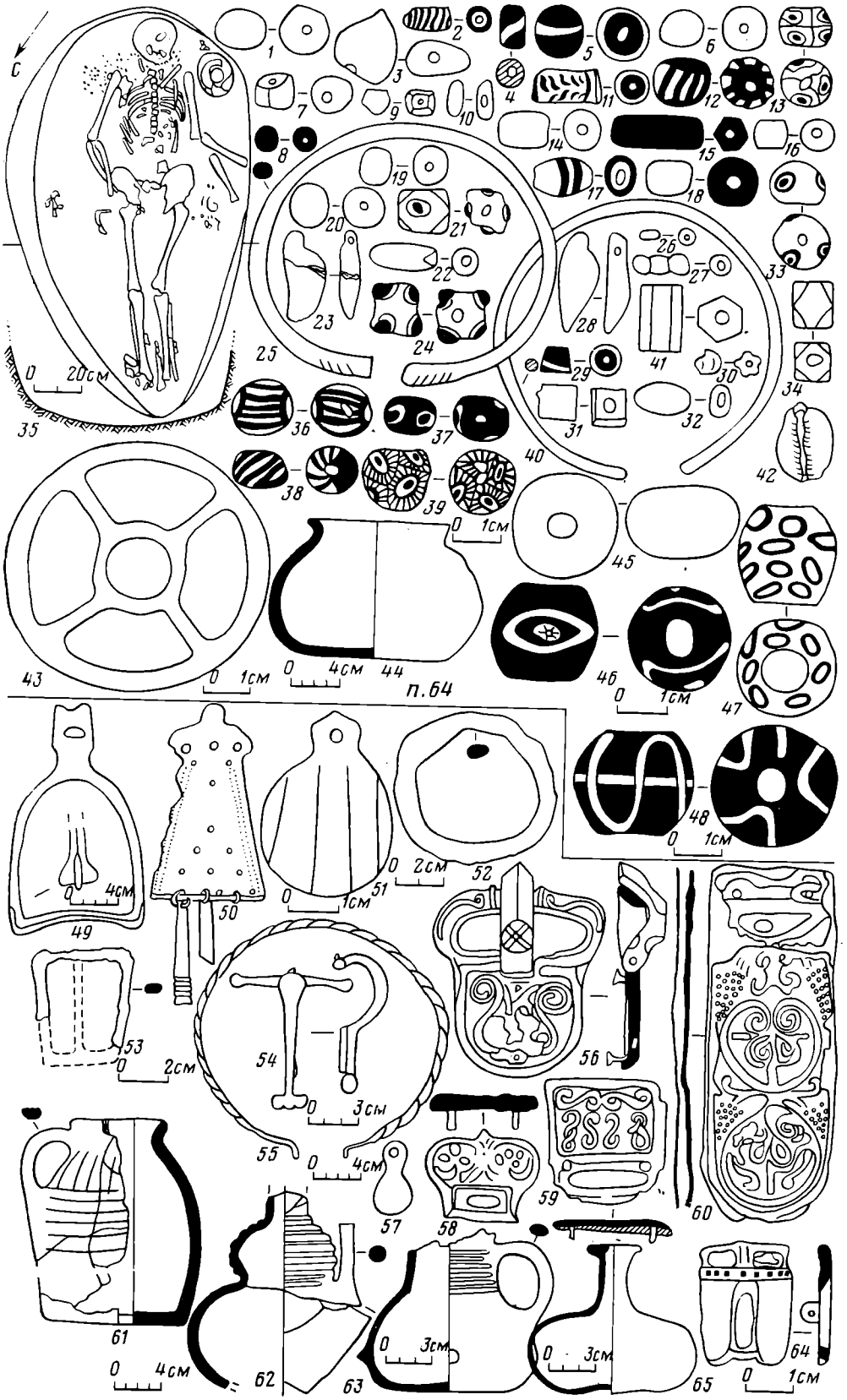


Рис. 10. *1–48* – погр. 64; *49* – погр. лошади 3; *50, 51, 53* – погр. лошади 4; *52* – погр. лошади 2; *54–62, 64, 65* – разрушенные погребения; *63* – тризна; *35* – план погребения; *1–6, 8, 19, 21–24, 26–34, 36–39, 41, 45–48, 65* – стекло; *7* – ископаемый коралл; *20* – сердолик; *25, 40, 43, 50, 51, 54, 60, 64* – бронза; *42* – раковина каури; *44, 61–63* – глина; *49, 52, 53* – железо

В 18 погребениях обнаружено свыше 2500 бусин и бисерин, причем количественно преобладают первые. Бусы, найденные на могильнике, изготовлены из разноцветного прозрачного и непрозрачного стекла и камня: сердолика, горного хрусталя, халцедона, лазурита, альмандина и др. Среди каменных бус наиболее многочисленные сердоликовые — шарообразные, эллипсоидные, четырнадцатигранные, грушевидные (рис. 2, *18, 20*; 4, *14, 24, 26, 31, 37*; 5, *5;* 6, *48*; 7, *21, 36, 45, 47, 54, 58*; 10, *20*); из горного хрусталя — шарообразные, эллипсоидные, четырнадцатигранные, грушевидные (рис. 2, *22*; 4, *49*; 6, *69*; 7, *29*; 8, *54*); лазуритовые — призматические, эллипсоидные, четырнадцатигранные (рис. 2, *19*); альмандиновые — шарообразные (рис. 2, *12*); коралловые (рис. 4, *6*) и из ископаемого коралла [2] — цилиндрические (рис. 1, *11*; 10, *7*).

Среди стеклянных бус преобладают шарообразные, многоцветные, глазчатые (рис. 1, *4, 24, 25, 31, 41, 45*; 2, *2, 15, 16, 24, 25, 34, 37*; 3, *10, 14, 15, 28, 30*; 4, *9—11, 27а, 30, 33, 35, 36*; 6, *1, 2, 8, 23, 35, 36, 39, 41, 52, 62, 75, 78*; 7, *7, 8, 19, 27, 33, 39, 41*; 8, *4, 7, 48, 49, 57*; 9, *10, 11, 26, 35, 36*; 10, *13, 33, 36, 37, 39, 46—48*). Особенно распространены красный, желтый, зеленый, синий и черный цвета, реже встречаются оранжевый, белый, голубой, фиолетовый. Большое количество полосатых, шарообразных, призматических и эллипсоидных бус (рис. 1, *3, 4, 7, 13, 43*; 2, *1, 4, 14*; 3, *29*; 4, *22, 30, 32, 35*; 6, *4, 9, 12, 39, 53, 54, 56, 58, 61, 71, 74*; 7, *6, 33, 38*; 8, *6, 7, 51*; 9, *4, 14, 20*; 10, *2, 11, 17, 38*). Имеются одноцветные четырнадцатигранные, четырнадцатигранные с глазками (рис. 1, *19, 47*; 2, *33*; 6, *25*; 7, *35*; 10, *34*), эллипсоидные (рис. 1, *49*; 6, *34*; 8, *18*; 9, *1*) и др.

Бисер рубленый, синего и желтого цветов. В незначительном количестве попадается бисер и других цветов.

При женских костяках были обнаружены ожерелья из бусин и бисера (от 10 до 100 шт.). В мужских погребениях бусы встречаются в основном на браслетах.

Интересной чертой погребального обряда в погр. 46, 55, 61 и 64 является то, что низки бус и часть украшений лежали кучкой слева или справа от костяка. При этом небольшое количество бус и бисера находилось в области шеи или груди. В погр. 46 и 55 в низки бус входили и бронзовые колокольчики-бубенчики с гладкой или рифленой поверхностью (рис. 6, *66*). Во многих погребениях встречены бронзовые пуговицы шарообразной формы цельнолитные (рис. 2, *23, 36*; 9, *28*) и пустотелые (рис. 6, *63*; 9, *33, 34*).

Частой находкой в мужских, женских и детских погребениях являются браслеты (21 погребение) и перстни (17 погребений). Количество браслетов на одном костяке от одного до четырех, а перстней от одного до шести. Браслеты проволочные, круглые или овальные в сечении, с ровными или утолщенными концами. Концы некоторых браслетов изготовлены в виде змеиных головок, обычно стилизованных (рис. 3, *34*; 9, *17*). В большинстве случаев концы браслетов украшались насечкой в виде елочки (рис. 3, *17*; 4, *42*; 6, *19*). В погр. 55 найден браслет с утолщением посередине и на концах [1, рис. 8, *31*]. В погр. 17, 56, 61 встречены браслеты, изготовленные из широких (до 10—12 мм) железных пластин. Браслеты из железа, как правило, несомкнутые. Концы железных браслетов иногда украшались завитками, вероятно, символизировавшими рога барана (рис. 3, *16*; 6, *30*; 8, *31*). Из разрушенного погребения происходит бронзовая витая гривна (рис. 10, *55*).

Перстни представлены различными вариантами; с литым щитком (печатки) и с гнездом для стеклянной вставки. Вставки зеленые, прозрачные и фиолетовые. Орнамент перстней с литым щитком циркульный (рис. 9, *6, 48*), а также в виде косых насечек (рис. 7, *43*) и в

[2] Определение бус из ископаемого коралла проведено в лаборатории химического факультета Кубанского государственного университета инженером-химиком В. Л. Векшиным.

виде тамгообразных знаков (рис. 6, *30*; 8, *31*). Интересен перстень-печатка из погр. 5 с крестом византийского типа (рис. 9, *13*). В погр. 58 найден проволочный перстень с щитком, состоящим из двух спиралей (рис. 8, *30*) и стержня, обвитого бронзовой проволокой (рис. 8, *29*).

Большой интерес представляет поясная гарнитура, детали которой встречены в 25 погребениях.

Пряжки круглорамчатые с железным язычком (рис. 9, *15, 30*), прямоугольно-рамчатые (рис. 3, *33*; 4, *18*; 5, *22, 24*; 6, *87*), треугольно-рамчатые щитковые (рис. 2, *5*; 7, *3*), овально-рамчатые щитковые (рис. 1, *55*; 3, *2*; 5, *10*; 8, *38*; 9, *51*; 10, *56*). Большинство пряжек одночленные, изготовленные из бронзы, серебра и железа. Бляшки и наконечники поясных наборов различные по форме, орнаментировке и технике изготовления (рис. 1, *57, 58*; 2, *10*; 3, *13, 37*; 4, *14, 16, 17*; 7, *10, 11, 13*; 8, *33, 44*; 9, *37, 38, 42, 43, 45—47, 50*; 10, *58, 59, 60, 64*).

Специфически женскими являются треугольно-рамчатые рогатые пряжки (рис. 4, *50*; 9, *61*).

Фибулы представлены пятью экземплярами. Три из них арбалетовидные (рис. 10, *54*) и две лучковые железные (рис. 8, *47*; 9, *31*).

В женском погр. 56 возле кисти левой руки находился бронзовый амулет в виде всадника на лошади (рис. 7, *59*). Здесь же у локтя лежал солярный амулет с пятью спицами (рис. 7, *55*). В двух погребениях (5, *11*) найдены богато орнаментированные бронзовые пинцеты (рис. 2, *8*).

Детали конской сбруи, найденные при захоронениях лошадей, немногочисленны. Удила с эсовидными псалиями — 5 экз. (рис. 1, *62*), стремена — 10 экз. (рис. 10, *49*). Из украшений сбруи происходят пряжки (рис. 1, *60*; 10, *53*), круглые и фигурные серебряные бляшки (рис. 1, *63*; 7, *9*), бубенцы (рис. 10, *51*), шумящая подвеска (рис. 10, *50*).

Многие типы вещей из раскопанного могильника были широко распространены в синхронных могильниках Северного Кавказа, Дона и Среднего Поволжья. Сюда относятся сосуды, сабля, удила, стремена, украшения и другие предметы.

Серьги в виде овального кольца с трехбусинной пирамидкой внизу имеют аналогии в Дмитровском [3, с. 142], Больше-тарханском [4, с. 55] могильниках второй половины VIII — первой половины IX в. Серьги с грушевидной подвеской (рис. 4, *41*) происходят из могильника второй половины VIII — начала IX в. на р. Дюрсо близ Новороссийска [5, с. 54]. Серьги с удлиненной подвеской (рис. 1, *5*) аналогичны серьгам из г. Стерлитамака с дирхемами VIII в. [6, с. 10, 29] и из могильника Чми [7, рис. 8, *29*].

Овально-рамчатые пряжки с полукруглым щитком найдены в Пенджикенте [8, с. 89], Больше-тиганском могильнике [9, с. 169], Мыдлань Шайе [10, с. 102]. Пряжка с орнаментированным щитком (рис. 3, *2*) имеет аналогии в могильниках VIII в. в Крыму [11, с. 24]. Пряжки с пятилепестковой пальметкой (рис. 2, *5*) широко распространены в памятниках VIII—IX вв. на Дону [3, с. 162]. На многих памятниках VIII—IX вв. встречаются круглорамчатые бесщитковые пряжки (рис. 9, *15, 30*) [11, с. 15; 12, с. 128]. Прямоугольно-рамчатые пряжки отмечены в Таркинском могильнике [13, с. 151], с трапецневидной рамкой (рис. 6, *22*) — в Больших Тарханах [4, с. 57]. Аналогии треугольным рогатым пряжкам имеются в Салтовском [3, с. 166], Верхнечирюртовском [14, с. 260], Мартан-Чуйском 2 и Гунийском [15, с. 67, 75] могильниках VIII—IX вв.

Арбалетовидные фибулы (рис. 8, *11*) найдены с материалом VIII — первой половины IX в. в Агач-Калинском могильнике [16, с. 117]. Боевые топорики нашего типа С. А. Плетнева датирует первой половиной IX в. [2, рис. 36, *2*]. Амулет в виде всадника на лошади имеет признаки обоих типов этих амулетов, выделенных Е. Г. Афанасьевым [17, с. 36], и может быть датирован второй половиной VIII — началом IX в. Шумящая подвеска по материалам Прикамья и Оки датируется IX в.

[18, с. 71]. Часто в могильниках VIII—IX вв. встречаются бронзовые бубенчики, аналогичные нашим [2, с. 141; 19, с. 172, рис. 5; 20, с. 125]. Перстень со спиральным щитком (рис. 8, *30*) близок к перстню из слоя середины VIII в. в Пенджикенте [8, с. 116]. Гривна из разрушенного погребения (рис. 10, *55*) аналогична гривне из Харачоевского могильника VII—VIII вв. [21, рис. 2].

Многоцветные мозаичные стеклянные бусы, обнаруженные во многих погребениях, изготавливались в Малой Азии и Александрии в первой четверти IX в. [22, с. 56—78] [3].

Горшки имеют аналогии в материалах Салтовского [23, с. 212] и Маяцкого [24, с. 125] могильников, селища Рогалик [25, с. 68], хазарского слоя Саркела [26, с. 220], Змейского поселения [27, с. 42, рис. 8]. Кувшины с зооморфной ручкой происходят из памятников VIII—IX вв. на Дону [28, с. 206] и Северном Кавказе [29, с. 83]. Кубышки встречены в Дроновских могильниках [30, с. 304].

Совокупность приведенных аналогий, а также взаимовстречаемость категорий вещей внутри комплекса достаточно убедительно датируют инвентарь могильника второй половиной VIII — первой половиной IX в.

Некоторые различия в погребальном обряде и формах погребальных сооружений говорят об этнической неоднородности населения, оставившего могильник.

Погребения на глубине от 1.2 до 2 м характеризуются западной и северной ориентировкой, скромностью инвентаря, часто отсутствием сосудов. Эти черты характерны для Зливкинского могильника, связываемого с болгарами [3, с. 92—94]. Для болгар характерны погребения в ямах, иногда с заплечиками [4, с. 8; 31, с. 611]. Правда, конструкция ям на исследуемом могильнике не прослежена, что не позволяет использовать этот важный признак при определении этнической принадлежности указанной группы погребений. Однако совокупность признаков, характерных для памятников болгарского круга, позволяет связать погребения в ямах из исследуемого могильника с болгарами.

При детальном рассмотрении катакомбных погребений Старокорсунского могильника бросается в глаза его сходство с могильником Маяцкого городища. Последний достаточно хорошо был раскопан совместной Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией. Причем это сходство не внешнее, поверхностное. Конструкция старокорсунских катакомб очень близка к таковой катакомб Маяцкого могильника. К сожалению, на исследуемом могильнике в большинстве случаев в катакомбах не прослежены своды и дромосы. Это значительно сокращает возможности сравнительного анализа Старокорсунского могильника с другими памятниками этого типа, и в первую очередь с Маяцким городищем. На могильнике у ст. Старокорсунской камеры катакомб в плане овальные, удлиненно-овальные (яйцевидные), прямоугольные и неправильных очертаний. Аналогичную картину мы наблюдаем на Маяцком могильнике [24, с. 152—153]. Правда, на этом памятнике нет прямоугольных катакомб. Зато такие катакомбы достаточно часто встречаются в аланских памятниках послегуннской эпохи на Северном Кавказе [32, рис. 65]. Среди погребений Старокорсунского могильника следует особо отметить погребения 5 и 14, совершенные в удлиненно-трапециевидных ямах. Такие ямы в незначительном количестве встречаются в болгарских памятниках раннего средневековья, что позволило В. Ф. Генингу и А. Х. Халикову выделить эту разновидность ям как характерную для болгар [4, с. 12]. Такие же ямы достаточно широко встречаются на Маяцком могильнике, где В. С. Флеров определяет их как дромосные погребения [24, с. 143]. На близость двух погребений в удлиненно-трапециевидных ямах Старокорсунского могильника к дромосным погребениям Маяцкого городища может указывать и глубина залегания первых (до 3 м). Как правило, грунтовые ямы на такую глубину не впускали. Рассматривая близость Старокорсунского и Маяцкого мо-

[3] Выражаю глубокую благодарность В. Б. Ковалевской, обратившей наше внимание на эту работу.

гильников, следует обратить внимание на присутствие обряда вторичного разрушения скелетов погребенных. В. С. Флёров рассматривает это явление как деталь погребального обряда [24, с. 183]. На Старокорсунском могильнике разрушение скелетов было как полным (погр. 7, 18, 29), так и частичным (погр. 10, 22). Погребальный инвентарь, находившийся в погребениях, либо разбрасывался по всему погребению, либо забирался с собой, хотя часть вещей могла оставаться на своих местах. Нам представляется вполне заслуживающим внимания мнение В. С. Флёрова относительно развития обряда разрушения скелетов погребенных в аланской среде в эпоху раннего средневековья. Аналогичное явление отмечалось нами при раскопках раннеаланского могильника Мостового на Урупе, который датируется I—III вв. н. э. Около 30% погребений на этом могильнике специально вторично подвержено разрушению, причем инвентарь в большинстве случаев разбрасывался по дну катакомбы [33].

Погребальный обряд и инвентарь Старокорсунского могильника имеют много общего с катакомбами Салтовского, Дмитровского [3] и Подгоровского [34] могильников на Дону, а также в Балте, Гоусте [29, с. 22, 24], Мартан-Чу 1 и 2 [15, с. 65, 67; 35, с. 62—86] на Северном Кавказе. С аланами связаны кувшины с зооморфными ручками [8, с. 211]. Специфически аланскими являются амулеты в виде всадника на лошади [36, с. 119]. Т. М. Минаева и Е. П. Алексеева считают характерным для раннесредневековых аланов обычай искусственной деформации черепов [37, с. 125; 38, с. 235], отмеченный в Старокорсунском могильнике в четырех погребениях. В VIII—IX вв. в большинстве аланских могильников Северного Кавказа преобладает южная ориентировка [29, с. 14, 15, 20, 22, 26]. Для катакомб раскопанного могильника такая ориентировка является господствующей. По обряду захоронения и набору инвентаря катакомбные погребения из Старокорсунского могильника можно связать с аланами.

Однако здесь следует указать на то, что материальная культура старокорсунских катакомб весьма своеобразна и имеет ряд деталей, неизвестных в аланских могильниках Центрального Кавказа. Особенно своеобразен металлический инвентарь и часть керамического набора. В этом сказалось очень интенсивное воздействие степных племен, наложивших на материальную культуру могильника у ст. Старокорсунской свой отпечаток. В этом отношении особенно показателен набор налобных украшений и посуды из погребений. Налобные украшения с венчиков головных уборов, символизирующих диадемы, в аланских памятниках встречаются очень редко. К аланам этот вид украшений, вероятно, попал в VI—VIII вв. из тюркского мира евразийских степей. Такие налобные украшения известны в тюркских погребениях Тувы, Средней Азии и аварских комплексах из Венгрии [39, с. 36—38]. В большинстве погребений найдены безручные сосуды типа небольших горшочков или кубышек. Детальный анализ керамической посуды в погребениях V—VIII вв. на Северном Кавказе, проведенный В. Б. Ковалевской, показывает, что такая посуда характерна для болгарских племен, оставивших погребения на Верхнечирюртовском и Пашковском 1 могильниках [40, с. 43—49]. Вместе с тем мы уже отмечали выше наличие в обряде погребения и инвентаре явственно аланских элементов. Наряду с болгарским влиянием в материальной культуре можно отметить детали, характерные для угорских племен. В первую очередь это касается шумящей подвески (рис. 10, *50*), не характерной для северокавказских памятников. Зато последние широко известны в бассейне р. Оки и в Прикамье. Такие подвески могли быть принесены в начале IX в. в степное Прикубанье каким-то из угорских племен, возможно венграми.

Материалы вновь открытого могильника свидетельствуют о сложном характере материальной культуры и этнической неоднородности населения Средней Кубани в эпоху раннего средневековья. Особенно важен факт обнаружения здесь аланских погребений, что согласуется со свидетельством Анания Ширакаци об обитании алан на Северо-Западном Кавказе в V—VII вв. [41, с. 36; 42, с. 187—188].

Номер погребения по отчету	Тип погребального сооружения	Глубина погребения, м	Количество скелетов	Пол погребенных	Ориентировка	Особенности погребального обряда
1	Катакомба	3,67	2	Муж.* Жен.	ЮВ	Бусы у женского костяка находились кучкой у правой руки
2	»	2,62	1	Муж.*	ЮВ	Частичное перемешивание костей
3	»	2,37	2	Жен. Ребенок	Юг	
4	»	2,05	1	Муж.	Не опр.	Полное перемешивание костей
5	Яма	3,01	1	Жен.*	Запад	
6	Не прослежен	2,91	1	Подросток	ЮВ	
7	Катакомба	2,23	1	Муж.*	ЮВ	Почти полное перемешивание костей
8	Катакомба (?)	2,83	1	»	ЮЮВ	
9	Катакомба	3,28				Кенотаф
10	»	2,2	1	»	ЮЮВ	Частичное перемешивание костей
11	»	2,55	1	Ребенок	ЮВ	
12	»	2,29	1	Муж.	ЮЮВ	
13	»	2,85	1	Жен.	ЮЗ	
14	Яма	2,53	1	Муж.	ЮВ	
15	Катакомба	2,26	1	»	ЮВ	
16	Не прослежен	0,98	1	Не опр.	ЗЮЗ	
17	»	2,28	1	Жен.	ЮВ	
18	Катакомба	2,96	1	Подросток	Ю (?)	Кости полностью перемешаны, ноги перекрещены
19	»	2,62	2	Жен. Муж.	ЮВ ЮВ	
20	Не прослежен	1,44	1	»	ВЮВ	
22	Катакомба	2,9	1	Муж.	ЮВ	Большая часть скелета потревожена
23	Не прослежен	2,08	1	Не опр.	ЮВ	
28	»	1,39	1	Жен. ?	ЗСЗ	
29	Катакомба	1,64	1	Жен.	Не опр.	Все кости полностью перемешаны
32	»	1,85	1	Не опр.	Юг	Часть костяка отсутствовала
34	Не прослежен	1,79	1	Жен.	Север	
35	Катакомба	2,36	1	Муж.	СЗ	
36	»	2,66	1	Жен.	ЮВ	
38	Не прослежен	1,38	1	»	ЮВ	
39	Катакомба (?)	2,41	1	Ребенок	ЮВ	
40	Катакомба	2,06	1	Жен.	Запад	
41	Не прослежен	2,24	1	Ребенок	Юг	
42	Катакомба	2,25	1	Муж.	ЮЮВ	
43	Не прослежен	2,48	1	Не опр.	ЮВ	
44	Катакомба	2,45	2	Жен. Ребенок	ЮЮЗ ЮЮЗ	
45	Не прослежен (катакомба?)	2,8	2	Муж. »	ЮВ ЮВ	
46	Катакомба	2,69	1	Ребенок	ЮЮЗ	Бусы находились кучкой справа от костяка
47	»	2,42	1	Муж.	ЮВ	
48	»	2,92	1	»	ЮВ	
49	Катакомба (?)	2,58	1	»	ЮВ	
50	Катакомба	3,03	2	Подросток Жен.	ЮВ ЮВ	
52	Не прослежен	1,58	1	Ребенок	ЗЮЗ	
53	»	1,25	1	Жен.	Юг	
54	»	1,05	1	Муж.	ЮЗ	
55	Катакомба	3,19 м	1	Жен.*	ЮЮВ	Часть бус и украшений лежала кучкой слева от костяка
56	Не прослежен	2,62	1	»	ЮВ	
57	Катакомба	2,84	1	Муж.*	ЮВ	

Продолжение приложения

Номер погребения по отчету	Тип погребального сооружения	Глубина погребения, м	Количество скелетов	Пол погребенных	Ориентировка	Особенности погребального обряда
58	Не прослежен	2,82	1	»	Юг	Часть вещей поломана и лежала кучкой возле левой руки
59	»	2,95	1	Ребенок	Не опр.	Большая часть костей перемешана
60	»	2,72	1	Жен. ?	ССВ	
61	Катакомба	2,55	1	»	ЮВ	Часть бус лежала кучкой у правого плеча
62	Катакомба (?)	2,32	1	Муж.	Юг	
63	»	2,31	1	»	ЮВ	
64	Катакомба	2,61	1	Жен. *	ЮВ	Часть бус лежала кучкой у правого плеча

* Половозрастные определения погребенных проведены проф. М. Г. Абдушелишвили (отмечены звездочкой) и сотрудником Института археологии АН СССР Г. П. Романовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каминский В. Н.* Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и энтографии Северной Осетии. Вып. 3. Орджоникидзе: Ир, 1984.
2. *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
3. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
4. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
5. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158.
6. *Ищериков П. Ф.* Аланский могильник близ г. Стерлитамака // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII.
7. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
8. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
9. *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2.
10. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158.
11. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ 1979. Вып. Е1-2.
12. *Оборин В. А.* Могильник Телячий Брод // ВАУ. 1973. Вып. 12.
13. *Кореняко В. А.* Аланские могилы VIII–IX вв. в Северной Осетии // СА 1976. № 2.
14. *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник // МАД. 1961. Т. II.
15. *Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.* Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
16. *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник – памятник захарской культуры Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII.
17. *Афанасьев Г. Е.* Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // СГЭ. 1973. Вып. XXXVI.
18. *Голубева Л. А.* Коньки-подвески междуречья Волги и Оки // СА. 1976. № 2.
19. *Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2.
20. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // МИА. 1958. № 62.
21. *Багаев М. Х., Виноградов В. Б.* Раскопки раннесредневекового могильника у с. Харачой // КСИА. 1972. Вып. 132.
22. *Callmer J.* Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia. ca. 800–1000 A. D. // Acta archaeologica Lundeusia. 1977. Ser. 4. № 11.
23. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Тр. XII АС. Т. I. М., 1905.
24. *Флёров В. С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
25. *Красильников К. И.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северном Донце // КСИА. 1980. Вып. 160.
26. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
27. *Деопик В. Б.* Змейское средневековое селище // МАДИСО. 1961. Т. 1.
28. *Плетнева С. А.* Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
29. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.

30. *Татаринцев С. И., Копыл А. Г.* Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. № 1.
31. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие болгарские племена Причерноморья // Очерки истории СССР. III–IX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
32. *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
33. *Каминский В. Н.* Отчет об археологических раскопках могильника Мостового в ст. Отрадной Отрадненского района Краснодарского края в 1981 году // Архив КГИАМЗ. Отд. III, д. 344.
34. *Плетнева С. А.* Подгоровский могильник // СА. 1962, № 3.
35. *Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.* Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970–1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Вып. 3. Орджоникидзе. Ир, 1984.
36. *Ковалевская В. Б.* Изображения коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
37. *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1976.
38. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан // МИСК. 1950. Вып. 2–3.
39. *Bóna J.* Studien zum frühawarischen Reitergrab von Szegvar // AAH. 1980. т. XXXII.
40. *Ковалевская В. Б.* Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска – Преслав. 2. София, 1981.
41. Géographie de Moise de Coréne d'aprés Ptolomée/Texte armenien trad. P. Arséne Soukry. Venise, 1881.
42. *Гаглоев Ю. С.* Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах // ИСОНИИ. 1966. Т. XXV.

V. N. Kaminsky

AN ALAN-BULGARIAN BURIAL GROUND AT THE STAROKORSUNSKAYA VILLAGE IN THE KUBAN BASIN

Summary

In 1980 the Krasnodar Archaeological Expedition finished its investigation of a burial ground 3.5 km to the south-west of the village Starokorsunskaya, on the northern shore of the Krasnodar storage reservoir. Sixty-four burials and five burials of battle horses were studied. Fifty-five of them and all horse burials are dated to the early mediaeval period.

The burials in the earlier group were made in chamber and pit graves. The deads were buried extended on their backs, without any evident orientation, though in the catacomb graves the southern orientation predominated. In four cases skulls bore traces of intended deformation.

The following objects were found in the burials: pots, jugs, stone and glass beads, finger-rings, ear-rings, bracelets, belt ornamentations, a sword, a hoe and other objects.

All material is dated between the second half of the 8th and the first half of the 9th centuries and has direct analogies among materials from burials in the Northern Caucasus, the Don, Volga and Kama basins.

The burial rite and grave goods indicate that the burials were left by the Alan-Bulgarian tribes.

В. Б. ПЕРХАВКО

НАХОДКИ ЭНКОЛПИОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГОСЛАВИИ

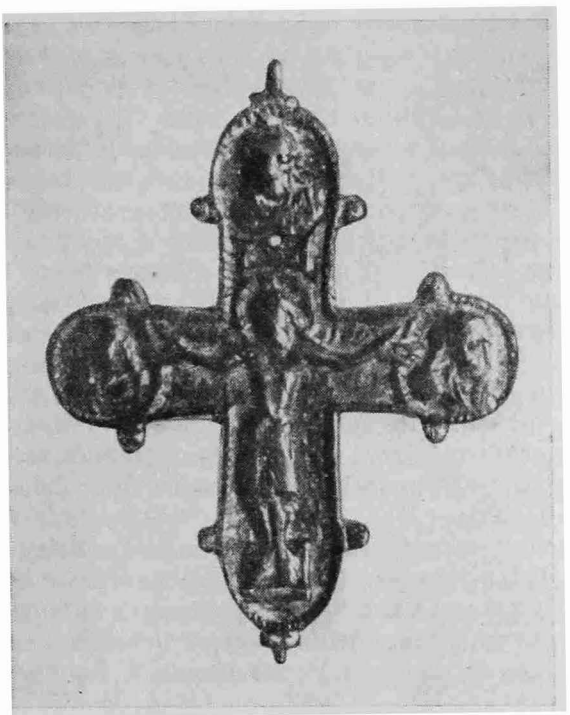
По мере развития и расширения масштабов археологических раскопок средневековых памятников, классификации и атрибуции старых материалов из музейных коллекций в научный оборот вовлекаются все новые и новые данные о связях домонгольской Руси со славянскими странами. Одной из таких показательных и интересных категорий археологических находок являются бронзовые кресты-энколпионы. Первоначально, сразу после официального принятия христианства на Руси в 988—989 гг., в Киеве и других крупнейших древнерусских центрах не существовало еще собственного производства предметов религиозного культа, и их вместе с богослужебными книгами привозили из византийского Херсона и других европейских провинций империи, включавших в XI—XII вв. и часть южнославянских земель, которые находились под господством Византии. Так, из Византии через Крым на Русь в конце X—XI вв. поступали энколпионы сирийско-палестинского типа с гравированными изображениями [1, с. 132, табл. 1]. Возможно, какая-то их часть, судя по сходству изображенных фигур Христа, Богородицы и святых, проявляющемуся даже в деталях одежды, попала в древнерусские земли из южнославянских областей Византии — фем Болгария и Паристрион [2, с. 65—70, рис. 47, 51; 3, с. 79—83, рис. 8, 14; 4, рис. 193; 5, рис. 100]. Но после того как на Руси во второй половине XI в. было налажено в Киеве, а затем и в других древнерусских центрах собственное производство бронзовых складных двустворчатых крестов, положение коренным образом изменилось. Уже с конца XI — первой половины XII в. энколпионы, изготовленные древнерусскими ремесленниками, стали проникать за пределы Руси. И если находки древнейшего типа древнерусских складней с изображением святых Бориса и Глеба вне территории Восточной Европы пока обнаружены лишь в Болгарии (да и то в единичных экземплярах — в Преславе и Тырнове), то наиболее распространенная в XII—XIII вв. разновидность энколпионов русского производства с центральными фигурами Христа и Богородицы с младенцем представлена значительной серией зарубежных находок [6, с. 87—89, рис. 1, 2]. К настоящему времени по публикациям и неопубликованным материалам известно о 80 экземплярах древнерусских складней указанной разновидности, открытых на территории Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, Турции, Чехословакии, Швеции и Югославии[1]. И с каждым годом в зарубежных музеях выявляются все новые и новые их образцы.

Причем каждая находка нуждается в специальном изучении, четкой атрибуции, определении хронологии и происхождения, путей проникновения за пределы Руси. Именно при таком подходе эта интереснейшая категория археологического материала, сочетающего черты иконографического и эпиграфического памятника, может пролить новый свет на историю международных связей Руси, древнерусской церкви, на развитие внешней торговли и ремесленного производства, происходившие в XII—XIII вв. процессы миграций древнерусского населения. В таком плане и построена данная публикация, цель которой — ввести в широкий научный оборот и атрибутировать находки древнерусских энколпионов с территории Югославии, попытаться определить их значение как источника

[1] Список литературы о зарубежных находках древнерусских энколпионов приведен в работе румынского исследователя В. Спинея [7, с. 241].

по истории связей домонгольской Руси с Сербией, Хорватией и другими южнославянскими землями.

Впервые сведения о находке в Сербии древнерусского складня с изображением Распятия и Богородицы были опубликованы известным ученым С. Радойчичем в статье, посвященной описанию крестов-энколпионов из музейных коллекций и частных собраний г. Белграда [8, с. 130, 131, рис. 59]. Автор публикации правильно атрибутировал эту первую находку на территории Сербии древнерусского энколпиона, обнаруженного в самом Белграде, и привел ряд точных аналогий ему, происходящих не только из Руси, но также из Болгарии и Венгрии. Однако эта статья,



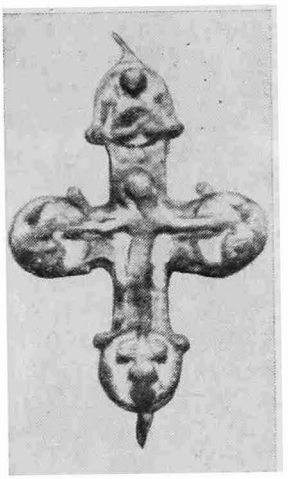


Рис. 1. Лицевая створка древнерусского энколпиона из Белграда (по С. Радойчичу)

Рис. 2. Лицевая створка древнерусского энколпиона из с. Брестовик (Сербия)

вышедшая в довольно редком издании, осталась незамеченной советскими археологами-славяноведами, поэтому мы посчитали необходимым вновь привести в нашей публикации фотографию и описание этой интересной находки.

Данный крест принадлежит к группе наиболее распространенных древнерусских энколпионов с изображением Распятия на лицевой стороне и Богоматери с младенцем — на обратной. Точное место находки креста, хранившегося в музее Сербской православной церкви, неизвестно, поэтому остается только гадать, в какой же части Белграда он был обнаружен: на территории Верхнего или Нижнего града либо в другом месте [2]. Сохранилась лишь лицевая створка энколпиона, изготовленного способом литья в двухсторонней каменной форме с последующей подправкой резцом (рис. 1). Наличие лицевой стороны подтверждается как сюжетом центрального изображения — Распятия, так и тем, что на верхней и нижней ветвях креста имеется всего по одному ушку для скрепления с двумя петлями оборотной створки [9, с. 105, 106] [3]. Размеры креста следующие: длина 9 см, ширина 7 см. Начало закругленных концов энколпиона подчеркнуто небольшими выступами — «слезками», причем на по-

[2] Это невозможно уточнить и по книге поступлений музея.

[3] Впрочем, для более поздних энколпионов начиная с XIII в. данная закономерность не соблюдается.

перечной перекладине в отличие от вертикальной они расположены ближе к концу. Края створки и окружности медальонов на концах поперечной перекладины отмечены выступом, украшенным насечкой. Все изображения как в центре, так и на концах креста выполнены в технике высокого рельефа; подобные энколпионы выделены Г. Ф. Корзухиной в наиболее ранний тип, относящийся к XI — началу XII в. [1, с. 133], хотя они бытовали и позднее, о чем еще будет сказано ниже.

Рельефно-выпуклые изображения на лицевой створке белградского энколпиона относятся к наиболее распространенному в средневековой иконографии сюжету. В центре креста помещена полуобнаженная фигура распятого Христа в короткой набедренной повязке, со слегка склоненной направо головой в нимбе. Распростертые руки Христа своими ладонями, на которых четко видны пальцы, чуть заходят за рамку медальонов с изображениями святых, а обращенные в противоположные стороны стопы опираются на четырехугольную подставку. Как отметил С. Радойчич, по стилю фигура Христа на белградском энколпионе очень похожа на изображение Распятия из одной византийской Псалтыри, хранящейся в Британском музее [8, с. 130] и датирующейся 1066 г. Соответственно слева и справа от Христа в овальных медальонах помещены погрудные изображения Богоматери и Иоанна Богослова, а сверху, по-видимому, Саваофа (но не Николы, как предполагает С. Радойчич). Такое композиционное построение типично для энколпионов с данным сюжетом [10, с. 121]. Из-за многократных отливок в одной и той же форме изображения фигур на кресте не отличаются достаточной четкостью, они лишь слегка подправлены резцом. Справа от Христа вырезана в колонку надпись О АГИОС, в средокрестии и на четырехугольном выступе между его головой и верхним медальоном также вырисовываются следы букв, очевидно, составляющих монограмму «IC XC».

Автор специального исследования, посвященного данному типу древнерусских энколпионов, В. Н. Зоценко, зарегистрировал свыше 60 находок, среди которых можно указать немало точных аналогий кресту из Белграда [10, с. 116]. Они датируются обычно суммарно XII—XIII вв. и происходят из разных районов и центров Руси: Киева и Среднего Поднепровья в целом [11, с. 6; табл. III, *17*; 12, с. 14, табл. V, *56/57*], Могилева в Верхнем Поднепровье [13, с. 208, рис. 2, *1*], нескольких пунктов Галицко-Волынской земли — сел Зеленче (летописный Теребовль) и Мельница-Подольская Тернопольской обл., Лисневичи Львовской обл., Чернятин Ивано-Франковской обл. [14, с. 253, рис. 5, *1, 2, 4, 5*]. Невысокое качество отливок, небрежная дополнительная обработка отлитых фигур, а также преобладание периферийных находок над киевскими позволяют предположить, что эта разновидность энколпионов, возможно, производилась не только в самом Киеве, но и на местах по киевским образцам, скажем, галицкими ремесленниками. Их производство зародилось в Киеве во второй половине или конце XI в. и продолжалось вплоть до 1240 г. [10, с. 123, 124], на что указывает, в частности, находка подобного рельефно-выпуклого энколпиона из Нового Сарая (Сарая Берке) — золотоордынского центра в Поволжье [15, с. 56, рис. 4]. Г. Ф. Корзухина отнесла аналогичные кресты с не очень отчетливыми изображениями из Херсонеса (Крым) к числу поздних образцов по сравнению с ранними крестами рубежа XI—XII вв. [1, с. 133, табл. II, *3*] и датировала их в целом XII—XIII вв. Белградский энколпион — не единственная зарубежная находка древнерусских энколпионов данной разновидности. Точно такие же образцы обнаружены в Чехии — в Праге [16, с. 218—219, рис. 3, *3*], в Венгрии — в Секешфехерваре и Ракошпалате [17, с. 159, рис. 5, *2, 3*], в Болгарии — в Велико-Тырнове, Видине, Каварне [18, с. 122, табл. IV, *4*], в Румынии — в Ворничены, Пьятра Нямце [7, с. 235—241, рис. 5, *4*, 6, *2*]. Зарубежные исследователи в большинстве своем относят их ко второй половине XII — первой половине XIII в. [7, с. 241; 19, с. 326—328] либо к концу XII — началу XIII в. [18, с. 122]. С. Радойчич датирует белградский энколпион XII в. [8, с. 132], хотя хронологические границы его бытования могут быть

определены несколько шире — от начала XII до середины XIII в. В этом нас убеждают приведенные выше материалы.

Вторая находка древнерусского энколпиона из Сербии также хранится в музее Сербской православной церкви в Белграде, но в отличие от первой публикуется впервые [4]. Происходит она из с. Брестовик, расположенного на правом берегу Дуная, недалеко от г. Гроцка, в 28 км к востоку от Белграда. К сожалению, обстоятельства находки этого энколпиона неизвестны. Возможно, он был обнаружен в одном из разрушенных погребений средневекового могильника XI—XIV вв. в урочище Висока Раван, следов же синхронного поселения здесь пока не открыто [20, с. 325—331; 21, с. 246—249]. Находка из с. Брестовик также представлена лишь лицевой створкой древнерусского энколпиона с рельефно-выпуклыми изображениями распятого Христа в средокрестии и святых в круглых медальонах на концах креста (рис. 2). Крест невелик по размерам (длина с ушками 6 см, ширина 3,5 см) и имеет сверху и снизу по одному ушку. Небольшие выступы-«слезки» намного удалены от закругленных концов креста по направлению к средокрестию, что указывает на его относительно позднюю датировку, ведь энколпионы с подобной деталью формы получили распространение на Руси главным образом с XIII в. [1, с. 135, табл. IV, *2, 3*]. В центральной части крест немного деформирован, верхнее ушко также погнуто. Энколпион представляет собой не оригинал, а переотливку не очень высокого качества в глиняной литейной форме, полученной путем оттиска в глине подлинника. На такой способ изготовления указывают и низкий рельеф, и нечеткие изображения фигур, и смещение одной из них, не поместившейся полностью в округлом медальоне нижнего конца креста (рис. 2). Невысокие и узкие выступы, которыми выделены края креста и округлых медальонов, почти сливаются с общим фоном поверхности и в некоторых местах на концах ветвей практически не прослеживаются; к тому же они не украшены насечкой. Вообще не заметно никаких следов дополнительной обработки энколпиона после отливки, например резцом. Не процарапаны и буквы, составляющие монограммы Христа и святых. Как предполагает В. Н. Зоценко, подобные копии могли сниматься по киевским образцам местными ремесленниками-«крестечниками», жившими в провинции [10, с. 123]. С этим предположением можно вполне согласиться. Перейдем к описанию изображений на энколпионе из с. Брестовик. В средокрестии помещено расплывчатое изображение фигуры Христа со склоненной вправо головой в нимбе и очень короткой, не доходящей даже до колен набедренной повязкой. Христос изображен на фоне едва заметного крестообразного выступа, имитирующего Голгофу, причем его распростертые руки и ноги доходят до середины боковых и нижнего медальонов, касаясь изображенных там фигур святых. Ноги Христа своими стопами, разведенными в противоположные стороны, опираются на прямоугольную подставку. Черты лица и детали одежды не прослеживаются ни у Христа, ни у святых в округлых медальонах на четырех концах креста. Между нимбом головы Христа и верхним медальоном с большим трудом можно обнаружить едва вырисовывающееся изображение маленького крестика, нередко встречающееся на энколпионах с данным сюжетом. В верхнем медальоне помещено погрудное изображение какого-то архангела (видимо, Михаила) с присущими ему атрибутами — крыльями, копьем в правой руке и сферой в левой. Верхнюю часть нижнего клейма занимают ноги Христа на подставке, под которой осталось место только для головы, шеи и части крыла еще одного архангела (вероятно, Гавриила). В боковых клеймах виднеются расположенные в профиль, не очень отчетливые погрудные фигуры святых (по-видимому, Богородицы и Иоанна Богослова). Для энколпионов данной формы не характерно наличие четырех медальонов

[4] Инв. № 5329. Выражаю искреннюю признательность директору Музея Сербской православной церкви, профессору С. Душаничу, любезно приславшему фотографии нескольких десятков крестов из коллекций музея, среди которых нам удалось обнаружить этот древнерусский энколпион.

на концах, что является типичной чертой для более поздних складней конца XII—XIII в. [1, с. 133, 135, табл. IV, *2, 3*]. Энколпион из с. Брестовик выделяется своими пропорциями: соотношение длины вертикальной и горизонтальной перекладин креста равно 1.36, что несколько больше, чем у других энколпионов подобной формы (например, у древнерусского складня из Белграда оно равно 1,16). Может быть, из-за уменьшенной длины горизонтальной перекладины руки Христа так далеко заходят в боковые медальоны. Вообще создается впечатление, что по своим масштабам Распятие не рассчитано на существование изображений в клеймах. Что же было изображено на несохранившейся обратной створке энколпиона? Об этом можно судить лишь предположительно на основе находок аналогичных складней с двумя створками.

Однако, поскольку мы имеем дело не с подлинником, а с переотливкой в глиняной форме, поиск точных аналогий несколько затруднителен. Подобное изображение Христа, двух архангелов и двух святых в четырех клеймах имеет односторонний бронзовый крест-тельник, обнаруженный в слое середины XII в. Новгорода [22, с. 50, рис. 16, *6*], но он отличается большей четкостью изображения, тщательностью обработки и соразмерностью фигуры Христа, руки и ноги которого не заходят в клейма. Точно такой же односторонний крест найден на городище Княжа Гора под Каневом [23, с. 9, табл. XXI, *247*]. Целый складень с идентичными изображениями, хранящийся в Историко-художественном музее Варны (№ IV, 2416), происходит из с. Блыскова (Болгария). Все они являются переотливками путем оттиска в глине подлинников. Удалось подобрать лишь один двустворчатый энколпион с изображением Распятия и архангелов в верхнем и нижнем клеймах, который мог послужить моделью для отливки крестов из с. Брестовик, Блыскова, Новгорода и Княжей Горы. К сожалению, точную датировку этого образца, найденного в 1966 г. на северо-западных склонах Старокиевской горы в Киеве, установить не представляется возможным. Среди более отдаленных прототипов, не отличающихся полным сходством в области формы или иконографии, укажем прежде всего энколпион из д. Винцентовка бывшего Липовецкого уезда Киевской губернии [24, с. 6, табл. IV, *6*, VI, *6*]. У него такая же форма с закругленными концами, однако как на лицевой створке с Распятием, так и на оборотной с центральной фигурой Богоматери на концах имеется не четыре, а только три круглых медальона с изображениями святых; в верхнем медальоне помещено погрудное изображение архангела, а внизу оно отсутствует. Две фигуры архангелов — Михаила и Гавриила с копьем и сферой в руках (в верхнем и нижнем медальонах) можно увидеть на лицевой створке аналогичного по форме древнерусского складня, открытого в Сентмиклоше (Венгрия), но в средокрестии вместо Распятия показано погрудное изображение Христа-Пантократора в круглом медальоне [17, с. 162, рис. 7, *2а*]. Центральное место его оборотной створки занимает фигура св. Николы в полный рост, на концах же в трех круглых медальонах помещены погрудные изображения св. Георгия, Василия и Прокопия [17, рис. 7, *2б*]. Основываясь на написании имени одного из святых — «Иван» (а не «Иоан») и сославшись на «Этимологический словарь» М. Фасмера (Т. 2. М., 1967. С. 113), Ж. Ловаг датировала древнерусский энколпион из Сентмиклоша XIV в., что можно оспорить, так как форма имени «Иван» или «Иванко» появляется на древнерусских ремесленных изделиях уже с конца XII — начала XIII в. [25, с. 64, № 71; 26, с. 93]. Гораздо больше оснований датировать энколпионы из Винцентовки, Киева и Сентмиклоша, а также аналогичные по форме и сюжету переотливки из Брестовика, Блыскова, Княжей Горы и Новгорода рубежом XII—XIII вв. Ведь наиболее часто изображения архангелов в двух из четырех клейм появляются на распространившейся накануне монголо-татарского нашествия с начала XIII в. разновидности древнерусских энколпионов с подчеркнуто круглыми концами и мелкими рельефными фигурами [1, с. 135, табл. IV, *2, 3*]. В качестве примера сошлемся на находки подобных образцов складней из с. Березовка Куйбышевской обл., Княжей Горы под Каневом, Киев-

щины и других мест [12, с. 9, 28, табл. II, *39*, XII, *143*; 15, с. 110, рис. 36; 27, с. 187, рис. 166, 167].

Помимо рассмотренных выше 2 экз. недавно нам стало известно еще об одном древнерусском кресте, найденном предположительно в Белграде и хранящемся в фондах Народного музея столицы Югославии [5]. Он представляет собой лицевую створку складня с округленными концами, рельефно-выпуклыми изображениями Распятия и святых в трех клеймах, совершенно аналогичного по форме и сюжету энколпиону из Музея Сербской православной церкви (рис. 1 и 5).

В целом же следует отметить чрезвычайную редкость находок древнерусских крестов в Сербии, насчитывающих пока всего 3 экз. В XI—XIII вв. население пользовалось здесь главным образом «сирийско-палестинскими» энколпионами с гравированными и рельефно-выпуклыми изображениями, в литературе опубликовано свыше двух десятков подобных образцов, обнаруженных на территории Сербии [28, с. 8, 154; 29, с. 18, 19; 30, с. 80, 81].

Еще более редкой и удивительной выглядит находка целого древнерусского складня в Далмации (Хорватия), где в отличие от Сербии с раннего средневековья преобладало не православное, а католическое население. Еще в 1952 г. известный югославский археолог Л. Караман опубликовал без атрибуции фотографию двух створок древнерусского складня вместе с небольшим «сирийско-палестинским» энколпионом [31, рис. 32]. В тексте книги Л. Карамана упомянуто, что оба креста хранятся в г. Сплите, в Музее хорватских археологических памятников, куда попали из находившегося в г. Книне бывшего Музея хорватских древностей [31, с. 28]. Документально установить точное место находки этого древнерусского энколпиона практически невозможно, так как здание Книнского музея было разрушено в годы второй мировой войны, а его коллекции не раз тогда же перемещались из одного города в другой [32, с. 197] [6]. Город Книн также находится в Далмации, но не на побережье (как Сплит), а в 45 км от берега Адриатического моря, напротив г. Шибеника. Рядом с ним расположено известное в исторической литературе Косово поле, с. Бискупия с остатками пяти храмов IX—XI вв., бывшее до второй половины XIII в. местопребыванием хорватского епископа [33, с. 384, 385; 34, с. 164]. Сам Книн (Тенен), в котором сохранились остатки средневековой крепости, в IX—XII вв. являлся резиденцией правителей Хорватии [32, с. 197; 34, с. 164]. Возможно, древнерусский энколпион и был найден в этом историческом центре Хорватии или его окрестностях, где открыто немало средневековых памятников, хотя нельзя исключить вероятность его поступления в Книнский музей из других мест Далмации.

В отличие от древнерусских крестов из Сербии энколпион, хранящийся в Сплитском музее, прекрасно сохранился и состоит из двух соединенных створок (рис. 3). Он относится к широко распространившемуся на Руси с конца XI в. типу рельефно-выпуклых складней с центральным изображением Распятия на лицевой створке и Богоматери с младенцем на оборотной. Масштаб на фотографии не указан, поэтому точные его размеры нам неизвестны. Крест отлит в каменной литейной форме в технике высокого рельефа, после чего рельефные фигуры дополнительно тщательно обрабатывались резцом. Мастер-«крестечник» стремился четко показать черты лица Христа, Богоматери и святых, мелкие детали их одежды. Края креста и окружности медальонов на трех концах подчеркнуты выступами, украшенными насечкой. У закругленных его концов расположены небольшие выступы. Иконография лицевой створки

[5] Выражаю благодарность доктору Г. Марьянович-Вуйович, сообщившей нам об этой находке, описание которой будет опубликовано в ее работе «Кресты из раннесредневековых коллекций Народного музея».

[6] Хранитель музея, профессор М. Зекан, любезно сообщил нам, что энколпион поступил в Книнский музей около 1930 г. откуда-то из Средней Далмации и является случайной находкой, но инвентарные книги этого времени, к сожалению, не сохранились.

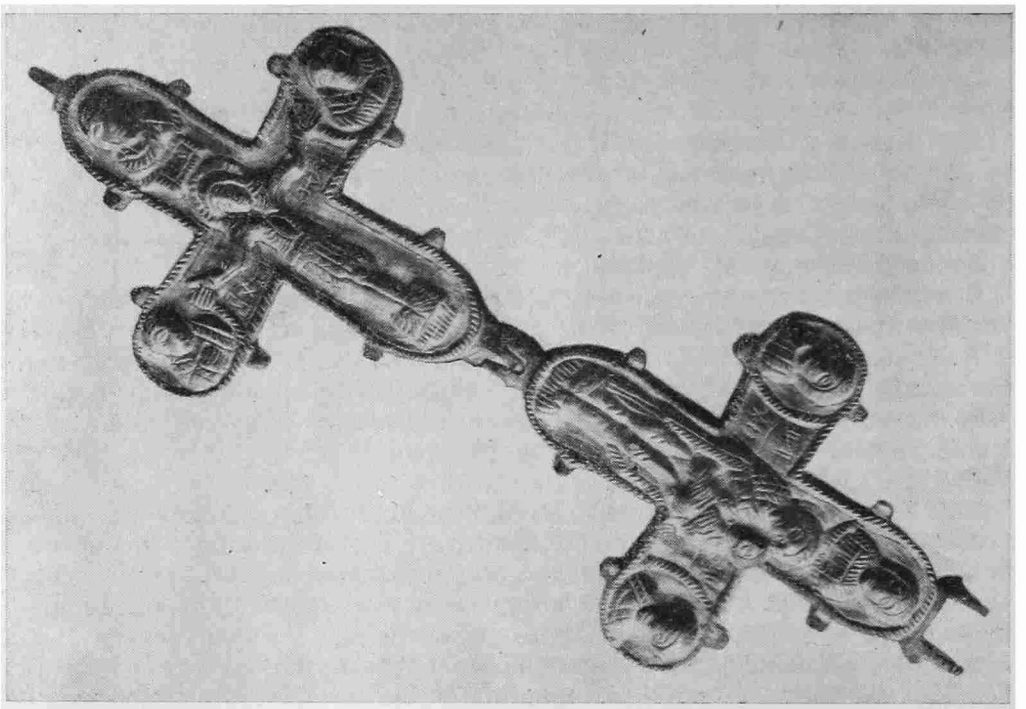


Рис. 3. Древнерусский складень, хранящийся в Музее хорватских археологических памятников, г. Сплит (по Л. Караману)

аналогична изображениям на энколпионе из Белграда (ср. рис. 1, *3*), только крест из Сплитского музея отличается по качеству и тщательности изготовления. Центральное место на ней занимает фигура распятого Христа в набедренной повязке, в полный рост, а в округлых медальонах на трех концах показаны погрудные изображения святых: Богородицы (справа), Иоанна Богослова (слева) и Саваофа (вверху). На прямоугольном выступе между верхним медальоном и нимбом Христа ясно видна монограмма «I X». Надпись на горизонтальной перекладине, состоящая из набора перевернутых букв — И, Θ, С, Х, Б, позволяет предположить неграмотность мастера-«крестечника». В центре оборотной створки энколпиона расположена фигура Богоматери с младенцем в левой руке и с благославляющей правой рукой (рис. 3). Она одета в длинный хитон, поверх которого наброшен мафорий; хорошо подчеркнуты складки и детали одежды. Голова Богоматери в нимбе склонена влево, к голове младенца. На их лицах, так же как и на лицах изображенных в трех медальонах на концах погрудных фигур святых (вероятно, Николая, Павла и Петра), видны глаза, нос. рот. На горизонтальной перекладине справа и слева от Богоматери прочерчены слабо различимые буквы И, Х, Θ. Оборотная створка складня в отличие от лицевой имеет не одно ушко, а две петельки на концах.

Древнерусскому энколпиону из Сплитского музея можно привести немало совершенно идентичных аналогий, обнаруженных как на территории Древней Руси, так и за ее пределами. Наиболее точные копии, совпадающие даже в самых мелких деталях изображений, происходят из Княжей Горы под Каневом и других пунктов Среднего Поднепровья [11, с. 6, табл. 2, *18*; 12, с. 15, табл. V, *60/61*]. Именно здесь, в Киеве и его окрестностях, и находился центр производства этих высокохудожественных энколпионов, распространявшихся отсюда во все концы Руси и за ее пределы [10, с. 119]. Аналогичные образцы обнаружены в Херсонесе, на Пражском Граде, в Венгрии, Румынии (Ботошанах и Брэешти), в Болгарии [1, табл. II, *2а*, *б*; 2, рис. 49, *64*; 16, рис. 3, *3*; 17, с. 159, рис. 4, *5*, *1*; 35, с. 109, рис. 25, *3*, *4*]. Как уже отмечалось, хронологические рамки бытования древнерусских складней данного типа достаточно широки — от конца XI до середины XIII в. [10, с. 123, 124]. Но боль-

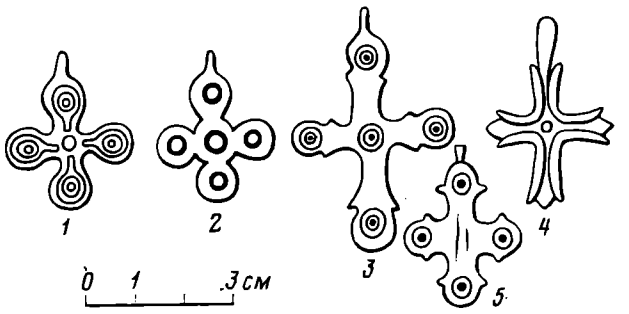


Рис. 4. Бронзовые кресты-тельники и крестообразные подвески из Сербии (*1, 2, 4*) и Македонии (*3*): *1* – Ниш (по С. Ерцегович-Павлович); *2* – Донички Брдо (по Д. М. Петровичу); *3* – Демир-Капия (по Б. Алексовой и Б. Бабичу); *4* – Костолац; *5* – Градац у Крагуеваца.

шинство зарубежных их находок датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. [7, с. 241; 18, с. 122; 19, с. 326–328].

Наряду с энколпионами некоторые югославские исследователи сравнивают с древнерусскими образцами немногочисленные для Сербии и Македонии находки металлических крестов-тельников и крестовидных привесок (рис. 4). Так, в одном из погребений (№ 13) славянского могильника XI–XII вв. в Нише (Юго-Восточная Сербия) найден бронзовый литой равноконечный крестик с концентрическими окружностями и углублениями на концах и в центре (рис. 4, *1*). Публикуя материалы раскопок этого могильника, С. Ерцегович-Павлович предположила, что круглые углубления предназначены для эмали, и в качестве доказательства привела находки древнерусских крестиков с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья и Волыни [36, с. 89, 90, табл. III, *1*]. Действительно, одна из их разновидностей – круглоконечные крестики с эмалью – имеет отдаленное, но неполное сходство с находкой из Ниша [37, с. 114, 116, рис. 1, *3*]. Однако древнерусские крестики с эмалью данной разновидности несколько отличаются не только по форме (у них совершенно круглое средокрестие и практически нет перехода между ним и круглыми концами, которые гораздо меньше средокрестия), но и тем, что имеют с двух сторон круглые углубления с эмалью. На тельнике из Ниша, так же как и на аналогичном крестике из погребения XIII в. в Доничком Брдо (у г. Крагуеваца, Центральная Сербия), нет никаких следов эмали (рис. 4, *2*), а концентрические окружности представляют даже не имитацию углублений для нее, а орнаментальный мотив [38, с. 288, рис. 37, *2*]. Поэтому у нас нет никаких оснований утверждать о наличии каких-либо генетических связей между ними и древнерусскими крестиками с эмалью. Интересна находка бронзового тельника X–XI вв. из могильника в Демир Капии на юге Македонии [39, с. 60, табл. XXI, *285*; 40, с. 63, № 174]. Отмеченные небольшими выступами круглые концы и центральная часть его также украшены концентрическими окружностями (рис. 4, *3*). Тельники такой формы и с таким орнаментальным мотивом встречаются нередко и на древнерусских памятниках (в Среднем Поднепровье, Галиче, Новгороде), в византийских центрах Крыма (Херсонес) и Нижнего Подунавья (Диногеция), известны они и в Болгарии [4, рис. 191, *10*, *11*; 18, с. 115, табл. I, *4*, *5*; 22, рис. 16, *7*; 23, с. 3, 9, табл. XVII, *200*, *201*, XXI, *243*; 41, табл. XII, *35*; 42, с. 5, табл. V, *35*]. Распространение подобных крестов-тельников в X–XIII вв. на Балканах, Нижнем Дунае, в Крыму и на Руси, по всей видимости, объясняется наличием общих византийских прототипов. Немало, правда не совсем точных, аналогий на Руси можно отыскать еще одному бронзовому крестику с трехлопастными концами (рис. 4, *4*), найденному в Костолаце на Дунае (к востоку от Белграда) [7]. Тельник из Костолаца

[7] Хранится в Музее Сербской православной церкви (Белград), инв. № 5359.

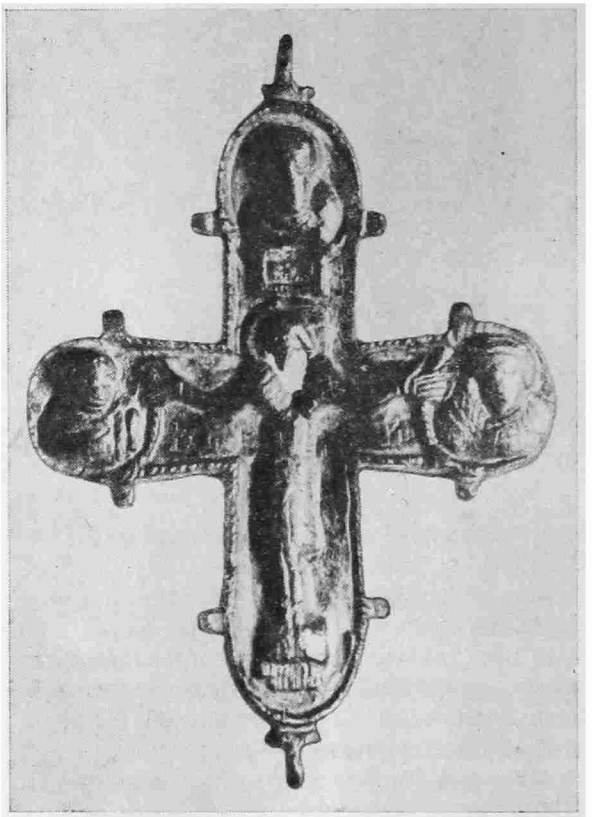


Рис. 5. Половина древнерусского энколпиона из Народного музея (Белград)

украшен глубокими каннелюрами и круглым выступом в центре. Подобные крестики из Среднего Поднепровья, Гочева, Зеленчи, Новгорода [14, рис. 6, *11*, *15*; 22, рис. 16, *13*; 42, табл. 1, *12*) отличаются более сложным орнаментом и четко выделяющимися тремя лопастями на концах. Недавно нам стало известно еще об одной находке бронзового равноплечего крестика-тельника XI—XII вв., происходящего из Градаца у г. Крагуеваца (Сербия) [8]. По сообщению югославского археолога М. Ерич, в концентрических окружностях на закругленных концах креста прослеживаются остатки эмали (рис. 4, *5*). Выше уже отмечалось широкое распространение тельников подобной формы и орнаментальных мотивов на Руси, в Крыму и на Балканах, присущи они и древнерусским крестикам с эмалью, которой заполнены, однако, не только концентрические окружности на концах и в центре, но и прямоугольные углубления на плечах. Окончательно же вопрос об отношении находки из Градаца к древнерусским крестикам с эмалью может быть решен лишь после более тщательного и непосредственного ее изучения.

Таким образом, к достоверно древнерусским изделиям относятся лишь четыре энколпиона из Белграда, с. Брестовик и Сплитского музея. Каково же их происхождение, каким образом они очутились так далеко за пределами Руси? Чтобы ответить на этот вопрос, коснемся в целом проблемы распространения древнерусских энколпионов в областях, не входивших в состав Руси. В отношении группы поздних киевских энколпионов 1230-х годов с оборотной надписью «Святая Богородица, помогай» Б. А. Рыбаковым высказана мысль об их проникновении в Поволжье, на Северный Кавказ и на юг Молдавии вместе с русскими людьми — пленниками монголо-татар [26, с. 39; 43, с. 527—531]. В золотоордынских центрах Поволжья обнаружены и более ранние разновидности древнерусских складней, некоторые из них аналогичны находкам из Югославии [15, с. 56, рис. 4, *6*]. В. А. Кузнецов полагает, что часть древнерусских энколпионов попала на Северный Кавказ не с русскими пленниками, а в результате династических и иных связей местного населения с Русью [44, с. 85, 86]. По предположению Г. Ф. Корзухиной, некоторые древнерусские энколпионы могли оказаться в Крыму, Чехии и Болгарии еще до 1237—1240 гг., другие же, возможно, связаны с бегством части русского населения от монголо-татарских погромов [1, с. 136, 137]. Соглашаясь с тем, что находки древнерусских складней с территории Золотой Орды оставлены русскими пленниками, В. Н. Зоценко в то же время утверждает, что в Болгарию, Венгрию и Польшу они доставлены путем торговли [10, с. 119, 120]. По мнению зарубежных исследователей

[8] Выражаю признательность М. Ерич за информацию об этой находке, хранящейся в Народном музее г. Крагуеваца, инв. № 1602.

Л. Дончевой-Петковой, Ж. Ловаг, Б. Нехватала, В. Спинея, появление древнерусских энколпионов на территории Болгарии, Венгрии, Чехии и Румынии объясняется различного рода связями с Русью (политическими, династическими, культурными, торговыми, церковными), а также миграциями восточнославянского населения [7, с. 241; 16, с. 238—240; 17, с. 163; 18, с. 123, 124].

Рассмотрим каждую из возможных версий в отношении происхождения находок древнерусских энколпионов из Югославии. Выяснение путей их проникновения в Сербию и Хорватию затрудняется тем, что все они являются случайными находками, а не документально зафиксированным по слоям и комплексам археологическим материалом из раскопок. Поэтому можно лишь гипотетически предполагать, когда и вследствие каких связей они здесь очутились. Ввиду кратковременности пребывания монголо-татар в Далмации весной 1242 г. и отсутствия свидетельств о продвижении их войска на обратном пути от Адриатики через Белград и район к востоку от него гипотезу о проникновении сюда древнерусских складней с русскими пленниками татар придется отбросить [45, с. 170, 171, карта «Борьба за независимость народов Восточной и Центральной Европы в XIII в.»]. На протяжении XII—XIII вв. заметно активизировались торговые связи Белграда, через который проходил древний путь, связывавший Западную и Центральную Европу с Константинополем [46, с. 47—50]. Еще большее торгово-экономическое значение имел приморский Сплит, расположенный рядом с Книном. Но единичность находок, отличающихся и по качеству, и по сюжету изображений, не позволяет признать древнерусские кресты из Сербии и Далмации товаром, ведь торговали обычно значительными сериями однородных вещей, в том числе и культовых предметов. Маловероятно и то, что они могли попасть в Сербию и Далмацию вместе с древнерусскими купцами в качестве предметов их личного обихода. О таких поездках не сохранилось никаких прямых свидетельств письменных источников, на территории Югославии пока не обнаружены массовые находки древнерусских ремесленных изделий. Хотя полностью исключить такую возможность, конечно, нельзя.

Придется обратиться к имеющимся данным о политических и культурных контактах Руси с Сербией и Хорватией в XII—XIII вв. Согласно сообщению Феодосия — автора второго жития св. Саввы,— пришедший ко двору сербского правителя Стефана Немани около 1191 г. афонский инок «Русин родом» помог его младшему сыну Растко бежать на Афон, где тот принял постриг под именем Саввы первоначально в русском монастыре Пантелеймона [47, с. 6]. Правда, отсутствие указаний на национальную принадлежность афонского монаха в первом житии св. Саввы, написанном Доментианом, позволило некоторым исследователям предположить наличие каких-то домыслов в данном месте сочинения Феодосия [48, с. 122; 49, с. 64]. Как бы то ни было, контакты Саввы и других сербов с русскими монахами на Афоне, где наряду с уже давно существовавшей русской обителью Пантелеймона в 1197 г. был основан сербский Хилендарский монастырь, относятся к числу реальных фактов [48, с. 124, 127; 50, с. 718; 51, с. 51, 100, 101; 52, с. 221—225]. В составленной здесь сербской Кормчей книге, дошедшей в списке Иловичской Кормчей 1262 г., выявлено немало русизмов. В условиях постоянного и многолетнего общения между русскими и сербскими монахами на Афоне мог происходить обмен не только богослужебными книгами, но и предметами религиозного культа (в том числе и энколпионами), ведь в описи имущества древнейшей русской обители на Афоне — Ксилургу от 1142 г. зафиксировано немало культовых вещей, попавших сюда из Руси [53, с. 32—37; 54, № 6, с. 51—59]. Связи Саввы с русскими монахами не прекратились и после того, как он, вернувшись с Афона на родину, стал с 1219 г. главой Сербской автокефальной православной церкви. Уже в конце своей жизни, совершая поездку по святым местам, он останавливался в 1229 г. в Иерусалиме в «рушьском» монастыре [48, с. 272]. Правда, владения Сербского государства Неманичей первоначально находились значительно южнее Белграда, включенного в его состав

лишь в 80-х годах XIII в., а до этого являвшегося объектом острого соперничества между Византией и Венгрией, Венгрией и Болгарией [53, с. 43—71]. Но вряд ли непрочные и часто изменяющиеся политические границы того времени могли представлять серьезную помеху для религиозных контактов. В этой связи заслуживает внимания высказывание Ф. Энгельса о том, что «церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 495).

В том, что это было так на самом деле, нас убеждает еще одно свидетельство, касающееся церковно-политических связей Руси с Сербией. В папские грамоты 1216 и 1218 гг. вошел более ранний текст, в котором говорится о пожаловании галицких князей Василько Ростиславича, Ивана Васильковича и Владимира Володаревича православному монастырю в Сремской Митровице (Савасентдеметер) ежегодного дохода в виде 13 каптар (мера веса) воска. Исследователи полагают, что это сообщение относится к началу XII в. [56, с. 444, 445; 57, с. 167, прим. 5 на с. 334]. Расположенная к западу от Белграда на р. Саве Сремска Митровица в то время входила во владения Венгрии, поддерживавшей тесные отношения с Русью, в особенности с Галичем. Воск туда доставлялся из западнорусских земель, видимо, купцами. Приведем еще один примечательный факт. Венгерский король Бела III (1173—1196 гг.) в 1186 г. заточил свою мать Ефросинью Мстиславну (сестру волынского, а впоследствии великого киевского князя Изяслава Мстиславича) в пограничную крепость Браничево на Дунае [57, с. 179]. Эта средневековая крепость, служившая с XI в. резиденцией православного епископа, находилась на месте современного г. Костолаца (к востоку от Белграда) и от с. Брестовик, из которых происходят три древнерусских энколпиона [58, с. 42]. Примечательно, что в самом Костолаце (древнем Браничеве) найден уже упоминавшийся бронзовый крест-тельник (см. рис. 4, *4*), близкий по форме и стилю к древнерусским образцам.

Контакты русских с сербами могли происходить и в Константинополе — важном центре культурного обмена между восточными и южными славянами, где, например, осуществлялись ими совместные переводы некоторых богослужебных книг [59, с. 130—133]. В X—XIII вв. в столице Византии существовала постоянная русская колония, сюда не раз приезжали и представители Сербии. Посетивший Царьград в начале XIII в., незадолго до его захвата крестоносцами, Добрыня Ядрейкович (будущий новгородский архиепископ Антоний) в описании своего путешествия специально отметил, что в одном из его монастырей (Богородицы Вергетри) «жил Сава, Сербский князь, егда изыде от Святыя горы» [60, стб. 39, 40, 118. 119]. Память о первом сербском архиепископе Савве сохранилась и в более поздних русских летописях, отмечавших основные даты его жизни и деятельности [52, с. 224, прим. 6; 61, с. 67, 68; 62, с. 69].

Думается, перечисленными выше событиями из истории русско-сербских связей XII — первой половины XIII в. и следует объяснять появление древнерусских энколпионов на территории Сербии, куда они могли проникнуть вместе со своими владельцами, судя по аналогиям, либо через Венгрию, либо по Нижнему Дунаю через территорию Болгарии и Румынии. Не исключено также, что они отражают в какой-то степени русско-сербские церковные контакты на Афоне или в Константинополе, откуда и попали вместе со своими владельцами в Сербию. Будучи не очень качественными переотливками, древнерусские складни из Белграда и с. Брестовик, безусловно, не могли принадлежать представителям верхушки древнерусского общества и тем более членам княжеских семей, носившим дорогие кресты. Скорее всего эти энколпионы являлись личными вещами простых людей — воинов, слуг, ремесленников, монахов.

Сложнее объяснить происхождение древнерусского энколпиона, попавшего в Сплитский музей из Книна. В нашем распоряжении имеется лишь одно косвенное свидетельство о династических связях Руси с Хорватией, основная территория которой с 1102 г. входила в состав Венгрии.

Под 1150 г. в Ипатьевской летописи сообщается о женитьбе дорогобужского князя Владимира Мстиславича на дочери хорватского бана Белуша из рода Неманий [63, стб. 407]. Брак был заключен в условиях существования волынско-венгерско-сербско-сицилийского союза, направленного против Византии [57, с. 168—178, 202]. Из летописного сообщения видно, что бракосочетание совершилось не в Хорватии, а в Венгрии при королевском дворе, где бан Белуш играл роль второго человека в государстве после короля. Его дочь («бановна») вскоре отправилась на Русь, в волынский город Дорогобуж. Известно, однако, что позднее, в конце 50-х и начале 60-х годов XII в., Белуш надолго покидал Венгрию и жил в Сербии и Хорватии [64, с. 556; 65, с. 60—68]. Возможно, между ним и его дочерью поддерживались какие-то контакты, отзвуком которых предположительно и может являться находка древнерусского энколпиона из средневекового хорватского центра Книна. Возможность же религиозных связей Руси с католическими центрами Хорватии практически исключена; лишь на самом юге Далмации, в Захумье, в окрестностях г. Котора, в XIII в. находилась резиденция православного епископа, удаленная на 300 км от Книна [66, с. 167].

Таким образом, описанные в данной статье четыре находки древнерусских энколпионов на территории Югославии следует отнести к свидетельствам прямых или опосредствованных политических, династических и церковных связей Руси с Сербией и Хорватией, имевших место главным образом во второй половине XII — первой половине XIII в. Отсутствие среди них поздней разновидности энколпионов киевского производства с обратной надписью «Святая Богородица, помогай», датирующейся 1230-ми годами, позволяет предположить, что все они являются продуктами домонгольской эпохи, а не оставлены беглецами из Руси, спасавшимися от монголо-татарского нашествия[9]. Судя по письменным известиям, ведущую роль в связях Руси с Сербией и Хорватией играли в это время Галицко-Волынские земли, а также русский монастырь Пантелеймона на далеком Афоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси // Византийский временник. 1958. Т. XIV.
2. *Миятев К.* Палестински кръстове въ България // Годишник на Народния музей за 1921 год. София, 1922.
3. *Велева Ю.* Средневековни кръстове-енколпиони от Националната художествена галерия // Археология. 1981. Кн. 1—2.
4. *Stefan Gh., Barnea J., Comşa M., Comşa E.*, Dinogetia. I. Bucureşti, 1967.
5. *Diaconu P., Baraschi S.* Păcuiul lui Soare. V. II. Bucureşti, 1977.
6. *Алексиев И.* Бронзов кръст-енколпион от Търновград // Археология. 1981. Кн. 1—2.
7. *Spinei V.* Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du IIe millénaire à la lumiere des sources archeologiques // Dacia. N. S. 1975. T. XIX.
8. *Radojčić S.* Bronzani krstovi-relikvijari iz ranog srednjeg veka u Beogrdaskim zbirkama // Zbornik za umetnostno zgodovino. V/VI. Ljubljana, 1959.
9. *Алешковский М. Х.* Русские глебо-борисовские энколпионы 1072—1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972.
10. *Зоценко В. Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
11. *Леопардов Н., Чернев Н.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Сер. I. Вып. 1. Киев, 1890.
12. *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. I. Киев, 1899.
13. *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель // СА. 1974. № 3.
14. *Власова Г. М.* Бронзовые изделия XI—XIII вв. из села Зеленче // МАСП. 1962. Вып. 4.
15. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.

[9] Когда данная статья уже находилась в печати, нам стало известно о том, что в Музее прикладного искусства в Белграде хранится створка такого древнерусского энколпиона XIII в. с изображениями Распятия и четырех святых в круглых медальонах на концах креста, выполненными с помощью литья в технике мелкого уплощенного рельефа. [67, с. 84, № 191].

16. *Nechvátal B.* Frühmittelalterliche Reliquirenkeuze aus Böhmen // Památky archeologicke. 1979. R. LXX. Č. 1.
17. *Lovag Zs. S.* Byzantine type Reliquary Pectoral Crosses in the Hungarian National Museum // Folia archaeologica. 1971. V. XXII.
18. *Дончева-Петкова Л.* Кръстове-енколпиони във Варненския музей // ИНМВ. 1983. Кн. 19.
19. *Spinei V., Corolluc J.* Date cuprivire la circulatia unor obiecte de cult din secolele XII–XIII // SCIV(A). 1976. T. 27. № 3.
20. *Ђоровић-Љубинковић М.* Досадашња ископавања у Брестовику на локалиту Висока Раван // Зборник радова Народног музеја. Кн. 1. 1956/1957. Београд. 1958.
21. Археолошки споменици и налазишта у Србији, II. Централна Србија. Београд, 1956.
22. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
23. *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. II. Киев, 1900.
24. *Леопардов Н., Чернев Н.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Сер. I. Вып. 2. Киев, 1891.
25. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / САИ. 1983. Вып. Е1-60.
26. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. М.: Наука, 1982.
27. Каталог древностей гр. А. С. Уварова. Отд. VIII–XI. М., 1908.
28. Umetnička obrada metala naroda Jugoslavije kroz vekove. Kn. II. Beograd, 1956.
29. *Radojković B.* Sitna plastika u staroj srpskoj umetnosti. Beograd, 1977.
30. Историја примењене уметности код Срба. Београд, 1977.
31. *Karaman L.* Pregled umjetnosti u Dalmacije (od dosljevana hrvata do pada Mletaka). Zagreb, 1952.
32. Enciklopedija likovnih umjetnosti. T. 3. Zagreb, 1964.
33. Enciklopedija likovnih umjetnosti. T. 1. 1959.
34. Blago na putevima Jugoslavije. Beograd, 1983.
35. *Spinei V.* Moldova in secolele XI–XIV. Bucureşti, 1982.
36. *Ерцеговић-Павловић С.* Средневековна некропола у Нишу // Старинар. XXVII. Београд, 1976.
37. *Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
38. *Петровић Д. М.* Средновековна некропола на Доњићком Брду (Градац код Крагујевца) // Старинар. Нова Серија. XIII – XIV. 1962–1963. Београд, 1965.
39. *Aleksova B.* Prosek-Demir Kapija. Skopje i Beograd, 1966.
40. *Бабик Б.* Средновековно културно богатство на СР Македонија. Прилеп, 1974.
41. *Ратич О. О.* Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 1957.
42. *Леопардов Н., Чернев Н.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Сер. I. Вып. 3–4. Киев, 1891.
43. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
44. *Кузнецов В. А.* Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
45. *Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Госполитиздат, 1956.
46. *Калић Ј.* Београд у међународного трговини средњег века // Ослобођење градова у Срби и од турака (1862–1867 годы). Београд, 1970.
47. Живот светога Саве. Написао Доментијан. Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1860.
48. Живот светога Симеуна и светога Саве. Написао Доментијан. Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1865.
49. *Станојевић Ст.* О одласку св. Саве у манастир // Светосавски зборник. Књ 1. Београд, 1936.
50. *Kovačevič B.* Srpski i hrvatski kulturni odnosi s rusima i ukrajncima // Pregled. 1947. Knj. 2. God. 2. Sv. 10.
51. *Ковачевић Б.* О културним везама Срба с Русима // Летопис Матице Српске. Год. 121. Књ. 360. Св. 2. Београд, 1947.
52. *Соловјев А.* Свети Сава и Руси // Српски књижевни гласник. Т. 44. № 3. Београд, 1935.
53. *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Byzantinoslavica, 1950. T. XI. № 1.
54. Акты русскаго на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873.
55. *Калић-Мијушковић Ј.* Београд у средњом веку. Београд. 1967.
56. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965.
57. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М.: Наука, 1968.
58. *Јанковић М. и Б.* Подунавски градова поменути као пострадали 1072 године // Годишњак града Београда. 1978. Кн. XXV.
59. *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969.
60. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872.
61. Устюжская летопись // ПСРЛ, 1968. Т. 31.

62. Мазуринская летопись // ПСРЛ. 1982. Т. 37.
63. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 2.
64. *Lučić J. Beloš* (Beluš, Bjeluš) // Enciklopedija Jugoslavije. T. 1. Zagreb, 1980.
65. *Šišic F.* Poviest hrvata za kraljeva iz doma Arpadovica (1102–1301). Prvni dio (1102–1205). Od Kolomana do Ladislava III. Zagreb, 1944.
66. *Šufflay M.* Pravoslavije na Jadranu (N. Z. Bjelovučić. Zahumska pravoslavna episkopja u XIII i XIV v. Dubrovnik, 1929) // Starohrvatska prosvjeta. N. S. II, № 1–2. Knin; Zagreb, 1928.
67. Миловановић Д. Уметничка обрада неплеменитих метала на тлу Србије од позне антике до 1690 године. Београд, 1985.

V. B. Perkhavko

OLD RUSSIAN ENCOLPIA IN YUGOSLAVIA

Summary

The author publishes four Old Russian encolpia found in Yugoslavia. Three of them came from Serbia (Belgrade, Fig. 1, *5*, and the village of Brestovik, Fig. 2). The forth, now in the Split Museum of Croatian Archaeology, was found somewhere in Croatia. At an earlier period it was kept in Knin (Fig. 3). Exact analogies, both from Russia and the neighbouring countries (Bulgaria, Hungary, Rumania and Czechoslovakia) helped identify the origin of the encolpia (Kiev and Galicia) and date them between the latter half of the 12th-first half of the 13th centuries. These few Russian encolpia were evidently not objects of trade: they found their way to Serbia and Croatia through political, dynastic and ecclesiastical ties with Russia in the latter half of the 12th and first half of the 13th centuries. These ties were chiefly maintained by the Galich-Volhinian principality and the Russian monastery of Panteleimon in Athos. The article also contains descriptions of some metal crosses with Russian analogies from Serbia and Macedonia (Fig. 4, *1–5*).

И. В. ТУНКИНА

АВТОГРАФЫ АРХЕОЛОГОВ В АЛЬБОМЕ П. И. КЁППЕНА

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР хранится альбом в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением, вызолоченными застежками, в футляре светло-коричневой кожи [1]. Принадлежал он Петру Ивановичу Кёппену (1793—1864). Настоящая статья посвящена описанию записей русских археологов в этом альбоме.

П. И. Кёппен занимает особое место в истории отечественной науки. Сын врача, воспитанник Харьковского университета, он получил юридическое образование. Но в кругу ученых Кёппен известен как статистик, библиограф, археограф, историк, филолог, этнограф, географ. Он являлся активным членом Румянцевского кружка, академиком Петербургской Академии наук, одним из основателей Русского географического общества (1845 г.).

П. И. Кёппен внес значительный вклад в становление и развитие археологии как самостоятельной научной дисциплины у нас в стране. Ученый одновременно занимался как классическими, так и средневековыми древностями, что характерно для русской археологической науки этого периода. В 1817, 1819 и 1833 гг. он предпринял путешествия в Южную Россию, результатом которых явились несколько археологических исследований [2—4]. С 1810 г. и до конца жизни П. И. Кёппен собирал сведения о курганах. В своих работах он доказал, что курганы являются насыпями над могилами, а не сторожевыми холмами [5—7]. В 1821—1824 гг. во время путешествия по Европе с целью осмотра музеев, архивов, библиотек, изучения славянских древностей, Кёппен познакомился с учеными, писателями, общественными деятелями многих стран. В 1825—1826 гг. он являлся редактором-издателем журнала «Библиографические листы», публиковавшего статьи о новых раскопках и находках древностей. И хотя в последние годы жизни ученый не печатал исследований по археологии из-за занятости статистикой и этнографией, материалы его личного архива [8] показывают, что вопросы сбора, учета, систематизации и описания археологических памятников по-прежнему интересовали его.

Научные интересы П. И. Кёппена нашли отражение в принадлежавших ему трех альбомах [9, с. 12], которые почти ничего общего не имеют с так называемыми «салонными» альбомами первой половины XIX в. [10, с. 22]. Описываемый альбом является хронологически первым[1]. Имея широкий круг знакомств в научных и литературных кругах Европы, П. И. Кёппен собрал большое количество автографов и рисунков известных ученых, писателей, художников своего времени. О встречах с многими из них имеются сведения в дневниках ученого, хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР. Основное количество записей в альбоме — цитаты из древних и современных авторов, собственные переводы и стихи, изречения на темы морали, выписки из научных трудов. Часть автографов и рисунков снабжена комментариями автобиографического, хронологического или справочного характера. Альбом велся ученым-библиофилом, который просил своих друзей и знакомых указывать биографические данные: дату и место рождения, основные вехи жиз-

[1] О местонахождении двух других альбомов нам ничего не известно.

ненного пути. Характер записей позволяет утверждать, что Кёппен вел альбом и во время своих путешествий.

Литературоведы неоднократно обращались к альбому П. И. Кёппена как к ценнейшему библиографическому источнику по русской литературе начала 1820-х годов [9; 10, с. 18, 19; 11, с. 216, 217; 12, с. 10, 11; 13, с. 78]. Но их публикации не отличаются полнотой описания автографов, так как основное внимание они уделяли записям известных лиц. В результате автографы многих историков, археологов, археографов не учтены. На фоне таких имен, как В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Гнедич, имена М. Ф. Берлинского, И. П. Бларамберга, Г. И. Спасского, И. А. Стемпковского остались незамеченными. Некоторые записи литературоведы приводят целиком, другие частично, а о третьих лишь упоминают. Листая альбом, поражаешься разнообразию знакомств его владельца. Среди них — писатели, издатели и журналисты Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, П. А. Плетнев, Д. И. Языков, литературные критики В. Г. Анастасевич, И. Н. Лобойко, филологи А. Х. Востоков, А. М. Шегрен, Я. И. Шмидт, славист В. С. Караджич. Здесь же записи известных математиков Н. И. Фуса, П. Н. Фуса, ботаника Х. Х. Стевена, адмирала И. Ф. Крузенштерна, президентов Российской академии А. С. Шишкова и Петербургской Академии наук С. С. Уварова, гравера Н. И. Уткина, художника Ф. П. Толстого. Среди историков находим имена Н. М. Карамзина, М. Т. Каченовского, Ф. И. Круга. В данной статье мы хотим привести некоторые записи из альбома, принадлежавшие перу археологов, большей частью не отраженные в публикациях предыдущих исследователей.

Сергей Николаевич Глинка (1776—1847), писатель и журналист, посвятил хозяину альбома такие стихи:

Мысль в древность устремляя,
Отечество обозревая,
Ты мыслью съединять умеешь времена;
Где блеск сперва сиял,— там — пыль теперь одна.
И так проходит все, что смертный созидает;
Лишь мысль одна живет;
Из века в век идет,
И бытие души и сердца продолжает:
Источник сей в себе — душа твоя вмещает. [1, л. 10]

Его брат, Федор Николаевич Глинка (1786—1880), поэт и публицист, представлен басней «Вихрь и Зефир» (Петербург, 11 марта 1820 г.) [1, л. 91]. В 1816 г. он призывал отечественных писателей создать «Славяно-русский Анахарсис», используя не только летописи, грамоты, старинные народные предания, песни, стихотворения, местные наречия, но и «древние храмы, безмолвные для людей обыкновенных, надгробные тризны, памятники (курганы.— *И. Т.*) и запустелые места давно существовавших городов» [14, с. 9]. К сожалению, проект остался неосуществленным — «русского Бартелеми» не нашлось. Позднее, в 1830-е годы, Ф. Н. Глинка заинтересовался курганами Тверской губ., картографировал их и приступил к раскопкам. В своем имении он собрал целую коллекцию «могильных камней», на которых усматривал древние надписи и знаки. Большинство камней оказалось валунами с естественными выбоинами, трещинами и штрихами; среди других оказались межевой камень с надписью по-гречески и по-славянски «Степан». Ф. Н. Глинка в письмах к П. И. Кёппену сообщал о своих археологических открытиях [15], которые последний частью опубликовал со своими комментариями [16].

Видный член Румянцевского кружка Александр Иванович Ермолаев (1779—1828), палеограф, археограф, собравший большую коллекцию русских монет, записал в альбом «отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» собственного перевода и пометил, что он «родился в городе Астрахани 22 июня 1779 г. [1, л. 25]. Эта запись уточняет дату

рождения ученого. Так, в его некрологе, напечатанном в «Северной пчеле», указывается другая дата — 20 июня 1780 г. [17. с. 3]. В историю отечественной науки А. И. Ермолаев вошел прежде всего как участник известного археолого-археографического путешествия по древнерусским городам (1809—1810 гг.), предпринятого им вместе с К. М. Бороздиным.

Деятель народного просвещения Василий Назарьевич Каразин (1773—1842) собирал материалы о древностях украинских губерний. Известно, что он собирал сведения о городищах и призывал к их раскопкам, коллекционировал античные монеты, сам занимался раскопками могильников [18, с. 584—590]. В альбоме он оставил цитату из своей «Речи о истинной и ложной любви к отечеству» и добавил: «Друзья, сетующие о том, что просвещение идет столь медленными стопами и, кажется, в настоящий век вспять возвращается! Успокойтесь! Сей священный огонь не угаснет» (Петербург, 3 января 1820 г.). Далее он сообщает биографические сведения: «...родился 1773 года генваря в 30 день, Слободско-Украинской губернии, нынешнего Богодуховского уезда в селе Кручике, принадлежащем его отцу, а ныне ему принадлежащем, вступил в службу в 1781-м, оставил оную в 1804-м. Содействовал к основанию Харьковского университета в 1802—1804, а к основанию Филотехнического общества в 1811 годах» [1, л. 22—22 об.].

Филолог-классик Федор Богданович (Христиан Фридрих) Грефе (1780—1851), академик, профессор Петербургского университета, был известен в кругах «любителей древности» как издатель ряда греческих надписей, найденных в Северном Причерноморье. В альбоме Кёппена он цитирует Демосфена: «Ведь тогда у всего наступает конец, когда это будет судьбе угодно, но сам выбор обнаруживает, насколько человек разумен» [2] (Петербург, апрель 1821 г.) [1, л. 76 об.].

5 мая 1821 г. Егор Егорович (Генрих Карл Ернст) Кёлер (1765—1838), академик Петербургской Академии наук по греческой и римской литературе и древностям, оставил в альбоме изречение Сенеки: «Никому так не сопутствует благоприятная судьба, чтобы он не нуждался в друге, и именно потому, что он ни в чем (другом) не нуждается» [3] [1, л. 70]. Е. Е. Кёлер был первым русским ученым, совершившим две экспедиции в Крым (1804, 1821 гг.) специально с целью изучения археологических памятников. Его работы были посвящены античным геммам, надписям, монетам, произведениям искусства, религиозной и экономической жизни древних городов Северного Причерноморья. Отличаясь исключительной эрудией, Кёлер в своих рецензиях на сочинения Кёппена [2] и Рауль-Рошетта [19] вскрыл допущенные ими неточности при описании античных памятников. Кёппен вступил в полемику и ответил специальной работой [3]. Критика Кёлера способствовала более строгому научному подходу к изучению древностей Южной России.

В июле 1821 г. П. И. Кёппен посетил Дерптский университет. Вот что он записал в путевом дневнике: «Более всего интересовал меня музеум древностей, который показывал мне г. проф. Моргенштерн. Дабы иметь время сличить сделанные им описания греческих монет с самими подлинниками, я принес с собою вывезенных мной из Южной России с 20 разных и непечатанных еще ольвийских и воспорийских надписей... Более всего заслуживают внимания те предметы, которые ввез с собою покойный Рихтер, молодой путешественник, скончавшийся в Смирне... Отец его... подарил университету полученные им рукописи, монеты, египетский деревянный гроб, несколько мумий и другие любопытные вещи. Собрание римских бронзовых медалей довольно значительно...» [20, л. 68, 68 об.]. Основателем и директором музея искусств при Дерптском университете был профессор классической литературы Карл Моргенштерн (1770—1852), который оставил 27 августа 1821 г. следующую запись (на англ. яз.): «Когда мы находим ключ жизни, он открывает могилу» [1, л. 72 об.].

---

[2] Перевод с древнегреческого А. Н. Анфертьева.

[3] Перевод с латинского Я. М. Боровского.

Горный инженер Григорий Иванович Спасский (1783—1864), историк, востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук, известный исследователь сибирских, а впоследствии и античных древностей, вписал в альбом слова: «Ничто не сближает так скоро людей, как одинакия занятия. Несколько минут утвердили наше знакомство. Расстаюсь с вами с сожалением и душевно желаю, чтобы разлука наша была непродолжительна[4]. Григорий Спасский, издатель Сибирского вестника. В С. Петербурге. 30 сентября 1821. В день моих именин и в 38 год жизни. Родился Рязанской губернии в городе Егорьевске» [1, л. 57]. Эта запись интересна тем, что сообщает место рождения ученого. К сожалению, Г. И. Спасский не указал точной даты рождения. По старому стилю именины имени Григорий приходились на 30 сентября, но день рождения и именины не обязательно совпадали. Теперь совершенно определенно можно утверждать, что Г. И. Спасский родился в конце сентября 1783 г. [21, с. 104]. Доступные нам биографии ученого вообще не указывают ни даты, ни места его рождения.

Историю некоторых записей русских археологов в альбоме можно проследить по подробной биографии П. И. Кёппена, составленной его сыном на основании дневников ученого, но, к сожалению, доведенной только до 1837 г. [22].

В 1819 г. по поручению Министерства внутренних дел П. И. Кёппен выехал на Белорусский тракт для ревизии почтовых станций до Крыма и Кавказа, воспользовавшись поездкой для осмотра древностей. Заехав в Псков, он познакомился с архиепископом Евгением Болховитиновым (1767—1837), известным историком, археографом, библиографом, основателем славяно-русской палеографии, вошедшим в историю отечественной археологии как инициатор раскопок Десятинной церкви (1824 г.), Золотых ворот (1832 г.) и других архитектурных памятников XI в. в Киеве. Об этом визите Е. А. Болховитинов сделал запись в альбом: «1819 г. мая 18 и 20 имел я честь видеть у себя почтенного Петра Ивановича Кёппена с сопутником его Иваном Андреевичем Гарижским» [1, л. 12]. Они беседовали о сочинениях Евгения и предстоящем путешествии П. И. Кёппена [22, с. 39, 40]. Встреча положила начало долголетнему плодотворному сотрудничеству и переписке двух ученых. Известно, что П. И. Кёппен, написав обширную статью «Ольвия, древний город на реке Буг» (1819—1820 гг.), попросил Е. А. Болховитинова высказать об этом исследовании свои замечания [23].

В Одессе в октябре-ноябре 1819 г. П. И. Кёппен встретился с известным исследователем античных памятников Северного Причерноморья Иваном Павловичем Бларамбергом (1772—1831), впоследствии ставшим первым директором Одесского (1825 г.) и Керченского (1826 г.) музеев древностей. Его автограф датирован 1 ноября 1819 г. Он переписал в альбом копию древнегреческой надписи, а далее пометил (на франц. яз.): «Недалеко от древней Ольвии». Кёппен ниже поясняет: «Жинеописание гн. Бларамберга я поместил в Энциклопедическом лексиконе» (Плюшара.— *И. Т.*) [1, л. 32; 24].

В 1821 г. по поручению графа Н. П. Румянцева П. И. Кёппен совершил путешествие по Неве, в Новую и Старую Ладогу, Тихвин и Новгород с целью сбора сведений об археологических памятниках. В первых числах июня, близ с. Успенского (Старой Ладоги) он осматривал раскопки курганов, которые вел Алексей Романович Томилов (1779—1848), ладожский уездный предводитель, археолог, коллекционер [6, с. 13]. «...г. Томилов показал мне монеты, найденные на границе его имения, во владении г. Бестужевых под мхом, которые важны потому, что служат доказательством значительной торговли, которую древние ладожане производили некогда с разными иноземными народами. Их всех найдено до 90 штук, из коих г. Томилов отобрал для себя чистейшие. Я получил две монеты, а с прочих г. Томилов обещался прислать мне слепки» [20, л. 16, 16 об.]. А. Р. Томилов оставил в альбоме такую запись: «Хотя только пред отъез-

[4] Г. И. Спасский имеет в виду предстоящее путешествие Кёппена за границу.

дом в чужие края Петра Ивановича Кёппена приобрел я приятнейшее для меня знакомство его, но с удовольствием пользуюсь предложенным мне листком, надеясь, что по возвращении его в Отечество эта строка напомнит о искренном к нему уважении А. Томилова, который родился в С. Петербурге 1779-го года сентября 15-го дня» [1, л. 37].

С 8 по 13 июня 1821 г. П. И. Кёппен внимательно обследовал церкви, монастыри и другие памятники Новгорода [22, с. 46]. Сопровождал его Адам Чарноцкий (1784—1825), более известный в те годы под псевдонимом Зориан Доленга-Ходаковский. Сын мелкого польского шляхтича, волею судьбы оказавшийся вдали от родины, А. Чарноцкий находился в поездке (1820—1821 гг.) по северу России с целью сбора материалов для общей карты славянских городищ, в которых он видел руины языческих святилищ. 11 июня 1821 г. П. И. Кёппен записал в дневнике: «...г. Ходаковский занялся раскапыванием... так называемой Гостомысловой могилы, которую раскапывал он уже в прошедшую осень. Разрывши ее до основания, находит, что земля тут нетронута и вершка 2 с небольшим чернозему, а под оным песок, как и вся вообще здешняя почва. г. Ходаковский в насыпи сей нашел только 2 челюсти лошадиные, две таковые же собачьи, головку птичью и несколько других костей» [20, л. 34—34 об.]. Приводим в переводе с польского запись З. Я. Ходаковского в альбоме: «Путешественник от Вислы имел удовольствие видеться с П. Кёппеном в Великом Новгороде и в память о своей Отчизне более, нежели о себе, оставляет ему стихотворение Красицкого:

Любить страну родную! Только тот,
Кто духом чист, имеет это право;
Любая не страшна ему отрава,
Лишь был бы ей вовек неведом гнет,
Ничем ее не омрачалась слава.
За честь ее готов он и страдать,
За счастье Родины — и жизнь отдать! [5]

На Ярославовом подворье близ ц. св. Николая. 10 июня 1821 г. Зориан Доленга-Ходаковский. Родился я в Комове Хелмской земли 1784 года 24-го декабря» [1, л. 55]. Далее помета П. И. Кёппена: «умер ... ноября 1825 г. Тверской губернии в селе Петровском — верстах в 10 или 12 от Твери по Вологодской дороге»; затем он делает ссылку на биографию Ходаковского, написанную им для «Библиографических листов» [26], а еще ниже, много лет спустя, добавляет: «В Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду 1840 № 91 на с. 2082 напечатана статья о Ходаковском, в коей сказано, что настоящее имя его Адам Чарноцкий». Таким образом, Ходаковский в альбоме П. И. Кёппена указал не подлинные сведения о дате и месте своего рождения, а в соответствии с фальшивой автобиографией [13, с. 64, 65]. П. И. Кёппен очень внимательно относился к деятельности Ходаковского, изучал материалы его путешествия по России. Среди бумаг Кёппена хранятся копии писем и донесений Ходаковского к А. Н. Голицину, мнения о трудах Ходаковского Н. М. Карамзина и Н. И. Фуса [27]. Хотя Кёппен, путешествуя по Южной России, и не обнаружил славянских городищ, которые указывал Ходаковский, он не отрицал научных заслуг последнего и призывал изучать «драгоценные материалы» польского ученого-путешественника.

Перед отъездом за границу П. И. Кёппен решил осмотреть древнерусские памятники Москвы и Киева, зная, что зарубежных ученых-славистов заинтересует информация о них. В Москве он познакомился с П. М. Строевым, К. Ф. Калайдовичем и А. Ф. Малиновским. Павел Михайлович Строев (1796—1876), историк и археограф, оставил в альбоме пожелание: «Не забудте на берегах Тага Московских антикваріев!» (6 ноября 1821 г.) [1, л. 42]. К. Ф. Калайдович устроил ему несколько археологических экскурсий по Москве, а А. Ф. Малиновский позволил

[5] Перевод А. Арго героико-комической поэмы-эпопеи «Мышеида» [25, с. 117].

П. И. Кёппену пользоваться подлинными грамотами Московского главного архива министерства иностранных дел [22, с. 55]. Константин Федорович Калайдович (1792—1832), историк, археолог, археограф, фольклорист, 6 ноября 1821 г. записал в альбом материалы «Из разысканий об Иоанне экзархе Болгарском» [1, л. 19, 19 об.]. К. Ф. Калайдович много путешествовал, собирал сведения о городищах, приобретал для Н. П. Румянцева древнерусские вещи (гривны, змеевики, кресты, образа, монеты и т. п.). Его перу принадлежат «Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии...» (1823 г.), в которых он трактует об известном кладе из Старой Рязани 1822 г. и приходит к выводу, что городища — остатки древних укрепленных поселений. А. Ф. Малиновский (1762—1840), историк, археограф, член-учредитель и председатель Общества истории и древностей российских, автор описания Оружейной палаты, также оставил запись в альбоме П. И. Кёппена, где рассуждает о связях Древней Руси с Византией (13 ноября 1821 г.) [1, л. 17].

В Киеве Кёппен пробыл две недели, «усердно посещая... многочисленные... достопримечательности этой древнейшей русской столицы» [22, с. 56]. 30 декабря 1821 г. в альбоме оставил запись преподаватель истории и географии в местных гимназиях, автор нескольких историко-географических и археологических исследований Максим Федорович Берлинский (1764—1848): «Щастие послужило мне впервые увидеться на Клове (месте известном по летописи в Киеве в XI веке) с почтеннейшим любителем учености Петром Ивановичем Кёппеном; здесь будучи, в память незабвенной моей к нему признательности в сем альбоме его подписуется Максим Берлинский» [1, л. 81 об.].

С исследователем античных памятников Северного Причерноморья офицером Иваном Алексеевичем Стемпковским (1789—1832) П. И. Кёппен познакомился в Вене 29 сентября 1822 г. И. А. Стемпковский подарил Кёппену труды И. П. Бларамберга и свои собственные сочинения о нумизматических находках в Ольвии и Пантикапее. «Он рассматривал мои монеты и просил издать из оных пять новых — воспорийских и фанагорийских... Взамен за сообщенные мне г-м Стемпковским книги я дал ему последний экземпляр (чистый) плана Ольвии, напечатанного мною для графа Кушелева-Безбородко» [28; 29, л. 131 об.]. П. И. Кёппен пишет в дневнике, что он обсудил с ним свою рецензию на книгу Рауль-Рошетта «Греческие древности Боспора Киммерийского» и сделал выписки из «каталога монетам г-на Стемпковского». Приводим полностью запись И. А. Стемпковского в альбоме.

«Памятники древности, до какой бы страны, до какого бы народа они ни касались, должны быть занимательны для образованного человека. Потеря большой части исторических источников соделывает для нас остатки оных тем драгоценнее. Подобно мореплавателю, который, потеряв корабль свой в волнах Океана, дорожит каждым обломком, бурею к берегу принесенным, мы должны тщательно собирать и хранить каждый отрывок древних рукописей, надписей на камнях, каждую медаль, каждый обломок статуй, барельефов: самая незначущая вещь может иногда объяснить древние предания и разогнать мрак, их покрывающий.

Но из всех памятников должны наипаче привлекать внимание наше те, кои принадлежат к истории стран, Отечество наше составляющих. Россия заключает в себе многие области, коих летописи восходят до времен глубочайшей древности, до времен баснословных Греции. Изыскания относительно сих отдаленных веков представляют обширное и мало обработанное поле для тех, кои любят переноситься духом во времена протекшие... Вена, 4/16 октября 1822. И. Стемпковской. Исполняя желание любезного хранителя сих листков, присоединяю время и место моего рождения: 14 июня 1788 года, в с. Никольском на Волге близ Царицына, в Саратовской губернии. Пусть строки сии напоминают иногда обо мне просвещенному моему соотечественнику» [1, л. 31 об.].

Мысли, высказанные здесь И. А. Стемпковским, являются программными для русской исторической науки первых десятилетий XIX в. Ученый

не случайно подчеркивает важность именно археологических источников для реконструкции исторического прошлого. Он формулирует задачи археологии в России — собирать, хранить, изучать памятники древности всех концов родной земли. В 1823 г. И. А. Стемпковский подал Новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову записку [30] с формулировкой новых требований к археологическим поискам, в которой отмечал необходимость «изысканий в развалинах и гробницах», сбора, учета, охраны и обязательной паспортизации древностей, научного их описания, составления планов и чертежей «всех остатков древних зданий», создания музеев и ученого общества на Юге России. Он подчеркивал важность сопоставления археологических памятников с сообщениями древних авторов для решения вопросов исторической географии Северного Причерноморья. Этот документ явился выражением подлинно научного подхода к изучению археологических памятников, формировавшегося тогда в среде передовых слоев русского общества.

Запись И. А. Стемпковского ценна еще и тем, что сообщает точную дату и место его рождения. В биографии Стемпковского, написанной А. Б. Ашиком [31, с. 114], указаны другой год (1789, без числа и месяца) и место рождения (сельцо Рязановка Петровского у. Саратовской губ.). Эти неверные сведения перешли и в другие биографии ученого.

Итак, мы рассмотрели несколько записей археологов первой четверти XIX в. в альбоме П. И. Кёппена. Изучение отечественных древностей было делом самых разнообразных лиц — ученых, поэтов, писателей, издателей, преподавателей, помещиков, офицеров, представителей церкви. Всех их объединяла любовь к историческому прошлому своей родины, стремление собрать, сохранить, описать многочисленные памятники старины. В то время гуманитарные науки еще мало дифференцировались. Одни и те же люди объезжали древнерусские города и монастыри для сбора летописей, грамот, изучали архивы, собирали фольклор, коллекционировали монеты, фиксировали курганы и городища. Многие из них были членами Московского общества истории и древностей российских, поддерживали связи с Петербургской Академией наук или входили в неформальные объединения, такие как кружки Н. П. Румянцева и А. Н. Оленина.

Альбом П. И. Кёппена необходимо рассматривать как интереснейший документ по истории отечественной археологии. В публикуемых записях есть новые биографические данные о таких ученых, как А. И. Ермолаев, И. А. Стемпковский, Г. И. Спасский, А. Р. Томилов, З. Я. Ходаковский. Большинство записей так или иначе демонстрируют исторические пристрастия их авторов, а запись И. А. Стемпковского — своего рода кредо, программа работ по археологии для русских ученых того периода, под которой, вероятно, подписались бы все или почти все из перечисленных здесь лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР. Отд. поступл., № 10102.
2. *Köppen P.* Alterthümer am nordgestade des Pontus. Wien. 1823.
3. *Köppen P.* Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Wien, 1823.
4. *Кёппен П. И.* Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
5. *Кёппен П. И.* Список известнейшим курганам в России. СПб., 1837.
6. О курганах. Предварительное разыскание Петра Кёппена // ИТУАК. 1908. № 42.
7. Список курганов, составленный академиком П. И. Кёппеном // ИТУАК. 1908. № 42.
8. Ленинградское отделение Архива АН СССР. Ф. 30 — П. И. Кёппен.
9. *Уманов-Каплуновский В. В.* Старинные альбомы акад. Кёппена // Столица и усадьба. 1915. № 48.
10. *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979.
11. *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964.
12. *Потепалов С. Г.* Путешествие П. И. Кёппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963.
13. *Ровнякова Л. И.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963.

14. *Глинка Ф. Н.* Письма к другу. Ч. 2. СПб., 1816.
15. ЛО Архива АН СССР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 43.
16. О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кёппену // ЖМВД. 1836. Кн. 3.
17. Александр Иванович Ермолаев. Некрология // Северная пчела. 1828. 24 июля. № 88.
18. *Каразин В. Н* Сочинения, письма и бумаги. Харьков, 1910.
19. *Raoul-Rochette.* Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien. P., 1822.
20. ЛО Архива АН СССР. Ф. 30, оп. 1, д. 135.
21. Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М.: Наука, 1974.
22. *Кёппен Ф. П.* Биография П. И. Кёппена // Сб. ОРЯС. 1911. Т. 89. Прил. № 5.
23. *Мурзакевич Н. Н.* Митрополит Евгений и академик Кёппен // ЗООИД. 1872. Т. 8.
24. [Кёппен П. И.]. Бларамберг Иван Павлович // Энциклопедический лексикон. Т. 6. СПб., 1836.
25. *Красицкий И.* Избранные произведения. М., 1951.
26. [Кёппен П. И.]. З. Я. Ходаковский // Библиографические листы. № 38. 1826. 13 марта.
27. ЛО Архива АН СССР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 74.
28. [Кёппен П. И.]. План города Ольвии с окрестностями. 1821.
29. ЛО Архива АН СССР. Ф. 30. оп. 1. Д. 138.
30. *Стемпковский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. Кн. 81.
31. *Ашик А. Б.* Иван Алексеевич Стемпковский. Некролог // ЗООИД. 1863. Т. 5.

I. V. Tunkina

NOTES BY ARCHAEOLOGISTS IN THE ALBUM BELONGING TO P. I. KEPPEN

Summary

The album which belonged to Academician Peter Keppen (1793-1864) is now in the manuscript department of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), USSR AS.

Being trained as a jurist, Peter Keppen, Academician of the St. Petersburg Academy of Sciences, was known as a bibliographer, archaeographer, statistitian, historian, ethnographer and geographer.

He also made a great contribution into archaeology, asserting it as an independent discipline. His album is an interesting document on Russian archaeology. Some of the notes, mainly those made by I. Stempkovsky, are a programme of archaeological investigations in Russia. The notes by G. Spassky, I. Blaramberg, Z. Khodakovsky, and I. Stempkovsky cite new facts and dates of their lives.

Заметки

А. Н. СОРОКИН, А. С. ФРОЛОВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПЕНЁШКИ

Стоянка Пенёшки (Красное VIII) открыта в 1982 г. А. С. Смирновым [1, с. 86]. В том же году им и А. Н. Сорокиным были проведены раскопки этого памятника. Стоянка занимает возвышенность в северо-западной части дюнной гряды, расположенной в 2 км к югу от с. Красное Хвастовичского р-на Калужской обл. Гряда вытянута вдоль левого берега р. Рессета (правый приток р. Жиздра, впадающей в Оку) и имеет превышение над уровнем современной поймы 2—3 м. Юго-западная и сезеро-восточная оконечности дюны возвышаются небольшими всхолмлениями. Площадка, где находится памятник, ровная, слабо задернована, в нескольких местах незначительно развеивается. Памятник расположен в пределах Брянско-Жиздринского Полесья, в границах современного водораздела между Деснинским и Окским бассейнами, и относится к последнему. В целом плоский равнинный рельеф местности достаточно высок по своим абсолютным гипсометрическим отметкам (до 220 м над ур. м.). С севера и востока Брянско-Жиздринское Полесье окружено поднятием Среднерусской возвышенности, сложенной по поверхности известняками, содержащими в изобилии кремневую и кварцитовую гальку.

На стоянке было вскрыто 92 м² (раскоп площадью 78 м², шурф 3×3 и траншея 5×1 м). Раскоп, траншея и шурф дали идентичные стратиграфические разрезы, варьирующиеся лишь в мощности слоев на отдельных участках. Полученная стратиграфия отражает структуру почв дерново-подзолистого типа:

1) дерновый слой – 0–0,05 м;
2) поддерновый слой, черно-серый углистый слабогумусированный песок – 0,1–0,15 м;
3) серовато-белый песок – 0,2–0,4 м;
4) желтовато-белый плотный песок – 0,25–0,4;
5) плотный желтый песок со следами ожелезнения – материк.

Окраска и углистое содержание верхнего почвенного горизонта (слой 2) являются следствием пожара землянки времен Великой Отечественной войны, котлован которой примыкает с северо-запада к раскопу.

С поддерновым слоем и слоем серовато-белого песка связаны отдельные находки черепков гончарной керамики и керамики эпохи неолита и бронзы. Мезолитические находки приурочены к 3-му и 4-му слоям. Распространение их по всей площади памятника примерно одинаково, сколько-нибудь крупных скоплений не прослежено. Окраска культурного слоя в целом отсутствует, сохранились лишь отдельные пятна и ямы.

В квадратах 22, 23 с глубины 0,8 м прослеживалась яма 1, заполненная белым песком с включениями коричневого песка. Яма имеет в плане неправильную форму, в профиле – подтреугольную, глубина ее – 0,72 м. На дне обнаружен «клад», состоявший из 40 кремневых галек, 7 из которых имели следы первичной обработки. Очевидно, этот «клад» можно рассматривать как хранилище каменного сырья. В юго-восточном углу раскопа прослежена группа пятен. На стыке квадратов 52, 53, 64, 65 с глубины 0,78 м прослежена яма 2 подпрямоугольной формы размером 1,0×0,5 м при глубине 0,24 м. Она заполнена серовато-белым песком. Эта

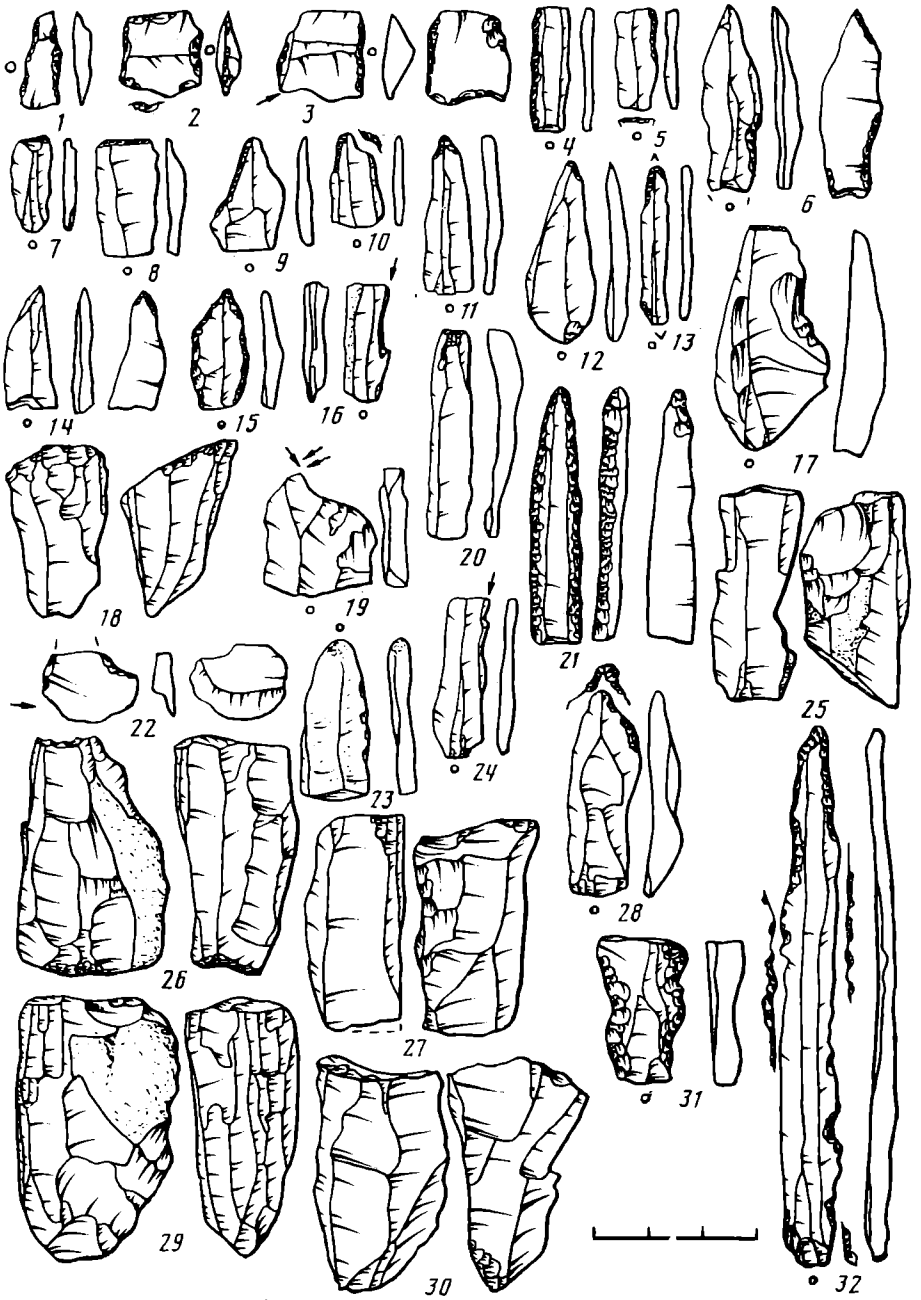


Рис. 1. Стоянка Пенёшки (Краспое VIII)

яма перерезала яму 3, заполненную коричневым и светло-коричневым песком. Форма ее неправильная, размер 1,6×1,1 м при максимальной заглубленности в материк 0,23 м. В заполнении обеих ям встречены многочисленные отщепы, пластины, отдельные орудия и комочки охры. Ямы 4—6 исследованы частично. Первые две прослежены в плане с глубины 0,65 до 1,04 м. Заполнение ям 4 и 5 — сероватый песок с золой и белый песок. Яма 6 прослежена с глубины 0,97 до 1,40 м. Заполнение ее — плотный рыжий песок. На уровне предматерика в юго-восточной части раскопа зафиксировано несколько охристых пятен различной конфигурации, как бы сползающих в южном направлении по склону древней дюны. В траншее зафиксирована часть еще одной ямы, размером 1×0,7 м, заполненной буро-коричневым и белым песком. Глубина ее — до 0.8 м.

Коллекция всех каменных предметов из раскопок насчитывает 5115 экз., в том числе 955 орудий со вторичной обработкой. Сырьем для их изготовления служил серо-черный меловой кремень хорошего качества.

К нуклевидным может быть отнесено 331 изделие, что составляет 6,5% комплекса. Собственно нуклеусов и их заготовок — 133 экз. (рис. 1, *18*, *25—27*, *29*, *30*). Среди них 1 заготовка нуклеуса с оформленной площадкой и ребром, 7 заготовок из «клада» с оформленными ударными площадками, 10 нуклевидных кусков, 12 двуплощадочных ядрищ призматических со скошенными ретушированными площадками, от пластин (рис. 1, *25—27*). Все остальные нуклеусы — одноплощадочные, подпризматической (51 экз.) или подконической (52 экз.) формы, от пластин и отщепов. Площадки всех скошены и часто подправлены ретушью, причем на 14 экз. площадки ретушированы подобно площадкам косоретушных резцов. Как правило, все имеющиеся нуклеусы сохраняют ребро с односторонней оббивкой. Поверхности скалывания узкие и никогда не охватывают всего тела нуклеуса. Размеры в основном мелкие. На примере рассматриваемой коллекции хорошо видна условность подразделения форм нуклеусов на подконическую и подпризматическую. В реальности они были взаимосвязаны, переходили одна в другую, и очертания нуклеусов отражают лишь конкретный момент окончания их утилизации. Расщепление ядрища представляет собой процесс, начало которого лежит в выборе подходящего сырья и оформлении пренуклеуса, если он требовался для производства желаемого снятия, через получение сколов (пластин и отщепов), формирующих собой очертания нуклеуса, к его выработанной форме, когда последующее расщепление не представлялось возможным по технологическим причинам. Естественно, этот процесс мог быть прерван на любой стадии, что находит археологическое выражение в наличии в коллекции промежуточных форм (от заготовки до выработанного нуклеуса). Их многообразие, таким образом, не является свидетельством неустойчивости техники расщепления, а лишь указывает на возможности сырьевой базы. Где она скудна, там нет, как правило, заготовок нуклеусов, нуклеусы единичны и имеют минимальный объем (например, карандашевидная форма), нуклеус часто переходит в стадию хаотичного раскалывания; чаще используются в качестве заготовок для орудий технологические сколы, специально не предназначенные для этого. И наоборот, где нет недостатка в сырье, там представлены все звенья процесса утилизации ядрищ и мал процент орудий.

Ребристых пластин при раскопках найдено 135 экз. Почти все они — с односторонней ретушью. Сколов ретуширования ударных площадок нуклеусов — 59 экз. Сколов переоформления ударных площадок нуклеусов — 4. Высокий процент продуктов первичного раскалывания говорит о том, что обработка сырья производилась непосредственно на самом памятнике. Это же подтверждает присутствие «клада» сырья. Число выработанных нуклеусов свидетельствует и об обширной сырьевой базе. Вероятно, кремневые желваки собирались неподалеку от памятника. Вместе с тем привлекает внимание малочисленность сколов подправки по сравнению с количеством нуклеусов. Это обстоятельство объясняется тем, что с большинства ядрищ скалывались отщепы, т. е. не всегда требовалась специальная подработка, необходимая при изготовлении пластин.

К орудиям труда, связанным с первичной обработкой, принадлежат отбойники. В коллекции Пенёшек к ним могут быть отнесены нуклевидный кусок и 2 осколка — первичная пластина и галечный отщеп со следами звездчатой забитости.

Ножевидных пластин 920 экз., среди них преобладают нерегулярные (68%). Остальные 2873 предмета в коллекции — отщепы. Размеры заготовок преимущественно средние и крупные.

При изготовлении орудий в качестве заготовок чаще всего использовались отщепы, на них выполнено более 70% всех предметов со вторичной обработкой. Низкий уровень пластинчатости и характер огранки пластин сближает стоянку Пенёшки с памятниками иеневской культуры Волго-Окского междуречья [2, с. 83], памятниками типа Песочного Рва бассейна Десны [3, с. 165] и таценки-кудлаевской культурой Киевского Полесья [4].

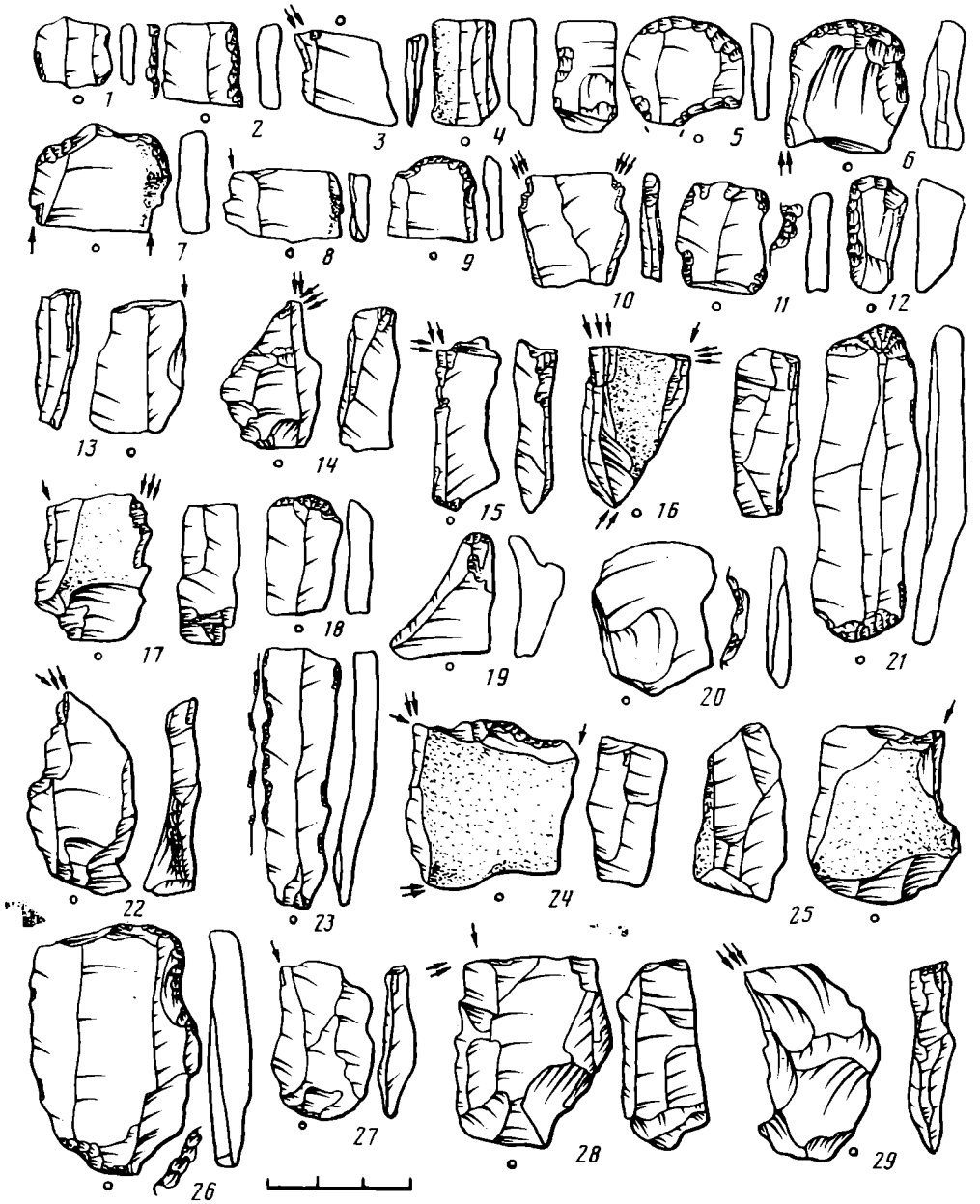


Рис. 2. Стоянка Пенёшки

Среди изделий со вторичной обработкой преобладают, но незначительно, резцы (рис. 1, *16, 19, 24*; рис. 2, *3, 8, 10, 13—17, 22, 24, 25, 27—29*). Из 161 орудия изготовлено на пластинах всего 21. Внутри категории резцов доминируют орудия на сломе или естественном окончании заготовки (с неподработанной площадкой скола) — их 118 экз., в том числе 9 двойных и 19 многофасеточных нуклевидных. Резцов с усеченной резцовым сколом площадкой 30 экз. (2 изготовлены на пластинах), причем 18 — грубые нуклевидные многофасеточные. Резцов с ретушированной площадкой скола 12 экз., в их числе поперечный, 2 двойных и тройной резцы. Единственным комбинированным орудием является резец на естественном окончании отщепа, нанесенный на резец с резцовой площадкой скола. Таким образом, на памятнике представлены три основных типа резцов, а особенностью их является присутствие нуклевидных форм. Резцовых сколов всего 64 экз.

Скребков найдено 153 экз. (рис. 2, *9, 12, 18, 19, 21*; 3, *1—14, 17*), из них на пластинах изготовлено всего 38 орудий. Наибольшую группу составляют концевые скребки (91), в том числе на пластинах выполнены 33, 2 из которых подработаны по краям пологой приостряющей ретушью.

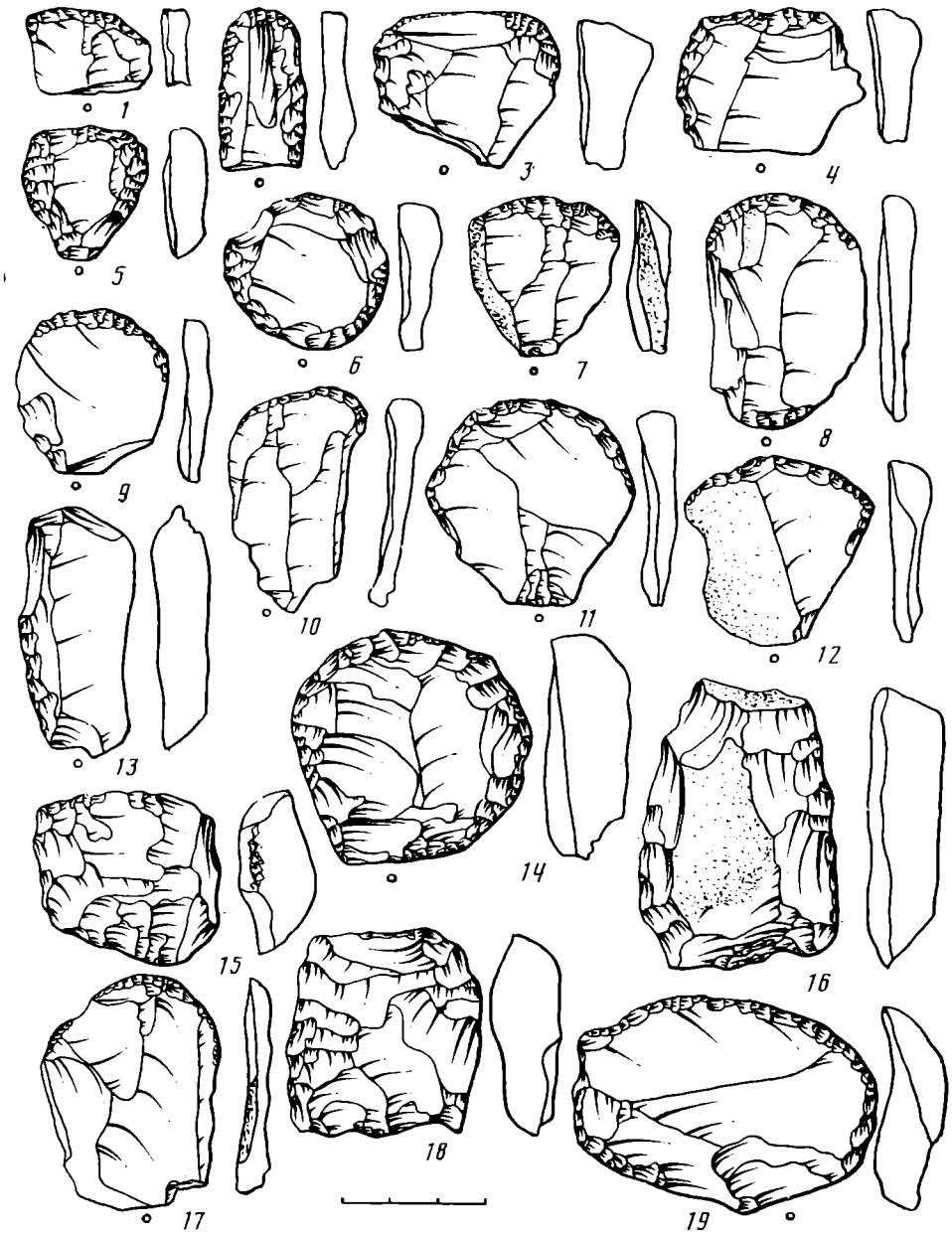


Рис. 3. Стоянка Пенёшки

Другие типы представлены 18 подокруглыми, 2 округлыми, 14 скошенными (на пластинах 2), 8 двойными (2 из них на пластинах), 10 боковыми (3 на пластинах), в их числе 1 двойной, с ретушью на брюшке и по 2 нерегулярных — концевых-боковых и угловых. Помимо этого, в коллекцию входят 2 скребла подовальной формы (рис. 3, *19*).

Разнообразие вариантов скребков и преобладание форм на отщепах также сближают Пенёшки с кругом культур, где прослеживается аренсбургская традиция,— это деснинская культура, посожская группа памятников, пеневская культура.

Скобелей 11 экз., 1 из них на пластине, 7 с мелкой дугообразной выемкой (рис. 2, *20*), 2 с выемкой узкой и глубокой. Последние 2 скобеля многовыемчатые, с широкими и узкими мелкими дугообразными выемками (рис. 1, *31*).

Вкладышей 43 экз. (рис. 2, *1*, *2*, *4*, *11*). Все они представлены фрагментами крупных пластин с заломами на углах и краевой приостряющей или затупливающей ретушью. Объединение этих орудий в группу вкладышей скорее традиционное — по характеру их сработанности, тогда как

размеры допускают их использование в качестве орудий без оправы. Присутствие вкладышей из фрагментов пластин, вероятно, не является культурноопределяющим признаком в силу технологической обусловленности получения этого рода заготовок.

В коллекции 20 пластин с поперечно затупленным крутой ретушью концом (рис. 1, *8*, *17*). Одна пластина ретуширована с брюшка, все остальные — со спинки. Есть две микропластинки с поперечно срезанным ретушью концом (рис. 1, *20*). К этой же группе изделий примыкает один отщеп с затупленным мелкой крутой ретушью концом. Кроме того, найдено 77 пластин и их фрагментов со следами сработанности, 8 пластин с нерегулярной приостряющей ретушью и 2 с нерегулярной затупливающей. Пилок — пластин с нерегулярной зубчатой ретушью 10 экз. Микропластин с затупленным ретушью краем и основанием две (рис. 1, *4*, *5*). В Окском бассейне эта форма встречается на стоянках позднего этапа бутовской культуры, таких, как Петрушино, Микулино [5], Задне-Пилево 1, Борисово и др. Микролиты с затупленным краем и основанием встречены также в позднем мезолите Литвы [6, с. 133—152].

Косых острий в коллекции 32 (рис. 1, *7*, *12*, *13*). Из них на отщепах выполнено 4. На 31 орудии концы обработаны мелкой крутой ретушью со спинки и лишь в одном случае с брюшка. Скошенный конец одной пластины ретуширован в виде выемки (рис. 1, *9*). Симметричных острий — 5, все на пластинах. Одно обработано регулярной крутой краевой ретушью со спинки и плоской с брюшка на острие (рис. 1, *21*), два других — крутой краевой со спинки на острие и мелкой приостряющей или зубчатой ретушью по краям с брюшка (рис. 1, *32*). Четвертое орудие обработано по всему периметру полукрутой краевой ретушью со спинки (рис. 1, *15*), и последнее, пятое — исключительно по острию с брюшка, мелкой полукрутой ретушью (рис. 1, *14*).

Перфораторов в коллекции 10 (3 на пластинах), из них 6 разверток с массивным рабочим концом (рис. 1, *23*) и 4 сверла. Концы двух из них не выделены (рис. 1, *11*), третьего и четвертого — выделены лишь по одному из краев (рис. 1, *10*, *28*).

Найден всего один наконечник стрелы на неправильной пластине с намечающимся черешком. Насад обработан крутой ретушью по одному из краев с брюшка, а по другому краю перемежающейся ретушью. Перо подправлено с брюшка мелкой краевой ретушью (рис. 1, *6*). Наконечник стрелы напоминает один из вариантов аренсбургских наконечников, отличаясь от последних большей небрежностью в обработке. Сходные наконечники бытуют в позднем мезолите. Они выделяются В. Ф. Копытиным в мезолите Посожья на стоянках Коромка, Горки, Гренск и некоторых других [7, с. 60—66], никогда, впрочем, не образуя серий. В Волго-Окском бассейне подобное изделие встречено на стоянке Красное I, расположенной в 1 км от нашей стоянки.

Найдено три высоких трапеции, изготовленные на пластинах. Две оформлены по торцам противолежащей крутой ретушью, на верхнем и нижнем основании обеих заметны следы использования в качестве вкладышей (рис. 1, *2*, *3*), третья обработана только по спинке (рис. 1, *1*). Кроме того, два фрагментированных изделия, ретушированные по основанию заготовки, могли являться трапециями. Широкое распространение высоких трапеций относится ко времени не ранее 6000 лет до н. э. [8, с. 188]. Их появление служит довольно четким хронологическим показателем.

Рубящих орудий — 16 экз. (рис. 3, *15*, *16*, *28*), 5 изготовлены на отщепах, остальные — из галек. Шесть орудий — тесла подпрямоугольной и подовальной формы, три из них имеют четко выраженный желобок на лезвийной части. Одно тесло — с полуперехватом, пять представляют собой долотовидные изделия. Кроме того, сюда включены одна заготовка и три обломка обушковых частей.

Комбинированных орудий 12 (2 на пластинах). Среди них восемь скребков-резцов, резец — косое острие на отщепе, два скребка-сверла и скребок — скобель-сверло, жальце которого обломано (рис. 2, *5—7*).

Среди единичных вещей заслуживает внимания скол подправки, образовавшийся в результате усечения в резцовой технике лезвия какого-то орудия, вероятно сверла (рис. 1, *22*), а также пластина, частично обработанная со спинки контрударной встречной ретушью.

Остальные изделия со вторичной обработкой представлены сколами подправки лезвий орудий (15 экз.) — преимущественно это лезвия скребков, обломками орудий (13 экз.), причем четыре происходят, вероятно, от рубящих форм и два от скребков; остальные обломки неопределимы. Дополняют коллекцию 292 отщепа с ретушью.

Найденные в шурфе абразивная плитка, два отщепа кремневых шлифованных орудий, а также восемь фрагментов лепной керамики позднеолитического времени и эпохи бронзы, видимо, попали сюда случайно. Скорее всего, они принесены с соседней стоянки Красное VII, находящейся в 70 м к юго-западу, на площадке дюны.

Вся сумма признаков: характер и размеры заготовок, типы рубящих орудий, скребков и резцов, присутствие высоких трапеций и микролитов с затупленным краем и основанием, неразвитость вкладышевой техники — говорит о позднем, в пределах мезолита, возрасте рассматриваемых материалов.

От бутовской культуры указанный памятник, несмотря на присутствие микролитов с затупленным краем и основанием, трапеций и т. д., отличают отщеповый характер индустрии, размеры заготовок, значительный процент скребков и их форм, тип наконечника; от памятников с янисла́вицкими чертами — большее количество пластин, размеры заготовок и, главное, отсутствие микрорезцов и микрорезцовых острий. С иеневской и деснинской культурами Пенёшки (Красное VIII) сближают лишь общая для них макролитоидность, формы скребков и некоторых других изделий.

Резко отличны материалы стоянки Пенёшки и от других мезолитических стоянок бассейна р. Рессеты — Красной 1 «Васи», Красной III, Рессеты 2 и Рессеты 3, дающих микролитические комплексы орудий, трапециевидные или микрорезцовые острия.

Таким образом, несмотря на некоторые черты сходства с памятниками позднего мезолита соседних территорий, неизвестно ни одного пункта, который бы являлся аналогом стоянки Пенёшки (Красное VIII). Все это позволяет выделить ее в особый, самостоятельный тип памятника, связанный с развитием аренсбургской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Исследования памятников эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Оки // АО-1982. М., 1984.
2. *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволожья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
3. *Телегин Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Київ: Наук. думка, 1982.
4. *Зализняк Л. Л.* Мезолит Юго-Восточного Полесья. Киев: Наук. думка, 1984.
5. *Сорокин А. Н.* Мезолит Великих Мещерских озер // СА. 1984. № 1.
6. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
7. *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. 1977. Вып. 149.
8. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Юго-Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.

Е. П. МЫСЬКОВ

НОВЫЕ ПОЛТАВКИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

К настоящему времени в Нижнем Поволжье исследовано большое количество погребальных памятников полтавкинской культуры. Многие из них уже опубликованы, однако некоторые интересные комплексы до сих пор не введены в научный оборот. Предлагаемая публикация посвящена

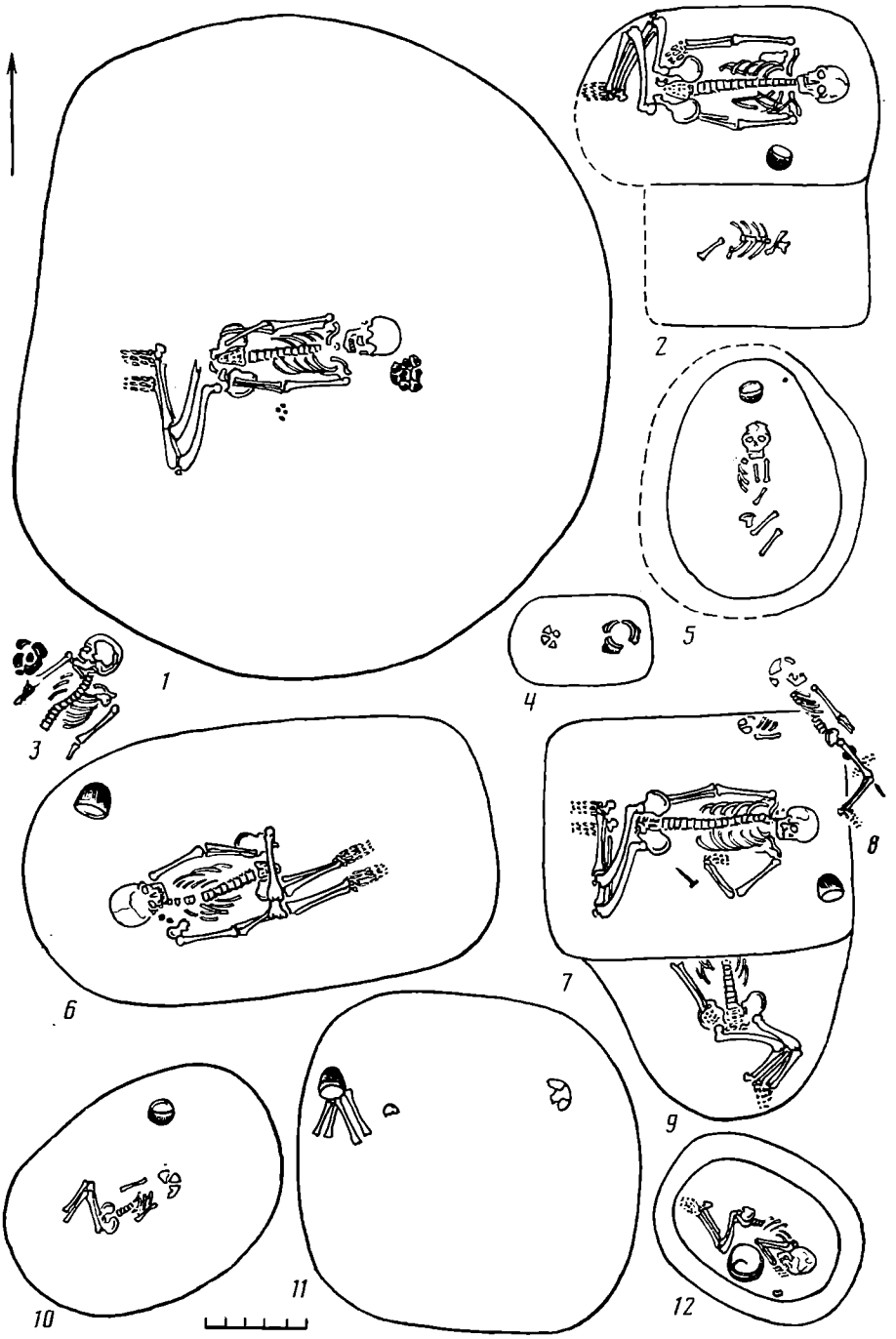


Рис. 1. *1* – Красная Деревня, кург. 15, погр. 10; *2* – Котлубань VIII, кург. 1, погр. 7; *3* – Волжский кург. 2, погр. 17; *4* – Варламов, кург. 2, погр. 10; *5* – Челюскинец, кург. 5, погр. 3; *6* – Эльтон, кург. 7, погр. 1; *7* – Волжский, кург. 2, погр. 19; *8* – Волжский, кург. 2, погр. 15; *9* – Волжский, кург. 2, погр. *18*; *10* – Первомайский, погр. 5; *11* – Красная Деревня, кург. 13, погр. 1; *12* – Волжский, кург. 2, погр. 10

полтавкинским погребениям, исследованным в разные годы экспедицией Волгоградского пединститута в курганных могильниках Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья [1].

Полтавкинские погребения Волгоградского Заволжья.

Могильник Эльтон, Палласовский р-н, северный берег соленого оз. Эльтон.

Курган 7. Диаметр насыпи 16, высота 0,4 м. Курган был сооружен над полтавкинским погребением (1), расположенным в центре на-

[1] Выражаем благодарность В. И. Мамонтову и А. В. Лукашову за разрешение использовать материалы их раскопок.

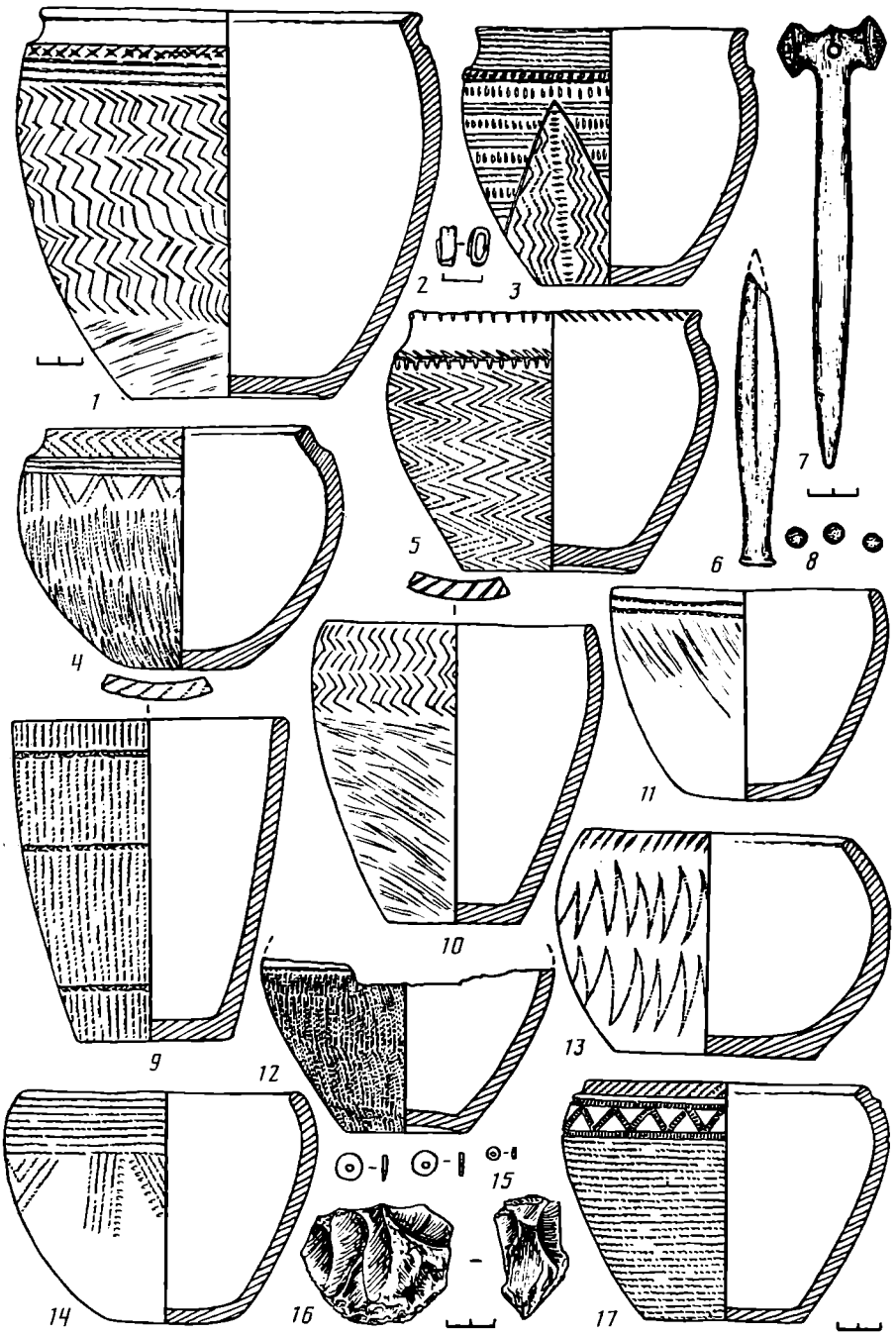


Рис. 2. *1* – Эльтон, кург. 7, погр. 1; *2*, *13* – Челюскинец, кург. 5, погр. 3; *3*, *7*, *8* – Волжский, кург. 2, погр. 19; *4* – Волжский, кург. 2, погр. 17; *5* – Волжский, кург. 2, погр. 10; *6*, *15*, *16* – Волжский, кург. 2, погр. 15; *9* – Красная Деревня, кург. 13, погр. 1; *10* – Красная Деревня, кург. 15, погр. 10; *11* – Котлубань VIII, кург. 1, погр. 7; *12* – Варламов, кург. 2, погр. 10, *14* – Первомайский, погр. 5; *17* – Варламов, кург. 1, погр. 9

сыпи. Погребение (рис. 1, *6*) совершено в могильной яме овальной формы, ориентированной по линии запад — восток с незначительным отклонением от основной оси. Длина ямы 2,15, ширина 1,2, глубина от погребенной почвы 1,3 м. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, в положении на спине, головой на запад — юго-запад. Ноги, согнутые в коленях, сохранили свое первоначальное положение («коленями вверх»), кисти рук лежали на тазовых костях. У правого плеча погребенного — два больших куска охры. У северной стенки ямы стоял лепной горшок на невысоком поддоне, украшенный орнаментом, нанесенным штампом с редкими зубцами. Нижняя часть сосуда покрыта косыми бороздами по-

лосчатого сглаживания. Глина в изломе черная, с примесью шамота. Высота сосуда 18,5 см (рис. 2, *1*).

Могильник Красная Деревня, Палласовский р-н, западный берег оз. Эльтон.

Курган 13. Диаметр насыпи 17,5, высота 0,3 м. Курган был сооружен над полтавкинским погребением (1), расположенным в центре насыпи. Погребение (рис. 1, *11*) совершено в могильной яме подквадратной формы, с сильно скругленными углами. Размеры ямы 1,5×1,6 м, глубина от уровня погребенной почвы 1,1 м. На дне ямы лежал плохо сохранившийся скелет взрослого человека, на спине, головой на восток. Ноги, согнутые, «коленями вверх», сохранили свое первоначальное положение. У ног погребенного стоял плоскодонный лепной сосуд баночной формы, наружная поверхность и срез венчика которого сплошь орнаментированы зубчатым штампом. Поверхность сосуда ровно сглажена, глина с обильной примесью крупнодробленой ракушки. Высота сосуда 17 см (рис. 2, *9*).

Курган 15. Овальная насыпь, длиной 32, шириной 25, высотой 1,1 м, вытянута по линии север — юг. Курган был сооружен над полтавкинским погребением (10), расположенным в центральной части насыпи. Погребение (рис. 1, *1*) совершено в большой округлой могильной яме диаметром 2,6 м и глубиной 2,7 м от уровня погребенной почвы. В заполнении ямы часто встречались куски дерева от рухнувшего бревенчатого перекрытия. На дне ее, на древесной подстилке, лежал скелет взрослого человека, на спине, головой на восток, согнутые ноги погребенного первоначально стояли коленями вверх, но позже завалились на левую сторону. У локтя левой руки найдено несколько кусочков охры. У левого виска — лепной плоскодонный сосуд баночной формы, орнаментированный в верхней части елочным узором, нанесенным гладким штампом. Поверхность сосуда покрыта косыми бороздами полосчатого сглаживания. Глина в изломе черная, без заметных примесей. Высота сосуда 16 см (рис. 2, *10*).

Курганная группа в г. Волжском располагалась у северной окраины города, на левом берегу р. Ахтубы.

Курган 2. Овальная насыпь, длиной 52, шириной 26 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Высота ее 2,1 м. Курган сооружен над погребением ямной культуры. Все полтавкинские погребения были впущены в готовую насыпь.

Погребение 10 (рис. 1, *12*) обнаружено в 12 м к западу от центра кургана. Могильная яма, овальной формы, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Длина ее 1,25, ширина 0,95, глубина от современной поверхности насыпи 2,2 м. По всему периметру ямы прослежена ступенька шириной до 0,2 м на высоте 0,15 м от дна могилы. В заполнении ямы встречены небольшие кусочки дерева от перекрытия, лежавшего на ступеньке. На дне ямы расчищен скелет ребенка 2 лет, в положении на левом боку, скорченно, головой на юго-восток. Ноги погребенного были согнуты под прямым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом. Перед погребением стоял лепной сосуд с вогнутым дном, орнаментированный елочным узором, нанесенным зубчатым штампом и короткими насечками, от пересечения которых на плечиках сосуда образовался невысокий рельефный валик. Сосуд изготовлен из черной в изломе глины, без видимых примесей. Высота сосуда 12 см (рис. 2, *5*), он был заполнен землей, перемешанной с охрой. Перед лицом погребенного лежал альчик барана.

Погребение 15 (рис. 1, *8*) находилось на расстоянии 11,2 м к северо-востоку от центра кургана, в насыпи, на глубине 1,5 м от современной поверхности. Скелет ребенка 5—7 лет лежал на левом боку, головой на северо-запад. Ноги погребенного согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища. Над скелетом прослежены остатки деревянного перекрытия. Костяк лежал на органической подстилке белого цвета, густо посыпанной охрой, поэтому кости скелета имеют ярко-красный цвет. У бедренных костей собраны бусины (11 шт), изготовленные из створок раковин, диаметром от 0,4 до 0,8 см (рис. 2, *15*). У коленных суставов найден нако-

нечник стрелы из расколотой трубчатой кости животного. Длина наконечника 9 см (рис. 2, *6*). Под бедренными костями лежал небольшой кварцитовый скребок (рис. 2, *16*).

Погребение 17 (рис. 1, *3*) находилось на расстоянии 13,6 м к северо-западу от центра кургана, в слое погребенной почвы, на глубине 1,7 м от современной поверхности. Погребение частично разрушено, сохранилась лишь верхняя часть скелета женщины 25—30 лет. Судя по положению сохранившихся костей, она лежала на спине, головой на северо-восток, с вытянутыми вдоль туловища руками. Под черепом и поясничными позвонками отмечена охра. Левая височная кость покрыта зеленой патиной от полностью разложившегося бронзового предмета. У правой плечевой кости найдены фрагменты лепного сосуда с уплощенным дном, орнаментированного отпечатками зубчатого штампа, шнура и «шагающей гребенкой». Поверхность сосуда ровно заглажена, глина в изломе черная, без заметных примесей. Высота сосуда 11 см (рис. 2, *4*). Дно ямы под сосудом посыпано охрой.

Погребение 18 (рис. 1, *9*) находилось на расстоянии 10,5 м к северо-западу от центра кургана. Захоронение было разрушено при сооружении могильной ямы погр. 19. Сохранилась лишь южная часть могилы овальной формы, ориентированной по линии север — юг. Длина сохранившейся части ямы 0,9, ширина 1,3, глубина от современной поверхности насыпи 2,4. На дне ямы сохранилась нижняя часть скелета взрослого человека. Судя по положению сохранившихся костей, погребенный лежал на спине, головой на север. Согнутые ноги сохранили свое первоначальное положение «коленями вверх», кисть правой руки лежала на правом крыле таза. Кости скелета окрашены охрой. Дно могилы под тазом и у восточной стенки было посыпано охрой.

Погребение 19 (рис. 1, *7*) находилось рядом с погр. 18, под погр. 15. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии запад — восток. Длина ее 1,6, ширина 1,3, глубина от современной поверхности насыпи 2,75 м. В заполнении ямы встречались остатки обвалившегося деревянного перекрытия, угольки и фрагменты желобчатого бронзового браслета. У северной стенки, в заполнении ямы, обнаружены окрашенные охрой фрагменты черепа и ребра грудного ребенка. На дне могилы лежал скелет мужчины 22—25 лет, на спине, головой на восток. Ноги погребенного, согнутые в коленях, завалились на левую сторону. Левая рука согнута в локте, кисть ее в неестественно вывернутом положении лежала у груди. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть ее находилась под правым крылом таза. На дне ямы сохранились остатки органической подстилки, которая в области черепа, стоп и локтя левой руки была посыпана охрой. В юго-восточном углу ямы стоял плоскодонный лепной сосуд с узким налепным валиком, расчлененным короткими насечками. Вся поверхность сосуда покрыта орнаментом, нанесенным зубчатым штампом и концом острого предмета. Поверхность сосуда ровно сглажена, глина в изломе серая с примесью измельченных раковин. Высота сосуда 12 см (рис. 2, *3*). У предплечья левой руки погребенного лежала роговая молоточковидная булавка, длиной 16 см (рис. 2, *7*). В области шейных позвонков найдены три округлые бронзовые бусины диаметром 0,5 см (рис. 2, *8*).

Полтавкинские погребения Волго-Донского междуречья.

Курганная группа у хут. Варламов, Городищенский р-н, левый берег р. Сухой Каркаган.

Курган 1. Диаметр насыпи 32, высота 1 м. Курган был сооружен над погребением ямной культуры. Полтавкинское погребение (9) — впускное. Погребение находилось в 2 м к югу от центра насыпи. Могильная яма овальной формы ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Длина ее 2,3, ширина 1,6, глубина 1,7 м от современной поверхности насыпи. Захоронение полностью разрушено. В заполнении могильной ямы встречались кости взрослого человека и черепки плоскодонного лепного глиняного сосуда, который удалось реставрировать. Поверхность сосуда сплошь орнаментирована отпечатками зубчатого штам-

па. Сосуд изготовлен из серой в изломе глины, с обильной примесью измельченных раковин. Высота сосуда 10,5 см (рис. 2, *17*).

Курган 2. Диаметр насыпи 27, высота 0,8 м. Курган был сооружен над погребением ямной культуры. Полтавкинское погребение (10) — впускное. Погребение (рис. 1, *4*) находилось в 7 м к юго — юго-востоку от центра кургана. Могильная яма, прямоугольной формы со скругленными углами, была ориентирована по линии запад — восток. Длина ее 0,7, ширина 0,45, глубина от современной поверхности насыпи 1,25 м. В западной части ямы сохранились фрагменты черепа ребенка. У восточной стенки ямы лежали фрагменты придонной части лепного сосуда с выпуклыми боками и вогнутым дном. Поверхность сосуда украшена орнаментом в виде кругового оттиска «ложной веревочки» и густыми полосами «шагающей гребенки». Глина, из которой изготовлен сосуд, черная в изломе, с небольшой примесью белой крошки. Высота сохранившейся части сосуда 8 см (рис. 2, *12*).

Курганная группа Котлубань VIII находилась в Городищенском р-не, на берегу р. Сакарки, в 4 км к западу от пос. Котлубань.

Курган 1. Диаметр насыпи 12, высота 0,5 м. Курган был сооружен над погребением ямной культуры. Полтавкинское погребение (7) — впускное, обнаружено в 1,2 м к западу от центра кургана (рис. 1, *2*). Могильная яма, очевидно, была подбойной. Свод подбоя обвалился, поэтому размеры его установить не удалось. Западная часть могилы была срезана при устройстве сарматского захоронения. Входная яма прямоугольной формы ориентирована по линии запад — восток. Ширина ее 0,7, глубина от современной поверхности насыпи 1,2 м. Подбой был устроен в северной стенке входной ямы. Длина его около 1,5, ширина 0,9, глубина от дна входной ямы 0,4 м. В заполнении входной ямы найдены кости барана: позвонки, ребра, лопатка и кости ног. На дне подбоя, на подстилке из куги, лежал скелет взрослого человека, на спине, головой на восток. Ноги, согнутые, поставленные коленями вверх, сохранили свое первоначальное положение. Кисть правой руки лежала у правого бедра, кисть левой — под левым крылом таза. У правого плеча погребенного стоял лепной сосуд с уплощенным дном, в верхней части которого сохранились косые борозды полосчатого сглаживания. По венчику сосуда проходят две горизонтальные линии, нанесенные перевитой веревочкой. Глина черная в изломе, с небольшой примесью мелкодробленых раковин. Высота сосуда 9,5 см (рис. 2, *11*).

Могильник у пос. Челюскинец (Дубовский р-н).

Курган 5. Диаметр насыпи 24, высота 0,9 м. Курган был сооружен над погребением ямной культуры. Полтавскинское погребение (3) — впускное (рис. 1, *5*), находилось в центральной части кургана. Могильная яма овальной формы ориентирована по линии север — юг. Длина ее 1,25, ширина 0,8, глубина от современной поверхности насыпи 2 м. По всему периметру ямы проходила ступенька шириной от 0,1 до 0.25 м, на высоте 0,7 м от дна могилы. На дне ее лежал плохо сохранившийся скелет ребенка, на спине, головой на север. Ноги погребенного, по-видимому согнутые в коленях, позже завалились на левую сторону. Скелет и дно ямы были покрыты толстым слоем охры. У левого виска погребенного лежала височная подвеска из тонкой бронзовой пластины. Длина подвески 0,9 см (рис. 2, *2*). За головой погребенного стоял лепной плоскодонный сосуд высотой 9,5 см, украшенный орнаментом «шагающая гребенка» и рядом коротких косых насечек. Поверхность его ровно сглажена, глина в изломе черная, без заметных примесей (рис. 2, *13*). Рядом с сосудом лежал большой кусок охры.

Одиночный курган у пос. Первомайский находился в Калачевском р-не, на левом берегу Цимлянского водохранилища. Овальная насыпь кургана была вытянута по линии северо-восток — юго-запад. Длина ее 27, ширина 18, высота 1,7 м. Курган был сооружен над ямным захоронением. Полтавкинское погребение (5) — впускное, обнаружено на расстоянии 1 м к югу от центра кургана (рис. 1, *10*). Могильная яма овальной формы ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Длина

ее 1,5, ширина 1,1, глубина от современной поверхности насыпи 1,9 м. На дне ямы лежал скелет ребенка, на правом боку, с завалом на спину, головой на северо-восток. Ноги погребенного были согнуты под прямым углом к позвоночнику, руки вытянуты вдоль туловища, кисти лежали у тазовых костей. Дно ямы было посыпано мелом. У северной стенки могилы стоял лепной горшок с уплощенным дном, украшенный в верхней части веревочным орнаментом. Глина черная, в изломе с примесью измельченных раковин. Высота сосуда 11 см (рис. 2, *14*).

Таким образом, почти все захоронения оказались впускными в более древние курганы, лишь над тремя погребениями, исследованными у оз. Эльтон, были возведены индивидуальные насыпи. При этом примечательно, что только в одном из курганов обнаружено сразу несколько полтавкинских погребений. Все остальные захоронения оказались одиночными. Одно погребение совершено в насыпи кургана, одно — в слое погребенной почвы, остальные — в материковых ямах округлой, овальной или прямоугольной формы. В двух могилах прослежены небольшие ступеньки-заплечики, на которых лежала перекрытие. Одна яма, очевидно, была подбойной. Ориентировка погребенных неустойчива.

По положению погребенных захоронения можно разделить на две группы: 1) положение на спине; 2) положение на боку. По данным Н. К. Качаловой, для погребений более ранней группы полтавкинских памятников Нижнего Поволжья характерно положение погребенных на спине, хотя иногда встречаются захоронения, где умершие уложены на правый или левый бок [1, с. 8, 9]. Большинство погребений первой группы предшествует погребениям второй группы. Это хорошо подтверждается, в частности, прямой стратиграфией погребений в кург. 2 в г. Волжском.

Почти во всех погребениях встречена охра. В некоторых случаях погребенные буквально засыпаны краской, в других она присутствует лишь в виде нескольких кусочков или небольшого количества порошка. В захоронениях кург. 2 в г. Волжском в погр. 19 краска отмечена лишь у черепа, стоп и локтя левой руки погребенного, в то время как в более позднем погр. 15 охра толстым слоем покрывала скелет и дно могилы. В одном из погребений дно могильной ямы было посыпано мелом.

Инвентарь захоронений представлен в основном керамикой. Это лепные сосуды баночной или горшковидной формы, изготовленные из глины с примесью шамота или мелкодробленых раковин. Днища сосудов уплощенные, плоские или слегка вогнутые, у одного из сосудов дно оформлено невысоким, но хорошо выраженным поддоном. Некоторые сосуды имеют характерный уступчатый профиль, на одном есть узкий налепной валик.

Все сосуды орнаментированы. Орнамент нанесен зубчатым штампом, шнуром или прочерчен, встречаются и комбинированные композиции. Наиболее распространенными элементами узоров являются горизонтальная «елочка» и параллельные оттиски зубчатого штампа или «веревочки». Интересна орнаментальная композиция на сосуде из погр. 9 кург. 1 у хут. Варламов (рис. 2, *17*), основу которой составляет зигзаг, заключенный между двумя горизонтальными линиями,— узор, который позднее получит широкое распространение на керамике срубной культуры. Своеобразен сосуд из погр. 19 кург. 2 в г. Волжском, в форме и орнаменте которого сочетаются элементы полтавкинских и катакомбных керамических традиций (рис. 2, *3*). Катакомбные черты достаточно отчетливо прослеживаются и в орнаменте сосуда из погр. 10 этого же кургана (рис. 2, *5*).

В трех погребениях найдены сосуды, орнаментированные «шагающей гребенкой» (рис. 2, *4, 12, 13*). Существует мнение, что этот прием орнаментации не характерен для Нижнего Поволжья, а появился на полтавкинской посуде в результате взаимодействия полтавкинских племен с их северными и восточными соседями [2, с. 36, 37; 3, с. 181; 4, с. 46]. Не отрицая возможности подобных контактов, отметим лишь, что в Нижнем Поволжье орнамент «шагающая гребенка» распространен достаточно

широко. Кроме наших можно назвать сосуды из погр. 6 кург. 3 могильника Верхнее Погромное I [5, с. 53], погр. 9 кург. 3 Бережновского I могильника [6, с. 55], погр. 2 кург. 8 могильника Котлубань I [7, с. 47], а также сосуд с орнаментом, имитирующим «шагающую гребенку», из погр. 9 кург. 1 у хут. Степана Разина [8, с. 93]. В этой связи довольно интересной представляется находка сосуда с орнаментом «шагающая гребенка» в позднеямном захоронении одного из могильников Волго-Донского междуречья [9, с. 210, 211]. Несколько фрагментированных полтавкинских сосудов с таким орнаментом найдено автором на поселении Сухая Мечетка III.

Остальной инвентарь полтавкинских захоронений представлен бусами из створок раковины и бронзы, кварцитовым скребком, костяным наконечником стрелы, бронзовой подвеской и молоточковидной булавкой. Почти все эти предметы (кроме молоточковидной булавки) имеют довольно широкие хронологические рамки.

Особый интерес представляют полтавкинские погребения, исследованные у соленого оз. Эльтон, расположенного на значительном расстоянии (более 80 км) от постоянных источников пресной воды. Сам факт обнаружения здесь полтавкинских памятников подтверждает выдвинутое В. П. Шиловым положение о продолжении процесса освоения глубинных районов степи, начавшегося в эпоху ранней бронзы, и о преобладающей роли подвижных форм скотоводства у полтавкинских племен Нижнего Поволжья [10, с. 8—12]. Об этом же свидетельствует и отсутствие в Нижнем Поволжье долговременных полтавкинских поселений и крупных могильников.

Хорошо известно, что подавляющее большинство полтавкинских памятников Заволжья расположено узкой полосой вдоль берегов Волги, Ахтубы и Еруслана [1, табл. 1]. Такое расположение полтавкинских памятников в настоящее время нельзя объяснить только слабой изученностью глубинных степных районов. В результате многолетних работ экспедиции Волгоградского пединститута в Быковском р-не Волгоградской обл. исследовано более 30 курганов эпохи бронзы, расположенных в удалении на 10—30 км от Волги. Большинство из них было сооружено над погребениями срубной культуры, лишь в курганах у большого лимана Могута исследовано два ямных захоронения [11, с. 155]. Полтавкинских погребений здесь не встречено. В Палласовском р-не Волгоградской обл. к настоящему времени раскопано более 40 курганов эпохи бронзы. Эти исследования показали, что все курганы, содержащие погребения ранней и средней бронзы, сконцентрированы на берегах оз. Эльтон, т. е. в районе, где есть крупные лиманы, несколько горько-соленых рек и целая система глубоких балок. На территории Джаныбекской бессточной равнины все исследованные курганы содержали только срубные захоронения. Аналогичные данные получены и при раскопках могильников в южной части Волгоградской и Астраханской обл., а также на территории Калмыцкой АССР. Большинство курганов ранней и средней бронзы расположено здесь недалеко от рек или крупных лиманов [5, с. 78, 79]. Не исключено, что при дальнейших исследованиях глубинных степных районов здесь будут открыты отдельные полтавкинские захоронения, однако вряд ли это сможет существенно изменить сложившееся к настоящему времени количественное соотношение между полтавкинскими памятниками прибрежных и степных районов.

Все это дает основание предполагать, что освоение полтавкинским населением степных районов Заволжья шло по вполне определенным направлениям. Своеобразными «опорными пунктами» при продвижении в степь были прежде всего районы соленых озер и системы крупных лиманов. Равнинные районы Заволжья, лишенные источников пресной воды, в полтавкинское время, по-видимому, оставались неосвоенными.

Эта ограниченность территории, пригодной для той системы скотоводческого хозяйства, которую практиковало полтавкинское население, очевидно, явилась одна из причин, обусловивших стремление полтавкинцев проникнуть в Волго-Донское междуречье, выгодно отличающееся от без-

водных районов Заволжья [7, с. 44—50]. Продвижение небольших групп полтавкинцев в Волго-Донское междуречье, по-видимому, происходило постоянно, так как здесь исследовано достаточно большое количество как ранних, так и поздних полтавкинских памятников [7, с. 44—50; 12, с. 157]. Причем эти группы могли какое-то время существовать изолированно от местного катакомбного населения, о чем свидетельствуют погребения без каких-либо следов катакомбного влияния, например, погребения из курганов у хут. Варламов и пос. Челюскинец. Однако большинство полтавкинских памятников Волго-Донского междуречья носит синкретический характер, отражающий процесс постепенного растворения полтавкинцев в среде катакомбного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Качалова Н. К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
2. *Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г.* Новые данные о восточных связях полтавкинских племен // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
3. *Васильев Ц. Б.* Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.
4. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
5. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. 1975.
6. *Синицин И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60.
7. *Мамонтов В. И.* Новые памятники полтавкинской культуры Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
8. *Мерперт Н. Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье. Киев: Наук. думка, 1967.
9. *Мамонтов В. И.* Курганный могильник Колпачки // СА. 1971. № 1.
10. *Шилов В. П.* Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1.
11. *Колесник В. П., Лукашов А. В., Мамонтов В. И., Скрипкин А. С.* Раскопки в Волгоградском Заволжье // АО — 1976. М., 1977.
12. *Мамонтов В. И.* Погребения из курганов у пос. Мариновки Волгоградской области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.

Г. Ф. ЧЕБОТАРЕНКО, Т. А. ЩЕРБАКОВА, М. Б. ЩУКИН

ДВА ПРЕДМЕТА РИМСКОЙ ЭПОХИ ИЗ МОЛДАВИИ

В 1961 г., во время раскопок городища Калфа [1] в Ново-Аненском районе Молдавской ССР, в 11 км к северу от Бендер, одним из авторов была случайно найдена на пашне хорошо сохранившаяся массивная литая бронзовая фибула необычной для Молдавии формы. Фибула раннелатенской конструкции сохранилась почти полностью (длина — 13 см), за исключением отогнутого вверх свободного конца ножки (рис. 1). «Гусеничная» спинка украшена пятью полукольцевыми утолщениями от 1,2 до 2,4 см в диаметре. Среднее полукольцо дополнительно орнаментировано тремя шариками, опоясанными спиралью, имитирующей зерненую проволоку. Орнаментика такого рода характерна для кельтских изделий вальдальгесхаймского и пластического стилей [2, рис. 124, 175, 176]. Длинный приемник украшен в нижней части тремя расходящимися веером бороздками. Такой же орнамент на переходе от приемника к дужке. Пружина фибулы, шестивитковая с верхней тетивой, сохранила эластичность. Застежка изготовлена из великолепной бронзы, покрыта красивой темно-зеленой патиной.

Городище Калфа многослойное. Кроме основного славянского слоя VIII—X вв. здесь прослежены напластования предшествующих эпох — средней и поздней бронзы, гальштата, римского времени. Есть на городище и гетский слой, которому хронологически могла бы соответствовать

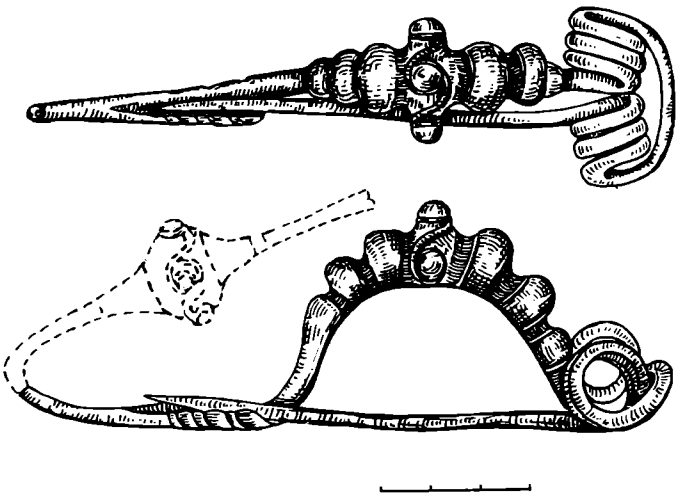


Рис. 1. Кельтская фибула с городища Калфа

описанная фибула, однако непосредственная связь ее с гетскими комплексами не прослежена.

Находка с Калфы имеет прямые аналогии в кельтском мире: в погр. 60 могильника Карамбурма в Югославии [3, табл. XXI, *6*] и в погр. 5 могильника Небойса в Словакии [4, табл. III, *9*]. В обоих случаях застежки, аналогичные молдавской, найдены в комплексах с другими фибулами, браслетами, керамикой. В Карамбурме это две духцовские фибулы и фибула с шаром на ножке, в Небойсе — две духцовские, железная среднелатенская с шариками на дужке и обломки фибулы с восьмерковидными спиралями. Оба комплекса дают сочетание элементов, характерных для периодов B_2 и C_1 латенской хронологической системы. И. Тодорович отнес погр. 60 в Карамбурме к ранней фазе третьего, основного периода развития могильника [3, с. 86] и датировал этот период между 280 и 85 гг. до н. э. Границу между ранней и поздней фазами его точно установить не удается, и исследователь условно проводит ее ок. 200 г. до н. э.

Весь небольшой могильник Небойса (открыто всего 10 погребений) Б. Хроповский относит к рубежу II—I вв. до н. э. Получается, что два очень близких по набору вещей комплекса датируются со столетним разрывом между ними. С нашей точки зрения железная фибула из погр. 10, которую автор почему-то считает позднелатенской, судя по приведенной им фотографии, скорее является модификацией среднелатенских фибул варианта А, по Ю. Костшевскому [4, табл. I, *12*; 5, рис. 1], и относится к ступени C_1. В таком случае она не выпадает из всего комплекса погр. 10 и могильника в целом. Далее, Б. Хроповский оперался на хронологическую схему Я. Филипа [6], имеющую общую тенденцию к завышению дат [7, с. 22; 8, с. 58]. В последние годы в европейской археологической литературе происходит постепенный процесс пересмотра многих датировок Я. Филипа. В этот процесс вовлечены и некоторые советские исследователи [9]. С другой стороны, А. М. Обломский считает необходимым вернуться в определении хронологии латенских фибул на нашей территории к прежней схеме Филипа — Хахманна [10]. Поскольку дискуссия возникла, мы вынуждены определить и свою позицию в ней — от этого зависит датировка рассматриваемой нами фибулы.

Хотя и во вновь складывающейся схеме граница между B_2 и C_1 не очень определенна и в этом отношении А. М. Обломский прав, полностью принять его позицию мы не можем. По К. Годловскому, переход от одного периода к другому произошел где-то во второй половине III в. до н. э. [7, с. 39, 45]. Строго говоря, мы имеем всего два репера для абсолютной датировки: если ножные браслеты из пустых полусфер, найденные в колодце на Истме, действительно, попали туда во время похода кельтов на Дельфы в 279 г. до н. э. [11], то это было время расцвета

стиля B_2; если оружие кельтов-галатов, изображенное на рельефах храма Афины Никофоры в Пергаме [12], созданных ок. 180 г. до н. э.,— уже периода C_1 [7, с. 39], то где-то в этом промежутке лежит граница между B_2 и C_1. Никаких других данных в руках исследователей пока нет. Но их не было и у Я. Филипа, и Р. Хахманна. Если бы А. М. Обломский столь же старательно попытался докопаться до оснований их хронологических схем, как это проделано им для работ последних лет, он обнаружил бы шаткость этих оснований. Р. Хахманн синхронизировал изучавшийся им период «позднего предримского времени» в Северной Европе со ступенью латена D. Однако у него не было твердых данных для определения начала «позднего предримского времени», в чем и сам он откровенно признавался [13, с. 255]. Его дата «около 120 г. до н. э.» сугубо интуптивна. К. Годловский привел ряд косвенных, но достаточно логичных аргументов (о большинстве которых А. М. Обломский умолчал) в пользу синхронизации начала латенизированных культур «позднего предримского времени» не с латеном D, а с латеном C_2 и C_1,— амфорные клейма поянештской и зарубинецкой культур, начало использования кельтского оружия и обычая его помещения в могилу носителями пшеворской культуры и др. [7, с. 115, 116]. В конечном итоге вопрос упирается в определение хронологии самых ранних среднелатенских фибул варианта А. Здесь позицию К. Годловского тоже можно усилить. Эти фибулы найдены в районе Болоньи, в могильниках III в. до н. э, типа Марцаботто, связываемых с кельтами-бойями [14—16], которые в 192 г. до н. э. были вынуждены покинуть Италию и переселиться в Центральную Европу. Именно в материалах этих могильников можно видеть зарождение ставшего затем общеевропейским стиля C_1. С какого момента этот стиль стал общеевропейским? Х. Поленц, изучая хронологию кельтских могильников междуречья Рейна и Майна [17], отнес рубеж между латеном B_2 и C_1 ко времени ок. 225 г. до н. э., хотя исходил он лишь из косвенных данных — из наблюдаемого им приблизительно 75-летнего ритма развития культуры кельтов в этом регионе. В основном интуптивны или основаны на сугубо косвенных данных и все другие определения границы между латеном B_2 и C_1 как в Центральной, так и Южной Европе [18—22].

Последнюю детальную разработку относительной хронологии интересующего нас периода предложил И. Буйна [23]. На основании комбинаторики вещей в кельтских комплексах Карпатской котловины ему удалось показать разделение ступеней B_2 и C_1 на две подфазы каждая — B_{2a}, $B_{2в}$, C_{1a} и $C_{1в}$ — и выделить еще переходную фазу B_2/C_1. Оба фигурировавшие у нас комплекса — погр. 60 в Карамбурме и погреб. 5 в Небойсе — попали у него в фазу B_{2a}. Если для первого это вполне реально, с оговоркой, что захоронение в Карамбурме было совершено в конце фазы B_{2a} или на рубеже B_{2a} и $B_{2в}$, то для второго вряд ли справедливо. Наличие в погр. 5 в Небойсе среднелатенской фибулы с шариками на дужке и обломка фибулы с восьмерками не позволяет относить этот комплекс к более раннему периоду, чем B_2/C_1, если только не произошло механического смешения двух разновременных погребений. Пластический стиль, в котором выполнены фибулы из Небойсы и Калфы в фазе B_2/C_1, продолжал еще существовать, в частности на браслетах [23, рис. 4, *26*]. Уточнения, которые сделал И. Буйна для относительной хронологии, не дают, однако, новых данных для хронологии абсолютной. Вопрос по-прежнему остается открытым. Естественно, процесс перехода от одной стадии к другой был, вероятно, не одноразовым и одновременным, а варьировал для различных территорий в той или иной степени. Однако более подробное рассмотрение этой проблемы сейчас не входит в нашу задачу.

Где-то в конце III или начале II в. до н. э., по свидетельству декрета Протогена, кельты-галаты в союзе с германцами-скирами угрожали Ольвии [24—26]. Земли Великой Скифии, опустошенные незадолго перед тем сарматами [27], могли представлять для них определенный интерес. Уже неоднократно отмечались отдельные находки вещей латенской куль-

туры в Северном Причерноморье [28—31], ставились они в связь и с известиями декрета Протогена [30, 31]. Еще одно звено в цепи этих находок — фибула из Калфы. Вещь, безусловно, кельтская, выполненная еще в стиле периода B_2, но находящая аналогии в комплексах рубежа B_2 и C_1, по времени совпадающих с декретом Протогена. Впрочем, диапазон существования раннелатенских фибул и пластического стиля не исключает возможности попадания калфинской фибулы в Молдавию и в более раннее время — во время восточной экспансии кельтов-галатов в 70—80-е годы III в. до н. э.

«Галатский эпизод» в истории Северного Причерноморья не был, по всей вероятности, очень продолжительным, обосноваться кельтам на землях Скифии надолго не удалось. Пока известны лишь два собственно кельтских памятника: поселение Бовшев на Днестре [32] и погребение у с. Залесье в устье Припяти [27; 30]. Остальное — случайные находки, всего ок. 36 пунктов [31]. Но и 70-летнее пребывание во Фракии нашло археологическое выражение лишь в 12 случайных находках и 1 погребении [31, с. 70—74], если не принимать в расчет культуру Падеа-Панагюриштска Колония в Северо-Западной Болгарии, связываемую с племенами скордисков, имевших другую судьбу [31].

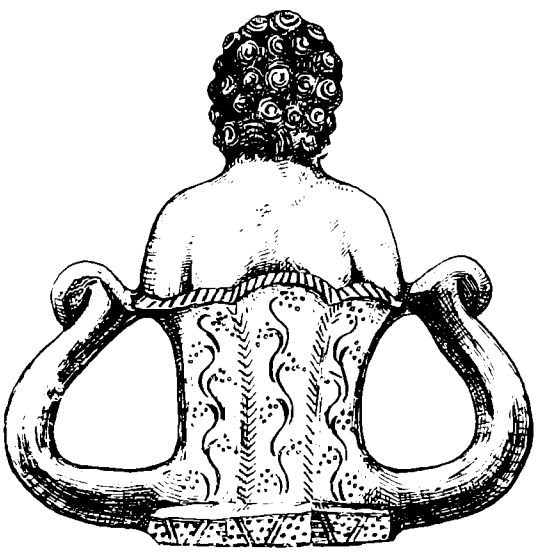


Рис. 2. Бронзовая деталь колесницы (прорисовка)

Вскоре после проникновения кельтских группировок в Причерноморье здесь образовались две новые культуры, относящиеся к кругу латенизированных культур Северной Европы: зарубинецкая и Поянешты-Лукашевка. При определении абсолютного возраста зарубинецких, поянешты-лукашевских и родственных им памятников необходимо ныне учитывать происходящие в последние годы изменения в европейской хронологической системе Латена и позднего предримского времени. В противном случае возможно некоторое завышение датировок. Так, в частности, произошло с поселением Горошева на Днестре [33]. По найденным здесь обломкам сапропелитовых браслетов С. П. Пачкова, опираясь на работы чешских исследователей 1950-х годов, отнесла начальную дату поселения ко второй половине II в. до н. э. Как видно из корреляционных таблиц, которые составил И. Буйна [23, рис. 2; 4, *20*], в Карпатской котловине сапропелитовые браслеты характерны в основном для фаз B_{1b} и B_2/C_1, а с появлением в фазе C_{1b} стеклянных браслетов выходят из моды. Вместе они встречены лишь 1 раз. Поселение Горошева возникло скорее всего еще в первой половине II в. до н. э., а может быть, и несколько раньше — в конце III в. до н. э. Поселение несколько предшествует во времени зарубинецкой и поянештской культурам.

Вторая интересная находка была сделана в Молдавии в 1981 г. В пойме р. Ялпуг около пос. Светлый Тараклийского р-на МССР было случайно найдено бронзовое навершие с двумя лировидными петлями по сторонам, оформленное в виде бюста молодого мужчины (рис. 2). Навершие было передано Т. А. Щербаковой, проводившей в Светлом раскопки поселения римского времени. Обследование места находки не дало результатов.

Навершие представляет собой восьмигранную втулку, увенчанную обнаженным бюстом мужчины с курчавыми волосами, аккуратно уложенными буклями по форме головы. У него молодое, безбородое, несколько

одутловатое лицо с прямым носом, выпуклыми глазами, припухлыми губами, толстая шея. От втулки отходят в стороны две лировидные изогнутые петли, украшенные стилизованными головками змей или лебедей с клювами, прижатыми к шее. Высота навершия — 13, а диаметр втулки — 4×4,5 см. Грани втулки украшены тонко гравированным орнаментом в виде виноградной лозы.

Определение функционального назначения описанного предмета не вызывает особых затруднений. Это бронзовая деталь колесницы, так называемый вожжедержатель («passe-guides», «Zügelhalter»), хотя название это условно, так как в действительности эти детали предназначены совсем для других целей. Приведем несколько примеров аналогичных наверший, хорошо известных в специальной литературе. Последняя сводка всех колесниц римского времени была издана в 1980 г. в связи с публикацией находок из Марокко [34]. Стилистически и конструктивно ближе всего ялпугскому экземпляру навершие, найденное во Франции, около Алезии — известного кельтского оппидума и галло-римского поселения [1; 35, с. 201]. На нем тоже бюст молодого мужчины, полуобнаженного, с несколько одутловатым женственным лицом — персонаж из дионисийского цикла. Две лировидно изогнутые петли завершаются розетками. Восьмигранная втулка — с лепестками в верхней части, из которых и «произрастает» фигурка.

Навершие в виде статуэток Бахуса и Меркурия с боковыми крючками в виде согнутых пальцев на первом и круглыми петлями на втором хранятся в музеях Италии [36, рис. 27, 28]. Близкая конструктивно деталь колесницы с фигуркой Леды и двумя крючками в виде лебединых головок найдена вместе с другими частями колесницы в Могилово в Болгарии [37]. Такие же по функциональному назначению бронзовые детали колесниц, но оформленные грифоньими и змеиными головками, происходят из с. Любимец [38, табл. 30, *107*] и Дуковой могилы у с. Пастуша около Пловдива в Болгарии [36, рис. 21, 22, 24; 38, табл. 55А, *190—192*]. Из того же некрополя у с. Пастуша, где найдены остатки нескольких повозок, происходят бронзовые навершия иной конструкции (с одной петлей), но стилистически близкие ялпугской находке, тоже с фигурками персонажей донисийского цикла [36, рис. 5, *38*, табл. 55, 55А]. Наблюдаются вообще два любопытных скопления находок колесниц римского времени — в Паннонии и Фракии [34].

Назначение всех подобных наверший удалось установить И. Венедикову, специально занимавшемуся реконструкцией фракийских колесниц римского времени: они украшали выступающую над колесами часть шасси повозки [38]. Древние лексографы — афинянин Полукс, живший во II в. н. э., и александрийский автор IV в. Хезихий — называли эту часть «фарои», а навершия, крючки или петли которых служили для закрепления ременных рессор, поддерживающих подвесной кузов, называли «фароидати».

Все перечисленные выше параллели «фароидати» из пос. Светлый датируются позднеримским временем, а стилистически наиболее близкие им относятся к эпохе Северов (193—238 гг.). В частности, характерно для этой эпохи изображение прически ялпугского экземпляра — крутые завитки, плотно прижатые к голове [39, с. 73].

Если наше определение хронологии памятника верно (а решающее слово будет принадлежать специалистам по истории римского искусства), то находка из Светлого — одна из очень немногих, отражающих сложную и плохо представленную археологическими памятниками эпоху накануне образования черняховской культуры.

Обе молдавские находки, столь далекие друг от друга хронологически, потому и объединены нами в одной заметке, что являются они памятниками эпох «промежуточных», переходных, археологически почти «пустых», периодов дестабилизации, когда разрушались прежние культурные единства и складывались новые.

Есть между ними и еще один объединяющий момент — их соприкосновение с культурой кельтов. Первая — просто-напросто произведение

кельтского прикладного искусства, вторая относится к эпохе, когда независимых кельтских племен уже не существовало, но кельтский вклад в провинциально-римскую культуру достаточно заметен. Высказывалось мнение [40], правда оспариваемое [8, с. 103—105], что кельтам принадлежала и идея подвесного кузова колесниц. Эпоха Северов (рубеж II—III вв.— начало «кельтского ренессанса») — явление, ощутимое и в черняховской культуре [41; 42]. В этом отношении ялпугская находка может представлять особой интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чеботаренко Г. Ф.* Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев: Штиинца, 1973.
2. *Megaw J. V.* Art of the European Irom Age. Bath, 1970.
3. *Todorovič J.* Praistorijska Karamburma. Beograd, 1972.
4. *Chopovský B.* Laténske pohrebisko v Nebojsi okr. Galanta // Slovenská archeológia. 1958. R. VI, č. 2.
5. *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit // Mannus-Bibliothek. № 18. Leipsig – Würzburg, 1919.
6. *Filip J.* Keltove ve Střední Evrope. Praha, 1956.
7. *Godlowski K.* Okres lateński w Europie // Archeologia pierwotna i wcześnosredniowieczna. Część IV. Krakow: Nakladem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1977.
8. *Каспарова К. В.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2.
9. *Каспарова К. В.* Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1981.
10. *Обломский А. М.* О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № 1.
11. *Krämer W.* Keltische Hohlbückelringe von Istmus von Korinth // Germania. 1961. B. 39.
12. *Polenz H.* Gedanken zu einer Fibel von Mittellatenschema aus Kayseri in Anatolien // Bonner Jahrbuch. 1978. B. 178.
13. *Hachmann R.* Die Chronologie der jungeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Foschung in nördlichen Mitteleuropa und in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Komission 1960. 41. Frankfurt a. M., 1961.
14. *Kruta-Poppi L.* Les Celtes á Marzabotto (Province de Bologne) Etudes Celtiques, 1975.
15. *Kruta-Poppi L.* La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) et le fasiés Boïen du IIIe siècle avant notre ère Etudes Celtiques, 1979.
16. *Kruta V.* Les Boïens de Cispadane essai de paléoethnographie celtique Etudes Celtiques, 1980.
17. *Polenz H.* Mittel- und spätlatenzeitlichen Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main Studien und Forschungen. Neue Folge, Ht. 4. Langen, 1971.
18. *Hodson F. R.* The La Céne Cemetry at Münsingen-Rain Acta Bernensia. V. Bern, 1968.
19. *Zirra V.* Beiträge zur Kenntnis des Keltischen Laténe in Rumänien Dacia, 1971, t. XV.
20. *Čižmař M.* Relativni chronologie keltskych pohrebisti na Moravé Pamàtky archeologické, 1975, R. LXVI.
21. *Woźniak Z.* Osadnictwo celtickie w Polsce. Wroclaw etc., 1970.
22. *Majnarič-Pandžič N.* Keltsko-latenska kultura u Slavoniji i Srijmi Acta Musei Cibalensis, t. 2. Vinkovci, 1970.
23. *Bijna J.* Spiegelung der Sozialstruktur auf Latènezeitlichen Gräberfelden in Karpatenbecken Památky archeologické. 1982, R. LXXIII, № 2.
24. *Latyschev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxine. V. I. 2 ed. Petropoli, 1986.
25. *Книпович Т. Н.* К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена ВДИ, 1966, 2.
26. *Карышковский П. И.* До пытання про дату ольвийского декрета.— Археологія, 1968, т. 21.
27. *Мачинский Д. А.* О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов // КСИА. 1973. Вып. 133.
28. *Rosen-Przeworska J.* Zabytki celtyckie na ziemiach Polski // Swiatowit, 1946—1947, XIX.
29. *Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1.
30. *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. Вып. 15.
31. *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wroclaw, 1974.
32. *Крушельницкая Л. И.* Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье // КСИА. 1955. Вып. 105.
33. *Пачкова С. П.* Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев: Наук. думка, 1983.

34. *Boube-Piccot Ch.* Les bronzes antiques du Maroc. Pt III. Les chars et l'attelage // Etude e traveeaux d'archeologie Marocaine. V. VIII. Rabat, 1980.
35. *Le Gall J.* Alésia. Archéologie et Histoire. Nouvelle edition revue et augmentée. Fayard, 1980.
36. *Mercklin E.* Wagenschmuck aus de römischen Kaiserzeit // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. B. 48. B., 1933.
37. *Дякович Б.* Тракийската колесница при с. Могилово // ГПНБ. 1923.
38. *Венедиков И.* Тракийската колесница. София, 1960.
39. *Бритова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Римский скульптурный портрет. М.: Искусство, 1975.
40. *Alföldi A.* Chars funéraires Bacchiques dans les provinces occidentales de l'empire romain // L'Antiquité classique. VIII. Bruxelles, 1939.
41. *Щукин М. Б.* Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы) // — КСИА. 1973. Вып. 133.
42. *Щукин М. Б.* Кельтский ренессанс и кризис Римской империи (предварительные замечания) // —Краткие тезисы докл. к науч. конф. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973.

В. М. ЗУБАРЬ, А. И. КУБЫШЕВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В 1978—1979 гг. Херсонская экспедиция Института археологии АН УССР проводила исследование курганного могильника «Рядовые могилы» у сел Шевченковка и Золотая Балка Нововоронцовского р-на Херсонской обл. Курганная группа расположена на водоразделе в 5 км к западу от современного села Золотая Балка, где в 1950—1960-е годы исследовались городище и могильник позднескифского времени [1, 2]. Среди большого количества погребальных комплексов эпохи бронзы и скифского времени особого внимания заслуживают два впускных погребения в курганы 7 и 21 эпохи бронзы.

Погребения совершены по обряду трупосожжения. В кургане 21, на расстоянии 3 м к югу от центра, зафиксировано впущенное в насыпь погребение, совершенное в прямоугольном каменном ящике. Ящик высотой 0,6 м был впущен на глубину 2 м, ориентирован по линии восток — запад, сложен из 12 вертикально поставленных плоских известняковых плит. Южная стенка ящика состояла из пяти, северная — из четырех плит; торцевые стенки, восточная и западная,— соответственно из одной и двух плит. Щели между отдельными плитами закрыты дополнительными вставками из мелких плоских известняковых камней. Ящик в древности был перекрыт небольшими известняковыми плитками, положенными на деревянные плахи, заходившие за торцевые стенки ящика. В процессе расчистки заполнения ящика зафиксировано значительное количество остатков этих перегнивших плах шириной 8 и толщиной 1,5—2 см, лежавших под плоскими плитами перекрытия (рис. 1, *1*).

В юго-западном углу на полу ящика стояла краснолаковая чаша, в которой обнаружены кость крупного животного и фрагмент железного ножа плохой сохранности. Рядом с чашей лежали 49 железных сильно коррозированных трехлопастных наконечников стрел. Очевидно, они представляли собой остатки колчана, положенного в могилу (рис. 1, *в*). На земляном полу прослежено небольшое количество древесных угольков, кальцинированных человеческих костей и костей животных. В восточной части ящика зафиксирован кальцинированный фрагмент черепа (рис. 1, *а*).

Краснолаковая чаша — с вертикальными, чуть скошенными внутрь стенками на кольцевом, хорошо профилированном поддоне. Две горизонтально расположенные ручки прижаты средней частью к стенкам сосуда, украшенным прочерченным по поверхности геометрическим и, вероятно, растительным орнаментом. Лак темно-красный, хорошего качества (рис. 1, *3*). Чаши такого типа, являясь переходной формой от канфара эпохи эллинизма к мискам первых веков, были сравнительно широко

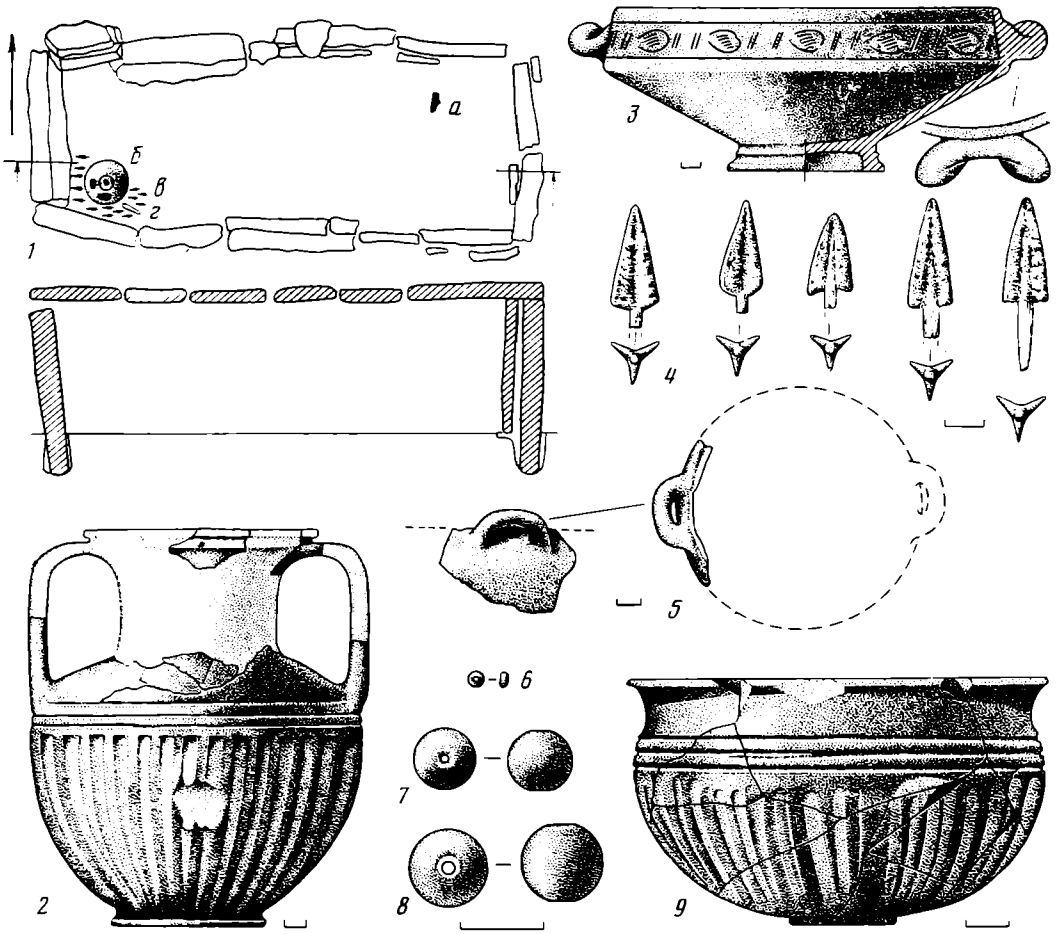


Рис. 1. Вещи из впускных погребений: *1* – план и разрез погребения в каменном ящике: *а* – обломок черепа, *б* – краснолаковая чаша, *в* – наконечники стрел, *г* – обломки ножа; *2* – двуручный кувшин; *3* – краснолаковая чаша; *4* – наконечники стрел; *5* – фрагмент светлоглиняной миски; *6–8* – бусы из кургана 21; *9* – чашка из впускного погребения кургана у с. Астанино Крымской обл.

распространены на протяжении II в. до н. э.– первой половины I в. н. э. [1, с. 173, рис. 72, *4*; 74, *9*; 3, с. 296, рис. 1, *3*; 4, с. 28, табл. 5; 5, рис. 80, *9*; 6, с. 134, табл. 15, *11*, *13*; 7, с. 39, рис. 11, *4*; 8, с. 39, 40, рис. 10, *18*, *19*]. Исходя из того что в I в. н. э. роспись на таких чашах уже не делалась [9, с. 131], наш сосуд следует отнести к концу I в. до н. э., когда орнамент, наносившийся белой краской, мог быть заменен гравировкой. Этой датировке не противоречит и тот факт, что ручка в более поздних экземплярах этого типа плотно прижата к бортику [9, с. 131].

Колчанный набор из погребения состоял из железных черешковых наконечников стрел с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черенку. Головка наконечников треугольная, вытянутой формы, лопасти прямые, слегка округлые (рис. 1, *4*). Наконечники такого типа появляются в среде сарматских племен в III–II вв. до н. э. и преобладают в погребениях I в. до н. э.– I в. н. э. на огромной территории от Средней Азии до Дуная [10, с. 37, 38, табл. XIX, *22–24*].

Таким образом, на основании вещей, обнаруженных в комплексе, погребение может быть датировано второй половиной I в. до н. э.– рубежом нашей эры. В каменном ящике были захоронены остатки трупосожжения, которое было произведено на стороне, так как следы действия огня на плитах ящика и инвентаре отсутствуют.

В 2 км на север от кургана 21 раскопан курган 7. Курган сильно распахан, в нижней части насыпи, в 4 м к северу от центра кургана, на уровне древнего горизонта зафиксированы остатки аморфного в плане кострища диаметром 0,35 м. При его расчистке попадались зола и кальцинированные кости, а также фрагменты сильно поврежденного вспаш-

кой двуручного кувшина, обломок небольшой мисочки с ручкой и бусы (рис. 1, *2*, *5—9*).

Из фрагментов собран двуручный кувшин на невысоком кольцевом поддоне, с высоким цилиндрическим горлом и округлым туловом, орнаментированным тремя горизонтально расположенными врезными полосами и каннелюрами. Поверхность сосуда покрыта светло-красным лаком (рис. 1, *2*). Прямые аналоги этому кувшину нам неизвестны, но, судя по форме венчика, горла и тулова с уплощенными каннелюрами, исходной формой для такого типа сосудов были канфары эллинистического времени (тип I, по М. Парович-Пешикан), которые встречаются на протяжении всей эллинистической эпохи, вплоть до II в. до н. э, [5, с. 77, рис. 74, 76]. Наиболее близкой аналогией ему по форме тулова и стилю орнамента является чашка, напоминающая «мегарскую», с округлым туловом, украшенным уплощенными каннелюрами, обнаруженная во впускном погребении позднеэллинистического времени в кургане эпохи бронзы [1] у с. Астанино Ленинского р-на Крымской обл. [11, с. 68, 69, кург. 23, погр. 1] (рис. 1, *9*). По форме она близка «мегарским» чашам, является их наиболее поздней разновидностью и может быть датирована позднеэллинистическим временем [2] [12, с. 68, табл. XII]. По орнаментации тулова этот тип чаш, как и наш кувшин, близок стеклянным сосудам I в. до н. э., при изготовлении которых часто использовались декоративные приемы, характерные для керамического производства рубежа нашей эры [13, с. 18—21; 14, с. 382, табл. 92, *в. с.*). Приведенные соображения позволяют датировать описанный кувшин II—I вв. до н. э.

На обломке светлоглиняной миски с горизонтальной ручкой, прикрепленной под венчиком сосуда, видна полоса красного лака светло-оранжевого оттенка, украшавшая его верхнюю часть. Близкий по форме килик II в. до н. э. обнаружен в одном из погребений некрополя Танаиса [15, с. 19, 65, табл. 23, *4*, мог. 66]. Помимо керамики в районе кострища найдены две круглые бусины из сердолика и стекла, а также несколько экземпляров мельчайшего бисера, изготовленного из так называемой египетской пасты (рис. 1, *6—8*).

Следы кострища, открытые в поле кургана 7, предположительно можно интерпретировать как остатки погребения, совершенного по обряду трупосожжения, сильно поврежденного многолетней вспашкой. Обнаруженный рядом с кострищем инвентарь без следов действия огня свидетельствует, что перед нами именно место погребения, а не сожжения.

Описанные погребения из курганов 7 и 21 на основании приведенных аналогий можно датировать II—I вв. до н. э. Несмотря на трудности, связанные с точной датировкой единичных комплексов, можно заключить, что оба погребения относятся к одной исторической эпохе, причем совершены они по обряду трупосожжения. Отсутствие в могильниках Нижнего Поднепровья захоронений, совершенных по обряду кремации [2, с. 165; 16, с. 143], заставляет обратить самое пристальное внимание на описанные погребальные комплексы и их интерпретацию.

Захоронение остатков трупосожжения, открытое в кургане 21, было совершено в каменном ящике. Аналогичные погребальные сооружения для могильников Нижнего Поднепровья не характерны. В могильнике городища Золотая Балка, исследованном М. И. Вязьмитиной, открыто всего три аналогичных погребальных сооружения [2, с. 99—100]. Все они еще в древности были ограблены, но, судя по сохранившимся вещам, могут быть отнесены к рубежу нашей эры [2, с. 99—100, № 78, 97]. М. И. Вязьмитина отмечала, что этот тип погребальных сооружений был впервые открыт на территории степной полосы Юга Украины, в могильнике городища Золотая Балка, и не может быть связан с традициями погребального обряда населения Поднепровья [2, с. 112]. Однако анало-

[1] Выражаем благодарность В. Н. Корпусовой за любезное разрешение использовать в печати этот еще не опубликованный материал.

[2] Исходной формой для таких сосудов могли послужить «мегарские» чаши II в. до н. э. типа обнаруженной в одном из погребений некрополя у с. Золотое [8, с. 39, рис. 10, *16*].

гичные погребальные сооружения хорошо известны в античных могильниках Западного и Северного Причерноморья эллинистического и римского времени [17, с. 21], а также в могильниках населения Крыма рубежа и первых веков нашей эры [2, с. 164—165; 6, с. 132; 18, с. 89; 19, с. 252; 20, с. 360; 21, с. 237; 22, с. 32][3]. Напомним, что в краснолаковой чаше из каменного ящика кургана 21 лежали нож и кость животного, являвшаяся остатком напутственной пищи, положенной в могилу. Наличие жертвенной пищи в скифских и сарматских погребениях, исследованных в степях Северного Причерноморья,— характерная черта погребального обряда кочевых скифов и сарматов. Однако обычно напутственная пища клалась вместе с ножом в ног погребенного на дно могилы (без сосуда) [16, с. 148—149]. Только в нескольких случаях в сарматских погребениях Северного Причерноморья рубежа и первых веков нашей эры зафиксировано положение напутственной пищи в миске [25, с. 18; 26, с. 33—34, 37]. В позднескифском могильнике городища Золотая Балка, так же как и в более ранних скифских погребениях, напутственная пища размещалась прямо на дне могилы [2, с. 169].

Помещение напутственной пищи вместе с ножом в мисках является одной из самых характерных особенностей погребального обряда позднескифских могильников Центрального и Юго-Западного Крыма [18, с. 151; 27, с. 121], а также населения восточной части Крымского полуострова [8, с. 26] и Прикубанья [28, с. 71]. Очевидно, в данном случае такое положение следует объяснять близостью античных центров и контактами с ними. Принадлежность погребенного в каменном ящике позднескифскому этническому массиву косвенно подтверждается и ориентировкой каменного ящика с востока на запад, так как хорошо известно, что широтная ориентация могил была одной из характерных черт скифского погребального обряда [16, с. 142].

Все перечисленные черты погребального обряда, зафиксированные во впускном погребении кургана 21, находят прямые аналогии в скифо-сарматских могильниках Крыма рубежа и первых веков нашей эры и совершенно нетипичны для позднескифского населения Нижнего Поднепровья, оставившего могильник у городища Золотая Балка. Единственное и весьма существенное отличие от указанных памятников представляет обряд полной кремации тела, неизвестный у скифов [2, с. 165; 16, с. 143]. Правда, в могильнике Бельбек I, раскопанном в окрестностях Севастополя, зафиксированы погребения, совершенные по обряду кремации, при котором остатки пепла и пережженные кости захоронены в грунтовых могилах без урн [7, с. 32; 18, с. 72—73]. Но судя по другим чертам обряда и погребальному инвентарю II—III вв. н. э., обряд трупосожжения здесь следует относить за счет типично античных черт погребального ритуала [17, с. 57; 18, с. 99].

Хорошо известно, что обряд трупосожжения был широко распространен у фракийского населения Подунавья [29, с. 23—26; 30, с. 149; 31, с. 14—17], которое на рубеже нашей эры устанавливает прочные контакты с позднескифским населением Поднепровья [2, с. 184] и Крыма [18, с. 107; 32, с. 119, 194, 195]. Эти связи нашли отражение в появлении на позднескифских городищах керамики фракийского круга [33, с. 120, 123—129; 34, с. 111], а также кельтских мечей, фибул среднелатенского типа и других предметов западного происхождения [32, с. 194, 195; 33, с. 119—134; 35, с. 140, табл. I, тип. I; 36, с. 124; рис. 11, *2*; 37, с. 50, № 114—121]. Исходя из этого, обряд трупосожжения, зафиксированный в публикуемых комплексах, следует связывать с влиянием традиций фракийского погребального ритуала.

---

[3] К. Ф. Смирнов, исследуя погребальный обряд населения Прикубанья, считал, что каменные ящики генетически связаны с населением Крыма и Северного Кавказа, где аналогичные типы погребальных сооружений известны с очень раннего времени [23, с. 8]. Э. В. Яковенко полагает, что одной из характерных особенностей погребального обряда скифов Восточного Крыма V—III вв. до н. э. было именно наличие погребальных сооружений, сложенных из каменных плит [24, с. 59].

На базе имеющегося в настоящее время ограниченного материала трудно решить весь комплекс проблем, связанных с экономическими и культурными контактами позднескифского населения Крыма и Подунавья. Однако, учитывая наличие на позднескифских городищах Нижнего Днепра и Крыма типично фракийских форм керамики, а также усилившуюся в I в. до н. э. экспансию гето-фракийских племен на север, можно предположить, что эти связи осуществлялись в ходе непосредственных контактов фракийцев с представителями позднескифского населения Крыма, которые, вероятно, сравнительно долго жили в Подунавье (Ovid. Ex Ponto III, 2, 42—47) [38, с. 26, 27] [4] и воспринимали отдельные нормы фракийского погребального обряда, материальной культуры и идеологии.

Таким образом, есть все основания связывать оба публикуемых комплекса с передвижением каких-то групп позднескифского населения Крыма в Подунавье и обратно. Именно через Нижнее Поднепровье осуществлялись традиционные связи населения Северного Причерноморья с Балканами [40, с. 10—20]. Оба рассмотренных погребения были впущены в курганные насыпи, расположенные в степи, на расстоянии более 5 км от позднескифского могильника у с. Золотая Балка, на путях, лежащих в непосредственной близости от переправ (рисунок, *2—5*), существовавших в древности в низовьях Днепра [41, с. 17, рис. 3; 42, с. 77—79] [5]. Отсутствие прямых аналогий захоронению в каменном ящике в могильнике городища у с. Золотая Балка и в сарматских курганах рубежа нашей эры в Нижнем Поднепровье и, наоборот, ряд общих черт в конструкциях погребального сооружения и погребальном обряде с позднескифскими могильниками Крыма делают такой вывод вполне вероятным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка. Київ: Наук. думка, 1962.
2. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
3. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
4. *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period // Athenian Agora. V. 5. New Jersey, 1959.
5. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наук. думка, 1974.
6. *Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. 1970. № 155.
7. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине р. Бельбек // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974.
8. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. К этнокультурной истории Европейского Боспора. Киев. Наук. думка, 1983.
9. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1972.
10. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
11. *Яковенко Э. В.* Раскопки курганов у с. Кирово, Зеленый Яр, Астанино // Архив ИА АН УССР. № 1965—1967/82.
12. *Pieridou A.* Hellenistic Pottery from Cyprus. Nicosia, 1969.
13. *Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta, 1957.
14. *Weinberg G. D.* Hellenistic Glass Vessels from the Athenian Agora // Hisperia. 1961. V. 30. № 4.
15. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98.
16. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевки. М.: Наука, 1975.
17. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982.
18. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
19. *Высотская Т. Н.* Раскопки Усть-Альминского городища и могильника // АО-1969. М., 1970.

[4] В этом отношении показательны материалы поселения и могильника Молога II, исследованных на берегу Днестровского лимана, в окрестностях Белгорода-Днестровского [39, с. 55—113].

[5] О связях позднескифского населения Крыма с Подунавьем во II — первой половине III в. н. э. свидетельствует погребальный комплекс, открытый в могильнике Скалистое III, где были обнаружены бронзовые шпоры западного происхождения [43, с. 132, рис. 8, *48, 49*].

20. *Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и могильники // АО-1971. М., 1972.
21. *Высотская Т. Н.* Раскопки Усть-Альминского городища и некрополя // АО-1980. М., 1981.
22. *Богданова Н. А.*, Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. II. М.: ГИМ, 1982.
23. *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46.
24. *Яковенко Е. В.* Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н. е. Київ: Наук. думка, 1974.
25. *Вязьмітіна М. І.* Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП. 1960. Т. VIII.
26. *Махно Е. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП. 1960. Т. IX.
27. *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
28. *Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4.
29. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Дунайского междуречья в I тыс. н. э. // МИА. 1960. № 89.
30. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М.: Наука, 1973.
31. *Bichir Gh.* Geto-Dacii din Muntenia în epoca Romana. Bucuresti. 1984.
32. *Высотская Т. Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
33. *Вязьмитина М. И.* Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. 1969. № 150.
34. *Зубар В. М., Літвінова Л. В.* Роботи експедиції «Славутич» у 1978 г. // Археологія. 1982. Вип. 38.
35. *Сымонович Э. А.* Фибулы Неаполя Скифского // СА. 1963. № 4.
36. *Погребова Н. Н.* Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96.
37. *Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1.
38. *Подосинов А. В.* Скифы, сарматы и геты в «Tristia» и «Epistolae ex Ponto» Овидия // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1976.
39. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога-II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
40. *Мерперт Н. Я.* О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА. 1965. Вып. 105.
41. *Черненко Е. В.* Поход Дария в Скифию // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
42. *Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984.
43. *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое-III в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 4.

П. Г. ГАЙДУКОВ

НОВГОРОДСКИЕ ПУЛЫ «КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО»

В конце XIV—XV в. во многих русских княжествах производилась самостоятельная монетная чеканка. В некоторых наряду с серебряными изготавливались также и медные монеты — пулы. Наибольшего размаха изготовление медных монет в XV в. достигло в великом княжестве Тверском и его уделах. Кроме того, в конце XIV—XV в. пулы выпускались и в других великих и удельных княжествах — Суздальско-Нижегородском, Московском, Рязанском, Серпуховском, Можайском, Ярославском, а также в Новгороде. Производство ранних больших пул в этих княжествах в отличие от Твери носило, по-видимому, эпизодический характер, так как медные монеты этих городов представлены небольшим количеством экземпляров.

Ранние большие новогородские пулы представлены одним типом[1]. На лицевой стороне их помещено изображение какой-то большой птицы, повернутой вправо, а на оборотной надпись: «князя великого». Всего известно 76 таких монет, восходящих к 16 вариантам (см. приложение и рис. 1, 2). В изготовлении их использовалось 14 штемпелей: 5 лицевой

[1] Более поздние маленькие новгородские пулы конца XV—XVI в., относящиеся уже к денежному делу Московского государства, подробно рассмотрены автором в специальной статье [1].

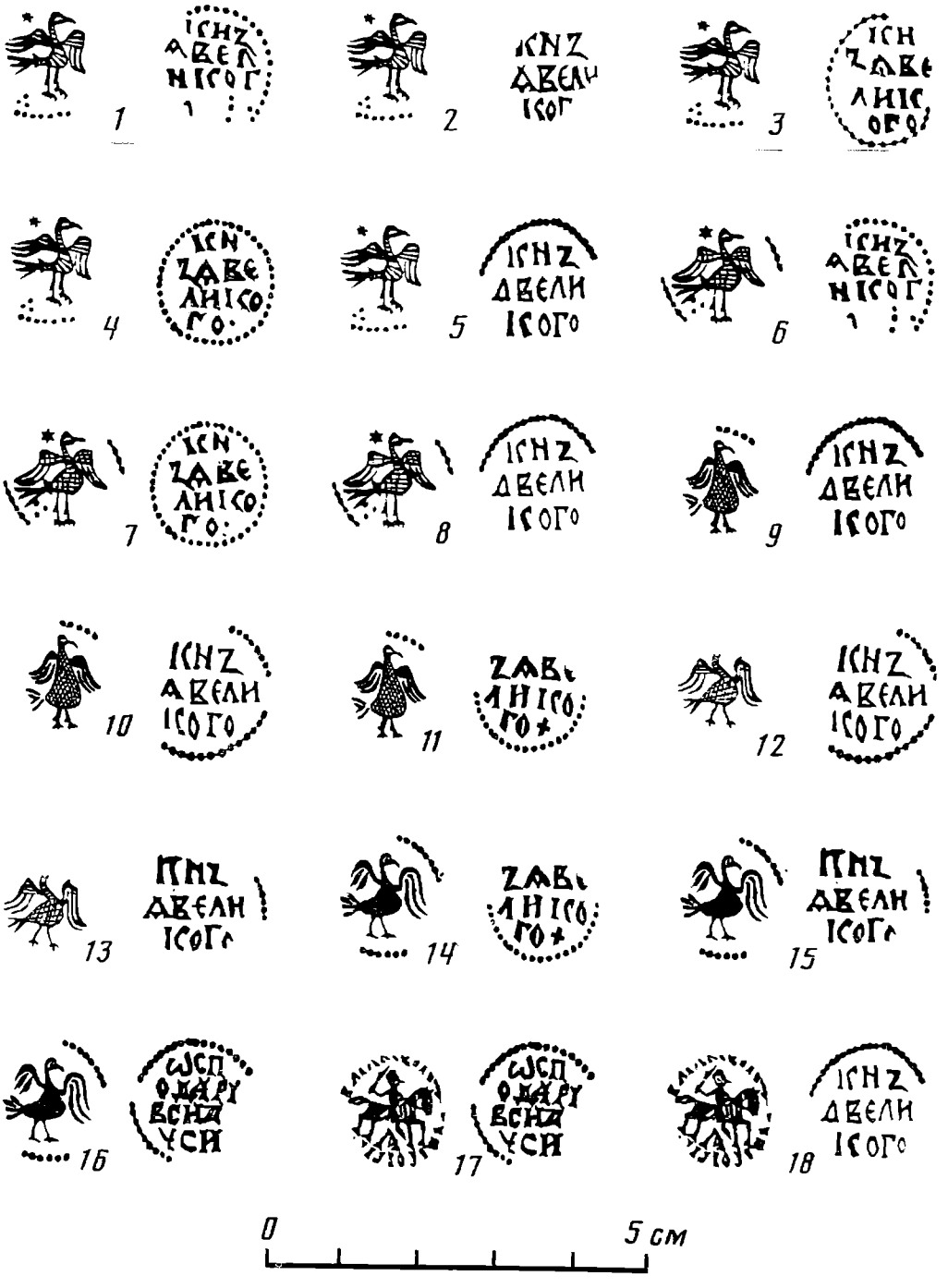


Рис. 1. Новгородские пулы с надписью «князя великого» (*1–16*); новгородская денга с именем и титулом Ивана III (*17*); новгородская денга Ивана III с надписью «князя великого» (собр. ГИМ) (*18*)

стороны и 9 оборотной[2]. Впервые подобное пуло было опубликовано Я. Я. Рейхелем [2, с. 16, табл. 2, рис. 20]. Э. К. Гуттен-Чапский отнес эту монету к тверскому безымянному чекану периода независимости [3, с. 27, № 125]. И. И. Толстой признал пулы «князя великого» новгородскими и в своем фундаментальном исследовании новгородских монет отнес их (с тремя вариантами штемпелей оборотной стороны) к периоду после потери Новгородом самостоятельности [4, с. 56, 148, № 413,

Среди них имеется девять монет, штемпели которых установить не удалось. Монета варианта 16 имеет иную надпись.

табл. VII, № 413]. С таким определением не согласился Д. Н. Чудовский, который в «критическом разборе» книг И. И. Толстого, посвященных новгородским и псковским монетам, склонен был рассматривать их среди монет Торжка. Такую странную атрибуцию автор объяснил сходством этих пул с тверскими монетами [5, с. 66, 67]. А. В. Орешников признавал возможность чеканки этих медных монет в Новгороде [6, с. 20].

Вполне убедительно новгородское производство великокняжеских пул доказывает топография находок. Из 32 монет, местонахождение которых известно, 30 найдено в Новгороде: 26 в черте города и 4 на Городище [3]. По одной такой монете найдено в Пскове и Калинине (Тверь).

Пулы с надписью «князя великого» хронологически следует связывать с немногочисленной группой новгородских великокняжеских серебряных денег с традиционным изображением поклонения Новгорода святой Софии. А. Д. Чертков полагал, что прекращение самостоятельной чеканки Новгородом и переход к выпуску великокняжеских серебряных монет произошли с падением новгородской независимости, т. е. в 1478 г. [7, с. 143, 147, 148]. Такого же мнения придерживался и И. И. Толстой [4, с. 54, 55]. А. В. Орешников высказал предположение, что чекан новгородских денег с суверенной надписью «Великого Новгорода» прекратился после мира в Яжелбицах (1456 г.), так как одно из условий мирного договора гласило: «А печати быти Князей Великих». Это требование, по его мнению, должно было распространяться и на монеты [6, с. 7]. На самом деле денги с надписью «Великого Новгорода» выпускались и обращались в Новгороде и позже, с 1456 по 1478 г. Точку зрения А. В. Орешникова пересмотрел В. А. Калинин, который пришел к выводу, что выпуск великокняжеских денег с традиционным изображением двух фигур относится ко времени присоединения Новгорода к Москве, т. е. к периоду после 1478 г., и что он был очень непродолжительным [8]. После прекращения чекана великокняжеских денег с традиционным типом лицевой стороны на новгородском денежном дворе начинается выпуск денег нового типа: на лицевой стороне изображение московского ездеца и круговая легенда по краю монеты: «Князь великий Иван Васильевич»; на оборотной — продолжение надписи: «Осподарь всея Руси» (рис. 1, *17*). Еще одним свидетельством изготовления новгородских больших пул в период после присоединения Новгорода к Москве служит уникальная серебряная монета, которую удалось обнаружить В. А. Калинину. На лицевой стороне ее находится изображение московского ездеца, а оборотная выбита штемпелем, предназначенным для рассматриваемого новгородского пула (рис. 1, *18*) [4]. Штемпели для этой монеты резаны от руки, т. е. без применения маточника, использование которого в Новгороде осваивается через 2—3 года после введения денег нового типа [8, с. 81].

Великокняжеским новгородкам посвятил отдельную работу М. А. Львов. Собрав все подобные монеты из трех крупнейших музейных собраний СССР (Гос. Эрмитажа, Гос. Исторического музея и Новгородского музея — 367 экз.) и изучив их с точки зрения поштемпельного анализа, исследователь обратил внимание на то, что некоторые великокняжеские денги изготовлены при помощи штемпелей лицевых сторон, которые участвовали в производстве новгородок с надписью оборотной стороны: «Великого Новгорода». Это привело автора к выводу о том, что начало выделки серебряных великоняжеских денег следует относить к 1477 г., а прекращение их изготовления — к 1478 г., т. е. ко времени падения независимости Новгорода. Все время выпуска великокняжеских новгородок, по мнению М. А. Львова [5], заняло не более полугода [9, с. 45].

---

[3] Кроме того, имеется еще шесть монет, места находок которых неизвестны, но, вероятнее всего, они происходят из Новгорода. Из Новгорода также неразысканная монета из коллекции Д. Н. Чудовского [4, с. 148, № 1/1121 (№ 413); 5, с. 67].

[4] Происходит из коллекции Э. К. Гуттен-Чапского [3, с. 110, № 514]. Хранится в отделе нумизматики ГИМа, № 91532/КП 32797.

[5] Автор считает также, что помещение на монетах традиционной двухфигурной композиции — символа независимости Новгорода — невозможно после 1478 г.

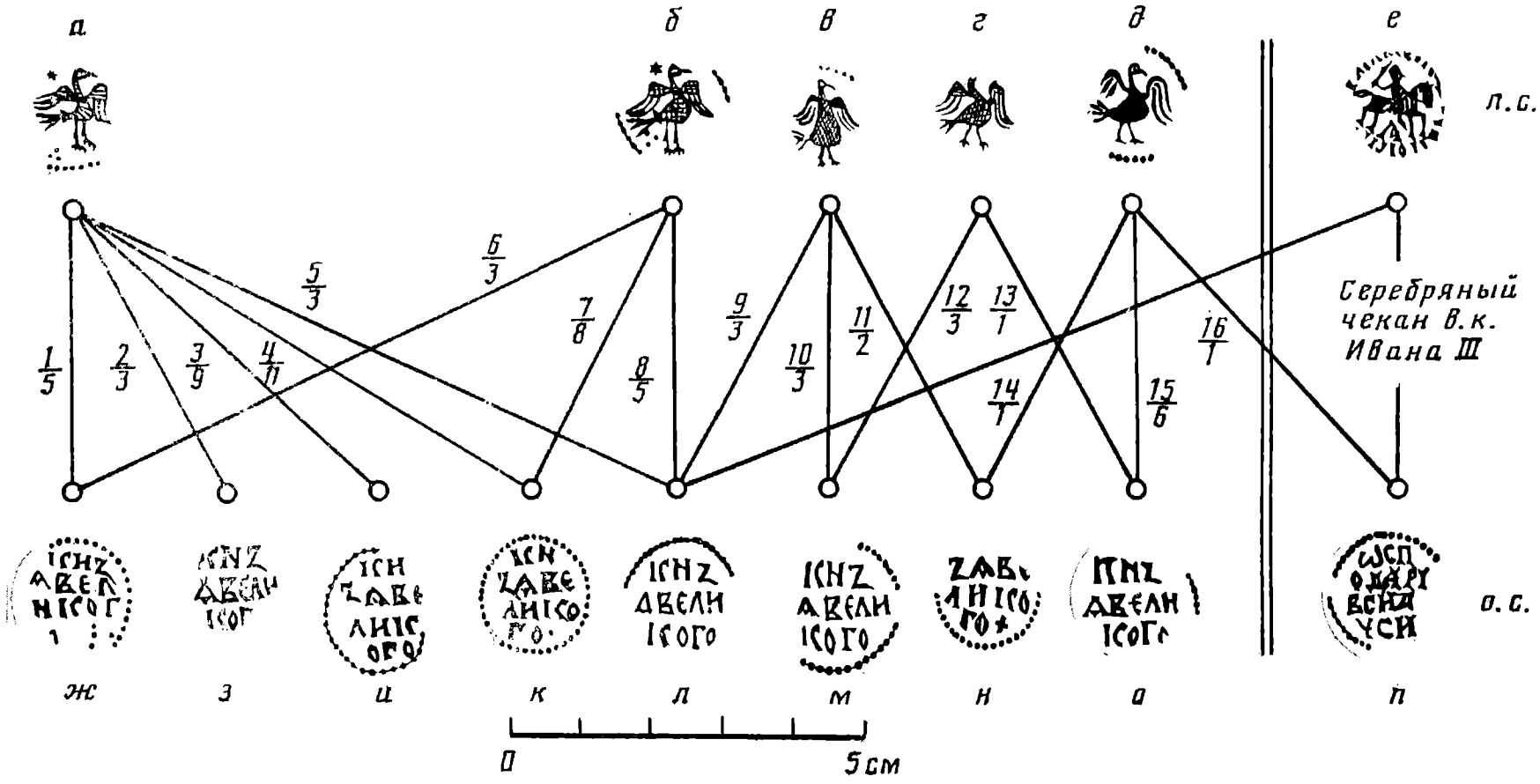


Рис. 2. Схема соотношения штемпелей новгородских пул с надписью «князя велико го»: цифра в числителе обозначает номер варианта, в знаменателе — количество монет в этом варианте

Итак, в настоящее время в нумизматической литературе бытует два мнения о времени выпуска великокняжеских новгородок. По одному из них — они чеканились сразу после 1478 г., а по другому — короткое время перед 1478 г. Точка зрения В. А. Калинина представляется более убедительной. К тому же если учесть многочисленные летописные сообщения о последних месяцах новгородской независимости, о походе Ивана III на Новгород и о его длительном Троицком стоянии под городом, то создается впечатление, что новгородским властям в это время было не до чеканки монет. Приведенная в книге В. Н. Бернадского хронологическая таблица о ходе событий с ноября 1477 по февраль 1478 г. красноречиво свидетельствует об этом [10, с. 301, 302] [6].

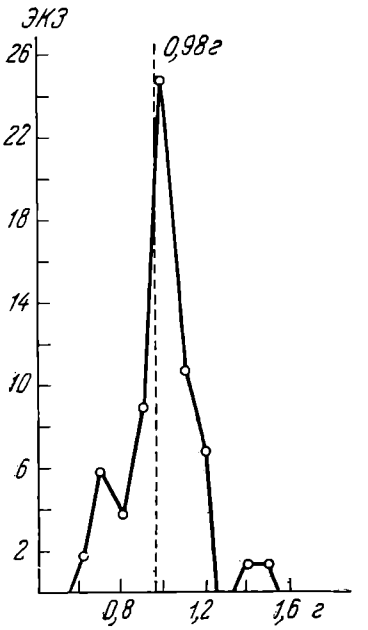


Рис. 3. Весовой график новгородских пул с надписью «князя великого» (по 66 экз.). Пунктирной линией отмечен средний вес

Пулы с надписью «князя великого» следует датировать тем же временем, что и серебряные великокняжеские монеты. Их, так же как и серебряных монет, немного, что говорит о непродолжительности выпуска этих монет. Начать их изготовление новгородцы могли после 1478 г., так как существование чеканки этих пул после присоединения Новгорода к Москве твердо устанавливается вышеназванной денгой из собрания Э. К. Гуттен-Чапского. Существование чеканки великокняжеских пул после 1478 г. подтверждается также уникальным пулом из собрания новгородского коллекционера А. Ф. Петрова [7]. На лицевой стороне его находится изображение птицы, обращенной вправо, а на оборотной надпись: «Осподаря всея Руси» (см. приложение, вариант 16). Штемпель лицевой стороны принимал участие в создании еще двух вариантов пул с традиционной надписью «князя великого», а на оборотной стороне легко опознается штемпель для серебряной денги, чеканившейся в Новгороде вскоре после его присоединения к Москве.

Таким образом, новгородские большие пулы можно датировать непродолжительным временем после 1478 г. Если говорить о более точной дате, то под вопросом можно конкретизировать ее до 1478—1480 гг.

Этому не противоречит и вес монет. 66 пул «князя великого» дают средний вес 0,98 г. Ярко выраженный пик графика указывает на вес 1 г (рис. 3). В Твери в конце 1470-х годов также бытовали анонимные пулы Михаила Борисовича с весом, близким к 1 г [11, с. 7].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Свод новгородских пул с надписью «князя великого»

Вариант 1. Л. с. Птица вправо, с распростертыми крыльями, над правым крылом звездочка, ниже хвоста три точки в виде треугольника; вокруг точечный ободок.

О. с. Четырехстрочная надпись: КНЗ/ЯВЕЛ/ИКОГ/О; далее стоит четыре точки: три вертикально под буквой О в третьей строке и одна под буквой Г; вокруг точечный ободок (рис. 1, *1*). 5 экз.

---

[6] Вот как резюмирует анализ этих событий В. Н. Бернадский: «События развертывались стремительно, сокрушительные удары один за другим обрушивались на Новгород, вызывая в ответ со стороны новгородских властей только новые челобитные. Прогнившее насквозь здание Новгородской вечевой республики дрогнуло и рухнуло под ударами московских секир во время трехмесячного Троицкого стояния» [10, с. 303].

[7] Пользуюсь возможностью принести благодарность А. Ф. Петрову, предоставившему монету для публикации. В настоящее время она хранится в Новгородском музее.

1. 1,06 г. Год и место находки не известны. НГМ (Новгородский музей), коллекция В. В. Лукьянова (далее везде – кол. Лук.), № 380,1.

2. 1,04 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 380,2.

3. 1,03 г. Новгород, Воскресенская слобода (сборы А. Ф. Петрова, 1980—1982 гг.). НГМ, коллекция А. Ф. Петрова (далее везде — кол. Пет.).

4. 0,83 г. Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы Г. М. Штендера, 1961—1963 гг.). НГМ.

5. 1,14 г. Новгород, неподалеку от церкви Ильи и храма Петра и Павла, 1936 г. ГИМ, археологический отдел, № 78439–21081. Изд. [12, с. 137, № 9].

Вариант 2. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 1.

О.с. Трехстрочная надпись: КНЗ/ЯВЕЛИ/КОГО; вокруг точечный ободок (рис. 1, *2*). 3 экз.

1. 0,91 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 91529/КП 3416.

2. 0,85 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12934.

3. 1,09 г. Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы Г. М. Штендера, 1961—1963 гг.). НГМ.

Вариант 3. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 1.

О. с. Четырехстрочная надпись: КН/ЗЯВЕ/ЛИК/ОГО; вокруг точечный ободок. В конце третьей строки стоит точка (рис. 1, *3*). 9 экз.

1. 1,16 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12940. Изд. [2, с. 16, № 20, табл. 2, рис. 20; 4, с. 148, № 2/1122 (№ 413), табл. VII, *413*].

2. 1,06 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12 941.

3. 0,76 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 381,5.

4. 1,01 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 382,3.

5. 0,73 г. (корродирована), Новгород (?). НГМ, кол. Пет. (приобретена А. Ф. Петровым в 1980—1982 гг.).

6. 1,02 г. Новгород, берег р. Копань у гостиницы «Садко» (сборы М. В. Шорина, 1970-е годы). НГМ.

7. 0,96 г. Новгород, берег р. Копань у гостиницы «Садко» (сборы М. В. Шорина, 1970-е годы). НГМ.

8. 0,55 г. (корродирована). Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы М. В. Шорина, 1970-е годы). НГМ.

9. 1,22 г. Новгород, левый берег Волхова напротив гребной базы «Спартак» (сборы Ю. П. Конькова, 1982 г.). Коллекция Ю. П. Конькова (далее везде — кол. Кон.).

Вариант 4. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 1.

О. с. Четырехстрочная надпись: КН/ЗЯВЕ/ЛИКО/ГО; вокруг точечный ободок. В конце надписи стоит точка (рис. 1, *4*). 11 экз.

1. 0,95 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 91529/КП 3409. Изд. [3, с. 27, № 125].

2. 1,15 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 91529/КП 3410.

3. 1,03 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 91529/КП 3411.

4. 0,81 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 97529/КП 3412.

5. 0,81 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 91529/КП 3413.

6. 0,91 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12937. Изд. [4, с. 148, № 413, № 3/1123].

7. 1,10 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12938.

8. 1,22 г. Новгород, левый берег Волхова напротив гребной базы «Спартак» (сборы А. Ф. Петрова, 1982 г.). НГМ, кол. Пет.

9. 1,03 г. Новгород, берег р. Копань у гостиницы «Садко» (сборы М. В. Шорина, 1970-е годы). НГМ.

10. 1,49 г. Новгород. Кол. Кон. (приобретена Ю. П. Коньковым в 1984 г.).

11. 0,99 г. Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы Ю. П. Конькова, 1983 г.). Кол. Кон.

Вариант 5. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 1.

О. с. Трехстрочная надпись: КНЗ/ЯВЕЛИ/КОГО; вокруг точечный ободок (рис. 1, *5*). 3 экз.

1. 0,92 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 381.4.

2. 0.65 г. Новгород, возле церкви Троицы (сборы А. Ф. Петрова. 1980—1982 гг.). НГМ, кол. Пет.

3. 0,75 г. (обломана). Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы Г. М. Штендера, 1961—1963 гг.). НГМ.

Вариант 6. Л. с. Птица вправо, как и в варианте 1, но другого штемпеля, над правым крылом шестиконечная звездочка, ниже хвоста три точки в виде треугольника; вокруг точечный ободок.

О. с. Тот же штемпель, что и в варианте 1 (рис. 1, *6*). 3 экз.

1. 0,98 г. Новгород (?). Кол. В. Г. Куприянова (Калинин). Приобретена владельцем в конце 1970-х годов.

2. 0.87 г. Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы А. Ф. Петрова, 1985 г.). Кол. Коп.

3. 0,63 г. (корродирована). Новгород, Городище (сборы А. И. Зайцева, 1986 г.). Кол. А. И. Зайцева (Новгород).

Вариант 7. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 6.

О. с. Тот же штемпель, что и в варианте 4 (рис. 1, *7*). 8 экз.

1. 1,17 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 91529/КП 3415.

2. 0,71 г. Год и место находки не известны. ГИМ, дублетный фонд.

3. 1,11 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12939.
4. 1,04 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 381,2.
5. 1,01 г. Новгород (?). НГМ, кол. Пет. (приобретена А. Ф. Петровым в конце 1970-х годов).
6. 0,96 г. Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы А. Ф. Петрова, конец 1970-х годов). НГМ, кол. Пет.
7. 0,65 г (корродирована). Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы М. В. Шорина, 1970-е годы). НГМ.
8. 1,02 г. Год и место находки не известны. Кол. А. В. Чернецова (Москва).

Вариант 8. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 6.

О. с. Тот же штемпель, что и в варианте 5 (рис. 1, *8*). 5 экз.
1. 1,00 г. Год и место находки не известны. ГИМ, № 91529/КП 3414.
2. 1,14 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 381.1.
3. 0,86 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 381,3.
4. 0,94 г. Новгород, левый берег Волхова напротив гребной базы «Спартак» (сборы А. Ф. Петрова, конец 1970-х годов). НГМ, кол. Пет.
5. 0,68 г. Псков, левый берег Великой напротив Кремля (сборы В. М. Муспйчука, 1970—1974 гг.). Кол. В. М. Муспйчука (Псков).

Вариант 9. Л. с. Птица вправо, как и в варианте 1, но другого штемпеля; вокруг точечный ободок.

О. с. Тот же штемпель, что и в варианте 5 (рис. 1, *9*). 3 экз.
1. 1,37 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 383,1.
2. 0,91 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 382,4.
3. 1,07 г. Новгород, левый берег Волхова напротив гребной базы «Спартак» (сборы Ю. П. Конькова, 1983 г.). Кол. Кон.

Вариант 10. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 9.

О. с. Трехстрочная надпись: КНЗ/ЯВЕЛИ/КОГО; вокруг точечный ободок (рис. 1, *10*), 3 экз.
1. 1,03 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 383,3.
2. 0,67 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 383,4.
3. 1,1 г. Новгород, левый берег Волхова напротив гребной базы «Спартак» (сборы Ю. П. Конькова, 1982 г.). Кол. Кон.

Вариант 11. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 9.

О. с. Четырехстрочная надпись: КН/ЗЯВЕ/ЛИКО/ГО; вокруг точечный ободок. В конце надписи стоит крестик (рис. 1, *11*). 2 экз.
1. 1,04 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 383.2.
2. 1,02 г. Новгород (?). НГМ, кол. Пет. (приобретена А. Ф. Петровым в конце 1970-х годов).

Вариант 12. Л. с. Птица вправо, как и в варианте 1, но другого штемпеля; вокруг как будто линейный ободок.

О. с. Тот же штемпель, что и в варианте 10 (рис. 1, *12*). 3 экз.
1. 1,06 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12935.
2. 0,95 г. Год и место находки не известны. ГЭ, № 12936.
3. 0,99 г. Год и место находки не известны. Калининский музей.

Вариант 13. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 12.

О. с. Трехстрочная надпись: КНЗ/ЯВЕЛИ/КОГО; вокруг точечный ободок (рис. 1, *13*).

1 экз. 0,91 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 382.5.

Вариант 14. Л. с. Птица вправо, как и в варианте 1, но другого штемпеля; вокруг точечный ободок.

О. с. Тот же штемпель, что и в варианте 11 (рис. 1, *14*).

1 экз. 0,95 г. Новгород, левый берег Волхова напротив гребной базы «Спартак» (сборы А. Ф. Петрова, 1982 или 1983 г.). НГМ, кол. Пет.

Вариант 15. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 14.

О. с. Тот же штемпель, что и в варианте 13 (рис. 1, *15*). 6 экз.
1. 1,02 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 382.1.
2. 1,14 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Лук., № 382.2.
3. 1,19 г. Новгород, левый берег Волхова напротив гребной базы «Спартак» (сборы А. Ф. Петрова, 1983 г.). НГМ, кол. Пет.
4. 0,70 г. (обломана). Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы М. В. Шорина, 1970-е годы). НГМ.
5. 0,99 г. Новгород, берег Волхова у Кремля (сборы Ю. П. Конькова, 1985 г.). Кол. Кон.
6. 0,52 г. (обломана). Новгород. Кол. Кон. (приобретена Ю. П. Коньковым в 1984 г.).

Вариант 16. Л. с. Тот же штемпель, что и в варианте 14.

О. с. Четырехстрочная надпись: ОСП/.ДАРЬ/.СИЯР/.СИ (рис. 1, *16*).

1 экз. 0,70 г (корродирована). Новгород (?). НГМ, кол. Пет. (приобретена А. Ф. Петровым в 1980—1982 гг.).

О. с. этого варианта выбита штемпелем для серебряной денги, чеканившейся в Новгороде вскоре после его присоединения к Москве: Л. с. Всадник с занесенным мечом скачущий вправо, под конем буква А; круговая надпись: КНЗЬВЕЛИКИ-ИВАНЬВАСИЛЬЕВИЧ; вокруг ободок из точек. О. с. Продолжение надписи в четыре строки: ОСЦ/ОДАРЬ/ВСИЯР/УСИ; вокруг точечный ободок (рис. 1, *17*).

Л. с. указанной серебряной монеты также связана с чеканом великокняжеских пул. В собрании ГИМ хранится уникальный экземпляр серебряной денги с обыч-

ной л. с. (тот же штемпель, что и у описанной денги) и с надписью КНЗ/ЯВЕЛИ/ /КОГО на о. с., выбитой штемпелем для вариантов 5,8 и 9 пул «князя великого» (рис. 1, *18*. Монета из кол. Э. К. Гуттен-Чапского, см. примеч. 4).

Кроме описанных имеются 9 пул с надписью «князя великого», штемпели которых точно атрибутировать не удалось.

1. 1,01 г. Год и место находки не известны. ГЭ, дублетный фонд.
2. 1,16 г. Год и место находки не известны. НГМ, коллекция В. М. Гаршина (далее везде — кол. Гарш.).
3. 0,67 г. Год и место находки не известны. НГМ, кол. Гарш.
4. 0,63 г. Новгород (?). Год находки не известен. НГМ.
5. 0,59 г. Новгород, Городище (сборы В. Н. Суховарова. 1970—1973 гг.). НГМ.
6. 1,02 г. Новгород, Городище (сборы Н. П. Пахомова, 1970 г.). НГМ.
7. 0,69 г. Новгород, Городище (сборы Н. П. Пахомова, 1970 г.). НГМ.
8. 0,54 г. (обломана). Новгород (сборы А. Ф. Петрова, 1977 или 1978 г.). В Новгородский музей вместе с кол. А. Ф. Петрова эта монета не поступала. Местонахождение ее не известно.
9. Калинин, Барминовская слобода (сборы В. Г. Куприянова, 1973 г.). Вес и местонахождение не известны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XV—XVI вв. // НЭ. 1984. Т. XIV.
2. *Рейхель Я.* Дополнения к русской нумизматике среднего века. Ч. I. СПб., 1847.
3. *Гуттен-Чапский Э. К.* Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875.
4. *Толстой И. И.* Русская допетровская нумизматика. Вып. 1. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884.
5. *Чудовский Д. Н.* «Новгородки». Критический разбор первых двух выпусков «Русской допетровской нумизматики» И. И. Толстого, Киев, 1887.
6. *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
7. *Чертков А. Д.* Описание древних русских монет. М., 1834.
8. *Калинин В. А.* Новгородский денежный двор в начале 1480-х годов // СГЭ. 1973. Вып. XXXVI.
9. *Львов М. А.* Великокняжеские новгородки (опыт поштемпельного анализа русских монет XV в.) // Русская нумизматика XI—XX веков. Л.: Аврора, 1979.
10. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
11. *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV—XVI вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1985.
12. *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // МИА, 1949. № 11.

Е. И. БЕСПАЛЫЙ, П. А. ЛАРЕНОК

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ У ГОРОДА АЗОВА

В 1984 г. исследовались курганы в зоне строительства Приморской оросительной системы на территории Доно-Кагальницкого водораздела. В группе Высочино V был раскопан кург. 10, расположенный в 9 км к востоку — юго-востоку от г. Азова, на северном гребне водораздела. Высота кургана 3.75, диаметр около 60 м. Насыпь кургана сооружена в два приема над естественным всхолмлением, которое использовалось как могильник в эпоху поздней бронзы. Первая насыпь была сооружена над раннескифским погребением (11), в дальнейшем в курган были впущены погребения раннего железного века. С погребением (8) среднесарматского времени связано, видимо, сооружение кольцевого рва с двумя перемычками.

Вторая насыпь кургана была сооружена в средние века над погребением, которому посвящено наше сообщение. Погребение (рис. 1, *1*) впущено в первую насыпь. В южном секторе вокруг ямы прослежен подковообразный глинистый выкид. Могильная яма катакомбной конструкции, ориентирована камерой к югу. Входной колодец, округлый в плане, 1,3×1,4 м, дно колодца двумя ступеньками, высотой 0.53 и 0,1 м, переходит в дно камеры. Камера в плане овальная, 1,5×2.5 м, ориентирована длинной осью по линии запад — восток. Вход в камеру и ее свод просели в древности. Вход был закрыт жердями, плахами и войлоком, на котором прослеживались остатки кольчуги. Возможно, заклад сооружался таким

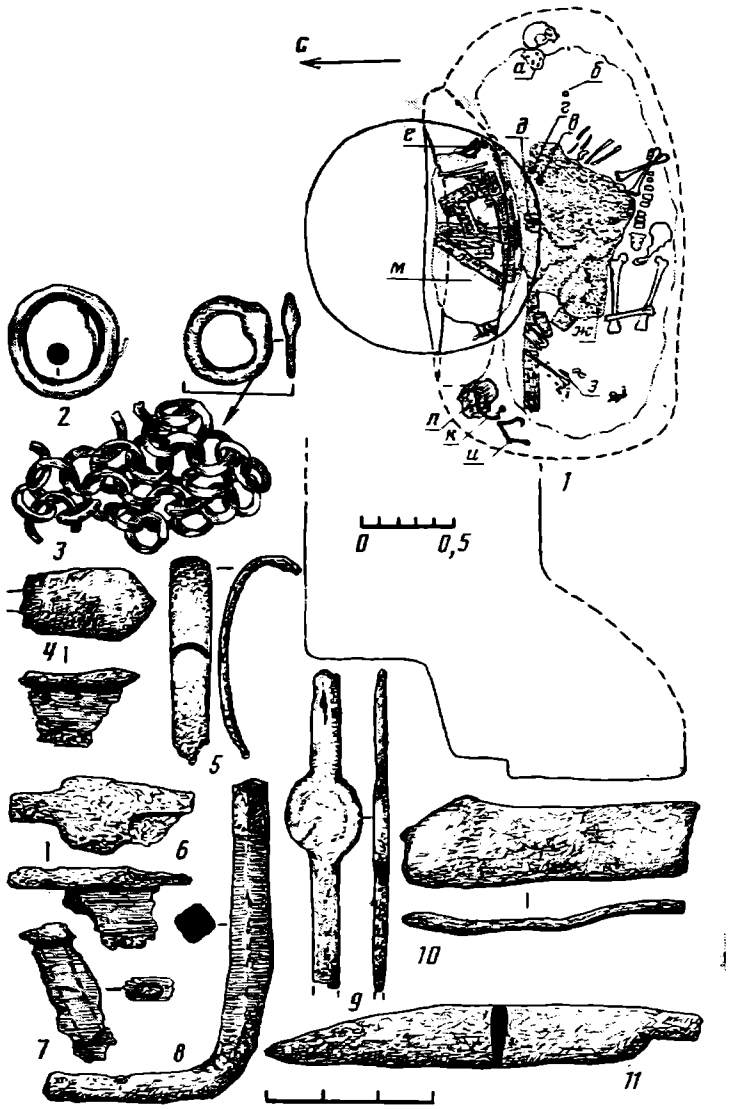


Рис. 1. 1 – план и разрез погр. 1 кург 10 группы Высочино V; *2* – кольцо (серебро?); *3* – фрагмент кольчуги (железо); *4*, *5* – железные накладки на деревянный предмет; *6* – фрагмент обоймы ножен сабли (?), железо; *7*, *8* – гвозди железные; *9*, *10* – фрагменты железных накладок; *11* – железный нож. На плане погребения: *а* – скопление фрагментов бронзы; *б* – кольцо; *в* – ложка, дерево; *г* – нити золотой парчи; *д* – бронзовые скобки и железная пряжка; *е* – остатки ремня с железной пряжкой; *ж* – кольчуга; *з* – нож; *и* – крюк для подвешивания котла; *к* – фрагменты котла; *л* – прокаленный грунт; *м* – заклад входа в погребальную камеру

образом: сначала были установлены жерди, как вертикально, так и горизонтально, затем положена войлочная кошма с кольчугой, далее, видимо, для того чтобы грунт засыпи колодца не продавил эту конструкцию, были установлены вертикальные и горизонтальные плахи шириной 15 и толщиной 3 см. Перед совершением погребения поверхность вокруг входного колодца и к северу от него была выстлана камышом. После совершения погребения на камыш в 1 м к северу — северо-востоку от колодца была положена часть туши коня (сохранились только лопатка, плечевая и лучевая кости и ребра). Среди костей найдены остатки упряжи: тлен кожаного ремня шириной около 2 см, на который бронзовыми скобками крепилась серебряная с позолотой фольга (рис. 2, *6*, *7*). Около костей лошади прослеживались остатки волосяного аркана (?), сплетенного из трех скрученных жгутов толщиной до 0,7 см каждый.

Входной колодец был засыпан черноземом. Прослойка чернозема также перекрывала всю первую насыпь и выкид из погребения. В дальней-

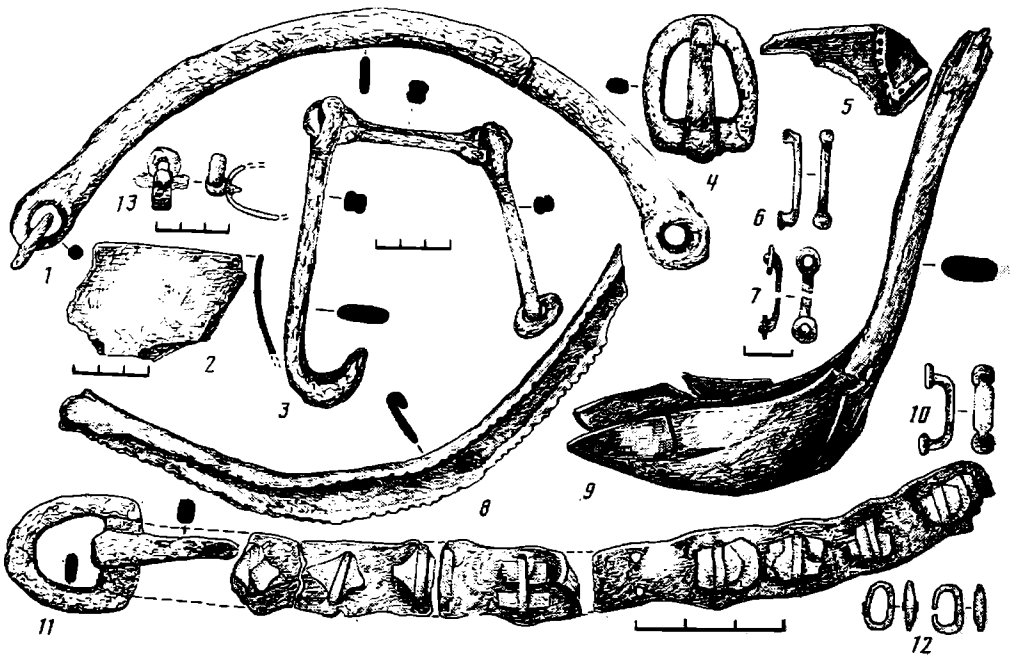


Рис. 2. *1* – дужка котла; *2* – фрагмент верхней части котла; *3* – крюк для подвешивания котла; *4* – пряжка; *5*, *8* – детали кожаных изделий; *6*, *7*, *10*, *12* – бронзовые скобки (детали ремней); *9* – ложка (дерево); *11* – фрагменты ремня со скобами и накладками и железной пряжкой; *13* – обойма ножен сабли (*1*–*4*, *11*, *13* – железо)

шем погребение было вскрыто, вероятно, для ритуального разрушения скелета. При этом заполнение колодца полностью не выбиралось, что видно в восточной части колодца, где под отваленными плахами заклада, лежавшими наклонно, зафиксирован слой заполнения. Бо́льшая часть заклада просела в камеру. Вероятно, насыпь над погребением была сооружена после этого разрушения.

На дне камеры в непотревоженном состоянии сохранилась часть скелета взрослого мужчины (позвоночник, таз, бедренные кости). Судя по ним, погребенный лежал вытянуто, на спине, головой к востоку. По дну камеры зафиксированы также остатки подстилки: коричневый тлен, поверх него слой войлока, перекрытый тленом зеленого цвета. На дне камеры найдены остатки погребального инвентаря: в восточной части камеры — обломки деревянной ложки (рис. 2, *9*). Во входе под ступенькой лежала берестяная полоса, свернутая по длинной оси, края которой аккуратно обрезаны, длина ее 20 см. Среди остатков заклада и в заполнении встречены фрагменты гвоздей или скоб с тленом дерева на поверхности (рис. 1, *8*), видимо, детали крепления заклада. В центральной части камеры, среди обломков перекрытия встречались обрывки кожаного ремня шириной около 1,6 см с железной пряжкой. К ремню скобками крепилась свинцовая полоска (сохранилась фрагментарно), обтянутая электровой фольгой (рис. 2, *10*, *11*). В центральной части заклада среди просевших плах найдено большое количество бронзовых обоймочек с несомкнутыми или с заходящими друг за друга концами (рис. 2, *12*). В заполнении камеры найдены: на деревянном предмете две железные накладки (рис. 1, *4*, *5*), одна железная пряжка, идентичная по форме найденной среди плах заклада, с частью ремня (рис. 2, *4*), неопределимые обломки бронзовой пластины, фрагменты обойм ножен сабли (?), одна из которых с подвижным кольцом для крепления портупеи (рис. 1, *6*; 2, *13*), железный черешковый нож (рис. 1, *11*), а также обрывки кожаных изделий и железных пластинчатых накладок. В восточной части камеры на дне найдено серебряное (?) височное кольцо (рис. 1, *2*). В юго-восточной части камеры лежал обломок плитки песчаника с зашлифованными плоскостями и одной боковой гранью. Остатки железной кольчуги

найдены во входе и в заполнении камеры, основное их скопление зафиксировано в центре камеры. Кольчуга (рис. 1, *3*) набрана из уплощенных в сечении колечек диаметром 1,1 см, скрепленных «на гвоздь». На кольчуге прослежены остатки нитей золотого шитья (парчи) и неопределимые тонкие обломки железных пластин. В северо-западной части камеры найдены фрагменты котелка из тонкого листового железа с массивной кованой дужкой (рис. 2, *1*, *2*) и трехчленный крюк с кольцом для подвешивания котелка (рис. 2, *3*). Звенья крюка выкованы из согнутого вдвое, круглого в сечении стержня.

Прямые аналогии описанной погребальной конструкции в степных курганах нам неизвестны. Определенное сходство высочанская катакомба имеет с аланскими погребениями в Прикубанье, на Северном Кавказе, в салтовских древностях. Но этого сходства недостаточно, чтобы делать выводы об этнической принадлежности погребения.

Ритуальное разрушение погребений в средневековье хорошо известно на Северном Кавказе и в салтово-маяцких памятниках [1, с. 83: 2, с. 181]. В степных нижнедонских подкурганных захоронениях этот обряд зафиксирован и в золотоордынских погребениях, в ямах с заплечиками [1].

Фрагментарность погребального инвентаря затрудняет решение вопроса о дате погребения. Возможно, как хронологический признак следует рассматривать наличие в погребении котла. Этот элемент погребального инвентаря, на наш взгляд, характерен для домонгольских погребальных комплексов, в то время как в погребениях, четко датируемых XIII—XIV вв., находятся миниатюрные бронзовые ведерки-котелки, которые мы склонны рассматривать как «модели» котлов. В позднекочевнических погребениях чаще встречаются бронзовые или медные котлы [3], форму которых в виде усеченного конуса повторяет наш котел из тонкого листового железа. В то же время аналогии крюку для подвешивания котла, правда несколько иной конструкции, известны в кургане «Джурпева Могила» у хут. Нижняя Козинка в Азовском р-не Ростовской обл. [4, с. 287, рис. 1, *3*], датированном XIII—XIV вв.

Найденные в погребении пряжки можно было бы отнести к подпружным и датировать XII—XIII вв. [5, с. 77, рис. 43, *9*]. Однако отсутствие как в самом погребении, так и в сопровождавшем его комплексе каких-либо деталей конской упряжи не позволяет нам безоговорочно интерпретировать пряжки как подпружные. Возможно, что подобный тип пряжек использовался и в качестве детали портупеи, как, например, в захоронениях Балымерских курганов [6, с. 115, рис. 42, *14*], датированных XII—XIV вв.

Датировать кольчугу трудно, покрой ее не восстанавливается. Кольчуга набрана из колец одинакового размера, плоских в сечении, склепанных «на гвозь». Время появления такого доспеха А. Н. Кирпичников относит примерно к 1200 г. [7, с. 14]. Следует отметить, что кольца кольчуги из публикуемого нами погребения меньше по диаметру кольца русских кольчуг, исследованных А. Н. Кирпичниковым. Возможно, время появления приема клепки доспеха «на гвоздь» для степи будет иным, чем для территории Древней Руси.

В целом же комплекс этого погребения мы склонны датировать концом домонгольского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
2. *Флеров В. С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
3. *Швецов М. Л.* Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. 1974. № 13.
4. *Горбенко А. А., Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Позднекочевническое погребение из кургана у хут. Нижняя Козинса // СА. 1975. № 1.
5. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв. // САИ. 1963. Вып. Е1-36.
6. *Халикова Е. А.* Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. // КСИА. 1965. Вып. 104.
7. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3 // САИ. 1971. Вып. Е1-36.

[1] Раскопки Л. М. Казаковой и авторов в г. Ростове-на-Дону в 1973 г., кург. 13 и 18. Коллекции хранятся в Ростовском областном музее краеведения: КП-6869.

В. КАЗАКЯВИЧЮС

НАХОДКА ДВУПЛАСТИНЧАТОЙ ФИБУЛЫ В ЛИТВЕ

В 1980 г. при исследовании грунтового могильника V—VI вв. у с. Плинкайгалис, Кедайнского р-на (Центральная Литва), впервые на территории балтских племен была обнаружена двупластинчатая фибула (рис. 1, *1*). В настоящей заметке автор пытается выяснить, когда и откуда этот предмет украшения попал на территорию Литвы.

Погребение 144, в котором была найдена фибула, вскрыто на восточной окраине могильника. Скелет мужчины 45—50 лет был обнаружен на глубине 0,4 м. Он лежал в вытянутом положении на спине со сложенными на груди руками (рис. 2). На дне могильной ямы, рядом со скелетом, обнаружены четыре камня величиной 18×14×15, 18×18×16, 30×20×18 и 36×22×20 см. Такие камни — не первая находка и связаны скорее всего с погребальными традициями жителей Центральной Литвы.

Погребальный инвентарь, за исключением фибулы, был не богат[1]. Поперек груди погребенного лежала двупластинчатая фибула (рис. 3). Ею была застегнута верхняя одежда или полотно, остатки которого прослеживаются на кости под ножкой фибулы. Рядом с ее верхней пластинкой найдена крупная янтарная бусина-амулет (рис. 1, *3*). Она, по-видимому, была привязана к одной из кнопок или пружине фибулы. У правой бедренной кости обнаружены два ножа: один — длиной 25 см, видимо, являлся оружием, другой — длиной 12 см, очевидно, бытового назначения (рис. 1, *5*, *6*). Железная пряжка от поясного ремня найдена на правой

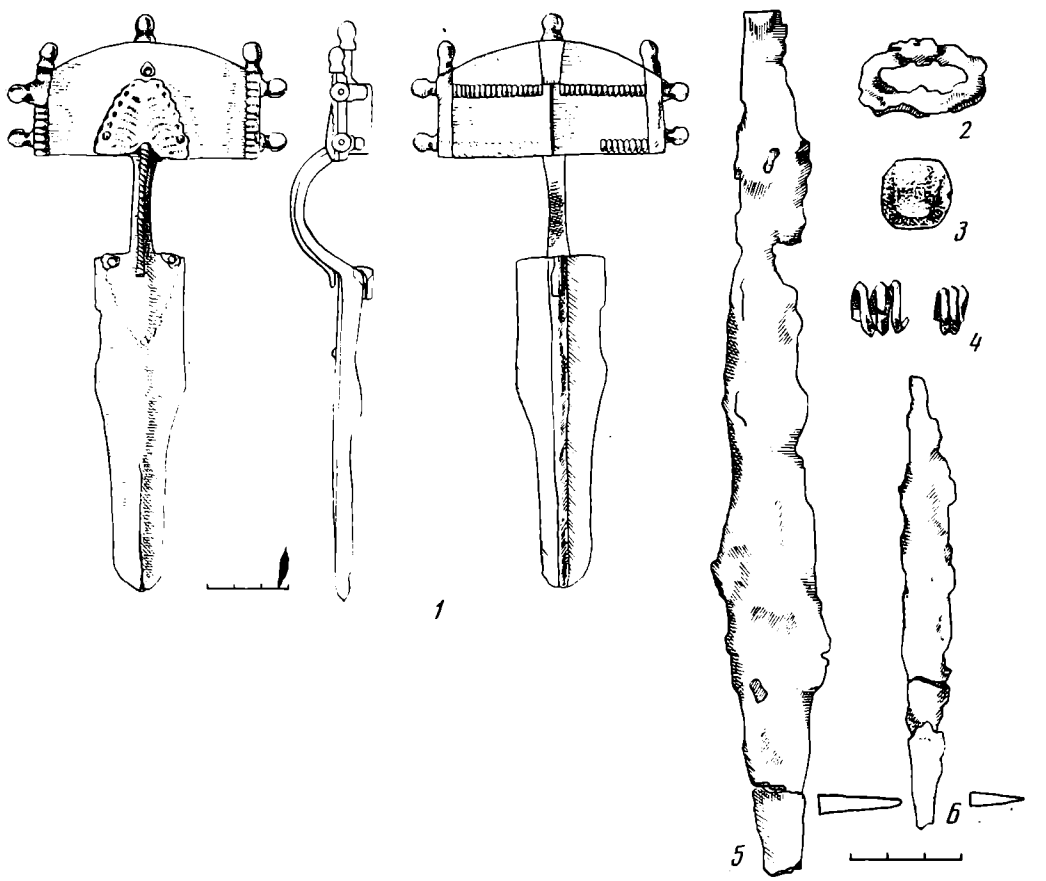


Рис. 1. Инвентарь погр. 144 из мог. Плинкайгалис. *1* — двупластинчатая фибула; *2* — железная пряжка; *3* — янтарная бусина-амулет; *4* — бронзовая спираль; *5*, *6* — железные ножи

[1] Материалы из раскопок Плинкайгальского могильника хранятся в Историко-этнографическом музее Литовской ССР, в г. Вильнюсе. Отчет о раскопках — в отделе археологии Ин-та истории АН ЛитССР, дело № 788.

тазовой кости скелета. Бронзовая спираль большого диаметра, неясного назначения, лежала у левой плечевой кости умершего (рис. 1, *2*, *4*). Как видим, в погребальном инвентаре не было хорошо датированных вещей местного производства. Поэтому при датировке погребения приходится ссылаться на импортную двупластинчатую фибулу.

Фибула, величиной 21,5 см, изготовлена из серебра, бронзы и железа. Две железные пружины и бронзовая рамка прикрываются серебряной пластинкой неправильной полукруглой формы величиной 8×4,3 см. Ее края укреплены бронзовыми стержнями, имеющими волнистый орнамент, и украшены симметрично расположенными бронзовыми кнопками. На верхней серебряной пластинке посередине тремя заклепками прикреплена вторая бронзовая декоративная орнаментированная пластинка листообразной формы, предназначенная визуально уменьшить большую гладкую серебряную пластинку. Дуга фибулы треугольного поперечного сечения украшена сверху прикрепленной орнаментированной бронзовой проволокой, концы котовой спрятаны под пластинками листообразной формы. Вторая листообразная пластинка была на ножке, но, к сожалению, не сохранилась.

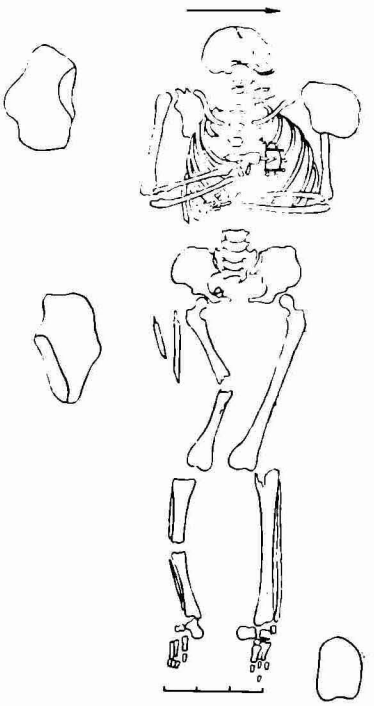


Рис. 2. Погребение 144 из мог. Плинкайгалис

В советской археологической литературе такие фибулы называются двупластинчатыми и разделяются на две подгруппы [1, с. 77]. По клас-

Рис. 3. Двупластинчатая фибула in situ

сификации А. К. Амброза, фибула из могильника Плинкайгалис относится ко второй подгруппе, варианту Б [1, с. 87]. Но наша фибула может быть отнесена к типу больших, гладких, без инкрустаций фибул, выделенному Й. Вернером под названием Дьюлавари-Косино-Тисалёк (Gyulavari-Kosino-Tiszalök) [2, с. 423, 424]. Больше всего таких фибул обна-

ружено в Среднем Подунавье, на территории современной Венгерской Народной Республики [3, карта 3].

Фибулы типа Дьюлавари-Косино-Тисалёк на территории Венгрии обнаруживаются в женских погребениях второй половины V в. [1, с. 91]. Фибула из Плинкайгалиса найдена в мужском погребении. В женских погребениях середины I тыс. н. э. на территории Литвы такие большие фибулы не встречаются.

Обнаруженную в Плинкайгалисе фибулу вряд ли можно датировать второй половиной V в. Судя по технике изготовления и отдаленности от основной территории распространения таких фибул, двупластинчатую фибулу из погр. 144 следует датировать примерно 500 г. или даже началом VI в.

Двупластинчатая фибула из Плинкайгалиса свидетельствует о культурно-экономических связях между балтами и племенами Центральной Европы в эпоху Великого переселения народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбзор А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
2. *Werner J.* Studien zu Grabfunden des V Jahrhundert aus der Slowakei und Karpatenukraina // Slovenska archeologia. 1959. B. 7. H. 2.
3. *Tejarl J.* Mähren im 5. Jahrhundert // Studie archeologického ûstavu Čekoslovenske Akademie věd v Brne. 1973. H. 3.

Н. А. МАКАРОВ

МЕЧ ИЗ КЕМСКОГО НЕКРОПОЛЯ

В 1981—1985 гг. Онежско-Сухонский отряд ИА АН СССР провел широкие раскопки средневекового некрополя Никольское III на р. Кеме [1], впадающей в Белое озеро с северо-запада. За четыре полевых сезона здесь было исследовано свыше 70 подкурганных и грунтовых погребений XI в. По составу инвентаря, среди которого многочисленные западноевропейские монеты, поливная керамика, стеклянные перстни, топорик с серебряной инкрустацией, этот могильник резко отличается от основной массы погребальных памятников Архангельского и Вологодского Севера. В числе наиболее интересных предметов — меч, найденный в одном из захоронений.

Меч происходит из кург. 1. Высота этого кургана составляла 0,8, диаметр — 6 м, насыпь сооружена из песка. Концентрический ровик вокруг кургана отсутствовал, но у западной полы зафиксирована яма, откуда был взят грунт для насыпи. Под насыпью прослежен слой погребенного дерна — белой золистой супеси толщиной 4—6 см. Могильная яма длиной 2,60, шириной 0,95 и глубиной 1,0 м вырыта в материке. В заполнении ее, ближе к придонной части, найдено три гвоздя от гроба.

На дне ямы расчищен костяк мужчины 35—45 лет [2]. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Череп повернут лицевой частью вправо, правая рука была вытянута, левая — согнута, кисть ее покоилась на груди. На левой стороне костяка лежал меч, навершие которого находилось на уровне левой лопатки, а конец клинка — около колена левой ноги (рис. 1). На клинке при расчистке были прослежены остатки деревянных ножен, позднее распавшиеся. На средний палец левой руки погребенного был надет серебряный перстень, у бедра справа лежал железный нож в кожаных ножнах. У левой бедренной кости прослежены остатки ткани. В ногах погребенного стоял лепной сосуд [2, л. 30—31].

[1] В литературе памятник известен как курганная группа у д. Болтинская [1, с. 261, 262]. Ныне этой деревни не существует.

[2] Антропологические материалы определены Г. П. Романовой.

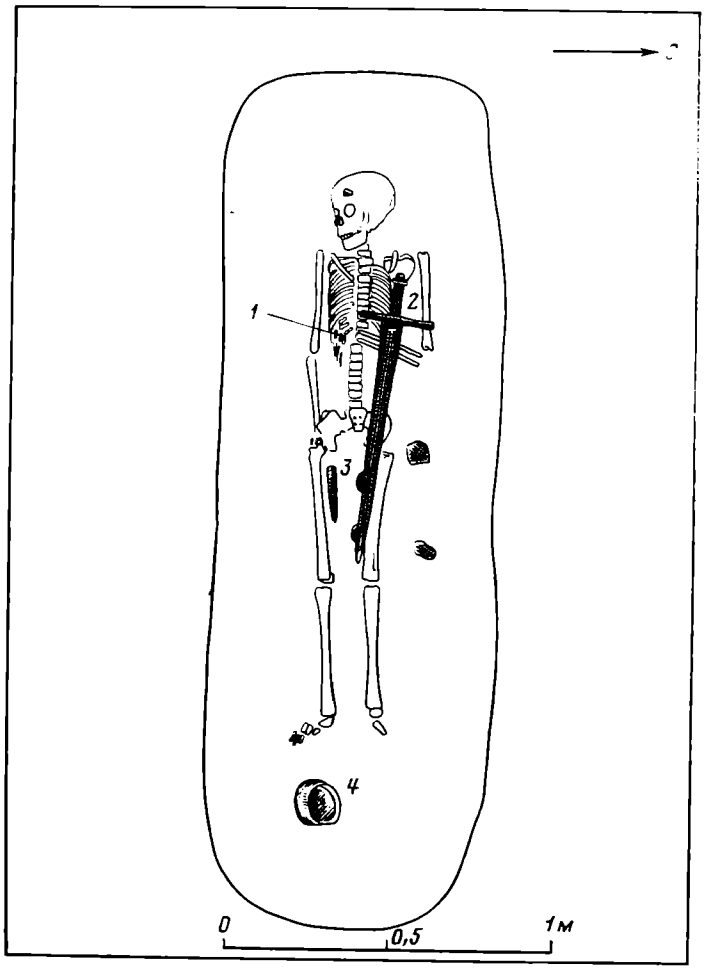


Рис. 1. Кемский некрополь. План погребения в кург. 1.
1 — перстень; *2* — меч; *3* — нож; *4* — горшок

Меч (рис. 2) имеет небольшое полукруглое навершие, узкое и длинное (21 см) перекрестье. Орнамент на рукоятке отсутствует. Общая длина меча 95 см, однако острие клинка было утрачено при реставрации. Ширина клинка около 5 см. Меч может быть отнесен к типу X по классификации Я. Петерсена — А. Н. Кирпичникова [3, с. 33]. Этот тип — один из самых простых и вместе с тем один из самых распространенных, особенно в Скандинавии, Финляндии и Польше. На территории Руси мечи типа X найдены в Новгороде, Гнездове, Тимереве и Михайловском [3, с. 82]. Я. Петерсен выделил поздний вариант мечей типа X, для которого характерно маленькое навершие и удлиненное перекрестье, достигающее 17,7 см [4, с. 160]. Меч из Кемского некрополя обнаруживает наибольшую близость к мечам этого варианта, хотя его перекрестье на 3,3 см длиннее. Этот признак сближает его с мечами XII—XIII вв.— типом IV по А. Н. Кирпичникову или типом X по А. Рутткау [3, с. 54; 5, с. 256]. Следует отметить, что большинство исследователей считают тип X переходным между мечами эпохи викингов и оружием последующего периода. Подобные мечи, относящиеся ко второй половине XI—XII в., одни археологи рассматривают как позднюю разновидность мечей типа X, а другие выделяют в отдельный тип [5, с. 252—256; 6, с. 10, 11, 14—16; 7, с. 26, 27].

На клинке меча удалось расчистить остатки клейма[3]: три вертикальные черты (?) две буквы N и букву O: III NNO . Остальная часть клейма полностью уничтожена коррозией. Весьма вероятно, что две или

[3] Расчистка проведена в лаборатории ИА АН СССР А. В. Григорьевым.

три вертикальные черты в начале клейма представляют собой следы плохо сохранившегося изображения креста. В этом случае расчищенную часть клейма можно реконструировать как ☩INNO или ☩NNO.

Сбольшой долей вероятности клеймо можно отнести к группе IV по классификации Д. А. Дрбоглава, очевидно, что аббревиатура надписи «In nomine domini» — «Во имя Господа» — одной из наиболее обычных формул клинковой эпиграфики. Однако плохая сохранность надписи не позволяет настаивать на данной атрибуции, не исключено, что клеймо следует относить к группе III, также включающей надписи, в начале которых стоят две буквы N [8, с. 14—16, 38—56, 116—120].

Положение рукояти меча в области грудной клетки костяка позволяет заключить, что меч был закреплен на перевязи, надетой на плечо погребенного. Такой способ ношения мечей был обычным в средневековье.

Среди инвентаря погребения отсутствуют предметы, позволяющие точно датировать комплекс. В целом Кемский некрополь датируется сравнительно узким хронологическим периодом — серединой — третьей четвертью XI в. Основой для датировки является нумизматический материал — 54 западноевропейских денария. Наиболее ранние погребения с монетами были совершены около 1040 г., наиболее поздние относятся к 1070-м годам. Общие хронологические рамки могильника и определяют дату кург. 1.

Мечи — исключительно редкая находка в древнерусских погребениях XI—XII вв. Из 75 мечей второй половины XI—XIII в., учтенных в сводке А. Н. Кирпичникова, лишь 14 происходит из погребений [3, с. 49, 50]. Исчезновение мечей из погребений в XI в. исследователи объясняют тем, что после принятия на Руси христианства их владельцы — дружинники и представители феодальной знати — стали строго соблюдать нормы христианской обрядности, предписывавшей не класть в могилу оружие и бытовые предметы. В бассейне оз. Белого и к северо-востоку от него на оз. Лача и в бассейне р. Ваги, где в последнее десятилетие исследована серия могильников XI—XIII вв., мечи, кроме находки из Кемского некрополя, неизвестны. Не встречены они и в комплексах XI—XII вв. в Юго-Западном Белозерье, на реках Суде, Колпи, Кабоже, Чагоде, где исследовано около 500 курганов древнерусского времени [9, с. 6]. Даже в Юго-Восточном Приладожье, откуда происходит значительное количество мечей (по данным С. И. Кочкуркиной — 19 [10, с. 89—91]), комплексы, относящиеся к XI в., редки. В Приладожье известно лишь три погребения по обряду ингумации с мечами [10, с. 89—91].

По обряду погребение в кург. 1 не отличается от остальных погребений Кемского некрополя, в котором преобладают трупоположения в подкурганных ямах с западной ориентировкой. Не выделяется оно и по размерам насыпи. Сопровождающий инвентарь (рис. 3) — лепной горшок с максимальным расширением в верхней трети высоты, выпуклым плечиком и отогнутым наружу венчиком, орнаментированный гребенчатым штампом; нож с узким клиновидным лезвием в ножнах, изготовленных из одного куска кожи, согнутого пополам и прошитого вдоль края лезвия,— обычен для остальных погребений могильника. Некоторую оговорку следует сделать лишь относительно перстня, изготовленного из перекрученного серебряного дрота (рис. 3, *3*). В мужских погребениях Кемского некрополя металлические украшения встречаются редко. Кроме погребения в кург. 1 можно указать лишь погр. 2 в кург. 26, где найден бронзовый перстень, и погребение в кург. 43, где обнаружено серебряное височное кольцо. Оба они сопровождались боевыми топорами.

Кемский некрополь не является рядовым сельским могильником. Многочисленные находки предметов вооружения и непропорциональное соотношение погребений в могильнике по полу и возрасту (из 74 определимых погребений 38 являются мужскими, 19 — женскими и 17 — детскими) указывают, что могильник связан с поселением, основную часть которого составляли мужчины-воины. По-видимому, часть из них являлась корен-

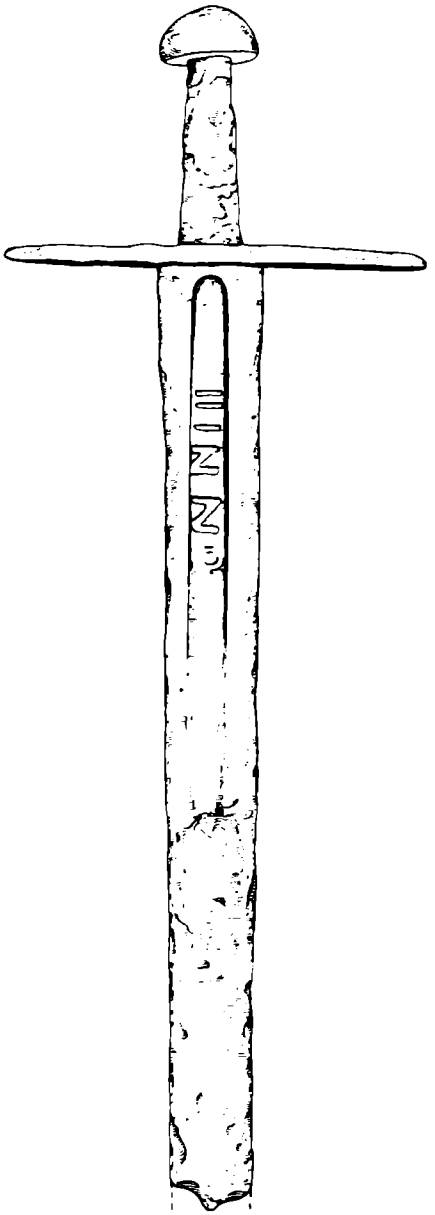
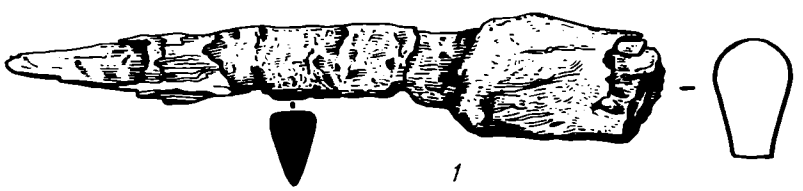


Рис. 2. Меч из кург. 1



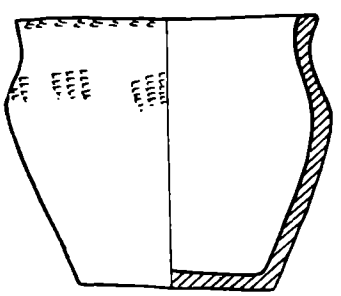


Рис. 3. Инвентарь погребения из кург. 1. *1* – нож в кожаных ножнах; *2* – лепной сосуд; *3* – перстень

ными обитателями Белозерья и лишь несла воинскую службу на северных окраинах Древнерусского государства. Одному из воинов-дружинников и принадлежал меч, найденный в кург. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубева Л. А.* Кемские курганы // СА. 1969. № 3.
2. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках и раскопках в Вологодской области в 1981 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8153.
3. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
4. *Petersen J.* De norske vikingesverd. Kristiania, 1919.
5. *Ruttkay A.* Waffen und reilerausrüg des 9 bis zur ersten häfte des 14 jahrhunderts in der Slowakei // Slovenska archeologia. 1976. V. XXIV. p., 2.
6. *Leppäaho J.* Spätteisenzeitliche waffen aus Finnland // SMYA. 1964. V. 61.
7. *Nadolski A.* Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XII wieku // Akta Archeologia universitetis Lodziensis. 1954. V. 3.
8. *Дрбоглав Д. А.* Загадки латинских клейм на мечах IX–XIV веков. М.: Изд-во МГУ, 1984.
9. *Башенькин А. Н.* Юго-западное Белозерье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986.
10. *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, 1973.

Критика и библиография

Джафаров А. К. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку: Элм, 1983. 63 с. 30 илл.

Палеолит Кавказа благодаря ряду причин постоянно привлекает пристальное внимание широкого круга специалистов. Здесь известно большое количество археологических памятников, включая ашельские и мустьерские, однако публикаций пока еще мало. Поэтому монографическая работа, посвященная Тагларской пещере (Азербайджан), в которой обильный археологический материал происходит из шести прекрасно сохранившихся культурных слоев, была встречена специалистами по палеолиту с большим интересом. Небольшая по объему книга состоит из краткого введения, шести глав и заключения.

В целом, работу можно подразделить на три части. Первая — введение и четыре первых главы — посвящена истории исследования палеолита в Азербайджане, геоморфологии и географическому положению памятника, методике раскопок и стратиграфии отложений пещеры, а также фауне. Вторая часть, представленная главой 5, посвящена описанию каменного инвентаря памятника. Этой главе, естественно, уделено основное внимание. Она имеет наибольший объем. Третья часть включает главу 6 — «Особенности каменного инвентаря и датировка стоянки» и краткое заключение.

Первая часть написана ясно и четко, она информативна. Памятник раскопан на достаточно современном научном уровне, о чем можно судить не только на основе текста монографии, но и на основе докладов, прочитанных А. К. Джафаровым на секторе палеолита ЛО ИА АН СССР. К сожалению, для более полного понимания стратиграфии пещеры одного продольного разреза мало. К тому же разрез на рис. 2 опубликован сильно уменьшенным: трудно разобраться в деталях стратиграфии памятника. Кроме того, в табл. 1 — «Видовой состав фауны Тагларской пещеры» — не указано ни количество костей, ни количество особей бурого медведя, который, однако, есть в общем списке таблицы и упоминается в тексте на с. 13.

Основной интерес представляет вторая часть книги, которая, как отмечалось, посвящена описанию массового археологического материала. Речь идет о главе 5 — «Характеристика каменного инвентаря». Она написана на высоком научном уровне, соответствует современной методике. Исчерпывающая характеристика каменного инвентаря дана по такой схеме: сырье, первичное расщепление, типологическая характеристика. Как показывает табл. 2, во всех шести культурных слоях Тагларской пещеры (слои 2, 3, 4а, 4б, 5 и 6) употреблялось одинаковое сырье. В разделе, посвященном первичному расщеплению, материал вновь анализируется по слоям. Учитывается максимальное число показателей техники раскалывания камня, включая нуклеусы и сколы. Для описания последних использованы метрические показатели. Рассматривается длина (табл. 4) и соотношение длины и ширины сколов (табл. 5). Удалось установить, что уменьшение размеров отщепов и пластин идет в направлении от более древних слоев к более поздним, а пластинчатый характер сколов-заготовок возрастал в обратном отношении. Показатели техники вновь даны по слоям. В итоге анализа стало ясно, что индустрия всех слоев Тагларской пещеры относится к леваллуазским с очень высокими индексами фасетирования и пластин. Очень благоприятное впечатление производит раздел типологической характеристики орудий. Хочется отметить, что А. К. Джафаров, взяв за основу широко применяющуюся в мировой практике методику Ф. Борда, не пошел по пути псевдоноваторства. В свое время Ф. Борду удалось доказать на основе гигантского археологического материала преимущество своей методики, в то время как все современные критики не смогли создать ничего лучше. Для доказательства преиму-

щества всякого новшества перед старым оно должно быть проверено практикой. В данном случае новые типологические разработки А. К. Джафарова модернизируют систему, улучшая ее как бы изнутри, совершенствуя ее элементы. В частности, леваллуазские и мустьерские остроконечники описываются по четкой и ясной схеме, где принимается во внимание характер, размеры и толщина орудий, а также удлиненность (отношение длины к ширине) заготовок, очертания изделий и порядок снятия (для леваллуазских острий). Эта система описания нова, интересна и информативна. Выясняется, что остроконечники Тагларской пещеры отличаются очень высокой степенью удлиненности и средними размерами (от 5 до 7 см), имея чаще всего треугольную форму. Вызывает интерес выделение новой разновидности леваллуазских остроконечников. Тщательно проведен анализ и остальных форм орудий — скребел, скребков, резцов и проколок, а также ножей с естественными обушками, выемчатых и зубчатых орудий. Образцово описана техника вторичной обработки.

Итак, вторая часть работы дает возможность увидеть индустрию всех слоев Тагларской пещеры во всем ее многообразии. Специалист, используя описания и превосходные по качеству исполнения иллюстрации каменных орудий, получает возможность для собственных суждений о материале, об особенностях и специфике тагларской индустрии, что очень важно. Думается, что эта глава может служить образцом описания каменных орудий ашело-мустьерского времени. Особенно интересно описание остроконечников.

В третьей части работы — глава 6 и заключение — дается обобщенный анализ технико-типологических показателей всех слоев, которые позволяют говорить об одной индустрии, представляющей единую линию развития, эволюционирующую во времени. А. К. Джафаров относит эту индустрию к группе типичного мустье, базирущейся на леваллуазской технике расщепления, с господством остроконечников и в меньшей степени скребел. Как представляется, если принять во внимание наличие в коллекции лимасов при господстве орудий мустьерской группы, можно говорить о своеобразной индустрии близкой шарантской типа ферраси, но с исключительным обилием леваллуазских острий. Правда, очень существенного расхождения здесь нет, ибо разница между мустье типа ферраси и типичным, в котором повышен показатель скребел, незначительна. В данном случае, если наличие лимасов подтверждает шарантский тип мустье, то малочисленность поперечных скребел и отсутствие ретуши кина́ — противоречит этому. Речь идет о специфическом явлении, аналогии которому имеются, как справедливо указано в монографии, в мустье Передней Азии. Своеобразна как техника вторичной отделки орудий, так и техника леваллуа, в которой абсолютно преобладают пластинчатые формы, включая острия леваллуа. Показательна пропорция, если использовать орудия «реальной» (по Ф. Борду) группы, между отщепами и пластинами леваллуа, с одной стороны, и леваллуазскими остроконечниками — с другой: если первых (преобладающих во всех европейских коллекциях) было 58, то вторых — 251 экз. Такие соотношения не типичны для палеолита Европы. Предложенная А. К. Джафаровым датировка была сформулирована в соответствии с возможностями, очень осторожно. Мустьерская индустрия существовала и развивалась в течение раннего вюрма до интерстадиала вюрм II—III французской схемы.

В заключении автор дает сопоставление тагларской индустрии с соседними индустриями Закавказья (Армения, Грузия) и более отдаленных территорий. Хорошо и убедительно обоснована близость с мустье Загроса.

К сожалению, эта хорошая работа, выполненная на высоком научном уровне и посвященная археологическому памятнику исключительно научного значения, издана малым тиражом, а иллюстрации, включая превосходные по качеству исполнения рисунки каменных орудий, а также упоминаемый выше стратиграфический разрез, напечатаны нечетко. Желательно было бы переиздать эту книгу, которая стала уже библиографической редкостью, дополнив ее новыми естественно-научными данными. Эта монография необходима широкому кругу специалистов, изучающих палеолит Кавказа, Передней Азии и Средиземноморья.

Н. К. Анисюткин

Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 153 с.

За последние 10—15 лет резко увеличилось количество исследований по археологии энеолита и бронзового века Закавказья, и в частности Грузии. В их число входят и работы публикационного характера, знакомящие читателей с результатами полевых исследований, и работы, посвященные изучению отдельных периодов и культур (общий обзор литературы см. работу [1]). В значительно меньшей мере представлены исследования, охватывающие материалы различных культур на протяжении нескольких тысячелетий. Это естественно: возросший материал и усложнение техники исследования требуют сосредоточения усилий, сужения специализации.

Тем больший интерес вызывает книга Г. Л. Кавтарадзе, выпущенная двумя изданиями — на грузинском и русском языках [2]. Как следует из названия работы, автор поставил перед собой задачу совершенно оригинальную — собрать воедино и систематически исследовать хронологические данные для различных эпох истории Грузии, от раннего энеолита до позднего бронзового века. Впервые вопросы хронологии культур Грузии стали предметом большого монографического исследования; впервые предлагаемые хронологические построения не ограничиваются пределами одной эпохи или культуры и, следовательно, узкими рамками одной исследовательской традиции.

Книга состоит из обширного (34 с.) введения и шести различных по объему (от 6 до 48 с.) глав. Бóльшую часть введения занимает историографический очерк, посвященный истории возникновения и развития метода уточнения радиоуглеродных дат с помощью калибрационных кривых. Начав с основополагающей работы У. Либби и указав основные причины несоответствия радиоуглеродных дат календарным, Г. Л. Кавтарадзе останавливается на истории создания дендрохронологических шкал и различных калибрационных кривых в 60—70-х годах [1].

Основная цель этого экскурса (нигде, правда, не сформулированная, но выясняющаяся из дальнейшего содержания книги) — показать возможность использования калиброванных дат для установления хронологии археологических культур Кавказа.

Закончив краткий обзор литературы, Г. Л. Кавтарадзе подходит к постановке своей первой исследовательской задачи: «Воспользовавшись калибрационной кривой Р. М. Кларка, созданной в Шеффилдском университете, мы попытались получить исправленные радиоуглеродные даты для добытых в Грузии образцов, возраст которых превышает 2700 лет (с осредненным значением)» (с. 22). Выбор этой наиболее современной из существующих в настоящее время кривых [3] подробно обосновывается автором на страницах введения. При исправлении дат по C_{14} возникает одна существенная трудность: кривая Р. М. Кларка, как и все другие кривые, не содержит данных для калибрации дат старше 6500 лет, т. е. мы до сих пор не можем получить научно достоверные данные об исправленных значениях дат по C_{14} для древнейших памятников энеолита Кавказа (культура Шулавери-Шому тепе). Однако Г. Л. Кавтарадзе считает «возможным получить исправленные даты и старше 6500 лет, экстраполируя данные кривой Кларка» (с. 26).

Результаты калибрации представлены в виде таблицы (с. 28—31), где указываются символы лабораторий, номера анализов, даты по C_{14} и их исправленные значения. Однако здесь отсутствуют названия памятников и слоев, из которых взяты образцы, не указываются случаи повторных анализов одних и тех же образцов. Даты не сгруппированы по историческим эпохам и периодам, а даются в последовательности лабораторных номеров. Поэтому для специалиста-археолога данная таблица оказывается недостаточно информативной. Можно лишь установить, что калибрации были подвергнуты 93 даты, причем 15 из них старше 6500 лет (отмечены звездочками).

Приведя эти данные, Г. Л. Кавтарадзе переходит к решению второй задачи — составлению хронологической таблицы археологических культур Грузии на основе калиброванных дат. Читателю может остаться непонятным, каким образом автор

[1] Работа над книгой завершена Г. Л. Кавтарадзе в основном к 1980 г. Публикации 1979—1980 гг., имеющие отношение к рассматриваемым вопросам, упомянуты автором в примечаниях.

использовал данные первой таблицы для своего хронологического построения. Чтобы выяснить это, надо проанализировать содержание всей книги. Поэтому прежде, чем рассматривать дальше содержание введения, укажем, как полученные даты распределяются по периодам (названия периодов соответствуют принятым в книге Г. Л. Кавтарадзе).

Ранний энеолит (шулавери-шомутепинская культура) — 14 дат[2]; средний энеолит — 1 дата; поздний энеолит (ранние памятники куро-аракской культуры) — нет дат; I фаза эпохи ранней бронзы (куро-аракская культура) — 12 дат (из них 4 автор считает неверными, 5 относятся к образцам из памятников Западной Грузии, района, находящегося вне основной территории куро-аракской культуры); II фаза эпохи ранней бронзы (финал куро-аракской культуры) — 12 дат; III фаза эпохи ранней бронзы (триалетские курганы I и II групп, по классификации Э. М. Гогадзе [4] — 4 даты; средняя бронза — 5 дат (из памятников Западной Грузии); поздняя бронза — 44 даты.

Как видно, почти половина всех дат приходится на период поздней бронзы, значительно хуже обеспечены датами другие периоды. В частности, для куро-аракской культуры, занимающей, по современным представлениям, длительный период времени (более 1000 лет), значительная серия дат имеется только для финального периода. Памятники, занимающие промежуточное положение между шулавери-шомутепинскими (ранний энеолит) и концом куро-аракской культуры (II фаза эпохи ранней бронзы), не имеют серий дат, достаточных для исследования.

Приведенное распределение дат по периодам, даже взятое само по себе, без учета разброса значений этих дат и прочности привязки памятников, из которых взяты образцы, к определенным периодам, показывает, что хронологические построения на основе калиброванных дат по C_{14} в настоящее время еще затруднительны. Это подчеркивает и Г. Л. Кавтарадзе во введении к своей работе: «Малое количество радиоуглеродных датировок археологических образцов, происходящих с территории Грузии, не позволяет эффективно использовать их в целях установления хронологии» (с. 31). Однако, сознавая условность хронологической системы, построенной на столь небольшом количестве данных, автор все же настаивает на актуальности ее создания. «Несмотря на недостаточность радиоуглеродных датировок для археологических культур Грузии древнейших периодов, мы попытались, в отличие от традиционной хронологической таблицы археологических культур Грузии V—II тысячелетий до н. э. (см. хронол. табл. 1), составить хронологическую таблицу опытного характера (см. хронол. табл. 2), основанную на данных калиброванных радиоуглеродных дат, учитывать которые, по нашему мнению, целесообразно» (с. 32).

Сравнение упомянутых автором таблиц позволяет оценить масштаб и характер предлагаемых нововведений. Общая последовательность периодов и культур остается неизменной; меняются датировки (все культуры удревняются) и частично распределение культур по периодам (например, широкоизвестная культура курганов Триалети, относимая традиционно к средней бронзе, переносится в конец раннебронзовой эпохи). Сама система периодизации становится более сложной: трехступенчатая в отдельных частях схема Г. Л. Кавтарадзе (эпохи делятся на фазы; фазы в ряде случаев на периоды) противостоит традиционной периодизации, для которой предел дробности — два шага (этапы подразделяются на периоды). Удревнение культур тем существенней, чем они старше. Раннеземледельческая культура Восточного Закавказья (шулавери-шомутепинская) переносится из V в VI тыс. до н. э.; памятники, предшествующие куро-аракской культуре, датируются не IV, а V тыс. до н. э.; куро-аракские древности также смещаются на тысячу лет — из III в IV тыс. до н. э.; триалетские среднебронзовые (по традиционному обозначению) курганы попадают из первых веков II тыс. до н. д. во вторую половину III тыс. до н. э. Далее сдвиги становятся менее значительными: эпоха поздней бронзы начинается на два столетия раньше, чем было принято раньше,— в середине II тыс. до н. э. Верхние границы в обеих таблицах совпадают — рубеж, знаменующий переход к железному веку, проведен около 1000 г. до н. э.

Естественно задаться вопросом: почему, располагая незначительным количеством калиброванных дат, Г. Л. Кавтарадзе все же решается на столь серьезный

[2] Одна из «экстраполированных» дат (ТВ-331, 5276±291 до н. э.) не использована в работе.

пересмотр всей хронологической системы, более того, считает его «целесообразным»? Ведь фактическое «наполнение» в обеих схемах в общем одинаково. Удлинение шкалы происходит не в результате появления в поле зрения грузинских археологов новых памятников и культур [3].

Тем не менее реальный повод для пересмотра если не всей хронологической системы, то по крайней мере важнейшей ее части — датировок куро-араксских памятников Грузии — действительно существует. По мнению многих исследователей, древнейший очаг этой культуры предположительно следует искать в Закавказье [5—7], и в частности в Грузии [8]. Позже эта культура распространилась на территорию Восточной Анатолии (здесь она называется «ранней закавказской культурой»); под ее воздействием появлется своеобразная черно-красная посуда в памятниках Сирии и Палестины (так называемая хирбет-керакская керамика). Благодаря недавним раскопкам в Турции, в районах Элязыга (поселения Тепеджик, Норшунтепе, Пулур и др.) и Малатьи (Арслантепе), было засвидетельствовано, что первые памятники «ранней закавказской культуры» должны синхронизироваться с периодами позднего Урука — Джемдет Наср в Месопотамии и датироваться по традиционной хронологии концом IV тыс. до н. э. Куро-араксская же культура Закавказья датируется, как известно, III тыс. до н. э. Возникшее противоречие между представлениями о направлении распространения культуры и датировками памятников можно разрешить, только пересмотрев первые или вторые. Этим вторым путем и следует Г. Л. Кавтарадзе.

В конце раздела автор подходит к определению предмета и задач своего исследования. Вероятно, большинство читателей предпочли бы получить все необходимые разъяснения на эту тему с самого начала. По сложившейся традиции подобные размышления вместе с указаниями на избранный исследователем подход и объяснениями, каким образом структура предлагаемой работы способствует реализации авторского замысла, и должны составлять содержание введения. В книге Л. Г. Кавтарадзе эта традиция нарушена и, как нам кажется, не совсем оправданно. Более 30 страниц введения посвящено совершенно самостоятельному законченному исследованию, со своим собственным предметом (серия дат по C_{14} из памятников Грузии), конкретной задачей (калиброване этих дат) и обоснованно выбранным методом (кривая Р. М. Кларка). Обширный историографический очерк предпосылается именно этому исследованию, но никак не всей книге в целом. В связи с этим остается непонятным, почему автор не захотел отвести этой части своей работы отдельной главы (чего она, безусловно, заслуживает) и уделить во введении больше места тем вопросам, ради которых введение обычно пишется.

Здесь возникает необходимость высказать еще раз общеизвестное и общепринятое положение, что постановка задачи — чрезвычайно важная, неотъемлемая часть научного сочинения, требующая глубокого продумывания и предельной ясности формулировок. Общая оценка исследования во многом определяется тем, насколько содержание работы соответствует провозглашаемым целям и выдвинутым задачам. Недоговоренность в этих вопросах часто приводит к недоразумениям: недостаточно четко сориентированный автором читатель начинает искать в книге то, чего в ней нет, зачастую пропуская подлинное ядро работы, не говоря уже о частных наблюдениях.

Есть основания опасаться, что нечто подобное может произойти и с книгой Г. Л. Кавтарадзе, именно этот важный раздел (последние страницы введения) написан недостаточно ясно. «Для того чтобы определить степень реальности предложенной нами предварительной хронологической таблицы,— пишет Г. Л. Кавтарадзе,— необходимо учесть материалы указанных в таблице археологических культур. Только после анализа материала и можно судить, насколько приемлемы предлагаемые нами датировки культур Грузии эпохи энеолита и бронзы, основанные на исправленных радиоуглеродных датировках. Ниже мы попытаемся кратко,

[3] При создании своей хронологической таблицы Г. Л. Кавтарадзе, естественно, опирался на принятые в настоящее время представления о последовательности смены различных культур и определенных этапов в развитии каждой культуры энеолита и бронзового века Грузии, изложенные в трудах Э. М. Гогадзе, А. И. Джавахишвили, О. М. Джапаридзе, Т. В. Кигурадзе, К. Х. Кушнаревой, К. Н. Пицхелаури, Т. Н. Чубинишвили. Во введении автор ограничивается ссылкой на работы этих ученых, не подвергая анализу сами основы периодизации. По существу, и далее этому вопросу автор уделяет мало внимания.

в пределах наших возможностей, коснуться указанного вопроса, более основательное рассмотрение которого требует специального исследования» (с. 35, 36).

Во-первых, сразу же надо отметить, что «реальность» и «приемлемость» предлагаемого хронологического построения — вещи хотя и близкие, но разные. Реальность дат, полученных Г. Л. Кавтарадзе, может быть подтверждена только после получения больших серий новых дат по C_{14} для каждого периода из памятников Грузии и соседних районов, а также после разработки подробных (а не предварительных, как существующие ныне) систем периодизации культур энеолита и бронзы Грузии и других районов Закавказья и Анатолии, основанных на большом числе стратиграфических наблюдений и тщательном типологическом и сравнительном анализе массового материала. Приемлемость же новой хронологии во многом зависит от степени разработанности хронологической проблематики в археологии Грузии на сегодняшний день, от жесткости уже существующих хронологических схем. Во-вторых, несмотря на ограничения, налагаемые последней фразой приведенной выше цитаты, остается впечатление, что автор ставит глобальную (и не выполнимую из-за своей грандиозности) задачу — пересмотреть весь накопленный к настоящему времени материал энеолита и бронзового века Грузии с точки зрения проблем хронологии. Однако собственно анализа материала в работе нет. К этому выводу можно прийти еще до прочтения книги, лишь при первом ее просмотре. Дело в том, что в русском издании полностью отсутствуют иллюстрации, в грузинском их очень мало (всего восемь небольших таблиц). Возможно, это вызвано чисто внешними причинами, но для источниковедческой работы, посвященной анализу материала, это необычно.

Основываясь на содержании глав (рассмотрение которых приводится ниже), можно утверждать, что основным предметом исследования Г. Л. Кавтарадзе являются существующие хронологические концепции и лежащие в их основе данные, причем последние — в той мере, в какой они представлены авторами этих концепций. Поэтому, несмотря на то, что в книге приводится ряд новых наблюдений и сопоставлений, в целом ее жанр можно определить как критическую историографию. Историографическая направленность отчетливо видна и в структуре работы: каждая глава посвящена хронологическим проблемам одного периода, и поскольку содержание ее определено имеющимися на сегодняшний день точками зрения (вне зависимости, принимает или отвергает их автор), изложение в ней строится по своему, отличному от других глав плану.

Научная ценность историографических исследований в археологии не подлежит никакому сомнению. Не подлежит сомнению и ценность предпринятого Г. Л. Кавтарадзе рассмотрения имеющейся сейчас большой литературы, прямо или косвенно затрагивающей вопросы хронологии культур Грузии, сопредельных стран и Переднего Востока в целом в VI—II тыс. до н. э. Однако по самой своей сути критическая историография не может дать твердых оснований для создания новой концепции: ее цель — показать неудовлетворительность старых представлений, возможности их усовершенствования или необходимость замены. Поэтому в своей книге Г. Л. Кавтарадзе гораздо в большей мере демонстрирует возможность и «приемлемость» предлагаемой им высокой хронологии на общем фоне недостаточной обоснованности, а иногда и противоречивости существующих точек зрения, чем подтверждает «реальность» этой новой шкалы археологическими фактами.

Глава I — «Ранний энеолит» — очень невелика (всего 6 с.), несмотря на то, что именно из памятников раннеземледельческой шулаверн-шомутепинской культуры происходит наибольшая серия датировок по C_{14}. В начале главы Г. Л. Кавтарадзе приводит калиброванные значения 14 дат, полученных на основе анализа 12 образцов из 4 памятников (Шулаверис го́ра, Храмис Диди го́ра, Имирис го́ра, Арахло (Нахидури) I) с указаниями названия памятника и слоя, откуда взят каждый образец. Можно заметить, что датировки сосредоточиваются в основном в интервале от начала VI тыс. до н. э. до рубежа VI—V тыс. до н. э. Наиболее ранняя дата получена для нижнего слоя Арахло I — 5987±202 до н. э. (TB-300). Для сравнения здесь же указываются четыре даты по C_{14} из трех азербайджанских памятников той же культуры (Гаргаллар тепеси, Тойра тепе, Шому тепе) и их значения с учетом дендрохронологической поправки. Разброс этих дат еще больше: Шому тепе – 6324±202 до н. э. (LE-631), Тойра тепе – 4952±305 (TF-372) [4].

[4] Список некалиброванных значений дат по C_{14} для энеолитических памятников Закавказья приведен в работе Р. М. Мунчаева [9].

Отметив, что «датировки Арахло (Нахидури) I в общем более ранние, чем датировки Шулаверис и Имирис го́ра» (с. 42), Г. Л. Кавтарадзе обращается к краткому обзору существующих точек зрения на периодизацию памятников культуры Шулавери-Шому тепе. В данном случае речь идет не о том, чтобы найти подтверждения правильности калиброванных дат, а о возможности проверки согласованности исходных дат по C_{14} с археологической периодизацией. Как показывает Г. Л. Кавтарадзе, возможность эта в настоящее время отсутствует: слишком велики расхождения между исследователями (приводятся мнения Т. В. Кигурадзе, Л. И. Глонти, А. И. Джавахишвили, Т. Н. Чубинишвили, Л. М. Челидзе и Р. М. Мунчаева) по кардинальному вопросу — какие памятники считать наиболее ранними. Спорен, в частности, и вопрос о взаимной хронологической позиции Арахло I и Шулаверис го́ра (с. 42—44).

Сосредоточившись на дискуссионных моментах в изучении шулавери-шомутепинских памятников, автор почти не уделяет внимания вопросу о сопоставлении закавказских древностей с материалами ближневосточных памятников. В начале главы есть лишь краткое упоминание о «многочисленных переднеазиатских параллелях VII—VI тысячелетий до н. э. материалам РЭ (раннеэнеолитической.— *М. А.*) культуры Грузии» (с. 41), в конце приводится одно конкретное сопоставление налепных украшений на посуде раннеземледельческой культуры Закавказья со сходной орнаментацией керамики из северомесопотамского памятника предхассунского времени Умм Дабагия (с. 44). Для читателя, недостаточно хорошо знакомого с археологическими исследованиями энеолитических поселений Закавказья в последние десятилетия, может остаться непонятным, почему автор, располагая «многочисленными параллелями», не считает нужным хотя бы перечислить их. Причина подобной сдержанности заключается прежде всего в том, что в закавказских памятниках отсутствуют категории находок, которые позволили бы достоверно синхронизировать шулавери-шомутепинскую культуру с какой-нибудь из переднеазиатских. Исследователи [9, 10] отмечают функциональную и типологическую близость инвентаря — орудий из обсидиана, кремня и других пород камня, а также изделий из кости — к материалам раннеземледельческих памятников Ближнего Востока. Подчеркивается архаичность форм некоторых орудий, которая обусловливает сопоставление их с находками из таких ранних памятников, как Али Кош, Джармо, Чатал Гуюк, Бейда. Подобные аналогии специалисты склонны интерпретировать как свидетельство не хронологической, а стадиальной близости [10, с. 171]. Что касается керамики, то, кроме отмеченного выше сходства налепной орнаментации посуды из памятников предхассунского, а также хассунского времени Северной Месопотамии с закавказской, других общих черт в этом материале не наблюдается [9, с. 113].

Таким образом, в настоящее время отсутствует возможность проверки достоверности полученных Г. Л. Кавтарадзе калиброванных дат с помощью сопоставительного анализа археологического материала.

Обращаясь к рассмотрению следующего периода своей хронологической схемы и выделяя для этого специальную главу (глава II — «Средний энеолит»), автор оказывается перед лицом весьма серьезных объективных трудностей. Дело заключается в том, что широкое изучение до- или предкуро-араксских энеолитических памятников Грузии началось сравнительно недавно, материалы большей частью неопубликованы и систематическое исследование их только начинается. Не разработаны еще основные вопросы: для различных районов Грузии не выделены культуры и локальные варианты, неясны периодизация и хронология памятников. Ввиду столь многочисленных неясностей Г. Л. Кавтарадзе вынужден ограничиться перечислением памятников, включенных им в этот хронологический пласт, полностью отказавшись от описания каких-либо конкретных свойств и особенностей материала. Следует отметить, что логика самой работы, пожалуй, все же требует хотя бы краткого упоминания тех черт, которые позволили выделить эти памятники среди прочих древностей, предварительно определить их хронологическую позицию как непосредственно предшествующих куро-араксской культуре, объединить их в некое целое под общим названием «средний энеолит».

К числу памятников среднего энеолита Г. Л. Кавтарадзе относит Сиони, Цопи, Делиси, Живали, Ахали Живали, Квемо Араписи, Бодорна, Хертвиси и ряд других поселений (с. 46). Для установления их хронологии автор располагает одной датой по C_{14}, исправленное значение которой — 4937±322 г. до н. э. (ТВ-326).

Образец происходит из раскопок в с. Жинвали (с. 47). Кроме того, Г. Л. Кавтарадзе указывает на возможность синхронизации грузинских комплексов с памятниками более южных районов Закавказья (Аликемек тепеси, Техут, а через них – с Кюль тепе I) по находкам так называемой гребенчатой керамики. Так как вышеназванные памятники в свою очередь синхронизируются Г. Л. Кавтарадзе и другими археологами с убейдским периодом Северной Месопотамии, это позволяет автору датировать той же эпохой и средний энеолит Грузии. С учетом калиброванных дат период позднего Убейда должен быть отнесен ко второй половине V тыс. до н. э. Так же датирует Г. Л. Кавтарадзе и памятники среднего энеолита, в противоречии с калиброванной датой для Жинвали.

В целом можно заметить, что центр внимания в главе перенесен автором с грузинских древностей на рассмотрение традиционных проблем синхронизации памятников Азербайджана (Кюль тепе I, памятники Муганской степи) и Армении (Техут). Так, Г. Л. Кавтарадзе подробно останавливается на обсуждении запутанного вопроса о возможности синхронизации Кюль тепе I по немногочисленным находкам характерной керамики одновременно и с халафской культурой, и с явно более поздним, чем Халаф, комплексом Долма тепе (Иран); анализирует возможность установления хронологической последовательности комплексов Кюль тепе I и Техута. В целом сделанные Г. Л. Кавтарадзе выводы не противоречат уже высказанным точкам зрения: Техут моложе Кюль тепе I (с. 55); Кюль тепе I следует датировать позднехалафским временем (с. 53), Техут — позднеубейдским (с. 56). Например, по мнению Р. М. Мунчаева, основанному на тех же самых данных, можно предположительно отнести Кюль тепе I ко времени Халафа, а Техут — к периоду Убейд [6, с. 120—122].

Центральное место в работе Г. Л. Кавтарадзе (46 с.) отведено проблеме хронологии куро-араксской культуры. Рассмотрению этого вопроса посвящена глава III – «Поздний энеолит» и бóльшая часть главы IV – «Ранняя бронза». Во введении к книге автор говорит, что материалы куро-араксской культуры «предоставляют нам надежные критерии для проверки основанной на C_{14} датировках кавказской хронологической шкалы, с учетом данных исторической хронологии Ближнего Востока» (с. 35). Трудно не согласиться с высокой оценкой тех потенциальных возможностей хронологизации, которые таят в себе памятники с характерной черно-серо- и краснолощеной керамикой, иногда украшенной рельефным или врезным орнаментом, аналоги которой встречаются от Центральной Анатолии до Ирана и от Северного Кавказа до Палестины. Однако ошибочно было бы думать, что возможности эти лежат на поверхности и их легко реализовать. На огромной территории ее распространения куро-араксская культура изучена крайне неравномерно. Неравноценно качество раскопок, проведенных в разные годы различными археологами, неодинакова полнота публикаций. Поэтому при сопоставлении материалов исследователи вынуждены непоследовательно привлекать к рассмотрению различные данные, обращать внимание то на сходство форм сосудов, то на общность деталей этих форм, то на близость орнаментальных мотивов и техники орнаментации, то на идентичность устройства очагов и очажных подставок, то на единство архитектурных форм зданий, то на комбинации некоторых из этих культурных признаков.

Содержание главы III — «Поздний энеолит» — может показаться на первый взгляд неожиданным для читателя, приготовившегося, по аналогии с предшествующими главами, к рассмотрению возможных синхронизмов между памятниками Грузии (или Закавказья в целом) и Передней Азии. Основной вопрос, которому уделяет здесь внимание Г. Л. Кавтарадзе,— вопрос о хронологическом соотношении грузинских и северокавказских памятников куро-араксской и майкопской культур. Если учесть, однако, что предметом изучения для автора являются не столько хронологические данные сами по себе, сколько их преломление в современной историографии, такой крутой поворот в изложении становится понятным. Действительно, в последнее десятилетие вопрос о возможности синхронизации ранних куро-араксских памятников с позднемайкопскими (как будто находящей обоснование в материале, но противоречащей существующим представлениям о хронологии этих культур) находился в центре внимания исследователей [6, с. 194, 195; 11, с. 20, 21; 12, с. 78]. Само по себе обращение к материалам раннего бронзового века Северного Кавказа в настоящее время не может существенно помочь в решении хронологических проблем. Датировка памятников майкопской

культуры, как известно, вопрос спорный, для решения которого потребуются новые материалы. Более важно, что в ходе дискуссии может возникнуть сомнение в правильности отнесения некоторых памятников к раннему этапу куро-аракской культуры, который О. М. Джапаридзе определил как позднеэнеолитический. Поскольку Г. Л. Кавтарадзе не располагает датами по C_{14} для этих памятников, вопросы периодизации приобретают в данном случае первостепенное значение.

Перечислив в начале главы названия памятников, включаемых в позднеэнеолитический этап (Дидубе, Кикети, Самшвилде, Сиони, Греми и др.), Г. Л. Кавтарадзе подробно останавливается на целом ряде связанных с ними вопросов. Сюда входят немногочисленные стратиграфические данные, сходство керамики позднеэнеолитического этапа с посудой из явно более поздних памятников Грузии, аналогии керамике из ранних сиони-гремской и дидубе-кикетской групп памятников [5] в позднемайкопском Луговом поселении, близость форм дидубе-кикетской посуды к формам сосудов из Эларского могильника (Армения) и Эрнисского склепа (восточная Анатолия). Основной вывод автора следующий: комплекс черт, характеризующих посуду так называемых позднеэнеолитических памятников, существует и в более позднее время, однако в последнем случае подобные сосуды встречаются уже наряду с «классической» чернолощеной на розовой подкладке керамикой. Архаическое происхождение комплекса доказывается стратиграфическими наблюдениями в Хизанаант го́ра и Тетрицкаро (Грузия), Эларе́, Джраовите и Аревике (Армения).

Встает, однако, чисто практический вопрос, к какому времени следует относить каждый отдельный памятник, содержащий эти ранние типы? Или в более общем виде: каковы методические основы включения ряда памятников в позднеэнеолитический период? Второй вариант вопроса, к сожалению, остается без ответа, так как Г. Л. Кавтарадзе не рассматривает в своей книге историю выделения ранних памятников куро-аракской культуры, отсылая читателей к специальной литературе. Что же касается практического подхода, то, по-видимому, в большинстве случаев, по мнению Г. Л. Кавтарадзе, памятник может считаться ранним, если в нем отсутствуют материалы развитой куро-аракской культуры (чернолощеная посуда, бронзовые изделия сложных форм и т. п.).

Недостаточность такой аргументации очевидна, особенно если учесть, что основной (дидубе-кикетский) материал позднеэнеолитического периода происходит из однотипных памятников (грунтовых могильников) одного района (Квемо Картли). Поэтому несколько неожиданным кажется заключение автора: «...очевидно, нет оснований для сомнений в действительном существовании в раннем периоде куро-аракской культуры основной массы материалов, причисляемых к раннему (ПЭ) (позднеэнеолитическому.— *М. А*) этапу» (с. 81). Основания для сомнений как раз можно почерпнуть из текста. В то же время надо отметить, что именно такой предпринятый Г. Л. Кавтарадзе «вызывающий сомнения» обзор различных, подчас взаимоисключающих точек зрения на место отдельных групп памятников в системе кавказских древностей [6] является, несомненно, нужным для дальнейшей разработки проблемы. Этот экскурс позволяет осознать определенную неадекватность практикуемых методических приемов исследования сложному археологическому материалу. Очевидно, без новых данных, а также без скрупулезного типологического анализа материалов, прежде всего керамики, окончательно решить проблему датировки так называемых позднеэнеолитических памятников нельзя. Поэтому стремление Г. Л. Кавтарадзе уже сейчас согласовать все противоречия с помощью «исторической» гипотезы о «долговременной консервации куро-аракских материалов на Северном Кавказе» и последующем «повторном возрождении культуры» (с. 75, 78) представляется преждевременным. Это умозрительное предположение невозможно убедительно доказать на основе имеющихся фактов.

Обширная глава IV — «Ранняя бронза» — состоит из трех разделов, соответствующих трем выделяемым Г. Л. Кавтарадзе фазам эпохи ранней бронзы Грузии. Первый раздел посвящен хронологии памятников куро-аракской культуры. Автор стремится показать, что в соответствии с имеющимися данными основную массу

[5] Речь идет, собственно, о двух типах керамики: о «пачкающей» красноохристой посуде сиони-гремского типа и о дидубе-кикетской керамике «с каштановым черепком». К сожалению, автор не останавливается детально на описании этих типов.

[6] В работе обстоятельно изложены концепции Р. М. Мунчаева и Ш. Ш. Дедабришвили.

куро-аракских материалов следует датировать не III тыс. до н. э., а второй половиной IV тыс. до н. э. Выделение хронологических этапов куро-аракской культуры на территории Грузии (обозначенных автором литерами A, B и C) «основано на условном членении, разработанном Т. Н. Чубинишвили и К. Х. Кушнаревой по данным стратифицированных памятников... и на предположении О. М. Джапаридзе относительно поэтапного распространения в Закавказье куро-аракской культуры» (с. 82). Очевидна чисто практическая необходимость заменить прежние описательные наименования этапов (ранний, средний и т. п.) условными обозначениями в работе, где этими разделениями приходится широко пользоваться в самых различных комбинациях и контекстах. Можно, однако, заметить, что такая замена имеет и некий побочный эффект: она придает системе в целом вид бóльшей законченности и безусловности, чем это мыслилось самими создателями периодизации [5, с. 137, 138] (сходная осторожность формулировок характерна и для периодизации, изложенной в работе О. М. Джапаридзе [8, с. 321–325]). К периоду A относятся Хизанаант гóра D. Хизанаант гóра – Квацхелеби C_3, C_2 и ранний период C_1, Кулбакеби, Гудабертка и др., к периоду B — основная часть горизонта C_1 Хазанаант гóра и Квацхелеби, погр. 1, 2, 4 и 5, Квацхелеби, нижние горизонты Амиранис гóра и др.; к периоду C — верхние горизонты Амиранис гóра, уровень B Хизанаант гóра и Квацхелеби, погр. 3,6—8 Квацхелеби, Шулавери II, Гайтмаз и др.

Важным конструктивным моментом в построении Г. Л. Кавтарадзе является гипотеза О. М. Джапаридзе о постепенном проникновении элементов куро-аракской культуры из области Квемо Картли в другие области Грузии и Закавказья в целом, в Восточную Анатолию и Иран. Согласно этой гипотезе, «в Восточную Анатолию куро-аракская культура должна была распространяться в период своей развитой ступени, однако население — носитель этой культуры из Закавказья в Восточную Анатолию — вторглось, по-видимому, двумя хронологически удаленными друг от друга потоками» (с. 87). Истоки первого из этих потоков следует искать в Самцхе-Джавахети, второго – в Араратской долине.

К сожалению, Г. Л. Кавтарадзе не дает анализа концепции О. М. Джапаридзе и даже не перечисляет наблюдений, на которых она основывается. Здесь особенно ощутим недостаток иллюстраций: существенные утверждения типа «материал проявляет множество общих черт» (с. 87), «керамика проявляет наибольшее сходство» (с. 95) подкрепляются лишь ссылками на мнения других исследователей. Поэтому для читателя остается неясным основной вопрос, насколько своевременно использовать вышеназванную концепцию в качестве исходного постулата для хронологического построения?

Более подробно, чем кавказские материалы, рассматривает автор стратиграфические данные и наблюдения над материалами, сделанные при недавних раскопках в Турции (Арслантепе и памятники района Элязыга) и Иране (Годин тепе), а также хронологические привязки уже давно известных в науке памятников Сирии и Палестины с хирбет-керакской керамикой. Выясняется, что первое появление черно-красной лощеной керамики в Восточной Анатолии и Иране сейчас можно уверенно отнести к периоду Джемдет Наср. Имеется серия радиоуглеродных дат из Арслантепе, Пулура (Сакель), Коруджутепе, Тепеджика, Годин тепе и Хасанлу, калиброванные по кривой Р. М. Кларка, значения которых приводит Г. Л. Кавтарадзе. При интерпретации этих дат автор явно склоняется к длинной хронологии, предложенной Дж. Меллаартом (ср. сноски на работы Дж. Меллаарта и Д. Истона на с. 93—100) и датируют период Джемдет Наср «в пределах второй половины IV тыс. до н. э.» (с. 100). По средней хронологии этот период датируется концом IV тыс. до н. э. Что же касается дат по C_{14} из куро-аракских памятников Закавказья, то для периода B (время наивысшего расцвета культуры) мы располагаем тремя датами, калиброванные значения которых приходятся на IV тыс. до н. э. (образцы происходят из Квацхелеби и Амиранис гóра). Также на IV тыс. до н. э. указывает калиброванная дата для куро-аракского слоя нахичеванского Кюль тепе. Остальные четыре даты для Хазанаат гóра, Квацхелеби, Амиранис гóра и Жинвали, сосредоточивающиеся в рамках III тыс. до н. э., Г. Л. Кавтарадзе считает неверными. Таким образом, получается, что из восьми дат половина согласуется со старой хронологией куро-аракской культуры, половина требует ее удревнения. Очевидно, накопление радиоуглеродных дат из памятников Грузии поможет решить этот вопрос и, возможно, подтвердит правильность предлагаемого автором пересмотра хронологии.

Наибольшую же научную ценность и актуальность на сегодняшний день имеют, на наш взгляд, два аспекта проделанной Г. Л. Кавтарадзе работы. Во-первых, все известные даты по C_{14} для куро-аракской культуры и ее переднеазиатских аналогов впервые сведены воедино и калиброваны с помощью одной кривой, т. е. стали наглядно сопоставимы. Во-вторых, показана невозможность согласовать гипотезу о формировании культурного облика памятников Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана под влиянием куро-аракской культуры Закавказья с традиционной датировкой этой культуры III тыс. до н. э. Как всякое выявление противоречивости в суждениях это заключение должно явиться стимулом к дальнейшему исследованию.

Следующие два раздела главы посвящены рассмотрению второй и третьей фаз эпохи ранней бронзы Грузии — соответственно культурам ранних курганов Триалети и Беденских курганов, тесно связанных с предшествующей куро-аракской культурой (вторая фаза), и «блестящей курганной культуре» Триалети, до сих пор традиционно относимой к среднему бронзовому веку (третья фаза). Для второй фазы Г. Л. Кавтарадзе располагает серией дат по C_{14} для курганов Марткопи, Зейани (период А второй фазы), Бедени и Алазанской долины (период В второй фазы) [7], из поселения Бериклдееби. После калибровки 10 из 12 дат попадают в рамки III тыс. до н. э. Автор стремится показать, что возможен пересмотр хронологической позиции всего круга ранних триалетских и беденских древностей, перенесение их из последних веков в первую половину III тыс. до н. э. Для этого им предпринят разбор так называемых датирующих предметов этой эпохи, среди которых первое место принадлежит бронзовым наконечникам копий из Сачхере. Как указывает Г. Л. Кавтарадзе, находки последних лет этого вида оружия в ранних памятниках заставляют отказаться от привлечения для хронологических построений копий с насадом в виде круглого или граненого в сечении стержня. Наиболее впечатляющая в этом смысле из упоминаемых Г. Л. Кавтарадзе находок была сделана в Арслантепе, в слое VIA (вторая половина IV тыс. до н. э.). Здесь обнаружены 12 бронзовых наконечников копий сходных типов. Таким образом, выясняется, что датировать период второй половины III тыс. до н. э. по сачхерским копьям нельзя.

Г. Л. Кавтарадзе указывает также ряд ранних (IV—III тыс до н. э.) аналогий сачхерским кинжалам, медной пластинчатой диадеме из Квацхелеби, гематитовой булаве грушевидной формы и золотым обкладкам из кург. XL Триалети. Приведенного материала, по-видимому, достаточно, чтобы продемонстрировать непрочность хронологических привязок грузинских памятников этой поры, но его не хватает для того, чтобы считать обоснованной датировку этих памятников именно первой половиной III тыс. до н. э. Читатель, которому только что была показана (на примере копий) несостоятельность бессистемного подбора аналогий без попытки оценить их значимость, вряд ли сочтет законной еще одну такую попытку со стороны самого автора.

В третьем разделе главы речь идет о знаменитых триалетских курганах, обычно датируемых первыми веками II тыс. до н. э. (курганы первой и второй групп, по периодизации Э. М. Гогадзе). Цель автора — попытаться сместить датировку этих памятников во вторую половину III тыс. до н. э. Единственная калиброванная дата для кургана Сабидахча ТВ-26, 1759±269 г. до н э. как будто не способствует этому намерению [8]. Что касается археологических данных, то трудности хронологического исследования здесь вызваны спецификой материала. Облик триалетской культуры во многом определяется выдающимися по богатству погребальными памятниками. Сама же культура не распространяется за пределы Закавказья. Ясно, что при таких условиях круг возможных «аналогий» задается априорно, он как бы содержится в самом характере памятников, определяемых как «царские погребения». Сопоставляя погребения Аладжи, Ура, Майкопа, Триалети, отмечая их стадиальную близость, легко поддаться желанию интуитивно объединить их в один хронологический горизонт, а уже затем искать и находить общие черты в их сокровищах. Драгоценные вещи — редкая археологическая находка. Ювелирное изде-

[7] Деление фазы на периоды основано на работах О. М. Джапаридзе.

[8] Остальные упоминаемые в этом разделе даты относятся к памятникам Западной Грузии — области, развитие которой не включено в общую периодизационную схему Г. Л. Кавтарадзе.

лие может бытовать долго, не отлагаясь в культурных напластованиях, тип такого изделия (особенно если оно имело отношение к культу) — еще дольше. Обращясь же к чисто художественной стороне этих вещей, археолог оказывается перед фактом недостаточной разработанности истории развития и смены зональных и локальных художественных стилей в эпоху ранней и начала средней бронзы.

Все эти сомнения были очевидны как для Г. Л. Кавтарадзе, так и для исследователей, ранее писавших о триалетских древностях (Б. А. Куфтин, О. М. Джапаридзе, Э. М. Гогадзе, Ш. Я. Амиранашвили и др.). Тем не менее когда ювелирные изделия — единственный материал для сопоставления и размышлений, к нему возвращаются вновь и вновь. Поэтому ценен приведенный обзор известных и вновь найденных автором аналогий сокровищам Триалети. В конце главы Г. Л. Кавтарадзе приводит ранние (датируемые IV—III тыс. до н. э.) аналогии триалетским кинжалам.

Последние две главы — «Средняя бронза» и «Поздняя бронза» — очень кратки. Изложение хронологических проблем в них носит конспективный характер. Это естественно, те изменения, которые вносит автор в традиционные представления о хронологии включаемых им в эти периоды памятников, не вытекают непосредственно из характера археологических материалов и не обосновываются значениями калиброванных дат. Необходимость отнести памятники третьей (по Э. М. Гогадзе) группы триалетских курганов (I и II фазы эпохи средней бронзы, по Г. Л. Кавтарадзе) к первым векам II тыс. до н. э. диктуется логикой предлагаемой Г. Л. Кавтарадзе хронологической системы, высокими датами предшествующих периодов. Для памятников эпохи средней бронзы автор располагает одной датой— ТВ-31, 1590±256 г. до н. э. (образец происходит из кургана в Метехи). Для поздней же бронзы имеется значительное количество калиброванных дат, однако их разброс не позволяет эффективно использовать эти даты для уточнения хронологии в рамках последних веков II тыс. до н. э. По-видимому, для столь поздней эпохи археология может представить более точные датировки, чем естественные методы.

С потребностью пересмотра датировок поздних триалетских курганов связано, вероятно, стремление Г. Л. Кавтарадзе показать несостоятельность попыток Б. А. Куфтина, Э. М. Гогадзе и других исследователей использовать в качестве «датирующей» находки втульчатый наконечник копья из кург. XV Триалети. Напротив, соглашаясь в целом с принятыми датами для позднебронзовых памятников, автор присоединяется к мнениям М. Н. Погребовой, К. Н. Пицхелаури и Р. М. Абрамишвили относительно датирующего значения различных типов кинжалов, известных в это время в Закавказье и Передней Азии.

В целом введение этих двух последних глав в работу позволило придать хронологическому построению и, что еще более существенно, историографическому очерку законченный вид.

Подведем итоги. Сейчас нет оснований безоговорочно принимать или отвергать хронологическое построение Г. Л. Кавтарадзе. Это подчеркивает и сам автор: «Насколько близка к действительности предложенная нами модернизированная хронологическая шкала, думаем, выяснится в будущем» (с. 34). В связи с этим несколько поспешным представляется вывод, сделанный автором в кратком (на полстраницы) заключении к своей работе: «Новые датировки дают возможность по-новому осветить ряд этно-генетических, культурно-исторических и социально-экономических явлений» (с. 158). Для появления такой возможности потребуется еще бóльшая совместная работа археологов и специалистов в области естественно-научных методов датирования. В настоящее же время наибольшую научную ценность в книге Г. Л. Кавтарадзе представляет широкий и полный обзор всех накопленных хронологических данных, который позволяет яснее осознать стоящие перед исследователями задачи.

В заключение хотелось бы выразить благодарность грузинским коллегам, выпустившим повторное издание книги на русском языке и предоставившим таким образом возможность широкому кругу археологов более детально познакомиться с актуальными проблемами археологии Грузии энеолита и бронзового века.

М. В. Андреева

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лордкипанидзе О. Д.* Археология в Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
2. *Кавтарадзе Г. Л.* Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси: Мецниереба, 1981 (на груз. яз.).
3. *Renfrew C., Clark R. M.* Problems of the Radiocarbon Calendar and its Calibration // *Renfrew C.* Problems in European Prehistory. Edinburgh, 1979.
4. *Гогадзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси: Мецниереба, 1972 (на груз. яз.).
5. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970.
6. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
7. *Burney C., Lang D. M.* The Peoples of the Hills. Ancient Ararat and Caucasus. L., 1971.
8. *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен (по данным археологии). Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1976 (на груз. яз.).
9. *Мунчаев Р. М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
10. *Кигурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз.).
11. *Дедабришвили Ш. Ш.* Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.
12. *Бетрозов Р. Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1982.

ИРРИГАЦИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ БАКТРИИ
(обзор публикаций по итогам исследований 1974—1979 гг.)

В течение нескольких лет (1974—1979 гг.) группа французских исследователей под руководством Ж.-К. Гардена проводила археологические работы на территории Восточной Бактрии [1—5] с целью изучения истории ирригации и тесно связанной с ней проблемы — системы расселения в этом районе. Исследованию подвергались следующие равнины: Ай Ханум (в районе слияния рек Амударьи и Кокчи к западу от равнины Ай Ханум), Кундуз-Ханабад (вдоль берегов рек Кундуздарья и Ханабаддарья), Талукан (вдоль р. Талукан), Хазар Баг (в нижнем течении Руд- и Шахраван), Хваджа Гар (между Руд- и Шахраван и Кокча).

Первый этап работ был посвящен исследованию окрестностей городища Ай Ханум — крупнейшего греческого города в Восточной Бактрии и имел своей задачей выявление сельскохозяйственной территории города, системы ее орошения и т. д. В дальнейшем эти работы были расширены как хронологически, охватив все исторические периоды от эпохи бронзы до конца тимуридского периода, так и территориально, распространившись на все перечисленные выше равнины.

Природные условия исследуемой части Бактрии определяются наличием четырех зон: равнины (в большинстве случаев вдоль рек, где господствующим типом хозяйственной деятельности является ирригационное земледелие), предгорья, холмы и горы. Каждой из четырех зон соответствует своя система расселения. В частности, для равнин характерна наибольшая плотность населения (как сельского, так и городского). В остальных трех зонах система расселения сильно варьируется в зависимости от ряда факторов, экономических (например, создание систем, орошающих территорию в городах, и т. п.), политических (в частности, сооружение укреплений на возвышенных местах), культовых (создание некрополей и погребальных памятников в зоне предгорий или на холмах).

Как неоднократно указывалось в публикациях участников экспедиции, перед ними возникло несколько важных проблем. Во-первых, с самого начала работ встала проблема выбора стратегии исследования: необходимо ли для получения значимых выводов обследовать всю территорию региона или можно ограничиться только изучением зоны равнин. Исходя из основной задачи работ экспедиции— изучения ирригации, было решено, что можно ограничиться только обследованием равнин и примыкающих к ним предгорий (которые также могли быть орошены выведенными из ближайших рек каналами). Горные районы систематическому обследованию не подвергались.

Вторая важная проблема, которую было необходимо решить,— изменение природных условий с течением времени. Авторы исходили из следующих рассужде-

ний: исследование памятников, существовавших в этом регионе, неизбежно покажет изменение ситуации (рост или упадок ирригационной сети, увеличение или уменьшение числа населенных пунктов и т. п.) в различные периоды. Для того чтобы прийти к каким-либо значащим историческим выводам, необходимо твердо отличать изменения, явившиеся результатом исторических событий, от перемен, происшедших под влиянием изменившейся природной среды. Эта проблема для исследуемого региона имеет особое значение, так как существует широко распространенная концепция «усыхания» Центральной Азии. Для решения вопроса о динамике природных условий Центральной Азии П. Жантеллем были проведены специальные исследования, подтвердившие правоту ученых, считавших, что здесь природная среда за последние 4000—5000 лет существенным образом не менялась. Это касается как климатических факторов (температура, осадки), так и факторов другого порядка (рельеф, гидрология) [3, с. 2—8; 4].

Кроме стратегии исследования нужно было выбрать и его тактику. Необходимо было учесть специфику земель, орошаемых и неорошаемых. Первые затрудняют проведение археологических разведок, вторые, наоборот, благоприятствуют им. В силу этих соображений было решено начать исследования с пустынных, неорошаемых ныне районов. Исследование же орошаемых земель проводилось во вторую очередь, в сущности только для того, чтобы обогатить или уточнить выводы, полученные при работах первой очереди. Подобное распределение последовательности работ имело еще одно преимущество: сухие, ныне не орошенные земли находились, как правило, там, где заканчивались древние каналы. Выявление в этих местах низовий каналов неоспоримо указывало на орошаемую более верхними их участками древнюю территорию. Зная окончания каналов и ориентируясь по рельефу местности, проследить русла и выйти к истокам каналов было уже легко. Используя эту методику, удалось в довольно короткий срок составить карту всех основных каналов в исследуемой части Бактрии.

Время создания и функционирования каналов устанавливалось на основе определения дат поселений, обнаруженных в непосредственной близости от каналов, поскольку климат Бактрии не позволяет жить далеко от источников воды (естественных или искусственных). В свою очередь датировка поселений основывалась на изучении подъемного керамического материала, собранного на этих памятниках. В отчетах, в частности, указывалось, что с нескольких тысяч памятников, обследованных с 1974 по 1978 г., было собрано ок. 25 т керамики. Обработка керамики проводилась в два этапа. Предварительное изучение ее осуществлялось в ходе самих разведок, окончательное — в 1979 г. В результате было выделено 15 керамических комплексов, которые помогли создать достаточно детальную хронологическую шкалу для Восточной Бактрии с эпохи бронзы до настоящего времени [1].

В целом, считают исследователи, завершение этих работ дало новый значительный материал для исторических выводов. Можно теперь довольно надежно обрисовать картину состояния систем ирригации в каждый из выделенных исторических периодов: размеры, структуру, примерную площадь орошаемой территории. Кроме того, на основании выявления связанных с каналами поселений стало возможным установить число населенных пунктов, существовавших в каждый из выделенных периодов, иногда их функцию. Можно говорить также о характере взаимоотношений человека и природной среды в течение каждого из периодов.

Эти исследования показали, что в целом создание ирригационных систем было грандиозным предприятием. Длина каналов достигла 34, 40, иногда 50 км, ширина— 15—20 м. При этом необходимо отметить умелое преодоление естественных препятствий, довольно серьезных в условиях Восточной Бактрии. Самой сложной проблемой была трассировка направления канала, представляющая и сейчас трудную задачу. Одним из главных препятствий было сильное заглубление русел рек в лёссовые террасы, и для того чтобы подать воду на возвышенные участки (единственные площади, где возможно в широких масштабах земледелие), нужно было расположить исток канала на очень большом расстоянии от тех равнин, которые он должен был орошать. Кроме того, нужно было провести канал таким образом, чтобы он постепенно поднимался по склонам террас.

---

[1] Керамические комплексы выделялись в значительной мере на основе предшествующих исследований керамики Южной Бактрии [6—8].

Еще более сложной задачей было создание каналов, которые могли орошать предгорья. Земли, доступные для орошения в предгорьях, располагались довольно высоко, и, как правило, требовалось сооружение 10—15-километровых каналов. Каналы предгорий имеют особое значение для понимания истории региона. С точки зрения технологической представляет большой интерес, каким образом определялось направление этих каналов (сейчас это очень трудно восстановить), как они могут достигнуть участков земли, на первый взгляд совершенно не достижимых. С точки зрения экономической, возникает вопрос об их рентабельности. Строительство каналов стоило дорого, дорогим было и содержание, в то время как площадь земли, орошаемой ими, была относительно невелика.

Исследователи обращают внимание на то, что иногда эти каналы строились в отдельных районах, в то время как в соседних оставались неорошенными территории, которые можно было обеспечить водой, построив канал обычного типа, т. е. намного более дешевый. Они отмечают, что подобные явления нуждаются в специальном объяснении.

Наиболее детально исследована равнина Ай Ханум [1, с. 480—501; 2, с. 59—99]. Итоги исследования этого района следующие. Долина представляет собой примерно треугольник в плане. На востоке ее ограничивают холмы; границами на западе и юге соответственно являются реки Амударья и Кокча. Равнина Ай Ханум по характеру аллювиальная терраса, созданная наносами Амударьи и Кокчи. Крутые обрывы (высотой от 10 до 20 м) берегов рек — результат того, что Амударья и Кокча с течением времени «врезались» в эту террасу. На территории равнины Ай Ханум хорошо видно русло древнего протока Амударьи (глубиной от 5 до 8 м), протянувшегося с севера на юг и делящего равнину на две почти равные части: более возвышенную восточную и более низкую западную. Кокча также меняла свое русло. В обрезе восточного берега ее хорошо видно разрушенное вследствие подмыва берега русло древнего канала. Перед любым проектом создания системы орошения этой равнины возникают следующие трудности. Прежде всего необходимо решить, откуда брать воду — из Амударьи или Кокчи. Казалось бы естественным решение взять воду из Амударьи, поскольку расстояние, на которое эта река идет вдоль равнины, намного больше, чем протяженность Кокчи. На первый взгляд кажется, что равнина имеет наклон с севера на юг. Однако внимательное изучение показало, что в действительности наклон равнины иной — с юга на север и разница в высоте достигает 30—33 м. Поэтому источником орошения, основанным на естественном движении воды (без применения водоподъемных механизмов), может быть только р. Кокча.

Вторая трудность состоит в выборе места начала канала. В принципе возможны два пункта: или возле самой южной оконечности равнины, или еще выше по течению реки. Последнее решение трудно осуществить, так как здесь Кокча течет по узкому ущелью со скалистыми берегами и создать водозабор на этом участке очень трудно. У южной границы равнины заканчивается скалистый грунт, здесь гораздо легче провести работы по созданию истока канала. Но в таком случае необходимо преодолеть другую трудность: в этом месте разница между уровнем реки и поверхностью равнины составляет 20 м. Поэтому трассу канала нужно было провести таким образом, чтобы она одновременно удовлетворяла двум исключающим друг друга требованиям: канал должен быть достаточно длинным, чтобы обеспечить подъем воды на равнину самотеком, и в то же время достаточно коротким, чтобы выйти на равнину в максимально высокой точке, поскольку, чем выше расположено место выхода канала из реки, тем бо́льшую часть равнины он способен оросить. Наконец, еще одна проблема связана с древней протокой Амударьи, делящей равнину на две части. Для орошения всей равнины необходимо было, как минимум, два магистральных канала, так как оросить ее одним каналом невозможно.

Начало ирригационного строительства на равнине Ай Ханум относится к эпохе бронзы. У д. Шортугай было обнаружено шесть тепе, являвшихся остатками поселений эпохи бронзы. Бесспорно, в условиях бактрийского климата невозможно существование поселения без близкого источника воды, поэтому было сделано предположение о существовании канала, снабжавшего эти поселения водой. К сожалению, на равнине никаких следов такого канала найти не удалось. Однако при раскопках самого поселения были выявлены остатки канала, в разрезе которого обнаружили песок из Кокчи и фрагменты керамики, однотипной с керамикой по-

селения. Эта керамика — хараппского типа, она заслуживает особого внимания, так как позволяет датировать эту группу поселений периодом 2500—1800 гг. до н. э. [9, 10].

Следующий период ирригационного строительства относится к началу I тыс. до н. э. В это время (вплоть до прихода греков) был создан и функционировал канал (№ 3, согласно нумерации экспедиции), орошавший площадь до 7500 га.

Наивысшего расцвета ирригационное строительство достигло в эллинистическую эпоху. Создание крупного городского центра Ай Ханум, бывшего, по всей видимости, административным центром Восточной Бактрии, потребовало широкого освоения окружающей сельскохозяйственной территории. Ирригация являлась необходимым условием урбанизации. Первоначально был построен канал № 6 (сооружен примерно там же, где и канал № 3 ахеменидского времени). Длина его — ок. 30 км, основное направление — примерно на север. Прослежен ряд отводных каналов, все они отходят влево от русла магистрального канала. Орошаемая им площадь достигала ориентировочно 6800 га (верхняя часть равнины).

Вторая ирригационная система основывалась на канале № 10, орошавшем нижнюю часть равнины. Этот канал не имел отдельного истока из Кокчи, а являлся ответвлением канала № 6. Данная ирригационная система орошала примерно 6000 га.

Наконец, в последние годы функционирования Ай Ханум осуществляется еще одна серьезная программа строительства. Она касалась как города, так и сельскохозяйственной территории. Каналы № 6 и 10 орошали основную часть равнины, неиспользованной оставалась только узкая полоса предгорий между холмами, ограничивавшими равнину с востока, и руслом канала № 6. Рельеф не позволял орошать эту территорию посредством канала № 6. В самом конце III в. до н. э. предпринимаются грандиозные работы по орошению этой части равнины. Создается еще один канал (№ 2), шедший по самим предгорьям. Строители этого канала столкнулись с очень большими трудностями. Первая из них — значительная высота, на которую нужно было поднять воду. Зафиксированное начало русла канала лежит на высоте 466 м, равнина здесь имеет высотную отметку 463 м. Учитывая, что уровень воды в данном месте примерно на 20 м ниже равнины, можно предположить только два решения: либо начало канала располагалось далеко на юге, в зоне скальных грунтов, и пробить его было чрезвычайно сложно, либо для подъема воды в канал № 2 использовались какие-то водоподъемные механизмы. В настоящее время выяснить это не представляется возможным. Длина канала № 2 — ок. 30 км. Строительство его было сопряжено с большими трудностями. Много сил нужно было тратить и на поддержание его в порядке, так как в период дождей существовала постоянная угроза обвалов земли и размыва канала, поскольку он шел по краю предгорий. Кроме того, необходимо было предусмотреть сложную систему водоотводов и затворов, так как канал проходил на высоте 3—4 м над уровнем орошаемой им территории. Доказательством того, что все эти проблемы были решены, является наличие нескольких населенных пунктов вдоль канала, расположенных таким образом, что они могли получать воду только из канала № 2. Канал орошал площадь примерно 4000 га.

Авторы указывают, что создание и поддержание этого канала были очень трудоемкими, а площадь орошаемой им земли — относительно небольшой. В связи с этим высказывается мысль, что при создании канала стоимость труда не была существенным фактором [2]. Авторы высказывают предположение, что строительство канала было вызвано ростом населения в городе и на сельской территории, потребовавшим увеличения освоенной земли.

После сооружения этого канала орошаемая площадь достигла 16 800 га, т. е. возделывалась практически вся равнина Ай Ханум. Можно полагать, что это привело к особому процветанию равнины, о чем свидетельствует обилие (ок. 100) остатков поселений (поскольку размеры их различны, можно думать, что они были разнотипны — как деревни, так и отдельно стоящие усадьбы). В трех местах отмечается повышенная плотность заселения: в южной части — там, где каналы выходили на равнину; в средней — примерно в 10 км к северу от первой зоны, и в северной — там, где каналы заканчивались.

[2] Авторы не высказывают предположение о том, что данный канал, строительство и эксплуатация которого требовали столь огромных затрат человеческого труда, мог быть сооружен и использоваться только при помощи труда рабов.

Подводя итоги исследованию ирригационных систем на равнине Ай Ханум в эллинистическое время, Ж.-К. Гарден и его сотрудники подчеркивают, что греческая колонизация в этой области сопровождалась активным и быстрым ростом освоения сельскохозяйственной территории, однако при этом указывается, что греки только продолжали делать то, что началось до них, при Ахеменидах и в начале I тыс. до н. э. Греки не были здесь пионерами, они скорее довели до апогея начавшийся ранее процесс.

Последующий исторический период характеризуется вторжением кочевников на территорию Бактрии, установлением их господства и, наконец, созданием мощного Кушанского государства. Для этого времени можно говорить об известном сокращении ирригационных систем на равнине Ай Ханум. Но это сокращение не было внезапным, так как перестают функционировать только канал № 2 и все связанные с ним поселения. В общем это понятно и хорошо объясняется тем, что канал был слишком нерентабельным, поддержание его в порядке обходилось слишком дорого, а орошал он сравнительно небольшую территорию на равнине. Другие каналы продолжали функционировать, существовала также и основная часть населенных пунктов. Жизнь прекратилась только в самом городе Ай Ханум и на поселении в непосредственной близости от него.

Таким образом, кочевническое завоевание не имело своим следствием масштабного и сознательного уничтожения ирригационных систем. Наоборот, по мнению исследователей, создается впечатление, что кочевники взяли ирригационные системы под свой контроль и продолжали их использовать, причем даже несколько более рационально, чем греки. В связи с кочевническим завоеванием авторы ставят несколько вопросов, связанных с исторической интерпретацией имеющихся данных по истории ирригации на равнине Ай Ханум. Самым важным они считают вопрос о том, почему кочевники так легко адаптировались в новой ситуации, связанной с использованием ирригационных систем и поливного земледелия. По мнению авторов, трудно допустить, чтобы кочевники так быстро превратились в земледельцев. Они объясняют это явление тем, что кочевники раньше постепенно проникали в эту область, куда привлекало их ее благосостояние. Так как эта инфильтрация была медленной, кочевники знакомились с техникой ирригационного земледелия постепенно. Видимо, считают авторы, именно эта группа населения была привлечена греками для осуществления последнего грандиозного строительного проекта, в том числе и строительства канала № 2.

Ирригация в кушанское время поддерживалась на равнине Ай Ханум в тех же масштабах, что и сразу после кочевнического завоевания. Однако в период между IV в. н. э. и первыми веками ислама (VIII—IX вв. н. э.) происходит резкий упадок ирригационной системы, причины которого неизвестны, но, вероятно, связаны с нашествием эфталитов в начале V в. н. э. и западных тюрок в конце VI в. н. э. В IX в. н. э. вновь начинается возрождение ирригационных систем и площадь орошаемых земель достигает тех же размеров, что и при кушанах. Вновь функционируют два канала, и только монгольское завоевание наносит ирригации смертельный удар. В послемонгольское время вся территория равнины Ай Ханум покинута земледельческим населением. Уже в наше время, 40 лет тому назад, началось возрождение равнины, возобновилось ирригационное строительство, которое теперь осуществляется «по греческой схеме» — с тремя каналами.

Близкие результаты были получены и при обследовании других ирригационных районов [5, с. 129—149]. Кроме долины Ай Ханум памятники эпохи бронзы зафиксированы также на равнинах Арчи (2 памятника), Талукана (9) — расположенные непосредственно у канала или отвода от него, на Чашма Шер (2) и плато Калафган (2). Наиболее древними населенными пунктами, однако, были поселения группы Шортугай, все остальные относятся ко II тыс. до н. э. Таким образом, заселена была только восточная часть обследованного района, примыкающая к горному массиву Бадахшана. Более западные части региона (с большими долинами Имам Сахиб, Ханабад, Кундуз) оставались незаселенными.

Видимо, во второй половине II тыс. до н. э. на территории Восточной Бактрии наблюдался определенный упадок. В начале I тыс. до н. э., однако, фиксируется значительный подъем, что выразилось в расширении ирригационного строительства в районах, где уже создавались каналы в эпоху бронзы, а также в строительстве ирригационных систем в ранее не населенных районах. На равнине Арчи была освоена вся пригодная для сельского хозяйства территория (кроме зоны предгорий).

Было проведено несколько новых магистральных каналов, создано дополнительное количество отводов от старых каналов. На равнине Талукан масштабы ирригационного строительства еще более значительны: резко расширен канал Руд-и Шахраван, который пошел далеко на север (где вдоль него возникли многочисленные поселения), достигнув равнин Хазар Баг и Хваджа Гар. От него был сооружен отвод в сторону северной части долины Талукан. Это предприятие было очень серьезным по своим масштабам. В начале I тыс. до н. э. новые ирригационные системы были созданы в нескольких местах. Самой значительной из них была система Кундуз-Ханабад. Здесь зафиксировано большое число памятников этой эпохи. Территория, орошаемая в настоящее время, примерно равна той, которая орошалась в первой половине I тыс. до н. э. Освоена была и долина Янги-кала благодаря каналу, выведенному из р. Рустад, и, возможно, еще одному каналу – из Амударьи. Близкая картина наблюдается в долинах Фаркар (к югу от равнин Талукана и Ханабада), Баггуй и Руд-и Ишкамеш.

И значительные по масштабам ирригационные работы, и большое количество зафиксированных памятников, по мнению исследователей, подтверждают свидетельства древних авторов о богатстве и процветании Бактрии в период еще до греко-македонского завоевания. Наиболее развитой была равнина Кундуз-Ханабад. Здесь даже был проведен единственный во всей Восточной Бактрии до эпохи греков канал по предгорьям, что говорит о стремлении оросить всю территорию равнины. К сожалению, пока нет возможности провести более дробные хронологические деления внутри этого периода, и поэтому остается нерешенным очень важный вопрос, какие ирригационные системы были созданы до завоевания Ахеменидами Бактрии, а какие — после.

Греко-бактрийская эпоха характеризуется тем, что во всех районах, близких к Ай Ханум, строятся каналы (подобные построенному на этой равнине), предназначаемые для орошения предгорий. Кроме того, строятся дополнительные ответвления от магистральных каналов для орошения ранее безводных частей равнины. Так, в частности, было закончено строительство канала Руд-и Шахраван, который был ранее доведен до равнин Хазар Баг и Хваджа Гар, но еще не использовался для их орошения. Теперь равнины снабжались водой при помощи каналов, проведенных в очень сложных условиях. Кроме того, было орошено маленькое плато Чин Зай к западу от Талукана посредством канала, идущего по предгорьям. Таким образом, создается впечатление, что греки стремились оросить (независимо от стоимости работ) все земли, которые можно было оросить в принципе. Однако этот вывод нельзя распространить на всю Восточную Бактрию. В некоторых районах (Янги-кала и Кундуз-Ханабад и отдельные горные районы) происходит частичное уменьшение орошаемой территории. Исследователи считают, что это явление — результат миграции населения в три интенсивно развивавшихся в это время района: Ай Ханум, Арчи, Талукан-Чашма Шер, наиболее близкие к столице Восточной Бактрии этого периода — Ай Ханум.

В кушанскую эпоху происходит ряд изменений по сравнению с греко-бактрийской, из которых основное — заселение больших равнин, остававшихся неосвоенными все предшествующее время: Имам Сахиб (орошенной большим каналом, выведенным из Амударьи), Чар Гул (канал выведен из р. Ханабаддарья), Ак-тепе и Кала-и Заль, являвшихся частями большой равнины Нижнего Кундуза (орошались каналами, выведенными из р. Кундуз аб), Кулук-тепе и Кишт-тепе (канал также выведен из р. Кундуз).

В старых ирригационных районах можно отметить следующие явления: подавляющее большинство ирригационных систем, существовавших в греко-бактрийское время, продолжало использоваться и после кочевнического завоевания Бактрии. Исключения составляют только каналы предгорий, орошавшие «высокие земли» и обладавшие в силу этого низкой рентабельностью. Большая часть этих каналов была заброшена (на равнинах Ай Ханум, Хваджа Гар, Арчи, Хазар Баг и Чашма Шер), сохранился только один из них — на равнине Талукан. Это может свидетельствовать об определенном перемещении важнейших экономических центров страны в сторону Гиндукуша. Нельзя, однако, думать, что все отмеченные изменения произошли резко и внезапно; этот процесс длился от момента падения власти греко-бактрийцев до конца кушанской эпохи.

В посткушанский период наблюдаются повсеместный упадок ирригационных систем и уменьшение числа населенных пунктов. Возрождение началось с эпохи

Саманидов (IX в. н. э.), и подъем продолжался до нашествия Чингиз-хана. Это время наивысшего подъема сельского хозяйства в данном регионе.

Мы постарались подробно изложить все представленные в ряде публикаций результаты работ французской археологической экспедиции в Восточной Бактрии, включая методику исследования, полученные материалы и способы исторической интерпретации. На наш взгляд, критический разбор их будет полезен, поскольку исследователи, изучающие прошлое народов Средней Азии, сталкиваются с теми же самыми проблемами. При этом необходимо отметить, что ирригация Северной Бактрии (т. е. той части Бактрии, которая расположена на территории советской Средней Азии) изучена еще недостаточно. Если ирригационные системы Хорезма [11] и Согда, особенно Бухарского Согда [12], исследованы детально, то в Бактрии иная ситуация. Здесь в результате «эффекта непрерывного орошения» очень трудно установить следы древних ирригационных систем, и поэтому остается еще много нерешенных вопросов по самым основным проблемам истории ирригации Бактрии. Только в отдельных районах Северной Бактрии удалось провести исследования, предоставившие бесспорные материалы для изучения ирригации в древнюю эпоху, например, в Вахшской долине [13]. Поэтому большой сравнительный материал, полученный из более южных районов той же историко-культурной области, будет, видимо, полезен для всех исследователей, изучающих прошлое Бактрии.

На наш взгляд, в целом можно положительно оценить методику работ экспедиции под руководством Ж.-К. Гардена. Экспедиции удалось найти в конкретных условиях Восточной Бактрии самый рациональный и самый надежный метод решения тех конкретных задач, которые она поставила перед собой.

Хочется сделать одно серьезное замечание. Удивительно, но во всех публикациях совершенно не упоминаются в качестве датирующего материала монеты. Безусловно, среди подъемного материала, найденного на памятниках Восточной Бактрии, должны быть монеты. Отметим, например, что в списке монетных находок Дильберджина фигурирует шесть монет, происходящих из поверхностных сборов [14, с. 172—182; 15, с. 125—134]. Думаем, и при работах французских археологов встречались монеты. Однако не совсем ясно, почему монеты как датирующий материал совершенно не упоминаются.

Ряд замечаний может быть сделан и по поводу интерпретации полученных материалов. Прежде всего следует отметить, что было бы ошибкой считать решенными все проблемы истории ирригации Восточной Бактрии с проведением данных исследований. Видимо, получено решение только самых основных вопросов, а на другие, важные для понимания характера ирригации этого региона, ответов еще нет, например, на вопросы о техническом характере исполнения отводных каналов и собственно оросительных арыков (угол, под которым отводные каналы отходят от магистральных, их ширина и глубина, размеры полей и т. д.), которые были детально разработаны на базе изучения ирригации Хорезма и дали очень много материалов для понимания истории ирригации в этом регионе, в том числе и самых основных проблем ее.

Из числа более конкретных вопросов отметим следующие. Вызывает большие сомнения утверждение французских исследователей о том, что столицей Бактрии в первой половине I тыс. до н. э. был Кундуз. Этот вывод сделан на том основании, что Кундуз был самым крупным центром региона в данный период (450 га). Как известно, исследовавшая Кундуз японская археологическая экспедиция пришла к выводу о том, что Кундуз в это время еще не существовал [16, с. 79]. Французская экспедиция опровергла это утверждение, получив большое количество керамики первой половины I тыс. до н. э. в результате подъемных сборов [5, с. 136]. С выводом о существовании поселения, безусловно, можно согласиться, однако наличие подъемной керамики не может служить доказательством того, что вся площадь городища Кундуз уже была обжита в первой половине I тыс. до н. э. Без раскопок быть твердо уверенным в этом выводе нельзя.

В ряде случаев вызывают сомнения и некоторые реконструкции конкретного хода событий. В частности, трудно допустить, что в эллинистическую эпоху на равнине Ай Ханум был первоначально создан канал № 6 и только позднее — канал № 10. Дело в том, что канал № 6 орошал восточную часть равнины, а № 10 — западную. Поскольку сам город Ай Ханум располагается в западной части равнины, то наиболее естественным будет предположить, что параллельно со строительством города создавался канал, подававший к нему воду и орошавший

непосредственные окрестности города, и только позднее был построен другой, обслуживавший более отдаленные от города части равнины.

Наконец, вызывает очень большие сомнения вся часть исторических интерпретаций, связанная с судьбой ирригационных систем после кочевнического завоевания Греко-Бактрии. Ж.-К. Гарден и его сотрудники, с нашей точки зрения, предлагают очень сложную и далекую от реальности картину: постепенное проникновение кочевников на равнину, их приобщение к земледельческому труду и ирригационному строительству, привлечение их к строительству наименее рентабельных ирригационных систем и т. д. Нам представляется, что картина здесь была иной. Благодаря работам А. М. Мандельштама известно, что кочевники после завоевания Бактрии выбрали для своего поселения те части Бактрии, которые не были освоены земледельцами [17—19]. Им было сделано кажущееся вполне справедливым предположение о том, что кочевники не вмешивались в повседневную жизнь старого земледельческого населения, ограничиваясь верховным надзором над ним, сбором дани и т. д. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что данная картина хорошо согласуется и с общеисторическими соображениями относительно взаимоотношений между кочевниками и земледельцами в Средней Азии в условиях кочевнического завоевания [20].

В заключение отметим, что, несмотря на отдельные возражения и сомнения касающиеся, правда, только интерпретационного уровня исследования), работы французской археологической экспедиции, бесспорно, заслуживают внимания. Выполнена большая и интересная исследовательская программа, результаты которой должны учитываться всеми учеными, работающими над сходными проблемами.

З. В. Сердитых, А. Валиев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gardin J.-C.* L'archéologie du paysage bactrien // CRAI. 1980.
2. *Gardin J.-C., Gentelle P.* Irrigation et peuplement dans la plaine d'Ai Khanoum, de l'époque achémenide à l'époque musulmane // BEFEO. 1976. T. LXIII.
3. *Gardin J.-C., Gentelle* P. L'exploitation du sol en Bactriane antique // BEFEO, 1979, T. LXVI.
4. *Gentelle P.* Etude géographique de la plaine d'Ai Khanoum et de son irrigation depuis les temps antiques // Memoires de l'URA. 1978. № 10.
5. *Gardin J.-C., Lyonnet B.* La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974—1979): prèmiers resultats // Mesopotamia. 1980. V. XIII—XIV (1978—1979).
6. *Gardin J.-C.* Céramiques de Bactres // MDAFA. 1957. T. XV.
7. *Gardin J.-C.* Céramiques et monnaies de Lashkari Bazar et de Bust // MDAFA. 1963. T. XVIII, 2.
8. *Gardin J.-C.* Les céramiques // Fouilles d'Ai Khanoum. V. I, II. MDAFA. 1973. T. XXI.
9. *Lyonnet B.* Découvertes de sites l'âge du bronze dans N. E. de l'Afghanistan: leur rapport avec la civilization de l'Indus // Annali dell' Instituto Orientale di Napoli. 1977. V. 37.
10. *Francfort H.-P., Pottier M.-H.* Sondage preliminaire sur l'etablissement protohistorique harappeèn et post harappeèn de Shortugai (Afghanistan du N. E.) // Arts Asiatiques. 1978. XXXIV.
11. *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969.
12. *Мухамеджанов А. Р.* История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX века). Ташкент: Фан, 1978.
13. *Зеймаль Т. И.* Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. 1971. Вып. X.
14. *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции 1969—1973 гг. М.: Наука, 1976.
15. *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука, 1984.
16. Haibak and Kashmir-Smast/Ed. by Mizuno S. Kyoto: Kyoto University, 1962.
17. *Мандельштам А. М.* К истории Бактрии — Тохаристана (некоторые археологические наблюдения) // КСИА. 1964. Вып. 98.
18. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.: Наука, 1966.
19. *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. М.: Наука, 1975.
20. *Košelenko G. A.* Les cavaliers parthes. Aspectes de la structure sociale de la Parthie // Dialogues d'histoire ancienne. № 6. P., 1980.

Stucky R. A. Ras Shamra-Leukos Limen: Die nach-ugaritische Siedlung von Ras Shamra. Paris: Libraire orientaliste Paul Geuthner, 1983. 185 S. 87 Taf. (Mission archéologique de Ras Shamra. V. I).

Вот уже более чем полвека ведутся археологические исследования на территории древнего холма Рас Шамра (Угарит) в северной Сирии. Вскрыто свыше двух третей общей площади городища, раскопаны монументальные дворцовые и административные комплексы, найдены тысячи глиняных табличек в частных и общественных зданиях. Угарит по праву считается одним из наиболее изученных центров древневосточной цивилизации. Город, однако, как показали раскопки, не был заброшен в конце бронзового века раз и навсегда. Буквально с первых полевых сезонов археологи фиксировали частичное использование стен периода эпохи бронзы в ранний железный век. Существенные находки сделаны лишь в слое позднего железного века. Упоминания о них содержатся в многочисленных археологических отчетах, и лишь с 1970 г. Р. А. Штуки по приглашению К. Шэффера начал работу по систематизации всех поздних находок из Рас Шамры. В 1983 г. первым томом в серии публикаций археологической миссии в Рас Шамре выходит в свет монография «Рас Шамра-Левкос Лимен: постугаритское поселение Рас Шамры».

Основным достоинством рецензируемой монографии является тщательный и скрупулезный археологический анализ, атрибуция и датировка всех находок. Актуальность такой работы диктуется, в частности, тем, что на основании кратких предварительных отчетов создавалось подчас неадекватное представление о времени существования поселения. Так, П. Й. Рийс в своем выступлении на Кёльнском симпозиуме по финикийской экспансии в Средиземноморье отмечал, что, несмотря на наличие раннего греческого импорта конца VI — первой половины V в. до н. э., археологический материал позволяет говорить о функционировании местного поселения в VII—VI вв. [1. с. 252]. Это положение, как выясняется, не вполне соответствует реальной историко-археологической действительности. Суммированные результаты археологических раскопок 1930-х, 1950-х годов, 1960—1964 и 1971—1973 гг. дали основание Р. А. Штуки выделить две фазы в обживании Рас Шамры в поздний железный век: персидское время — V—III вв. до н. э.; римское время — I в. до н. э.— III в. н. э. Сообразно этим фазам автор каталогизирует находки, приводит описание археологического слоя и архитектурных сооружений. Две заключительные главы посвящены выяснению вопроса о характере поселения поздней Рас Шамры, исторического фона и значения находок. Остановимся прежде на краткой характеристике археологического облика поселения и основных находках.

Поселение Рас Шамры V—III вв. до н. э., констатирует автор, располагалось непосредственно на слое поздней бронзы и было лишено фортификационных укреплений как таковых. Здания строились изолированно либо группировались на небольшом отдалении друг от друга. Конечно, в сравнении с Угаритом XIV—XIII вв. до н. э. архитектурные остатки позднего железного века выглядят довольно скромно. По сути, из пяти выделенных автором ранних комплексов ни один не имеет цельного синхронного плана. Наиболее значительные из них — I и IV, по мнению Р. А. Штуки, на протяжении V — первой половины III в. прошли по крайней мере семь строительных периодов. Из двух различимых на поселении типов зданий первый представляет собой реминисценцию северосирийского хплани с присущей ему центрально-дворовой композицией, а второй — «четырехкомнатный» жилой дом. Стены зданий V—IV вв. возведены из булыжника и рваного камня, а углы выведены из тесаного камня и даже квадров, вероятно взятых из развалов позднебронзового Угарита. В целом же, делает вывод Штуки, архитектурные сооружения Рас Шамры этого периода выполнены в северосирийских традициях I тыс. до н. э., и лишь в раннее эллинистическое время начинает постепенно сказываться греческое влияние, выраженное прежде всего в применении черепичных перекрытий (с. 15). Здания римского периода отличает большая цельность и завершенность планировки: для них характерны замкнутые, многокомнатные жилые комплексы с цистернами, черепичные крыши, вспомогательные системы водоснабжения и канализации.

В различных частях телля были вскрыты пять цистовых погребений в сборных каменных ящиках и шесть монолитных известняковых саркофагов, перекрытых каменными плитами. Многие из них были разграблены уже в античную эпоху. Все они датируются V—III вв. до н. э. и выполнены в характерном для Сирии этого времени обряде ингумации.

Первой фазе поздней Рас Шамры соответствует закрытый комплекс находок V—III вв. до н. э., второй — материал позднеэллинистического и римского времени. Лишь единичные находки стекла, керамики и монет могут быть датированы средневековой эпохой (преимущественно XII—XIII вв.). Массовый керамический материал распределен автором по следующим группам: аттический черно- и красно-фигурный стили, аттический и неаттический чернолаковый импорт, местная расписная керамика, эллинистический лак, восточная terra sigillata, кухонная посуда. Примечательно, что наиболее значительную в количественном отношении группу составляет аттический чернолаковый импорт (более одной трети всей керамики), что свидетельствует об особых связях поселения с Афинами. На полное сокращение внешних контактов в эллинистическо-римское время указывает отсутствие клейменых ручек; точно определяется лишь одно хиосское клеймо середины III в. до н. э. с именем НГНСІОУ (с. 148). Об этом же свидетельствуют и светильники. Если в V—IV вв. определенная часть светильников импортировалась, то в римское время наблюдается абсолютное господство местной продукции (с. 98). Предметы мелкой пластики, печати, металлические сосуды, наконечники копий и стрел, многочисленная хозяйственная утварь и ювелирные изделия встречаются исключительно в слоях V—III вв. до н. э. и представляют местные сирийские и финикийские мастерские ахеменидского периода. Египетским импортом можно считать лишь бронзовую статуэтку кошки.

Основным материалом для абсолютной хронологии поселения служат находки монет. Р. А. Штуки заново исследует клад позднеархаических греческих монет, открытый в 1934 г. на поселении, и в отличие от его первоначальной публикации [2] группирует монеты в географическом порядке. Из 38 монет 32 северогреческой чеканки, в том числе Стагиры, Абдеры и ряда других точно неизвестных фракомакедонских центров. Остальные 6 монет отчеканены в годы правления Евелфона I в Саламине на Кипре. Сокрытие клада датируется автором концом VI в. до н. э. (с. 38). Монетный клад из Рас Шамры имеет большое значение в исследовании вопроса о хождении греческих монет в Восточном Средиземноморье в архаический и классический периоды. Дело в том, что в известных из Египта и Леванта кладах фракомакедонские монеты играли видную роль [3, № 15, 19, 27, 32; 4, № 1479—1480, 1483, 1634—1639, 1642, 1645; 5, с. 81, 87 и сл.; 6; 7]. Однако везде они встречаются вперемешку с аттическими, малоазийскими и киренскими монетами и не превышают половины общего их количества. В кладе из Рас Шамры они составляют более четырех пятых общего количества, при том что это единственные греческие монеты. Все это лишь является дополнительным свидетельством об особом значении Фракии и Македонии в торговле с Востоком [8, с. 40].

По мнению Штуки, сокрытие клада не связано еще с начальным периодом поздней Рас Шамры, а скорее отражает торговую активность ее гавани — Минет эль Бейда (С. 42). Монеты из доэллинистического слоя представлены афинскими тетрадрахмами второй половины V в. и мелкими номиналами сидонского и арадского чекана первой половины IV в. до н. э. Эллинистическо-римские монеты происходят преимущественно из ближайших сирийских городов — Лаодикеи, Антиохии и Селевкии. Однако богатая коллекция монет из поздней Рас Шамры (74 монеты) не указывает на интенсивную торговую направленность поселения, хотя транзитная торговля Востока и Запада через Рас Шамру могла осуществляться. О том, какими товарами торговали на поселении и в его гавани, приходится только догадываться. Р. А. Штуки считает, что, вероятнее всего, в V—IV вв. ими могли быть древесина и восточные ткани (с. 43). В то же время в римский период поселение было практически полностью оторвано от внешнего мира и мало чем отличалось от рядовой сирийской деревни (с. 98).

В заключение Р. А. Штуки ставит ряд проблем исторической интерпретации археологического материала из поздней Рас Шамры. Клад позднеархаических монет конца VI в. служит ему terminus post quem; начало функционирования поселения он датирует приблизительно 500 г. до н. э. Ни местный материал, ни импорт, согласно Р. А. Штуки, не дают ровным счетом никакого основания для удревнения поселения. Расцвет падает на V в., хотя дальнейшее расширение границ поселения наблюдается в раннеэллинистическое время на рубеже IV—III вв., а с середины III в. оно временно пустеет. В римскую эпоху в I—II вв. на холме располагалось небольшое сельское поселение, которое было окончательно заброшено в начале III в. (с. 151, 152). Античное самоназвание поздней Рас Шамры, по мнению Штуки,

зафиксировано в источнике римского времени — Stadiasmus mari magni. Минет эль Бейда («белая гавань») — порт Рас Шамры была впервые идентифицирована Р. Дюссо [9, с. 417] с Левкос Лимен (Stad. m. m., 139). Но поскольку финикийские центры левантийского побережья, как известно, делились на верхний и нижний город, Штуки считает возможным распространить топоним Leukòs Limén одновременно и на гавань Минет эль Бейда (limēn) и холм Рас Шамру (khōrion) (с. 156). Такое решение вопроса представляется вполне удовлетворительным. Возобновление жизни на холме Рас Шамра после более чем 700-летнего перерыва, по мнению Р. А. Штуки, не является исключением. Именно в V в. в результате установления персидского господства над всем ближневосточным регионом наступает период политической стабильности, вновь расцветает заморская торговля. Не случайно в это время после длительных или непродолжительных перерывов заново начинают функционировать многие северосприйские порты: Библ, Таббат аль Хаммам, Телль Казиле, Аль Мина, а несколько позднее Телль Сукас, Рас эль Басит. Их упадок в раннеэллинистический период связан не столько со сворачиванием средиземноморской торговли, сколько с оттоком населения из них в новые селевкидские центры (с. 153, 154).

Некоторые возражения вызывает авторская оценка характера поселения поздней Рас Шамры. Р. А. Штуки выделяет три основных компонента, определяющие лицо Левкос Лимен: сиро-финикийский, иранский и греческий. Местный компонент проявляет себя в архитектуре, повседневной керамике, глиптике и мелкой пластике (к примеру, иконография обнаруженных фигурок Аштарты восходит к сирийским традициям II тыс. до н. э.). Персидское начало находит свое отражение в терракотовых изображениях иранских всадников в заостренных кверху шапках; характерных широких перевязях, опоясывающих тулово статуэток богини плодородия; некоторых видах иранского оружия и даже в определенном влиянии ахеменидской торевтики на местную керамику. Греческий же элемент представлен лишь аттическим импортом и серебряными монетами. Особенно много на поселении аттического черного лака, что, согласно Р. А. Штуки, указывает лишь на пристрастие восточного потребителя к нерасписной посуде, имитирующей металлический блеск образцов торевтики (с. 158), чьи вкусы, безусловно, учитывали торговцы аттической керамики. Греческие монеты имели хождение на Востоке не столько как эквиваленты обмена, сколько как драгоценный металл в его изначальном смысле, о чем, в частности, свидетельствуют находки в ближневосточных кладах перелитых слитков, брусочков металла и кружков неотчеканенного серебра [3, с. 24 и сл.]. Эти соображения приводят автора к главному выводу о том, что в противоположность персидскому компоненту, который органически вплетается в местную сирийскую культуру V—IV вв. до н. э., греческий остается не более чем «инородным телом», по крайней мере в таком сельском поселении, каким была Рас Шамра. Греческое влияние не ощущается ни в архитектуре, ни в керамике, ни в мелкой пластике, торевтике, стеклянных и ювелирных изделиях. Поэтому нельзя, заключает Р. А. Штуки, «портовое поселение Рас Шамру определять как греческое, оно, очевидно, было заселено местным населением. Конечно, время от времени в порт заходили греческие корабли, благодаря которым сохранился не только греческий импорт, но и само название гавани...» (с. 158).

Безусловно Левкос Лимен не была в полном смысле греческой апойкией, но из этого не следует, будто греческого присутствия на поселении не существовало как такового. На фоне других центров Северной Сирии и Леванта в целом греческий керамический импорт Рас Шамры имеет удивительно большой удельный вес. Исходя из приведенной автором на с. 130 диаграммы, соотношение между аттическим импортом и местной расписной керамикой V—IV вв. составляет 3 : 2. С учетом же всей керамики, найденной в поздних слоях телля, греческий импорт все равно превышает половину. Такая концентрация греческой керамики, пожалуй, встречается лишь в поздней Аль Мине [10, с. 20 и сл.]. О непосредственном присутствии греков в Левкос Лимен свидетельствуют также два греческих граффити на чернолаковых сосудах конца V — первой половины IV в. (с. 27). При этом греческое присутствие отнюдь не следует расценивать как массовое и стационарное. Решение этого вопроса в большой степени зависит от результатов археологических исследований в гавани Минет эль Бейда, основная часть материалов которых, к сожалению, все еще не опубликована. Интенсивная торговая активность в Минет эль Бейда подтверждается находками восточноионийской, аттической, кипрской и ле-

вантийской керамики [1, с. 252]. О взаимной зависимости этих двух поселений пишет Р. А. Штуки (с. 155, 156), но почему-то не учитывает ее, определяя характер поздней Рас Шамры.

Минет эль Бейда относится к числу достаточно типичных для Леванта «открытых портов» [11]. В эпоху поздней бронзы она была не столько самостоятельным урбанистическим центром, сколько «портовым кварталом» Угарита [12]. Статус «открытого порта», думается, она сохраняет и в поздний железный век, только уже не зависит от крупного города, а выступает самостоятельной социально-политической единицей в средиземноморской торговле. На территории Минет эль Бейда располагались здания «пакгаузного» типа [1, с. 252]; в ней производились основные торговые операции. Жилая же часть Левкос Лимен располагалась на холме Рас Шамра. Там сезонно могли проживать представители разных этносов, и в первую очередь греки, при возможном преобладании местного сирийского населения, обеспечивающего транзитную торговлю Запада и Востока. Не случайно, видимо, доминирующим типом постройки на Рас Шамре были хилани, имеющие много общего с восточными караван-сараями (с. 14, 15). Сосуществование «портового квартала» (Минет эль Бейда) с «жилыми кварталами» (Рас Шамра) в Левкос Лимен не уникально. Чуть севернее, в устье р. Оронта, располагалась идентичная пара поселений: Аль Мина и Телль Сабуни, связь между которыми Л. Вулли сравнивал с классическим типом Афины-Пирей [10, с. 14]. В сущности, все эти примеры — явления одного порядка, с той лишь разницей, что Левкос Лимен в ахеменидскую эпоху был второстепенным портом Средиземноморья. В целом же факт проживания греков в долине Оронта накануне греко-македонской колонизации зафиксирован в письменной традиции. Страбон, повествуя о градостроительной политике Селевка Никатора, мельком упоминает потомков Триптолема, которых Селевк переселил в Антиохию-на-Оронте (Strabo, XVI, 11, 5).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что монографическое исследование Р. А. Штуки имеет позитивное значение. Расширяются наши представления о масштабах, структуре и характере средиземноморской торговли в ахеменидскую эпоху, о греческом присутствии на Переднем Востоке в доэллинистическую эпоху. Авторскую методику работы с археологическим материалом во многом можно признать образцовой и достойной подражания.

А. Ю. Согомонов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Riis P. J.* Griechen in Phöizien // Prönizier im Westen. Mainz am Rhein, 1982.
2. *Schaeffer Cl. F. A.* Une trouvaille de monnais archaïques grecques à Ras Shamra // Mélanges Syri s offerts à M. René Dussaud. V. I. P., 1939.
3. *Schlumberger D.* L'argent grec dans l'empire achéménide // *Curiel R., Schlumberger D.* Trésor monétaires d'Afghanistan P., 1953.
4. An Inventory of Greek Coin Hoards/Eds Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M. N. Y., 1973.
5. *Kraay C. M.* Hoards, Small Change, and the Origins of Coinage // J. Hellenic Studies. 1964. V. 84.
6. *Price M., Waggoner N.* Archaic Greek Coinage. The Asyut Hoard. L., 1975.
7. *Dressel H., Refling K.* Zwei ägyptische Funde altgriechischer Silbermünzen // Z. Numismatik und Geldgeschichte. 1927. B. 37.
8. *Braun T. F. R. G.* The Greeks in Egypt // The Cambridge Ancient History. V. III, 3. Cambr: dge, 1982.
9. *Dussaud R.* Topographic historique de la Syrie antique et médiévale. P., 1927.
10. *Wooley C. L.* Excavations at Al Mina // J. Hellenic Studies. 1938. V. 58.
11. *Revere R. B.* No Man's Coast: Ports of Trade in the Eastern Mediterranean // Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957.
12. *Schaeffer Cl. F. A.* Le fouilles de Minet et-Beida et de Ras Shamra, duexième campagne (printemps 1930) // Syria. 1931. V. 12.

Kutscher G. Nordperuanische Gefässmalereien des Moche-Stils. Mit einer Einführing und Nachweisen von Bankmann U. München, 1983 (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. B. 18). 65 S. 320 Abb.

В рецензируемом восемнадцатом томе материалов по всеобщей и сравнительной археологии читатель вместо обычного реферативного изложения более ранних публикаций по какому-нибудь памятнику обнаружит в основном лишь рисунки, изображающие людей, животных и мифические существа. Они скопированы с росписей на керамике культуры мочика (северное побережье Перу, I—VII вв. н. э.). Представленные сосуды с изображениями почти все были извлечены из погребений грабителями и в депаспортизованном виде попали в частные коллекции и музеи. Автор рисунков — скончавшийся в 1979 г. известный западногерманский американист Г. Кучер, памяти которого и посвятил Г. Мюллер-Карпе настоящий выпуск. Примерно четверть рисунков при жизни автора не была опубликована.

Копировать мочикские росписи Кучер начал в 1937 г. и продолжал заниматься этим активно до середины 50-х годов. Обычно он срисовывал изображения непосредственно с сосудов, но в ряде случаев пользовался чужими прорисовками. Изобразительный стиль мочика с его сочетанием натурализма и условности, безжалостности и юмора, предельной экономией средств весьма созвучен художественным вкусам современного человека. Несомненно, что внешняя привлекательность материала помогла Кучеру остановить свой выбор на иконографии мочика, но к этому его склоняли и другие обстоятельства. В довоенной Германии существовала сильнейшая в Европе школа по изучению культур северного побережья Перу, которую представлял учитель Кучера В. Лееманн. К 1937 г. был уже создан значительный корпус прорисовок мочикских вазовых росписей, основу которого составили работы В. фон ден Штейнена, подготовленные в начале века к четырехтомнику «Древнеперуанское искусство» [1]. В музеях Германии хранились многие тысячи мочикских сосудов, в том числе немало экземпляров с уникальными многофигурными композициями.

В отличие от своего перуанского коллеги Р. Ларко Ойле, может быть крупнейшего знатока мочикской культуры в 30—40-е годы, Кучер не собирался искать в древнем искусстве отражения знакомых нам нравственных норм, эмоций и аллегорий. И все же он вряд ли отдавал себе отчет в том, насколько иное содержание могли вкладывать в свое искусство древнеперуанские художники, нежели современный интерпретатор, видящий изображения вырванными из этнографического контекста. Стремясь проникнуть в духовный мир мочика, Кучер больше опирался на анализ самих изображений, нежели шел путем поиска исторических свидетельств и этнографических аналогий. Вплоть до конца 50-х годов, когда интересы ученого переместились на исследование других проблем и он уже был автором трех монографий и ряда статей по теме, главным авторитетом в своей области, Кучер продолжал думать, что древние перуанцы изображали, с одной стороны, сверхъестественных персонажей, а с другой — окружавший мочика реальный мир и что четких правил отбора годных к изображению объектов не существовало. Об этом свидетельствует сохраненная и в рассматриваемой публикации тематическая классификация изображений, построенная без какой-либо попытки вскрыть неявные связи между темами: окружающий мир, охотники и воины, церемонии, мир мертвых, боги и демоны, мифические сцены. Вопрос раскрытия содержания росписей сводился к опознанию запечатленных объектов и событий путем сопоставления сцен друг с другом и с известными нам реалиями.

Благодаря систематичности и логике Кучер добился важных результатов. После его работ мочикская иконография приобрела для нас системность, в ней выявился круг наиболее распространенных сюжетов. Кучер высказал также ряд обоснованных суждений о составе мочикского пантеона и характере общества. Публикация многих десятков прорисовок в сравнительно широкодоступных изданиях познакомила с искусством мочика не только специалистов, но и любителей. И если в результате переоценки его содержания в 70-е годы подход Кучера был отвергнут, то дело здесь не столько в принципиальном различии позиций отдельных ученых, сколько в общем изменении господствующих в науке представлений об идеологии до- и раннегосударственных обществ. Для своего времени работы Кучера были проведены на высоком методическом уровне, а требовать большего от них мы не в праве.

В 70-х годах благодаря работам Э. Бенсон и особенно К. Доннана и А. М. Оккенгем, за которыми последовали и другие, стало ясно, что темой изобразительного искусства мочика не была повседневная жизнь. Художник не стал бы рисовать на предметах, имевших явно ритуальное назначение, рыбаков или воинов только потому, что они понравились ему больше земледельцев или гончаров. Постепенно выяснилось, что на изображениях представлено ограниченное число взаимосвязанных объектов и действий, относящихся к каким-то событиям, находившимся в фокусе ритуальной жизни, и что простейшие зооморфные изображения или «бытовые» сцены могли иметь столь же глубокий и далекий от повседневности смысл, как и росписи с фигурами божеств. Разумеется, как в самих ритуалах, так и в соответствующих сценах на керамике нашли отражение различные хозяйственные, социальные, культурные и этнические процессы и институты, однако далеко не все и вряд ли в соответствии с их действительным значением в жизни мочика. Их изучение по данным иконографии невозможно без критики источников и, в частности, без выяснения того, зачем, по какому поводу и для кого изображения создавались.

Таким образом, мочикское искусство, о котором после работ Кучера складывалось впечатление как о почти неиссякаемом и надежном историческом источнике, в действительности оказалось сюжетно ограниченным и трудным для понимания. Усложнение проблематики исследований сопровождалось изменениями в технике фиксации изображений и методических требованиях к ней. Сейчас подняты такие вопросы, как возможное происхождение сосудов отдельных мастерских, выделение на материалах росписей дробных хронологических этапов, а это требует фиксации мельчайших подробностей оригинала, безразличных для интерпретации содержания сцены. Соответственно Д. Макклелланд и другие современные художники делают свои прорисовки точнее, чем Кучер. Поскольку, однако, развертка на плоскость рисунка с шарообразного сосуда неизбежно ведет к искажениям и ни один художник не застрахован от погрешностей, вполне адекватными могут считаться лишь те публикации, где рисунки сопровождаются фотографиями. Таков корпус брюссельских коллекций по мочика [2], появившийся, однако, лишь благодаря финансовой поддержке ЮНЕСКО. Недостатком подобных роскошных изданий является их высокая стоимость, что закрывает им доступ во многие библиотеки. Ксерокопирование и качественное микрофотофильмирование альбомов с фотографиями тоже, как правило, невозможны. В результате свободный доступ к материалам по доколумбовой иконографии, опубликованным с учетом современных требований, получают лишь специалисты, работающие в ведущих западных научных центрах.

Стремясь предельно адекватно зафиксировать изображения, прежде чем заняться анализом их содержания, К. Доннан создал в Беркли «Архив мочикского искусства». В нем на небольших отпечатках более чем с 70 тыс. негативов сосредоточена исчерпывающая информация о 7 тыс. (на середину 70-х годов) предметах [3, с. 10—13]. Практически в архиве К. Доннана отражено все многообразие мочикского искусства, так как фотографировались лишь предметы, чем-либо отличавшиеся от встречавшихся ранее, оставшиеся примерно 90 тыс. являются повторениями уже известных. Скопированы и все когда-либо публиковавшиеся прорисовки. Эта беспрецедентная фотоколлекция могла бы сделать излишней дальнейшую публикацию мочикских изображений, если бы все специалисты имели возможность посетить Беркли. Для многих, однако, прорисовки Кучера остаются основным источником по мочикской иконографии.

Дело, правда, не только в общедоступности его публикаций, но и в том, что Кучер, несомненно, «снял сливки» по крайней мере с западногерманских коллекций, а они — едва ли не лучшие в мире, так как формировались в основном еще в XIX в., когда собирателей интересовали лишь самые эффектные образцы. В публикациях Кучера и его соотечественников первой трети XX в. впервые увидело свет большинство сложных сцен, без обращения к которым не обходится ни одно исследование по мифологии, ритуалу и социальной организации мочика. В последние 20 лет была открыта только одна принципиально новая группа росписей, созданных на заключительном этапе мочика и изображающих похороны мифологического персонажа [4]. Но это, пожалуй, единственный важный сюжет, о существовании которого Кучер, быть может, узнал из чужих публикаций.

Есть также несколько других сюжетов, с которыми немецкий исследователь, судя по его собственным впервые публикуемым сейчас прорисовкам, несомненно,

сталкивался, но важность которых, если судить по отсутствию комментариев в его книгах не была им оценена. Так, на рис. 191 изображен бог-сова, несущий за плечами трон с человеком в одежде воина. По фотографии недавно стала известна еще одна подобная сцена на сосуде из Мюнхена [5, с. 42]. Сидящий персонаж, очевидно, правитель (идентификация ступенчатого сидения как трона явствует из сравнения с другими росписями и данными раскопок), а несущее его божество, возможно, символизирует акт передачи власти. Соответствующие росписи имеют рядовой, стандартный характер, поэтому речь скорее всего идет о происходившей на разных уровнях иерархии рутинной символической передаче власти в течение года или раз в несколько лет от одного соправителя к другому [6, с. 227—254]. Нечто подобное известно у майя, у которых существовал жрец (и соответствующий ему бог)-распорядитель, следивший за переходом власти по окончании временны́х циклов [7, с. 88, 89; 8, с. 255].

Другая сцена (рис. 305) изображает подношение богу-правителю, сидящему в административно-культовом помещении, эквадорских раковин Strombus galeatus парой дарителей, в роли которых выступают ведущие персонажи мочикских мифов. Тяжелые раковины навьючены на ведомую на поводу ламу. Роспись относится к концу периода расцвета мочикской культуры (этапа IV по пятичленной шкале) и для своего времени уникальна. На этапе V подобные (но уже прописованные) сцены встречаются чаще и включаются в одну композицию с упоминавшимися росписями, изображающими похороны божества. Несмотря на характер героев, сцена связана не столько с миром традиционных верований, сколько с чисто социальной символикой и могла бы послужить иллюстрацией роли обмена престижными ценностями в процессе становления ранних государств. По-видимому, во время праздника, в ходе которого использовались сосуды с изображениями (в погребения они попадали скорее всего позже), правитель получал дары от представителей знати или торговцев в форме экзотических, недоступных или даже запретных для рядовых членов общества предметов. Хотя обмен дарами типичен и для первобытных праздников, этот акт не имеет там прямого отношения к мистерии общения с предками и потому на ранних мочикских росписях отражения не нашел. Однако к концу существования культуры он, видимо, приобрел уже такое значение, что был сакрализован и возведен к мифологическому прецеденту, который и запечатлен на росписях. Процесс формализации ритуала, поглощения административно-бюрократическими аспектами власти чисто культовых хорошо прослеживается археологами на материалах VII—XIV вв. Анализ росписей свидетельствует, что эти тенденции зародились еще в эпоху расцвета мочика в V—VI вв.

Заканчивая рецензию, остается отметить кропотливую работу подготовившего данное издание ученика Кучера У. Банкманна, который помимо кратких сведениях о соответствующих сосудах, содержавшихся в архиве Кучера, снабдил каждую прорисовку указанием всех публикаций их фотографий, а также рисунков, сделанных другими лицами. Благодаря этому читатель, желающий проверить точность кучеровских прорисовок, чаще всего может это сделать, обратившись к указанным иллюстрированным изданиям.

Ю. Е. Березкин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baessler A.* Altperuanische Kunst. B., 1902—1903. B. 1—4.
2. *Purin S.* Vases anthropomorphes Mochicas des Musées Royaux d'Art et d'Histoire. Fasc. 1—2. Bruxelles, 1980.
3. *Donnan C. B.* Moche Art and Iconography. Los Angeles, 1976.
4. *Donnan C. B., McClelland D.* The Burial Theme in Moche Iconography. Wash., 1979.
5. *Kussmaul F.* Das Linden-Museum Stuttgart in Jahr 1982 // Tribus. 1983. B. 32.
6. *Netherly P. J.* The Management of Late Andean Irrigation Systems on the North Coast of Peru // American antiquity. 1984. V. 49, № 2.
7. *Бородатова А. А.* Прорицатели и жрецы у древних майя // СЭ. 1984. № 1.
8. *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975.

Хроника

Ж. Н. ВЫЖАРОВА

СЛАВЯНЕ К ЮГУ ОТ ДУНАЯ. ДОКЛАД НА СИМПОЗИУМЕ * КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И НРБ 29 НОЯБРЯ 1983 г.

Во всех районах Болгарии, особенно в северной ее части, к настоящему времени открыто и частично изучено около 250 археологических памятников, принадлежавших славянам и датирующихся концом VI — началом XI в. [1—15]. Они свидетельствуют о продолжительном присутствии славян на этой территории, а следовательно, и о том, что именно славяне сыграли основную роль в этнических изменениях, которые произошли на Балканском полуострове в конце VI—VII в.

На болгарских землях помимо славянских поселений и городищ конца VI—начала XI в. известны также древние города Плиска и Преслав. Некоторые поселения датируются VI в. либо несколько более поздним временем. На других поселениях жизнь началась в период между VII — началом XI в. и продолжалась непрерывно в XI—XIV вв.

Славянские поселения располагались в основном по берегам рек и болот и реже — в горных районах Юго-Западной Болгарии. Жилища [4; 11; 16; 19—27] в этих поселениях представляли собой землянки и полуземлянки, четырехугольные в плане. Они имели столбовую или каркасную конструкцию и были обмазаны слоем глины. Иногда их стены были сделаны из камня. В некоторых жилищах в полу прослежены ямы от столбов, поддерживавших крышу. Нередко в полу таких жилищ имелись ямы для хранения зерна.

Характерным отопительным сооружением в жилищах VI—VIII вв. обычно является печка-каменка (рис. 1, *1*), а в жилищах середины VIII—XI в. кроме печки-каменки встречается и глинобитная печь (рис. 1, *2*). Только в нескольких поселениях — таких, как с. Кривина Русенского округа и Плиска, встречается печка-жаровня.

Самым распространенным материалом, использовавшимся для бытовых целей, была керамика. Горшки VI—VII вв. [3; 11, с. 16—65; 17, с. 96], сделанные вручную из грубой глины, обыкновенно имеют коническую форму и плохой обжиг. Они не орнаментированы и относятся к Пражско-Корчакскому типу (рис. 2). Позднее, в начале VIII в., горшки украшались орнаментами в виде волнистых и горизонтальных линий (керамика типа Луки-Райковецкой).

В середине VIII—XI в. обычны конусовидные горшки [3; 8, рис. 15; 22, с. 62, 63; 28, с. 149—161] (рис. 3), изготовленные на ручном гончарном круге. Горшки из глины с примесью песка, плохого обжига орнаментированы группами волнистых или горизонтальных линий. На дне таких горшков иногда ставился рельефный знак. В керамике можно выделить сделанные как вручную, так и на гончарном круге глубокие миски с орнаментом из волнистых и горизонтальных линий и глиняные сковороды круглой формы, с невысокими стенками, сделанные вручную. Иногда по краям стенок наносились ногтевидные оттиски. Жаровни середины VIII—X в. имели прямоугольную форму, невысокие стенки и также изготовлялись вручную из глины, иногда с примесью шамота и соломы.

В Северо-Восточной Болгарии открыты и изучены ее древние столицы — Плиска и Преслава. В Преславе, в районе Круглой (Золотой) [12, с. 41] церкви, обнаружено селище VI—VII вв., в котором открыты и исследованы полуземлянки с печками-каменками и керамикой Пражского типа.

В местности Нови гробишта в Преславе изучено поселение VIII—XI вв. [12, с. 41]. Тип жилищ в этом поселении — землянки и полуземлянки с печками-каменками. Встречаются здесь также жилища и с глинобитной печкой. Из керамики, найденной в этом поселении, на гончарном круге были изготовлены горшки конического типа, чаши и миски. В целом обнаруженная здесь керамика не отличается от керамики других славянских поселений на территории Болгарии VIII—XI вв.

В Плиске, первой столице Первого Болгарского государства, за последние годы открыто и изучено несколько объектов конца VIII—XI в. Они расположены как внутри города, так и за его пределами. В них открыты землянки и полуземлянки с печками-каменками и глинобитными печами. Встречается в землянках и печь-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного 29 ноября 1983 г. на двустороннем симпозиуме Комиссии историков СССР и НРБ, посвященном проблеме «Славяне и протоболгары на территории СССР и Болгарии».

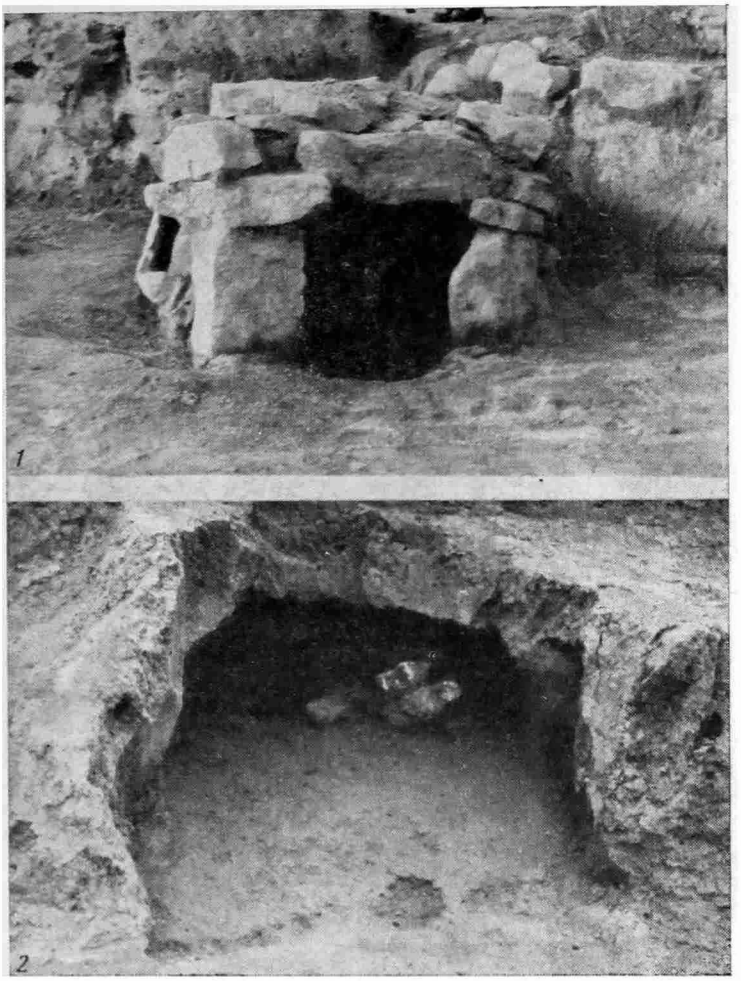


Рис. 1. Отопительные сооружения VIII—X вв. *1* — селище у с. Кривина Русенской области; *2* — селище «Стареца», с. Гарван Силистренской области

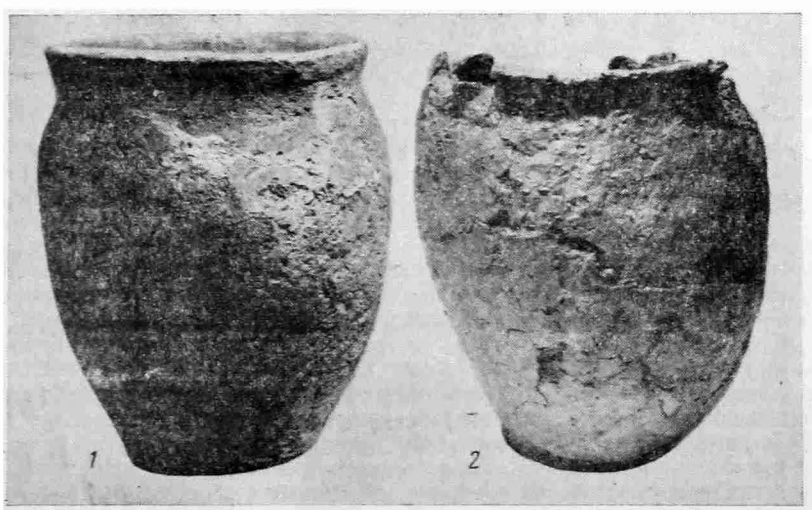


Рис. 2. Горшки VI—VII вв.— селище «Стареца», с. Гарван Силистренской области

жаровня. Посуда сделана на ручном гончарном круге, при этом сосуды часто орнаментированы. По всему облику и технике изготовления это обычная славянская посуда [29].

Материальная культура Плиски и Преслава подобна культуре других поселений и городищ Первого Болгарского государства и отражает наивысшую стадию развития, которой болгарская культура достигла в период до XI в.

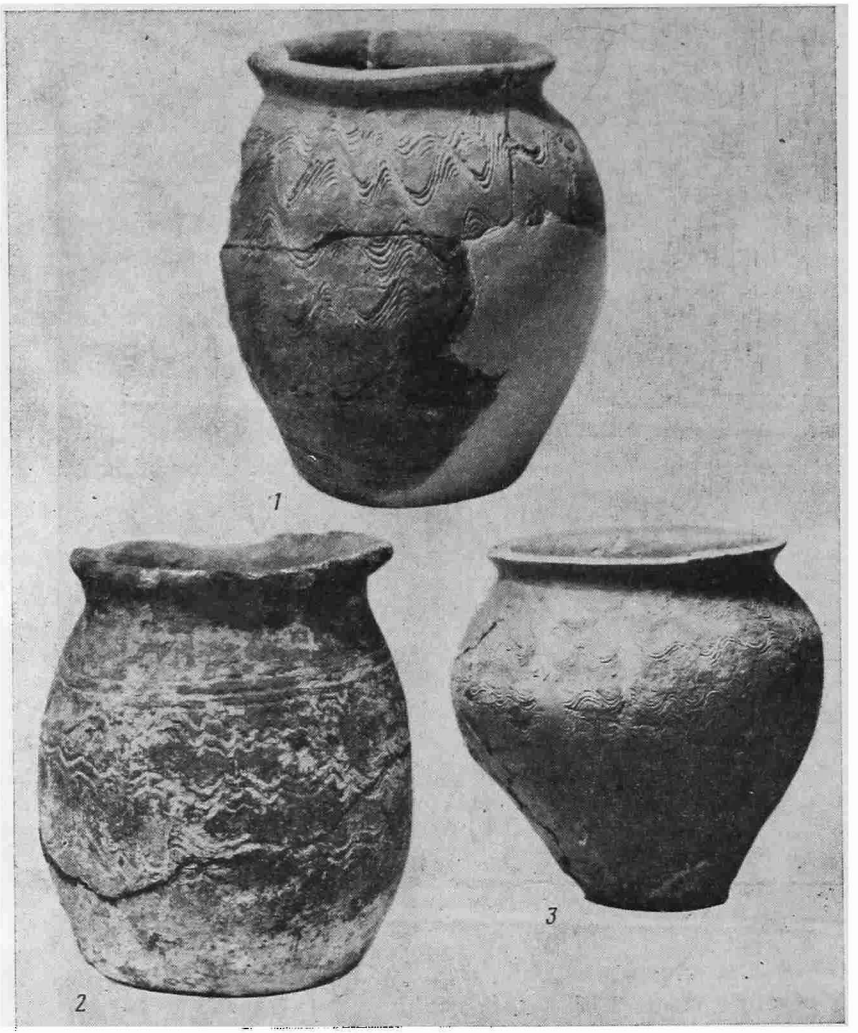


Рис. 3. Горшки VIII–X вв.

В этих столичных городах Болгарии почти полностью раскрыты стены крепостей, базилики, церкви, дворцы, среди которых и такие, как, например, Большой дворец в Преславе, а также и некоторые монастырские комплексы, в частности условно называемые «Тузлалыка» и «Под забуите» в местности около Круглой церкви и Патлейны-Преслава. В Плиске и Преславе исследованы также ремесленные мастерские для производства стекла [30, с. 228—240; 31, с. 37—48] (в Плиске), железа (в Преславе) [32, с. 393—405; 33, с. 137—141] и косторезные (в Преславе).

В постоянно действующих мастерских Преслава производилась поливная керамика [34, с. 8—15]. Сосуды украшались геометрическими и живописными мотивами с изображениями птиц и животных. Здесь работали опытные мастера-художники. Самые ценные и разнообразные образцы этой керамики обнаружены в монастырях «Тузлалыка» и «Под забуите», в которых открыты и мастерские. Там процветало также искусство поливной иконописи. Есть основания утверждать, что по изготовлению поливной керамики и в особенности икон преславская школа превосходила царьградскую, и это выделяло Преслав как первостепенный центр производства художественной керамики и иконописи в IX—X вв. Предметы каменной пластики, открытые в Преславе, также изготовлены местными мастерами, о чем свидетельствуют и некоторые данные, полученные при изучении монастыря «Под забуите».

Клад из 200 золотых предметов, открытый в 1978 г. в 4 км от Преслава, в местности «Кастана» [35], позволяет утверждать, что некоторые украшения (ожерелья, серьги, аппликации и др.) изготовлены также в одной из мастерских Преслава. Это прежде всего относится к украшениям, отделанным разноцветной перегородчатой эмалью (ожерелья, диадема и пара сережек). Это подтверждается и находкой нескольких таких же золотых украшений с перегородчатой эмалью в культурном слое конца VIII—X в. средневекового Преслава. В частности, украшения с перегородчатой многоцветной эмалью из Кастаны, близ Преслава, похожи на золотой перстень с эмалью, который был найден вместе с другими 12 золотыми предметами в женском погребении X в. в Плиске (могила Большая базилика) [36, с. 299–312; 37, с. 52–56]. Орнамент этого перстня (двойная пальметка) похож

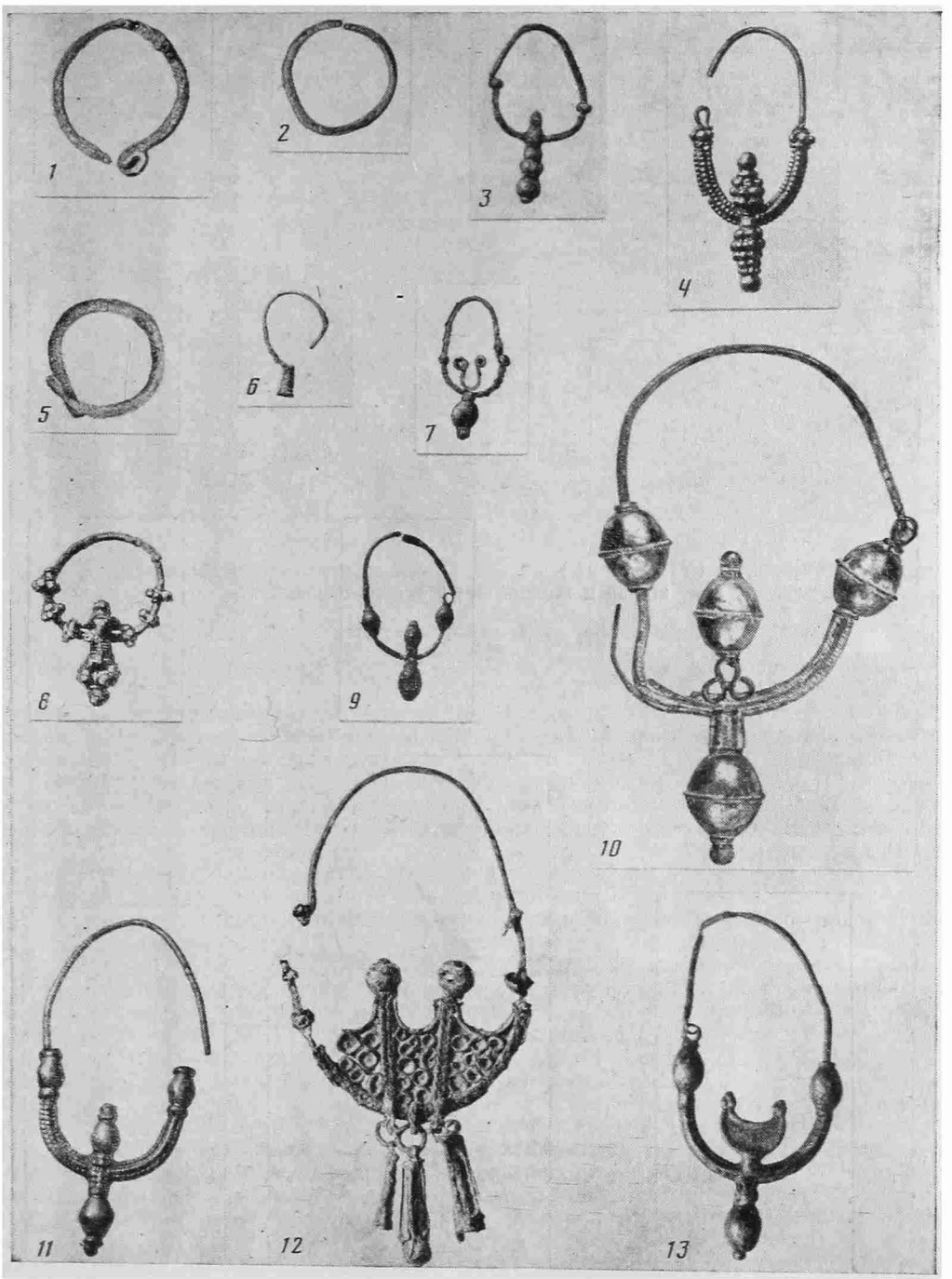


Рис. 4. Серьги из могильников IX—XI вв.

на тот, который имеется на множестве поливных плиток, открытых в Преславе, а также на одной из двух пар золотых сережек, обнаруженных в Кастаце.

Эти золотые предметы из археологических находок также дают основания для утверждения, что в Болгарии того времени существовала развитая художественная культура и что она оказывала серьезное влияние на искусство народов Балканского полуострова и Европы в целом.

Для славянских курганов VI—VIII вв. [7, с. 82; 8, с. 1, сл.] характерен в основном обряд урнового погребения – трупосожжение. После 865 г., т. е. после официального принятия христианства, этот обряд (трупосожжение) еще долго сохранялся; нередко в одном и том же кургане наряду с трупосожжением осуществлялось и христианское погребение. Открыты курганы и с чисто христианскими захоронениями начала IX—XI в. [38—42].

На территории Болгарии изучено большое число некрополей с христианскими погребениями конца VIII—XI в. В некоторых могильниках насчитывается до 650 христианских могил (двуобрядный курган м. «Трошево» под Варной).

Основным инвентарем этого типа могильников являются горшки, реже миски, наиболее характерны украшения: серьги, ожерелья, браслеты (рис. 4; 5), перстни,

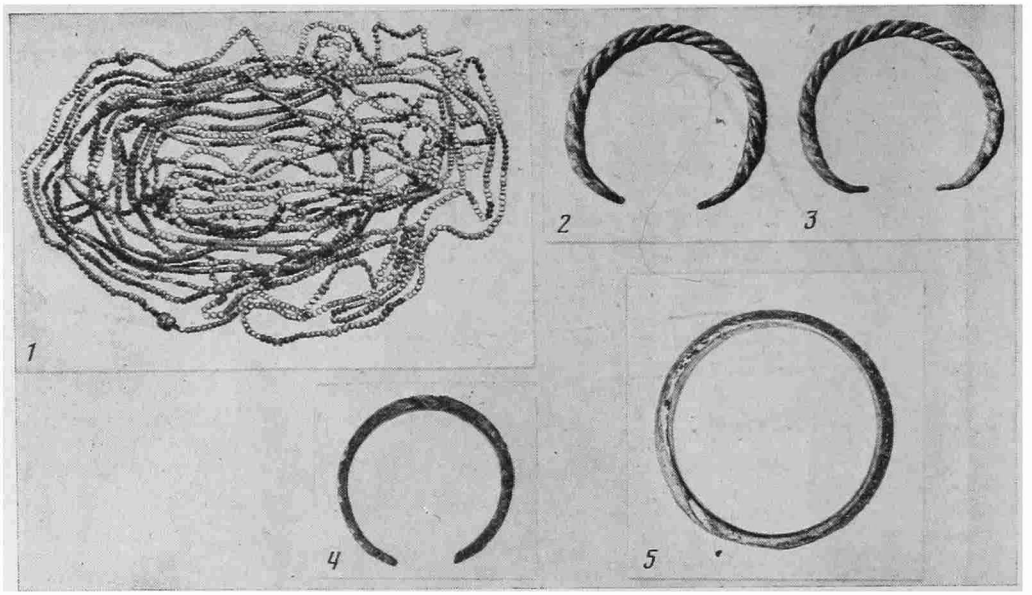


Рис. 5. *1* — ожерелья (VIII—X вв.) из стеклянных бус; *2–5* — браслеты: *2–4* — бронзовые и железные; *5* — стеклянный

пуговицы, бубенчики и др. Перечисленные украшения являются принадлежностью всех славянских народов VIII—XI вв.

Ко множеству элементов материальной культуры, свидетельствующих о крупной роли славян на территории Балканского полуострова, в том числе на территории Болгарии, можно отнести находки, связанные с языческим божеством — Перуном. В одной из жилых средневековых построек в Преславе [43; 44; 45, с. 129—131] был найден костяной рог. В его верхней части изображен бог, имеющий четыре лица, одно из них связывается с верховным богом – повелителем молнии Перуном.

О культе солнца у южных славян в VI—VII вв. свидетельствуют круглые глиняные плитки, найденные в культурном слое этого времени в селе Гарван Силистринского округа. Поверхности этих плиток украшены орнаментами в виде кругов («птичий глаз»), являющихся символами солнца. Находки подобных плиток известны и у других славян [46, с. 93].

О большой роли славян в этногенезе народов Балканского полуострова в VI—X вв. свидетельствует открытие большого числа славянских надписей [46—50; 51, с. 84—86, табл. XVIII; 52, с. 71—75; 53, с. 19—28, рис. 6 *а*, *б*; 54, с. 210, 211, табл. IV, *25–63*; 55–59], глаголических и кириллических. Такие надписи обнаружены на стенах базилики, расположенной вблизи Равны (г. Провадия, Варненского округа), на стенах Круглой церкви в Преславе, на надгробных плитах с надписями Лазаря и Гавриила в Большой базилике в Плиске, на обломке горшка в Преславе, а также на скалах около с. Крепча Тырговиштенского округа и др.

Глаголические и кириллические надписи встречаются также вместе с греческими и латинскими на каменных стелах. Все это дает основания для заключения, что болгары как славянская народность раннего средневековья (в IX—X вв.) по своему культурному развитию опережали множество других европейских народов. Эпиграфические данные убедительно свидетельствуют о том, что староболгарская письменность в IX—X вв. не была замкнута лишь в стенах монастырей Плиски, Преслава, Охрида — грамоту знало и простое болгарское население. Поэтому надписи простых поселян того времени находят в самых различных местах. Открыты и специальные помещения — «даскальни» (школы), и несколько железных и костяных стилей в Плиске [6, с. 43—50]. Иначе говоря, уже в то время здесь была налажена просветительская деятельность. Этот тезис можно подтвердить и множеством других исторических и археологических данных.

В последние годы изучены поселения [61, с. 17 и сл.], в которых жизнь не прекращалась и в XI—XII вв., а также несколько могильников [61, с. 128, сл.] того же времени. Жилища в этих поселениях представляли собой полуземлянки с глинобитными печами, а также полуземлянки с каменными стенами, каменными печками и очагами [61, с. 9, рис. 3, 4; 17, сл.]. Среди керамических сосудов здесь найдены горшки, позволяющие проследить развитие керамики в течение нескольких столетий [27, с. 111—113, рис. 17—20; 61, с. 51, рис. 38; 62, с. 27, рис. 4, *а*, *г*].

Для могильников этого периода характерен христианский обряд погребения. В могилах находят разного рода украшения [61, 63, 64, с. 30—46], но чаще всего серьги из бронзы, серебра и реже из железа, представляющие собой обыкновенное кольцо на подвеске или пустотелую бусинку. Серьги, обнаруженные в могилах XII в., встречаются в захоронениях вплоть до XIV в. Лунообразные серьги, кото-

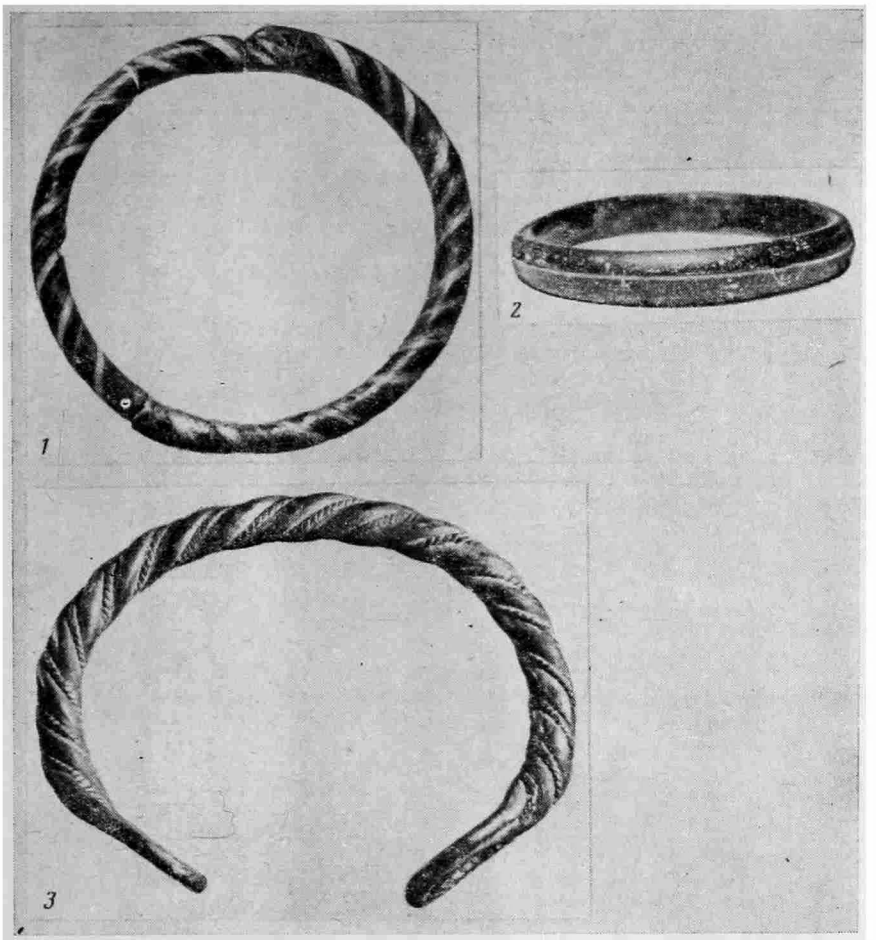


Рис. 6. Браслеты X–XII вв. *1–2* – стеклянные; *3* – бронзовый

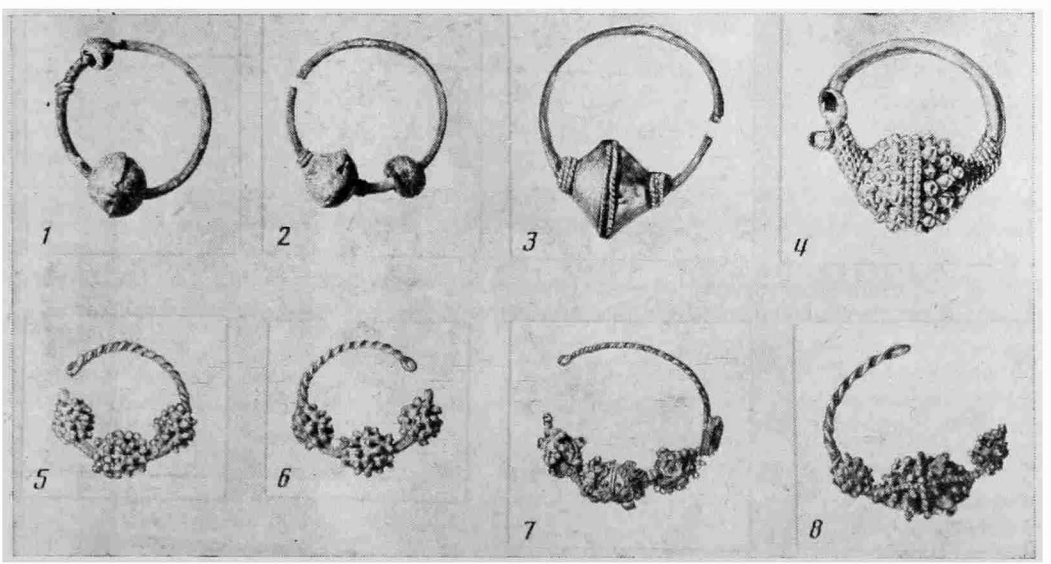


Рис. 7. Серьги XII–XIV вв.

рые встречаются в основном в захоронениях эпохи Первого Болгарского царства, обнаружены также и в могилах XII в. Среди украшений особое место принадлежит ожерельям из стеклянных бус, реже — из кости. Это обычно маленькие бусы, наиболее характерные для XI—XII вв.

Другой вид украшений — браслеты из бронзы, меди, железа, а также из стекла. Особое место среди них занимают крученые браслеты из бронзы. Они являются частью находки на славянских поселениях IX—XII вв. за пределами Болгарии. Тонкие пластинчатые браслеты из бронзы, концы которых закрывались с помощью

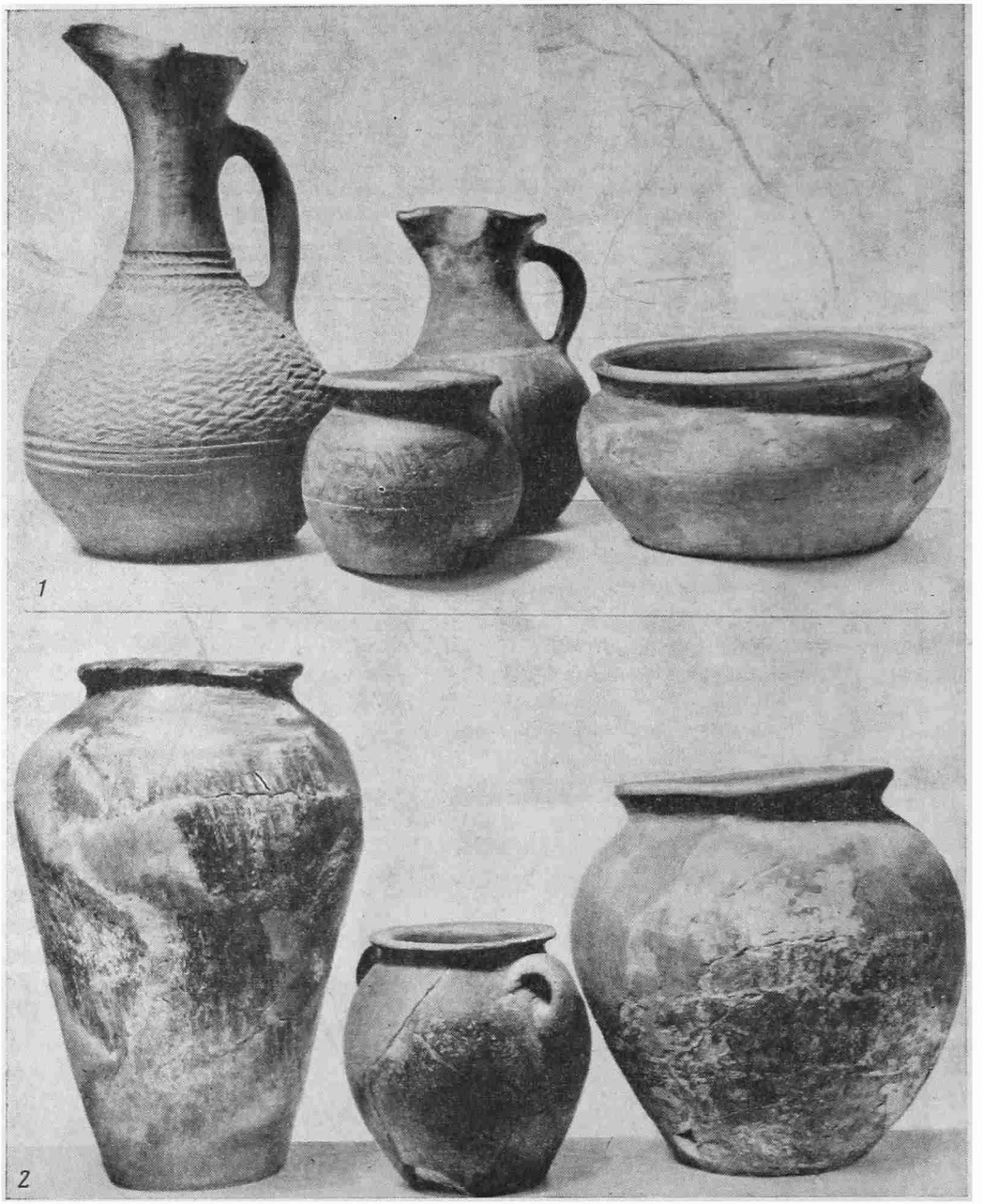


Рис. 8. Керамические сосуды «салтовского типа» VIII—IX вв. *1* — могильник Нови Пазар Шуменской области; *2* — Селище «Стареца», с. Гарван Силистренской области

шарниров, появились в X, а исчезли в XIII в. Они были также характерны для некоторых других славянских народов того времени.

Перстни — обычно в виде кольца — имеют широкую дату — от X до XIV в.

Могильники XII—XIV вв. христианские. Несмотря на то что в них почти не найден инвентарь (а до сих пор изучены в основном погребения бедного населения), можно все-таки сказать, что чаще всего в них встречаются браслеты, серьги, кольца (рис. 6; 7). Среди браслетов из бронзы есть крученые, встречающиеся у всех славянских народов начиная с X в. И этот факт можно истолковать в пользу утверждения, что население, оставившее захоронения XIII—XIV вв. на территории Болгарии, сохранило славянский этнический облик [61].

В поселениях XII—XIII вв., как и XVI в., жилища [65, с. 34—41] представляли собой землянки, полуземлянки и наземные жилища. Глинобитная или каменная печь в полуземлянках делалась в нише, вырубленной в стене. Стены жилищ возводили из дерева, глины, иногда из камня. В полу прослеживаются столбовые ямы для каркаса стен и столба, поддерживавшего крышу. Иногда в таких жилищах встречаются и ямы, предназначавшиеся, вероятно, для хранения зерна.

В ряде случаев в жилищах найдены горшки с монетами, дающими возможность датировать их XVI в. Эти сосуды открыты над античным слоем, как, на-

пример, у села Кралев Дол Пернишкого округа. В форме и орнаментаций сосудов прослеживается славянская традиция.

Таким образом, в настоящее время в распоряжении исследователей материальной культуры на территории Болгарии имеются достаточные данные о жилищах (землянках и полуземлянках), о керамике, а также об украшениях с конца VI до XIV в., позволяющие говорить о славянском облике болгарской средневековой культуры [66].

В VII в. в Северо-Восточной Болгарии и в Добрудже поселились также протоболгары Аспаруха. Археологически, однако, следы их пребывания засвидетельствованы лишь с середины VIII в. Их жилища представляли собой юрты круглой или эллипсовидной формы, врытые неглубоко в землю [8, с. 131, рис. 4, *43*; 67, с. 407, рис. 12, *а, б*; 68, 69, с. 102–108; 70, с. 36; 71, с. 119]. В середине юрт находился очаг. Обнаружено сравнительно небольшое количество подобных юрт. Некоторые жилища в этой части Болгарии, также принадлежавшие протоболгарам, строились из камня [72, с. 202, 203, рис. 2]. Обычно они тоже имели юртообразную форму и отапливались с помощью очагов.

Протоболгарские могильники характеризуются трупоположением по языческому обряду [73, 74, с. 57–76; 75, с. 75–91; 76, с. 51–94; 77, с. 5–30]. В могилах часто рядом со скелетом человека находят скелеты одного или двух коней, коров или других домашних животных.

Иногда в одном и том же протоболгарском могильнике наряду с трупоположением встречаются могилы с трупосожжением, в основном безурновые. В таких случаях над сожженными костями человека вперемежку или в определенном порядке расположены сожженные кости животных — собак, овец, ягнят и др.

Протоболгарам принадлежат и некоторые могилы в христианских некрополях X в. Покойник в таких могилах положен в скорченном или полускорченном положении. Черепа некоторых скелетов искусственно деформированы. В ряде случаев вместе с умершим клали и животных — лошадей, собак и др.

В поселениях и некрополях, оставленных протоболгарами, найдена и принадлежавшая им керамика [8, с. 385; 73, с. 46, табл. XIV–XVIII; 78, с. 160–169; 79; 80, с. 114, рис. 28, 29; 81, с. 107, рис. 9; 82, с. 328, рис. 7; 83 с. 32 рис. 19] — горшкообразные котлы с внутренними ушками, горшки, миски, кувшины. Горшки имеют сферическую или яйцеобразную форму. Группа кухонных горшков украшена рифленым орнаментом, сосуды имеют красно-коричневый или серый цвет. Другая группа имеет ту же форму, но сделана из хорошо отмученной глины и имеет хороший обжиг (рис. 8). На обеих группах горшков есть гончарные клейма на дне или стенке. Кувшины обычно сферической или яйцеобразной формы, темно-серого цвета, с лощеной поверхностью и с псевдоручками.

О роли протоболгар в Первом Болгарском царстве свидетельствует множество надписей на стелах [84] на греческом и протоболгарском языках.

Античные и фракийские, и ранневизантийские памятники также стали составной частью культуры Первого Болгарского царства. По всей вероятности, пришлое население постепенно вступило в тесные контакты с местными сельскими жителями в основном с романизированными фракийцами [85, с. 74; 86, с. 68]. Действительно, в настоящее время наука располагает данными [87, с. 176; 88, с. 5—20], которые подтверждают, что в некоторых районах Северной Болгарии, близ Черного моря и особенно в Южной Болгарии по соседству с новой (болгарской) этнической группой сосуществовали отдельные гнезда более раннего местного романизированного и греческого населения.

Что касается авар, которые самостоятельно или вместе со славянами не раз беспокоили население Балкан своими набегами в VI—VII вв. и частично оседали на территориях к югу от Дуная, то их культура не оставила здесь сколько-нибудь заметных следов, а сами авары не оказали влияния на этнический облик Балканского полуострова.

Как упоминалось, протоболгары засвидетельствованы археологически с середины VIII в. Прослеживается, однако, и другая группа протоболгар на землях к югу от Дуная (в Северо-Восточной Болгарии, в основном в Добрудже). Они поселились здесь позднее — в IX в.

Таким образом, мы имеем основания считать, что керамика так называемой «славяно-болгарской культуры» представляет собой совокупность разных керамических типов. Причем это сочетание характерно только для Северо-восточной Болгарии и вполне соответствовало местной этнической ситуации. В границах Первого Болгарского царства проживали два народа: славяне и протоболгары — и были распространены две культуры. Позднее славяне средневековой Болгарии ассимилировали протоболгар, усвоив лишь некоторые второстепенные элементы их культуры. В XI–XVI вв., насколько об этом можно судить по археологическим памятникам, а также по топонимическим, этнографическим и языковым данным, болгары уже не были славяно-протоболгарами, а представляли собой единую славянскую народность [89, с. 13; 90, с. 49—82].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вължарова Ж.* Славяно-българското селище край с. Попина, Силстренско. София, 1956.
2. *Вължарова Ж.* Славяните на юг от Дунава (по археологическите данни) // Археология. 1963. Кн. 1.

3. *Вăжарова Ж.* Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век. София, 1965.
4. *Вăжарова Ж.* Раннославянско и славяно-българско селище в м. «Стареца» край с. Гарван, Силистренско // Археология. 1966. Кн. 2.
5. *Выжарова Ж.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры // Славяните и средиземноморския свят. VI—XI в. София, 1973.
6. *Вăжарова Ж.* Селище и некрополи края на VI—XI в. // Археология. 1974. Кн. 3.
7. *Вăжарова Ж.* Славяни и прабългари по данни от некрополите на VI—XI в. на територия на България. София, 1975.
8. *Вăжарова Ж.* Славяни и прабългари (тюрко-българи) в светлината на археологическите данни // Археология. 1971. Кн. 1.
9. *Вăжарова Ж.* Погребалният обред – исторически източник за етническата същност на българската народност (по археологически и етнографически данни) // Археология. 1970. Кн. 2.
10. *Вăжарова Ж.* Славяни и номади на територията на днешните български земи от края на VI—XI в. // Плиска — Преслав. Т. 3. София, 1983.
11. *Вăжарова Ж.* Средневековни селища и некрополи VI–XI в. в Щуменски окръг // Материали от научна сесия «25 години музейно дело». III. София, 1982.
12. *Милчев Ат.* По въпроса за културата на славяните и прабългарите на нашите земи в ранното средновековие // Археология. 1964. Кн. 2.
13. *Милчев Ат.* Формированне староболгарской культуры // Славяните и средиземноморския свят. VI–XI. в. София, 1973.
14. *Милчев Ат.* Културни взаимоотношения на България с Византия и другите съседни страни през ранното средновековие, Доклади. «Българската култура и взаимодействието и със световната култура». Т. 1. Културата на средновековна България. Първи международен конгрес по българистика. София, 1981.
15. *Вăжарова Ж.* Средновековното селище, с. Гарван, Силистренски окръг. София, 1986.
16. *Вăжарова Ж.* Средновековното селище и некрополи в гр. Дългопол, Варненски окръг // Археология. 1969. Кн. 3.
17. *Милчев Ат., Ангелов Ст.* Разкопки и проучвания в м. Калето при с. Нова Черна, Силистрински окръг, през 1967—1969 г. // СГУФИФ, 1970—1971. Кн. 3.
18. *Алэджов Д.* Материалната култура в Югоизточна България през IX—XI в. // Славяните и средиземноморския свят. VI–XI в. София, 1973.
19. *Джонова-Митова М.* Средновековното селище над античния кастел Ятрос // Археология. 1970. Кн. 3.
20. *Jatrus-Krivina I.* Ergebnisse des Ausgrabungen 1966—1973. B., 1979.
21. *Алексиев Й.* Ранносредневековното селище на хълма Царевец във Велико Търново (VIII—XI в.) // Вековое. 1976. № 4.
22. *Станчева М., Станилов Ст.* Ранносредновековното жилище в Средец // Археология. 1979. Кн. 1.
23. *Cangova J.* Les Slaves aux environs de Preslav au VIIe–XIe siècles après des donnés archéologiques // Studia in honorem Veselini Beševliev. Sofia, 1979.
24. *Михайлов Ст., Джингов Г., Вълов В., Димова В.* Ранносредновековното селище край с. Стърмен // Разкопки и проучвания, т. VII. София, 1982.
25. *Алексиев Й.* Грънчарски пещи и жилища полуземлянки от IX—X в. край с. Хотница, Великотърновски окръг // Археология. 1977. Кн. 4.
26. *Станчева Ст.* Археологическо проучване на средновековния Средец IX—XIV в. София, 1976.
27. *Stančeva M., Dončeva-Petkova L.* Sur la surface habitée de Sredec au IXe—XIe ss. // IAI. 1979. T. XXXV.
28. *Джамбов Х.* Принос към славянската керамика в Пловдивски окръг // ГПАМ, 1960.
29. *Дончева-Петкова Л.* Български битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI и края на X век). София, 1977.
30. *Балабанов Т.* За началото на стъклообработването в средновековна България // Преслав. Т. 3. София, 1983.
31. *Дончева-Петкова Л., Златинова Ж.* Стъкларска работилница край западната крепостна стена в Плиска // Археология. 1978. Кн. 4.
32. *Вăжарова Ж.* Железарска работилница — «селище». Преслав // Slavia Antiqua. 1960. T. III.
33. *Витлянов Ст.* Данни за обработката на желязо в центровете на Първото Българско царство в Средновековния град. София, 1980.
34. *Тотев Т.* Манастирът в «Тузлалъка» — център на рисувана керамика в Преслав през IX—X в. // Археология. 1976. Кн. 1.
35. *Тотев Т.* Преславското златно съкровище. София, 1983.
36. *Вăжарова Ж. Н.* Богатое погребение женщины в могильнике возле Большой Базилики в Плиске // Sbornik Referatov ze Sympozia Slované 6—10 Stoleti. Břeslau-Pohansko, 1978. Brno, 1980.
37. *Вăжарова Ж. Н.* Златни накити от гроб 27 в Плиска // Археология, 1980. Кн. 1.
38. *Вăжарова Ж.* Некропол край с. Черниче-Крупник. Благоевградски окръг // ИБИД. 1984. Кн. XXXVII.
39. *Бобчева Л., Салкин Ас.* Средновековен некропол в с. Българево // Известия на ОИМ и БИД в гр. Толбухин. 1973. № 1.
40. *Бобчева Л.* Старобългарски християнски некропол при с. Крагулево, Толбухински окръг // ИНМВ. 1984. Т. 20/25.

41. *Станчев Д.* Разкопки на средновековния некропол в с. Николов, Русенски окръг // Археологически открития и разкопки през 1978 г. // XXIII национална конференция в гр. Пазарджик (резюмета и доклади). София, 1978.
42. *Mašov Sp.* La necropol mediévale après du village Gradešnica, dep. der Vraca // ИАИ. 1979. Т. XXXV.
43. *Георгиева С.* Царевград-Търнов, дворецът на българските царе през втората българска държава. Т. 2. София, 1974.
44. *Георгиев П.* Изображение на четириликото славянско божество от Преслав // Археология. 1984. Кн. 1.
45. *Дуйчев Ив.* Страници от миналото. София, 1983.
46. *Vana Z.* Svet davnich slovany. Praha, 1983.
47. *Успенский Ф. И.* Надписи старобългарские // ПРАИК. 1905. Т. X.
48. *Шкорпил К.* Паметници от столица Преслав // 1000 години България. София. 1930.
49. *Иванов Йор.* Български старини от Македония. София, 1931.
50. *Иванова В.* Надписът на Мостич преславския епиграфски цикъл // Надписът на чъргубиля Мостич. София, 1955.
51. *Гошев Ив.* Глаголически и кирилски надписи от IX—X в. София, 1961.
52. *Ovčarov D.* Cyrillic inscriptions of 931 in Preslav // Bulgarian Historical Rewiev. 1976. 2.
53. *Константинов К.* Два старобългарски надписа от скалния манастир при с. Крепча, Търговищки окръг // Археология. 1977. Кн. 3.
54. *Рашев Р.* Знаци и рисунки по стените на Кръглата църква в Преслав // ИНМШ. 1973. № VI.
55. *Попконстантинов К.* Двуезични надписи и абецедари от старобългарския манастир при с. Равна. Варненски окръг // ИНМВ. 1984. Кн. 20 (35).
56. *Попконстантинов К.* Заченето и тълкуването на надписа от с. Цар Асен. Силистрински окръг // Археология. 1982. Кн. 3–4.
57. *Попконстантинов К.* За надписите «с дата» от скалния манастир при с. Мурфатлар // Преслав. 1983. № 3.
58. *Медынцева А., Константинов К.* Надписи из Круглой церкви в Преславе. София. 1984.
59. *Попконстантинов К., Мединцева А.* За глаголическите надписи от X в. // Археология. 1982. Кн. 2.
60. *Георгиев П.* Старобългарски писала от Плиска и Преслав // Археология. 1980. Кн. 3.
61. *Чангова Йор.* Средновековното селище над тракийският град Севтополис. XI—XIV в. София, 1972.
62. *Станчева М., Дончева-Петкова Л.* Средновековна битова керамика от Ескус при с. Гиген // Археология. 1972. Кн. 1.
63. *Гатев П.* Средновековното селище и некропол от XII в. край с. Ковачево. Пазарджишки окръг // Разкопки и проучвания, кн. XII. София, 1985.
64. *Гатев П.* Накити от погребения XI—XII в. // Археология. 1977. Кн. 1.
65. *Николова Я., Ангелов Н.* Средновековен квартал на Момина крепост във Велико Търново // Археология. 1963. Кн. 1.
66. *Танчева-Василева Н.* Средновековно селище и некропол над античния Кабиле (VIII—XIV) // Векове. 1981. № 6.
67. *Възарова Ж.* Българският народностен облик през средновековието в светлината на археологически данни (VI—XI в.) // Българско историческо дружество. София, 1977.
68. *Рашев Р.* Модел на юрта от Девня // Археология. 1970. Кн. 2.
69. *Димитров Д.* Принос към изучаването на старобългарското жилище. София, 1973.
70. *Димитров Д.* За численността на дунавските прабългари в края на VII–IX в. // В памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.
71. *Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура. София, 1977.
72. *Тодорова Х., Ботов К.* Ранносредновековно селище от големия остров при с. Дуранкулак. Толбухински окръг // Плиска — Преслав. Т. 2. София, 1981.
73. *Станчев Ст., Иванов Ст., Боев П.* Некрополът до Нови Пазар. София, 1958.
74. *Димитров Д.* Новооткрит раннобългарски некропол в Девня. Предварително съобщение // ИНМВ. 1971. VII.
75. *Димитров Д.* Древнебългарские некрополи в Варненском округе // Славяните и средиземноморския свят. VI—XI в. София, 1973.
76. *Димитров Д.* Погребалният обред при раннобългарските некрополи във Варненско (VIII—X в.) // ИАИ. 1974. Т. XXXIV.
77. *Važarova Z.* Zur Frage der Ethnogenese und der materiallen Kultur des Bulgarischen Volkes (Zwei Necropolen aus Nordbulgarien) // ИАИ. 1979. Т. XXXV.
78. *Дончева-Петкова Л.* Българска керамика на територията на днешните български земи // Плиска — Преслав. Т. 2. София, 1981.
79. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
80. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М.: Наука, 1967.
81. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры // МИА. 1958. № 62.
82. *Ляпушкин И. И.* Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА. 1958. № 62.
83. *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.

84. *Бешевлиев В.* Първобългарските надписи. София, 1979.
85. *Станчева М.* За тракийското население в Софийско през IV—V в. // ИБАД. 1969. XXVII.
86. *Фол Ал.* Тракия и Югоизточна Европа през I—II хил. пр. н. е. // България в света от древността до наши дни. I. София, 1979.
87. *Въжарова Ж., Топтанов Д.* Сондажни проучвания на ранносредновековен некрополен край с. Черниче, Благоевградски окръг // Археологически открития и разкопки през 1978. XXXIV национална конференция в гр. Пазарджик (резюмета и доклади). София, 1979.
88. *Топтанов Д.* Некрополът край с. Черниче-Крупник, Благоевградски окръг // София. 1984. XXXVI.
89. *Артамонов М. И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // ДГО. 1970, вып. 15.
90. *Литаврин Г. Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.

XIV КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

8—11 апреля 1986 г. в столице Северной Осетии г. Орджоникидзе состоялись очередные «чтения» по археологии Северного Кавказа, посвященные памяти известного кавказоведа-археолога Е. И. Крупнова.

Открывая региональную конференцию археологов, представитель обкома КПСС Северо-Осетинской АССР Э. К. Карчиев приветствовал ее участников и подчеркнул, что этот научный съезд кавказоведов пользуется заслуженно высоким авторитетом и известностью в среде не только узких специалистов-археологов, но и среди всей научной общественности Северного Кавказа. Отмечая большие заслуги Е. И. Крупнова в изучении археологии и древней истории Северной Осетии, Э. К. Карчиев с удовлетворением напомнил присутствующим, что с момента первого заседания в 1979 г., посвященного памяти выдающегося исследователя Северного Кавказа, научная конференция «Крупновские чтения» набрала силу, а ее от конференции к конференции пополняющиеся количественно участники достойно продолжают разработки многих начинаний Е. И. Крупнова.

В XIV Крупновских чтениях приняли участие археологи и историки Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова, Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской и Дагестанской автономных республик, Карачаево-Черкесской автономной области, а также гости из Грузинской ССР – коллеги из научно-исследовательских учреждений Юго-Осетии и Абхазии.

На заседаниях были заслушаны и обсуждены 35 докладов и сообщений. Как и на предыдущих конференциях, повестка дня не смогла вместить всех желающих. Тезисы непрочитанных докладов вошли вместе с программными в сборник тезисов, изданный Северо-Осетинским НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров СО АССР (XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Сборник тезисов докладов. Орджоникидзе, 1986).

В первый день конференции было заслушано 10 докладов. В. Х. Тменов (Орджоникидзе) в докладе «Археологическое изучение Северной Осетии в 1971—1985 гг.» познакомил с основными итогами и достижениями 15-летнего изучения археологических памятников в республике со времени проведения I Крупновских чтений. Археологами изучались памятники каменного века, эпохи бронзы, сарматского периода, аланские городища и катакомбы, позднесредневековые каменные ящики, склепы, культовые сооружения. Большинство исследований отличалось высоким качественным уровнем.

Доклад Г. Е. Афанасьева (Москва) «Некоторые актуальные проблемы организации охранных археологических исследований на Северном Кавказе» касался масштабов, качества и перспектив археологических работ на новостройках северокавказских республик. Основа успеха проведения новостроечных работ, по убеждению докладчика, закладывается задолго до начала строительства, на стадии технико-экономического обоснования и составления сметно-проектной документации будущего строительства. В докладе указано, что в ближайшие 2 года сектор охранных раскопок Института археологии АН СССР предполагает подготовить серию методических указаний по оценке стоимости археологического изучения различных категорий памятников, что поможет наладить действенное участие местных организаций в археологических экспедициях на новостройках региона.

М. Х. Багаев (Грозный) в докладе «Археологические культуры и проблема этногенеза вайнахов» на основе совокупного рассмотрения данных по археологическим культурам, лингвистики, исторических источников представил трехэтапную модель формирования вайнахского этноса. По мнению докладчика, начало этого процесса зарождается в III тыс. до н. э. Сложение собственно вайнахского этнического массива произошло, как полагает М. Х. Багаев, уже в VII в. до н. э. Окончательное завершение этого процесса произошло в XII в. Доклад М. С. Гаджиева (Махачкала) «К этнической карте Дагестана албанского времени» был посвящен

анализу ряда источников, позволяющих, по мнению докладчика, предполагать уже в последней четверти I тыс. до н. э. локализацию и начало консолидации некоторых этнических групп современного Дагестана. Археологические данные свидетельствуют, однако, что если этнические группы горных районов обнаруживали достаточно определенную этнокультурную общность, то на предгорной и плоскостной территории картина более размытая за счет влияния кочевого мира. Т. А. Габуев (Москва) в докладе «О времени прихода алан на Северный Кавказ» предпринял попытку на основе одного из методов статистического анализа разделить и проанализировать данные о конструкциях катакомб конца I тыс. до н. э.— первой половины I тыс. н. э. Анализ данных по трем группам полученной классификации позволил Т. А. Габуеву сделать выводы о местных и привносных элементах при формировании тех или иных разновидностей погребальных конструкций. В докладе высказано предположение, что только подкурганные катакомбы отражают массовый приход алан в Предкавказье. В докладе Л. Б. Гмыри (Махачкала) «К этнической интерпретации погребений Паласа-сыртского могильника» суммированы интересные наблюдения по погребальному обряду в могильнике, который издавна традиционно относился к одному этносу – племени маскутов. Выделенные при исследовании памятника четыре разновременные группы свидетельствуют, однако, об этнической неоднородности населения, оставившего могильник. По мнению Л. Б. Гмыри, в разных погребальных обрядах Паласа-сыртского могильника отразились сложные процессы этнополитической и социально-экономической интеграции, оставившего его населения, нивелировку идеологических представлений, оседавших на землю кочевников.

Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба (Сухуми), выступив с докладом «Аланы в Колхиде (VI—VIII вв.)», наряду с известными историческими свидетельствами пребывания алан в Колхиде привели некоторые археологические данные о взаимном воздействии культур двух областей (Алании и Колхиды) друг на друга в VI—VIII вв. В докладе М. М. Герасимовой (Москва) «Этногенетические аспекты палеоантропологии Северного Кавказа эпохи средневековья» приведены новые любопытные данные и выводы, полученные при изучении большой серии антропологического материала из могильников Северного Кавказа, ранее определенных на основе археологических материалов как аланские, болгарские или адыгские. Примененный метод суммарного сопоставления дал такие величины таксонометрических расстояний между популяциями, что с ними, по мнению докладчицы, без дополнительной исторической аргументации следует обходиться весьма осторожно. Доклад Р. Х. Гаглоева (Цхинвали) «О некоторых предметах сармато-аланского облика из Южной Осетии» познакомил с новыми интересными данными о связях населения южных склонов Центрального Кавказа, в частности бассейна Большой Лиахвы, с северными территориями. По мнению докладчика, по ущелью этой реки шел один из основных торговых путей, связывавший издревле северные и южные склоны Кавказа, а также более южные области Закавказья. Р. Г. Дзаттиаты (Цхинвали) в докладе «К проблеме алан в Закавказье» изложил результаты новых исследований известного могильника VI—VII вв. у сел. Едыс в бассейне Большой Лиахвы. По мнению докладчика, материалы могильника отчетливо свидетельствуют о факте присутствия в Закавказье групп аланского населения, вероятно охранявшего в период персидской экспансии в регионе торговые пути на важных участках перевалочных дорог, а также торговые центры.

В обсуждении докладов первого дня приняли участие семь человек. М. М. Герасимова в выступлении уточнила некоторые положения своего доклада. В частности, она возразила против имеющей хождение точки зрения о прямом антропологическом родстве осетин и скифов и постаралась показать, насколько более сложен был процесс образования современного антропологического типа на Кавказе. Н. В. Анфимов, Р. С. Кочиев, В. А. Кузнецов, Ю. Н. Воронов отметили большую важность всех заслушанных докладов. Положительную оценку получили доклады В. Х. Тменова, Р. Х. Гаглоева, Р. Г. Дзаттиаты, В. Б. Ковалевская выступила по докладам, затрагивавшим аланскую проблематику. Она указала на необходимость перехода на новый уровень изучения и старых, и огромных новых материалов с применением математических методов. Касаясь доклада Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажбы, В. А. Кузнецов выразил сожаление, что докладчики уделили больше внимания Северному Кавказу, чем Колхиде. Тема «Аланы в Колхиде», как полагает В. А. Кузнецов, «дело будущего» и только начинает оформляться благодаря исследованиям в Юго-Осетии, в Абхазии и на Северном Кавказе. Ю. С. Гаглойти не согласился с мнением Т. А. Габуева о том, что массовое появление алан на Кавказе следует относить к III—IV вв. н. э., по его мнению этот вывод не согласуется с известными письменными свидетельствами. Они говорят о более раннем периоде. В выступлении Ю. С. Гаглойти прозвучали также сомнения в отношении выводов доклада М. М. Герасимовой.

В перерыве между заседаниями первого дня участники конференции посетили новый археологический музей им. Коста Хетагурова при Северо-Осетинском гос. университете. При осмотре экспозиции и фондов музея, где были представлены главным образом новейшие находки из археологических раскопок университета, были высказаны советы и пожелания по улучшению системы показа археологии студентам.

Во второй день работы конференции были заслушаны и обсуждены 12 докладов. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) в докладе «Ясы в Венгрии и могильник Недьсалаш» проследил на примере ясского могильника XIV—XV вв. Недьсалаш на

территории Венгрии устойчивость ряда элементов северокавказского происхождения у ясской этнической группы, переселившейся в Подунавье еще в XIII в. По мнению докладчика, разработка проблемы происхождения и ранней истории венгерских ясов имеет не только научное значение, но и способствует укреплению дружественных связей народов СССР и ВНР.

Остальные доклады были посвящены различным аспектам археологии северокавказского региона. В докладе Н. И. Гиджрати (Орджоникидзе) «Изучение каменного века Северной Осетии» были изложены результаты девятилетнего изучения экспедицией СОГУ памятников каменного века Центрального Кавказа. Каменный век Северной Осетии от ашеля до энеолита, исключая верхний палеолит, представлен в разной степени. Особое место в этих исследованиях занимают результаты исследования памятника Мыштулагты лагат («Пещера ласок»). При работах на этом уникальном памятнике были использованы методы комплексного изучения с применением данных геологии, палеозоологии, палеоботаники, минералогии и др. К. А. Днепровский (Москва) прочитал доклад «К вопросу о погребальных сооружениях майкопской культуры». На основе новых данных, полученных в результате археологических работ Кавказской экспедиции Гос. музея искусств народов Востока (ГМИНВ) в Прикубанье, докладчик попытался проследить генезис новосвободненского погребального обряда. При этом он обращает внимание на особый вариант погребального обычая, прослеженного как на раннем, так и на позднем этапах майкопской культуры. Речь идет о склепах из гальки и дерева, которые по ряду признаков «следует считать прототипом гробниц из камня» новосвободненского облика. Доклад Р. Г. Магомедова (Махачкала) «Об одной группе археологических комплексов эпохи ранней бронзы Дагестана» посвящен анализу особых каменных оградок с сосудами, обнаруженных на Великентском катакомбном могильнике. Докладчиком приведены убедительные аналогии и с других синхронных памятников Дагестана. По мнению Р. Г. Магомедова, в равнинном Дагестане выявляется новый пласт археологических комплексов погребального и поминального характера, находящий аналогии в майкопской культуре. Хронологически эти комплексы относятся к заключительному периоду эпохи ранней бронзы. М. В. Андреева (Москва) в докладе «Культовый комплекс эпохи бронзы у сел. Ореховка (Ставропольский край)» представила предварительные результаты раскопок уникального памятника, исследованного Петровским отрядом Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР. Открыты каменные ограды прямоугольной формы, размером 18—20×10 м, с пространственной планировкой и погребениями внутри. По некоторым признакам погребального обряда и немногочисленному инвентарю памятник относится к началу поздней бронзы, хотя точные аналогии ему неизвестны. Доклад А. Л. Нечитайло (Киев) «Взаимодействия племен степной Украины и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы» был посвящен выяснению качественной стороны известных данных об основах контактов двух областей. По мнению автора доклада, существовавшие культурно-экономические связи носили прогрессивно-направленный характер, а развитие их имело пульсирующий, неравномерный характер. Для степей это проявлялось, по мнению А. Л. Нечитайло, больше в производственной сфере, а для Северного Кавказа — в идеологической, что предполагает непосредственные контакты населения указанных двух областей. А. Л. Нечитайло рассматривает наличие культурно-экономических связей как проявление постоянно действующего процесса взаимодействия разных сторон. Этот процесс является «организующим моментом в функционировании и развитии культур степной Украины и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы». С. Н. Кореневский (Москва) в докладе «Раскопки курганов у Кисловодства в 1983—1984 гг.» остановился на новейших результатах исследования в Кисловодской котловине, где было исследовано более 50 подкурганных погребений относительно разных этапов эпохи бронзы (от майкопского до предкобанского времени). Новые материалы подтвердили ранее высказанное докладчиком предположение о выделении среднебронзовых памятников района Кавказских минеральных вод в особую археологическую группу, объединенную близостью погребальных культов и керамики. Интересные данные получены для периода перехода от эпохи средней бронзы к поздней (так называемая аликоновская группа). Доклад Ю. Ю. Пиотровского (Ленинград) «Комплексы эпохи бронзы Келермесской курганной группы (по материалам исследований экспедиции Государственного Эрмитажа в 1980–1985 гг.)» содержал данные о новых находках по эпохе ранней бронзы, полученных на указанном памятнике за 5 лет. Особого внимания заслуживают материалы из кург. 6 (1984 г.) в связи с ценными данными «прямой» стратиграфии. Основным в кургане было погребение, сосудам которого есть аналоги в погребениях станицы Новосвободной.

Два доклада были посвящены кобанской культуре. Б. В. Техов (Цхинвали) познакомил присутствующих с новыми материалами из раскопок Тлийского могильника, добытыми за последние 3 года (1983 – 1985 гг.). Его доклад «Новые данные по кобанской культуре Центрального Кавказа» был построен на великолепных и, как всегда, потрясающих своим обилием находках, главным образом из погребений VIII и VII—VI вв. до н. э. Выразительную группу инвентаря кроме украшений и оружия составляли бронзовые тонко гравированные пояса в стиле урартского искусства. Уникален пояс из погр. 419, орнамент которого Б. В. Техов считает близким по стилистическим особенностям к ахеменидскому искусству. Доклад А. З Аптекарева и В. И. Козенковой (Краснодар, Москва) «Клад из Упорной и новые данные о контактах культур Северного Кавказа и Центральной

Европы в конце II тысячелетия до н. э.» был посвящен анализу и культурно-исторической интерпретации уникального комплекса: нового клада бронзовых предметов, обнаруженных в 1984 г. в верховьях р. Чамлык. Впервые на границе ареала кобанской культуры обнаружены в закрытом комплексе три разные по происхождению группы вещей: раннекобанские, северопричерноморские и среднеевропейские. Ранний этап бытования предметов из клада определяется в докладе XIII—XII вв. до н. э., а время сокрытия клада — не позднее конца XII в. до н. э. Клад из Упорной — редкое по убедительности свидетельство прямых контактов между Северным Кавказом и Средней Европой. Сочетание предметов трех металлургических провинций. Кавказской и Евразийской позволяет использовать новый памятник для более аргументированной синхронизации культур этих регионов в эпоху поздней бронзы. В. Г. Петренко (Москва) посвятила доклад «О погребальном культе у скифских племен Предкавказья в VII—VI вв. до н. э.» детальному анализу признаков погребального культа в курганах Ставропольского плато, приналежавших, как полагает докладчица, высшему слою скифского общества В. Г. Петренко подробно остановилась на некоторых заимствованиях передневосточного облика, заметных в сооружениях Краснознаменского могильника, а также на возможных причинах этого заимствования. В частности, ею было высказано предположение, что сооружение храма огня было осуществлено непосредственно мидийскими мастерами, насильственно или добровольно переселенными скифами на ставропольское плато. Н. В. Анфимов (Краснодар) в докладе «Меотский могильник Пашковского 6-го городища» проанализировал погребальный обряд 109 грунтовых могил. Погребальные особенности и инвентарь исследованного могильника, по мнению докладчика, типичны для меотской культуры Среднего Прикубанья. Хронологически выделяются три группы погребений, из которых самая ранняя датируется IV—III вв. до н. э., а наиболее поздняя (всего одна могила) — I в. до н. э.

В дискуссии по докладам второго дня приняли участие 11 человек. А. Л. Нечитайло в своем выступлении по докладу К. А. Днепровского не согласилась с его наблюдениями и анализом материала. По ее мнению, выводы о возможности установить непрерывность развития погребального обряда от майкопского до новосвободненского поспешны. Высоко ею был оценен доклад Р. Г. Магомедова, а его вывод о выявлении в Дагестане комплекса майкопского облика она считает заслуживающим внимания. В. И. Марковин в своем выступлении остановился на докладах Р. Г. Магомедова, К. А. Днепровского, М. В. Андреевой, А. Л. Нечитайло, С. Н. Кореневского, В. И. Козенковой, Б. В. Техова и Н. В. Анфимова. Относительно доклада К. А. Днепровского он присоединился к мнению А. Л. Нечитайло. Поздравил М. В. Андрееву с новым своеобразным памятником, которому пока нет прямых аналогий. Касаясь доклада Р. Г. Магомедова, отметил высокий методический уровень проделанной работы. По поводу доклада А. Л. Нечитайло выразил сожаление, что не были проанализированы стелы. По докладу С. Н. Кореневского отметил чистоту и корректность работы докладчика с материалами, в свете которых получают свое достойное освещение и старые раскопки В. В. Данилевского. Признавая большой научный интерес выводов доклада А. З. Аптекарева и В. И. Козенковой для хронологии Северного Кавказа, В. И. Марковин в то же время посоветовал докладчикам еще раз просмотреть, как новые находки согласуются с выводами А. А. Иессена относительно Прикубанья эпохи бронзы. Оценивая по достоинству блестящие материалы новых раскопок Б. В. Техова, В. И. Марковин высказал пожелание о необходимости специальной работы по интерпретации той их части, которая касается изобразительного искусства. Положительно отозвалась о докладах Н. И. Гиджрати и М. В. Андреевой В. Б. Ковалевская. Особо она отметила доклад В. А. Кузнецова, который, по ее мнению, интересен привлечением всего комплекса источников, указывает далекие пути алано-ясских передвижений. В выступлении говорилось также о необходимости картографирования аланских топонимов вплоть до Западной Европы. Касаясь доклада М. В. Андреевой, В. Б. Ковалевская подчеркнула, как важно помнить и понимать, что курган не просто принадлежность степного пейзажа, а на самом деле очень сложное сооружение, связанное со всей системой погребального культа. М. М. Герасимова высоко оценила раскопки Н. И. Гиджрати палеолитического памятника «Пещеры ласок». Полемичный тон преобладал в выступлении Ю. Ю. Пиотровского, посвященного в основном положению дел в изучении эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа. Неизмеримо увеличившиеся за последние 10 лет исходные данные по этим эпохам, по его мнению, противоречат традиционным культурно-хронологическим схемам. Ю. Ю. Пиотровский подчеркнул, что речь идет не о том, придерживаться или не придерживаться тех или иных существующих гипотез о тех или иных культурах, а о более глубоком подходе, включающем необходимость выработки совершенно новых критериев для определения археологических материалов. Н. М. Чеченов в своем выступлении также остановился главным образом на докладах по ранним эпохам. Ю. Н. Воронов поделился впечатлениями о докладах А. Н. Нечитайло, С. Н. Кореневского, Б. В. Техова, В. И. Козенковой, В. Г. Петренко, Н. В. Анфимова. Б. В. Техов положительно отозвался о выводах докладов А. Л. Нечитайло, В. Г. Петренко, В. И. Козенковой, Н. В. Анфимова. Он ответил также на некоторые вопросы, заданные ему по поводу новых материалов Тлийского могильника, в частности о сегментовидных пряжках и о семантике изображений на бронзовых поясах. С. Н. Кереневский в своем выступлении по докладам, касавшимся эпохи бронзы, призвал к быстрейшей публикации материалов, что

прояснит многое и в культурах, и в вариантах. Разделяя мнение Ю. Ю. Пиотровского о том, что Майкопский курган в настоящем не может быть опорным памятником, С. Н. Кореневский видит большие перспективы в изучении керамики поселений. Металл майкопской культуры, по его мнению, оказывается малоэффективным при выделении этапов культуры. В. И. Козенкова уделила внимание в своем выступлении материалам из раскопок С. Н. Кореневского, М. В. Андреевой и Б. В. Техова, подчеркнув большое значение новых данных для разработки дробной хронологии позднебронзового века Северного Кавказа. Кроме того, она ответила на отдельные вопросы, касавшиеся клада из станицы Упорной.

В последний день заседаний были заслушаны и обсуждены 11 докладов и 2 сообщения. В докладе А. В. Дмитриева (Новороссийск) «Памятники керкетов в районе Новороссийска» была предпринята попытка на основе археологических материалов уточнить локализацию некоторых племен Северо-Восточного Причерноморья, упоминаемых в письменных источниках. Так, по мнению докладчика, на основе группы захоронений в каменных ящиках VIII—VI вв. до н. э. в могильниках Большие хутора, Широкая балка, Дюрсо и более позднего могильника Лобанова щель, возможно, следует говорить о самой ранней группе исторических керкетов. Эти каменные ящики сосредоточены в горной части и пока неизвестны на равнинах. Касаясь вопроса о соседях керкетов-торетах, А. В. Дмитриев высказал предположение, что упомянутые в периплах и титулах боспорских царей тореты не племя, а жители эллинистического города Торика и его хоры. В докладе Н. А. Охонько (Ставрополь) «К вопросу о заселении Ставропольской возвышенности в древности и средневековье» сделана попытка осмысления известных в настоящее время на Ставропольском плато разновременных памятников в определенной экосистеме. Несмотря на отрывочный характер археологических данных, наметилась интересная картина от эпохи бронзы до средних веков, с проглядывающими своеобразными чертами в культуре, обусловленными местоположением и рельефом данного района. Особенно любопытны предварительные данные для периода VIII—III вв. до н. э., свидетельствующие об определенной зависимости топографии разных групп памятников друг от друга. Замечено, например, что топография курганов скифского круга совпадает с топографией наиболее крупных центров оседлой жизни коренного населения, оставившего памятники позднекобанского облика. Проясняется картина и для более поздних периодов. Так, на примере памятников VIII—X вв. докладчик выделил группы, характерные для западной и восточной частей Ставропольской возвышенности. В. М. Косяненко (Ростов-на-Дону) в докладе «Сероглиняная гончарная керамика Крепинского могильника» рассмотрела на примере гончарства вопросы взаимоотношений племен левобережья Дона и Прикубанья в I—III вв. н. э. В группе сарматских погребений этого времени в Крепинском могильнике обнаружена гончарная сероглиняная посуда из меотских гончарных мастерских. За последние годы подобная картина выявлена и на других синхронных памятниках бассейна Дона (Криволиманный I, Высочино и др.). В докладе В. Н. Каминского и И. В. Каминской (Краснодар) «Исследования Первомайского городища в долине Большой Лабы» изложены результаты работ на средневековом памятнике в верховьях Кубани. Исследованы остатки культового комплекса с храмом, здание на цитадели и четыре могильника (подземные и полуподземные склепы, каменные ящики, скальные катакомбы). Материалы датируются IX—XIII вв. Н. И. Гиджрати и А. О. Наглер (Орджоникидзе) в сообщении «Сарматский некрополь у сел. Комарово» рассказали о результатах исследования богатых впускных сарматских погребений. Выдающееся значение имеет погр. 24 кург. 1. Оно принадлежало жрице-горбунье и сопровождалось исключительно богатым набором погребального инвентаря. Среди предметов более тысячи золотых высокохудожественных изделий III—II вв. до н. э. Ряд импортных вещей (стеклянный кубок, бусы, остатки парчи) уточняет время захоронения в пределах II—I вв. до н. э.

Доклад А. Х. Нагоева (Нальчик) «О вооружении и тактике боя средневековых адыгских воинов (XIV—XVII вв.)» был посвящен особенностям позднесредневекового оружия и защитного вооружения адыгов. В частности, скрупулезно прослежены генезис и эволюция адыгских сабель.

В докладе В. М. Батчаева (Нальчик) «Некоторые особенности башенно-склепового зодчества в Балкарии и Карачае» изложены данные изучения башен и склепов позднего средневековья. Высказаны предположения о генезисе и типологии двух групп башен. Восточнобалкарские памятники обнаруживают сходство с дигорскими, а западнобалкарские и карачаевские — со сванскими. Интересна та часть доклада, где разобран вопрос об одноэтажных укрепленных комплексах (къала) Балкарии и Карачая, представляющих, по мнению автора доклада, разновидность башенных сооружений Кавказа, сформировавшиеся под влиянием ирано-тюркского компонента в этногенезе балкарцев и карачаевцев. Способ воздействия двускатных и пирамидально-шатровых перекрытий наземных усыпальниц-кешене В. М. Батчаев связывает, в отличие от Л. Г. Нечаевой, с влиянием сванских строительных традиций. Доклад В. Б. Ковалевской (Москва) «Некоторые новые подходы к датировке средневековых северокавказских памятников с использованием ЭВМ» был посвящен вопросам наиболее полного и объективного анализа археологических данных путем применения различных математических методов и вычислительной техники. В докладе подчеркнуто, что эти методы не будут эффективны и надежны, если не будет на должном уровне произведена предварительная источниковедче-

ская работа с материалом. На основе обработки по определенной системе (эвристический алгоритм Ю. Е. Храмова) керамики и бус из ряда могильников Северного Кавказа удалось разбить исходные совокупности данных на ряд объективно выделенных на ЭВМ групп. А. В. Пьянков (Краснодар) в докладе «Новый средневековый могильник Казазово» изложил результаты исследования в 1985 г. нового могильника Казазово II в Адыгее. Погребальный обряд (кремация на стороне) и погребальный инвентарь аналогичны обряду и инвентарю могильников салтово-маяцкой культуры. Но ближе всего новый памятник стоит к могильнику типа Дюрсо около Новороссийска. Могильник Казазово II датируется докладчиком VIII — первой половиной IX в. Доклад В. И. Марковина (Москва) «Вопросы изучения средневековых петроглифов Северного Кавказа» представлял интересное обобщение по петроглифам Дагестана, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Докладчик рассматривает петроглифы как своеобразные знаки, а целые их картины — как симеотические системы. В связи с этим, по мнению В. И. Марковина, немаловажным фактором является строгая фиксация всего фона, сопровождающего эти находки. Важным этапом при этом является кодирование (условные цифровые и буквенные обозначения) как промежуточный этап к их интерпретации. Привлечение данных этнографии по язычеству, а также углубленное изучение символизма христианства и мусульманства применительно к конкретным условиям позволят, по мнению докладчика, подойти к осмыслению петроглифов. В докладе М. В. Пыжовой и А. И. Семенова (Орджоникидзе, Ленинград) «Палеоботанические работы на святилище Реком. Этнокультурный аспект» изложены результаты полевых палеоботанических исследований на памятнике и обработки пород дерева из разных частей здания святилища. Проведен ксилотомический анализ пород древесины самой постройки Рекома, а также древесины амулетов и приношений (например, стрел с деревянными древками). Установлена ошибка П. С. Уваровой в определении породы дерева древних дверей святилища как дубовых. По определениям докладчиков, двери, как и вся постройка, срублены из сосны. Подвески — изображения жертвенных животных вырезались из березы, сосны и клена. Анализ древесины коллекции позднесредневековых древков стрел показал, в отличие от экземпляров более ранних периодов, преобладание клена, что связывается авторами доклада с общей эволюцией лука. М. Б. Мужухоев (Грозный) посвятил свой доклад «Некоторые вопросы изучения средневекового зодчества горного Кавказа» ряду нерешенных аспектов ареала жилищно-оборонительных, погребальных и культовых сооружений, их типологии, особенностям эволюции, локальной группировке. Наиболее тесно взаимосвязанными между собой докладчик считает ряд памятников определенного типа в горной Чечено-Ингушетии, Восточной Грузии и Осетии (склепообразные и столпообразные святилища, коллективные надземные и полуподземные склепы, пирамидальные и плоскокровельные башни). Единство ареала всех указанных памятников архитектуры, по М. Б. Мужухоеву,— один из немаловажных факторов, который непременно должен учитываться при разработке вопросов средневековой истории народов Кавказа.

В порядке обмена информацией еще одно короткое сообщение сделала А. Л. Нечитайло, доложившая о новой находке на Украине каменного антропоморфного навершия жезла — вещи, редко встречающейся в памятниках эпохи бронзы Европы.

При обсуждении докладов последнего дня заседаний в дискуссии по различным аспектам прослушанных докладов дня приняли участие 11 человек. Выступившие по докладу А. В. Дмитриева (Е. П. Алексеева, Н. В. Анфимов, Ю. Н. Воронов, И. М. Чеченов) указали, что материалы, представленные в докладе, чрезвычайно интересны для изучения этнической истории адыгов. Соглашаясь с А. В. Дмитриевым в том, что за материалами могильников VIII—VI вв. до н. э. стоит некая этническая общность, выступавшие по его докладу указали на то, что не все выводы, касающиеся локализации племен, достаточно обоснованы. Н. В. Анфимов считает неприемлемым для территории Синдики термин «меото-сарматский», противопоставляя ему термин — «меото-сарматский период». Докладчиком недостаточно убедительно, по мнению Н. В. Анфимова, обоснована дата II в. до н. э. О докладе В. М. Косяненко положительно отозвались Е. П. Алексеева и Н. В. Анфимов.

Высоко оценили значение раскопок В. Н. Каминского и И. В. Каминской для истории района Е. П. Алексеева, Ю. Н. Воронов, А. И. Семенов и И. М. Чеченов. А. В. Дмитриев, выступая по докладу А. Х. Нагоева, согласился с его выводами о роли сабли в позднесредневековом вооружении.

Большой интерес вызвал доклад Н. А. Охонько. Выступившие по нему Н. В. Анфимов, Ю. Н. Воронов, А. И. Семенов, И. М. Чеченов, В. Г. Петренко и В. И. Козенкова были единодушны в оценке важности поставленной проблемы специального изучения Ставропольской возвышенности как особого географического и историко-культурного региона. И. М. Чеченов отметил, что по сравнению с другими районами Северного Кавказа Ставропольское плато в археологическом отношении является «белым пятном». Он высказал пожелание об интенсификации работы по созданию археологической карты памятников. Эта же мысль прозвучала и в выступлении Ю. Н. Воронова. По мнению В. Г. Петренко, Ставропольское плато не является «белым пятном». Следует говорить не об отсутствии памятников, а о том, что они изучены не равномерно и не систематически.

Особенно мало изучены поселения. Н. А. Охонько делает очень много, но нуждается в поддержке этих работ со стороны археологической общественности, что позволит их резко интенсифицировать. В. И. Козенкова поддержала В. Г. Петренко, подчеркнув, что в наблюдениях Н. А. Охонько по поводу соотношения скифских и кобанских памятников на Ставропольском плато видит большие перспективы, важные для многих аспектов взаимоотношений коренного населения с пришлыми племенами.

Оживленная дискуссия возникла вокруг доклада А. В. Пьянкова. Отмечая уникальный характер материалов Казазово II, Г. Е. Афанасьев призвал докладчика более осторожно обращаться к северным аналогиям. Н. В. Анфимов не согласился с выделением Казазово II как особого отдельного могильника, поскольку из доклада следует, что материалы синхронны с материалами могильника Казазово I. Следовало бы, по мнению Н. В. Анфимова, посвятить сравнительной характеристике двух этих памятников специальное сообщение, познакомить с материалами, а потом делать выводы. А. В. Дмитриев поддержал мнение выступавших о необходимости более тщательной обработки материалов, но все же высказал свое согласие с мнением докладчика о том, что речь идет о двух отдельных памятниках. Они находятся друг от друга в 200 м. Один датируется VII—IX вв., а второй — X—XIII вв.

Признавая важность и авангардность идеи, заложенной в докладе В. Б. Ковалевской, выступившие по нему А. В. Дмитриев и Б. В. Техов скептически отнеслись к возможностям источниковедческой базы на сегодняшний день. По мнению А. В. Дмитриева, в настоящее время практически все исследователи подходят к классификации по-разному, и пока не будут выработаны единые формальные признаки, вряд ли работа на ЭВМ будет эффективна. Б. В. Техов рассказал более конкретно о проводимой грузинскими археологами работе по созданию в республике банка археологических данных. На практике результаты этой работы, по его мнению, не так радужны, как это прозвучало в докладе В. Б. Ковалевской. В Юго-Осетии, например, работа находится пока на стадии первоначального внедрения метода описания только керамики. Реально об обработке всех материалов на ЭВМ можно говорить лишь в далеком будущем. По докладу А. И. Семенова поделились своими соображениями А. В. Дмитриев и В. А. Кузнецов. По мнению А. В. Дмитриева, неразработанность метода определения древесины, а следовательно, и большой процент ошибок заставляют пока с недоверием относиться к выводам А. И. Семенова. С этим утверждением не согласился В. А. Кузнецов, считающий, что, несмотря на ряд разочарований и ошибок, работа А. И. Семенова в перспективе интересна. Были проведены исследования по геоморфологии и гляциологии района Рекома. Предпринята попытка лихенометрического датирования. Скальные поверхности вокруг Рекома покрыты лишайниками, датирующимися примерно XII в., что свидетельствует о сравнительно позднем отступлении Цейского ледника. Следовательно, о постройке Рекома в эпоху кобанской культуры, как полагал Е. И. Крупнов, говорить не приходится. Ряд данных свидетельствует о том, что постройка знаменитого святилища датируется временем не ранее начала XIII в., а активное его использование приходится на период до начала XVI в. А. И. Семенов в заключительном слове поблагодарил В. А. Кузнецова за поддержку и еще раз разъяснил некоторые особенности работы с древесиной из святилища Реком.

О скрупулезности работы В. И. Марковина с петроглифами, продемонстрированной в докладе, говорил В. А. Кузнецов. Это мнение было поддержано Б. В. Теховым, считающим также, что подобная работа поможет выяснить специфику идеологических представлений различных групп населения Кавказа. Не менее важным, как полагает Б. В. Техов, является в этом плане и доклад В. М. Батчаева, в котором дана превосходная сравнительная характеристика строительных приемов башен у населения северного и южного склонов Большого Кавказского хребта. Хорошо построен и своевременно прозвучал, по мнению Б. В. Техова, и доклад М. Б. Мужухоева. Не совсем уместным ему показался только вопрос об этногенезе двалов. Вопрос этот остро дискуссионный, и в одном докладе решить его невозможно, поскольку имеется и диаметрально противоположная точка зрения (двалы — вайнахи или иранцы?). К этому вопросу, по мнению Б. В. Техова, необходимо вернуться специально.

Закрывая конференцию, В. А. Кузнецов подвел общие итоги. Отметив полезный характер научных обменов мнениями на Крупновских чтениях, он подчеркнул, что принципиальный и дружелюбный характер дискуссии на них соответствует стилю научного и человеческого общения, созданному на Северном Кавказе Е. И. Крупновым за многие годы его деятельности.

Участниками конференции была принята резолюция, в которой выражалась благодарность организаторам XIV Крупновских чтений — Северо-Осетинскому обкому КПСС, Совету Министров СО АССР, дирекции и коллективу СОНИИ истории, филологии и экономики. В резолюции отмечалась также большая работа археологов кафедры истории СССР и ректората СОГУ им. К. Л. Хетагурова по организации археологического музея. Рекомендовано ректорату СОГУ, дирекции Республиканского музея истории, архитектуры и литературы, дирекции НИИ ИФЭ принятие мер для продолжения археологических раскопок палеолитической стоянки в «Пещере ласок» (Мыштулагты лагет) в Кобанском ущелье.

Учитывая отставание археологических исследований в равнинной зоне Северного Кавказа, особенно на Ставропольском плато, предложено просить Ставропольский крайком КПСС, Ставропольский крайисполком и дирекцию Краеведческого музея имени Г. Праве об организации XV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа в апреле 1988 г. в г. Ставрополе на базе краевого музея, тематику XV Крупновских чтений посвятить истории и археологии древних и средневековых кочевников Северного Кавказа и прилегающей к нему территории междуречья Волги и Дона.

В последний день конференции участники XIV Крупновских чтений совершили археологическую экскурсию в Куртатинское и Тагаурское ущелье, где осмотрели великолепные памятники башенно-склеповой архитектуры в сел. Даргавс и Дзивгис.

В. И. Козенкова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1987 ГОД

	№	стр.
Достижения и перспективы советской археологической науки	4	5
Абрамова М. П. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху	4	59
Авдеев А. Г., Петерс Б. Г. Заметки об аморфных клеймах из раскопок Феодосии	3	214
Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э.	3	28
Алексеев Л. В. Капитальное исследование по начальной истории Минска	2	265
Амирханов Х. А. К характеристике ашеля Южной Аравии	4	11
Андреева М. В. Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983	4	273
Аникович М. В. Всесоюзное совещание по методике полевых исследований памятников каменного века, посвященное столетию со дня рождения П. П. Ефименко	1	285
Анисюткин Н. К. Джафаров А. К. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку, 1983	4	271
Анпилогов А. В. Поселение Ловозеро 1	1	136
Артемьев А. Р. Древнерусский поруб в Изборске	3	219
Артемьева Н. Г. Раннесредневековые жилища Приморья	1	84
Атаев Г. Д. Чиркейские курганы бронзового века	1	145
Афанасьев Г. Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуробулгаро-хазарских миграций в лесостепь)	1	193
Бектинеев Ш. И. Весы и гирьки-разновесы X—XIV вв. из Белоруссии	1	231
Березкин Ю. Е. Gräber von Ancon, Peru (MAVA. B. 17) München, 1983	3	264
Березкин Ю. Е. Kutscher G. Wordperuanische Gefämalereien des Moche-Stils (MAVA. B. 18). München, 1983	4	295
Беспалый Е. И., Ларенок П. А. Средневековое погребение в кургане у города Азова	4	260
Богданович М. Неолитическое поселение в Дивостине и протостарчевская культура	2	5
Булава Л. А. К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана	1	254
Буров В. А. О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде	1	91
Виноградов В. Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии	1	267
Вишняцкий Л. Б. Костяные изделия с пазами из позднепалеотической стоянки Березовый ручей I	3	202
Воронов А. А., Паромов Я. М. Локализация средневекового города Темрюка	4	87
Выжарова Ж. Н. Славяне к югу от Дуная. Доклад на симпозиуме Комиссии историков СССР и НРБ 29 ноября 1983 г.	4	298
Гаврилюк Н. А. Пища степных скифов	1	21
Гаибов В. А., Согомонов А. Ю. III Научные чтения памяти В. Д. Блаватского	2	296
Гайдуков П. Г. Новгородские пулы «князя великого»	4	253
Гей О. А. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре	3	53
Геннадиев А. Н., Державин В. Л., Иванов В. К., Смирнов Ю. А. О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре	2	124
Гершкович Я. П., Клочко В. И., Евдокимов Г. Л. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья	2	142
Гершкович Я. П., Клочко В. И., Оленковский Н. П. Литейная форма эпохи поздней бронзы из Нижнего Поднепровья	3	211
Гладких М. И. Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983	2	273

	№	стр.
Горелик А. Ф. Новые мезолитические памятники с янисла вицкими вкладышевыми элементами на Северском Донце	3	146
Грехова Л. В. Кремневый комплекс стоянки Елисеевичи	4	123
Гуревич Ф. Д. Гали Федоровна Корзухина (к 80-летию со дня рождения)	2	291
Гуркин С. В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону	4	100
Гусаков М. Г., Кулаков В. И., Смирнов Ю. А. Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд» (Москва, 1985)	3	270
Гутлыев Г., Никитин А. Б. Клад сасанидо-кушанских монет и подражаний чекану Васудевы из Туркмении	2	259
Дашевская О. Д., Джорбенадзе В. А. Конференция по проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Душети, 1984)	1	294
Дашевская О. Д., Раевский Д. С. К статье Б. Ю. Михлина «О характере позднескифской семьи»	2	41
Дедов В. Н., Швецов М. Л. Находка древнерусского меча в Донбассе	1	262
Демкин В. А., Иванов И. В., Мокеев О. В. Итоги и перспективы комплексных почвенно-археологических исследований в СССР	2	294
Енуков В. В. Курганы в селе Беседы	3	190
Жилина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1	1	203
Журавлев А. П. Поселение Пергрема I	4	149
Заверняев Ф. М. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки	3	111
Зиньковский К. В., Петренко В. Г. Погребения с охрой в усатовских могильниках	4	24
Золотов Ю. М. Семь надписей XVI—XVII вв. из Москвы	3	223
Зубарев В. Г., Масленников А. А. Историческая география европейского Боспора по Клавдию Птолемею	3	40
Зубарь В. М., Кубышев А. И. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья	4	248
Избицер Е. В. Научно-практическая конференция «Археологические исследования в зоне мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации» (Ленинград, 1985)	3	278
Казакявичюс В. Находка двупластинчатой фибулы в Литве	4	264
Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани	4	187
Каминский В. Н. Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара	2	254
Качалова Н. К. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985	3	258
Кашкин А. В. Baiern und Slawen in Oberösterreich. Probleme der Landnahme und Besiedllung//Schriftenreihe des OÖ Musealvereins — Gesellschaft für Landeskunde. B. 10. Linz, 1980	1	270
Козенкова В. И. XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа	4	308
Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолитическая стоянка Угольново 1	3	131
Косяненко В. М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища	2	45
Косинская Л. Л. Жилища эпохи ранней бронзы в бассейне Вычегды	1	243
Котиторошко В. Г. Жертвенник III—IV вв. н. э. у села Солонцы	2	176
Кравец Д. П., Швецов М. Л. Скифский кинжал из Донбасса	2	253
Крыганов А. В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья	2	63
Ксензов В. П. Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Юровичи	1	239
Кузнецова Т. М. Зеркала из скифских памятников VI—III вв. до н. э. (классификация и хронологическое распределение)	1	35
Кузнецова Т. М. О терминах для описания зеркал из скифских памятников	2	18
Кутайсов В. А. Эллинистический дом Керкинитиды	1	169
Ле Суан Знем. Археологические открытия на равнине Намбо (СРВ)	3	5
Литвинов В. А., Макушников О. А., Дробушевский А. П. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии	1	263
Лунин Б. В. Памяти М. Е. Массона	3	282
Лунина С. Б. Расписная керамика X—XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса)	3	98
Макаров Н. А. Меч из Кемского некрополя	4	266
Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой	1	183

	№	стр.
Михайлов Б. Д. Об одном сюжете петроглифов Каменной Могилы	2	250
Михлин Б. Ю. О характере позднескифской семьи	2	31
Молчанов А. А., Чернецов А. В. Древний Новгород: История. Искусство. Археология. Новые исследования/Сост. Ямщиков С. В. М., 1983	2	280
Мыськов Е. П. Новые полтавкинские памятники Нижнего Поволжья	4	234
Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исар-Кая	2	228
Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв.	2	212
Неразик Е. Е. Археологический комплекс первых веков нашей эры из Хорезма	2	159
Носов Е. Н. Археология Новгорода. Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 гг./Сост. Гайдуков П. Г. М., 1983	2	287
Обломский А. М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры	3	68
Обломский А. М., Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Материалы I тысячелетия н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.)	4	174
Озеров А. А., Беспалый Е. П. Погребение эпохи ранней бронзы близ г. Сальска (Ростовская обл.)	3	161
Панова Т. Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля	4	110
Переводчикова Е. В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья	4	44
Перхавко В. Б. Находки энколпионов на территории Югославии	4	206
Пилипко В. Н. Типология поселений кушанского времени в долине Средней Амударьи	3	177
Плетнева С. А. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани	1	258
Прохорова Т. А. Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский 1	1	250
Пугаченкова Г. А., Беляева Т. В. К стратиграфии Кумышкент-тепе	4	74
Пуцко В. Г. Крест Марка Пещерника	1	217
Савватеев Ю. А. Новые петроглифы на о. Ерпин Пудас	1	103
Савостина Е. А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения)	1	58
Санжаров С. Н., Привалова О. Я. Новые материалы эпохи бронзы из Донецкого музея	3	209
Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии)	1	48
Сарианиди В. И. Бактрийский центр златоделия	1	72
Седов В. В., Смирнов К. А. Археологическая тематика VI Международного конгресса финно-угроведов	1	290
Сердитых З. В., Валиев А. Ирригация и население Восточной Бактрии (обзор публикаций по итогам исследований 1974—1979 гг.)	4	283
Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет	3	237
Смирнов А. С. Могильник Стайки II в бассейне Верхней Оки	3	203
Смирнов К. А. Геродот о населении Волго-Окского междуречья	4	40
Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции	2	90
Согомонов А. Ю. Stucky R. A. Ras Shamra-Leukos Limen: Die nachugaritische Siedlung von Ras Shamra. Paris, 1983	4	291
Соловьянов Н. И. Тачева-Хитова. М. История на източните култове в Долна Мизия и Тракия V в. пр. н. э.— IV в. от н. э. София, 1982	1	275
Сорокин А. Н., Фролов А. С. Мезолитическая стоянка Пенёшки	4	228
Сорокин В. Я. Уникальное трипольское орудие	3	207
Телегин Д. Я., Отрощенко В. В. Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.	3	251
Тимофеев В. И. Новые открытия археологов Вьетнама	2	301
Трейстер М. Ю. О новых исследованиях Британского института археометаллургии	3	231
Третьяков В. П. Поселение Имерка 5 — памятник эпохи энеолита в Примокшанье	1	119
Трифонов В. А. Межреспубликанский методический семинар Совета молодых ученых ЛОИА АН СССР «Новейшие теоретические и методические разработки в зарубежной археологии. Археология зарубежной Азии» (Ленинград, 1985)	3	275
Тункина И. В. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена	4	220
Удеумурадов Б. Н. Керамический комплекс верхних слоев Алтын-депе	1	158

	№	стр.
Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря . .	2	70
Фехнер М. В., Пушкина Т. А. Birka II: 1. Systematische Analisen der Gräberfunde/Ed. Arwidsson G. Stockholm, 1984	1	279
Филатова В. Ф. Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии . .	3	14
Финогенова С. И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища	2	192
Формозов А. А. К биографии А. А. Спицына	2	262
Фролов А. С. Позднемезолитическая стоянка Заозерье II на юге Подмосковья	2	246
Халдеев В. В. Сколько было сарматов?	3	230
Цвейбель Д. С., Колесник А. В. Техника расщепления кремня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе	1	5
Чеботаренко Г. Ф., Щербакова Т. А., Щукин М. Б. Два предмета римской эпохи в Молдавии	4	242
Чернов Г. А. Археологические памятники в низовьях р. Коротаихи и на побережье Баренцова моря	2	103
Черняков И. Т., Новицкий Е. Ю. Погребение раннежелезного века с деревянными конструкциями	4	151
Шаскольский И. П., Савватеев Ю. А., Столяр А. Д. Памяти Александра Михайловича Линевского	1	300
Шепко Л. Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье . . .	4	158
Юшко А. А. О междукняжеских границах бассейна р. Москвы в середине XII — начале XIII в.	3	86
Яценко С. А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии . .	3	166

Указатель составлен *П. Г. Гайдуковым*

ОПЕЧАТКА

В № 2 за 1987 г. в статье Алексеева Л. В. в заголовке следует читать: «КАПИТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МИНСКА».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКМ — Азовский краеведческий музей
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск — Ижевск
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАРО — Гос. архив Ростовской обл.
ГПАМ — Годишник на Пловдивския археологически музей
ГПНБ — Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей
ДГО – Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Ленинград
ДПИ — Донецкий политехнический институт
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София.
ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество. София
ИБИД — Известия на Българското историческо дружество. София
ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук УзССР. Ташкент
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИНМВ — Известия на Народния музей Варна
ИНМШ — известия на Народния музей в Шумен
ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КГИАМЗ — Краснодарский гос, историко-археологический музей-заповедник
КФ АН СССР — Карельский филиал Академии наук СССР. Петрозаводск
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
НАА — Народы Азии и Африки. Москва
НС — Нумизматический сборник. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОИМ — Окръжен исторически музей. Толбухин
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН СССР
РИБ — Русская историческая библиотека
СГУФИФ – Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет
СОГУ – Северо-Осетинский гос. университет им. К. Л. Хетагурова
ТОИПК – Труды отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ЦГВИА – Центральный гос. военно-исторический архив СССР. Москва
ЦНРМ — Центральные научно-реставрационные мастерские. Москва
AAH — Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest
BEFEO – Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient
CRAI – Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptesrendus. Paris
ESA – Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
MAVA – Materialien zur Allgemeineu und Vergleichenden Archäologie
MDAFA — Méoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
SCIV(A) — Studii şi cercetări de istorie veche (şi archeologie). Bucureşti
SMYA — Suomen muinaismuisto yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki
URA — Union des Recherches Archéologiques

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.07.87 Подписано к печати 02.09.87 А—05657 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Усл. кр.-отт. 104,9 тыс. Уч.-изд. л. 32,0. Бул. л. 10,0
Тираж 3722 экз. Зак. 669

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6